ДЭН СЯОПИН

Александр Панцов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр Панцов, известный китаевед, доктор исторических наук, профессор, автор нашумевшей биографии Мао Цзэдуна, представляет свою новую книгу — о преемнике «великого кормчего» — выдающемся реформаторе Китая Дэн Сяопине (1904–1997). На сегодняшний день это наиболее полное жизнеописание одного из крупнейших мировых лидеров второй половины XX века. Загадочная фигура творца «китайского экономического чуда», на практике доказавшего жизнеспособность «социализма с китайской спецификой», вот уже несколько десятилетий волнует умы на всех континентах; интригует общественность и сам феномен китайского коммунизма. Книга, основанная на ранее недоступных материалах из архивов России, Китая, США, в том числе хранилищ ЦК КПК и ЦК КПСС, написанная в живой и образной повествовательной манере, с экскурсами в историю и мифологию Поднебесной, несомненно, заинтересует как политиков, экономистов, историков, так и самый широкий круг читателей.

- Александр Панцов
  - ПРОЛОГ
  - Часть первая
    - РОЖДЕННЫЙ В ГОД ДРАКОНА
    - ТЕРРА ИНКОГНИТА
    - УРОКИ БОЛЬШЕВИЗМА
    - ОТ СИАНИ ДО ШАНХАЯ
  - Часть вторая
    - ГУАНСИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
    - «ДУХ ПЯТИ БЕССТРАШИЙ»
    - ХОЗЯИН ТАЙХАНСКИХ ГОР
    - ГРОЗА НАД ЧЖУНШАНЕМ
  - Часть третья
    - ГЛАВА ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА
    - ПЕКИНСКИЙ ИППОДРОМ
    - КРИТИКА «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
    - «ГЛАВНАЯ РАСТУЩАЯ СИЛА»
  - Часть четвертая
    - БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ
    - «ЖЕЛТАЯ КОШКА, ЧЕРНЫЙ КОТ»
    - «КАППУТИСТ № 2»
    - АРЕСТ И ССЫЛКА

- Часть пятая
  - СХВАТКА С ЦЗЯН ЦИН
  - НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ
  - ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ
  - КАРДИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ
- Часть шестая
  - «ПУСТЬ СНАЧАЛА ЗАЖИТОЧНОЙ СТАНЕТ ЧАСТЬ СЕМЕЙ»
  - ОДНА СТРАНА, ДВЕ СИСТЕМЫ
  - РЕФОРМЫ И ДЕМОКРАТИЯ
  - ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПЕНСИОНЕР
- ЭПИЛОГ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЭН СЯОПИНА
- ПРИМЕЧАНИЯ
  - Пролог
  - ЧАСТЬ I
  - ЧАСТЬ II
  - ЧАСТЬ III
  - ЧАСТЬ IV
  - ЧАСТЬ V
  - ЧАСТЬ VI
  - Эпилог
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

Александр Панцов
ДЭН СЯОПИН

Памяти моих родителей, Вадима Георгиевича Эренбурга (1924–1979) и Нины Степановны Панцовой (1929–2011), с любовью посвящаю

ПРОЛОГ

Летом 1989 года все мировые телеканалы крутили кадры, на которых перед колонной танков, двигавшихся вдоль пекинского проспекта Чанъаньцзе недалеко от площади Тяньаньмэнь, одиноко топтался юноша с продовольственными сумками в руках. Делал несколько шагов то влево, то вправо, преграждая дорогу мощным машинам, и его нелепые сумки беззащитно болтались в воздухе.

Эти кадры были сняты 5 июня, после того как китайское руководство во главе с харизматичным лидером Дэн Сяопином стало наводить «порядок» в столице с помощью армии. Продолжавшиеся с середины апреля демонстрации студентов и других горожан, требовавших демократии, гражданских свобод и пресечения коррупции, угрожали всевластию бюрократии. Либеральное движение охватило не только Пекин, но и многие другие крупные города. Взбунтовавшаяся молодежь не желала расходиться по домам, и вождям нации пришлось делать выбор: применять власть или идти на уступки. И они его сделали, обагрив кровью ведущие к Тяньаньмэнь улицы.

Вероятно, молодые бунтари думали, что «слабое одолеет сильное», но в июне 1989-го эта старая идея Лаоцзы[1][1] оказалась нежизнеспособной. Тоталитарный режим раздавил оппозицию, обвинив ее в попытке контрреволюционного мятежа. И тогда в знак протеста, символичного и отчаянного, те, кто выжил, стали усеивать улицы китайских городов бутылочными осколками. Дело в том, что имя Дэна — Сяопин (Маленький и простой) — при ином написании иероглифа *«пин»* переводится как «маленькая бутылка».

Заключительный всплеск протестных эмоций был, однако, кратковременным. Жизнь взяла свое. Тех, кого расстреляли или задавили танками, похоронили, отсидевших сроки — выпустили. Уцелевшие бунтари вернулись в аудитории, окончили вузы и стали работать. И теперь, через двадцать с лишним лет, молодежь Китая уже мало знает о том, что произошло тогда в районе площади Тяньаньмэнь. Говорить о бойне не принято, да и опасно. И зачем ворошить прошлое? Ведь Китай сейчас развивается бурными темпами, потребительский рынок переполняют товары, и модернизация огромной страны, похоже, близка к завершению. Так что большинство китайцев верят в будущее. Тридцать лет реформ в экономике, за которыми стоит тот же Дэн — архитектор, инициатор и проводник рыночного социализма, — привели к тому, что весь мир стал говорить о «китайском чуде».

Так, может быть, китайский лидер был прав, подавив либералов? Ведь, в конце концов, Китай — не Швейцария, и за тысячи лет деспотизма население Поднебесной, видно, свыклось с всевластием руководства.

Возможно и так. Хотя тот же Лаоцзы почему-то полагал, что и в Китае «власть достигает величайшего могущества» только тогда, когда народ перед ней «не трепещет»[2]. А Конфуций говорил: «Благородный муж стремится к единству через разномыслие, но не стремится к единству через послушание. Маленький человек стремится к единству через послушание, но не стремится к единству через разномыслие». И еще: «Нападать на инакомыслие — губительно… Когда не воспитывают, а казнят, — это называется жестокостью»[3].

Так, значит, Китай мог достичь таких же высот в экономике, не обагри его руководство столичные улицы кровью собственной молодежи?

Ответы на эти вопросы до сих пор неоднозначны. Ведь они лежат не только в китайской истории последних лет, но и связаны с нашим пониманием того пути, который прошел Китай в XX веке, — трудном, извилистом и драматичном: от полуколонии Запада до мировой державы, от архаичной монархии до социалистической республики. Связаны они, разумеется, и с нашей оценкой личности главного китайского реформатора — Дэн Сяопина. Что это был за человек? Как пришел к власти? Какую роль сыграл в революции и строительстве социализма? В чем истоки и суть его необычных реформ, превративших Китай в симбиоз социализма и капитализма?

Люди, знавшие Дэна, в том числе крупные мировые политики, относились к нему по-разному, хотя всегда отдавали должное его уникальным способностям. И Хрущев, и Горбачев, и Форд, и Картер, и Тэтчер, и Коль, и Рейган, и Буш. Даже Мао Цзэдун, капризный и подозрительный, дважды гнавший Дэна из Политбюро, все равно ценил его, а потому никому не давал растоптать даже в страшные годы «культурной революции» (1966–1976).

В чем же феномен этого человека? Революционера, прожившего долгую жизнь — от начала прошлого века до его конца, ставшего свидетелем и активным участником мириад событий и китайской, и мировой истории, выдвинувшегося в первый ряд вождей китайской компартии еще при Председателе Мао и сумевшего затем обыграть всех наследников «великого кормчего». Не в том ли, что пройдя долгий и тяжкий путь познания, он не только сам вырвался из тисков маоистской социально-экономической утопии, но и помог прозреть всему

народу, а сделав это, не пожелал идти дальше, отказавшись передать руководство государством всему обществу?

Ну что же, в конце концов, он был человеком своего времени. И совершил только то, что, вероятно, и мог совершить. Полностью преодолеть тоталитарное мировоззрение ему было не под силу. Он призван был стать реформатором китайского социализма, а не его могильщиком.

Именно раскрытию этого феномена и посвящена настоящая книга. Она основана на тайных архивах китайской компартии, КПСС и международного коммунистического движения, в том числе на документах из личных досье Дэн Сяопина и членов его семьи, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) в Москве. Важное значение имели и документальные источники из других коллекций, ставшие доступными благодаря усилиям прежде всего китайских историков, а также их российских, американских и западноевропейских коллег: тексты речей, статей, писем и телеграмм Дэн Сяопина, других китайских руководителей, стенограммы заседаний высших органов КПК, КНР и КПСС, документы правительства США и других стран, протоколы бесед Дэна с мировыми лидерами на высшем уровне. Не меньшую роль играли многочисленные воспоминания лиц, знавших Дэна в быту и на работе: его жены, дочерей, сыновей, брата и сестер, сослуживцев, секретаря, телохранителя и прочих членов его окружения. Уникальный материал был собран и в ходе многократных поездок автора этой книги в Китай, на родину Дэна — в провинцию Сычуань, как и в другие, связанные с его жизнью, места.

***

В подготовке книги к печати мне помогли многие люди. Среди них: Кирилл Михайлович Андерсон, Николай Сергеевич Аринчев, Дарья Александровна Аринчева (Спичак), Денви Бауман, Екатерина Борисовна Богословская, Сяо Цзин Ван — внук Ван Цзэкая, Ван Фуцзэн, Ван Цзяньцзюнь — секретарь комитета КПК города Гуанъани провинции Сычуань, Эзра Ф. Вогель, Вэй Цзиншэн, Владислав Мартинович Зубок, Тамара Ивановна Илларионова, Любовь Спиридоновна Калюжная, Людмила Константиновна Карлова, Михаил Владимирович Карпов, Елизавета Павловна Кишкина — вдова Ли Лисаня, Борис Иосифович Коваль, Людмила Михайловна Кошелева, Мэделин и

Стивен Левины, Инна Ли — дочь Ли Лисаня, Ли Даньхуэй, Ли Юйчжэнь, Линь Ин, Линь Линхэн (Доудоу) — дочь Линь Бяо, Лю Вэй — секретарша дочери Дэн Сяопина Дэн Жун (Маомао) и невестка секретаря Дэна Ван Жуйлиня, Даймон Лю, Уильям Маггинис, Нина Степановна Панцова, Светлана Марковна Розенталь, Ирина Николаевна Сотникова, Юрий Тихонович Туточкин, Цзы Чжунъюнь — переводчица Дэн Сяопина, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, Георгий Иосифович Чернявский, Чэнь Юнфа, Валерий Николаевич Шепелев, Шэнь Чжихуа, Валентина Николаевна Щетилина, Ричард Эшбрук, Юй Миньлин, а также многие граждане Китайской Народной Республики, поделившиеся со мною воспоминаниями о жизни при Дэн Сяопине, но пожелавшие остаться неизвестными.

Всем им я выражаю искреннюю благодарность.

Часть первая

«ОБОГНАВШИЙ МУДРЕЦА»

РОЖДЕННЫЙ В ГОД ДРАКОНА

Серый туристический автобус останавливается на маленькой площади, и энергичная девушка-экскурсовод объявляет: «Дэн Сяопин тунчжи гули! Даола!» («Место рождения товарища Дэн Сяопина! Приехали!») После двух с половиной часов пути из Чунцина, крупного муниципального центра китайского Юго-Запада, очень хочется подышать свежим воздухом. Тем более что за окном зеленеет и колышется стройный бамбук, топорщатся разлапистые банановые пальмы, а вдоль узкой дороги, уходящей в раскинувшийся неподалеку парковый комплекс, высятся мощные ряды вечнозеленых дубов, магнолий и кленов. Когда-то здесь находилась деревня Пайфан волости Сесин административного округа Гуанъань провинции Сычуань, но несколько лет назад, готовясь к празднованию столетия Дэн Сяопина, местные власти по приказу из центра снесли ее, оставив во вновь разбитом парке только дом покойного руководителя. Земляков же Дэна переселили за два километра отсюда — в фешенебельный коттеджный поселок, получивший название «Новая деревня Пайфан».

Прохлада автобуса сменяется обволакивающей жарой улицы. Середина лета — не лучшее время для путешествия по китайскому Юго-Западу; столбик термометра зашкаливает за 30 градусов. К тому же невыносимо душно: влажность почти стопроцентная, так что об освежающем воздухе остается только мечтать. Быстро проходим через красно-белые ворота в парк, но и там нет спасения. К счастью, у входа стоят электрокары с длинными прицепами-вагончиками, и мы, погрузившись в них, едем по выложенной цементной плиткой дорожке в манящую глубь зеленых насаждений. Легкий ветерок начинает приятно обдувать лицо, но уже через пять минут поездка заканчивается. Выбираемся из вагончиков и идем к одноэтажной усадьбе под изогнутой черепичной крышей, выстроенной на невысоком холме в традиционной китайской манере «саньхэюань», с квадратным внутренним двориком и расположенными по трем его сторонам постройками. Это и есть дом клана Дэнов. Довольно большой — более 800 квадратных метров. Прямо перед ним — красивый пруд с лилиями и лотосами, а сразу за главным корпусом — бамбуковая роща, в тени которой находится круглый низкий колодец с чистейшей водой. «Старое подворье семейства Дэнов» — так называют это поместье окрестные жители.

Войдя в дом, ощущаешь наконец долгожданную прохладу. Кирпичная усадьба из семнадцати комнат спасает от жары лучше

любого кондиционированного отеля. Но активная девушка-экскурсовод не дает расслабиться: войдя в левое крыло дома и свернув направо, она быстро ведет нас в четвертую комнату, где в правом углу возвышается массивная кровать из лакового дерева. Темно-красное ложе с высоким, под потолок, балдахином, украшенным тончайшей резьбой, стоит на толстых ножках. Оно устлано простой циновкой, сплетенной из бамбуковых нитей. «Господа! — торжественно произносит девушка. — Здесь, на этой кровати, родился товарищ Дэн Сяопин!»

Невольно испытываешь волнение, хотя знаешь точно: девушка кривит душой, настоящая кровать родителей Дэна не сохранилась. После прихода к власти в 1949 году компартии, одним из руководителей которой уже тогда был сам Дэн, все вещи из его богатой семьи раздали крестьянам[1]. Будущий великий реформатор не возражал: что толку жалеть об утраченной семейной мебели, если в руках оказался весь Китай!

«Неувязка» с кроватью не может ослабить общего впечатления. Ведь сама-то усадьба сохранилась: стены, крыша, пруд, колодец — всё выглядит так, как и почти 110 лет назад, в двенадцатый день седьмого месяца года Дракона по лунному календарю, когда «старое подворье семейства Дэнов» огласил пронзительный крик новорожденного.

Был ли слышен этот крик в окружавших усадьбу террасированных рисовых полях или в бамбуковой роще, мы не знаем, но то, что отец и мать не могли скрыть радости, не вызывает сомнения. У них уже была дочь, но им, как и всем китайцам, страстно хотелось сына. Ведь девочка, повзрослев, должна была выйти замуж, то есть покинуть семью, к тому же за ней следовало давать богатое приданое. А сын оставался в доме — наследником и продолжателем рода, в обязанности которого входило заботиться о родителях в старости, а после их кончины успокаивать души умерших, регулярно совершая на их могилах положенные по традиции обряды.

По официальному династийному летоисчислению, принятому в то время в Китае, год Дракона в начале прошлого века приходился на тридцатый год эры Гуансюй (Светлое начало) маньчжурской династии Цин, правившей Прднебесной с 1644 года. В 1875 году эту эру провозгласила вдовствующая императрица Ехэнара, известная под придворным титулом Цыси (Милосердная и ниспосылающая счастье). Сделала она это от имени своего племянника (сына сестры) четырехлетнего императора Цзайтяня, только что посаженного ею на трон. Эры правления *(няньхао)* в качестве официальных династийных летоисчислений использовались в Китае с 140 года до н. э. Такой

порядок ввел владыка Уди (Воинственный император), величайший правитель династии Хань.

По григорианскому календарю прибавление в семействе Дэнов случилось 22 августа 1904 года. Обуреваемый счастьем отец дал сыну громкое имя — Сяньшэн (Обогнавший мудреца). Догадывался ли он, что поступает нескромно, неизвестно. Скорее всего нет, хотя и должен был. Ведь Мудрецом в Китае именовали великого Конфуция, жившего в VI–V веках до н. э., так что объявлять на весь свет, что младенец Дэн умнее Учителя, политическая философия и этические принципы которого составляли основу всей китайской идеологии, было в высшей степени неосмотрительно. Отец Дэна, правда, не мог не посоветоваться с местным даосом-гадателем, так что вину за выбор «нескромного» имени следует отнести и на счет последнего.

В какой-то степени отца Дэна оправдывает то, что по традиции имя сына должно было отвечать требованиям генеалогической хроники клана, к которому относились все Дэны, жившие в волости, ныне носящей название Сесин (в то время — волость Ванси). Человек в старом Китае не принадлежал себе: он составлял часть единого целого — большой группы близких и дальних родственников, ведших происхождение от какого-либо общего предка. Во всех кланах летописцы год за годом вели записи рождений и смертей родичей, а также фиксировали другие события, связанные с деятельностью своих патронимий. В каждой хронике за очередным поколением мужчин изначально закреплялся свой иероглиф, который следовало использовать в именах. Сами имена составлялись из двух иероглифов, но одному из них надлежало быть родовым. На поколение Дэна (оно было девятнадцатым по счету в роду) приходился иероглиф «сянь» (обгонять, быть впереди), так что у отца выбор в общем-то был ограниченным. Конечно, ставить после иероглифа «сянь» иероглиф «шэн» (мудрец, святой человек) не следовало, но отец Дэна был необычным человеком, который, как говорят в Китае, «не боялся гладить тигра».

Его родовое имя было Дэн Шаочан (Дэн Продолжающий процветать), но все в деревне величали его Дэн Вэньмин (Дэн Цивилизованный). Он родился в 1886 году, став единственным наследником трех представителей клана (у двух его дядюшек не было сыновей). Дэн Сяопин в партийных анкетах скромно называет отца «мелким землевладельцем» *(сяо дичжу)*[2], а иногда даже «середняком» *(чжуннун)*[2]; дочь Дэна, Маомао, отмечает, что ее дед нанимал всего «пару батраков для возделывания [земли] и посадок», а младший брат Дэн Сяопина, Дэн Кэнь (он же Дэн

Сяньсю), вспоминает, что у отца было «всего 40 *му* [1 *му* равняется шести с половиной соткам] земли»[3]. Иными словами, два с половиной гектара.

Вряд ли это, однако, соответствовало действительности. В 1967 году хунвэйбины (красные охранники Мао), проводившие расследование «преступной деятельности» Дэн Сяопина, ставшего неугодным «великому кормчему», установили, что «собака Дэн Вэньмин… владел землей, позволявшей ему получать свыше 26 тысяч цзиней [1 *цзинь* равняется 596 граммам] зерна» и «нанимал батраков-поденщиков, а также держал батраков, работавших длительный срок»[4]. Для того чтобы собирать 26 тысяч *цзиней* (то есть 13 тонн) зерна в год, Дэн Вэньмину требовалось по меньшей мере восемь гектаров земли (то есть более 130 *му).* Иными словами, мелким землевладельцем отца Дэна назвать было нельзя: в период революции коммунисты относили к разряду средних *дичжу* уже тех, кто владел 50 *му,* а бедняки и пауперы в ряде мест даже назвали таких богачей *тухао* — «мироеды».

Было ли у Дэн Вэньмина на самом деле более 130 *му* земли или несколько меньше, сказать все же трудно. Ведь ненавидевшие Дэн Сяопина хунвэйбины могли не хуже дэновских родственников «навести тень на плетень». Скорее всего, как пишет один из биографов Дэна, «истина… лежит посередине»[5]: крупным землевладельцем-дичжу Дэн Вэньмин был, но мироедом — нет.

Для своего времени отец Дэна являлся человеком весьма прогрессивным. К тому же неплохо образованным. Он не только учился в местной начальной школе старого типа, где зубрил китайскую классику — книгу изречений Конфуция «Лунь юй» («Суждения и беседы») и другие древние каноны, но и в современном Училище юридических и политических наук города Чэнду, столицы провинции Сычуань[6]. Здесь он приобщился к националистическим идеям и стал всей душой сочувствовать реформаторам (знаменитым в те времена публицистам Кан Ювэю и Лян Цичао), пытавшимся в конце XIX века с помощью молодого императора Гуансюя перестроить политическую систему архаичной цинской монархии, но поставленным консервативной императрицей Цыси вне закона.

Окончив училище и вернувшись на родину, Дэн Вэньмин стал преподавать в волостной школе, которую сам же и основал на паях с зажиточными соседями, заниматься земледелием и ремеслом, а также политикой. Под влиянием друзей он вступил в тайную ассоциацию Паогэ (Старшие братья в халатах), сычуаньское отделение общенациональной организации Гэлаохуэй (Общество старших братьев), ставившую перед собой благородную цель свержения чужеземной маньчжурской

династии Цин и восстановления поверженной китайской династии Мин. В волостном отделении Паогэ он вначале занимал некую должность «третьего отца», но спустя несколько лет стал «старшим отцом, хранителем знамени», то есть по существу возглавил организацию.

Увлечение политикой было характерной чертой многих представителей клана Дэнов. Большинство из них принадлежало к классу *шэнши* (сельской интеллигенции). Некоторые занимали ответственные посты в волостной, уездной и даже провинциальной администрациях. Сам основатель рода, почтенный Дэн Хаосюань, уроженец уезда Лулин (западная часть провинции Цзянси), служил в военном ведомстве, когда в 1380 году, следуя приказу основателя династии Мин, Чжу Юаньчжана, вместе с императорскими войсками прибыл в Сычуань. Здесь он женился на девушке из деревни Яопин тогдашней волости Гуанъань, после чего осел в этих местах.

Таких, как он, переселенцев было в те годы немало: воцарению в 1368 году династии Мин предшествовали эпидемия чумы и война с монголами, правившими Китаем с 70-х годов XIII века, в результате чего многие районы, особенно в верхнем течении реки Янцзы, обезлюдели, а потому император стал поощрять эмиграцию из более населенных мест в менее[7].

Среди потомков Дэн Хаосюаня насчитывалось немало обладателей ученых степеней. Кто-то сдал экзамены на уровне уезда и стал *сюцаем* (буквально: расцветший талант), кто-то — провинции (им присудили степень *цзюйжэнь* — выдвиженец), а трое — даже при дворах императоров. Эти последние получили высшую степень — *цзиньши* (продвинутый ученый), позволившую им сделать головокружительные карьеры. Особенно прославился некто Дэн Шиминь, ставший во время цинского императора Цяньлуна (1735–1796) членом знаменитой Академии Ханьлинь, культурного центра страны, а также главным сановником Мраморной палаты (Верховного суда) и наставником наследника престола принца Цзяцина. После смерти Дэн Шиминя благодарные потомки возвели перед входом в деревню Яопин мемориальную арку («пайфан»), давшую вскоре новое название всей деревне. (Разумеется, Пайфаном Яопин долгое время называли неофициально, но после падения цинской монархии в 1911 году ее на самом деле так наименовали.)

Так что тяга к знаниям и политической деятельности была у Дэн Вэньмина наследственной. Энергично протекала и его духовная жизнь. Уже в юности он стал горячим приверженцем религиозной секты Пяти сыновей (Уцзыцзяо), широко распространенной в северной Сычуани. Вероучение секты

представляло собой смесь гуманистических постулатов конфуцианства, буддизма и даосизма.

Остается только удивляться, как у него хватало времени заниматься семьей. А ведь он был женат с тринадцати лет. Сосватала его мать, только что овдовевшая[3] (ее все в деревне звали почтенная Дай[4]), — за его ровесницу из рода Чжанов. Имени девушка не имела: в старом Китае девочкам не всегда давали имена. По мнению матери, возраст сына и невесты для брака был самый что ни на есть подходящий. Тогда все в Китае женили детей очень рано: будущего вождя китайской компартии Мао Цзэдуна, например, сосватали в 14 лет[8]. К сожалению, когда молодая достигла соответствующего возраста, оказалось, что она бесплодна, и ни мольбы несчастной к Богине милосердия, Бодхисаттве Гуаньинь, считавшейся покровительницей женщин и чадородия, ни переговоры с шаманками ничего не дали. В итоге, спустя два года, Дэн Вэньмин вынужден был привести в дом еще одну девушку. По закону до смерти официальной жены она считалась наложницей. Происходила она из богатого рода Даней, но, как и жена Дэн Вэньмина из рода Чжанов, не имела имени. Родилась она в той же волости, что и Дэн Вэньмин, но в 1884 году, то есть была на два года старше мужа. Грамоты не знала и политикой не интересовалась, но этого Дэн Вэньмину от нее и не требовалось. Он хотел от девицы Дань одного: помочь ему продолжить род, а потому лаковая массивная кровать, привезенная в его дом новой супругой в качестве приданого, была им немедленно опробована. И через девять месяцев, в 1902 году, у них с Дань родился первый ребенок, дочка. Вольнодумный отец вразрез всем традициям дал ей имя в соответствии с генеологической хроникой клана — Сяньле (Обогнавшая героя), уравняв таким образом в правах с представителями мужского пола.

Но все же ему нужен был сын. И вот он появился! «Круглая мордашка, широкий лоб, как бы размытые брови, белая кожа, небольшие глаза и передающийся в роду Дэн[ов] закругленный кончик носа»[9]. Для отца и матери он был самым красивым ребенком на свете. «Сяньва! [Чудный мальчик!]» — воскликнула мать, прижав его к себе. А отец и другие домочадцы начали неистово стучать в гонги и бить посуду, чтобы отогнать злых духов. Повитуха же, принимавшая роды, с той же целью положила по бокам роженицы буддийские сутры и конфуцианские каноны. После этого отец зажег факел, и двое мужчин из батраков, подхватив не успевшую оправиться молодую мать, перенесли ее через огонь, дабы очистить. Вслед за тем перед алтарем предков зажгли благовонные свечи, вставленные в наполненные рисовым

зерном плошки, и послали гонца в семейство Даней. Он должен был передать родителям роженицы петуха, возвестив тем самым о рождении мальчика.

На третий день пригласили родственников и только тогда искупали младенца. Каждый из гостей положил в кипяченую воду, налитую в медный таз, служивший купелью, по одному сваренному вкрутую яйцу белого или красного цвета. Красное яйцо означало, что гость желает новорожденному безграничного счастья (слова «красный» и «безграничный» на китайском языке звучат одинаково — «хун»), а белое — долголетия (то есть дожить до седых волос). Помимо этого в таз опустили неочищенные луковицы и имбирь, символизировавшие «ум» и «здоровье», а также монеты и украшения, которые вместе с яйцами и рисом из плошек перед алтарем после купания отдали повитухе за труды.

В тот же день младенца, которому проведенные в утробе девять месяцев засчитывались за первый год жизни, начали сватать. «Когда родится мальчик, то желают, чтобы для него была жена, а когда родится девочка, то желают, чтобы для нее был муж. Это родительское чувство есть у всех людей», — говорил великий конфуцианец Мэнцзы, живший в IV–III веках до н. э. и почитавшийся в Китае почти наравне с Конфуцием[10]. Родственники и знакомые наперебой предлагали невест из новорожденных, как и сын Вэньмина, или немного старше. Составили список и с помощью местного геоманта стали сравнивать гороскопы жениха и невест. Долго спорили и в конце концов выбрали девочку из богатого рода Танов[11]. Именно ее гороскоп оказался наиболее подходящим. В дом невесты заслали свах, и через какое-то время дело было решено: дома Дэнов и Танов породнились, передав друг другу подарки и брачные обязательства, написанные на украшенных изображениями драконов и фениксов красных листах. На всякий случай, правда, Дэн Вэньмин положил обязательство дома Танов перед алтарем предков и в течение трех дней ждал, не произойдет ли какой неприятности. Если бы в доме случилась ссора или кто-то разбил посуду, стало бы ясно, что суженая сына принесла беду. В таком случае обязательство следовало тут же вернуть. К счастью, ничего не произошло, и невеста стала считаться членом семейства Дэнов, хотя по малолетству и продолжала жить в доме своих родителей до того момента, пока геомант, по достижении брачного возраста помолвленных, не определит благоприятный день их свадьбы.

Всего этого требовали традиция и социальный статус клана Дэнов, а даже такой просвещенный муж, как Дэн Вэньмин, не всегда мог выйти за строгие рамки средневековой морали. «В

моей памяти отец остался человеком старого общества, хотя и не лишенным прогрессивных взглядов», — вспоминает брат Дэн Сяопина[12].

Тисками традиций была скована и мать семейства, урожденная Дань. К моменту рождения первого сына она уже стала официальной женой Дэн Вэньмина (несчастная Чжан умерла). Работящая и чадолюбивая, она славилась своей рассудительностью, экономностью и умением готовить вкусные сычуаньские блюда. Особенно удавалась ей маринованная капуста, сдобренная, как и вся еда в Сычуани, большим количеством острого красного перца. Это блюдо, называемое «сычуань паоцай» («острая сычуаньская капуста»), на всю жизнь останется любимым кушаньем ее обожаемого сына, который, как и все сычуаньцы, не мог есть пресную пищу. Помимо домашних дел мама Дань занималась и разведением шелковичных червей, продавая шелковое волокно на рынке. По воспоминаниям Дэн Сяопина, их семья владела большим количеством тутовых деревьев[13].

В отличие от Мао Цзэдуна, чрезвычайно страдавшего в детстве от тирана-отца, притеснявшего и жену, и детей[14], маленький Дэн рос в любви и заботе[15]. Дом его родителей был полной чашей, окружающие поля и тутовые деревья приносили стабильный доход, на столе не переводились рис, мясо и овощи, а в сундуках хранилось немало красивой одежды[16]. Дэны выращивали свиней, коров и буйволов, перед домом в пруду плавали утки, по двору гуляли куры и гуси. Последние охраняли усадьбу, делая это лучше любых собак. Едва завидев незнакомцев, они грозно шипели, шумно махая крыльями[17].

Из бамбука, росшего повсюду, домочадцы и батраки выделывали все, что требовалось в хозяйстве: мебель, матрацы, подушки, веревку и пр. Свежие бамбуковые ростки, перченые и маринованные, использовали в пищу, а из бамбуковых листьев варили чай. Сычуань и сейчас можно назвать «бамбуковым раем», а в начале прошлого века бамбук здесь был просто незаменимым растением и ценным товаром[18]. Так что бамбуковые рощи, принадлежавшие семейству Дэнов, приносили ему не меньший доход, чем рис или шелкопряды.

Словом, Вэньмин не дрожал над каждой монетой. Да, он был строгим, но сына не обижал, в жене же ценил нравственную основу, следуя одному из учеников Конфуция, сказавшему: «Если кто-то в отношениях с женой ценит ее моральные качества… я непременно назову его образованным»[19]. Ведь будучи человеком религиозным, отец Дэн Сяопина во главу угла ставил заботу о благе семьи: именно этого и требовало от него вероучение Пяти

сыновей.

Он не скупился тратить деньги на сына. Едва малышу исполнилось пять лет, как он отдал его в частную начальную школу старого типа в родной деревне. В ходе императорской реформы образования, проходившей в 1901–1909 годах, такие школы повсеместно ликвидировались, но в Пайфане она сохранилась и располагалась недалеко от дома Дэнов — всего за два *ли*[5], в бывшей усадьбе академика Дэн Шиминя, которую все называли «подворьем Ханьлинь» (по аналогии с известной академией). Преподавал там родственник Дэн Вэньмина, обладатель первой ученой степени *сюцая* Дэн Цзюньдэ, который когда-то пытался получить вторую ученую степень *цзюйжэнь,* но провалился на государственных экзаменах, а потому постоянно возмущался существующими нравами, восхваляя порядки прославленной китайской династии Тан (618–907).

Дэн Цзюньдэ учил детей азам конфуцианства и грамоте, был требовательным и строгим. Часто бил учеников деревянной палкой, а особо провинившихся заставлял часами стоять на коленях перед изображением Конфуция. Ему не нравилось, как звали маленького Дэна, и он посоветовал его отцу сменить амбициозное «Сяньшэн» на скромное «Сисянь» (Надеющийся стать добродетельным)[20]. Папаша Вэньмин нехотя согласился, и Дэн получил новое имя, которое будет носить вплоть до лета 1927 года, после чего изменит его на еще более неброское Сяопин (то есть Маленький и простой). Но уже не из-за почтения к Конфуцию, а следуя правилам революционной конспирации: летом 1927 года компартия, членом которой Дэн к тому времени станет, перейдет к подпольной борьбе, и молодому революционеру придется выбирать себе псевдоним. Вот он и возьмет самое неприметное имя, широко распространенное среди народа[21].

Пока же он продолжал учиться и через год[22], в 1910-м, поступил в начальную школу «Бэйшань» («Северные холмы») волости Ванси, ту самую, которую основал его отец. Это было новое учебное заведение, только что открывшееся. Находилось оно уже за четыре ли от дома, но Дэн ходил туда и обратно каждый день. Иногда — с отцом, который вел там занятия и содержал напротив школы небольшой чайный домик[23].

В этой школе преподавали не только классику, но и знакомили учеников, объединенных в четыре класса, с основами математики и литературного китайского языка. Последний преподавал старый учитель Дэна *сюцай* Дэн Цзюньдэ. Конечно, классика оставалась главным предметом, поэтому вместе с однокашниками маленький Дэн, сидевший на второй парте в

левом ряду, изо дня в день повторял за учителем мало понятные еще ему отрывки из «Лунь юя», «Мэнцзы», «Да сюэ» («Великое учение») и «Чжун юн» («Учение о срединном и неизменном пути»), а также из антологии китайской литературы «Гувэнь гуаньчжи» («Обзор древних текстов»), пытаясь их заучить наизусть. Таков был преимущественный метод образования даже в школах нового типа. Но, судя по всему, Дэн не очень старался: морально-этические заповеди древнекитайской философии не находили отклика в его душе точно так же, как и в душах многих других будущих революционеров Китая, в том числе молодого Мао Цзэдуна[24]. Гуманистическое морализирование конфуцианцев, считавших, что люди должны «безгранично любить» друг друга[25], казалось всем им абстрактным и безжизненным. Не случайно Дэн через несколько лет, приехав учиться в Москву, в автобиографии, написанной для учебного отдела Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, зачем-то цитируя одну из знаменитых фраз Мэнцзы («Из трех видов [сыновьей] непочтительности неимение потомства самая большая»[26]), приписал ее Конфуцию[27]. Ошибка, непростительная образованному китайцу!

Годы его учебы в Ванси (1910–1915) совпали с бурными событиями в Китае. В стране давно назревала антимонархическая революция, и попытки маньчжуров подлатать старую отжившую систему абсолютизма проваливались одна за другой. После смерти императора Гуансюя и вдовствующей императрицы Цыси (они скончались почти одновременно в середине ноября 1908 года) новые хозяева страны (великий князь Чунь, назначенный регентом, и его дядя, великий князь Цин), ставшие править от имени малолетнего императора Пу И, активизировали реформы. Они даже пообещали ввести конституцию, но события их обгоняли. Антиманьчжурские организации (Объединенный союз, возглавлявшийся известным демократом Сунь Ятсеном, Общество изучения самоуправления масс, Союз всеобщего прогресса и др.) поднимали восстания то в одном городе, то в другом. Постепенно набиравшая силу национальная буржуазия выражала недовольство экономической политикой правительства, направленной на защиту олигархических верхов. Все больше подданных осуждали Цинов и за попустительство иностранцам, которые силой навязывали одряхлевшему средневековому режиму неравноправные договоры, получая права контролировать таможни Китая, арендовывать части его территории, создавать в открытых для них портах свои поселения (сеттльменты), пользоваться консульской юрисдикцией, то есть быть неподсудными китайским судам, и не платить внутренние

торговые пошлины *(лицзинь),* которые китайские купцы, напротив, были обязаны выплачивать при пересечении границ провинций.

Каплей, переполнившей чашу народного недовольства, стало решение правительства в мае 1911 года национализировать (то есть по сути дела передать в руки бюрократического капитала) строительство так называемых Хугуанских железных дорог, которые должны были связать провинции Гуандун, Хубэй и Сычуань. Деньги, необходимые для национализации, Цины предполагали получить у иностранцев, подписав 20 мая договор о займе в шесть миллионов фунтов стерлингов с четырьмя зарубежными банковскими корпорациями. В качестве компенсации этим корпорациям передавался подряд на постройку самих дорог. В результате множество мелких китайских вкладчиков, вложивших деньги в строительство, прогорели. В ответ в Сычуани и других южных провинциях началось широкое патриотическое движение. Повсеместно стали создаваться ассоциации по защите железных дорог, в которые вступили тысячи людей. В Сычуани во главе движения встал известный либерал Пу Тяньцзюнь. Протестующие писали петиции правительству, бойкотировали иностранные товары, проводили митинги и забастовки. Губернатор провинции Чжао Эрфэн бросил против них войска, что привело в начале сентября 1911 года к кровопролитию. После этого сычуаньское отделение Объединенного союза подняло вооруженное восстание[28]. Очевидец рассказывает: «Общества защиты прав народа на железные дороги росли как грибы. Повсеместно ходили слухи о поимке Чжао Эрфэна… и Дуань Фана [министра по делам строительства железной дороги Чэнду — Ханькоу]. Кто-то говорил, что их казнили… В эти бурные дни мы, учащиеся, не могли больше зубрить древнюю классику с ее безжизненной лексикой. Почти все время мы обсуждали волновавшие нас события, а наш учитель делал вид, что не замечает этого»[29].

Автору этих воспоминаний, будущему боевому товарищу Дэн Сяопина — Не Жунчжэню, было в то время 12 лет и, конечно, его ощущения отличались от чувств семилетнего Дэна. Вряд ли Дэн даже знал о том, что творилось в городских и уездных центрах. Ни в Пайфане, ни в Ванси никто не восставал. Правда, его отец не мог усидеть на месте и, отправившись в уездный центр, принял участие в протестном движении. Как и многие образованные люди того времени, он пришел к выводу: «Раз это общество не имеет пристойного вида, пусть уж наступает революция!»[30] Очень скоро, однако, он вернулся домой и о начавшемся в провинции восстании ни с кем из домочадцев не говорил. Он вообще не

отличался словоохотливостью. Да и кто бы стал его слушать? Жена и дочь были аполитичными, а сын — малолетним. К тому же всем было не до того: в 1911 году мамаша Дань родила Вэньмину второго сына. Его назвали Сяньсю (Обогнавший ученого).

Но вскоре Пайфан и Ванси, как и всю страну, потрясла новость, которая не оставила в стороне никого. 10 октября 1911 года, после того как цинское правительство перебросило в Сычуань на подавление восстания часть войск из города Учана (провинция Хубэй, Центральный Китай), там в свою очередь произошел мятеж. На этот раз взбунтовались армейские части и к утру следующего дня овладели Учаном. Вслед за тем восстание покатилось по стране как снежный ком. В Китае началась настоящая революция и через месяц власть Цинов оказалась свергнута в пятнадцати из восемнадцати провинций империи. В Сычуани во главе правительства на какое-то время встал популярный вождь движения в защиту железных дорог Пу Тяньцзюнь. Однако вскоре он вынужден был уйти в отставку, власть перешла к военным и политическая жизнь в Сычуани начала резко милитаризироваться[31].

Между тем 29 декабря в Нанкине делегаты от восставших провинций провели заседание Национального собрания, на котором абсолютным большинством голосов избрали временным президентом вождя Объединенного союза Сунь Ятсена. 1 января 1912 года тот вступил в должность и провозгласил образование Китайской Республики.

Однако Цины не желали сдаваться и поручили подавить мятеж генералу Юань Шикаю, премьер-министру императорского правительства и командующему дислоцированной в Северном Китае Бэйянской армией. Антимонархисты стали готовиться к гражданской войне, начав повсеместное формирование частей своей Революционной армии. Их призыв к борьбе за свободу, разумеется, нашел горячий отклик и в сердце романтика Дэн Вэньмина. Он тут же записался в уездный революционный полк, где его, как образованного *шэньши,* назначили командиром батальона новобранцев.

Вскоре, однако, по телеграфу в Гуанъань, бывшую тогда уездным центром, пришло сообщение, что войны не будет. Сунь Ятсен потерял реальную власть. Многие делегаты Национального собрания, будучи консервативными, стремились к компромиссу с Юань Шикаем, и тот, наконец поняв это, решил сам стать президентом. В середине января 1912 года он вручил условия отречения шестилетнего императора Пу И вдовствующей императрице Лун Юй, вдове императора Гуансюя, и через месяц,

12 февраля, монархия пала. «Как я взошел, ничего не понимая, на престол, так через три года [и два с половиной месяца], ничего не понимая, я и отрекся от него», — писал впоследствии Пу И[32].

Все эти события, начиная с восстания 10 октября 1911 года в Учане и заканчивая отречением императора, по китайскому лунному календарю происходили в год Синьхай, поэтому сама революция стала называться в Китае Синьхайской. Через три дня Юань Шикай, поддержанный великими державами, сменил Сунь Ятсена на посту президента. Сунь, не имея собственных вооруженных сил, не смог противостоять честолюбивому генералу и, лишившись доверия Национального собрания, за день до того ушел в отставку.

Весной 1912 года отец Дэна вернулся домой. Но мятежный дух не давал ему успокоиться. С утра до ночи пропадал он на заседаниях местной группы Паогэ, а вскоре начальник уезда Гуанъань назначил его как «одного из наиболее активных революционеров» командиром уездного охранного отряда. После этого Дэн Вэньмин вступил в партию власти — так называемую Прогрессивную, а затем возглавил волостную администрацию.

Между тем в 1912 году его жена родила третьего сына — Сяньчжи (Обгоняющий правителя), а спустя год — вторую дочь, Сяньчжэнь (в данном случае возможный перевод — Самая большая драгоценность). Пятеро детей требовали, конечно, большого внимания и сил, но от отца семейства было мало толку. Его интересовала только политика, которая, к сожалению, не приносила ему ничего, кроме проблем. В 1915 или 1916 году, например, он во главе отряда проводил карательные операции против одного из уездных бандитов по фамилии Чжан. Поймать его он не смог, но врага себе нажил. И когда Чжан, замирившись с властями, получил должность командира дивизии, Дэн Вэньмину не оставалось ничего, кроме как спасаться бегством. Он бросил жену и детей и уехал в Чунцин, где находился четыре или пять лет.

Понятно, что за время его отсутствия благосостояние семьи не улучшилось. По воспоминаниям Дэн Сяопина, они с матерью в конце концов оказались на грани банкротства. То же самое говорит и младший брат Дэна, по словам которого, им все время приходилось одалживать деньги, чтобы свести концы с концами[33].

Справедливости ради следует, правда, сказать, что прежде чем пуститься в бега, папаша Вэньмин успел все же сделать два важных для семьи дела. Во-первых, выдал старшую дочь замуж за хорошего человека, сына богатого землевладельца из того самого рода Танов, с которым семейство Дэнов уже имело родственные связи[34]. А во-вторых, устроил старшего сына в начальную школу

высшей ступени в уездном центре Гуанъань. (В китайской начальной школе существовали три ступени: низшая, средняя и высшая. Проучившись в волостной школе пять лет, Дэн окончил первые две — низшую и среднюю.)

К тому времени (то есть к 1915 году), несмотря на юный возраст, Дэн уже определился в своих симпатиях и антипатиях. Как и молодого Мао Цзэдуна[35], его рано начали волновать героические идеи борьбы за свободу китайской нации. В те годы вообще молодые образованные китайцы взрослели быстро: большинство из них глубоко переживало униженное состояние отчизны. Несомненно, известия и слухи о революционных событиях в «большом мире», пример отца, а также уроки других учителей школы «Бэйшань», многие из которых, как и папаша Вэньмин, выражали весьма революционные настроения, оказали на подростка Дэна большое влияние. Особенно запомнились ему лекции Дэн Цзюньдэ, старого критикана-*сюцая,* преподававшего литературный язык. На занятиях тот часто отвлекался от темы, рассказывая ученикам об истории борьбы китайского народа против многочисленных агрессоров. Учитель восхищался полководцем Южносунской династии Юэ Фэем (1103–1142), храбро сражавшимся против иноземцев-чжурчжэней, и своим земляком из Чунцина, антимонархистом Цзоу Жуном (1885–1905), ставшим известным уже в семнадцатилетнем возрасте как автор боевой брошюры «Революционная армия», призывавшей не только к свержению маньчжуров, но и к установлению парламентского строя и введению конституции. Дэн был в восторге от патриотических рассказов учителя и даже выучил наизусть героическую поэму Юэ Фэя «Вся река окрашена в красный цвет»[6]:

От гнева дыбом волоса, встав, шлем пробили мой.
К ограде прислонился я, и дождь затих косой.
Тут к небу очи я возвел и крикнул что есть сил:
«Я ничего за тридцать лет, увы, не совершил!

Все восемь тысяч ли пути закрыли облака,
Мои заслуги — прах и пыль. На небе — лишь луна.
Так хватит мешкать! Поседев, мы будем сожалеть,
Что наша молодость прошла. Зачем же нам скорбеть?

Смыть „Униженье в год Цзинкан[7]“ пока мы не смогли,
Так сколько же еще рыдать о прошлом мы должны?
Нет, надо нам запрячь коней и сквозь Хэлань-пролом[8]
На колесницах боевых прорваться в вражий дом!

Там будем мы, гордясь собой, все время пировать
И мясом хулу будем мы свой голод утолять.
Кровь сюнну[9] выпьем всю до дна. Ну что ж, друзья, начнем!
Вернем утраченное мы, дань Небу принесем!»[36]

Под влиянием патриота-учителя маленький Дэн начинал постигать и азы современной политики. Вместе со сверстниками он возмущался президентом Юань Шикаем, 7 мая 1915 года принявшим бóльшую часть наглых требований Японии (так называемое «21 требование»), предъявленных Китаю в ультимативной форме. Эти требования открывали путь к превращению Срединного государства в японскую колонию. Великие державы, занятые войной в Европе, не могли тогда вмешаться в японо-китайские отношения, а потому волнение за судьбу страны переполняло сердца всех патриотически мысливших граждан.

Постепенно формировался и характер Дэна: от матери он унаследовал твердость и волю, а от отца — вспыльчивость (не случайно в компартии его будут звать «Перченый Наполеон» и «Маленькая пушка»). Вместе с тем был отходчивым. Рассказывают также, что уже в раннем детстве он обладал острым чувством справедливости. Так, однажды, желая помочь бедному однокласснику, он украл у отца пять юаней (для того времени большие деньги: на них можно было купить два с половиной центнера зерна). Когда же отец заметил пропажу и стал искать виновного, молча, но со слезами на глазах, протянул ему прут. Расспросив его, Дэн Вэньмин, однако, пришел к заключению, что, оказав помощь другу, тот поступил правильно. Он не стал его сечь и только поинтересовался, почему сын готов был безропотно снести наказание, на что маленький «преступник» ответил: «Вор всегда должен получать по заслугам. Так велит закон»[37].

В отношениях с одноклассниками Дэн никогда не стремился к лидерству, но обижать себя не позволял, хотя по сравнению со сверстниками всегда выглядел маленьким, и к юности, когда он прекратит расти, его рост составит чуть больше полутора метров.

Независимо и ровно держал он себя и в новой школе, в Гуанъани. От нее до деревни Пайфан — примерно полдня пешком (20 ли пути), так что видеться с родными Дэн мог теперь только раз в неделю. Остальное время жил в общежитии, в городе, расположенном на крутом берегу реки Цюйцзян.

Основанный примерно в VI веке до н. э. (тогда его называли

Гуцунчэн — Древний город народности цун[10]), Гуанъань получил свое современное название (Широкое, или, точнее, Полное спокойствие) во время Сунской династии после того, как в 969 году основатель новой империи, император Чжао Куаньин, разместил здесь войска, именовавшиеся «Гуанту аньцзи» («Успокоители широких земель»). В начале прошлого века город, окруженный крепостной стеной, мало чем отличался от средневекового. Узкие улочки, булыжные мостовые, патриархальная атмосфера. Знамением нового времени были только двухэтажная школа из серого кирпича европейской архитектуры, где учился Дэн (в ней преподавали арифметику, географию, историю, естественные науки, литературный китайский язык, музыку, живопись и физическую культуру), да католический храм, расположенный неподалеку. В нем служили французы: первые иностранцы, которых увидел Дэн. В городе также находились телеграф и почта, связывавшие его со всем миром.

Проучившись в школе до лета 1918 года, Дэн успешно окончил ее и, следуя распоряжению отца, по-прежнему находившегося в Чунцине, продолжил образование в среднем учебном заведении в той же Гуанъани. Отец явно хотел сделать из старшего сына большого чиновника, который прославил бы род Дэнов не меньше, чем знаменитый академик. В Гуанъаньской средней школе, однако, Дэн оставался всего год. Летом 1919-го отец сообщил ему, что в Чунцине открылась подготовительная школа для желающих поехать на учебу и работу во Францию. Отец считал, что сыну нельзя упускать такую возможность, а потому, бросив Гуанъань, Дэн срочно выехал в Чунцин. Вместе с ним отправились его двоюродный дядя Дэн Шаошэн, на три с половиной года старше его, и один из земляков и дальних родственников Ху Миндэ. Они тоже учились в Гуанъаньской средней школе, но перспектива поехать в Европу захватила их.

Идея учебы и работы китайской молодежи во Франции принадлежала двум анархистам — Ли Шицзэну и У Чжихуэю, получившим образование в этой стране. Они справедливо считали Французскую Республику одним из наиболее демократических и индустриально развитых государств мира и в 1912 году организовали так называемое Общество экономной учебы китайцев во Франции. Предполагалось, что китайские студенты будут сами себя обеспечивать, работая на французских предприятиях по принципу: «Год прилежной работы — два года экономной учебы». Смысл идеи заключался в том, чтобы воспользоваться преимуществами западной системы образования для воспитания «нового» человека — и рабочего, и интеллигента.

Только такой человек, по мысли китайских анархистов, мог возродить Китай[38].

Вскоре после вступления Китая в Первую мировую войну, в августе 1917 года, Ли образовал смешанное Китайско-французское общество учебы. В разных городах Китая стали открываться подготовительные школы для желавших поехать во Францию. В них принимали с четырнадцати лет[39]. В Сычуани первая такая школа появилась в марте 1918 года в столице провинции, городе Чэнду. Благородная идея возрождения страны путем развития дела образования захватила тогда и многих патриотически настроенных граждан Чунцина. К августу 1918 года представители торгово-промышленных кругов собрали более двадцати тысяч юаней на такую же школу, как в Чэнду, которую открыли через полгода, в январе 1919-го. Располагалась она в центре города, в бывшем храме Конфуция.

Именно в нее в середине сентября 1919 года и поступили Дэн, его дядя и приятель-земляк. Занятия в школе шли уже несколько месяцев, однако это никого не смущало: как и остальные студенты, которых насчитывалось почти 100 человек, вновь прибывшие должны были закончить учебу через полтора года[40].

Возможность увидеть мир и получить европейское образование взволновала Дэна. Его товарищ по школе, Цзян Цзэминь[11], бывший годом старше, вспоминает: «Товарищ Дэн Сяопин поступил в эту подготовительную школу чуть позже меня. Выглядел он тогда очень бодрым и энергичным, был немногословен, учился всегда очень прилежно и серьезно»[41]. Чувствовалось, что учеба доставляла ему удовольствие: хотя классные комнаты были убоги и плохо оборудованы, а общежитие и спортзал отсутствовали, он считал эту школу лучшим учебным заведением Чунцина[42]. Здесь в основном преподавали французский язык, а также китайскую литературу, математику и физику. Давались также азы технических знаний, которые могли пригодиться студентам при найме на производство во Франции.

Строгой дисциплины в школе не было, и студенты посещали занятия по своему усмотрению. Впервые Дэн ощутил свободу. Вместе с приятелями он много бродил по Чунцину, трапезничал в городских харчевнях, взбирался на окрестные холмы и любовался оттуда удивительной панорамой этого великого города, стоящего на слиянии двух могучих рек — Янцзы (Дитя океана) и ее притока Цзялинцзяна (Река, текущая меж красивых холмов). Зажатые с двух сторон этими водными потоками городские кварталы, опоясанные зубчатой крепостной стеной с высокими парапетами, теснились вдоль узкого полуострова, напоминающего клюв

попугая. В стене было 17 ворот, девять из них оставались открытыми с рассвета до заката. Все они, за исключением одних, расположенных с тыльной стороны, вели к побережью, на котором весь день кипела жизнь. Чунцин, прозванный иностранцами «Ливерпулем Западного Китая», уже в то время был крупным речным портом, и к его пристаням всегда пришвартовывалось большое количество кораблей.

Этот древний город, основанный в XI веке до н. э., долгое время являлся важным торговым центром некитайского царства Ба — одного из двух государств, находившихся на территории нынешней Сычуани (второе именовалось Шу). В 316 году до н. э. город, как и оба царства, покорил правитель китайского государства Цинь, сменивший прежнее название Ба на новое — Цзянчжоу (Речной район). После этого город неоднократно переименовывали, пока в 1189 году принц Южносунской династии Чжао Дунь, управлявший им, не дал ему название Чунцин, что означает «Двойной праздник». Так принц отметил большое событие в своей жизни: в день 42-летия он получил известие о том, что престарелый император назначил его своим наследником.

В марте 1890 года Чунцин по англо-китайскому договору стал открытым международным портом, и сюда устремились иностранцы: миссионеры и торговцы. Селились они в основном за городской чертой, на окрестных холмах к югу от Янцзы. В начале XX века здесь проживало 59 миссионеров из разных стран. В городе имелись несколько учебных заведений нового типа, банки, множество торговых лавок со всевозможным, в том числе зарубежным, товаром и госпиталь, принадлежавший американцам. Современная промышленность, впрочем, отсутствовала.

Отличительной особенностью полумиллионного города было невероятное количество кули, занимавшихся водоснабжением населения из-за отсутствия водопровода. Как пишет один из очевидцев, «шесть тысяч кули обеспечивали [городское] благосостояние, перетаскивая на себе воду, необходимую предприятиям и жителям»[43]. Они шли беспрерывной вереницей, как муравьи, неся на плечах коромысла с двумя бадьями и ступая грубыми подошвами по каменным ступеням, ведшим от берегов Янцзы и Цзялинцзяна наверх в город. «От городских ворот к длинным и деловым улицам ведут каменные ступени различной высоты, — читаем мы в описании Чунцина, составленном в начале прошлого века двумя миссионерами. — …Улицы почти всегда мокрые от воды, разливаемой ее разносчиками… Большинство улиц узкие и грязные, и запах в них — ужасающий.

Их прокладывали без всякого плана, поэтому город имеет несимметричную форму и в нем нелегко ориентироваться… [В особенности если ты бредешь] между прижавшимися друг к другу домами в 90 или 100-градусную жару по Фаренгейту [33–38 градусов по Цельсию]… Зимой часто сыро и уныло, зато весной и осенью стоит прекрасная погода… Храмов насчитывается великое множество как внутри, так и вне городских стен, равно как и торговых лавок, в которых продают свечи, бумагу и благовония, используемые при религиозных обрядах»[44].

Кули жили на побережье, за городскими воротами, в грязных хибарах. Когда реки разливались (а это происходило каждую весну), вода смывала их жалкие постройки и тысячи бездомных людей заполняли городские улицы. Здесь, на каменных мостовых, они неделями пережидали наводнение, после чего возвращались назад. Цены на городское жилье были им не по карману.

Гуляя по городу, Дэн с товарищами не могли, конечно, не замечать социальной несправедливости, но в то время страдания простого народа их волновали мало. Гораздо меньше, чем глобальные вопросы национального возрождения Китая, который и после смерти Юань Шикая в июне 1916 года испытывал унижение как со стороны Японии, так и со стороны других держав, контролировавших Поднебесную и в политическом, и в экономическом отношениях. Смерть Юань Шикая даже ухудшила обстановку в стране. Сильный политик и крупный военачальник, Юань держал генералов, возглавлявших провинциальные и уездные правительства, в строгой узде. Но за полгода до его кончины в Юньнани, Гуанси и Гуйчжоу, то есть в провинциях, расположенных вблизи Сычуани, вспыхнули мятежи и местные милитаристы-олигархи объявили об отделении. Подавить восставших Юань не успел, и сепаратистское движение охватило и прочие провинции. Центральное пекинское правительство не смогло навести порядок, и Поднебесная распалась на ряд автономных территорий, во главе которых стояли военные губернаторы. Началась кровопролитная гражданская война. Западные державы, заинтересованные в сбыте оружия и в получении от местных китайских милитаристов дополнительных экономических льгот, поощряли это. Раздробленной оказалась и сама провинция Сычуань. Ее правительство полностью развалилось, различные районы перешли во власть милитаристских клик, столкновения между которыми не прекращались[45].

В связи с завершением в ноябре 1918 года Первой мировой войны резко осложнилось и международное положение Китая. В начале мая 1919 года стало известно, что на проходившей в

Париже конференции держав-победительниц, где вырабатывались условия мирного договора с Германией, потерпевшей в войне поражение, крупнейшие члены Антанты отказались удовлетворить требования китайской делегации — вернуть Китаю захваченную японцами в начале войны германскую колонию: порт Циндао и соседнюю бухту Цзяочжоу, расположенные на южном побережье Шаньдунского полуострова (Восточный Китай). Китайцы мотивировали свои требования тем, что означенные районы — исконно китайская территория. Однако японцы хотели оставить эту бывшую германскую колонию за собой. У них был весомый аргумент: покойный Юань Шикай обещал им, что после окончания войны в Европе вопрос о Цзяочжоу будет целиком решаться японцами[46]. Не желая конфликтовать с Японией, Англия, Франция и Италия, связанные с ней тайными соглашениями, отдали Циндао и Цзяочжоу Стране восходящего солнца.

В результате Китай потрясло грандиозное антияпонское движение. Начали его 4 мая 1919 года пекинские студенты, организовавшие массовые демонстрации. Их немедленно поддержали патриотически настроенные граждане во всех городах страны, в том числе в Чунцине. Здесь тоже большинство студентов вышли на улицы. Они стали раздавать листовки, призывая народ бойкотировать японские товары. Многие рыскали по торговым лавкам и, найдя японский товар, конфисковывали его, а потом публично сжигали. Группы учащихся день и ночь патрулировали Янцзы и Цзялинцзян, не разрешая судам, перевозившим японские грузы, пришвартовываться к берегу. Особенно масштабной была демонстрация 3 июня, когда свой протест одновременно выразили студенты двадцати городских учебных заведений (по разным данным, демонстрантов насчитывалось от полутора до трех тысяч человек)[47].

Вместе со всеми в движении «4 мая» принял участие и Дэн. Два дня и ночь напролет он и другие студенты подготовительной школы шумно митинговали перед казармами чунцинского гарнизона, требуя от офицеров и солдат их поддержать. Вернувшись же в школу, торжественно разожгли костер на плацу перед главным входом и бросили в него всё, что было у них самих японского: сшитую в Японии одежду, коробки с зубным порошком и деревянные тазики для умывания. Ощущение гордости и собственной политической значимости долго не покидало их[48].

Волнения в Чунцине, как и во всей стране, не утихали вплоть до 28 июня 1919 года, когда в Китае, было получено известие о том, что члены китайской делегации отказались поставить свои подписи под несправедливым Версальским договором держав

Антанты с Германией.

Участие в патриотическом движении подогрело интерес Дэна к политике. Наряду с другими студентами он стал с интересом читать новые для него революционно-демократические издания — пекинскую газету «Чэньбао» («Утро») и популярный в то время среди молодых либералов журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»)[49]. Последний сначала издавался в Пекине, а затем в Шанхае одним из лидеров движения «4 мая» профессором Чэнь Дусю.

Между тем занятия подошли к концу. В середине июля 1920 года Дэн сдал экзамены. Правда, не блестяще, так как французский язык, считавшийся в школе главным предметом, не очень ему давался. Тем не менее его признали годным к учебе и работе во Франции, но две трети стоимости дороги потребовали оплатить из собственного кармана. В отличие, например, от его дяди Шаошэна, которому по результатам экзаменов вручили 300 юаней, необходимых для поездки.

Но Дэн не унывал. За деньгами он поехал домой, так как знал, что их ему даст отец, мечтавший, как мы помним, о том, чтобы его любимый старший сын получил блестящее образование. В то время папаша Вэньмин уже опять жил в Пайфане (власть в уезде сменилась, и его враг Чжан стал неопасен). Он, разумеется, дал сыну нужную сумму, несмотря на то что дела семьи обстояли из рук вон плохо. Для этого ему пришлось продать часть пахотной земли и даже занять деньги в семействе тестя и тещи. Перед дедом и бабушкой Дэна, а также его дядей по материнской линии он расписал радужные перспективы, которые открывала для их внука и племянника поездка за границу. По его словам выходило, что, получив иностранное образование, Дэн неминуемо разбогатеет и сможет заботиться не только об отце с матерью, но и о других ближайших родственниках[50].

Мать Дэна, правда, сначала наотрез отказалась отпустить сына к «заморским волосатым дьяволам» (так китайцы называли иностранцев). Она со слезами упрекала мужа: «Дитя так мало́, а ты посылаешь его за тридевять земель и учиться, и работать! Ну что за бессердечие!» «Наша мама горячо любила Сяопина, — вспоминает младший брат Дэна. — Она надеялась, что, повзрослев, он сможет заняться хозяйством»[51]. Но отец и сын были неумолимы. Дэн Сяопин даже объявил голодовку. И в конце концов мать скрепя сердце согласилась.

В конце августа 1920 года Дэн простился с семьей и отправился обратно в Чунцин. Перед расставанием особенно горько плакала его младшая сестренка Сяньчжэнь, которой шел

всего восьмой год. Она все время твердила: «Не уезжай!»

— Ну что ты, что ты, — повторял Дэн, — я же скоро вернусь! Он присел на корточки, взял ее ладони в свои и добавил:

— Сестра! Ты обязательно дождись старшего брата. Без меня не выходи замуж![52]

Надо было спешить. Обратная дорога в Чунцин, откуда ему предстояло отправиться во Францию, была длинной, и он не хотел терять ни минуты. Впереди его ждала долгая жизнь, полная опасностей и великих свершений, взлетов, падений и заключительного триумфа.

ТЕРРА ИНКОГНИТА

Во второй половине дня 27 августа 1920 года Дэн и его дядя Шаошэн вместе с восьмьюдесятью двумя другими выпускниками подготовительной школы на пароходе «Цзицин» («Благополучие») покинули Чунцин[53]. Вниз по реке Янцзы они поплыли в Шанхай, где должны были пересесть на судно, следующее в Марсель. Проводы были торжественными. Работники порта зарезали петуха и дымящейся кровью бедной птицы, смешанной с ее же перьями, густо вымазали нос корабля. После этого долго взрывали оглушительные петарды, стремясь ублажить грозного Бога великой реки, а также души речников, утонувших в ее бурных водах. Без этого из Чунцина не выходила ни одна шхуна.

Все 84 молодых человека испытывали огромное волнение: путешествие предстояло долгое и, возможно, опасное, а ведь большинство из них ни разу не выезжало за пределы Сычуани. С утра до вечера они толпились на палубе, с интересом разглядывая проплывавшие мимо берега. Их восторг достиг высшей точки, когда пароход, рассекая мутные волны, подошел к знаменитым горным теснинам Сянься (Три ущелья), отделяющим Сычуань от остального Китая. Зажатая с двух сторон мощными горными хребтами Янцзы прорывается здесь вперед с неудержимой силой. Из полноводной 800-метровой реки она превращается в узкий бурлящий поток шириной в 55–60 метров. Но уже через 16 ли вновь расширяется, а затем, резко и быстро петляя меж горных круч и клокоча на порогах, еще раз сужается. И так неоднократно. Очевидец рассказывает: «Полное впечатление, что плывешь сквозь череду горных озер… [По обеим берегам теснятся] огромные скалистые вершины… В небе над утесами парит орел. Все это создает удивительно романтическую картину»[54]. Иногда на вершинах виднелись конфуцианские, буддийские и даосские храмы и пагоды. Их построили много веков назад, чтобы защитить смельчаков, пускавшихся в путь по опасной реке.

За теснинами взору путешественников открылась великая равнина. Течение широко разлившейся Янцзы вновь приобрело плавный характер, и вплоть до трехградья Ханькоу, Ханьян, Учан, известного под общим названием Ухань, и отстоящего от Трех ущелий почти на тысячу ли, ничего интересного на ее берегах видно не было. Ухань же таил в себе кое-что необычное. Едва сойдя на берег (пароход задержался здесь на ночь), Дэн и его товарищи поспешили на Ханькоуский железнодорожный вокзал, чтобы увидеть паровоз. Никто из них еще не видел это чудо

западной техники. Им повезло. В тот момент, когда они вступили на платформу, поезд, объятый клубами дыма, как раз подходил к станции. Как завороженные, они долго смотрели на него, а в их душах поднималась волна патриотизма. Да, им нужно ехать в Европу набираться знаний, чтобы потом, вернувшись, отдать все силы делу индустриализации Китая!

После Ухани, пройдя еще полторы тысячи ли, пароход наконец вошел в устье реки Хуанпу, одного из притоков Янцзы, и через десять минут остановился в порту Шанхая. До отхода океанского лайнера «Андре Лебон», на котором сычуаньские студенты должны были отплыть в Марсель, оставалось несколько дней, и Дэн с друзьями решили осмотреть город. Оставив вещи в гостинице с символичным названием «Слава и польза», арендованной для них Шанхайским отделением Китайско-французского общества учебы[55], они бродили по улицам.

Крупнейший индустриальный и коммерческий центр Китая, да и Восточной Азии в целом, насчитывавший в то время не менее полутора миллионов человек, то есть в полтора раза больше, чем Чунцин, должен был их поразить. На Шанхай сильнейший отпечаток накладывало присутствие иностранцев, контролировавших свыше 32 квадратных километров городской территории из 90. Их колониальные владения (международный сеттльмент, основанный в 1863 году, и примыкавшая к нему с юга французская концессия, существовавшая с 1849 года[12]) перерезали основную часть города посередине, втиснувшись двумя широкими полосами между китайскими районами. На этой территории действовали законы соответствующих иностранных держав, которые держали здесь свои войска и полицию, работали зарубежные предприятия, банки и казино. Европейским путешественникам тут многое нравилось: «Телеграфные и телефонные столбы и провода, газовые фонари и электрические лампы, высотные здания, стоящие на широких мощеных улицах, полицейские, регулирующие движение на оживленных перекрестках, пожарные станции… бесчисленные и хорошо ухоженные парки»[56]. Но Дэн и его товарищи по-иному реагировали на красоты Шанхая. За роскошью улиц они видели «отвратительный лик империализма». Их конечно же возмущало, что на границе французской концессии и международного сеттльмента полицейский-сикх подвергал их унизительному досмотру, а на воротах английских парков висели надписи: «Китайцам и собакам вход воспрещен». «Это китайская земля!» — кипели они от негодования[57].

Вот в таком, далеком от благостного, расположении духа ранним утром в субботу 11 сентября они заняли места на «Андре

Лебон». Названный по имени бывшего министра по делам колоний Французской Республики, этот двухтрубный красавец-лайнер был гордостью французского пассажирского флота. Он сошел со стапелей в конце октября 1913 года и в годы Первой мировой использовался как плавучий госпиталь. Океанский же круиз Шанхай — Марсель стал обслуживать в 1918 году. На нем могли разместиться почти 1100 пассажиров, в том числе 200 — в первом классе и 184 — во втором. Однако сычуаньские студенты имели самые дешевые билеты — в трюме, где было грязно, душно и тесно. В открытом море многих из них укачивало, но Дэн и большинство его товарищей не унывали. Они мечтали о том, как сядут за парты в далекой Франции и будут совмещать интенсивную учебу с благородным трудом. Во время остановок все сходили на берег и с интересом знакомились с городами, о которых прежде лишь слышали: Гонконгом, Сайгоном, Сингапуром, Коломбо, Джибути, Порт-Саидом. В Индийском океане они попали в страшный шторм, но всё в итоге закончилось благополучно. Пройдя за 39 дней более восьми тысяч морских миль, «Андре Лебон» утром во вторник 19 октября 1920 года пришвартовался в Марселе[58].

На берегу прибывших ждали представители Китайско-французского общества учебы. Один из них, Ли Хуан, позже напишет, что Дэн был самым активным в группе, чуть ли не основным организатором[59]. Это, конечно, не соответствовало действительности. По словам самого Дэн Сяопина, он, будучи младше других, в то время «даже рта не смел раскрыть»[60].

Из Марселя всю группу сразу же отправили на автобусах в Париж, точнее в его северо-западный пригород Ля Гаренн-Коломб. Здесь в доме 39 по улице Ля Поэнт располагались три общественные организации, отвечавшие за прием и распределение участников программы «прилежной работы и экономной учебы»: Китайско-французское общество учебы, Китайско-французский комитет попечителей молодых китайцев во Франции и Китайско-французская дружеская ассоциация. Все они работали в тесном контакте с китайским посольством во Франции, от которого регулярно получали небольшие субсидии. Посол Чэнь Лу, сам когда-то учившийся в Париже, им покровительствовал.

Ко времени приезда Дэна и его товарищей (это была семнадцатая группа) во Франции уже находились 1300 жаждущих знаний китайцев (в том числе 21 женщина), в основном из провинций Хунань, Гуандун, Сычуань и Чжили (Хэбэй)[13]. Их исходный образовательный уровень был примерно равным — не выше среднего: кто-то приехал, окончив начальную школу

высшей ступени, кто-то (как Дэн) — подготовительную школу, и лишь около девяноста человек обладали университетскими дипломами. Почти всем было до тридцати, самым младшим (их насчитывалось около двадцати человек) — по 15 лет. Имелись и сравнительно пожилые люди. Среди них — 43-летний Сюй Тэли, бывший преподаватель Первого провинциального педагогического училища города Чанши, и 55-летняя Гэ Цзяньхао (она же — Гэ Ланьин), мать двух активистов движения «прилежной работы и экономной учебы» Цай Хэсэня и Цай Чан. Большинство посещали во Франции коллежи и лицеи, где учили французский язык. Другие приобретали профессиональные знания в технических училищах или работали на металлургических, военных и иных заводах[61].

Дэна и его дядю распределили в частный коллеж небольшого городка Байё, находящегося в 270 километрах от Парижа, на севере страны, куда они не мешкая и отправились вместе с двадцатью другими сычуаньцами. Первое в их жизни путешествие по железной дороге было приятным, оно наполнило сердца восторгом и заставило забыть об усталости. Вечером 21 октября им предоставили места в общежитии коллежа, а на следующее утро, несмотря на конец недели, они уже сели за парты.

Вскоре, однако, Дэн почувствовал разочарование. Ни сам коллеж-пансион, ни учеба в нем не доставляли ему ни малейшего удовольствия. Как и в Чунцине, от него требовалось главным образом изучение французского языка, к чему у него, как мы знаем, не было способностей. В итоге за пять месяцев, проведенных в Байё, будущий великий реформатор Китая, по его собственным словам, «ничему не научился». Разумеется, винил он в этом не себя, а руководство коллежа, в котором его и других китайцев не только плохо учили, но еще и «отвратительно кормили» и обращались с ними «как с малыми детьми», заставляя «очень рано… укладываться спать». (В общежитии отбой объявлялся в восемь часов вечера, а уже в девять гасили свет. Вставать учащихся заставляли в шесть утра. Занятия же длились с восьми до одиннадцати часов утром и с двух до четырех часов днем[62].)

В какой-то мере раздражение Дэна объяснялось тем, что к весне 1921 года у него, несмотря на жесткий режим экономии, закончились деньги, привезенные из дома. Учеба стоила недешево: более 200 франков в месяц, а хотелось еще приятно провести время, к чему старинный нормандский городок располагал. Байё — известный туристический центр Франции: здесь много музеев, в одном из которых хранится знаменитый ковер, сотканный в XI веке женой великого покорителя

англосаксов, герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя Матильдой. Есть еще кафедральный собор Нотр-Дам де Байё, выстроенный в романском стиле в 1077 году, а также большой ботанический сад. Тихие узкие улочки, вымощенные булыжником, двух- и трехэтажные каменные дома средневековой архитектуры, мутные воды речушки Ор. И еще бесчисленные кафе, в которых так приятно выпить чашечку кофе. Впервые узнав вкус этого напитка, Дэн полюбил его на всю жизнь. Так же, как и воздушные круассаны.

С конца зимы 1921 года, однако, обнищавший Дэн уже не мог посещать кафе. 13 марта он, его дядя и большинство других китайских студентов, бросив коллеж, вернулись в Ля Гаренн-Коломб. У работников Китайско-французского общества учебы они попросили найти им работу. И те не только нашли, но и снабдили их деньгами на первое время. 2 апреля Дэн и его товарищи переехали в бургундский город Ле Крезо, где поступили разнорабочими на металлургический завод «Шнейдер», один из гигантов французской индустрии, основанный в 1836 году. На заводе трудилось более тридцати тысяч рабочих, в том числе не менее 150 китайцев. Дэн и его дядя стали работать в сталепрокатном цехе. (Кстати, почему-то именно профессией сталевара Дэн изначально и хотел овладеть во Франции: еще в начале августа 1920 года, заполняя в Чунцине анкету для французского посольства с целью получения визы, в графе «профессия» он так и написал: «сталевар»[63].)

Тяжелейшая работа по десять часов в день, жалкая месячная зарплата в 300 франков, плохое питание в заводской столовой и брань мастеров произвели на шестнадцатилетнего Дэна, не привыкшего к физическому труду и нравственным унижениям, ужасающее впечатление. Впрочем, как и на многих других молодых китайских интеллигентов, впервые на собственных шкурах испытавших тяготы той самой индустриализации, к осуществлению которой в своей стране они так стремились. «Едва поступив на [этот] завод, — писал один из коллег Дэн Сяопина по работе на «Шнейдере», будущий министр иностранных дел КНР Чэнь И, — я тут же утратил все свои пустые мечты о славе… Я понял, что всё, к чему стремился, недостижимо, так как прилежная работа не может обеспечить экономной учебы. И даже если я буду трудиться восемь или десять лет, это ничего не даст мне в интеллектуальном плане… Разве цель движения за прилежную работу и экономную учебу в том, чтобы обогащать капиталистов? Глупо считать, что прилежная работа и экономная учеба перестроят общество. Разве можно перестроить общество, если человек, загруженный работой, не имеет сил жить и

дышать?»[64]

Что касается Чэнь И, то именно во время работы на «Шнейдере» он начал всерьез задумываться над причиной своего несчастного положения, придя к мысли о том, что она «заключается в несовершенстве общественного устройства»[65]. Но Дэна такие идеи еще не посещали. Конечно, он понимал, что французское общество не идеально: ведь империалисты Франции не менее хищнически, чем остальные «заморские волосатые дьяволы», грабили его страну. Но все же пока не думал, что «пороки системы» достигли таких «ужасных размеров» в самой Французской Республике — «Отечестве свободы»[14]. Он все еще был неопытен и плохо образован. Позже он писал: «[Хотя] трудности жизни, грубость мастеров, этих прихвостней капиталистов, [и] оказывали на меня прямое или косвенное влияние [и] хотя я познал отвратительный вкус капитализма, но, оставаясь романтиком, не мог глубоко разобраться [в этом общественном строе]»[66].

Ему просто было трудно жить. К тому же он ощущал себя человеком второго сорта: по малолетству его числили учеником и потому платили меньше, чем остальным китайцам, а французские рабочие беспрерывно оскорбляли его за неумение качественно выполнять работу. Эти работяги третировали, правда, не только Дэна: они вообще всех «желтых» да и работавших на заводе негров на дух не переносили[67].

В конце концов Дэн не выдержал и, проработав три недели, сбежал. Денег он не имел, жилья тоже, никакой другой работы (полегче) найти не мог, а потому вновь поехал в Китайско-французское общество учебы в Ля Гаренн-Коломб. Там к тому времени собралось уже более пятисот безработных молодых китайцев, которые тоже не могли вынести «ужасы капитализма». Работники общества каждому из них стали выдавать по пять франков в день, разместив всех в подвале, мансарде и в одном из двух этажей принадлежавшего им здания, а также в палаточном городке, который разбили во дворе. Можно себе представить, во что превратился дом 39 по улице Ля Поэнт! Очевидец рассказывает: «Подвал был забит до отказа… Так же, как и палатки во дворе… Меж двух деревьев висел канат, на котором сохли рубашки, носки, штаны и простыни. Постоянный шум со двора вызывал недовольство соседей, которые жаловались в полицию»[68]. Секретарь общества учебы изо всех сил старался наладить быт незваных гостей, вменив им в обязанность чистить за собой туалеты, убирать мусор и соблюдать тишину, но у него это плохо получалось. Студенты не желали ему подчиняться и обзывали его «милитаристом»[69].

Вот здесь-то и стал жить Дэн. Работники общества уже не могли найти работу ни ему, ни кому бы то ни было из китайских студентов: к весне 1921 года во Франции достиг своего апогея послевоенный экономический кризис. В 1921 году 55 процентов китайцев в этой стране числились безработными[70]. «Для нас были открыты двери всех [платных] французских школ… но не ворота фабрик, — вспоминал один из студентов. — Война завершилась более двух лет назад, французская экономика пришла в упадок, безработица возрастала. Так почему же для нас, „желтолицых“, стали бы создавать рабочие места… Лишь некоторым удавалось найти какую-нибудь работу. Остальным… приходилось жить на хлебе и воде»[71]. То же самое говорил и сам Дэн: «Мы ехали во Францию и уже знали, что после мировой войны прошло два года, потребность в рабочей силе была не так велика, как во время начала кампании за учебу и работу во Франции. Работу найти было трудно, заработки небольшие, одновременно работать и учиться было уже невозможно… Лопнули мечты о „спасении родины через индустриализацию“, о „приобретении профессии“»[72].

Понятно, что такое существование не способствовало благомыслию. В доме 39 все чаще случались драки, от поножовщины, побоев и несчастных случаев погибли пять человек[73]. В среде безработных студентов ходили слухи, что пятифранковое вспомоществование со дня на день отменят и всех нахлебников выселят. Старожилы рассказывали, что такое уже случалось — в феврале 1921 года. Тогда студентам под руководством известного бунтаря Цай Хэсэня, прибывшего во Францию в конце января 1920 года, удалось отстоять свое «право на жизнь», но кто знал, что могло произойти теперь? Немало жителей палаточного городка слегло в больницу от нервных потрясений.

Уезжать в Китай при этом никто не хотел, несмотря на то что посольство предлагало оплатить билеты: бесславное возвращение означало «потерю лица». Оставалось ждать и выражать недовольство. И тут в начале сентября работники общества наконец объявили, что с 15-го числа отказываются снабжать студентов. Митинги протеста, петиции, гневные выступления на этот раз ничего не дали: в середине сентября обитатели дома 39 лишились последнего источника существования. У них, правда, еще теплилась надежда выжить, связанная с тем, что как раз в то время при поддержке мэра города Лиона, будущего премьер-министра Франции Эдуарда Эррио, при Лионском университете открылся Китайско-французский институт, о котором говорили, будто он будет бесплатным. Институт был рассчитан на две

тысячи человек, и многие не утратившие желания учиться жители палаточного городка рассчитывали, что их туда примут. Однако вскоре выяснилось, что организаторы движения за работу и учебу во Франции Ли Шицзэн и У Чжихуэй, а также поддерживавший их ректор Пекинского университета Цай Юаньпэй, осознав, что идея самообеспечения студентов обанкротилась, приняли решение переориентироваться на работу с теми жаждущими знаний китайцами, которые могли оплатить свое образование, не нанимаясь на французские предприятия. Иными словами — на детей из богатых семей. Назначенные содиректорами нового учебного заведения У Чжихуэй и Жан Лепин (известный французский профессор и доктор медицины) объявили, что институт предназначен для подготовки элиты китайского общества и что безработные и бездомные студенты допущены туда не будут[74].

В ответ «возмутитель спокойствия» Цай Хэсэнь, живший, правда, не в Ля Гаренн-Коломбе, а в Монтаржи, в 110 километрах к югу от Парижа, совместно с другими активными бунтарями, в том числе знакомым нам Чэнь И, составил гневное письмо Цай Юаньпэю. Его подписали 243 человека, среди них и Дэн, впервые принявший участие в акции, носившей политический характер[75].

Вскоре после этого 125 наиболее активных подписантов прибыли в Лион и попытались прорваться в здание института. Французские полицейские их, разумеется, не пустили, арестовав 104 бунтаря, в том числе Цай Хэсэня, Чэнь И, а также таких впоследствии знаменитых участников коммунистического движения, как Ли Лисань и Сян Цзинъюй. Через месяц их всех депортировали в Китай[76].

В штурме института Дэн участия не принимал, так что, несмотря на подпись под письмом 243-х, депортации не подлежал. Конечно, он сочувствовал старшим товарищам, но вскоре новые события отодвинули этот эпизод на второй план.

В конце октября 1921 года он и его дядя нашли наконец работу — на фабрике искусственных цветов «Шамбрелан». Но через две недели их рассчитали, и они стали перебиваться случайными заработками. И только в начале февраля 1922 года оба получили долговременную работу — на этот раз на заводе резиновых изделий «Хатчинсон» в местечке Шалеттсюр-Луен в окрестностях Монтаржи. Это считалось большой удачей: зарплата была относительно неплохой, общежитие — бесплатным, а еда, которую китайские рабочие (их на заводе насчитывалось чуть более тридцати человек) готовили для себя сами, — дешевой и вкусной[77].

Дэн пробыл здесь восемь месяцев — с 14 февраля по 17

октября 1922 года. В цехе резиновой обуви изготовлял галоши. Работа была не слишком тяжелой, хотя и отнимала целых 54 часа в неделю. В свободное время он бродил по Шалеттсюр-Луен, ездил в Монтаржи, небольшой симпатичный городок, заслуживший своими многочисленными каналами славу «Венеции района Гатинэ» (средневековое название этой части Франции), или беседовал с соседями по общежитию. Среди тридцати с лишним его новых знакомых имелось немало интересных личностей: прежде всего уроженец провинции Фуцзянь Чжэн Чаолинь, а также аньхойцы Инь Куань, Ван Цзэкай и Ли Вэйнун. В начале лета появился еще один примечательный человек — уроженец провинции Гуйчжоу Ван Жофэй. Все эти люди выделялись из общей массы необычными взглядами на действительность. Выражая негодование по поводу банкротства идеи «экономной учебы» (все они какое-то время учились в различных французских коллежах), эти молодые ребята (самому старшему, Ли Вэйнуну, было 27) так же, как прежде Чэнь И, связывали свои проблемы с «пороками общественного устройства». Но если с Чэнем Дэн во время работы на «Шнейдере» не общался, то здесь, с этими умными товарищами, называвшими себя коммунистами, просто отводил душу. «Был у нас восемнадцатилетний парнишка из Сычуани, низенький, толстенький, — вспоминал о нем позже Чжэн Чаолинь. — Каждый вечер носился по бараку, то с одним поговорит, то с другим посмеется»[78]. Дэн «был самым молодым, — продолжал Чжэн. — …Мы все любили его, относились к нему, как к ребенку. Нам нравилось беседовать с ним, шутить, играть»[79].

Так, в шутке, игре и беседе Дэн стал усваивать новые для себя коммунистические идеи. А вскоре начал читать соответствующую литературу, вновь заинтересовался ранее либеральным, а теперь большевистским журналом «Новая молодежь», который стал органом созданной в июле 1921 года в Шанхае Коммунистической партии Китая и по-прежнему издавался бывшим лидером движения «4 мая» профессором Чэнь Дусю, а ныне вождем-основателем китайской компартии.

Конечно, до Дэна и прежде должны были доходить известия о коммунизме, большевизме и Октябрьской революции в России. Ведь когда он жил в Чунцине, известные сычуаньские газеты «Синцижи» («Воскресенье») и «Гоминь гунбао» («Нация») неоднократно публиковали статьи о русских большевиках и их идеологии. А уж во Франции в начале 1920-х годов вообще не было ни одной газеты или журнала, которые не писали бы о Ленине и Троцком, причем некоторые выражали российским революционерам глубокую симпатию.

В декабре 1920 года Чэнь Дусю отправил в Париж своего связного, члена Пекинского коммунистического кружка Чжан Сунняня (он же Чжан Шэньфу), который весной следующего года организовал там первую в Европе китайскую коммунистическую группу. В ней оказалось всего три члена: он сам, его юная супруга Лю Цинъян, присоединившаяся к комдвижению всего за месяц до того, и молодой уроженец провинции Цзянсу — Чжоу Эньлай, которому Чжан и его жена, знавшая Чжоу по совместной патриотической работе в Китае, дали формальные рекомендации[80]. После этого Чжан Суннянь привлек в ячейку сычуаньца Чжао Шияня и хунаньца Чэнь Гунпэя (последний до приезда во Францию уже состоял членом Шанхайского коммунистического кружка)[81]. Вплоть до своей высылки из Франции в октябре 1921 года коммунистические идеи среди китайских студентов распространял и Цай Хэсэнь, тот самый бунтарь, который организовал их выступления за «право на жизнь». Целые дни и ночи проводивший за чтением революционных социалистических книг, он еще в 1920 году высказал идею о необходимости организации в Китае коммунистической партии, «поскольку она является инициатором, пропагандистом, авангардом и штабом революционного движения»[83]. В конце 1921 года в Париже старший сын Чэнь Дусю, Чэнь Яньнянь, придерживавшийся, правда, в то время анархистских воззрений, стал выпускать на ротаторе первый среди китайских студентов журнал «Гунъюй» («Свободное время»), который среди прочего уделял внимание и марксизму, и большевизму[83].

Да, Дэн не мог не слышать о новом леворадикальном движении, но до встречи с молодыми коммунистами ничего толком о нем не знал. Впрочем, слушая рассказы Чжэн Чаолиня и других товарищей, а также читая «Новую молодежь», он вряд ли составил о коммунизме ясное представление[84], но быстро понял одно: крепко сплоченная революционная организация может перевернуть мир!

Именно такая организация и была вскоре создана. Во второй половине июня 1922 года в Париже в Булонском лесу состоялось учредительное собрание двадцати трех китайских сторонников коммунизма. Среди них были и Чжао Шиянь, и Чжоу Эньлай, и Чэнь Яньнянь, перешедший на сторону марксизма, и почти все знакомые Дэна — Чжэн Чаолинь, Ван Жофэй, Инь Куань и Ли Вэйнун. Они провозгласили образование Коммунистической партии китайской молодежи, проживающей в Европе, постановив издавать большевистский журнал «Шаонянь» («Молодежь»). Главой партии (секретарем) избрали Чжао Шияня[85]. А в конце

1922 года по решению ЦИК КПК и на основе слияния Французского, Немецкого и Бельгийского отделений китайской компартии, уже действовавших к тому времени, была образована еще одна коммунистическая организация китайцев в Европе: Европейское отделение Компартии Китая. В ее руководство вошли Чжан Суннянь, Чжао Шиянь, Чжоу Эньлай и Чэнь Яньнянь[86].

Сведения об образовании обеих групп считались секретными, а потому приятели Дэна ничего не рассказали ему. С этим «ребенком» они вели лишь пропагандистскую работу, ненавязчиво беседуя и «подбрасывая» ему коммунистическую литературу. А Дэн пока и не стремился к большему. В октябре 1922 года у него возродилась надежда получить-таки образование во Франции. Скопив немного денег, он написал домой и попросил выслать недостающую для поступления в коллеж сумму. Веривший в него отец продал еще одну часть земли и послал перевод, несмотря на то что и сам и его семья, как пишет дочь Дэна, «очутились в тяжелом положении»[87]. Как же он все-таки любил старшего сына!

К сожалению, употребить по назначению эти деньги Дэну не удалось. Уволившись с завода 17 октября, он отправился в небольшой бургундский город Шатийонсюр-Сен, где намеревался поступить в местный коллеж, но плата за обучение там оказалась выше, чем он предполагал, и ему пришлось вернуться. Больше попыток получить диплом он не делал, а спустя много лет в разговоре с американским корреспондентом Эдгаром Сноу, посетившим его на одной из коммунистических баз в провинции Ганьсу, саркастически заметил, что, живя во Франции, вообще нигде не учился, а только работал[88]. Чувствовалось, что неудачи с получением французского образования сильно раздражали его и он никак не мог преодолеть обиды.

Дэн опять стал работать на «Хатчинсоне», но, озлобленный и раздраженный, через месяц вновь взял расчет. Мастеру цеха он гордо заявил, что «отказывается от работы»[89]. Деньги у него теперь имелись: пусть их не хватало на учебу, но прожить на них он какое-то время мог, тем более что из общежития его никто не гнал.

Создавшаяся ситуация способствовала ускоренному полевению молодого человека: недовольство обществом, где ему не нашлось места, переполняло его. И в конце концов к лету 1923 года Дэн окончательно принял коммунизм, хотя пока и не разобрался в его теоретических нюансах. К большевистскому движению, таким образом, он присоединился не как человек, прошедший глубокую идейную эволюцию, а как разуверившийся

в капиталистическом общественном строе боец, готовый на всё ради разрушения сделавшегося ему ненавистным мира. «Я приобрел классовое сознание тогда, когда капиталисты и их подручные — мастера третировали и эксплуатировали меня», — писал он[90]. «Ваши капиталисты, — говорил Дэн спустя много лет министру иностранных дел Франции Ролану Дюма, — преподали мне [хороший] урок, именно они научили меня и моих друзей [всему], толкнув нас на путь коммунизма и заставив уверовать в марксизм-ленинизм»[91]. Иными словами, в отличие от Мао Цзэдуна и многих других теоретиков китайской компартии, молодой Дэн не выстрадал коммунизм идейно. Его познания в области общественных наук и политической идеологии были еще недостаточными для того, чтобы от чего-то отказываться, с чем-то решительно рвать, что-то переоценивать. «В общем, я никогда не подвергался воздействию других идей, — писал он впоследствии. — Я пришел к коммунизму напрямую»[92].

Одиннадцатого июня 1923 года он выехал из Шалеттсюр-Луен в Париж, где в том же месяце вступил в Европейское отделение Социалистического союза молодежи Китая[15] (так с февраля 1923 года по требованию Чэнь Дусю и ЦИК китайского ССМК называлась Коммунистическая партия китайской молодежи, проживающей в Европе[93]). Рекомендации он получил от одного из старших товарищей по заводу «Хатчинсон» Ван Цзэкая и земляка из Сычуани Сяо Пушэна, а торжественную клятву принес вместе с младшей сестрой Цай Хэсэня, Цай Чан, бывшей на четыре года старше его. С ней и ее будущим мужем Ли Фучунем, одним из тогдашних вождей Европейского отделения ССМК, он будет дружить всю жизнь[94].

После этого он перестал принадлежать себе, целиком отдавшись опасной большевистской работе. И через некоторое время послал письмо отцу и матери, положившее конец их отношениям. В нем он объявил, что не желает вступать в брак с сосватанной для него «необразованной и незнакомой ему» девицей из рода Танов, попросив родителей расторгнуть брачное обязательство. Более того, сообщил, что не вернется домой, а потому не сможет в будущем позаботиться о семье[95]. Для Дэн Вэньмина и мамаши Дань, жертвовавших ради любимого сына всем, чем могли, это был смертельный удар. Мало того что наследник оказался неблагодарным, так он еще грозил опозорить их перед всей деревней! Его действия нарушали традиции; весь их клан мог «потерять лицо». Отец Дэна немедленно ответил сыну гневным посланием, обвинив его в «сыновьей непочтительности и предательстве» и пригрозив порвать все отношения, если тот не одумается. Но Дэн проявил упрямство,

повторив в новом письме то, что уже писал. В результате, по его собственным словам, он сам «фактически… порвал отношения с семьей»[96].

Мать Дэна тут же слегла, а старый Вэньмин пошел улаживать дело к главе рода Танов. Тому тоже было не позавидовать: ведь его дочь безосновательно отвергли. Переговорив, оба почтенных мужа в конце концов согласились на том, что невеста Дэна переедет в дом отринувшего ее жениха как бы «вдовой», что и было сделано. Через несколько лет уже сам Вэньмин выдал ее замуж, дав за ней большое приданое, как за собственной дочерью[97]. В отличие от революционера-сына он полагал, что твердое соблюдение брачного обязательства — дело чести.

А Дэн, отправив письма, перестал вспоминать о семье. То, чем он теперь занимался, было настолько интересно и ново, что о «предках» и их переживаниях думать совсем не хотелось. Переписка с отцом постепенно сошла на нет, и Дэн Сяопин долгое время даже не знал, что его младшая сестра, так и не дождавшись брата, обещавшего погулять на ее свадьбе, скончалась вскоре после получения его писем, а спустя еще несколько лет (в 1926 году) от туберкулеза умерла и его бедная мать. В смерти сестры, конечно, винить Дэна нельзя (бедняжка заболела нежданно), но вот здоровье матери несомненно было подорвано разлукой с бросившим ее сыном. Как жестока бывает молодость!

Между тем летом 1923 года, вскоре после вступления в Социалистический союз молодежи Китая (соцсомол), Дэн стал участвовать в важных революционных делах: сначала в издании журнала «Молодежь», а с января 1924 года — нового журнала «Чигуан» («Красный свет»). Редакции и того и другого находились в крошечной четырехметровой комнате маленькой гостиницы, недалеко от площади Италии, на третьем этаже дома 17 по улице Годефруа. Здесь жил Чжоу Эньлай, в феврале 1923 года сменивший на посту секретаря Европейского отделения ССМК Чжао Шияня, уехавшего на учебу в Москву. Именно в этой комнате в один из летних дней 1923 года Дэн и Чжоу впервые встретились. Знал ли Дэн, что этому обходительному молодому человеку, одетому в застегнутый на все пуговицы помятый пиджак и чуть коротковатые брюки, будет суждено сыграть в его жизни одну из главных ролей?

Чжоу был старше Дэна на шесть с половиной лет. Он родился 5 марта 1898 года в уезде Шаньян, в окрестностях города Хуайань провинции Цзянсу в семье сельского интеллигента *(шэньши)*. Рано лишившись родителей, он еще младенцем перешел на попечение родственников. Жил то с одним дядей в Хуайани, то с другим — в Маньчжурии. Когда же ему исполнилось 15 лет,

переехал к тете в большой торговый город Тяньцзинь, расположенный в 250 ли к востоку от Пекина. Там в 1917 году окончил престижное Нанькайское училище, после чего, получив правительственную субсидию, отправился продолжать образование в одном из университетов Японии. Но вместо учебы увлекся леворадикальной, в том числе социалистической, литературой, стал читать «Новую молодежь» и в 1918 году в Токио вступил в патриотическую китайскую организацию Синь Чжун хуэй (Общество нового Китая). Так и не поступив в университет, в конце апреля 1919 года он вернулся в Тяньцзинь, где через несколько дней принял живое участие в движении «4 мая», быстро завоевав авторитет среди городской молодежи своими яркими статьями в патриотической прессе. В сентябре 1919 года вместе с девятнадцатью единомышленниками он основал в Тяньцзине тайное Общество пробуждения сознания, поставившее перед собой задачу спасения родины. Одним из членов общества стала Лю Цинъян, та самая женщина, которая через полтора года вместе с мужем даст Чжоу рекомендацию в компартию.

Несмотря на кипучую общественную деятельность, молодой патриот не оставил надежду получить высшее образование. В самом конце 1919 года ему удалось поступить на гуманитарный факультет Нанькайского университета — одного из лучших в стране. Однако через четыре месяца, в конце января 1920 года, за организацию многотысячной патриотической демонстрации учащихся Тяньцзиня, направленной против засилья в городе японского капитала, он был арестован и вслед за тем исключен из университета. Выйдя из тюрьмы летом 1920 года, Чжоу решил поехать в Европу: общественной деятельностью можно было заниматься и там, а вот надежд получить достойное образование в Китае у него уже не осталось.

Чжоу Эньлай прибыл в Марсель в середине декабря 1920 года с последней группой студентов и тут же отправился в столицу Шотландии Эдинбург, где поступил в местный университет. Но и здесь долго не задержался: революционная работа вскоре настолько захватила его, что на учебу совсем не оставалось сил. Он обосновался в Париже, стал часто ездить в Германию, Бельгию и Англию, где начал организовывать китайских студентов. В марте 1922 года в Берлине вместе с Чжан Суннянем и Лю Цинъян он сформировал Немецкое отделение КПК, куда через несколько месяцев, в ноябре, вовлек бывшего комиссара полиции провинции Юньнань, обучавшегося в Гёттингенском университете, 36-летнего Чжу Дэ — будущего знаменитого вождя Китайской Красной армии.

Даже на личную жизнь у Чжоу почти не было времени, хотя женщины, в том числе немки и француженки, не могли не заглядываться на него. Он был поразительно красив даже по европейским стандартам: высокий лоб, большие глаза-маслины под густыми бровями, статная фигура. В нем чувствовалась врожденная интеллигентность, сочетавшаяся с бесспорным талантом вождя. Общительный и живой, он умел руководить людьми и в то же время ладить с ними, мог убеждать собеседника и имел склонность к компромиссам. Всех знавших его он поражал дружелюбным отношением, вежливостью и умением располагать к себе. Его манеры были артистичны, а взгляд внимателен и слегка ироничен. В общем, поведение Чжоу и его внешний вид как нельзя лучше соответствовали его имени Эньлай, что означает Пришедший с добром.

Рассказывали, правда, что в Гёттингене в 1923 году у него была мимолетная связь с 27-летней горничной пансионата, где он останавливался. Сам Чжоу не любил вспоминать об этом. Может быть, испытывал угрызения совести, а может, просто забыл о случившемся. Как бы то ни было, но в 1924 году эта женщина, Кунигунда Штауфенбиль, родила от него сына. Чжоу не видел мальчика, да и вряд ли слышал о его рождении: к тому времени он жил в Париже и уже ничем, кроме политики и коммунизма, не интересовался. Кунигунда же вскоре вышла замуж за какого-то каменщика, и сын Чжоу — его звали Куно — воспитывался в семье отчима. Судьба мальчика сложилась трагически, впрочем, как и всех немецких ребят его поколения: в 1943 году его призвали в армию, и 4 февраля 1945 года Куно Штауфенбиль погиб в Восточной Пруссии, «сохраняя верность фюреру и народу» (так говорилось в извещении о его гибели). Перед уходом на фронт он, правда, успел жениться, и 15 октября 1944 года у него родился сын, которого его жена Кёте Финдайзен назвала Куно-Вильфрид. У внука же Чжоу в свою очередь в конце 1960-х годов родились две дочери: Симона и Анита. До объединения Германии они жили в ГДР[98].

Понятно, конечно, что в 1923 году, когда Дэн и Чжоу встретились, ни тот ни другой не могли знать о том, что будет с ними и их потомками через много лет. Да вряд ли и думали об этом. Все их мысли были направлены на развитие коммунистической пропаганды среди китайской диаспоры в Европе. Цай Чан вспоминает: «Журнал „Молодежь“ редактировали по очереди. Товарищи Дэн Сяопин и Ли Чанъин[16] переносили текст на восковку, товарищ Ли Фучунь выпускал тираж… Потом название журнала изменилось на „Красный свет“. Иногда номер выходил раз в три дня, иногда — в

два, но случалось — и раз в месяц, периодичность строго не устанавливалась… Товарищи Дэн Сяопин и Ли Фучунь днем работали [на французских предприятиях], а по вечерам занимались партийными делами, товарищ же Чжоу Эньлай был освобожденным партработником»[99].

В тот период на протяжении двух лет Дэн и Чжоу общались почти ежедневно и очень сблизились, завязав тесную дружбу. «Мы с ним дольше всего работали вместе, — вспоминал впоследствии Дэн Сяопин, — я смотрел на него, как на старшего брата»[100].

Проявивший себя в издательском деле как «способный и деловой» товарищ, Дэн вскоре получил в соцсомольских кругах прозвище «доктор издательских наук»[101]. Но, в отличие от Чжоу и некоторых других вождей, он оставался чисто практическим работником, теоретические проблемы комдвижения были ему еще «не по зубам». Это видно, в частности, из трех кратких заметок, опубликованных им в 1924–1925 годах в двух номерах «Красного света». Они резки, грубоваты, по-журналистски даже талантливы, но не идут ни в какое сравнение с глубокими теоретическими статьями Чжоу или другого лидера Европейского отделения ССМК (с начала 1925 года — КСМК, Коммунистического союза молодежи Китая) Жэнь Чжосюаня. Это скорее политические злободневки, чем взвешенные аналитические материалы.

Между тем в Китае происходили необычайные вещи. С конца августа 1922 года Компартия Китая и ССМК организовывали единый национальный фронт с Националистической партией Гоминьдан (созданной бывшим временным президентом Китайской Республики Сунь Ятсеном в 1912 году на основе прежнего Объединенного союза). Делали они это под давлением поддерживавшего их идеологически и финансово Коминтерна, международной организации коммунистов, созданной российскими большевиками в марте 1919 года в Москве для подготовки мировой революции. Большевистский расчет заключался в том, чтобы, объединив все антиимпериалистические и антифеодальные силы Китая под своим руководством, нанести сокрушительный удар по мировому империализму. Формой единого фронта стало индивидуальное вступление коммунистов и соцсомольцев в Гоминьдан. При этом компартия и соцсомол, сотрудничая с Гоминьданом, должны были сохранять полную независимость и находиться в его составе только до тех пор, пока не превратятся в массовые политические организации. Последнее же, как полагали в Исполкоме Коминтерна (ИККИ), станет возможным по мере развития китайской революции, в ходе которой углубится пропасть «между пролетарскими, буржуазными и мелкобуржуазными элементами»[102]. Иными

словами, компартия и соцсомол, по замыслу Коминтерна, обязаны были использовать Гоминьдан, имевший на юге страны относительно большое влияние, не только для того, чтобы бороться за национальную независимость Китая, но и для укрепления своего влияния в массах.

Летом 1923 года китайские соцсомольцы и коммунисты в Европе получили приказ вступить в Гоминьдан. Для организации гоминьдановской ячейки в Европе Сунь Ятсен направил во Францию своего представителя Ван Цзинци. 16 июня Чжоу Эньлай встретился с ним в Лионе, и вскоре все члены Европейского отделения Союза социалистической молодежи Китая, в том числе Дэн (более восьмидесяти человек), вошли в Гоминьдан[103]. Тогда же в эту партию вступили и китайские коммунисты, проживавшие во Франции.

А в январе 1924 года I Всекитайский съезд Гоминьдана в Кантоне, где Сунь Ятсен с февраля 1923 года возглавлял южнокитайское правительство, официально оформил вступление всех коммунистов и соцсомольцев Китая в Гоминьдан. Сунь принял политику Москвы, ибо Советский Союз уже в 1923 году начал оказывать ему материальную помощь, снабжая огромными суммами, а также направлять в его распоряжение десятки военных и политических советников. В мае 1924 года русские основали вблизи Кантона, на острове Чанчжоу (район Хуанпу или на местном диалекте — Вампу) в дельте реки Чжуцзян военную школу для офицерского состава вооруженных сил Гоминьдана. С помощью большевиков Сунь надеялся военным путем объединить страну, развалившуюся после смерти Юань Шикая.

В то время Дэн как один из активных соцсомольских пропагандистов уже начал свое восхождение по ступеням коммунистической карьеры. В январе 1924 года помимо издательской он стал выполнять в аппарате союза и техническую работу. А в середине июля, на V съезде Европейского отделения китайского соцсомола в Париже, его уже официально избрали членом Исполнительного комитета и одним из трех секретарей этой организации. Через несколько дней после этого Чжоу, сложивший с себя на съезде полномочия главы отделения, выехал по распоряжению ЦИК китайской компартии на родину для участия в разворачивавшемся на юге Китая революционном движении. А Дэн в начале 1925 года отправился в Лион — одним из руководителей местной ячейки Китайского союза молодежи. Там же, в Лионе, в апреле 1925 года его приняли в Коммунистическую партию Китая[17], точнее в ее Европейское отделение[104].

Вскоре, в июне 1925 года, руководители европейских

отделений Компартии Китая и Гоминьдана стали проводить в Париже массовые митинги и демонстрации, направленные против французского присутствия в Китае. Эти выступления были связаны с началом нового антиимпериалистического подъема на родине — так называемого движения «30 мая», вызванного убийством в Шанхае рабочего-коммуниста одним японцем и последовавшими за этим кровавыми столкновениями китайского населения с антинародными властями и размещенными в Китае не только японскими, но и другими иностранными войсками. Сунь Ятсен к тому времени уже умер (это случилось 12 марта 1925 года), но новые вожди Гоминьдана, поддержанные компартией (в первую очередь Ван Цзинвэй, лидер гоминьдановских левых и один из старейших членов этой партии, возглавивший ее после Суня), использовали ситуацию для мобилизации всех партийных сил как в Китае, так и вне его для разжигания национальной революции.

Понятно, что французская полиция терпеть выступления китайцев в своей стране не собиралась, и многие соцсомольцы, коммунисты и гоминьдановцы оказались за решеткой, после чего их начали депортировать. В этой связи Дэн срочно вернулся в Париж. Руководящих кадров стало катастрофически не хватать, и он должен был заполнить вакуум. «В начале июня [1925 года], когда ответственных товарищей в Париже стали высылать из страны… секретарь партии товарищ Сяо Пушэн прислал экстренное сообщение, — вспоминал Дэн. — …В то время мы получали очень мало сведений из Парижа, знали лишь, что центральные органы организации уже не функционируют, работать очень трудно. По настоянию товарищей я решил… отправиться в Париж работать в организации. Когда я приехал в Париж, товарищ Сяо Пушэн еще не был выслан и мы обсудили состав временного исполкома [Европейского отделения Комсомола Китая], вскоре переименованного в чрезвычайный. Я вошел в его состав»[105]. Одновременно Дэн стал кандидатом в члены Исполкома Европейского отделения китайской компартии[106]. Оба органа являлись малочисленными по составу: во временном исполкоме комсомольской организации, например, вместе с Дэном состояло всего три человека[107].

Так Дэн стал одним из вождей китайских коммунистов в Европе; правда, их организация доживала последние дни. Он поселился в юго-западном пригороде Парижа Бийанкуре, в пятом номере небольшой гостиницы, расположенной на улице Кастежа, дом 3, по соседству с заводом «Рено», куда устроился слесарем. Вместе с ним в номере жили еще два товарища — глава Исполкома Европейского отделения Комсомола Китая Фу Чжун и

комсомолец Ян Пиньсунь, на два и три года соответственно старше Дэна. Всю вторую половину 1925 года они изо всех сил старались продолжать начатую в июне антиимпериалистическую борьбу, проводили митинги китайской общественности, печатали прокламации и воззвания. В архивах французской полиции сохранилось немало секретных донесений на этот счет[108].

В конце концов над ними стали сгущаться тучи, и по решению организации в декабре 1925 года Фу Чжун и Дэн Сяопин начали говиться к отъезду из Франции. Их путь лежал в Москву, где они должны были поступить на учебу в специальный коминтерновский вуз, открытый еще в апреле 1921 года, — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Вместе с ними уезжали и дядя Дэна, Шаошэн, как и племянник, член китайской компартии с 1925 года, а также еще 17 товарищей. В Париже на несколько месяцев оставались только Ян Пиньсунь[109], срочно выехавший из гостиницы на улице Кастежа в безопасное место, и, очевидно, еще несколько товарищей, перед которыми стояла задача постепенно свернуть всю партийно-комсомольскую работу китайцев во Франции[18].

Седьмого января 1926 года Дэн, его дядя, Фу Чжун и другие сели в поезд, который не спеша отошел от перрона. Городские кварталы скоро остались позади, и за окнами вагона потянулись поля и луга прекрасной страны, которая сыграла такую большую роль в политическом становлении будущего великого реформатора Китая. Перед отъездом всем вручили уведомления французской полиции о высылке из страны. А на следующий день в доме 3 по улице Кастежа и в двух других гостиницах, где проживали выехавшие из страны китайцы, бийанкурские полицейские произвели обыски. О том, что было обнаружено в пятом номере дома по улице Кастежа, в секретном полицейском докладе говорилось следующее: «Было найдено много важных брошюр на французском и китайском языках („Китайский рабочий“, „Завещание Сунь Ятсена“, „Азбука коммунизма“ и др.), китайские газеты, в частности „Прогресс“ [«Цяньцзинь бао», правильный перевод «Вперед»], китайская газета, издающаяся в Москве, а также оборудование, необходимое для двух печатных станков, с жирными чернилами, пластины, ролики и множество пакетов с типографской бумагой… По всей видимости… китайцы [которые жили здесь] являются коммунистическими активистами»[110].

Французские полицейские были удивительно догадливы. Но это уже не имело значения. Скорый поезд стремительно уносил Дэна и его друзей в страну победившего большевизма, опыт которого Дэн страстно стремился изучить.

УРОКИ БОЛЬШЕВИЗМА

Глава написана совместно с Дарьей Александровной Аринчевой (Спичак).

Они прибыли в Москву — через Германию, где провели больше недели в дружелюбных рабочих семьях, и Польшу — в воскресенье 17 января. На Белорусско-Балтийском железнодорожном вокзале их радостно встречали представители Московского отделения Компартии Китая, которые тут же отвезли их на Страстную площадь, в здание бывшего женского монастыря, где располагался Комуниверситет трудящихся Востока. Там, несмотря на воскресный день, всем вручили студенческие билеты и дали псевдонимы. Дэн получил фамилию Крезов[111]. Почему, сказать трудно. Возможно, кто-то при регистрации обратил внимание на то, что он какое-то время работал в городе Ле Крезо. Хотя скорее всего псевдоним был выбран произвольно: работники отделов кадров коминтерновских вузов обычно не долго думали, прежде чем дать псевдоним студенту, главное было соблюсти конспирацию. Фу Чжун стал Алексеем Георгиевичем Диваковым, а Дэн Шаошэн — Владимиром Юрьевичем Данилиным[112]. После этого всех разместили в общежитии, которое находилось тут же, в бывших кельях монастыря, закрытого большевиками еще 30 марта 1919 года.

Этот монастырь имел примечательную историю. Воздвигнутый в 1654 году царем Алексеем Михайловичем в честь Страстной иконы Божией Матери, по которой и получил название — Страстной, он в царствование Екатерины II, в 1778 году, почти полностью выгорел (во время пожара чудесным образом остались невредимыми только три иконы — чудотворная Страстная икона Божией Матери и две иконы, писанные на стенах, — Боголюбской Богоматери и Иоанна Воина). В 1812 году монастырь разграбили солдаты Наполеона, но после ухода «цивилизованных варваров» обитель восстановили. Бедствие же, случившееся с монастырем по воле большевиков весной 1919 года, далеко превосходило и пожар, и наполеоновское нашествие. Монастырь передали Наркомату по военным и морским делам, превратившему его в казарму. Через два года, однако, солдат наркома Троцкого сменили студенты Комуниверситета трудящихся Востока, а само здание приписали к Наркомату по делам национальностей, в ведении которого университет тогда находился. В 1923 же году, в связи с ликвидацией Наркомнаца, и здание, и сам

Комуниверситет отошли Восточному отделу Коминтерна, а самому университету было присвоено имя И. В. Сталина, бывшего наркома по делам национальностей. (Конечно, сделано это было не ради того, чтобы «смягчить» передачу вуза от одного ведомства к другому: с апреля 1922 года Сталин был Генеральным секретарем ЦК большевистской партии, то есть одним из главных ее вождей[113].)

В то время когда Дэн приехал учиться, сталинский комвуз считался одним из крупнейших в советской России. В нем насчитывалось 1664 студента почти всех национальностей Востока. Среди них китайцев — более ста человек, причем большинство из Европы[114].

В Москве Дэн встретил много знакомых по жизни во Франции[19], в том числе бывшего вождя Европейских отделений Компартии и Комсомола Китая Жэнь Чжосюаня (псевдоним — Рафаил). Под его руководством он работал несколько месяцев в Париже и Лионе, и именно с арестом Жэня летом 1925 года было связано его вхождение в когорту партийных лидеров. После депортации из Франции Жэнь находился в Москве уже два месяца, но не столько учился, сколько занимался общественной деятельностью. За несколько дней до приезда Дэна его избрали секретарем Московского отделения Компартии Китая, и он чувствовал себя «на коне». 19 января он оформил всех вновь прибывших в члены этой организации[115] и, к удивлению многих, обязал всех подчиняться военной дисциплине.

Московские нравы отличались от парижских: члены местных ячеек Компартии и Комсомола Китая жили практически на казарменном положении. Так было всегда, начиная с создания этих организаций в декабре 1921 года. И инициаторами этого были отнюдь не российские большевики, а сами китайские вожаки ячеек, считавшие своим долгом выжигать каленым железом из сознания подчиненных якобы унаследованные ими от «отсталого патриархального общества» старые представления. Вот что вспоминает по этому поводу знакомый нам Чжэн Чаолинь (псевдоним — Марлотов), приехавший в Москву на три года раньше Дэна, весной 1923-го: «Они [члены Московского отделения китайской компартии] были разделены на вождей и массы. Вожди отдавали приказы, а массы их выполняли. Вожди вели себя так, как будто не являлись такими же студентами, как другие, а их учителями… Во Франции у нас тоже были вожди, но они завоевывали положение естественным путем, благодаря политической активности (среди студентов — участников программы „прилежной работы и экономной учебы“ и китайских рабочих). Мы искренне принимали их как наших вождей, но

считали товарищами, может быть, более способными, но тем не менее такими же, как мы… Представление же о вождях московских студентов коренным образом отличалось от нашего… Они не только раболепствовали перед ними публично, но не смели даже высказывать свое недовольство в частной беседе… Мы были разделены на несколько ячеек, по четыре или пять человек в каждой… Ячейка собиралась на заседания раз или два в неделю. Кроме того, было бесчисленное количество других собраний и митингов, которые длились по два, три, а то и четыре часа. Атмосфера была горячей, взвинченной и напряженной. Что мы делали? Ничего. Какие теоретические исследования проводили? Никаких. Большую часть времени занимала „критика индивидуализма“. Обвинения никогда не были по существу. Люди сводили счеты: „Ты слишком индивидуалистичен! Ты эгоист! Ты чересчур мелкобуржуазен! У тебя склонность к анархизму! И т. д.“. Те, кого критиковали, бросали потом те же обвинения в адрес своих критиков. А в результате всё заканчивалось тем, что люди краснели и семена ненависти взрастали в их сердцах» [116].

И хотя Жэнь тоже приехал из Франции, он быстро воспринял стиль «москвичей», а став секретарем, продолжал насаждать его. Оправдывая свою политику, он позже писал: «Нашим методом был ленинский принцип партийной самокритики… Ведь все студенты являлись интеллигентами, выходцами из мелкобуржуазных классов, поэтому, принимая во внимание, что компартия является политической партией пролетариата, мы считали необходимым заставить их трансформировать свое мелкобуржуазное сознание и сменить свой буржуазный окрас. Это означало, что студенты должны были перестраивать себя во всем — в мыслях, словах, делах, поведении, но, если они этого не делали, мы их критиковали, причем сурово, до тех пор, пока они не перестраивались»[117].

Несмотря на знакомство с Дэном, Жэнь тут же стал «перестраивать» и его. Уже через неделю после прибытия Дэн должен был выступить с самокритикой. И он, как послушный член партии, представил письменное заявление: «Хотя я и приехал сюда недавно, организация уже подвергла меня совершенно справедливой критике для того, чтобы я знал свои недостатки и продвигался вперед по пути самосовершенствования и успешного превращения в настоящего коммуниста. Я уже преисполнился решимости исправить ошибки, чтобы достичь позитивных результатов»[118].

Штаб-квартира Московского отделения находилась не в Комуниверситете трудящихся Востока, а в другом

коминтерновском вузе, открытом за два месяца до приезда Дэна, — в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) по адресу: Волхонка, 16. От Страстной площади до него — не более сорока минут ходьбы. Раньше здесь располагалась 1-я Московская губернская гимназия, одна из старейших в столице, основанная в 1804 году. В свое время в ней учились многие выдающиеся люди России: драматург Александр Николаевич Островский, историки Сергей Михайлович Соловьев и Павел Николаевич Милюков, философы Петр Алексеевич Кропоткин и Иван Александрович Ильин, математик Василий Яковлевич Цингер, писатель Илья Григорьевич Эренбург, а также один из вождей большевиков Николай Иванович Бухарин, в 1925 году ставший по существу вторым после Сталина руководителем РКП(б)[119]. В отличие от Комуниверситета трудящихся Востока этот университет предназначался исключительно для китайцев, причем как членов китайских компартии и комсомола, так и Гоминьдана, являясь, таким образом, учебным центром единого фронта.

Дэн, его дядя и Фу Чжун даже не успели освоиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока, как через 12 дней после их приезда его ректор Григорий Исаакович Бройдо уже направил их личные дела своему коллеге, ректору Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена Карлу Бернгардовичу Радеку. Кто-то в Исполкоме Коминтерна посчитал целесообразным направить подававших надежды коммунистов в главный китайский вуз СССР.

Двадцать девятого января 1926 года Дэн получил студенческий билет № 233 Университета им. Сунь Ятсена на имя Ивана Сергеевича Дозорова. Тогда же ему выдали и полагавшийся каждому вновь прибывшему набор повседневных вещей: костюм, пальто, ботинки, сапожную щетку, рубашку, полотенце, мочалку, носовые платки, расческу, мыло, зубную щетку и зубной порошок[120]. После этого распределили в общежитие, и на следующий день, в субботу 30 января, он наконец сел за парту.

Учебный план этого университета был крайне насыщенным. Дэн принялся изучать русский язык, историю развития общественных форм (исторический материализм), историю китайского революционного движения и революционных движений на Западе и Востоке, историю ВКП(б), экономическую географию, политическую экономию (по любимой Лениным книге немецкого социалиста Карла Каутского «Экономическое учение Карла Маркса»), партийное строительство, военное дело и журналистику (в учебном плане эта дисциплина обозначалась словом «Газета»)[121]. Срок обучения составлял два года, студенты

проводили в аудиториях по восемь часов шесть дней в неделю (с девяти часов утра до семи вечера с двухчасовым перерывом на обед)[122].

Практически всё, что штудировал Дэн, было для него новым, и он впитывал материал как губка. Ведь, по его собственным словам, он и прибыл в Москву для того, чтобы в конце концов «узнать, что же такое коммунизм». «Когда я работал в организации в Западной Европе, — писал он в автобиографии при поступлении в Университет им. Сунь Ятсена, — я все время чувствовал, что недостаточно подготовлен, и в результате часто совершал ошибки. Поэтому уже давно был полон решимости учиться в России. Однако тогда у меня не было денег на поездку, и я не мог осуществить задуманное… Я [всегда] остро ощущал, что мои знания о коммунизме поверхностны. Это понимали и другие… Поэтому, пока я нахожусь в России, я буду упорно учиться, чтобы получить более полные знания о коммунизме. Я думаю также, что у нас, молодежи Востока, очень сильно стремление к освобождению, но нам трудно систематизировать наши идеи и действия. Данное обстоятельство, разумеется, очень сильно затормозит нашу работу в будущем. Поэтому я приехал в Россию прежде всего для того, чтобы, научившись соблюдать железную дисциплину и получив коммунистическое крещение, полностью коммунизировать свои идеи и поступки. Приехав в Москву, я уже принял решение не колеблясь отдать всего себя нашей партии, моему классу. Отныне я буду всей душой воспринимать партийное воспитание, подчиняться партийному руководству и неизменно бороться за интересы пролетариата»[123].

Дэна при распределении зачислили в учебную группу № 7 (всего в Университете им. Сунь Ятсена их было тринадцать, в каждой по 25–40 человек). Седьмая группа являлась особой — в нее включали студентов, считавшихся наиболее перспективными с точки зрения их дальнейшего карьерного роста как в рядах китайской компартии, так и Гоминьдана. Вместе с Дэном в ней стали учиться его друг Фу Чжун и дядя Дэн Шаошэн, а также Цзян Цзинго (псевдоним — Николай Владимирович Елизаров) — сын начальника военной школы Вампу Чан Кайши, Цюй У (Н. К. Шипов), родственник главы Гоминьдана Ван Цзинвэя и зять члена Центрального исполкома этой партии Юй Южэня, Гу Чжэндин (Люксембург), будущий член Исполкома Гоминьдана и заведующий его орготделом, Дэн Вэньи (Зацепин), будущий начальник спецслужб Гоминьдана, и Сяо Чжаньюй (Писарев), будущий глава гоминьдановского горкома в Нанкине. Эта группа неформально называлась «кружок теоретиков».

Преподавание в группе велось на русском, что, конечно,

сказывалось на качестве обучения. Ведь во время лекций половина часов уходила на последующий устный перевод, причем не всегда адекватный. Но ничего другого администрация университета предложить Дэну не могла: групп с преподаванием на китайском языке не было, а в имевшуюся французскую группу Дэн не подходил: прожив во Франции пять лет, он так и не освоил язык этой страны.

Однако Дэн не унывал. По словам его дочери, у него постоянно было «радостно на душе», так как он чувствовал себя раскрепощенным[124]. Он упорно и с большим интересом занимался, сидя по многу часов в библиотеке, и хотя русский язык ему не давался так же, как французский, зато общественные дисциплины, в том числе история ВКП(б), история общественных форм и марксистская экономика, шли у него на «отлично». В университете было немало китайских переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Бухарина. И именно им Дэн уделял первостепенное внимание.

Его приподнятому настроению способствовала и окружающая обстановка. В 1926 году в Москве, да и в СССР в целом вовсю расцветал нэп, то есть проводилась новая экономическая политика большевистской партии, направленная на развитие рыночной экономики под контролем ВКП(б). Плоды нэпа ощущались повсеместно, в том числе в университете. Экономика страны была на подъеме, рынок все более насыщался товарами государственного и частного производства. Открывались все новые магазины, рестораны, кафе. «У нас никогда не было недостатка в курах, утках, рыбе и мясе, — вспоминал один из однокашников Дэна. — …Мы получали хорошее питание три раза в день… На завтрак, например, нам давали яйца, хлеб с маслом, молоко, колбасу, чай, а иногда даже икру. Мне кажется, что и богачам вряд ли подавали где-либо более обильные завтраки… Вдобавок служащим университета так хотелось произвести на студентов благоприятное впечатление, что когда мы устали от русской пищи, они поспешили нам угодить, пригласив на службу китайского шеф-повара. С этого времени у нас появился выбор — русская или китайская кухня»[125]. Хорошо организован был и отдых студентов: они посещали музеи, выставки и театры. А летом 1926 года даже съездили на экскурсию в Ленинград[126].

Как же такая жизнь отличалась от полуголодного существования Дэна во Франции! Преимущества нэповского социализма, который строила большевистская партия, были налицо! И их подтверждало чтение марксистско-ленинских книг и статей, а также тогдашних выступлений Сталина и Бухарина.

«Право никогда не может быть выше, чем экономический

строй и обусловленное им культурное развитие общества», — зубрил Дэн слова Маркса[127].

«[П]ытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей [— т]акая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах», — читал он у Ленина[128].

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства… рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики», — вдумывался он в мысль Сталина[129].

«Смысл нэпа заключается в том, что мы, используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление, — мы вместе с тем, в известном смысле, ставим их объективно на службу социалистической госпромышленности и всего хозяйства в целом… В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас *всегда* должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы», — учил он высказывания Бухарина[130].

Немало времени у него отнимала и партийно-политическая работа. Вскоре после начала занятий на общем собрании комсомольцев Университета им. Сунь Ятсена его избрали в бюро университетской организации Комсомола Китая, а студенты-коммунисты седьмой группы выбрали его и своим парторгом[131], так что он поневоле оказался втянут в острую фракционную борьбу, развернувшуюся в университете. Дело в том, что в начале 1926 года Жэнь Чжосюань выдвинул лозунг: «Собрания — на первое место, учеба — на второе; практика — на первое место, теория — на второе»[132]. Студентов, уделявших больше внимания учебе, нежели партсобраниям, открыто клеймили за «академизм» и «индивидуализм», а тех, кто, не досиживая до конца многочасовых митингов, уходил обедать, критиковали как «мелкого буржуа» и «эгоиста». Многие преподаватели были этим

недовольны; неодобрение высказывали и работники столовой[133]. Наибольшее же негодование выражал сам ректор Радек, который хотя и являлся старым членом ленинской гвардии, но больше всего на свете ценил личную свободу. 18 февраля 1926 года он выступил с осуждением руководства Московского отделения КПК на общем партийном собрании университета[134]. После чего собственноручно набросал план работы отделения, в котором, в частности, призвал студентов — членов китайской компартии изучать марксизм-ленинизм и суньятсенизм, укреплять в себе дух взаимопомощи и перестать слепо подчиняться начальству. Он потребовал от Жэнь Чжосюаня не мешать студентам свободно мыслить и обсуждать любые проблемы, связанные с китайской революцией[135].

Призыв Радека пал на благодатную почву. Немало энергичных молодых китайцев, мечтавших сделать партийную карьеру в Москве, открыто выступили против Московского отделения Компартии Китая. Во главе их встал 22-летний уроженец провинции Аньхой, член Комсомола Китая Чэнь Шаоюй, заклеймивший теоретические и практические установки Жэнь Чжосюаня словом «рафаиловщина» (по псевдониму Жэня — Рафаил), прозвучавшим как приговор. В результате весной 1926 года учебный процесс оказался почти полностью парализован. Впрочем, в июне начались каникулы и студенты, в том числе Дэн, переехали в подмосковный санаторий «Тарасовка» (по Ярославской железной дороге). Однако и здесь, на вольном воздухе, Чэнь и его товарищи не хотели прекращать полемику. В июне или июле они провели бурное общее собрание, направленное против Жэнь Чжосюаня и других «боссов» Московского отделения. Оно не прекращалось четыре дня: до тех пор, пока прибывший в «Тарасовку» Радек не объявил от имени ЦК ВКП(б), Исполкома Коминтерна и ректората университета о ликвидации Московского отделения китайской компартии и рассмотрении в ближайшее время вопроса о переводе китайских студентов-коммунистов в ряды большевистской партии[136]. Летом 1926 года Жэнь Чжосюань выехал на родину.

После этого все китайские студенты-коммунисты, в том числе Дэн, по решению Оргбюро ЦК большевистской партии стали кандидатами в члены ВКП(б), что сделало их полностью зависимыми от советских большевиков, руководивших университетским парткомом. Ведь кандидаты не обладали правом решающего голоса и не могли занимать выборные должности, так что конкурировать с полноправными членами партии, тем более с теми, кто возглавлял партком Университета им. Сунь Ятсена, они не могли. Да и парткомовское начальство,

придерживавшееся, в отличие от ректора Радека, точно таких же, как «боссы» Московского отделения, взглядов на партстроительство, не позволяло им никакой самодеятельности. Так что по иронии судьбы методы партработы в Университете им. Сунь Ятсена не изменились. Все члены партии и комсомола по-прежнему были обязаны принимать участие в многочасовых партийных собраниях, а также других мероприятиях: групповых дискуссиях и заседаниях «кружков текущей политики», где от них требовалось публично выражать преданность партийному руководству[137]. Секретарь же парткома университета Седников неустанно внушал китайским студентам, что ни о какой демократии в партии, ведущей борьбу за победу революции, говорить нельзя; демократия в ней допустима только тогда, когда партия завершит строительство социализма[138].

Все это, однако, Дэна не смущало. Несмотря на вспыльчивый характер, он старался не допускать уклонов, принимая ту точку зрения, которую высказывало большинство. А потому пока держался «на плаву», соблюдая железную партийную дисциплину. Ведь он, как мы помним, и хотел стать послушным солдатом партии. Поэтому подчинялся Жэнь Чжосюаню, когда тот был секретарем, но встал к нему в оппозицию, когда тот начал терпеть поражение. 12 августа 1926 года, развивая идеи Седникова, Дэн в одном из своих студенческих сочинений написал: «Центральная власть распространяется сверху вниз. Совершенно необходимо подчиняться приказам начальства… Демократия не всегда неизменное понятие. Расширение или сокращение демократии зависит от изменений в окружающей среде. Например, в дореволюционной России нельзя было расширять демократию. Точно так же нельзя этого делать в современном Китае»[139].

Не случайно партком университета регулярно давал ему положительные характеристики. Так, в одной из них, датированной 16 июня 1926 года, отмечалось: «Все [его] поступки соответствуют предъявляемым к коммунистам требованиям, непартийные проявления отсутствуют… [Он] уделяет особое внимание вопросу партийной дисциплины, очень интересуется общеполитическими проблемами и довольно хорошо в них разбирается, на собраниях партячейки активно участвует в обсуждении различных вопросов и вовлекает товарищей в дискуссии… Случаев неявки [на партсобрания] не имеется… Партийные поручения… выполняет успешно… Отношения с товарищами… тесные… Относится к учебе… с большим интересом… Старается научиться влиять на людей… Не роняет… авторитет партии перед членами гоминьдана… Очень продвинулся вперед в понимании задач партии, непартийных

уклонов не имеет, умеет оказывать партийное воздействие на комсомольцев… Наиболее пригоден… к пропагандистской и организационной работе»[140].

В другой характеристике товарища Дозорова — напомним, что это псевдоним Дэна, — от 5 ноября 1926 года подчеркивалось: «Очень активный и энергичный партиец и комсомолец (канд[идат] ВКП(б)). Один из лучших оргработников в бюро КСМ Университета. Будучи дисциплинированным и выдержанным, а также способным к учебе, т. ДОЗОРОВ извлек большой опыт из своей оргработы в Бюро КСМ и сильно вырос. Принимал активное участие в общественной работе. Во взаимоотношениях с другими — товарищ. В учебе был на первых местах. Партийная подготовка — хорошая (был индивидуалом — по индивидуальной обработке ГМД-новцев — на эту работу назначались наиболее подготовленные партийцы). Может быть использован лучше на оргработе»[141].

Девятого октября 1926 года общее собрание седьмой учебной группы, в которой Дэн был парторгом, сочло «целесообразным и полезным» перевести его из кандидатов в члены ВКП(б), «так как он хорошо и добросовестно вел работу и активно»[142].

По-партийному хорошо зарекомендовал себя Дэн и в моральном плане. В университете на несколько сот мужчин было всего два-три десятка женщин, но в отличие от большинства сверстников, не дававших им прохода, Дэн вел себя с ними очень скромно. Ему, правда, нравилась одна девушка, носившая псевдоним Догадова, — симпатичная, худенькая, с короткой стрижкой, тоненькими черными бровями и чуть припухлыми губами, но Дэн никаких шагов к сближению не делал. Все его время отнимали учеба и партработа. Он знал только, что настоящее имя девушки — Чжан Сиюань (Чжан Ниспосланное Небом яшмовое украшение), что родилась она в рабочей семье (отец — железнодорожник) на станции Лянсян уезда Фаншань провинции Чжили 28 октября 1907 года, то есть была на три года младше его, приехала учиться в Университет им. Сунь Ятсена из Китая за два месяца до него, 27 ноября 1925 года, вместе с Чэнь Шаоюем, а вступила в компартию на несколько месяцев позже — в декабре 1925-го, уже в Москве. Чжан училась в параллельной, сначала третьей, потом четвертой, группе (номер ее студенческого билета — 23-й) и так же, как Дэн, входила в бюро университетской комсомольской организации. Правда, занималась не очень добросовестно, на «троечку», да и с партработой у нее не все обстояло гладко: один раз она даже получила выговор за «невыполнение партпоручения»[143]. Так что ей тоже было не до романов: следовало завоевывать доверие

организации.

Между тем в Китае события развивались с головокружительной быстротой. После смерти Сунь Ятсена 12 марта 1925 года и прихода к власти в Гоминьдане фракции левых во главе с Ван Цзинвэем, а также в связи с началом национальной революции 30 мая того же года китайские коммунисты в Кантоне, следуя приказам Политбюро ЦК РКП(б) и Коминтерна, стали проводить агрессивную политику, стремясь в перспективе к захвату власти в Гоминьдане и превращению этой партии в рабоче-крестьянскую (народную). Теоретическое обоснование этой политике дал Сталин, начавший весной 1925 года определять линию большевиков в китайском вопросе[144]. К марту 1926 года многим и в Москве, и в Кантоне стало уже казаться, что триумф китайской компартии в Гоминьдане не за горами. Но 20 марта против засилья левых выступил начальник военной школы Вампу и командир 1-го корпуса Национально-революционной армии (НРА) Гоминьдана Чан Кайши, устроивший в Кантоне военный переворот. В результате Ван Цзинвэй и несколько советских военных советников, вызывавших особое неудовольствие Чана, вынуждены были покинуть Китай, а члены Компартии Китая — принять его требования, направленные на значительное ограничение их политической и организационной самостоятельности в Гоминьдане. Сам же Чан Кайши сосредоточил в своих руках все нити власти, возглавив Постоянный комитет ЦИК Гоминьдана, Военный совет Национального правительства и отдел военных кадров гоминьдановского исполкома. А что самое важное — стал главнокомандующим Национально-революционной армией[145].

Сталин и Коминтерн, а вместе с ними и китайские коммунисты вынуждены были принять свершившееся. Из Москвы в Центральный исполком Компартии Китая пришло указание: замедлить темп наступления внутри Гоминьдана, чтобы перегруппировать силы[146]. Единый фронт сохранялся, и Чан Кайши, удовлетворившийся уступками, начал с помощью главного военного советника Василия Константиновича Блюхера, прибывшего в южную столицу Китая в конце мая 1926 года, активно готовиться к Северному походу — военной экспедиции, задуманной еще Сунь Ятсеном для покорения милитаристов и объединения страны.

Этот поход начался через месяц, в начале июля 1926 года. Объективным союзником Чан Кайши была так называемая Националистическая армия, дислоцированная в Северо-Западном Китае. Ее командующий, маршал Фэн Юйсян, заявил о поддержке Сунь Ятсена еще в октябре 1924 года, когда восстал против своего

тогдашнего патрона У Пэйфу и занял Пекин[147]. Тогда же он обратился за помощью к СССР, и вскоре к нему прибыли несколько десятков советских военных советников, а затем поступило вооружение на сумму свыше шести миллионов рублей. За три с половиной месяца до Северного похода, однако, маршал Фэн потерпел крупнейшее поражение от северокитайских милитаристов, после чего в самом начале мая 1926 года вместе с семьей выехал в Советский Союз — вести переговоры о расширении советской военной помощи и «ожидать развития событий в Китае»[148]. Так что в июле 1926 года он, хотя и оставался союзником Гоминьдана, оказать реальную помощь Чан Кайши не мог. Тем не менее Чан успешно начал поход: уже 11 июля его войска, воодушевленные идеями национальной революции, одержали первую крупную победу над У Пэйфу, после чего заняли столицу провинции Хунань — город Чаншу.

Фэн же тем временем в Москве договорился с руководством ВКП(б) о предоставлении ему материальной помощи еще на сумму более 4 миллионов 300 тысяч рублей. Кроме того, группа его советских советников была усилена за счет новых кадров — их военным и политическим руководителем Политбюро назначило командира 1-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа Михаила Владимировича Сангурского (маршалу Фэну его представили под вымышленной фамилией Усманов). К нему также прикомандировали выпускника Комуниверситета трудящихся Востока Лю Боцзяня (Шерстинского), бывшего до Жэнь Чжосюаня секретарем Московского отделения китайской компартии. Лю жил в Москве с 1923 года, а до того принимал активное участие в создании Коммунистической партии китайской молодежи, проживающей в Европе. Фэну он очень понравился, и маршал пригласил его в свою армию заместителем начальника политотдела. Проведя в Москве более трех месяцев (с 9 мая по 26 августа 1926 года), Фэн вместе с Лю и Сангурским-Усмановым уехал в Китай[149].

А там продолжало разворачиваться революционное движение. 17 августа Чан Кайши возобновил Северный поход — из Чанши в направление Ухани. В занятой же его войсками Хунани стало тем временем нарастать стихийное движение безземельных крестьян, пауперов, люмпенов и прочего обездоленного люда против тех, кого в деревнях называли сельскими «мироедами». К осени 1926 года Национально-революционная армия вышла в долину реки Янцзы, предварительно разгромив основные силы У Пэйфу. 1 января 1927 года столицей гоминьдановского Китая была провозглашена Ухань[150].

Понимая, что до окончательной победы Гоминьдана во всей стране недалеко, Фэн сразу же по приезде в Китай (в провинцию Суйюань) 17 сентября 1926 года принес торжественную клятву бороться за свободу и независимость родины до последнего вздоха. Тогда же он объявил, что все его подчиненные коллективно вступают в Гоминьдан, а вскоре, в октябре, послал одну из своих дивизий, находившуюся в провинции Ганьсу, в соседнюю провинцию Шэньси, где войска У Пэйфу еще в апреле осадили гарнизон его армии в городе Сиани. 18 ноября осада была снята, У Пэйфу отступил, и Фэн начал готовиться к походу в провинцию Хэнань на соединение с наступавшими туда войсками НРА. В то же время он вновь обратился в Москву, в Коминтерн, — на этот раз с просьбой прислать ему дополнительную группу советников[151].

В Коминтерне посчитали целесообразным направить к Фэну китайских студентов УТК и КУТВ, хорошо зарекомендовавших себя. И отобрали более двадцати человек, в том числе Дэна, который даже не завершил положенный двухгодичный курс обучения. Северный поход вступал в решающую фазу, и работники Исполкома Коминтерна справедливо полагали, что «откладывать… работу и сокращать ее до тех пор, пока некоторые тт. в Москве закончат учебу, — абсурд»[152].

Двенадцатого января 1927 года Дэна отчислили из Университета им. Сунь Ятсена, и в тот же день он выехал на родину. Более чем шестилетнее пребывание за границей подошло к концу. В итоговой характеристике, данной ему парткомом университета, как и во всех предыдущих, говорилось: «Очень активный и энергичный, один из лучших оргработников. Дисциплин[ирован] и выдержан. В учебе на 1-х местах. Подготовка хорошая»[153]. Постановление общего собрания седьмой учебной группы о переводе его из кандидатов в члены ВКП(б) пришлось, однако, отменить[154]: Дэн возвращался в Китай, где вновь становился официальным членом Компартии Китая. Впереди молодого и способного коммуниста ждала революция, на волне которой он и его товарищи по партии рассчитывали прийти к власти.

ОТ СИАНИ ДО ШАНХАЯ

К тому времени, когда Дэн покинул Москву, маршал Фэн уже переехал из провинции Суйюань в Сиань. Так что путь Дэна и его товарищей лежал именно в этот город. Поезд довез их только до Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), дальше — на юг — железной дороги не было. Надо было добираться другим транспортом. Сначала через монгольские степи и город Ургу (Улан-Батор) — на советских грузовиках, перевозивших оружие для армии Фэна, потом через пустыню Гоби — на верблюдах, затем от столицы китайской провинции Нинся, города Иньчуани, до Сиани — на лошадях. Путь был тяжелый: в степи они дрожали от холода, в пустыне страдали от жары, гобийские пыльные бури слепили глаза и забивали песком рты и носы. К тому же им негде было умыться: первый раз более чем за 30 дней Дэн смог ополоснуться только в Иньчуани. Наконец в конце марта московские студенты, уставшие и оборванные, добрались до Сиани. «Вместо одежды [на нас] были дырявые лохмотья», — вспоминал Дэн[155].

Их тут же разместили в казармах, после чего представили Фэн Юйсяну. Сорокачетырехлетний маршал производил впечатление уверенного в себе человека[156]. Был он высокого роста, могучего телосложения, с мясистым лицом и широкими плечами (то есть в сравнении с Дэном выглядел великаном), одет просто, в деревенскую ватную куртку и мешковатые штаны. Двигался он неторопливо, а говорил тихо, как бы боясь «расплескать чашу мудрости»[20]. Маршал тут же назначил вновь прибывших начальниками политотделов армейских частей и учреждений.

Дэн получил назначение в Сианьское военное училище им. Сунь Ятсена, которое в войсках Фэн Юйсяна называли «2-й школой Вампу». Это было довольно большое учебное заведение, в котором насчитывалось более семисот курсантов, — в основном бывших студентов местных гражданских учебных заведений, — севших за парты, чтобы пройти военную и военно-техническую подготовку и прослушать курсы общественных наук. Находилось оно в самом центре города, на границе мусульманского квартала, близ знаменитых башен — Часовой, или Колокольной (Чжунлоу) и Барабанной (Гулоу), выстроенных еще в период правления основателя Минской династии Чжу Юаньчжана, в 80-е годы XIV века (ныне в этом здании — городское правительство Сиани[157]).

Организована была «2-я школа Вампу» буквально накануне приезда Дэна левым гоминьдановцем Юй Южэнем, назначенным Фэн Юйсяном главнокомандующим войсками

Националистической армии, расквартированными в Шэньси. Юй сделал начальником училища Ши Кэсюаня, 37-летнего уроженца уезда Синпин провинции Шэньси, бывшего командира бригады, который всего за несколько месяцев до того вступил в Компартию Китая. Ши уже имел опыт учебно-административной работы: осенью 1926 года в местечке Саньюань, в 70 ли к северу от Сиани, организовал курсы крестьянского движения. С января же 1927 года возглавлял отдел политической безопасности в ставке главного командования Нацармии, так что, очевидно, пользовался доверием Юй Южэня[158]. Заместителем Ши и заведующим учебной частью училища тоже стал коммунист — некто Ли Линь, выпускник Комуниверситета трудящихся Востока, которого Дэн неплохо знал по жизни во Франции. Помимо них во «2-й школе Вампу» работало и много других членов компартии. Одному из них, Гао Гану, суждено будет спустя четверть века сыграть немалую роль в жизни Дэна.

Как начальник политотдела Дэн в первую очередь отвечал за налаживание в училище партийно-пропагандистской работы. Занимался он и преподаванием политических дисциплин, таких как «История китайской революции», «История Гоминьдана» и «Принципы большевизма». Кроме того, в учебную программу школы были включены и такие темы: история империалистической агрессии против Китая, современные проблемы китайской революции, ленинизм, аграрный и крестьянский вопросы, а также основы ведения политработы в армии. Для членов и кандидатов в члены Коммунистической партии Китая, а таковых среди курсантов насчитывалось около ста человек, читались и специальные курсы: «Что такое компартия», «Азбука коммунизма» и «Капитал». В общем, Дэн имел возможность поделиться накопленными в Москве знаниями. Он вспоминал: «На политзанятиях [мы] говорили в основном о проблемах революции, открыто рассказывали о марксизме-ленинизме; в Сиани это училище считалось красным»[159].

Лектором Дэн оказался хорошим, страстным и энергичным. А потому в дополнение к основной работе, по приказу начальства, стал вскоре вести занятия и в двух других учебных заведениях, созданных ставкой главного командования: в Академии им. Сунь Ятсена, которая готовила политработников, и в Инструкторской школе для сотрудников отдела безопасности[160]. Какое-то время по совместительству он был и секретарем коммунистической организации училища, а в мае-июне 1927 года входил в исполком его особой гоминьдановской ячейки[161]. Он часто выступал с докладами перед курсантами и преподавателями о политическом и международном положении Китая, обстановке в Советской

России и даже принимал участие в художественной самодеятельности. При политотделе имелся клуб им. Хуаньчжана (то есть Фэн Юйсяна; Хуаньчжан — величальное имя маршала), и вот там-то и играл Дэн в простеньких пьесках патриотического содержания. В одной из них он исполнил роль самого главкома Юй Южэня[162]. Такие незамысловатые формы пропаганды неизменно вызывали восторг зрителей.

Платили ему немного, но мусульманский квартал Сиани в двух шагах от училища таил в себе такие кулинарные соблазны, что Дэн с товарищами не мог не заглядывать в тамошние ресторанчики. Этот район всегда славился своей кухней, воздух его центральной улицы Бэйюаньмэнь, а также соседних переулков и улочек наполняли пряные ароматы. Особенно вкусным казалось острое блюдо «нюжоу паомо» — густой суп из говядины с рисовой лапшой. Оно так нравилось Дэну, что он нередко подбивал своего начальника Ши Кэсюаня сводить его и других партийцев пообедать за счет училища. Казнокрадством они это не считали и, наевшись досыта, чувствовали себя счастливыми[163].

В многолюдной столице провинции Шэньси, насчитывавшей около восьмисот тысяч жителей, вообще можно было хорошо провести время. Сиань, или правильнее Сианьфу (Город западного спокойствия — так этот мегаполис в 1369 году назвал Чжу Юаньчжан[21]), являлся одним из крупнейших торговых и культурных центров страны. Здесь издавна проходила граница между собственно Китаем и дикой степью. На многочисленные городские рынки свозились товары традиционного китайского производства: шелковые и хлопчатобумажные ткани, фарфор, чай, рис, лаковые изделия и нефритовые украшения, которые обменивались на предметы кочевого скотоводства степных народов. Окруженный с четырех сторон мощной крепостной стеной, этот город всегда играл важную роль в делах Поднебесной, в нем, «как в миниатюре, можно было проследить всю историю Китая»[164]. Одиннадцать столетий город являлся столицей империи, тринадцать династий правили в нем. Менялись его названия, но он продолжал расцветать. Его шумные улицы неизменно поражали обилием богатых торговых лавок, а древние пагоды и дворцы — роскошью и великолепием. Путешественник, посетивший Сиань в начале прошлого века, вспоминал: «Магазины, банки и рынки тянулись вдоль улиц… Телеги, паланкины вельмож и всадники прокладывали дорогу сквозь движущиеся толпы народа. Жизнь била ключом повсеместно»[165]. Такой же шумной и деловой увидел столицу Шэньси и современник Дэна в 1920-е годы: «Это невероятно огромный город… который можно сравнить только с Пекином…

Как по своим размерам, так и по политическому, коммерческому и военному значению это… метрополис великого аграрного северо-запада [Китая]»[166].

Но у Дэна не было времени, чтобы осматривать достопримечательности Сиани. Он и в мусульманский-то квартал наведывался раз в неделю. Ситуация в стране в целом, как и в городе в частности, менялась с невероятной быстротой. 12 апреля 1927 года из Шанхая, взятого за 20 дней до того армией Гоминьдана, пришли страшные вести: главнокомандующий НРА Чан Кайши, заручившись поддержкой империалистов, крупных шанхайских бизнесменов и главарей городской мафиозной группировки «Цинбан» («Зеленый клан»), развязал в нем и других городах Восточного Китая белый кровавый террор, направленный против коммунистов.

Сделал он это не потому, конечно, что решил в одночасье «продаться» врагам революции, как о том стали говорить коммунисты, а в силу все тех же причин, которые вынудили его восстать против советских военных советников и Компартии Китая за год до того в Кантоне. Дело в том, что в конце 1926 года в связи с Северным походом и сопутствовавшим ему массовым движением безземельных крестьян, пауперов и люмпенов против любых мало-мальски зажиточных сельских жителей в занятых НРА районах Сталин дал китайской компартии указание отказаться от политики отступления в Гоминьдане, которой, как мы помним, КПК следовала по его же приказу со времени мартовского (1926 года) переворота Чана. В самом же начале весны 1927 года из Москвы в ЦИК Коммунистической партии Китая ушла директива Политбюро ЦК ВКП(б), обязывавшая коммунистов «держать курс на вооружение рабочих и крестьян, *превращение крестьянских комитетов на местах в фактические органы власти с вооруженной самообороной*»[167].

После этого той же весной 1927-го движение безземельных крестьян, пауперов и люмпенов против сельских «мироедов», в котором коммунисты стали играть активную роль, достигло, по позднему признанию одного из вождей китайской компартии Чжан Готао, «стадии сумасшествия»[168]. Крайне экстремистски начали вести себя и члены вооруженных рабочих пикетов компартии в ряде городов, в том числе в Шанхае. Заправлявшие в них босяки и коммунисты стали нападать даже на зажиточных родственников влиятельных гоминьдановцев и вождей компартии!

Вот поэтому-то Чан Кайши в конце концов и разорвал единый фронт. Через три дня его примеру последовали гоминьдановские генералы в Кантоне, после чего Чан провозгласил образование в

Нанкине нового Национального правительства. В результате на занятой войсками НРА территории возникли два враждебных центра: антикоммунистический нанкинский во главе с Чан Кайши и левогоминьдановский уханьский во главе с Ван Цзинвэем, вернувшимся из Европы в Ухань за два дня до переворота Чана.

В этих условиях от того, за кем пойдет маршал Фэн, зависело многое. Юй Южэнь, Лю Боцзянь, Ши Кэсюань, Дэн Сяопин и другие левые гоминьдановцы и коммунисты тут же развернули античанкайшистскую пропагандистскую кампанию в его войсках. Митинги следовали один за другим, и наконец 5 мая в Сиани перед резиденцией Фэн Юйсяна, названной Юй Южэнем за несколько месяцев до того Красной крепостью[169], прошла грандиозная пятнадцатитысячная манифестация, в которой приняли участие уже не только военнослужащие, но и представители всех слоев городского населения. Чан Кайши громко поносили последними словами, клеймили позором и, разумеется, обвиняли в «предательстве»[170].

Казалось, все это подействовало на Фэн Юйсяна. В мае он, переименовав свои вооруженные силы во 2-ю армейскую группировку НРА, выступил в Хэнань — в Восточный поход на соединение с армией левого Гоминьдана. 26 мая он взял Лоян, 31-го — Чжэнчжоу, а 1 июня — Кайфэн, после чего его войска встретились с 1-й армейской группировкой левого гоминьдановского генерала Тан Шэнчжи. 10 июня в город Чжэнчжоу на встречу с ним прибыли уханьские вожди во главе с Ван Цзинвэем. В ходе переговоров Фэн покорил их своими античанкайшистскими настроениями. Генерала Чана он открыто называл не иначе как «бесчеловечным существом с волчьим сердцем и собачьими легкими»[171] и, похоже, готов был драться с ним не на жизнь, а на смерть.

Вместе с тем выяснилось, что за последнее время у Фэн Юйсяна накопились претензии и к компартии. Этим он тоже поделился с лидерами Ухани, правда, в приватном порядке. Недовольство маршала объяснялось просто: коммунисты в его войсках также вели себя слишком активно — настолько, что стороннему наблюдателю могло показаться, будто не маршал Фэн командует армией, а члены компартии. И дело тут, конечно, не в том, что коммунист-начальник Сианьского военного училища вместе с Дэном и его сослуживцами транжирил казенные деньги в местных ресторанчиках. Как и в Хунани, Цзянси и Хубэе, занятых другими частями НРА, в провинциях, формально находившихся под контролем Фэна, массовые выступления бедноты, направлявшиеся коммунистами, переходили всякие границы. Агрессивные крестьянские союзы, рабочие, женские и

молодежные организации повсюду творили беспредел. Всех, кого их главари считали «богачами», арестовывали, выставляли на посмешище, заставляли платить штрафы, над ними всячески издевались, водили по деревням в дурацких колпаках, а то и просто безжалостно убивали. И все это под лозунгами «всеобщего равенства». Маршал Фэн, любивший порядок, терпеть такое не мог.

Особенно его, человека старой закалки, возмущала эмансипация женщин, проповедовавшаяся коммунистами. «После того как основали женскую ассоциацию, — негодовал он, — женщины района Тунгуань [уезд на границе с Хэнанью] стали проводить собрания каждый день, перестав уделять внимание детям и приготовлению пищи. Когда же их мужья возмутились, они заявили, что забота о детях — дело не только женщин и эту работу надо разделить поровну, следуя принципу равенства. Так беспорядок вошел в каждый дом». Фэн был в ярости от такого «возмутительного», по его пониманию, равенства[172].

Лидеры левого Гоминьдана вежливо выслушали его, но никаких шагов к ограничению влияния коммунистов предпринимать не стали. И тогда, 19 июня, Фэн встретился с «бесчеловечным» Чаном в городе Сюйчжоу (провинция Цзянсу), чтобы согласовать совместные действия против компартии. Из Сюйчжоу он направил Ван Цзинвэю и ЦИК левого Гоминьдана ультиматум, требуя от них также порвать с коммунистами. «Народ, — заявил Фэн, — хочет положить конец такому [коммунистическому] деспотизму»[173].

Однако в отличие от Чана Фэн не горел желанием казнить коммунистов, работавших в его войсках. Вернувшись из Сюйчжоу в Кайфэн 21 июня, он вежливо объяснил Сангурскому, почему не может дальше сотрудничать с Компартией Китая. «Это все „детская болезнь левизны“, — горько заметил ему главный военный советник, когда Фэн поведал ему об эксцессах в ходе коммунистической борьбы за «всеобщее равенство». — Это пройдет в процессе развития революции»[174]. Но маршал не хотел ждать никакого «развития». Он вручил Сангурскому и другим советникам подарки, деньги на дорогу домой и пожелал счастливого пути. С такими же почестями он проводил Лю Боцзяня[175]. Позже Дэн вспоминал: «Во время чистки 1927 года, в то время, как Чан Кайши безжалостно убивал коммунистов на юге, господин Хуаньчжан [Фэн Юйсян] вместо этого вежливо попросил нас уйти из армии»[176]. Тогда же Фэн приказал всем сотрудникам-коммунистам Сианьского военного училища явиться в Чжэнчжоу «на учебу». Вероятно, и с ними хотел распроститься по-хорошему. Но шэньсийский комитет компартии, обсудив

создавшееся положение, постановил не выполнять приказ.

Через две недели Ши Кэсюань, сформировав из преподавателей и курсантов Сианьской военной школы батальон, увел его в уезд Линьтун, за 40 ли к северо-востоку от Сиани, чтобы развернуть там борьбу против «предателей революции» (еще через две недели Ши попадет в плен к гоминьдановцам и будет казнен)[177]. А Дэн, по распоряжению того же провинциального комитета компартии, в конце июня вместе с заместителем начальника школы Ли Линем отправился на работу в Ухань. И хотя путь двух товарищей (они ехали по железной дороге) пролегал как раз через Чжэнчжоу, они не стали там останавливаться, чтобы «тепло попрощаться» с маршалом Фэном[178].

В Ухани обоих ждала опасная работа: обстановка там достигла критической точки. Очевидец рассказывает: «Политическая ситуация развивалась быстро, становясь все более угрожающей для нас… Магазины в Ухани закрывались один за другим, кредитные билеты, выпущенные ханькоускими отделениями Банка Китая и Банка коммуникаций, никто не принимал. Ходили слухи, что войска Тан Шэнчжи тоже готовились к выступлению… После того как империалисты и Чан Кайши заблокировали нижнее течение реки Янцзы, экономика Ухани развалилась. Правительство само усиливало инфляцию, выпуская в дополнение к банкнотам Банка Китая и Банка коммуникаций свою валюту — казначейские билеты. Промышленность и торговля не развивались. Капиталисты обвиняли во всем коммунистическую партию… Да и сами рабочие не испытывали добрых чувств по отношению к КПК»[179].

Прибыв в Ухань в самом начале июля 1927 года, Дэн не мог не ужаснуться тому, что увидел, проехав через весь город, — с ханькоуского вокзала на другой берег Янцзы, в Учан, где располагался Центральный комитет Компартии Китая. Страшная картина упадка поразила его. В ЦК ему немедленно дали работу: он стал техническим секретарем Центрального комитета. Дел было невпроворот. Из восьми положенных по штату секретарей в должность вступил он один; другие из-за кризисной ситуации прибыть в Ухань не смогли[180]. Так что ему, по сути, приходилось делать всё: и вести протоколы заседаний Политбюро, и готовить проекты резолюций ЦК, и переписываться с местными организациями, и налаживать связь с коммунистами, переходившими в разных районах на нелегальное положение. Его начальник, заведующий Секретариатом Дэн Чжунся, 33-летний уроженец Хунани, был вечно занят другими делами. Как член Центрального комитета и один из авторитетнейших вождей

компартии, он все дни проводил в заседаниях и дискуссиях, а бумажную работу переложил на Дэна. И тот начал довольно неплохо справляться. Не случайно же в Москве его оценили прежде всего как способного оргработника.

В политическую и идеологическую борьбу, разворачивавшуюся в то время в партийном руководстве, Дэн не встревал: не было ни времени, ни сил, ни опыта. Да никто и не воспринимал его тогда как политика и теоретика. Вождей и мыслителей в китайской компартии хватало. На заседаниях руководящего центра, которые обычно проходили в Ханькоу, в доме главного политического советника ЦИК левого Гоминьдана и уханьского правительства Михаила Марковича Бородина, куда Дэн должен был приходить, чтобы вести протоколы, он всегда становился свидетелем бурных споров. Единый фронт разваливался буквально на глазах, а вожди компартии не могли ничего придумать, чтобы спасти положение. В конце июня Чэнь Дусю с горечью сказал Бородину и представителю Коммунистического интернационала молодежи (молодежной коминтерновской организации) Рафаэлю Мовсесовичу Хитарову: «Московские директивы я не понимаю и не могу с ними согласиться. Москва просто не понимает, что здесь происходит». Представитель Коминтерна Манабендра Нат Рой тут же известил Политсекретариат Исполкома Коминтерна: «26 июня Политбюро компартии открыто выступило против директив Коминтерна. Чэнь Дусю заявил, что Москва не знает положения и шлет директивы, которые нельзя выполнить… Между Китайской компартией и Коминтерном имеются открытые расхождения»[181].

Раздосадованный Сталин 8 июля потребовал от членов Политбюро ЦК Компартии Китая «исправить на основе директив ИККИ [Исполкома Коминтерна] коренные ошибки партийного руководства»[182]. Но 12 июля Чэнь Дусю ушел в отставку, послав в ЦК письмо, в котором, в частности, заявил: «Сложилось по существу безвыходное положение. Я фактически не могу продолжать свою работу»[183]. 15 июля лидер левого Гоминьдана Ван Цзинвэй порвал с коммунистами и, следуя за Чан Кайши, развязал в Ухани белый террор. Коммунисты попытались ответить общегородской забастовкой рабочих, но им не повезло: пролетариат не встал под их знамена и стачки не получилось. «Банкротство, которое мы потерпели в Ханькоу, было постыдным, — пишет Чжэн Чаолинь, — …[оказалось, что] мы не имели никакой базы среди ханькоуских рабочих»[184].

Таким образом, единый фронт развалился, рабочее движение сошло на нет, и Дэн вместе с другими коммунистами, находившимися в городе, должен был уйти в подполье, как до

того вынуждены были сделать члены КПК в Шанхае, Кантоне и иных местах. 24 июля новые руководители компартии (известные коммунисты Цюй Цюбо, Чжан Готао, Чжан Тайлэй, Ли Вэйхань, Ли Лисань и старый друг Дэна Чжоу Эньлай), сформировав вскоре после отставки Чэнь Дусю Временное бюро ЦК, издали директиву о немедленном переходе всей партии на нелегальное положение. Партийные учреждения обязаны были немедленно сменить адреса и переехать на новые места, замаскированные под частные дома, магазины и госпитали, а все ответственные работники партии — поменять имена и имидж[185]. Выполняя эту директиву, именно в то время Дэн и изменил, как помним, свое имя Сисянь на Сяопин. После чего вместе с Секретариатом ЦК переехал из Учана в Ханькоу.

В конце июля в этот город прибыл и новый эмиссар Москвы (Рой и Бородин по приказу Сталина уже уехали из Ухани и вскоре должны были покинуть Китай). Им был Виссарион Виссарионович Ломинадзе, старый член большевистской партии, близкий соратник Сталина, бывший секретарь ЦК КП(б) Грузии и один из руководителей Исполкома Коминтерна (в Китае работал под псевдонимом Николай Вернер). Он сразу же заявил Цюй Цюбо и Чжан Готао, что послан «сюда для исправления многочисленных ошибок, допущенных в прошлом работниками Коминтерна и ЦК КПК в ходе китайской революции»[186]. Ломинадзе передал Цюю и Чжану требование Политбюро большевистской партии созвать чрезвычайную партийную конференцию КПК для реорганизации руководства партии и выработки нового курса[187].

За несколько дней до приезда высокого гостя члены Временного бюро ЦК Коммунистической партии Китая и сами начали разрабатывать новую политику. Страстно желая «пустить кровь предателям революции», они решили в ближайшее время организовать вооруженные выступления в гоминьдановской армии, а также в деревнях четырех провинций (Хунани, Хубэя, Гуандуна и Цзянси). В ходе деревенских мятежей они надеялись поднять крестьянскую бедноту на аграрную революцию в период сбора осеннего урожая, когда арендаторы будут рассчитываться с землевладельцами.

Ломинадзе горячо поддержал этот курс. И в ночь с 31 июля на 1 августа в городе Наньчане (провинция Цзянси) посланный туда Чжоу Эньлай, а также другие представители Временного бюро вместе с командиром 20-го корпуса НРА Хэ Луном (экс-бандитом из западной Хунани, который сочувствовал коммунистам), а также членами компартии Е Тином — командиром одной из дивизий 11-го корпуса, Лю Бочэном — бывшим командиром 15-го корпуса, и знакомым нам Чжу Дэ — в

это время начальником Бюро политической безопасности города и командиром инструкторского полка 9-го корпуса, подняли первое восстание. Повстанцы (общей численностью двадцать с лишним тысяч солдат и офицеров) захватили Наньчан, но оставаться там не собирались. 3 августа они вышли из города в направлении порта Сватоу (восточный Гуандун), где должны были получить оружие из СССР. Однако в конце сентября — начале октября 1927 года потерпели сокрушительное поражение на подступах к Сватоу, после чего их войска развалились. Хэ Лун и Лю Бочэн бежали в Гонконг, Е Тин пробился в гуандунский уезд Луфэн, а Чжу Дэ во главе отряда в тысячу человек начал тяжелый переход в сторону границы провинций Гуандун и Цзянси.

Между тем 7 августа в Ханькоу Цюй Цюбо и Ломинадзе провели чрезвычайное совещание ЦК китайской компартии. Проходило оно на квартире одного из бывших советских советников уханьского правительства Михаила Осиповича Разумова (китайцы звали его Ло Думо) и его жены Анны Лазаревны, расположенной на втором этаже большого трехэтажного дома европейской постройки на территории бывшей Русской концессии по адресу: Саньцзяоцзе (улица Трех религий), 41. В совещании приняли участие 25 человек, из которых только 15 входили в состав высших органов партии (Центрального комитета и Контрольной комиссии). Как технический секретарь присутствовал там и Дэн Сяопин, прибывший на квартиру Разумовых вечером 4 августа, за 3 дня до начала совещания, чтобы его подготовить. Он сидел в углу у окна за небольшим столиком и вел протокол. В дискуссии не участвовал, да ее, собственно, и не было.

Говорил в основном Ломинадзе, подвергший китайских коммунистов резкой критике. Знавший русский Цюй Цюбо, интеллигентный юноша в больших круглых очках, переводил, неистово кашляя, поскольку страдал туберкулезом. Он же затем от имени руководства партии сделал самокритичный доклад. С посланцем Москвы лучше было не спорить: в условиях кризиса компартия, как никогда, нуждалась в финансовых вливаниях Коминтерна. В прениях выступили только пять человек, среди них — дважды — высокий хунанец лет тридцати четырех, которого Дэн видел впервые. Этот партиец говорил страстно и убедительно, критикуя прежнее руководство в основном за «ошибки» в военном и крестьянском вопросах. «С этого момента нам следует уделять величайшее внимание военным делам, — сказал он. — Мы должны знать, что политическая власть рождается из дула винтовки»[188]. Он также предложил экспроприировать землю у всех, кто владеет более чем 50 *му* [то

есть 3,3 га], атаковать «зажиточных крестьян» и относиться к членам тайных обществ и бандитам, как к «нашим братьям», привлекая их на сторону компартии[189].

Эти радикальные идеи звучали нетривиально и даже как-то не по-большевистски. Ведь у выступавшего получалось, что Компартии Китая надо срочно создавать армию из бандитских, бедняцко-пауперских и люмпенских элементов, которых можно привлечь на свою сторону только путем конфискации земли у всех более или менее имущих жителей деревни, в том числе мелких *дичжу* и крестьян (ведь под категорию «зажиточного» в глазах люмпена мог попасть любой трудящийся земледелец).

Тогда никто в руководстве партии и Коминтерна так прямо не ставил вопрос ни о решающей роли военного фактора в революционном движении, ни о союзе коммунистов с люмпенами и бандитами против крестьян. В Москве Дэна учили совсем по-другому, так что он не мог не запомнить выступавшего.

Звали горячего хунаньца (которого, кстати, за излишнюю левизну тут же раскритиковал Ломинадзе) Мао Цзэдун, и был он очень известным коммунистом: одним из основателей партии, делегатом ее I съезда, организатором хунаньской партийной организации, кандидатом в члены ЦК Компартии Китая и бывшим кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана. В партии Мао называли «королем Хунани», признавая его высокий авторитет среди коммунистов этой провинции, а также считали крупным знатоком крестьянского вопроса.

Сам же Мао не обратил внимания на низкорослого секретаря ЦК, который едва доходил ему до плеча. Дэн все еще был незначительной фигурой, да и сидел в своем углу, ведя протокол, очень тихо. «Люди потом говорили, что мы встречались в Ухани, — вспоминал Мао в 1960 году, — но я совершенно не помню. Может, и встречались, но уж точно не разговаривали!»[190] Вскоре после совещания «король Хунани», избранный на нем кандидатом в члены Временного политбюро, получил от Цюй Цюбо, исполнявшего тогда обязанности Генерального секретаря ЦК, задание вернуться в родные места и поднимать там восстание «осеннего урожая»[191]. И к середине августа 1927 года он покинул Ухань.

В конце сентября или начале октября 1927 года из Ухани выехал и Цюй Цюбо. Вместе с аппаратом Центрального комитета он переехал в Шанхай. Вскоре туда же перебрались многие другие руководители партии. Прибыл туда и Дэн. К тому времени, следуя директивам Коминтерна, Центральный комитет компартии провозгласил начало борьбы коммунистов за создание советов в Китае. Указания об этом Цюй получил через советского

консула в Ханькоу 20 сентября[192]. В сельских районах Китая — северо-восточной Хунани, южном и восточном Хубэе, северном и восточном Гуандуне — полыхавшие восстания «осеннего урожая» стали именовать советскими, однако вскоре все они потерпели поражение[193], и остатки повстанческих войск под давлением противника отошли в труднодоступные, часто горные, районы, где развернули партизанскую войну. Отступил в горы — в расположенный на границе провинций Хунань и Цзянси район Цзинган — и Мао Цзэдун со своим отрядом в полторы тысячи измотанных боями бойцов. В апреле 1928 года с ним соединились войска Чжу Дэ[194].

Временное же Политбюро и Секретариат ЦК оставались в Шанхае. Следуя классическим догмам марксизма, вожди Коминтерна и китайской компартии по-прежнему считали главной движущей силой революции рабочий класс, а потому всеми силами пытались возродить угасшее летом 1927 года движение пролетариата. 11 декабря 1927 года под руководством эмиссара Коминтерна Гейнца Неймана они даже организовали вооруженное восстание в Кантоне. Это кровопролитное выступление, известное в истории как Кантонская коммуна, также закончилось поражением.

Но вожди китайской компартии не сдавались. Особое внимание они стали уделять самому Шанхаю. И это несмотря на ухудшавшиеся условия городского подполья и ежедневный смертельный риск. Террор охранки, для которой преследование коммунистов и прочих левых превратилось в главное дело, отодвинувшее на задний план даже борьбу с мафией, был беспощадным. 7 марта 1928 года гоминьдановское правительство приняло закон о чрезвычайном положении в стране, по которому пропаганда идей, несовместимых с «тремя народными принципами» Сунь Ятсена[22] (то есть коммунистических), считалась «политическим преступлением» и каралась заключением под стражу на 15 лет. Те же, кто «нарушал мир и порядок», «подстрекал к нарушению мира и порядка», «сотрудничал с бандитами» или «вел пропагандистскую кампанию, направленную против государства», подлежали смертной казни[195].

За девять месяцев 1927 года (с середины апреля до середины декабря) в Шанхае и близлежащей провинции Цзянсу были арестованы более 5600 человек, две тысячи из них — казнены[196]. Общая численность компартии сократилась за то же время с почти пятидесяти восьми тысяч до десяти тысяч человек[197]. «Каждый день, выходя из дома, я не знала, буду ли я арестована, — вспоминала жена Чжоу Эньлая Дэн Инчао,

секретарь партячейки ЦК КПК. — Полиция обыскивала мой дом, находившийся в международном сеттльменте… Много хороших друзей были арестованы, и наша работа стала невозможной»[198]. Центральный комитет выдвинул принцип «абсолютной секретности», потребовав от своих работников и сотрудников иных расположенных в городах организаций КПК «повышения профессионального уровня», что означало соблюдение самых тщательных форм конспирации[199].

Каждый маскировался как мог. Чжан Готао и Ли Лисань, например, начали разыгрывать родных братьев, приехавших в Шанхай из провинции в поисках хорошего доктора. Чжан отличался бледным цветом лица, поэтому притворялся больным, так что Ли при посторонних все время интересовался его здоровьем. Жили они в роскошной шестикомнатной квартире на территории международного сеттльмента: богатые люди вызывали меньше подозрений[200].

В богатого человека играл и Дэн Сяопин. В самом центре международного сеттльмента, в одном из переулков близ шумной улицы Умалу, он сначала «владел» мелочной лавкой, а потом — антикварным магазином. Одевался в роскошные китайские халаты, носил модные шляпы, курил дорогие сигареты[201].

Дэн и в самом деле стал в то время немаловажной персоной, правда, в подпольных кругах. Оценивший его усердие и трудоспособность Цюй Цюбо в середине ноября 1927 года назначил его техническим секретарем Временного политбюро, а через месяц повысил до заведующего Секретариатом Центрального комитета (знакомый нам Дэн Чжунся к тому времени перешел на работу в Цзянсуский комитет партии, а сменивший его Ли Вэйхань, один из ближайших помощников Цюя, и без того был завален работой).

Секретный офис Дэна находился в западной части международного сеттльмента, в узком тупичке Бодэли недалеко от проспекта Тунфулу, в двухэтажном каменном особняке под номером 700 (ныне дом 9 в тупике номер 336 по улице Шимэньилу)[202]. Это место называли канцелярией ЦК китайской компартии. Именно сюда, по воспоминаниям очевидцев, Дэн приходил каждый день, чтобы «решать вопросы управления делами аппарата ЦК и вопросы технического характера»[203].

Непосредственным начальником Дэн Сяопина стал заведущий организационным бюро ЦК (создано в ноябре 1927 года) Ло Инун, земляк Мао Цзэдуна, весьма авторитарный молодой человек, бывший всего на три года старше Дэна[204]. Он также учился в Москве, только в Комуниверситете трудящихся Востока и в 1920–1924 годах, когда под псевдонимами Бухаров и

Ло Цзяо возглавлял Московское отделение Компартии Китая. В те годы он подавлял своих подчиненных не менее жестко, чем впоследствии Жэнь Чжосюань[205]. 15 апреля 1928 года его, однако, арестовали и через шесть дней казнили, после чего организационное бюро возглавил Чжоу Эньлай, занявший «фактически… должность главного управляющего всеми текущими внутрипартийными делами»[206].

И при Ло Инуне, и при Чжоу Эньлае Дэн хранил информацию об адресах, паролях и явках всех органов партии и ее руководящих работников, отвечал за ведение документации, финансовых дел, подготовку и проведение совещаний высших органов партии, поддержание связи с местными организациями и отделами Центрального комитета, а также за работу транспорта, находившегося в ведении ЦК. Кроме того, составлял повестку дня заседаний Политбюро. То есть делал все то, что и прежде, только теперь не в качестве простого секретаря, а как руководитель целого секретарского аппарата, который все более разрастался. К тому же Дэн мог участвовать во всех собраниях руководства с правом совещательного голоса, иными словами — высказывать мнение по тому или иному вопросу. Вместе с тем он продолжал вести протоколы заседаний Временного политбюро, лишь изредка доверяя это кому-либо другому. В середине ноября 1928 года ему дали хорошего помощника, бывшего секретаря Чэнь Дусю — Хуан Вэньжуна, который возглавил вновь созданную канцелярию Секретариата[207].

Весной 1928 года произошло и еще одно важное событие. Дэн Сяопин женился на той самой симпатичной девушке с короткой стрижкой, тоненькими черными бровями и чуть припухлыми губами — Чжан Сиюань, с которой познакомился в Москве. Она вернулась на родину осенью 1927 года, через восемь месяцев после Дэна, и какое-то время работала на севере Китая, в городе Баодине, после чего переехала в Ухань, где, как и Дэн, стала сотрудничать в Секретариате ЦК. Тут-то Дэн Сяопин, ставший ее начальником, и стал ухаживать за ней. Понять его легко: он был молод, а Чжан — не только красива, но и добра, весела, чистосердечна и предана партии до самозабвения. С ней многие пытались заигрывать, но она выбрала московского знакомого, несмотря на то что тот был ниже ее ростом почти на десять сантиметров. Вместе с ним осенью 1927 года она переехала в Шанхай, и через какое-то время молодые люди стали жить вместе. Пышную свадьбу сыграли в дорогом сычуаньском ресторане в центре Шанхая: как-никак, Дэн был «богатым торговцем». На свадьбе присутствовали их ближайшие друзья: Чжоу Эньлай с супругой, Чжэн Чаолинь с невестой, Ли Вэйхань и

другие, всего более тридцати человек. Чжан выглядела неотразимой: с аккуратно уложенной элегантной прической, в туфлях на высоких каблуках и длинном шелковом платье-ципао с разрезами до бедер. Она «была редкостной красоты», — вспоминал много лет спустя Дэн Сяопин[208].

Банкет стоил огромных денег, но мало кто знал, что оплатил его отец Дэна, с которым тот связался, переехав в Шанхай[209]. Папаша Вэньмин, уважавший обычаи, не мог «потерять лицо», не выделив средств на свадьбу сына — пусть «непутевого», но все же любимого. Вот ведь как бывает!

А сын вскоре вновь отплатил отцу черной неблагодарностью. Узнав, что его папаша, постепенно выправив финансовое положение, занялся бизнесом (вместе с несколькими односельчанами Вэньмин основал в Пайфане шелкоткацкую фабрику, начав поставлять шелк в Шанхай), Дэн от его имени попросил заем у его городских партнеров. Те дали: им и в голову не могло прийти, что «богатый торговец», старший сын уважаемого ими человека, — обыкновенный мошенник. Дэн же, получив изрядную сумму, передал ее на нужды партии[210], после чего недолго думая поменял место жительства.

А ведь он знал, что в семье отца не было лишних денег. Да, папаша Вэньмин занимался бизнесом, но и иждивенцев у него на шее хватало. После смерти матери Дэна в 1926 году он привел в дом новую супругу, урожденную Сяо. Она родила ему четвертого сына, которого назвали Сяньцин (Обогнавший Цинов [то есть бывшую правящую династию маньчжуров]). Но через несколько месяцев жена заболела и вскоре скончалась. Невезучий Вэньмин женился в четвертый раз, теперь на вдове, у которой имелась девятилетняя дочь от первого брака. Звали его новую жену Ся Богэнь, и происходила она из довольно бедной семьи бурлака, таскавшего баржи по реке Цзялинцзян, притоку Янцзы. Была она всего на пять лет старше Дэн Сяопина, но в отличие от него с раннего детства познала нужду и страдания. Будучи ребенком, она потеряла сначала старшего брата, а потом мать. Едва родив дочь, овдовела. Ее отец не имел ни одной сотки земли, и прокормить себя, дочь и внучку ему было очень трудно. Так что брак с Вэньмином оказался для Ся Богэнь и ее дочери спасением. Тем более что Вэньмин стал воспитывать ее ребенка как собственного и даже дал приемной дочери имя в соответствии с генеалогической хроникой своего клана — Сяньфу (возможный перевод — Самый красивый лотос). А вскоре у него от Ся Богэнь родился еще один ребенок — новая дочка, которую он назвал Сяньжун (можно также перевести как Самый красивый лотос: иероглифы «фу» и «жун» — синонимы).

Иными словами, Дэн Вэньмин помимо себя должен был кормить, поить и одевать свою мать, бабушку Дэна, которая была еще жива, жену, троих сыновей (двое из них на его деньги уже получали образование) и двух дочерей. Конечно же ему было нелегко. А он, невзирая на это, продолжал еще помогать и блудному сыну, неизменно демонстрировавшему неблагодарность. Поистине это был добропорядочный гражданин. Не случайно его ценили в уезде и в 1928 году даже назначили начальником управления стражи Гуанъани и командиром батальона уездной самообороны, в котором насчитывалось от шестисот до семисот солдат. А в 1929 году сделали еще и советником объединенных отрядов стражи восьми уездов[211]. В его довольно большом чайном доме (100 квадратных метров) по торговым дням всегда было полно народа: люди приходили пообщаться, поиграть в кости и послушать умного человека: Лао Дэн (Почтенный Дэн) разрешал споры, давал советы, а нередко и помогал обездоленным[212]. По воспоминаниям односельчан, «этот человек со свисающими вниз длинными усами» неизменно вызывал «уважение окружающих и как хороший хозяин, и как военачальник, и как общественный деятель, и как судья»[213].

Между тем после свадьбы молодые переехали в небольшой двухэтажный дом, арендованный Чжоу Эньлаем и Дэн Инчао в западной части международного сеттльмента, в узком тупичке Цзуньи недалеко от оживленной улицы Сяоша дулу (сейчас это дом 11 в тупике номер 24 близ улицы Сиканлу). Чжоу с женой поселились на втором этаже, а Дэн Сяопин с Сиюань — на первом.

Дни шли за днями, а обстановка в городе всё ухудшалась. Коммунистов искала не только охранка Чан Кайши, но и полиция международного сеттльмента и французской концессии, где собственно и находились главные учреждения ЦК китайской компартии. Так что скрываться становилось все труднее. Дэн вспоминал:

«Подпольная работа в Шанхае была очень трудной, ради революции рисковали головой. Мы не фотографировались, не ходили в кино… Во время подполья меня ни разу не арестовывали — редкостная удача. А вот опасностям подвергался много раз. И два случая были особенно памятными.

Однажды я пошел на встречу с Ло Инуном и, закончив с делами, вышел через черный ход. А в это время к парадным дверям подъехала полиция, чтобы арестовать Ло Инуна. Всё это заняло меньше минуты. Впоследствии Ло Инун был расстрелян.

Был еще один случай. Мы с Чжан Сиюань жили в доме Чжоу Эньлая. В то время наш Особый отдел [отвечал за безопасность

руководства] работал хорошо, мы всегда были в курсе, когда тайная полиция обнаруживала местожительство Чжоу Эньлая или собиралась провести обыск, и немедленно съезжали с квартиры. Но однажды меня в такой момент не оказалось в Шанхае, и я ничего не знал. Подошел к дому, постучал в дверь, а тайная полиция там уже проводила обыск. К счастью, среди полицейских был наш агент. Он громко сказал, что сейчас откроет дверь. Не услышав условного ответа, я тотчас скрылся. Правда, потом мы почти полгода боялись даже подходить к этому переулку. В обоих случаях решали секунды»[214].

Что же касается ситуации в Китае в целом, то она развивалась по-разному. В большинстве городов, как и в Шанхае, свирепствовала гоминьдановская полиция. Но на границе Хунани и Цзянси, в Хубэе, Шэньси и некоторых других сельских районах набирало силу советское движение. В июне — июле 1928 года для оценки политической ситуации и выработки долговременной линии партии был созван VI съезд КПК. В связи с белым террором в Китае заседания съезда проходили в СССР — в селе Первомайское Наро-Фоминского района Московской области. На съезд с соблюдением всех правил конспирации прибыли 118 делегатов (84 — с решающим голосом и 34 — с совещательным). Среди них — знакомые нам лица: Цюй Цюбо, Чжоу Эньлай, Ли Лисань, Чжан Готао и Цай Хэсэнь. Дэн Сяопин вместе с Ли Вэйханем и еще двумя крупными партийными работниками, Жэнь Биши и Ло Дэнсянем, остались в Шанхае[215]. Им было поручено руководить повседневной работой ЦК. Ли Вэйхань рассказывает: «Во время работы VI съезда я и Жэнь Биши получили приказ остаться для работы и охраны ЦК; заведующим Секретариатом был Дэн Сяопин. С апреля по сентябрь 1928 года, то есть вплоть до возвращения новых руководителей ЦК, местом проведения заседаний была… двухкомнатная квартира на верхнем этаже здания [в самом центре международного сеттльмента] за театром „Тяньчань“ [театр «Небесной жабы»], который находился на проспекте Сымалу [ныне Фучжоулу] в Шанхае… В комнате у окна, обращенного на запад, стоял маленький столик, и во время заседаний Сяопин сидел за ним и вел протокол… В те времена каждый день в девять часов утра я, [Жэнь] Биши и Сяопин собирались вместе для обсуждения текущих дел — либо в этом месте, либо на верхнем этаже магазина на соседней улице неподалеку»[216].

Как видно, в этот период Дэн уже начал играть сравнительно крупную роль — и не только в организационных, но и в политических делах партии. А главное — стал своим в узком кругу высшего партийного руководства. Его уважали, с ним даже

советовались.

Правда, после завершения VI съезда и возвращения в Шанхай его делегатов роль Дэна в партийных делах несколько поослабла. Новый Генеральный секретарь ЦК 48-летний Сян Чжунфа, крупный руководитель рабочего движения, сменивший Цюй Цюбо, подвергнутого в Москве резкой критике за поражение восстаний 1927 года, не очень-то интересовался его мнением. Во всех партийных делах он опирался на Ли Лисаня, энергичного и делового работника, талантливого и хорошо образованного интеллектуала, в ноябре 1928 года возглавившего в новом ЦК отдел пропаганды и агитации. Немалый вес продолжал иметь и Чжоу Эньлай, вновь назначенный руководителем организационного бюро ЦК, после съезда переименованного в орготдел. Именно эта тройка и стала руководить партией. Что же касается Дэна, то он, как и прежде, исполнял чисто секретарские функции, работая в непосредственном подчинении Чжоу. В политические вопросы он больше не вмешивался.

Но вскоре, в мае 1929 года, до Шанхая дошли известия, что на юго-западе Китая, в провинции Гуанси, в результате борьбы Чан Кайши с местными милитаристами к власти пришли генералы левой ориентации. Это были двоюродные братья Юй Цзобо и Ли Минжуй, оказавшие Чану помощь в разгроме гуансийской реакционной клики. В этой войне они придерживались своей политики и через родного брата Юй Цзобо, Цзоюя, коммуниста с октября 1927 года, тайно сотрудничали с компартией. Захватив при поддержке Чан Кайши, ничего не ведавшего о их связях с КПК, власть в провинции, летом 1929 года они связались с ЦК компартии, попросив Сян Чжунфа и его товарищей прислать к ним ряд способных партийцев.

Посовещавшись, члены Политбюро решили послать в Гуанси несколько десятков коммунистов, военных, политических и организационных работников, имевших богатый опыт подпольной борьбы. Представителем же ЦК КПК, то есть главным эмиссаром Центрального комитета, постановили направить Дэн Сяопина, скорее всего, по совету Чжоу Эньлая. Это последнее решение приняли не сразу. В конце июля Политбюро посчитало целесообразным откомандировать Дэна в его родную провинцию Сычуань — с инспекционной целью. Однако уже через две недели отменило это постановление: ситуация в Сычуани не складывалась в пользу компартии, так что надо было делать ставку именно на Гуанси. 27 августа Дэн сдал дела секретарю орготдела Юй Цзэхуну, сменившему его на посту заведующего Секретариатом, и собрался в дорогу. Молодому талантливому

оргработнику пора было проявить себя на новом поприще. Он должен был с помощью Юй Цзоюя и других коммунистов, уже прибывших в Гуанси, организовать антигоминьдановское восстание в войсках Юй Цзобо и Ли Минжуя, придав тем самым мощный импульс быстро развивавшемуся советскому движению в других районах.

Новое назначение не могло не радовать: Дэн впервые становился боссом регионального масштаба. Теперь от него требовалось не простое исполнение секретарских функций, а принятие самостоятельных решений, от которых зависел успех коммунистического движения на всем юго-западе Китая. Разумеется, самостоятельным он мог быть только в известных рамках, а именно в тех, которые в июне — июле 1928 года определил VI съезд КПК и впоследствии подтвердили ЦК партии и его Политбюро. VI съездом, проходившим, как мы помним, под Москвой, руководил второй человек в ВКП(б) и Советском государстве, крупнейший теоретик нэпа Бухарин, являвшийся по совместительству одним из руководителей Коминтерна. Именно под его диктовку делегаты форума приняли решение о том, что текущий этап китайской революции является «буржуазно-демократическим», несмотря на «переход национальной буржуазии в стан империалистическо-помещичьей контрреволюции» (имелись в виду перевороты Чан Кайши, Фэн Юйсяна, Ван Цзинвэя и других гоминьдановцев). Вследствие этого в «полуфеодальном» Китае нельзя осуществлять социалистическую политику (национализировать заводы и фабрики, ликвидировать мелкую буржуазию и зажиточное крестьянство, «заострять борьбу» против «кулака» и т. п.). Следовало лишь свергать власть *дичжу*, интеллигентов-*шэньши* и чиновников в деревне, вооружать крестьянство, устанавливать власть Советов, перераспределять «помещичью», клановую и храмовую собственность на землю в пользу безземельных и малоземельных крестьян, объявлять ростовщические займы недействительными и заменять все налоги и поборы, взимаемые милитаристами и властями, единым прогрессивным сельскохозяйственным налогом[217].

Политбюро ЦК Компартии Китая продолжало следовать этой линии даже после того, как в середине августа 1929 года получило директивное письмо Политсекретариата Исполкома Коминтерна по крестьянскому вопросу от 7 июня того же года, в котором вразрез с решениями VI съезда говорилось о том, что «кулак» зачастую играет «открыто или скрыто контрреволюционную роль в движении», а посему с ним тоже надо решительно бороться[218]. Это письмо знаменовало пересмотр

аграрного курса Коминтерна в Китае в связи с изменением политической ситуации в Советском Союзе, где в то время началась сталинская коллективизация, сопровождавшаяся критикой «правых прокулацких» взглядов Бухарина.

Превращение в главную мишень борьбы в СССР крестьянина-собственника привело к тому, что Коминтерн и в других странах выдвинул новый лозунг «долой кулака», то есть «зажиточного крестьянина» — на смену соответствовавшему духу новой экономической политики призыву ликвидации только «помещичьего» землевладения. Но обсудив 17 августа это письмо, члены Политбюро ЦК Компартии Китая (в присутствии Дэна, который вел протокол) по существу выразили несогласие с новым коминтерновским курсом. Открыто возражать они не посмели, так как со времени основания партии между ними и Москвой сложились отношения «учеников и учителя», но какое-то время саботировали письмо. И не потому, что были столь умеренными, а просто не понимали, что делать, например, в случае, «если кулак ведет борьбу с милитаристами и феодалами»[219]. Ведь письмо Политсекретариата формально не отменяло постановление VI съезда о «буржуазно-демократическом» характере китайской революции. Как же можно было увязать эти два диаметрально противоположных документа?

В общем, Дэн имел твердые установки: во всей работе исходить из решений VI съезда, так что в этом плане был спокоен. Немного волновался он только за жену: Чжан была на четвертом месяце беременности, но Чжоу Эньлай, Дэн Инчао, а также находившаяся в Шанхае младшая сестра Чжан, Сяомэй, с мужем (они тоже работали в аппарате ЦК) успокоили его, пообещав о ней позаботиться. Так что, простившись с любимой, Дэн с легким сердцем сел на пароход, отплывавший в Гонконг. Оттуда через Ханой он рассчитывал без помех добраться до Гуанси, граничащей с Французским Индокитаем. Вместе с ним путешествовал скромный человек в роговых очках — некто Гун Иньбин, уроженец Хунани, бывший сотрудник бухгалтерского сектора Секретариата. Он исполнял обязанности связного, который в будущем должен был регулярно курсировать между Гуанси и Шанхаем для того, чтобы информировать высший орган партии обо всех действиях Дэна и его товарищей и передавать последним директивы Политбюро[220].

Огромный корабль медленно отходил от пристани, и небоскребы Шанхая отступали все дальше и дальше, пока наконец не растаяли в горячем и душном воздухе. В жизни Дэна перевернулась очередная страница. Но он еще не знал, насколько важной она была.

Молох революции требовал жертв, и вот пришло время Дэна положить на его кровавый алтарь свое короткое семейное счастье. Через пять месяцев, в январе 1930 года, после тяжелых родов Чжан Сиюань скончается, а вслед за ней уйдет из жизни и новорожденный ребенок — девочка, которой даже не успеют дать имя. Дэн в то время будет в Шанхае по партийным делам, всего на несколько дней[221]. Он успеет к умирающим жене и ребенку, но помочь им ничем не сможет.

А спустя много лет боль утраты как-то растворится в новых событиях и образ первой, юной, супруги отойдет в прошлое. И когда в марте 1979 года представители революционного комитета бюро гражданских дел Шанхая попросят его рассказать о гибели Чжан Сиюань, он даже не сможет вспомнить дату ее кончины. «Чжан Сиюань, — скажет он, — …скончалась в Шанхае зимой 1929 года (примерно в ноябре или декабре)»[222]. На фоне великих революционных свершений смерть рядовых, пусть и близких, людей не имела коренного значения.

Часть вторая

ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

ГУАНСИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Дэн и Гун прибыли в Гонконг в самом начале сентября 1929 года. Великий город, построенный англичанами, колонизировавшими эту часть Китая в 1842–1898 годах, жил обычной деловой жизнью. В гавани непрерывно разгружались и загружались корабли, а вдоль пролива Виктория, отделяющего одноименный холмистый остров от материка, теснились сотни джонок в три, четыре, а то и пять рядов. В них жила беднота, не имевшая другого пристанища. Как и везде на китайском юге, эти плавучие жилища назывались «сампанами» (в буквальном переводе «три доски»).

Сойдя на берег на острове Виктория, Дэн и Гун тут же наняли рикшу, который довез их до гостиницы. Находилась она в северной части острова, неподалеку от ипподрома, в районе, именуемом «Долиной счастья». Когда-то, в середине XIX века, здесь было городское кладбище, которому местные остряки на американский манер дали такое «веселое» название[23]. В том же квартале жили руководители гуандунского комитета Компартии Китая Хэ Чан и Не Жунчжэнь с женами. Немного отдохнув и оставив Гуна в гостинице, Дэн отправился к ним. Хэ и Не, возглавлявшие по совместительству и работу коммунистов Гуанси, ознакомили его с ситуацией в этой провинции.

Из их рассказа следовало, что еще в январе 1928 года гуандунский комитет направил в Гуанси несколько групп товарищей — тамошних уроженцев, в декабре 1927 года принимавших участие в Кантонском восстании и бежавших в Гонконг после его поражения. Во главе их были поставлены Чжу Сиан, один из старейших деятелей революционного движения Гуанси и член КПК с января 1925 года, и Юй Цзоюй[1]. Брат последнего генерал Юй Цзобо, через год возглавивший борьбу с гуансийской реакционной кликой, жил тогда в Гонконге в изгнании. После того же, как летом 1929 года он при помощи Чан Кайши выступил против гуансийских милитаристов, через Гонконг в столицу Гуанси город Наньнин (в переводе Южное спокойствие — так этот город в 1324 году назвали монголы, правившие тогда Китаем[2]) устремились новые коммунисты. Ко времени приезда Дэна их там насчитывалось уже несколько десятков. Часть из них отличилась во время войны с милитаристами, а Чжу Сиан, до начала июня 1929 года — секретарь временного гуансийского комитета КПК, даже сложил голову в борьбе за «народное дело». Помимо Юй Цзоюя наньнинских коммунистов теперь воглавляли Чэнь Хаожэнь, до

того — секретарь фуцзяньского комитета партии, Чжан Юньи, бывший гоминьдановский военный и член китайской компартии с 1926 года, и Гун Чу, один из соратников Чжу Дэ и Мао Цзэдуна, воевавший с ними в горах Цзинган. У гуандунского комитета имелась с ними хорошо налаженная связь — через агента, курсировавшего между Наньнином и Гонконгом[3].

Перед наньнинскими коммунистами стояли следующие задачи: «Во-первых, полностью склонить Юй [Цзобо] и Ли [Минжуя] на сторону компартии, добившись того, чтобы они стали оказывать ей всяческую поддержку; во-вторых, пользуясь предоставляемым Юем и Ли прикрытием, укреплять партийную организацию, с тем чтобы установить непосредственный контроль КПК над [провинциальными] вооруженными силами; и, в-третьих, активно внедрять коммунистов в военное правительство Гуанси и его войска, стремясь к захвату власти и образованию в подходящий момент нового советского района»[4]. Разумеется, действовать они должны были конспиративно — под флагом того же «единого фронта», что и в период Северного похода.

В то же время на северо-западе Гуанси, в высокогорном уезде Дунлань, заселенном преимущественно национальными меньшинствами, чжуанами и яо (первые составляли 80, а вторые — 12 процентов уездного населения, тогда как китайцы — только 8), действовали партизанские отряды местного уроженца Вэй Бацюня, богатого чжуанского землевладельца, начитавшегося Сунь Ятсена, Ленина и Чэнь Дусю и еще в ноябре 1925 года открывшего в одной из горных пещер близ своей деревни «курсы крестьянского движения». Обучавшиеся на курсах 276 человек, в основном его соплеменники, стали главными помощниками Вэя в организации «антифеодальной борьбы».

Осенью 1926 года Вэй, которого сподвижники именовали «старший брат Ба», продал часть своего имущества, купил оружие у окрестных бандитов и, вооружив местных чжуанских бедняков, захватил уездный центр Дунлань, где немедленно образовал ревком. Тогдашний гуансийский комитет Компартии Китая тут же послал к нему несколько коммунистов, в том числе заведующего молодежным отделом Чэнь Мяньшу, которого Вэй сделал уездным начальником[5]. После переворота Чан Кайши весной 1927 года гуансийским милитаристам удалось оттеснить войска Вэй Бацюня в горы, но пришедший к власти Юй Цзобо по совету присланных в Наньнин коммунистов стал помогать «брату Ба» вооружением и боеприпасами[6]. В августе 1929 года Вэй вступил в компартию[7].

Ознакомившись с ситуацией, которую до того Дэн знал лишь в общих чертах, он вместе с Гуном на следующий день покинул

Гонконг. По поручению ЦК с ними выехал и Хэ Чан — для «инспектирования Гуанси, созыва делегатского съезда [местных коммунистов] и разъяснения [им] линии ЦК»[8]. Несмотря на юный возраст (ему было 23 года), Хэ имел опыт партизанской борьбы: в конце 1928-го — начале 1929 года он инспектировал базу Мао Цзэдуна и Чжу Дэ в горах Цзинган. Так что мог быть очень полезен гуансийским товарищам.

В Наньнин все трое добрались через неделю. Генерал Юй Цзобо, дородный мужчина средних лет, одетый в красивый белый мундир, принял их весьма радушно. С июня 1929 года он являлся председателем правительства Гуанси и предложил Дэну, представившемуся вымышленным именем Дэн Бинь (Дэн Изысканно вежливый), стать секретарем в его канцелярии. Тот согласился: в этой должности ему было сподручнее обрабатывать Юя. Дэн вспоминал: «После того как мы приехали в Наньнин, я несколько раз виделся с Юй Цзобо, согласно указанному ЦК курсу проводил работу по единому фронту. Одновременно уделял внимание тому, чтобы посланные ЦК к Юю кадры распределялись на достойные их посты»[9].

Во второй декаде сентября вместе с Хэ Чаном и руководителями особого гуансийского комитета Дэн принял участие в 1-м съезде коммунистов провинции. По заверению его дочери Маомао, сделанному, вероятно, с его слов, он «рассказал [на съезде] об особенностях текущего момента»[10]. Так ли это было, сказать трудно. Скорее всего, либо дочь Дэна, либо сам Дэн что-то перепутали: ведь та же Маомао утверждает, что «согласно инструкциям ЦК и многолетнему опыту подпольной работы, по приезде в Гуанси отец… действовал в предельно узком кругу, имел связи и контакты с чрезвычайно ограниченным числом лиц»[11]. Как же мог он выступать на многолюдном общепровинциальном форуме? Кстати, в информации о съезде, посланной особым гуансийским парткомом в гуандунский комитет, ничего о речи Дэна не говорится. Упоминается только, что 29 делегатов заслушали растянувшийся на два дня доклад представителя гуандунского комитета (то есть Хэ Чана), отчет о работе особого комитета Гуанси и выступления уездных представителей[12]. После чего единогласно, «без малейшего колебания»[13], приняли линию ЦК и избрали новый особый комитет в составе семи человек во главе с известным провинциальным коммунистом, ровесником Дэна, Лэй Цзинтянем[14].

Разумеется, Лэй должен был во всем подчиняться представителю ЦК, так что именно Дэн, по существу, встал во главе гуансийской партийной организации, о чем позже сам

вспоминал[15]. До поры до времени он, однако, не афишировал свои связи с руководством особого комитета, встречаясь с отдельными товарищами на конспиративной квартире, на втором этаже небольшого обшарпанного магазина газовых ламп с претенциозным названием «Яркий свет» в центре города[16]. На одной из таких встреч решено было образовать специальный орган, который занялся бы организацией будущего восстания — Гуансийский комитет действия во главе с Хэ Чаном, Дэном и Гун Чу[17].

Между тем в середине сентября генерал Юй Цзобо развернул подготовку к новой войне — на этот раз против самого Чан Кайши. Дэн и другие коммунисты отговаривали его: война с Чаном могла закончиться поражением, что свело бы на нет все их усилия по установлению коммунистического контроля над гуансийскими войсками. Но к столкновению с Чаном генерала Юя подбивал Ван Цзинвэй, бывший лидер гоминьдановских левых, объединившихся летом 1928 года в так называемую фракцию реорганизационистов, потребовавшую реформирования Гоминьдана и либерализации гоминьдановского режима. Полностью разделяя взгляды Вана и не обращая внимания на недовольство коммунистов, генерал Юй 27 сентября 1929 года объявил о начале античанкайшистской кампании. 1 октября его ближайший соратник генерал Ли Минжуй, занимавший пост командующего вооруженными силами по умиротворению провинции Гуанси, начал поход в Гуандун. Следом за ним выступил и сам Юй, который, к счастью для коммунистов, назначил командующим охранными войсками Наньнина члена компартии Чжан Юньи[18].

В этой ситуации, очевидно, посовещавшись с другими товарищами из комитета действия, Дэн принял единственно правильное решение. Через одного из членов комитета передал Чжан Юньи приказ: в случае поражения войск Юя и Ли сразу же начать восстание в оставшихся в Наньнине войсках — 4-м и 5-м охранных отрядах, находившихся под командованием соответственно самого Чжан Юньи и Юй Цзоюя. В этих частях вообще имелось немало членов компартии: в 4-м отряде, например, на командных должностях — более ста коммунистов[19]. Полностью «красным» практически был и дислоцированный в городе сводный учебный отряд для подготовки младших офицеров, который тоже планировалось поднять на восстание. Цель восстания заключалась в том, чтобы вывести из города, оказавшегося под угрозой захвата армией Чан Кайши, все преданные компартии войска. 4-й и сводный отряды следовало отвести за 500 ли к северо-западу вверх по течению реки Юцзян

(Правая река), а 5-й — за 300 ли к юго-западу, вверх по течению реки Цзоцзян (Левая река). Сделать это было нетрудно, так как Наньнин стоит на главной водной артерии Гуанси — реке Юнцзян (она же Сицзян — Западная река), образуемой путем слияния этих рек. Все три водных потока судоходны, и по ним можно легко перебрасывать и технику, и живую силу. В верховьях Юцзяна предполагалось обосноваться в уездном городе Босэ, насчитывавшем тогда более шестидесяти тысяч жителей, а в верховьях Цзоцзяна — в чуть меньшем по размеру уездном центре Лунчжоу.

СОВЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ

(1927—1934 гг.)

Выбор на эти города пал неслучайно. Босэ являлся одним из наиболее крупных в Китае перевалочных пунктов в торговле опиумом, а Лунчжоу — главным таможенным пунктом провинции близ границы с Индокитаем. Захват расположенного в Босэ бюро по борьбе с опиумной торговлей, которое в открытую занималось поборами с опиеторговцев, привозивших сюда наркотик из

соседних провинций и продававших его в бесчисленных притонах и магазинах, а также находившейся в Лунчжоу таможни, управлявшейся французами, сулил коммунистам немалые барыши. В Босэ, например, полулегальный налог на опиум, собираемый местными властями, составлял 37,5 процента его стоимости, а каждая унция этого товара продавалась на черном рынке по 50 центов[20]. «Какое-то время коммунисты планировали собирать этот налог так же, как до них прежняя власть, несмотря на то что он приносил вред народу. Так мы могли решать свои экономические проблемы», — рассказывает Гун Чу[21]. Хорошие деньги можно было «позаимствовать» и у богатых землевладельцев-дычжу, живших в этих двух городах.

Особенно богатым был город Босэ: в так называемые «опиумные дни» в него из Гуйчжоу и Юньнани прибывали караваны из сотен лошадей, груженных опиумом, они заполняли улицы, а торговые агенты из Гонконга, Шанхая и Кантона «толпились в магазинах, придирчиво оценивая черные плоские куски опиума»[22].

Получив приказ, Чжан Юньи немедленно отправил в районы Юцзяна и Цзоцзяна по одному батальону из составов 4-го и 5-го отрядов для подготовки отступления, а Дэн по подпольной радиостанции связался с центром, сообщив в Шанхай о принятом решении. ЦК одобрил его[23].

Тем временем, потерпев сокрушительное поражение, генералы Юй Цзобо и Ли Минжуй вернулись в Наньнин — для того только, чтобы, не мешкая, вместе с оставшимися батальонами 5-го охранного отряда Юй Цзоюя отплыть в Лунчжоу. Оттуда генерал Юй Цзобо, бросив всех и вся, уехал в Гонконг. Ли Минжую и Юй Цзоюю он объяснил, что должен серьезно заняться своим здоровьем: в последнее время оно стало что-то сильно ухудшаться. Его «лечение» затянулось почти на десять лет; в Китай он вернулся только после начала антияпонской войны в 1937 году.

А Дэн и Чжан Юньи вслед за отходом 5-го отряда вывели из Наньнина второй батальон 4-го отряда и сводный учебный отряд (общей численностью в две тысячи человек). Двумя группами друг за другом они отплыли в Босэ. Вместе с ними отправились и все члены Гуансийского особого комитета партии[24].

Путешествие с остановками заняло восемь дней. Перед Дэном проплывала невероятно красивая, но дикая страна, которую один из его современников, посетивший эти места за пять лет до него, описал довольно выразительно: «По берегам реки… тут и там высились фантастические каменные вершины странной формы… Лабиринты… черных, следующих друг за другом камней, явно

вулканической породы со сквозными отверстиями от воздушных пузырей, оставленных в некогда кипящей лаве… [Е]сли в Шаньдуне на каждую квадратную милю приходится 680 человек, а в Цзянси — 620, то в Гуанси, по слухам, — 66: меньше, чем в любой другой провинции собственно Китая. Нельзя представить себе большего контраста, чем между Французским Индокитаем с его пышным плодородием и прекрасной транспортной сетью и граничащей с ним Гуанси, где сельское хозяйство, ремесло, медленный и ненадежный транспорт и даже бандитизм — точно такие же, как три тысячи лет назад… Малоплодородные районы юго-запада до сих пор заселены уцелевшими представителями аборигенских народностей»[25].

Богатый торговый город Босэ не мог не считаться в этих местах центром мироздания. Расположенный у подножия горного хребта, при впадении небольшой речушки Чэнбихэ в разворачивающуюся здесь под прямым углом с юга на восток реку Юцзян, он несомненно поражал воображение бедных жителей гор. Типично китайский средневековый город, обнесенный крепостной стеной с железными воротами, он получил свое название в 1723 году от находившейся здесь когда-то чжуанской деревни Босэчжай, что на языке чжуан значит «хорошее место для стирки одежды». Китайские жители называли его «Эчэн» («Город гусей»), но маньчжурские власти, управлявшие в то время Китаем, предпочли историческое название. В городе было много особняков местной знати, каменных домов с черепичными крышами, родовых храмов, торговых лавок, рынков, ресторанчиков и, как мы помним, опиекурилен.

Прибывший сюда 22 октября Дэн остановился в доме землячества выходцев из южного Гуандуна, очень красивом особняке начала XVIII века. Выстроенный в традиционном южнокитайском стиле с внутренним двориком и тремя флигелями с изящными деревянными драконами на крышах особняк к тому же находился в живописном месте в самом центре города, на берегу Чэнбихэ. В комнате на втором этаже, которую Дэн стал делить с Чжан Юньи, обстановка была спартанской: две деревянные скамьи, покрытые простыми циновками, и два столика с керосиновыми лампами. Окна отсутствовали, и одной стены не существовало: комнату от двора отгораживал невысокий резной парапет.

Сразу же по приезде Дэн созвал заседание партийного комитета и провел решение ограничиться постепенным развертыванием в войсках и среди местного населения коммунистической пропаганды. Требовалось также срочно организовать вооруженные отряды из городской бедноты и

ремесленников (в Босэ, как и повсеместно в Гуанси, современная промышленность отсутствовала), которые должны были вместе с коммунистами выявлять «контрреволюционеров».

Что делать дальше, никто не знал. Радиосвязь с Шанхаем оборвалась сразу после того, как восставшие покинули Наньнин, и ее не удавалось наладить. Для получения инструкций в Гонгонг направили связного — Гун Иньбина. Он должен был, помимо прочего, передать тамошнему партийному руководству письмо Гуансийского особого комитета о сентябрьских и октябрьских событиях[26] и дать подробный устный отчет. В ожидании его возвращения постановили сохранять пока единый фронт, выступая как представители Юй Цзобо, советской власти не провозглашать, старый *ямэнь* [офис] не закрывать, налоги собирать в том же объеме, что и старые власти, и лишь сместить *дубаня* [правителя] района верховьев реки Юцзян, вместо которого назначить Чжан Юньи[27].

В ходе последующей «чистки» войск от «контрреволюционных элементов» расстреляли только одного офицера — командира 3-го батальона. Остальных же неблагонадежных «с почетом выпроводили» за пределы района, охватывавшего 11 уездов. Точно так же поступили с местными волостными и уездными начальниками, когда те проявили «реакционные настроения». Лишь одного из них казнили[28].

В конце октября засвидетельствовать почтение Дэну и *дубаню* Чжану из уезда Дунлань явился нарочный чжуанского вожака-коммуниста Вэй Бацюня, прослышавшего о прибытии в Босэ товарищей по партии. Он привез им деньги, награбленные в ходе «антифеодальной» революции, а Дэн в ответ передал «старшему брату Ба» тайное указание и далее расширять борьбу против *дичжу,* невзирая на формальные условия единого фронта. Для этой цели он даже отправил ему две или три тысячи винтовок[29]. С Вэем и его посланцем он мог быть откровенным: только в старом партизанском районе Дунланя, находившемся примерно в 200 ли к северо-востоку от Босэ, коммунисты пользовались поддержкой народных масс. В других же уездах в верховьях Юцзяна коммунистическая работа практически не велась и крестьяне относились к компартии в лучшем случае с подозрением, а часто просто враждебно.

Столь разные настроения объяснялись не только тем, что Вэй первым, еще в середине 1920-х годов, начал организовывать массы. В уезде Дунлань и его окрестностях на участие в революционной борьбе местного населения колоссальное влияние оказывали межэтнические противоречия живших на этой территории чжуанов и ханьцев (то есть китайцев). Дело в том, что

составлявшие подавляющее большинство здешних крестьян чжуаны — а именно они в основном и принимали участие в партизанском движении Вэя — вступали в отряды последнего движимые не классовым, а антикитайским чувством. Будучи разделенными на кланы и племена, именно в ненависти к ханьцам они находили общую почву. Эта их фобия имела исторические корни. Ведь их предки являлись хозяевами Гуанси до прибытия китайцев, начавших заселять эту провинцию только в VII–X веках. Новые поселенцы силой оттеснили их в горы, захватив плодородные долины и обложив непосильными налогами, в результате чего «отношения между ханьцами и китаизированными чжуанами, с одной стороны, и племенным народом, с другой, приобрели характер постоянной войны»[30]. Сохранившие язык и культуру, но утратившие землю отцов истинные чжуаны из поколения в поколение боролись с китайцами. В середине XIX века, например, многие из них присоединились к тайпинам — членам бедных кланов *хакка* (так на диалекте последних звучит слово *кэцзя* — «гости»), переселившихся в Гуанси, в основном в ее восточные и частично северные и южные районы[31], вслед за основной волной китайских мигрантов и в силу этого, так же как и чжуаны, вынужденных обосноваться на малоплодородных землях. Члены ханьских кланов, захвативших долины (они называли себя *бэньди* — «коренные жители»), разумеется, не упускали возможности нажиться за счет «гостей», сдавая им землю в аренду на кабальных условиях, вот и получили в ответ мощнейшее восстание, в котором под лозунгом «тайпин» («великий мир») собрались все неимущие, как *хакка,* так и чжуаны, да и многие отколовшиеся от кланов *бэньди* пауперы и люмпены. В результате в огне войны, захлестнувшей тогда весь юг и восток страны, погибло более двадцати миллионов человек.

Именно неугасавшая антипатия к ханьцам заставила чжуанов взять оружие и в середине 1920-х годов, тем более что в новое время их жизнь продолжала ухудшаться. С установлением власти милитаристов налоговые сборы в Гуанси выросли в несколько раз. Кроме основного налога на землю, чжуаны, как и другие жители, платили теперь десятки дополнительных — на ирригацию, борьбу со стихийными бедствиями, торговлю, заключение контрактов, покупку масла, табака, чая, керосина, угля, тканей и соломенных сандалей, выращивание и забой свиней, содержание солдат и полицейских, а также на строительство военных казарм. Причем выплачивать эти налоги они должны были за несколько лет вперед! Тех же, кто не мог рассчитаться, милитаристы заключали в тюрьмы, где их нещадно

били[32].

Нельзя сказать, чтобы внутри самих чжуанских племен и кланов не было имущественного неравенства. Главы племен *(тусы)* наряду с другими чжуанскими землевладельцами в одном уезле Дунлань владели 60–70 процентами земли, вынуждая соплеменников арендовывать у них поля. Однако подавляющее большинство простых чжуанов, связанных с ними узами родства, не считали себя вправе против них бунтовать. Иное дело пустить кровь ханьцам, жившим, кстати, как правило, в городах, которые манили нищих чжуанов своей «фантастической роскошью»! Вот повстанцы Вэя и стали уже в середине 1920-х годов заниматься «экспроприацией ханьских экспроприаторов», причем убивали не только богатых китайцев, но и вообще всех ханьцев, попадавшихся под горячую руку. Отправляясь же на «дело», неизменно исполняли традиционный воинский ритуал: отрубали головы дюжине петухов и, наполнив горячей кровью сосуды, жадно их осушали и клялись истребить всех пришельцев[33].

Немногочисленные местные коммунисты, действовавшие здесь до прихода войск Дэна и Чжан Юньи (их насчитывалось не более пятидесяти человек[34]), и прежде всего сам Вэй, изо всех сил старались придать движению классовый характер, однако им это, как правило, не удавалось. «Старшего брата Ба» все чжуанские партизаны уважали, но его большевистские идеи не воспринимали. И не только потому, что слабо разбирались в социологии. Просто в языке чжуан отсутствовали ключевые для коммуниста слова — такие, например, как «свобода» и «равенство». Так что Вэю и его агитаторам часто приходилось разыгрывать целые представления перед поголовно безграмотными и непонимавшими даже устный китайский язык чжуанами. Чтобы объяснить, например, значение слова «равенство», один из коммунистов садился на плечи другого, а затем слезал и становился рядом с ним[35].

Как видно, дикая горная Гуанси, бывшая всегда одной из наиболее отсталых провинций Китая, таила немало трудноразрешимых проблем. И разобраться в них неопытному коммунисту-чужаку, молодому интеллигенту, не имевшему связи с массами и знавшему марксизм лишь по книгам, было почти невозможно. Тем более что сычуанец Дэн, как и многие другие приплывшие с ним в Босэ коммунисты, не знал не только чжуанского, но и остальных местных наречий, в том числе гуансийского диалекта китайского языка (так называемого *пинхуа),* а также языка *хакка.*

Все это, однако, Дэна ничуть не смущало. Так же, как и командировавших его в этот район вождей Компартии Китая.

Похоже, они полагали, что всё как-нибудь утрясется, стоит лишь коммунистам обратиться и к китайцам, и к чжуанам с одними и теми же лозунгами о «братстве» всех угнетенных. К тому же многие китайцы Дунланя, которых революционные партизаны Вэя грабили и убивали, были в конце концов — с классовой точки зрения — «эксплуататорами». Ну а лес рубят, щепки летят!

Между тем в начале ноября в Босэ было получено указание ЦК осуществить «коммунистический переворот». Иными словами, провозгласить советскую власть, преобразовав 4-й и сводный учебный отряды в корпус Красной армии, которому был присвоен номер 7 (командиром его назначили Чжан Юньи). Находившийся же в Лунчжоу 5-й отряд следовало реорганизовать в 8-й корпус под командованием Юй Цзоюя, после чего и там создать советы. Соответствующую директиву привез неутомимый Гун Иньбин, который менее чем за месяц смог не только съездить в Гонконг и Шанхай, но и вернуться. Он также передал Дэну приказ гуандунского комитета от 30 октября, утвержденный ЦК, об образовании в Гуанси фронтового комитета — высшего органа военной и партийной власти в районах дислокации 7-го и 8-го корпусов. Секретарем его становился сам Дэн, которому, правда, ЦК приказал срочно приехать в Шанхай для личного доклада[36].

Центральный комитет установил жесткий срок для начала «переворота»: в течение десяти дней со времени возвращения Гун Иньбина в Босэ. Но Дэн, обсудив ситуацию с Чжан Юньи и другими руководящими товарищами — членами вновь образованного фронтового комитета (в него вошли девять человек[37]), принял решение подождать: к провозглашению советской власти и реорганизации армии следовало тщательно подготовиться. Он предложил начать восстание во вторую годовщину Кантонской коммуны, 11 декабря, вслед за чем Гун Иньбин вновь отправился в Шанхай, увозя на этот раз письмо Дэна, в котором говорилось: «Мы решительно выполним указания ЦК, на что, вероятно, потребуется сорок дней подготовки, после чего будем действовать по намеченному плану и начнем восстание»[38].

Тем временем в уезде Дунлань и его окрестностях уже началась «великая коммунистическая революция». Получив оружие от Дэна, Вэй и его чжуанские бойцы немедленно атаковали и захватили города Дунлань и Фэншань. Там и в соседних деревнях они учинили настоящее побоище, предав всё и вся огню и мечу. Очевидец рассказывает: «В каждом населенном пункте, захваченном в ходе борьбы с *тухао* [мироедами] и *лешэнь* [зажиточными сельскими чиновниками и учителями, дословно — злыми грамотеями], сжигалось всё подчистую. Никакой разницы

между *тухао, лешэнь, дичжу* и находившимися под их игом крестьянами [китайцами] не проводилось. Только увидят человека — тут же убивают его»[39].

Разумеется, китайские крестьяне, жившие в верховьях реки Юцзян, ужаснулись и «почти все… встали на сторону *тухао* и *лешэнь*»[40]. Их и без того-то с местными *дичжу* связывали тесные отношения, и не только национальные, но и кровнородственные (как и другие китайцы, все они жили патриархальными кланами), а тут вдруг такое! Да, в этих условиях провозглашать советскую власть в Босэ без подготовки было действительно рискованно. Тем более что большинство сельских жителей в округе являлись собственниками земли, а батраков, на которых коммунисты могли опереться, имелось довольно мало[41].

И все же коммунисты рассчитывали, что им удастся, несмотря на эксцессы в Дунлане, увлечь бедных китайских крестьян простой идеей: «Грабь богатых!» Им казалось, что ханьские бедняки будут с радостью делить имущество и землю богачей, но они, увы, ошиблись. Внутриобщинные связи крестьян с «помещиками» оказались сильнее их классового сознания. И это несмотря на то что *дичжу,* большая часть которых была средними и мелкими, эксплуатировали их нещадно. Вот что Дэн докладывал в ЦК по поводу социального положения крестьян верховьев реки Юцзян: «Большинство земли сосредоточено в руках средних и мелких *дичжу,* поэтому крестьяне-собственники очень бедны и не в состоянии прокормить себя. Арендная плата за землю в этих местах составляет 60 процентов (40 — крестьянину-арендатору, 60 — *дичжу).* Арендаторы низведены до положения рабов, все они трудятся на своих хозяев поденно и не получают за это ничего»[42].

Дэн считал подобный уровень эксплуатации достаточным для того, чтобы с помощью правильно поставленной пропаганды поднять бедняков на борьбу. А потому уже в ноябре, то есть до переворота, дал указание своим подчиненным «углублять аграрную революцию и отбирать имущество *дичжу, тухао* и *лешэнь».* Вместе с тем, чтобы успокоить ханьских крестьян, он издал указ, запрещавший «бесцельные поджоги и убийства», и заменил многообразные поборы единым прогрессивным налогом. Было принято также специальное постановление о защите имущества мелких торговцев. Что же касается крупных дельцов, то их он обложил высокой данью. Эти деньги вместе с опиумными суммами дали ему возможность купить лояльность солдат будущего 7-го корпуса: каждому из них выплатили по 20 юаней (тогда немалые деньги). В то же время Дэн направил распоряжение «старшему брату Ба» незамедлительно

провозгласить в Дунлане советскую власть, а в газетах «Юцзян жибао» (ежедневная газета «Юцзян») и «Шибинчжи ю» («Друг солдата»), основанных в Босэ за пару недель до того, начал мощную и открытую коммунистическую пропаганду. 7 ноября он устроил в Босэ пышную манифестацию по случаю 12-й годовщины Октябрьской революции в России[43].

Но все эти мероприятия оказали слабое влияние на настроения ханьских крестьян. «Лишь крайне малое их число включилось [в борьбу]», — признавал позже заместитель Дэна по фронтовому комитету Чэнь Хаожэнь[44]. То же самое писал и Дэн, подчеркивавший, что «с самого начала и до конца» крестьянские мятежи «организовывались исключительно Красной армией»[45].

Крови и имущества богачей, хоть крупных, хоть самых мелких, требовали вместе с красноармейцами только городские и деревенские пауперы и люмпены, выбитые из жизни, не имевшие ни семей, ни пристанища и всегда готовые поучаствовать в грабеже. Они бродили из деревни в деревню, из города в город, голодные и оборванные, в поисках пропитания или сбивались в разбойничьи шайки, рыскавшие по дорогам. Именно эти люди и стали, помимо партизан Вэя, главными союзниками коммунистов. Прослышав про 20 юаней жалованья, они тут же начали записываться в коммунистические войска.

Так что нетрудно представить, что вскоре и в Босэ, и в близлежащих уездах так же, как в Дунлане, вспыхнула эпидемия грабежей и убийств. Пожар аграрной революции начал пожирать всех, кого бедняки и пауперы считали «зажиточными», то есть по существу любого более или менее имущего человека. Буржуазно-демократическая революция под напором обездоленных масс на глазах Дэна и его друзей перерастала в радикально-социалистическую!

Конечно, коммунисты, в том числе Дэн, не могли не относиться к этому со смешанным чувством. С одной стороны, в результате углубления революции их парторганизации на местах стали бурно расти под давлением активистов движения, страстно желавших вступить в компартию: за несколько месяцев численность партячеек увеличилась более чем в 10 раз![46] С другой стороны, заострение борьбы против всех имущих классов противоречило курсу VI съезда[47].

Но времени исправить что-либо у Дэна уже не было. В середине ноября, выполняя приказ Политбюро приехать в Шанхай для личного доклада, он вместе с двумя товарищами выехал из Босэ. Все трое путешествовали под видом торговцев, бежавших из города. Дэн планировал заехать в Лунчжоу, чтобы передать Ли Минжую и Юй Цзоюю решение о преобразовании их войск в 8-й

корпус Красной армии, но по дороге неожиданно встретил самого генерала Ли, направлявшегося как раз к нему в Босэ, чтобы сообщить о своем намерении атаковать Наньнин. Бравый генерал глубоко переживал поражение в войне с Чан Кайши и безрассудно хотел взять реванш. Выглядел он утомленным, бледным и исхудавшим. Поняв, что краткой беседой не обойдешься, Дэн повернул назад и вместе с Ли вернулся в Босэ. Здесь с помощью Чжан Юньи после долгих переговоров ему все же удалось убедить лихого вояку вернуться в Лунчжоу, чтобы заняться созданием 8-го корпуса и советов. От имени фронтового комитета Дэн даже предложил Ли должность главнокомандующего объединенными силами 7-го и 8-го корпусов. Тот согласился и с тем вскоре уехал. К тому же из Лунчжоу пришло сообщение о мятеже в его войсках, так что ему надо было наводить порядок[48].

А Дэн остался в Босэ и только спустя две недели, получив от генерала Ли известие о разгроме мятежников, вновь двинулся в путь. В начале декабря он прибыл в Лунчжоу, где пробыл два дня: провел собрание *ганьбу* (кадровых партийных работников), на котором огласил решение ЦК о преобразовании 5-го отряда в 8-й корпус под командованием Юй Цзоюя и обсудил детали предстоявшего восстания, которое также требовало тщательной подготовки.

Наконец в январе 1930 года Дэн через Ханой и Гонконг прибыл в Шанхай. К тому времени в Босэ, как и было запланировано, произошло восстание, начавшееся 11 декабря. На митинге в присутствии более трех тысяч человек Чжан Юньи объявил о формировании 7-го корпуса Красной армии в составе трех колонн (примерно равных полкам) общей численностью в пять тысяч человек: в 1-ю вошли подразделения 4-го и сводного отрядов, во 2-ю — бедняцко-пауперские части из соседних с Босэ уездов, а в 3-ю — партизанские войска Вэй Бацюня. Сам Чжан, как и договаривались, встал во главе корпуса, а бывший заместитель Дэна по гуансийскому фронтовому комитету Чэнь Хаожэнь возглавил корпусной политотдел. Чэнь получил и еще один пост — секретаря вновь образованного фронтового комитета 7-го корпуса. Знакомый же нам Гун Чу стал начальником штаба[49].

На следующий день в местечке Пинма недалеко от Босэ на своем 1-м съезде крестьянские, рабочие и солдатские депутаты от одиннадцати уездов и пяти деревень избрали Советское правительство района верховьев реки Юцзян под председательством коммуниста Лэй Цзинтяня[50]. После чего объявили о конфискации всех земель «помещиков»-дичжу, а также имущества так называемых «контрреволюционеров». К последним — практически в обход решений VI съезда, но под давлением

пауперов и люмпенов — они прежде всего причислили «богатых крестьян» *(фунун)*[24]. Позже и Дэн Сяопин, и Чэнь Хаожэнь признавали, что, не имея формального «партийного» права отбирать земли *фунун,* которых, правда, в верховьях реки Юцзян было немного, они специально ввели в обращение эвфемизм «контрреволюционеры»[51]. Конфискованная земля национализировалась и передавалась советам с последующим уравнительным распределением между безземельными и малоземельными сельскими жителями без права ее дальнейшей купли-продажи[52]. Социалистическая революция в Босэ продолжалась, с каждым днем радикализируясь.

Все более левацкой становилась и политика Политбюро, испытывавшего непрерывное давление со стороны Москвы и Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна в Шанхае. В ноябре 1929 года вожди Компартии Китая оказались наконец вынуждены опубликовать письмо Политсекретариата Исполкома Коминтерна по крестьянскому вопросу, так как глава Дальбюро Игнатий Рыльский все время требовал от них дать указание коммунистам на местах арестовать «всех феодалов, джентри *[шэньши],* помещиков, кулаков, генералов»[53].

Но в начале декабря Рыльский вновь выразил недовольство руководству компартии, которое, по его словам, «очень часто отклоняется от большевистской линии». На этот раз он раскритиковал партийных вождей за то, что те давали якобы «неясные и неправильные» директивы гуансийскому комитету в отношении генерала Юй Цзобо и других «национал-реформаторов». С точки зрения Рыльского, с генералом Юем и ему подобными «милитаристами» не следовало вообще разговаривать. Иными словами, Дальбюро оценило работу Дэна по «единому фронту» в Гуанси как в целом ошибочную[54]. И хотя с этими обвинениями Политбюро, конечно, не согласилось[25], игнорировать их оно тоже не имело права. Тем более что обострение борьбы с «правыми» в ВКП(б) привело, естественно, к радикализации не только политики Коминтерна в аграрно-крестьянском вопросе в Китае, но и всей тактической линии Исполкома Коминтерна в национально-освободительном движении, о чем недвусмысленно дал понять проходивший в Москве в июле 1929 года 10-й пленум Исполкома Коминтерна. Резолюции этого форума, полученные в Шанхае в конце сентября, были буквально заострены против «правой опасности», якобы грозившей всем коммунистическим партиям. Пленум посчитал главной ошибкой «правых» то, что они отказывались видеть «симптомы нового революционного подъема» в мире.

«Правильность» установок пленума «подтвердилась»

довольно скоро: в конце октября 1929 года рухнула Нью-Йоркская биржа, в результате чего капиталистический мир охватила Великая депрессия. В коммунистов всего мира она вселила новые надежды на неизбежный крах мирового капитализма. В середине декабря в Шанхае получили очередное письмо Политсекретариата Исполкома Коминтерна, составленное 26 октября, как раз тогда, когда мировой финансовый рынок начало лихорадить. В письме подчеркивалось, что Китай вступил «в полосу глубочайшего общенационального кризиса», а потому «главной опасностью внутри партии в настоящее время являются правые оппортунистические настроения»[55].

Вот в такую атмосферу всеобщего полевения попал Дэн, едва приехав в Шанхай. Однако его доклад о работе вызвал в целом доброжелательную, хотя и не лишенную критических замечаний, дискуссию. В духе новой политики ЦК обратил его внимание только на то, что не следует питать иллюзий в отношении Ли Минжуя, так как он гоминьдановец и сторонник Ван Цзинвэя. Кроме того, от Дэна потребовали «обязательно занять решительную позицию в отношении *фунун*»[56].

Дэн поспешил заверить, что коммунисты в Гуанси к *фунун* уже относятся как к «контрреволюционерам», потому что те сами «вступили на контрреволюционный путь», а что касается гоминьдановцев, то они с ними вообще всегда боролись. Вместе с тем он, правда, заметил: «Конечно, нам нехорошо лелеять какие-либо иллюзии в отношении Ли Минжуя, однако сейчас в Цзоцзяне у нас нет достаточно субъективных возможностей для его изгнания, а потому считаю необходимым временно использовать контакт с ним»[57]. Дэн даже предложил принять генерала Ли в члены компартии, заявив, что он сам и Юй Цзоюй дают ему рекомендации. (В протоколах обсуждения его доклада это предложение не нашло отражения, возможно, из-за тактических соображений, но ЦК его обсудил и принял, так что главнокомандующий Ли Минжуй с этого момента не мог более считаться «национал-реформатором»[58].)

В завершение Центральный комитет дал указание командованию 7-го и 8-го корпусов превратить в центр «аграрной революции» в Гуанси Дунлань — то есть партизанскую базу «старшего брата Ба». При этом, правда, оговаривалось, что «бесцельные и беспорядочные поджоги и убийства следует прекратить», но «необходимые» — продолжить, так как, вообще говоря, «поджоги и убийства играют большую роль в уничтожении феодальных сил». Что же касается 8-го корпуса, то сразу после восстания его войскам следовало оставить Лунчжоу и, соединившись с корпусом Чжан Юньи, расширять Советский

район на восток, к границе провинций Цзянси, Гуандун и Фуцзянь, где действовали войска Мао Цзэдуна и Чжу Дэ. (План объединения советских районов Гуанси с Советским районом Мао и Чжу предложил сам Дэн; этот проект активно поддерживало все остальное руководство Босэ[59].) В заключение ЦК утвердил новый состав фронтового комитета 7-го корпуса в количестве семи человек и вместо Чэнь Хаожэня назначил секретарем Дэн Сяопина. Тогда же Дэн получил и новую, по сути высшую, должность в войсках 7-го корпуса: стал его политкомиссаром[60].

Обо всем этом ЦК сообщил в гуандунский комитет в начале марта 1930 года, когда Дэн уже находился в Лунчжоу. Он прибыл туда 7 февраля, через шесть дней после того, как на митинге горожан Юй Цзоюй был объявлен командиром, а коммунисты Хэ Шичан и Ван Даньпин — начальниками политотдела и штаба 8-го корпуса Красной армии соответственно. В корпус вошли две колонны общей численностью около двух тысяч человек. Тогда же Ли Минжуй вступил в должность главкома 7-го и 8-го корпусов.

Прибыв в Лунчжоу, Дэн начал действовать по обстановке. По некоторым данным, ЦК вроде бы назначил его политкомиссаром и 8-го корпуса, так что право отдавать распоряжения у него имелось[61]. Тем более что в городе почти никого из командования не осталось — за исключением начальника штаба Ван Даньпина. Дело в том, что в отсутствие Дэна генерал Ли Минжуй принял-таки решение атаковать Наньнин. Уж очень его обуревала жажда реванша! В свою авантюру он вовлек и Чжан Юньи, убедив его, что столица Гуанси слабо защищена (в то время действительно основные силы гуансийской армии находились на границе с северным Гуандуном). В итоге Ван доложил Дэну, что все войска коммунистов в походе. Тот пришел в ужас: «Как с субъективной, так и с объективной точек зрения штурм Наньнина обречен на поражение»[62].

Дэн тут же передал приказ командованию корпусов повернуть назад. Но было уже слишком поздно. 9 февраля пришло сообщение о разгроме 7-го корпуса на подступах к Наньнину. База в Босэ оказалась потерянной. А вскоре крайне обострилась обстановка и в Лунчжоу, куда вернулась только часть войск 8-го корпуса под командованием Юй Цзоюя (другая часть под командованием Ли Минжуя отправилась на выручку Чжан Юньи).

Через два дня после возвращения остатков 8-го корпуса, 12 февраля 1930 года, Дэн выпустил воззвание, в котором так же, как ранее в Босэ, объявил о конфискации всей земли *дичжу,* передаче ее советам с последующим уравнительным распределением без права купли-продажи и замене

многообразных поборов единым прогрессивным налогом. А еще он обложил контрибуцией китайских торговцев, запретив им вывозить деньги и товары из города, и к тому же потребовал отобрать всю землю и имущество у *фунун,* помогающих «контрреволюционерам»[63].

Древний Лунчжоу содрогнулся. Этот город, основанный в начале Танской династии (в 621 году), видел, конечно, немало погромов: его нередко предавали огню жившие в горах чжуаны, в XIII веке захватывали монголы, а в XVII — маньчжуры. Но уже довольно давно здесь было спокойно. В 1886 году Лунчжоу (буквально: Район, где обитает дракон) открылся для иностранной торговли, после чего в нем появились французы, к тому времени колонизировавшие Индокитай. Через три года здесь была основана таможня, а еще через несколько лет выстроен железнодорожный вокзал. Правда, из-за разногласий между французской стороной и цинским правительством по поводу ширины железнодорожной колеи ветку, которая должна была соединить Лунчжоу с Индокитаем, так и не проложили, но французы и местные жители продолжали сосуществовать довольно мирно. «Этот дальний угол Китая был намного благочестивее, нежели Пекин или [вообще] весь Северный Китай», — писал современник[64].

Теперь же всё изменилось. Одновременно с воззванием Дэн обнародовал страстное обращение к лунчжоусцам, в котором гневно заклеймил французский империализм. Его демарш был вызван нотой французского консула по поводу начавшихся в городе беспорядков (грабежей, арестов и убийств мирных жителей). Консул просил новые власти «восстановить спокойствие», угрожая в противном случае принять только что направленное ему предложение губернатора Индокитая прислать в Лунчжоу 15 французских солдат и броневик для охраны консульства, которое, кстати, располагалось в том самом бывшем здании вокзала, которое так никогда и не было использовано по назначению[65].

По инициативе Дэна 19 февраля городские низы, поддержанные солдатами 8-го корпуса, в ответ на ноту захватили консульство и таможню (последнюю сожгли), после чего конфисковали собственность всех проживавших в Лунчжоу французов: банки, магазины и даже католический храм. А тех граждан Франции, которые осмелились выразить недовольство, в том числе консула и миссионеров, выпроводили в соседний Индокитай[66].

Этот удачный день принес коммунистам 150 тысяч юаней серебром[67]. Но очень скоро у Дэна возникли большие

осложнения. В конце февраля Лунчжоу подвергся налету пяти французских самолетов, сбросивших на него 400-фунтовые ядовитые бомбы. И хотя бойцы Юй Цзоюя сбили один из самолетов, убив двоих летчиков, стало ясно, что в городе оставаться нельзя. Тем более что вскоре Дэн получил известие о том, что к Лунчжоу продвигается 8-я дивизия гуансийской армии, а вьетнамо-китайскую границу перешли 500 французских солдат[68].

Обсудив ситуацию, Дэн с Юй Цзоюем приняли решение, что часть войск 8-го корпуса должна немедленно двинуться на соединение с 7-м корпусом, остатки которого, как они предполагали, действовали где-то в районе реки Юцзян. Другая же часть пока оставалась в Лунчжоу, но при непосредственной угрозе городу тоже должна была уйти из него — вслед за первой[69]. Дэн срочно отправился в 1-ю колонну, за 70 ли к северо-востоку от Лунчжоу, которую сам захотел вести к реке Юцзян. Но вскоре его колонна оказалась втянута в многодневные бои с превосходящим противником, и 10 марта Дэн, «потеряв терпение, решил уйти вперед с небольшим отрядом, оставив основные силы»[70]. Было ли это оправданно, трудно сказать. По словам самого Дэна, ему нужно было «как можно скорее» передать некие важные «указания ЦК КПК 7-му корпусу»[71], но что за «указания» — неизвестно. Как бы то ни было, вскоре после того, как Дэн покинул войска, 1-я колонна оказалась полностью уничтожена.

В конце марта сокрушительное поражение потерпела и 2-я колонна 8-го корпуса, так и не покинувшая Лунчжоу. По словам Дэна, Юй Цзоюй «увлекся сбором налогов», а потому с отступлением затянул до последнего[72]. Город был захвачен противником, а сам комкор вместе с начальником политотдела Хэ Шичаном бежал. Хэ вскоре попал в плен и был казнен, а Юй благополучно добрался до Гонконга. Однако здесь ему не повезло. Его арестовала английская полиция, которая выдала «известного вожака коммунистов» гоминьдановцам. 6 сентября 1930 года его расстреляли в Кантоне.

Дэн же тем временем в середине марта объявился в верховьях Юцзяна. Тут он узнал, что остатки 7-го корпуса вместе с примкнувшими к ним частями 8-го корпуса под командованием Ли Минжуя уже давно ушли в Дунлань. Делать было нечего, и он отправился в вотчину Вэй Бацюня. Путь был тяжелый и опасный, по горным тропам. На одной из троп на него напали вооруженные разбойники и, обнажив мечи, потребовали «кошелек или жизнь». Дэн, благоразумно отдав находившиеся при нем 20 юаней, сумел избежать смерти[73].

Наконец в начале апреля он добрался до высокогорной деревеньки Учжуань, где жил старина Вэй. Очевидец рассказывает: «Сыпался мелкий-мелкий дождик, и как раз, когда пришла пора зажигать лампу, решительный молодой человек в плетеной бамбуковой шляпе и с тростью в руке, обутый в соломенные сандалии, в высоко подвернутых штанах весело подошел к дверям нашего дома. Позади его шел красноармеец»[74]. Незнакомец представился Дэн Бинем и попросил отвести его к «старшему брату Ба».

Дэн знал Вэя с осени 1929 года. Они познакомились в Наньнине, куда Вэй приехал для участия в одном из коммунистических собраний. Представил их друг другу тогдашний руководитель гуансийских коммунистов Лэй Цзинтянь, и с тех пор они находились в очень хороших отношениях, даже звались братьями[75]. Встретив Дэна теперь, мокрого и голодного, Вэй Бацюнь не смог сдержать волнения. Он усадил его возле домашней жаровни, чтобы тот обсох, накормил, а на следующий день передал в его распоряжение один из кабинетов своего советского правительства. Оно располагалось в бывшем храме языческого божества Куйсина (буквально: Главная звезда), покровителя тех, кто собирался держать экзамен на ученую степень. Выстроенный в виде четырехэтажной шестигранной башни всего за 23 года до того храм был самой большой достопримечательностью деревни Учжуань — одного из немногих мест в Гуанси, куда не рисковали забираться гоминьдановские каратели.

В деревне Дэн провел ни много ни мало целый месяц. Никакого 7-го корпуса здесь не было, и где он находился, никто, даже Вэй, точно не знал; говорили, что ушел в соседнюю провинцию Гуйчжоу. Вот Дэн и остался жить в Учжуани, посвятив все свое время соединению большевизма с чжуанским крестьянским движением. Вместе с Вэем и находившимся тут же Лэй Цзинтянем он разработал несколько документов по аграрному вопросу, пытаясь внушить патриархальным чжуанам, что их общество на самом деле разделено на *тухао, лешэнь, дичжу, фунун,* а также середняков, бедняков, батраков и ремесленников. Так же, как и китайское. А потому «в Поднебесной бедные люди — одна семья и бедный человек не бьет бедного человека». Для того же, чтобы грабить и убивать, существует достаточно *тухао, лешэнь, дичжу* и *фунун*[76].

В тот период большое внимание он уделял пропаганде колхозного образа жизни. Во время его недолгого пребывания в Лунчжоу он видел, как в одном волостном центре на китайско-вьетнамской границе жители по собственной инициативе

перешли к коллективной обработке земли. Они конфисковали не только землю богатых, но вообще всю, которая была. После этого собрали по домам зерно, скот, утварь и передали сельсовету. В городке «была построена одна большая кухня, которая находилась в ведении отдела потребления [сельсовета], а также один большой коровник. Все хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия и рабочий скот находились в общем пользовании»[77]. Этот эксперимент, похоже, понравился Дэну, и он разработал специальные «Положения о совместной обработке земли» для дунланьских чжуанов на тот случай, если они этому последуют. Он, правда, не настаивал на поголовном и немедленном переходе к такому виду хозяйствования, предлагая решать этот вопрос сельсоветам. Все-таки те марксисты, труды которых он читал в Москве, не советовали переходить к колхозам поспешно. Правда, один из них (Сталин) уже поменял точку зрения, и вожди Дэна в Шанхае одобрили новый большевистский курс. В итоге на не очень настойчивые уговоры Дэна в колхоз записались жители только двух деревень, другие либо довольствовались «помещичье-кулацкой» землей (таких было меньшинство), либо конфисковывали всю землю — и ту, что принадлежала *дичжу* и *фунун,* и ту, что бедным крестьянам, но сообща на ней не трудились, а уравнительно делили посевные площади между всеми дворами, и богатыми и бедными. (Большая часть дунланьских чжуанов, очевидно, не могла понять, как можно совсем лишать собственности родственников, пусть даже богатых; иное дело — взять всё и поделить поровну[78].)

Между тем в начале мая 1930 года Дэн получил известие о том, что Ли Минжуй и Чжан Юньи со своими войсками вновь объявились в Гуанси, причем недалеко от Дунланя, примерно в 70 ли к востоку. Дэн сразу же поспешил к ним, чтобы обсудить ситуацию. Поразмыслив, все трое решили вновь продвигаться в Босэ, куда через некоторое время и направились двумя колоннами. Им позарез нужны были деньги, чтобы выплатить жалованье солдатам. В результате, взяв город, они в который уже раз спровоцировали эпидемию грабежей по всей округе. Вот что писала тогда об этом китайская пресса: «Красная армия… заняла район Босэ, немедленно установив режим террора на площади в 170 [квадратных] миль… Многие богачи пожалели… почему не родились бедняками, а чиновники — простыми людьми»[79].

Правда, немало жителей города и близлежащих деревень, не дожидаясь нового нашествия коммунистов, заранее спаслись бегством. Все более или менее зажиточные купцы, например, уплыли в Наньнин. При этом увезли с собой не только товары первой необходимости, но и огромные запасы опиума стоимостью

800 тысяч долларов[80]. Это, конечно, не могло не расстроить Дэна и его товарищей: взять с города много они уже не могли. Да и надолго оставаться в нем им не следовало. К Босэ стремительно продвигался юньнаньский генерал Чжан Чун, к столкновению с которым «красные» не были готовы. «Юньнаньская армия умела воевать, это был серьезный враг», — вспоминал позже Дэн[81]. Пришлось срочно эвакуироваться в местечко Пинма за 60 ли вниз по реке Юцзян. Здесь 7-й корпус оставался до середины осени. Радиосвязь с Шанхаем отсутствовала, и Дэн не мог ни отчитаться о работе, ни получить указания.

Неожиданно в конце сентября из Гонконга к нему в Пинма прибыл специальный представитель созданного в начале 1930 года Южного бюро ЦК Компартии Китая, высшего органа партийной власти не только в Гуанси, но и в других южных провинциях — от Юньнани до Фуцзяни. Звали этого человека Дэн Ган, и был он лишь на год старше Дэна. Всего за несколько недель до того он вернулся в Китай из Москвы, где, как прежде Дэн, учился в течение года в Университете трудящихся Китая, к тому времени переименованном в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). В Советском Союзе Дэн Ган носил странный псевдоним — Дон Стиль, хотя, конечно, мало походил на испанского или латиноамериканского аристократа[82]. Он сообщил Дэну и командованию 7-го корпуса, что уже несколько месяцев назад, 11 июня 1930 года, Политбюро приняло сенсационное постановление «О новом революционном подъеме и победе первоначально в одной или нескольких провинциях». Написано оно было Ли Лисанем и, по существу, ориентировало коммунистов на развертывание немедленной революционной борьбы за власть. «Революция, сначала вспыхнув в Китае, вызовет великую мировую революцию», — говорилось в постановлении[83].

В этой связи на 7-й корпус возлагалась задача перейти в северо-восточную Гуанси и взять крупнейшие города Лючжоу, Гуйлинь и сам Кантон![84] План был, конечно, безумный, так как корпус в то время насчитывал всего семь с небольшим тысяч бойцов, а ему противостояли сотни тысяч солдат гоминьдановских и милитаристских войск. Но аналогичные по абсурдности планы летом — осенью 1930 года под нажимом Политбюро старались реализовать почти все коммунистические войска в советских районах. Мао и Чжу, например, безуспешно атаковали Наньчан и Чаншу, а отряды Хэ Луна (того самого экс-бандита, который 1 августа 1927 года возглавил мятеж в Наньчане) — угрожали Ухани.

Дэн и Чжан Юньи попытались мягко объяснить Дэн Гану, что выполнить намеченное будет трудно, но тот и слушать не

захотел. Именно на него Южное бюро ЦК возложило миссию возглавить командование 7-м корпусом, так что дискуссии были неуместны. 2 октября расширенное заседание фронтового комитета приняло решение о походе, и через два дня на общем построении войска дали торжественную клятву сражаться не на жизнь, а на смерть[85].

В верховьях Юцзяна (в Дунлане) остались только отряды «старшего брата Ба». Забегая вперед скажем, что через два года, в октябре 1932-го, под натиском врага советская власть в Дунлане падет, а старину Вэй Бацюня настигнет смерть от руки собственного любимого племянника, который в одну из темных ночей заколет его сонного пикой, польстившись на обещанную гоминьдановцами награду в 1400 юаней. Голову Вэя он передаст гуансийским властям, которые в течение нескольких месяцев будут возить ее, заспиртованную в стеклянном кувшине, по городам и деревням провинции для устрашения возможных бунтарей. Похороненную затем в городе Учжоу на востоке провинции, эту голову найдут лишь в конце 1961 года, через 12 лет после прихода Компартии Китая к власти. Череп эксгумируют и отправят в Пекин (очевидно, для тщательной экспертизы), а на месте прежнего захоронения построят мемориал[86]. Что же касается тела «старшего брата Ба», то его предадут земле сами дунланьские крестьяне, сразу же после гибели бунтаря. Они похоронят его в окрестностях уездного центра, у подножия красивой горы Тэяшань (Большой зуб). После же коммунистической революции, в 1951 году, новые власти перенесут останки Вэя в Дунланьский городской парк павших героев.

Но все это будет позже, а пока главные силы 7-й корпуса начали кружить по северо-восточной Гуанси и юго-западной Хунани, тщетно пытаясь пробиться к Лючжоу или Гуйлиню. По дороге они захватывали маленькие городки, нещадно грабили их и тут же оставляли под натиском превосходящего по силе противника. В конце концов, в начале января 1931 года, потеряв две трети состава, добрались до отдаленного гуансийского городка Цюаньчжоу, зажатого меж заснеженных гор на границе с Хунанью в 250 ли к северу от Гуйлиня. Здесь, не выдержав, Дэн и Чжан Юньи резко выступили против продолжения авантюры. Поступок был смелым, но на этот раз своих командиров поддержали многие участники похода, после чего Дэн Ган, не в силах противостоять большинству, срочно выехал жаловаться в ЦК[87]. Каково же было его разочарование, когда, прибыв через месяц в Шанхай, он узнал, что лилисаневский курс был уже давно отменен ЦК, получившим грозный окрик из Москвы.

Разглагольствовавший об «обострении всех противоречий» в Китае Коминтерн явно не ожидал, что вожди китайской компартии в спешном порядке развернут атаки на крупные города, обескровливая свою Красную армию и провоцируя мировую революцию.

По иронии судьбы Исполком Коминтерна осадил Ли Лисаня как раз в тот момент, когда Дэн Ган приехал к Дэн Сяопину в конце сентября 1930 года. 24–28 сентября расширенный пленум ЦК Компартии Китая заслушал «беспощадную» самокритику Ли Лисаня, после чего несчастный Ли по требованию Сталина выехал в Москву на проработку. 16 ноября в Китае получили «Письмо ИККИ о лилисаневщине», в котором политическая линия Ли объявлялась «антимарксистской», «антиленинской», «оппортунистической» и «по существу» троцкистской[88]. А в начале января 1931 года в Шанхае специальный посланец Кремля, бывший ректор Коммунистического университета трудящихся Китая Павел Миф (настоящие имя, отчество и фамилия — Михаил Александрович Фортус), на новом расширенном пленуме ЦК реорганизовал руководящие органы китайской компартии, волевым решением введя в Политбюро, а затем и в его Постоянный комитет своего бывшего студента, знакомого нам Чэнь Шаоюя (псевдоним — Иван Андреевич Голубев), до того не входившего даже в Центральный комитет. После этого именно Чэнь, начавший доминировать в руководстве партии, развернул оголтелую антилилисаневскую кампанию, поддержанный некоторыми другими выпускниками Коммунистического университета, прежде всего введенным Мифом в состав ЦК Шэнь Цзэминем (псевдоним — Гудков, кличка — Гудок), а также Бо Гу (настоящее имя — Цинь Бансянь, русский псевдоним — Погорелов, клички — Погги и Погнер), Ван Цзясяном (клички — Коммунар и Коммусон) и Чэнь Юаньдао (Невский). Старые вожди партии, Сян Чжунфа, Чжоу Эньлай и Чжан Готао, тоже входившие в Постоянный комитет, были вынуждены принять новый курс, несмотря на то что особого уважения к «мифовским птенцам» питать не могли.

Выходило, что 7-й корпус все это время зря старался! Проштрафившегося «лилисаневца» Дэн Гана новые руководители Политбюро в конце марта 1931 года отправили в Гуандун на скромную должность заведующего секретариатом вновь созданного объединенного гуандун-гуансийского комитета. Здесь, в восточной части этой провинции, через полтора года в возрасте 29 лет он погиб в одном из боев с гоминьдановцами[89].

А Дэн, Ли Минжуй и Чжан Юньи, ничего не зная о дезавуировании линии Ли Лисаня, весь январь 1931 года,

очевидно, ждали разноса из центра. Но наступать на крупные города все равно не могли. И вдруг 1 февраля, войдя после долгих скитаний в небольшую деревеньку с приятным названием Мэйхуа (Цветы сливы), расположенную в северном Гуандуне, они с удивлением узнали от одного местного коммуниста о снятии Ли Лисаня. Можно представить, что они говорили по этому поводу!

Как бы то ни было, пережитого исправить было нельзя. И Дэн с товарищами приняли единственно верное решение: любыми способами пробиваться на соединение с войсками Мао и Чжу в южную Цзянси. К тому времени, 17 октября 1930 года, советский район Мао Цзэдуна получил название Центрального, став главной базой коммунистов. От Мэйхуа до него было примерно 200 ли на северо-восток. Однако путь туда преграждала довольно быстрая и широкая река Лэчанхэ (ныне — Уцзян). Войска разделились. Часть из них под командованием Дэна и Ли переправилась на другой берег, но как только оставшиеся отряды во главе с Чжан Юньи начали форсирование реки, они попали под артиллерийский огонь противника. В результате Дэн и Ли повели свои войска в Цзянси и через несколько дней, 8 февраля, добрались до границы Центрального советского района. Чжан Юньи же и его бойцы, пережив много новых испытаний, дошли до Цзянси только в апреле 1931 года[90].

В то время Дэн опять оказался в Шанхае, куда отправился 10 марта 1931 года для отчета Центральному комитету и прояснения обстановки. По его словам, узнав о возвышении Чэнь Шаоюя, он «очень разволновался», поскольку «не испытывал к нему расположения», переговорил с Ли Минжуем и еще одним членом фронтового комитета, Сюй Чжо, и те, якобы выразив понимание, одобрили его решение поехать в Шанхай. Тем более что «в то время, — утверждает Дэн, — серьезной угрозы со стороны противника [войскам] не было»[91]. Сюй Чжо сменил Дэна на посту секретаря фронтового комитета, и тот под видом торговца лекарственными травами покинул расположение войск.

Возможно, так всё и было, хотя некоторые факты заставляют в этом сомневаться. Например, достоверно известно, что в тот самый день, когда Дэн отправился в Шанхай, на войска Ли Минжуя напал неприятель и им срочно пришлось отступать. Дэн же, находившийся неподалеку в госпитале, где навещал раненых, услышав стрельбу, тут же написал Ли Минжую записку: «Насколько я понимаю, вы подверглись нападению и в настоящее время отступаете. Я не смогу добраться до вас, так что, пожалуйста, отходите в горы Цзинган [на границе с Хунанью] и объединяйтесь там с Красной армией. Я постараюсь доложить о

делах 7-го корпуса партийному центру»[92]. Он передал записку Сюй Чжо, находившемуся с ним, и сразу же уехал.

Значит, все-таки «серьезная угроза» существовала? Зачем же тогда надо было покидать старых товарищей в столь тяжелый момент и писать эту странную записку? Ведь если Дэн сам опасался не добраться до 7-го корпуса, почему же считал, что Сюй Чжо мог это сделать? Может быть, все-таки Дэн, как и в феврале 1930 года, просто «потерял терпение и решил уйти»? Трудно сказать. Его однополчанин, генерал Мо Вэньхуа, например, не верил в то, что Дэн покинул войска, получив одобрение членов фронтового комитета[93]. А хунвэйбины прямо обвиняли Дэна в том, что он «бежал в Шанхай, чтобы скрыться от опасности», проявив «свою подлинную сущность жалкого труса»[94]. Дэну пришлось защищаться, и он сделал это весьма виртуозно в «Автобиографических записках», написанных в июне — июле 1968 года, и в письме Председателю Мао Цзэдуну от 3 августа 1972 года. С одной стороны, он признал, что в начале 1931 года ни в коем случае «не должен был покидать 7-й корпус Красной армии. [Это] было одной из самых крупных ошибок моей жизни… в политическом отношении». С другой стороны, настаивал на том, что его поступок «был законным в организационном отношении»[95], то есть что он получил одобрение фронтового комитета. Никого из членов этого комитета (ни Ли Минжуя, ни Сюй Чжо), правда, к тому времени не было в живых, так что весь этот эпизод приходится оставить на совести Дэна.

Таким образом, гуансийский эксперимент закончился полным поражением, и лилисаневский авантюризм лишь частично способствовал этому. Радикальная политика китайских коммунистов не нашла отклика в душах большинства населения провинции. В результате советское движение на юго-западе Китая вылилось в серию грабежей и убийств, в разгул вооруженного бандитизма пауперов, люмпенов и дунланьских чжуанов, активно поддержанных Красной армией. Никакого массового движения крестьян так и не произошло. Это вынужден был признать сам Дэн[96].

«ДУХ ПЯТИ БЕССТРАШИЙ»

В Шанхае, куда Дэн прибыл в конце марта 1931 года, его ожидал холодный прием. Казалось, новые вожди просто не хотели его замечать. Целый месяц Дэн провел без дела: его поселили на одну из конспиративных квартир, снабдили кое-какими средствами и оставили в изоляции. Возможно, дали тем самым время осознать глубину совершенных им «тяжелых ошибок», приведших к поражению советского движения в Гуанси. В Центральном комитете давно знали, что произошло: о перипетиях 7-го корпуса им во всех красках доложил не только Дэн Ган, но и начальник корпусного политотдела Чэнь Хаожэнь, в январе 1931 года тоже покинувший расположение корпуса и прибывший в Шанхай на два месяца раньше Дэн Сяопина. 9 марта Чэнь, часто конфликтовавший с Дэном по ряду тактических вопросов, представил в ЦК доклад, в котором обвинил фронтовой комитет корпуса (то есть именно Дэна) в том, что тот «не уделял должного внимания работе среди масс», «избегал столкновений с врагом» и «был лишен наступательного порыва»[97]. Через месяц, 4 апреля, новые обвинения в адрес командования 7-го корпуса — и в «лилисаневщине», и в «правом (!?) уклоне» — выдвинул некий Янь Хэн (по-видимому, один из полевых командиров), прибывший в Шанхай в конце февраля[98]. Все эти упреки были серьезными, так что над Дэном сгустились тучи.

Как конкретно решался его вопрос, мы точно не знаем. Судя по тому, что никто из высшего руководства напрямую Дэна не обвинял, но и не давал ему оправдаться или покаяться, можно предположить, что в Политбюро вокруг его «дела» шла борьба. Принятие негативного постановления, очевидно, блокировал Чжоу Эньлай, скорее всего при поддержке других старых вождей партии, Сян Чжунфа и Чжан Готао, недовольных активностью Чэнь Шаоюя. Что же касается последнего, то у него не было причин любить Дэна: ведь тот сам «не испытывал расположения» к нему. 27 марта Чжоу, Чжан Готао и Сян Чжунфа попытались в вопрос о Дэне вовлечь Дальбюро Исполкома Коминтерна. Встретившись с Игнатием Рыльским, они сообщили ему, что из 7-го корпуса «через Гуандун прибыл товарищ. Подробный отчет еще не получен, но… все материалы будут посланы ДВЕ [Дальбюро]»[99]. Тем самым они как бы узаконили необходимость выслушать Дэна. Однако только через месяц, 29 апреля, тот смог представить свой доклад в ЦК.

Интересно, что оправдываться Дэн не стал. Рассказав подробно об истории борьбы за советскую власть в Гуанси, он

самокритично признал ошибки, заявив, что придерживался как «левацко-авантюристической лилисаневской линии», так и «правооппортунистической кулацкой». «Центральной» же ошибкой назвал «то, что при решении всех вопросов» полагался «исключительно на военную силу»[100]. То есть по сути согласился со всеми своими критиками.

Такая линия поведения была совершенно правильной: именно беспощадная большевистская самокритика и нужна была от него Чэнь Шаоюю и многим другим членам Политбюро, в соответствии с китайской традицией хотевшим лишь одного: заставить его «потерять лицо». Записать же его в «классовые враги» они не могли: им не позволяли это сделать ни Чжоу Эньлай, ни остальные старые члены партии, связанные с Дэном общим революционным прошлым. Ведь в клановом обществе, каким является китайский социум, именно разнообразные неформальные связи *(гуаньси)* между людьми играют главную социальную роль и именно на них строится вся общественная жизнь. Хорошо разбираясь в этом, Дэн и впоследствии при возникновении опасных внутрипартийных коллизий будет следовать этой тактике: смело признаваться в «грехах», теряя «лицо», но, опираясь на связи, сохранять свое место в номенклатуре.

В общем, самокритику Дэна Чэнь Шаоюй и его товарищи приняли и через три недели, 14 мая, с осознанием собственного «превосходства» смогли написать фронтовому комитету 7-го корпуса: «Главной причиной… [вашего] поражения… было то, что вы недостаточно твердо следовали классовой линии» и «односторонне опирались на военную силу»[101]. Раскаявшегося же Дэна продержали без дела в Шанхае еще два с половиной месяца и только затем дали ему наконец возможность реабилитироваться. В середине июля он получил разрешение выехать на работу в Центральный советский район, после чего сел на большой пароход, отплывавший в восточно-гуандунский город Сватоу, откуда ему предстояло пробраться в граничащую с Гуандуном южную Цзянси.

Томление в Шанхае оставило гнетущее впечатление. И не только потому, что «в политическом отношении это время было для него очень тяжелым»[102]. Всё в этом городе напоминало ему покойную жену, Чжан Сиюань. Уезжая в январе прошлого года, он даже не успел ее похоронить. Это сделали за него другие люди, товарищи по партии. На церемонии прощания присутствовали жена Чжоу Эньлая Дэн Инчао со своей матерью и младшая сестра Чжан, Сяомэй. На могильной плите в целях конспирации выгравировали чужое имя: Чжан Чжоуши[26].

Дэн посетил могилу несколько раз, даже привел на кладбище младшего брата Сяньсю, с которым встретился в середине мая, прочитав его объявление в газете «Шиши синьбао» («Новая газета фактов»): «Вниманию старшего брата Дэн Сисяня. Младший брат прибыл в Шанхай и надеется увидеться»[103]. Далее следовал адрес. По нему Дэн и разыскал братишку, которого не видел девять лет. Тот приехал в Шанхай на учебу и был несказанно рад встрече. Дэн Сяопин уговорил его вступить в члены китайского отделения коминтерновской организации «Международная помощь борцам революции», и даже когда старший брат уехал в Центральный советский район, Сяньсю не прекратил революционной деятельности, хотя в партию вступил лишь в 1940 году, завершив к тому времени образование в двух знаменитых вузах — Шанхайском национальном университете Цзинань и Шанхайском университете политических и юридических наук. С братом он снова увидится лишь в 1946 году[104].

Между тем Дэн, отплыв из Шанхая, грустил недолго. Его попутчицей оказалась очень красивая девушка. Гуляя с ней по палубе, он не мог не любоваться ею: нежный овал лица, такие же, как у Чжан Сиюань, пухлые губы и короткая стрижка, а главное — большие добрые глаза, оттененные черными бровями, которые смотрели на него с такой теплотой и нежностью! Она, как оказалось, была лишь немногим младше его, всего на два месяца: родилась в том же 1904 году, только осенью. Данное ей при рождении имя звучало красиво: Цзинь Айцин (Цзинь — фамильный иероглиф, в переводе: Золотой, Золотая, а Айцин — Та, кто полюбит вельможу). Но с восемнадцати лет она носила революционное прозвище Цзинь Чжичэн (Цзинь Волевая). Знакомые же называли ее ласково — Ацзинь (Золотце). Семья ее жила в деревеньке Гаонин на острове Дайшань, недалеко от побережья провинции Чжэцзян. Там она и появилась на свет. Отец ее, мелкий торговец, сумел дать дочери хорошее образование. В 1922 году Ацзинь окончила педагогическое училище города Нинбо и стала преподавать в начальной школе для девочек. Но вскоре увлеклась коммунистическими идеями, познакомилась с Цюй Цюбо, другими известными коммунистами и в октябре 1926 года вступила в компартию. После поражения коммунистов в национальной революции 1925–1927 годов перебралась в Шанхай, занималась партийной и профсоюзной работой среди женщин, за что в январе 1931 года ее арестовали. Месяц она провела в тюрьме, но затем коррумпированные полицейские, получив взятку от агентов компартии, выпустили ее в связи с «отсутствием улик». В Шанхае ей оставаться было нельзя, и ЦК решил командировать ее в Центральный советский район. Вот

таким образом она и оказалась на одном пароходе с Дэном[105].

Стоит ли удивляться тому, что между молодыми людьми, отправившимися в опасное путешествие, возникло влечение, переросшее вскоре в пылкую страсть? Дэн и Ацзинь даже не заметили, как в один из вечеров оказались в объятиях друг друга. С тех пор он стал называть ее женой, а она его — мужем.

В начале августа они прибыли в высокогорный город Жуйцзинь, центр одноименного уезда на юго-востоке Центрального советского района, и, оглядевшись, не могли сдержать радости оттого, что подпольная жизнь закончилась. Вокруг реяли красные флаги, и можно было жить и работать, не боясь гоминьдановской охранки. Древний, но преображенный Жуйцзинь, в переводе — Благодатное золото (здесь еще с V века добывали этот драгоценный металл), вселил в них радужные надежды. Впервые они почувствовали себя свободными гражданами!

— Отныне называй меня Цзинь Вэйин, — радостно предложила Ацзинь Дэну, — и пусть другие товарищи тоже меня так зовут!

Они сидели на берегу небольшого горного ручья, и Ацзинь любовалась своим отражением в холодной воде. Иероглиф «ин» и означает отражение, а «вэй» — составной иероглиф слова «сувэйай» (совет, советский).

— Хорошо! — засмеялся Дэн. — Это имя действительно прекрасно звучит. Так и буду тебя звать: Цзинь Вэйин [Цзинь Советское отражение]. Хотя я и люблю называть тебя Золотцем[106].

Здесь, в Жуйцзине, они официально оформили брак.

Эйфория, однако, скоро прошла. С первых дней жизни в Центральном советском районе Дэн оказался в эпицентре политической борьбы. В жуйцзиньской уездной организации, к которой его прикрепили, кипели страсти. Секретарь партийного комитета с усердием, достойным лучшего применения, выискивал среди подчиненных скрытых врагов: социал-демократов, гоминьдановцев и членов некоего тайного «союза АБ» («АБ туань»), созданного цзянсийскими гоминьдановцами еще в 1925–1926 годах для искоренения коммунистов. (Буквы «А» и «Б» означали разные уровни посвящения его членов — провинциальный и уездный.) На этом деле уездный секретарь, похоже, просто помешался. За шесть месяцев пребывания у власти (с февраля по начало августа 1931 года) он арестовал и казнил за мнимую связь с социал-демократами 435 коммунистов, в том числе бывшего секретаря уездного парткома, председателя местного советского правительства, главу профсоюзов и свыше 80

процентов других руководящих кадров[107].

Спору нет, вожди «союза АБ», социал-демократы и другие антикоммунисты действительно занимались внедрением в организации компартии своих людей — провокаторов и шпионов, делавших все возможное для дезорганизации коммунистического движения. К тому же особую активность стали проявлять именно в начале 1930-х годов, во время карательных походов Чан Кайши против Советского района Цзянси: первый поход имел место в конце 1930-го — начале 1931 года, а второй и третий — в апреле — мае и июле — сентябре 1931 года. Но секретарь Жуйцзиньского парткома несомненно переусердствовал. Возглавлявшаяся им комиссия по чистке уездной организации хватала и правого, и виноватого, не утруждая себя поисками веских доказательств их преступлений.

Впрочем, так в то время поступали многие. В Советском районе западной Фуцзяни, например, за тот же период по ложным обвинениям казнили 6352 человека[108]. А в декабре 1930 года под предлогом борьбы против агентов «союза АБ» люди самого Мао Цзэдуна, возглавлявшего Генеральный фронтовой комитет Красной армии 1-го фронта и Бюро ЦК советских районов, спровоцировали вооруженный конфликт в парторганизациях и армейских частях юго-западной и центральной Цзянси, получивший название Футяньский инцидент — по названию городка в центральной Цзянси, где он произошел. Посланцы Мао организовали тогда в этом городе такие жестокие чистки, что они вызвали ответную реакцию: жертвы восстали и перебили своих мучителей. Мао тем не менее вышел из конфликта победителем: он тут же пожаловался в Политбюро, и вожди компартии вместе с представителем Исполкома Коминтерна Павлом Мифом встали на его сторону. Футяньских мятежников разоружили и уничтожили, а чистки были продолжены. В результате в юго-западной Цзянси репрессировали более 90 процентов партийных кадров: кого-то поубивали, кого-то побросали в тюрьмы, других поснимали с работы[109].

О Футяньских событиях Дэн узнал еще тогда, когда вместе с частями 7-го корпуса в конце 1930-го — начале 1931 года находился в южной Цзянси. И позже, в докладе Центральному комитету от 29 апреля 1931 года, выразил неодобрение действиям Мао, вселившим страх в «рядовых товарищей и прежде всего кадровых работников *[ганьбу],* которые с тех пор не осмеливались рта раскрыть». Более того, он посчитал, что Футяньские события «на самом деле способствовали усилению союза АБ». В то же время он осудил и повстанцев[110].

В дальнейшем позиции своей в отношении внутрипартийного

террора Дэн не менял, а потому, столкнувшись с перегибами в жуйцзиньской парторганизации, решительно выступил против произвола уездного секретаря. К тому времени, когда он оказался в Жуйцзине, Мао Цзэдун, Чжу Дэ и остальные руководящие кадры находились на фронте, вдали от города. В тыловом Жуйцзине из начальства были лишь несколько человек, среди них трое — посланный ЦК на работу в Советский район бывший заведующий отделом пропаганды Северо-Китайского бюро Юй Цзэхун, секретарь особого партийного комитета восточной Цзянси Се Вэйцзюнь и инспектор Бюро ЦК советских районов Хо Буцин — полностью разделяли взгляды Дэна. Деятельную помощь Дэн Сяопину оказывала и его жена.

В середине августа 1931 года Юй, Се и Хо провели кандидатуру Дэна на должность уездного секретаря Жуйцзиня, после чего в начале октября бывшего секретаря вместе с подельником, председателем уездного советского правительства, арестовали и расстреляли. Дэн же занялся реабилитацией жертв политических репрессий. На свободу вышли более трехсот ложно обвиненных коммунистов. Позже он вспоминал: «Мы быстро покарали контрреволюционеров, реабилитировали несправедливо арестованных кадровых работников, созвали съезд советских депутатов. Кадровые работники (почти все — местные крестьяне) и массы активизировались, обстановка во всем уезде сразу же изменилась к лучшему»[111].

В самом конце сентября, после разгрома третьего карательного похода Чан Кайши, в окрестности города Жуйцзиня, в деревню Епин, вместе со всей штаб-квартирой армии 1-го фронта перебазировались Мао Цзэдун и Чжу Дэ. Значение уездного центра, а вместе с ним нового уездного секретаря стремительно возросло, хотя Дэн все еще оставался кадровым работником среднего звена. И его авторитета не хватило даже на то, чтобы не допустить ареста и казни старого соратника, генерала Ли Минжуя. Последнего расстреляли вскоре после окончания третьего похода Чан Кайши, в октябре. Новый политкомиссар 7-го корпуса, один из «птенцов Мифа», некто Гэ Яошань (во время учебы в Комуниверситете трудящихся Китая его знали сразу под двумя псевдонимами: Субботин и Дмитриев), возложил на заслуженного вояку обвинения в принадлежности к фракции гоминьдановских реорганизационистов[27]. Вслед за расстрелом Ли 7-й корпус расформировали, а многих соратников генерала обвинили в сотрудничестве с «союзом АБ».

Дэну оставалось только молча сожалеть о случившемся, да и то недолго: времени на переживания не было. Теперь он часто встречался с вождями — Мао Цзэдуном, Чжу Дэ, другими

членами Бюро ЦК советских районов — Сян Ином, Жэнь Биши, Ван Цзясяном и Гу Цзолинем. В начале октября он председательствовал на торжественном городском митинге в ознаменование разгрома третьего карательного похода Чан Кайши, где выступал вслед за Мао Цзэдуном. А потом энергично занимался строительством советов в деревнях и поселках, вел коммунистическую пропаганду среди крестьян — с этой целью он даже основал уездную газету «Жуйцзинь хунци» («Красное знамя Жуйцзиня») — и прилагал большие усилия к осуществлению аграрной реформы[112].

При дележе земли Дэн следовал уравнительному принципу, который за год до того Мао выразил в яркой формуле: «Взять у тех, у кого много, и дать тем, у кого мало; взять у тех, у кого земля жирная, и дать тем, у кого земля скудная»[113]. Для коммунистов южной Цзянси это была единственно реальная аграрная политика. Только так они могли привлечь на свою сторону многочисленных пауперов, а также неимущие кланы мигрантов *хакка,* переселившихся сюда, как в Гуанси и другие районы китайского юга, из северных областей много веков назад, да так и не ассимилировавшихся (ни в культурном, ни в бытовом отношении) с местными кланами *бэньди* (коренных жителей), контролировавшими окрестную экономику. Этих *хакка* в южной Цзянси насчитывалось даже больше, чем в Гуанси. Горный район к северо-востоку от Гуандуна, на границе Цзянси и Фуцзяни, где находился Жуйцзинь, вообще именовался «страной *хакка*». Здесь кланов *бэньди,* живших до прихода мигрантов, всегда было немного, а с приходом коммунистов совсем не осталось: непрерывно конфликтовавшие с ними *хакка* их всех извели под корень.

Уничтожение коренных жителей, однако, ничуть не решило проблему нехватки земли, так как наделов, конфискованных у *бэньди,* на всех не хватило. Оставалось одно: перераспределять всю землю, чтобы хоть как-то удовлетворить неимущие слои населения, то есть потенциальных союзников компартии. Конечно, можно было отобрать землю только у *хаккских* «помещиков»-дичжу и «кулаков»-фунун (внутри кланов *хакка* они, разумеется, тоже имелись), но такая реформа не получила бы поддержки бедняков: ведь безземельных *хакка* клановые предрассудки сковывали ничуть не меньше, чем всех остальных китайцев или дунланьских чжуанов, а потому они тоже не желали воровским путем отбирать землю у родственников только на том основании, что те были богатыми! Иными словами, согласны были делить всё или ничего.

В середине октября 1931 года, однако, в Центральный

советский район пришло письмо руководителей Центрального комитета, отправленное из Шанхая еще 30 августа, в котором такая аграрная политика была подвергнута жесточайшей критике, а ее главный виновник Мао Цзэдун — обвинен в «правом, кулацком уклоне»! Имелось в виду, что Мао по существу уравнивал бедняков, «кулаков» и «помещиков» в правах на землю в то время, как, с точки зрения Чэнь Шаоюя и его товарищей, «кулакам» надо было выделять только худшие участки, лучшие распределять между бедняками, а «помещикам» вообще не давать ничего[114].

Получив письмо, члены Бюро ЦК советских районов Жэнь Биши, Ван Цзясян и Гу Цзолинь срочно, в самом начале ноября, созвали в Жуйцзине партконференцию, где обрушились на Мао с убийственными обвинениями. Тот пытался оправдываться, ссылаясь на местные условия, но тщетно. При поддержке большинства уездных секретарей его сняли с поста исполняющего обязанности секретаря Бюро, а «уравниловщину» заклеймили как «правый оппортунизм»[115].

Правда, через несколько дней, 27 ноября, на заседании вновь избранного Центрального исполкома Китайской Советской Республики[28] Мао под давлением Коминтерна, периодически вставшего на его защиту с конца 1920-х годов, назначили Председателем ЦИК и Совнаркома. Но это не укрепило его положения, так как в Китайской Советской Республике всем руководили секретари ЦК и Бюро ЦК, а отнюдь не глава Китайской Советской Республики и ее правительства. В результате кампания по разоблачению сторонников «кулацкой» уравниловки продолжила набирать обороты.

Одним из ее объектов стал вскоре и Дэн. В марте 1932 года комиссия Центрального исполкома, посланная членом Бюро ЦК советских районов Сян Ином, обследовала его уезд, после чего вынесла резкую резолюцию: «В Жуйцзине по-прежнему не следуют принципу „помещикам землю не давать совсем, а кулакам давать только плохую“… Есть даже места, где кулакам до сих пор выделяют хорошие участки»[116].

Эта критика была довольно опасна, тем более что уездный центр Жуйцзинь по решению I съезда Советов стал с ноября 1931 года столичным городом — его даже переименовали в Жуйцзин (Благодатная столица), а потому центральные власти теперь следили за всем, что в нем происходило, с особым вниманием. Над Дэном вновь повис дамоклов меч, но его опять спас старый знакомый: на этот раз Ли Фучунь, тот самый, с которым он выпускал в Париже журналы «Молодежь» и «Красный свет». В то время, о котором идет речь, Ли был уже очень большим

чиновником: секретарем парткома всей Цзянси. Он-то и перевел друга, оказавшегося на плохом счету у высокого начальства, в отдаленный, только за пять месяцев до того завоеванный Красной армией уезд Хойчан, примерно в 100 ли к юго-западу от Жуйцзиня. Возможно, с согласия все того же «ангела-хранителя» Дэна Чжоу Эньлая, прибывшего в Центральный советский район в самом конце декабря 1931 года и возглавившего Бюро ЦК советских районов.

В мае 1932 года Дэн перебрался в Хойчан, где оставался до середины марта 1933-го. Маленький старинный городок, центр одноименного уезда, был, как и Жуйцзинь, окружен крутыми горами. Расположенный в широкой долине при слиянии двух рек — Сяншуй и Мяньшуй, он выглядел весьма живописно. Но замечал ли его красоты Дэн, неизвестно. Может и нет: сразу же по приезде он с головой ушел в работу, которой вскоре прибавилось. В июне 1932 года по решению Цзянсийского парткома он стал секретарем объединенного партийного комитета сразу трех уездов: помимо Хойчана — еще и граничащих с ним Сюньу и Аньюаня. А в июле его по совместительству назначили еще и политкомиссаром вновь образованного в рамках Цзянсийского военного округа 3-го подрайона, в состав которого вошли уже четыре уезда, в том числе фуцзянский уезд Упин. Дел оказалось невпроворот: надо было заниматься и проведением аграрной реформы, да так, чтобы не обижать бедняков и не раздражать руководство, и созданием партийных организаций, советов и войск народной самообороны. В народную самооборону за несколько месяцев ему удалось вовлечь 13 тысяч 528 человек: результат, прямо скажем, впечатляющий.

Но ему вновь не повезло. В начале 1933 года он был втянут в новую внутрипартийную борьбу, разгоревшуюся на этот раз между руководством ЦК и Мао Цзэдуном по тактическим вопросам ведения войны против гоминьдановских карательных походов. Суть конфликта заключалась в следующем. Мао и находившийся под его влиянием командующий армией 1-го фронта, дислоцированной в Центральном советском районе, Чжу Дэ еще со времени военных действий в горах Цзинган в 1928–1929 годах придерживались тактики народной партизанской войны, основные принципы которой Мао выразил следующим образом: «Рассредоточивать войска, чтобы поднимать массы, и сосредоточивать войска, чтобы расправляться с противником»; следовать правилу: «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем»; «при создании стабильных отторгнутых районов применять тактику волнообразного

продвижения; в случае преследования сильным противником кружить, не уходя далеко от базы»; «при наименьшей затрате времени, применяя наилучшие методы, поднимать наиболее широкие массы»[117]. Маоцзэдуновский тактический курс, однако, вызвал возражения у чиновников Коминтерна, считавших такую тактику «опасной», «пассивной» и «уклончивой»[118]. С их точки зрения, правильными могли быть только те тактические установки, которых придерживалось командование Советской Красной армии, твердо верившее в магическую силу наступательной войны. Полностью признавая авторитет Москвы, Чэнь Шаоюй и его товарищи (наиболее активно Бо Гу, вставший во главе Компартии Китая в конце 1931 года, когда Чэнь уехал в Советский Союз представлять китайскую компартию в Исполкоме Коминтерна) считали своим долгом дискредитировать Мао. Невзирая даже на то, что именно военная тактика Мао позволила партизанам Цзянси отразить три вражеских наступления. А может быть, как раз поэтому? Ведь успехи Мао подрывали их собственный авторитет.

В начале ноября 1931 года на жуйцзиньской партконференции члены Бюро ЦК заклеймили Мао не только за «кулацкий уклон», но и за «военные ошибки». Но Дэн, принявший участие в дискуссии, высказал несколько слов в поддержку Мао Цзэдуна, хотя и не стал развивать свою точку зрения. Кроме него военную тактику Мао защищали лишь младший брат критикуемого Цзэтань (он тоже был одним из уездных секретарей Цзянси и к тому же командиром 5-й отдельной дивизии), а также знакомый нам секретарь восточной Цзянси Се Вэйцзюнь и секретарь Мао Цзэдуна Гу Бо. Их всех тогда с издевкой назвали «четыре больших алмаза», намекая на то, что в отличие от «бриллиантов» они еще не огранены[119].

Особой остроты борьба членов Бюро ЦК с Мао Цзэдуном достигла осенью 1932 года. Пленум Бюро вновь подверг Мао уничтожающей критике за «правый оппортунизм», после чего снял его с поста Генерального политкомиссара армии 1-го фронта. Вознегодовав, Мао послал две возмущенные телеграммы в ЦК, но тот его не поддержал[120]. А вскоре, в начале 1933 года, в связи с крупными провалами в Шанхайской партийной организации сам вождь ЦК Бо Гу и его друг Ло Фу (настоящее имя — Чжан Вэньтянь, тоже выпускник Коммунистического университета трудящихся Китая, русский псевдоним Иван Николаевич Измайлов, в партии отвечал за пропаганду) переехали в Центральный советский район[121]. Мао они просто ненавидели. Так что новый бурный конфликт был неизбежен.

Поводом к нему послужили три документа Фуцзяньского

комитета партии, полученные Бо Гу и Ло Фу, возглавившими вновь созданный орган власти в Центральном советском районе, Центральное бюро Компартии Китая, вскоре после их приезда. Два документа принадлежали исполняющему обязанности секретаря парткома Фуцзяни Ло Мину, а третий — одному из уездных секретарей. В них выражалось сомнение, правда, весьма осторожное, в эффективности военной тактики Центрального комитета применительно к Советскому району юго-западной Фуцзяни[122]. Естественно, вожди партии остались этим недовольны. Тем более им стало известно, что накануне написания документов Ло Мин встречался с Мао и обсуждал необходимость ведения чисто партизанской оборонительной войны в Советском районе юго-западной Фуцзяни, после чего созвал совещание, где не только открыто поддержал военную тактику Председателя Центрального исполнительного комитета и Совнаркома, но и убедил в правоте Мао весь фуцзянский партком. Этот худой и застенчивый на вид юноша, пятью годами моложе Дэна, интеллигент-очкарик, изучавший когда-то в Сямэньском педагогическом училище эстетику, проявил характер[123]. Да еще в тот самый момент, когда Красная армия готовилась к отражению четвертого карательного похода Чан Кайши[29]. Похоже, он не боялся, что несогласие с военной тактикой ЦК могло обрушить на него обвинение в «предательстве»!

В середине февраля 1933 года Бо Гу и Ло Фу атаковали секретаря Фуцзяни, развернув в партии борьбу против так называемой «линии Ло Мина». Строптивого фуцзяньца и его сторонников, будущих известных деятелей китайской компартии Тань Чжэньлиня, Лю Сяо и других (всего 28 человек), сняли со всех постов[124], а других единомышленников Ло Мина стали выискивать повсеместно и в первую очередь, разумеется, в Цзянси, где находились главные силы Красной армии. 23 февраля в органе Центрального бюро, журнале «Доучжэн» («Борьба»), появилась статья «Что такое наступательная линия?», в которой впервые злобной критике был подвергнут Дэн Сяопин — за то, что в своем подрайоне следовал «чисто оборонительной» тактике.

Выбор Дэна в качестве главного объекта для проработки в Цзянси не был случаен. И объяснялся не только тем, что на ноябрьской партконференции Дэн пытался защитить Мао. Главное заключалось в том, что в Хойчане и двух других подведомственных ему уездах он действительно вел партизанскую войну, а за три месяца до статьи, в ноябре 1932 года, под ударами гуандунской армии ему и его партизанам пришлось сдать врагу город Сюньу, расположенный близ границ Центрального советского района. А это, с точки зрения Бо Гу и Ло

Фу, неоспоримо подтверждало их правоту: что же, как не партизанская оборонительная тактика, привело к поражению!

Через пять дней после появления статьи Цзянсийский партком направил в три подчиненных Дэну уездных комитета директивное письмо, в котором объявил, что «оборонительная линия» Дэна и «линия Ло Мина» — из одного источника. В то же время, пытаясь спасти старого друга, секретарь парткома Ли Фучунь в срочном порядке перевел Дэна из Хойчана на должность заведующего отделом пропаганды Цзянсийского комитета, взяв его, таким образом, под крыло. Окружила Дэна заботой и жена Ли Фучуня, Цай Чан, исполнявшая в парткоме мужа обязанности заведующей женским отделом[125].

Между тем критическая кампания в адрес Дэна продолжала нарастать. И в середине марта его вызвали для отчета на заседание Центрального бюро компартии, где подвергли разносу. После этого Дэн, верный раз и навсегда избранной во время первого кризиса в Шанхае линии поведения, написал самокритичное заявление, признав «ошибки». Он понимал, что лучше несколько раз «потерять лицо», чем один раз голову. Но его самокритика не помогла. В конце марта Ло Фу прибыл в Хойчан, чтобы лично провести собрание партийных активистов. Под его давлением собрание приняло осуждающую Дэна резолюцию, квалифицировав на этот раз его «ошибки» как выражение «линии Ло Мина в уездах Хойчан, Сюньу и Аньюань»[126].

Вслед за тем в качестве объектов борьбы были определены и остальные три «больших алмаза»: брат Мао — Цзэтань, Се Вэйцзюнь, занимавший в то время пост командующего военным подрайоном северной части Центрального советского района, и Гу Бо, бывший тогда уже министром культуры Советского правительства Цзянси. Вожди Центрального бюро и их подручные начали и их усиленно «огранивать». Но все в Центральном советском районе понимали: не эту четверку им хотелось свалить, а самого Мао Цзэдуна. Ведь именно он был не только главным апологетом партизанской войны, но и наиболее авторитетным противником Бо Гу и Ло Фу в партии. Бо Гу и Ло Фу «на самом деле, указывая на курицу, поносили собаку», — говорил позже Мао Цзэдун[127]. То же впоследствии признавал и сам Бо Гу: «Борьба против линии Ло Мина в действительности была борьбой против старого руководства в советских районах, руководимых Мао Цзэдуном. Так называемая линия Ло Мина в Цзянси, то есть борьба против Дэна (Сяопина), Мао (Цзэтаня), Се (Вэйцзюня) и Гу (Бо) — это открытая борьба против председателя Мао»[128].

И эта борьба не утихала всю весну 1933 года. Во второй

половине апреля в деревне Цилицунь уезда Нинду состоялось расширенное заседание Цзянсийского парткома, в котором приняли участие более двухсот цзянсийских *ганьбу* (секретари уездных комитетов, политработники и сотрудники парткомовского аппарата). На заседании с совершенно убийственным докладом выступил старый знакомый Дэна по Шанхаю, гулявший когда-то на его свадьбе с Чжан Сиюань, Ли Вэйхань, ставший в марте 1933 года заведующим орготделом Центрального бюро компартии. Стремясь выслужиться перед начальством, он объявил всех четверых уже не только «творцами линии Ло Мина в Цзянси», но и вождями «антипартийной группировки», проводившими «антикоминтерновский» курс[129].

Дэн вынужден был написать второе самокритичное заявление, а затем и третье. «Я и сам чувствую и понимаю, что ошибался, — признавался он. — Здесь нет вопроса. Хочу только побыстрее заняться практической работой»[130]. Вместе с тем он отверг обвинения в «правом уклоне» и «оппортунизме», которые на него, как и на Мао, стали навешивать особо рьяные сторонники Бо Гу. Аналогичным образом повели себя и остальные члены четверки.

В начале мая Дэн получил «последнее серьезное предупреждение» и был снят с поста заведующего отделом пропаганды Цзянсийского парткома. Такое же «предупреждение» получил Гу Бо, также лишившийся должности. Цзэтаня же только отстранили от работы в армии, а Се Вэйцзюня перевели на другую работу. Всех четверых лишили права носить оружие: на одном из собраний на глазах затаившей дыхание публики у них демонстративно отобрали револьверы[131].

Но в целом четверка более или менее легко отделалась. Никого из них не арестовали и даже не исключили из партии. В мае Дэн был послан в один из уездов на границе Центрального советского района с инспекционной целью, однако через десять дней отозван: кто-то наверху испугался, что он «сбежит»[132]. Какое-то время с ним, похоже, не знали, что делать, но тут в его судьбу вмешался влиятельный член Центрального бюро, заведующий Главным политуправлением армии 1-го фронта Ван Цзясян. По рекомендации своего заместителя — знакомого нам Хэ Чана, того самого, который, будучи секретарем гуандунского комитета, осенью 1929 года ездил с Дэном в Наньнин устраивать съезд гуансийских коммунистов — он взял Дэна к себе заведующим секретариатом Главпура. А в июле назначил понравившегося ему помощника главным редактором находившегося в его ведении печатного органа Центрального реввоенсовета — журнала «Хунсин» («Красная звезда»).

Наиболее серьезные последствия вся эта история имела для Дэна в личном плане. В начале мая, поверив в виновность мужа, от него ушла Цзинь Вэйин.

Да, прав, очевидно, был Мао Цзэдун, сказавший когда-то: «[Отстаивая правду] нужно обладать „духом пяти бесстрашии“: во-первых, не страшиться лишиться должности, во-вторых, не страшиться быть исключенным из партии, в-третьих, не страшиться того, что с тобой разведется жена [Мао употребил простонародное выражение *«лао по»,* «старушка»], в-четвертых, не страшиться попасть в тюрьму и, в-пятых, не страшиться смерти»[133].

Обладал ли Дэн тогда этим духом в полной мере? Похоже, что нет. Предательство самого близкого человека произвело на него тяжелое впечатление. Особую боль ему причинило то, что через несколько месяцев, в конце 1933 года, Цзинь Вэйин, перешедшая на работу в орготдел Центрального бюро, стала открыто жить с наиболее беспощадным из его врагов, заведующим орготделом Ли Вэйханем! А в январе 1934 года Цзинь и Ли поженились. До конца своей жизни Дэн не смог простить ту, которую когда-то ласково называл «Золотце». И, если кто-то в его присутствии случайно упоминал ее имя, сразу же переводил разговор на другое.

Хотя его жену вряд ли стоило слишком осуждать. С Дэном у нее нормальной семьи не сложилось. Революция для обоих всегда стояла выше любви. С ноября 1931 года они по существу жили порознь, так как Ацзинь сама занимала ответственный пост: вначале секретаря парткома уезда Юйду, а затем — секретаря парткома уезда Шэнли. И тот и другой уезды отстояли далеко и от Жуйцзиня, и от Хойчана, так что видеться мужу с женой приходилось редко. А тут еще она узнала о «чудовищных преступлениях» мужа, ознакомилась с его самокритикой и резолюцией расширенного заседания Цзянсийского парткома, на котором сама присутствовала. Не поверить в его виновность значило для нее выступить против партии! А сделать это она не могла.

К тому же забегая вперед скажем, что жизнь «Золотца» сложилась трагически. Правду говорят: «На чужом несчастье счастья не построишь»! От Ли Вэйханя в сентябре 1936 года она родила сына, которого назвала Теин (Отблеск железа), но заниматься им ей было некогда. Как и муж, она всю себя отдавала партийной работе да еще неизменно повышала свой идейно-политический уровень, овладевая марксизмом-ленинизмом. В марте 1938 года ЦК партии отправил ее вместе с женой Ли Фучуня — Цай Чан на учебу в Москву, в Научно-

исследовательский институт национально-колониальных проблем, куда ее и зачислили в июне того же года под псевдонимом Ли Ша (по-русски — Лиза). А через два месяца перевели в секретную Китайскую партийную школу при ЦК коминтерновской организации «Международная помощь борцам революции» в местечке Кучино под Москвой. Здесь в начале 1940 года то ли от переутомления, то ли еще по какой причине у нее стали проявляться признаки умопомешательства[30]. Ее поместили в психиатрическую больницу (психколонию) недалеко от Подольска, где она находилась вплоть до начала Великой Отечественной войны. В марте 1940-го ее навестили временно находившиеся в Советском Союзе Чжоу Эньлай и его жена Дэн Инчао, которых поразил ее вид: «Она была совершенно ненормальна, смотрела остекленевшим взглядом, халат на ней болтался, а то, что она говорила, мы не могли разобрать»[134]. В начале войны всех пациентов колонии, не имевших родственников в Москве, в том числе и ее, погрузили в машины, чтобы перевезти в Московскую загородную психбольницу на станции Столбовая, тоже вблизи Подольска. Но что случилось потом, неизвестно. Документов об эвакуации не осталось, и мы можем только гадать, что произошло с Цзинь Вэйин по дороге[135]. Вполне возможно, что она погибла при налете на автоколонну нацистской авиации.

Что же касается Дэна, то он не только много потерял в результате опалы, но, как покажет будущее, немало и приобрел. Критика со стороны Центрального бюро за «кулацкий уклон» и «оборонительную тактику» да еще в связке с младшим братом Мао Цзэдуна привлекла к нему пристальное внимание самого Председателя Центрального исполнительного комитета и Совнаркома. Боевой дух маленького горячего сычуаньца, пострадавшего за приверженность его, Мао, военной тактике, не мог не импонировать бывшему вождю Центрального советского района, лишившемуся тогда реальной власти в партии и армии. Всю жизнь Мао будет помнить, что Дэн Сяопин «в Центральном советском районе подвергся критике, будучи одним из четырех преступников, которых тогда именовали Дэн, Мао [Цзэтань], Се и Гу. Он был главарем так называемых маоистов»[136]. (О том же, что Дэн когда-то в докладе ЦК осуждал его «террористические» действия во время Футяньских событий, Мао предпочтет никогда не вспоминать. В отличие от Сталина он часто прощал своим партийным товарищам «мелкие заблуждения».)

Дэн тоже говорил о том, что его в Центральном советском районе считали «главарем маоистов». Но, добавлял он, «я смог выстоять после того, как по мне нанесли удар. И это несмотря на

крайне тяжелое положение. Никакого секрета здесь нет: ведь я коммунист, а следовательно, оптимист»[137].

Между тем в октябре 1933 года в Центральном советском районе появился новый человек, которому суждено будет сыграть немалую роль как в жизни Дэна, так и всех других граждан района, — Отто Браун (китайцы называли его Ли Дэ и Хуа Фу). Это был немецкий коммунист, посланный в Китай за полтора года до того Коминтерном и IV (разведывательным) управлением Генштаба Советской Красной армии в качестве военного советника ЦК Компартии Китая. До переезда в Жуйцзинь, куда его направило Дальневосточное бюро Исполкома Коминтерна, он в течение года жил в Шанхае и вплоть до января 1933 года очень тесно общался с Бо Гу. Браун тоже учился в Москве, но не в Коммунистическом университете трудящихся Китая, а в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Позже, переоценивая свою жизнь, Бо Гу напишет: «Прибытие Ли Дэ в Советский район оказалось зловещим… Хотя в присылавшихся Шанхаем [то есть Дальбюро] телеграммах говорилось, что он будет военным советником и что все будет решаться Центральным комитетом, хотя Ли Дэ… также говорил, что он прибыл как военный советник, однако в его манере держаться явно чувствовался представитель Коминтерна»[138]. Он считал себя главным авторитетом в вопросах военной стратегии и тактики Красной армии Китая, не терпел возражений, вел себя самоуверенно и грубо. И вскоре по существу узурпировал военную власть, став, по словам Бо Гу, «главнокомандующим»[139].

К военной тактике Мао Браун относился с презрением: в Академии им. Фрунзе его учили планировать прежде всего наступательные операции. При поддержке Бо Гу он навязал войскам Красной армии бессмысленную тактику позиционной войны под лозунгом «Не отдадим ни пяди земли!». И это, разумеется, не замедлило сказаться на результатах боевых операций войск Компартии Китая, с сентября 1933 года изо всех сил пытавшихся сдержать новый натиск гоминьдановской армии, начавшей очередной, пятый, карательный поход.

Занятый издательской деятельностью, Дэн старался более не вмешиваться в вопросы ведения войны. Вместе с несколькими сотрудниками он целыми днями готовил пропагандистские статьи, редактировал присылаемые ему материалы и даже сам составлял макет и осуществлял корректуру. Журнал «Красная звезда» выходил еженедельно тиражом более 17 тысяч 300 экземпляров, так что дел у Дэна было предостаточно. С 6 августа 1933-го по 25 сентября 1934 года он выпустил 67 номеров[140].

А ситуация на фронте тем временем ухудшалась.

Гоминьдановцы наступали повсюду, возводя на границах Китайской Советской Республики цепь блокгаузов — мощных каменных фортов на расстоянии двух-трех километров друг от друга. Они сжимали кольцо блокады, и в конце концов Бо Гу, Отто Браун и примкнувший к ним тогда Чжоу Эньлай, исполнявший вместо Мао обязанности Генерального политкомиссара, постановили оставить Центральный советский район. В мае 1934 года по этому поводу было принято решение Секретариата ЦК, которое в начале июня санкционировал Исполком Коминтерна[141].

К тому времени, однако, внутри руководящей группы Центрального комитета стали возникать новые разногласия. Сначала Ван Цзясян, а потом и Ло Фу, сменивший в январе

1934 года Мао на посту Председателя Совнаркома, начали проявлять недовольство авторитарными методами Бо Гу и Отто Брауна. Для Мао наступил момент истины: объединившись с Ваном и Ло Фу, он мог при поддержке недовольных беспрерывными поражениями полевых командиров и главнокомандующего Чжу Дэ попытаться свалить Бо Гу и Брауна. И он своего не упустил. С Ван Цзясяном, сутулым молодым человеком, бывшим на 13 лет младше его, он наладил деловые отношения еще летом 1932 года. Теперь же стал делать всё, чтобы завоевать Ло Фу, 34-летнего интеллектуала-философа. И очень скоро склонный, как все интеллигенты, к сомнениям, Ло Фу принял точку зрения Мао.

Решающий бой Бо Гу и Брауну заговорщики дали в январе 1935 года — через три месяца после того, как основные силы Красной армии, прорвав 25 октября 1934 года первое кольцо окружения, начали свой знаменитый Великий поход из Центрального советского района на запад. За долгое время пути Мао, Ло Фу и Вану удалось переманить на свою сторону большинство членов партийного руководства. Поддерживали их и почти все армейские командиры.

Разумеется, всей душой был на их стороне и Дэн, выступивший в Великий поход вместе со своей редакцией, которая двигалась в обозной полевой колонне, носившей кодовое секретное обозначение «Красный орден». Кстати, в ней же шла и его бывшая жена Цзинь Вэйин с новым мужем Ли Вэйханем, назначенным командующим и политкомиссаром колонны. Помимо обозной в войсках имелась и штабная колонна, именовавшаяся «Красная звезда» (в ней находились Мао, Бо Гу, Ло Фу, Ван Цзясян и другие вожди компартии, а также Отто Браун). Боевые же части Центральной Красной армии (так за несколько месяцев до того стала называться армия 1-го фронта)

продвигались вперед пятью армейскими группами.

Много лет спустя, отвечая на вопрос дочери, какую работу он выполнял во время Великого похода, Дэн коротко ответил: «Шагал»[142]. С чувством юмора у него, как видно, все было в порядке, но на самом деле в период похода он еще и продолжал редактировать и выпускать «Красную звезду». Только если раньше делал это в типографских условиях, то теперь размножал ее на ротаторе с рукописной восковки. Главной своей задачей он считал тогда поднимать моральный дух отступавших бойцов, вселяя в них веру в грядущую победу. С 20 октября по середину декабря 1934 года ему удалось издать шесть номеров журнала[143].

Но в середине декабря его неожиданно перевели на другую, более важную, работу: в аппарат Центрального комитета, где он вновь, как и в свой первый шанхайский период, занял пост заведующего Секретариатом. Связано это было скорее всего с тем, что тройка — Мао, Ло Фу и Ван Цзясян — именно тогда начала готовить решающий удар по Бо Гу и Брауну. Как раз накануне его назначения, 18 декабря, Бо Гу — под давлением Мао, Ло Фу и Вана — согласился созвать в ближайшее время расширенное совещание руководства для обсуждения опыта борьбы против пятого карательного похода. Сделать это предполагалось в гуйчжоуском городе Цзуньи, к которому войска Красной армии продвигались ускоренным маршем. Пост заведующего Секретариатом в то время оказался вакантным: занимавшая его супруга Чжоу Эньлая Дэн Инчао разболелась. Вот заговорщики и выдвинули Дэна. Обиженный на Бо Гу заведующий Секретариатом был им как нельзя кстати: ведь именно ему предстояло вести протокол исторического совещания.

Цзуньи был взят 7 января 1935 года, а через два дня в него въехали Бо Гу, сопровождаемый Отто Брауном, а также Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Дэн и бóльшая часть других членов партийного и армейского руководства за исключением Мао, Ло Фу и Ван Цзясяна. Последние остановились за городской стеной, в большом двухэтажном доме, принадлежавшем командиру одной из бригад гуйчжоуской армии. Все остальные разместились в центре города, в нескольких просторных особняках, недалеко от красивейшего католического храма, выстроенного из белого и серого камня, с полукруглыми длинными окнами, украшенными чудными витражами, и с изогнутой красной черепичной крышей, в архитектуре которого смешались два стиля — китайский традиционный и европейский готический. Коммунисты, кстати, тут же приспособили храм под нужды Главного политуправления, начав проводить в нем массовые пропагандистские мероприятия[144].

Совещание началось 15 января и продолжалось три дня. Участвовали в нем 20 человек. В небольшой комнате на втором этаже недавно выстроенной резиденции командира дивизии гуйчжоуской армии Бай Хуэйчжана было тесно и шумно. Ло Фу, Мао и Ван Цзясян, сменяя друг друга, разбили все аргументы Бо Гу и Чжоу Эньлая, выступивших с докладом и содокладом и свалivших вину за поражение на объективные причины. А затем поддержанные Чжу Дэ и рядом полевых командиров обвинили самих Бо, Чжоу и Брауна в отступлении из Центрального района[145].

Дэн сидел в углу и старательно вел протокол. Сам он не выступал, да в том и не было необходимости: итог совещания был предрешен. А вот Чжоу Эньлай, мгновенно сориентировавшийся, вторично взял слово, полностью признав правоту Мао и его единомышленников. Понятно, что в глазах многих он «потерял лицо».

В результате Мао, Ло Фу и Ван победили. Ло набросал проект резолюции, которая и была принята. В ней отчетный доклад Бо Гу был признан «в основе своей неверным», а главной причиной сдачи Центрального советского района названы ошибки в военном руководстве и тактической линии[146].

Сразу же после совещания на заседании Политбюро Мао был кооптирован в состав Постоянного комитета. В этом высшем органе партии, сформированном в январе 1934 года на пленуме ЦК, было тогда семь человек: Бо Гу, Ло Фу, Чжоу Эньлай, Чжан Готао, Чэнь Шаоюй, Сян Ин, а также бывший шанхайский рабочий Чэнь Юнь. Тогда же Мао назначили помощником Генерального политкомиссара Чжоу, который теперь для него опасности не представлял. А в самом начале февраля, уже после того, как Красная армия покинула Цзуньи, Ло Фу потребовал от Бо Гу уступить ему пост генсека. Тот капитулировал, и через месяц, 4 марта, новый вождь партии назначил Мао фронтовым политкомиссаром[147]. Теперь Мао стал главной фигурой в армии и именно к его мнению стали с особым вниманием прислушиваться все члены Политбюро.

После этого Председатель (так, зачастую даже без фамилии, почтительно именовали Мао, Председателя Центрального исполнительного комитета Китайской Советской Республики) стал для Дэн Сяопина главным учителем и покровителем, оттеснив с этого места Чжоу Эньлая. И долгие годы именно на Мао Цзэдуна Дэн будет смотреть снизу вверх, признавая его безграничный авторитет. А «потерявший лицо» Чжоу останется лишь старшим товарищем, одним из многих руководителей, которых конечно же нельзя не уважать, но не следует

боготворить.

Между тем поход продолжался. И в конце июня 1935 года, с согласия, а возможно, и по инициативе Мао, Дэна перевели на работу в армию: начальником отдела пропаганды политического управления 1-й армейской группы, которой командовал один из наиболее близких к Мао Цзэдуну людей, очень талантливый полководец Линь Бяо. Начальником же политуправления был бывший соученик Дэна по Университету трудящихся Китая им. Сунь Ятсена Чжу Жуй, известный в Москве под именем Николай Валерьянович Сильный (после окончания университета, в 1927–1929 годах, Чжу учился в Московской артиллерийской школе, так что считался кадровым военным)[148].

Это можно было считать повышением: ведь политическая власть в Китае, в том числе и в самой компартии, действительно, как верно говорил Мао, рождалась из дула винтовки. Характерно, что когда позже дочь Дэна поинтересовалась у отца, почему его перевели в отдел пропаганды 1-й армейской группы, тот ответил: «Тогда все были на марше и в ЦК работы не было». По словам же Мао Цзэдуна, Дэн «был нужен фронту»[149].

Новое назначение его обрадовало. Он вообще тогда излучал оптимизм: за несколько дней до того у него произошла радостная встреча еще с одним старым приятелем — Фу Чжуном, тем самым, с которым он вместе жил в Париже, а потом, как и с Чжу Жуем, учился в Университете им. Сунь Ятсена. В 1927 году Фу Чжун из университета был переведен в Ленинград, в Военно-политическую академию им. Н. Г. Толмачева, и их пути временно разошлись. Фу стал профессиональным военным и весной 1930 года, прибыв в Шанхай, начал работать в военном комитете ЦК. Он хорошо владел русским, а потому занимался переводом на китайский язык учебных пособий Толмачевки, как называли академию, и боевого устава Советской Рабоче-крестьянской Красной армии. Но летом 1931 года по решению Чжоу Эньлая, возглавлявшего тогда военный комитет, выехал в Советский район на границе провинций Хубэй, Хэнань, Аньхой, к северу от Ухани. Там с апреля этого года всю работу возглавлял один из вождей партии Чжан Готао, и Фу Чжун занял в его войсках, именовавшихся армией 4-го фронта, пост начальника политотдела. Однако в октябре 1932 года их армия потерпела поражение от гоминьдановцев и вынуждена была оставить Хубэй-Хэнань-Аньхойский район. А уже через месяц основала новый — на северо-западе провинции Сычуань. Именно здесь, в северо-западной Сычуани, куда в середине июня 1935 года пришли войска Мао, завершившие первый этап Великого похода, Дэн и встретил старого друга Фу, исхудавшего и возмужавшего.

Стоит ли говорить, что Дэн был несказанно рад? Тем более что Фу Чжун, обладавший немалой властью в своих войсках, преподнес ему при встрече «три драгоценных подарка: коня, лисью доху и коровью печенку». «Имея все это, можно [было] свернуть горы», — вспоминал Дэн, как раз накануне лишившийся лошади, которая, не выдержав трудностей перехода, пала[150].

Путь из Цзянси в Сычуань был действительно очень непрост. Все, в том числе Дэн, находились на пределе сил. Отто Браун вспоминает: «Стремясь по возможности уклоняться от боев, Центральная армейская группа шла зигзагами, совершая бесконечные параллельные марши, броски вперед и назад, обходные и обманные маневры, а иногда даже кружила на месте. Марш-бросок в 40–50 километров был обычным явлением»[151]. Из 86 тысяч человек, начавших поход в Центральном районе, до Сычуани добрались чуть более 20 тысяч.

Но главные трудности были впереди. После встречи с войсками Чжан Готао теперь уже объединенная Красная армия продолжила поход — на этот раз на север, к границе провинций Сычуань, Ганьсу и Шэньси. Именно там по решению Политбюро она должна была образовать новый Советский район. На северо-западе Сычуани коммунисты оставаться не могли: жители этих высокогорных мест, весьма дикие, испытывали к ним ненависть, и регулярно вспыхивавшие конфликты с ними грозили перерасти в затяжную войну.

В июле объединенную Рабоче-крестьянскую Красную армию Китая перегруппировали и армейскую группу Дэна превратили в 1-й корпус армии 1-го фронта. Но тут, как нарочно, между Мао и Ло Фу, с одной стороны, и Чжан Готао — с другой, вспыхнул конфликт за власть. В результате в начале августа войска разделились на две колонны: левую во главе с Чжаном и правую во главе с Мао. Так они и пошли на север — порознь. Пришлось расстаться и Дэну с Фу Чжуном: каждый последовал за своими войсками.

Впереди на пути коммунистов лежало огромное заболоченное плато, и миновать его они никак не могли. Тогда колонна Чжан Готао пошла по левому краю болот, а колонна Мао — по правому. За плато, километрах в ста сорока от границы южной Ганьсу, им предстояло встретиться.

Левой колонне, однако, не повезло. Она завязла в топком гнилом болоте и, не сумев переправиться через один из горных потоков, широко разлившихся поперек пути, отошла на юг. Колонна же Мао, в которой находился Дэн, добралась до Ганьсу в середине сентября. Чжан Готао потребовал, чтобы они вернулись, но Мао и Ло Фу с холодной вежливостью ему отказали. В итоге в

руководстве компартии и Красной армии произошел настоящий раскол, который удалось ликвидировать только в самом конце ноября 1936 года, когда Чжан Готао, потерявший свою армию в боях с гоминьдановцами, объявился наконец в штаб-квартире Мао, чтобы заключить «мировую». (Забегая вперед скажем, что его подвергли жесткой критике, но оставили в Политбюро и только в июне 1938 года исключили из партии, и то после того, как он за два месяца до того бежал с подвластной коммунистам территории и сам открыто заявил о выходе из компартии[152].)

А Председатель к тому времени уже обосновался в новом Советском районе — на границе провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. 22 октября в северошэньсийской деревушке Уцичжэнь он объявил Великий поход оконченным. Вместе с ним этому событию радовались не более пяти тысяч солдат и командиров, которые смогли сюда дойти, в том числе Дэн. В ноябре 1935 года в связи с новой реорганизацией войск он опять стал начальником отдела пропаганды в политуправлении 1-й армейской группы, а вскоре принял участие в затяжных боях с наступавшими на Советский район гоминьдановскими войсками. В одном из боев он чуть не получил ранение: лисья доха, подаренная Фу Чжуном, «оказалась простреленной во многих местах», но ему самому повезло[153].

В январе вместе с главными силами Красной армии Дэн выступил на восток, в провинцию Шаньси, но когда наступление захлебнулось, вернулся в Советский район. Здесь в мае 1936 года его повысили в должности, сделав заместителем начальника политуправления 1-й армейской группы, отвечавшим за партийно-организационную и агитационно-пропагандистскую работу, а через несколько дней перебросили в северо-западную Ганьсу для участия в новой военной кампании, на этот раз против ганьсуских милитаристов, союзников Чан Кайши. Тут в беспрерывных боях и походах он провел несколько месяцев, завоевав большое уважение подчиненных и расположение командования, но в ноябре слег, неожиданно заболев тифом. Он впал в забытье, «ничего не ел, кроме рисового отвара»[154], и во время марш-бросков его теперь несли на носилках.

Сознание полностью вернулось к нему только в начале января 1937 года, когда его армейская группа уже возвратилась в Шэньси. Он с удивлением узнал, что еще в середине декабря 1936 года его вновь повысили, теперь уже до начальника политуправления 1-й армейской группы. (Чжу Жуя в то время перевели на другую работу.)

Здесь, в Шэньси, он получил еще одно, скорбное, известие — о трагической гибели отца. Дэн Вэньмин, у которого только год

назад родилась еще одна дочь — самая младшая сестра Дэна по имени Сяньцюнь (Обогнавшая людей), — погиб в нескольких ли от дома от рук местного бандита, подкараулившего его на узкой дороге, когда тот возвращался из столицы Сычуани. Остававшийся в семье за старшего второй брат Дэна Сяньчжи, соблюдая все положенные традиции, похоронил отца.

Во время похорон, по рассказам селян, дошедшим до Дэна, произошло нечто из ряда вон выходящее. Когда могила была уже вырыта, из нее неожиданно выползла длинная змея, красно-желтого цвета, каких никто и никогда не видал в уезде. Извиваясь и тихо шурша, она скрылась в зеленой траве. Присутствовавшие приняли это явление за небесное знамение: все знали, что обличье змеи с квадратной головой, золотой кожей и четырьмя красными точками над глазами принимает дух реки Хуанхэ Дай Ван. А потому никто не сомневался: чудо это означало явление в семье Дэнов великого человека, того самого, кто поменяет местами Небо и Землю и осуществит великую революцию[155].

Возможно, они были правы.

ХОЗЯИН ТАЙХАНСКИХ ГОР

Пока Дэн болел, в большом мире происходили и другие важные события. 12 декабря в Сиани местными гоминьдановскими военными, возглавляемыми командующим Северо-Восточной армией маршалом Чжан Сюэляном, был арестован глава Национального правительства генералиссимус Чан Кайши. Чжан предъявил ему требования прекратить гражданскую войну с коммунистами и возглавить общенациональное сопротивление японскому империализму. Вскоре он его, правда, освободил, и Чан сам заключил его под стражу, но тем не менее в стране начало стремительно развиваться антияпонское движение.

К тому времени японский вопрос стал вообще для большинства китайцев основным. С осени 1931 года японцы целенаправленно осуществляли политику закабаления Китая, оккупировав сначала Маньчжурию, затем граничащую с ней на юге северокитайскую провинцию Жэхэ, а потом и восточный Хэбэй. В 1935 году они вплотную подошли к Бэйпину (так с июня 1928 года назывался Пекин; в переводе — Северное спокойствие[31]). Чан Кайши, втянутый в военные действия против Советов, никакого сопротивления японскому вторжению оказать не мог. Однако китайские коммунисты на волне антияпонских настроений народа медленно, но верно повели дело к тому, чтобы с помощью патриотической пропаганды и демагогии перетянуть на свою сторону симпатии граждан Китая, возмущенных агрессией японцев и бездействием Чан Кайши. По инициативе Мао 15 апреля 1932 года советское правительство Китая даже официально объявило войну Японии[156]. Конечно, армии коммунистов действовали вдали от Маньчжурии, поэтому данный акт носил формальный характер, однако в глазах немалого числа патриотов компартия стала превращаться в подлинно национальную силу.

Политика Компартии Китая совпала с курсом Москвы. Летом 1935 года сам Сталин, опасаясь германского и японского вторжений в СССР, круто изменил тактику Коминтерна и его партий. Отныне все коммунисты должны были стремиться к организации нового единого фронта: на Западе — антифашистского, а на Востоке — антияпонского. Вскоре Политбюро ЦК Компартии Китая переименовало Китайскую Советскую Республику в Китайскую Советскую Народную Республику[157].

Недовольство примиренческой политикой чанкайшистского

правительства по отношению к наглым захватчикам проявлялось и в гоминьдановских войсках, особенно среди солдат и офицеров 200-тысячной Северо-Восточной армии маршала Чжан Сюэляна, бывшего маньчжурского милитариста, отступившего под натиском японцев из Маньчжурии и обосновавшегося на юге и в центральной части провинции Шэньси. Именно поэтому Чжан и выступил против Чан Кайши, призвав его замириться с компартией на общей антияпонской платформе. И хотя Чан не простил мятежника, но в конце концов понял, что дальнейшие уступки агрессору недопустимы.

В конце марта 1937 года в городе Ханчжоу (провинция Чжэцзян) Чан встретился с представителями компартии во главе с Чжоу Эньлаем. Было решено, что компартия сохранит контроль над своими вооруженными силами, которые составят три дивизии общей численностью чуть более сорока тысяч солдат; коммунисты будут по-прежнему контролировать правительство своего района, но подчиняться приказам Нанкина. В начале апреля Политбюро ЦК Компартии Китая одобрило это решение[158], хотя и не собиралось его выполнять в полной мере: ведь войска коммунистов в то время насчитывали около ста тысяч человек, и сокращать их более чем в два раза ни Мао, ни кто-либо другой в партийном руководстве, понятно, не хотел.

Более того, готовясь к боям с японцами, вожди компартии начали укреплять свои парторганизации в Северном Китае. В мае — июне в Яньани, куда в январе 1937-го переехали ЦК компартии и штаб-квартира Красной армии, Мао и Ло Фу провели ряд совещаний. На них с докладами выступил секретарь Северо-Китайского бюро ЦК Лю Шаоци, энергичный и деловой человек, давно снискавший известность как один из крупнейших организаторов рабочего движения и очень талантливый партийный функционер. Дэн знал его с 1929 года — сначала по совместной работе в Шанхае, а затем в Жуйцзине. В 1935-м в Цзуньи они вместе поддержали Мао.

Лю родился 24 ноября 1898 года в Хунани (недалеко от родных мест Мао Цзэдуна — их деревни отстояли друг от друга всего на 90 ли); как и Дэн, учился в Москве — только в Комуниверситете трудящихся Востока и в 1921–1922 годах; на родине Октября в декабре 1921-го вступил в партию. Был он высок ростом, бледен лицом и худ, а по складу характера — очень замкнут, в силу чего производил впечатление угрюмого и скрытного человека[159]. Своей замкнутостью он, кстати, сильно отличался от Дэна, да, впрочем, и от многих других уже знакомых нам китайских коммунистов, в том числе от самого Мао Цзэдуна. Но был решителен и отважен, да к тому же не уступал Мао ни как

организатор комдвижения, ни как знаток большевистской теории[160].

Лю призвал сделать все возможное, чтобы «защитить Северный Китай», в первую очередь Бэйпин и Тяньцзинь, находившиеся под непосредственной угрозой японского нападения[161]. 10 июня Постоянный комитет Политбюро принял решение направить в помощь Лю хорошо зарекомендовавшего себя на партийной и военной работе бывшего выпускника Коммунистического университета трудящихся Китая Ян Шанкуня (в Москве его знали под фамилией Салтыков), который в то время исполнял обязанности заместителя начальника Главного политуправления Красной армии. Тем же решением преемником Яна на посту заместителя начальника Главпура был назначен Дэн, которому надлежало в недельный срок вступить в новую должность. Одновременно ему предписывалось занять и пост заместителя начальника политуправления Главного фронтового командования, специального органа, в непосредственном подчинении которого находились боевые части Красной армии. (Через 17 дней в связи с реорганизацией войск политуправление Главного фронтового командования будет переименовано в отдел политического воспитания, а Дэн — повышен до его начальника[162].)

За последние два года, таким образом, Дэн совершил огромный скачок в карьере. И это не может не впечатлять! С июня 1935-го по июнь 1937-го он стремительно восходил по ступеням власти, поднявшись в итоге со сравнительно небольшой должности начальника отдела пропаганды политического управления 1-й армейской группы до заместителя начальника Главпура всей армии Компартии Китая и начальника политотдела ее боевых частей! Как видно, он продолжал нравиться Мао: без Председателя такое продвижение было бы невозможным.

Да, собственно, почему бы Мао и не симпатизировать Дэну? Исполнительный комиссар, который не лез в вожди, не теоретизировал, вел себя скромно. При этом демонстрировал исключительную преданность, открыто признавая Председателя бесспорным лидером коммунистического движения в Китае. К тому же был душой любой компании, среди друзей слыл неутомимым балагуром, то и дело острил, рассказывал анекдоты. Не могли не нравиться Мао и крестьянское происхождение Дэна, его непритязательность в быту, страстность и преданность делу партии. Ведь он сам был таким же: острым на язык крестьянским парнем из захолустья, своим умом, волей и верностью коммунизму выбившимся в люди. Даже любовь к острой пище, сдобренной большим количеством красного перца, была у них

общей! А то, что Дэн, в отличие от доморощенного революционера Мао, посещал когда-то коллежи во Франции и университеты в Советском Союзе, так что ж из того? Мало ли коммунистов Китая училось за границей! Главное, что Дэн сохранил свое китайское нутро, а потому смог воспринять идеи Председателя.

В общем, в июне 1937 года Мао ввел Дэна в когорту высшего яньаньского руководства. А вскоре, 7 июля, японские войска развернули широкомасштабные боевые операции в Северном Китае. 29 июля они взяли Бэйпин, 30-го — Тяньцзинь. А через две недели, 13 августа, начали бомбардировать Шанхай, центр экономических интересов Чан Кайши и англо-американских инвесторов.

В то время Дэн находился в Нанкине, участвуя в совещании, организованном Военным советом гоминьдановского правительства. Он сопровождал делегацию коммунистов, возглавлявшуюся Чжоу Эньлаем, Чжу Дэ и заместителем начальника штаба Красной армии Китая Е Цзяньином. Как позже он говорил, работал «за сценой», составляя проекты основных документов[163].

Вернувшись в Яньань к 17 августа, Дэн через несколько дней, 22-го числа, узнал, что доведенный японцами до крайности Чан Кайши заключил договор о ненападении с Советским Союзом, обещавшим помочь Китаю в борьбе с японской агрессией. В тот же день Чан Кайши отдал приказ о включении Красной армии Китая в состав находившейся под его командованием Национально-революционной армии. И через три дня коммунистические войска в районе Шэньси — Ганьсу — Нинся, получившем название Особого, были переименованы в 8-ю полевую армию (с 11 сентября — 18-я армейская группа) в составе трех дивизий (каждая из двух бригад) под командованием знакомых нам Линь Бяо (125-я дивизия), Хэ Луна (120-я дивизия) и Лю Бочэна (129-я дивизия). Командующим армией, а затем и армейской группой был назначен Чжу Дэ, его заместителем — Пэн Дэхуай, начальником политотдела — Жэнь Биши[164].

Что же касается Дэна, то он получил соответственно пост заместителя начальника политотдела 8-й армии (18-й армейской группы), то есть по сути продолжил исполнять свои прежние обязанности. Кроме того, в конце сентября он стал представлять 18-ю армейскую группу в комитете по делам мобилизации при ставке командующего 2-й военной зоной, губернатора Шаньси Янь Сишаня[165]. 21 сентября Дэн вместе с Чжу Дэ, Жэнь Биши и заместителем начальника штаба 18-й армейской группы Цзо Цюанем выехал в столицу Шаньси город Тайюань, где через два

дня узнал об образовании единого антияпонского фронта всех политических партий страны.

А 27 сентября все четверо — Чжу, Жэнь, Цзо и Дэн — были уже в 170 ли к северо-востоку от Тайюаня, в уезде Утай, в непосредственной близости к фронту, на котором обстановка продолжала катастрофически ухудшаться. Армия микадо, захватывая один населенный пункт за другим, стремительно наступала на юг по трем направлениям: на Нанкин, Ухань и Тайюань.

Тогда же в северные и северо-восточные районы Шаньси выдвинулись и основные силы всех трех дивизий 18-й армейской группы. Перед ними Политбюро ЦК КПК еще в конце августа поставило задачу развернуть маневренно-партизанскую войну во взаимодействии с другими китайскими частями 2-й военной зоны, чтобы завоевать доверие нанкинского правительства и одобрение общественности. В случае же возможного прорыва фронта со стороны японцев войскам компартии предписывалось перейти к самостоятельным, чисто партизанским действиям с расширением районов боевых операций по территории всего Северного Китая, оккупированного японцами[166]. На ведении партизанской войны в тылу врага особенно настаивал Мао Цзэдун, считавший, что именно такой метод позволит компартии не только завоевать доверие народа, брошенного Чан Кайши на произвол судьбы, но и сохранить, а возможно, увеличить свои вооруженные силы. Мао требовал, чтобы войска компартии, несмотря на единый фронт с Гоминьданом, к которому он по понятным причинам не испытывал доверия, вели «независимые и самостоятельные» боевые действия против японцев в горной местности, берегли силы и никоим образом не становились марионеткой в руках главкома Национально-революционной армии, бывшего смертельного врага коммунистов[167].

Ведение длительной партизанской войны было, разумеется, немыслимо без создания в японском тылу, в труднодоступной местности, опорных баз. И именно к этому в конце октября и приступила 18-я армейская группа. 23 октября 1937 года, после прорыва японцами фронта на северо-востоке Шаньси, заместитель командира 115-й дивизии Не Жунчжэнь получил приказ ЦК не отступать с остальными частями, а во главе небольшой группы общей численностью около двух тысяч человек остаться в тылу японской армии в горах Утай, мощными грядами протянувшихся с севера на юг на 500 ли вдоль границы провинций Шаньси, Чахар и Хэбэй. 7 ноября, за день до захвата японцами Тайюаня и за пять дней до падения Шанхая, здесь было образовано командование военного района, охватившего ряд

оккупированных врагом областей. Центром района стал небольшой уездный город Фупин, расположенный высоко в горах на северо-западе Хэбэя, почти на границе с Шаньси, а во главе командования встал сам Не Жунчжэнь. Вскоре для развертывания партизанской борьбы Не направил специальный отряд в южную часть Чахара, а кавалерийский эскадрон — в западную часть Хэбэя[168].

В начале ноября последовали неоднократные заявления Мао Цзэдуна о том, что в Северном Китае действия регулярной армии, возглавляемой Гоминьданом, закончились, а партизанская война, возглавляемая компартией, приобрела основное значение[169]. Об отказе от маневренной войны и переходе к чисто партизанским действиям говорилось и в постановлении Северо-Китайского бюро ЦК «О современном положении и задачах партии в Северном Китае», составленном Лю Шаоци[170].

В связи с этим командование 18-й армейской группы стало перебрасывать за линию фронта новые подразделения и части. 120-я дивизия во главе с Хэ Луном получила приказ начать партизанскую войну на северо-западе провинции Шаньси, в горном массиве Гуаньцэнь, а 129-я во главе с Лю Бочэном — просочиться отдельными батальонами и ротами на юго-восток Шаньси, в район гор Тайхан. Вскоре штаб 120-й дивизии перебазировался в уезд Ланьсянь, в самый центр гуаньцэньских гор, а штаб 129-й дивизии — в уезд Ляосянь, в северную часть Тайханского хребта.

Дэн Сяопин в то время по заданию руководства вел пропагандистскую работу на юго-западе Шаньси и только в конце декабря 1937 года вернулся в штаб 18-й армейской группы, который к тому времени перебазировался в юго-восточный шаньсийский уезд Хундун, расположенный у западных отрогов гор Тайюэ, служащих продолжением гор Тайхан. Новый год по григорианскому календарю он встретил в этих местах, не зная еще, что тот принесет ему новое назначение.

Пятого января 1938 года Центральный реввоенсовет под председательством Мао принял решение перевести Дэна в 129-ю дивизию политкомиссаром и начальником политотдела, после чего Чжу Дэ издал соответствующий приказ[171]. Место Дэна в штабе 18-й армейской группы занял его старый друг Фу Чжун, которому Дэн через несколько дней передал дела.

В штаб-квартире Лю Бочэна Дэн должен был заменить двоюродного брата Линь Бяо — Линь Юйина (Чжан Хао), которого отзывали в Яньань заниматься рабочим движением[172]. Линь Юйин служил в 129-й дивизии с самого начала, однако в последнее время начал что-то прихварывать, а потому Мао и

другие члены Политбюро решили перевести его на более спокойную должность. Для Дэна это был звездный час. Получая политическую власть над одной из трех дивизий армии коммунистов, он тем самым становился одной из крупнейших фигур на подвластной компартии территории — по существу милитаристом регионального масштаба. В его руках сосредоточивалась теперь мощная военная сила, и от того, насколько умело он ею воспользуется, зависел его дальнейший карьерный рост.

Восемнадцатого января 1938 года он прибыл в Тайханский район — в деревню Сихэтоу уезда Ляосянь, где располагался штаб Лю Бочэна. Вокруг, насколько хватало глаз, громоздились высокие покатые горы. Их заснеженные склоны, поросшие сосной, елью и пихтой, блестели на солнце. Тянущийся вдоль границ Шаньси, Хэбэя и Хэнани, от гор Утай на севере до реки Хуанхэ на юге, Тайханский высокогорный массив представляет собой естественный барьер между северокитайской равниной и шаньсийским плато. Крутые горы, возвышающиеся на тысячу метров, хребет за хребтом уходят за горизонт. «За одной дверью открывается другая, за одними воротами — следующие, а горы всё идут и идут, они везде — и здесь, и там», — говорят местные жители[173]. Было довольно морозно, но Дэн не замечал этого. Он чувствовал себя в приподнятом настроении. Очевидец сообщает: «Политкомиссар 18-й армейской группы Дэн Сяопин прибыл в штаб. Он невысок ростом, все время улыбается»[174].

С комдивом Лю Бочэном Дэн быстро нашел общий язык. Они давно знали друг друга — с января 1932 года. Как и Дэн, Лю был сычуаньцем, к тому же почти соседом: родился в уезде Кайсянь, на полпути из Гуанъани в уездный городок Илун, в окрестностях которого, кстати, появился на свет Чжу Дэ. Правда, Лю был старше Дэна на 12 лет, но это тоже в какой-то мере сближало их: ведь получалось, что оба родились в год Дракона![32] На этом, правда, сходство кончалось. «Наши характеры и увлечения не совсем совпадали», — говорил Дэн[175].

Лю был профессиональным военным. Во время Синьхайской революции, в 1911 году, служил в студенческой армии, а затем учился в Чунцинском военном училище. В 1914-м вступил в партию Сунь Ятсена, участвовал в многочисленных сражениях, был девять раз ранен, в одном из боев потерял правый глаз. С коммунистами он установил контакт в 1924 году, но только спустя два года, решив, что компартия сможет спасти Китай, вступил в нее[176]. В 1927 году, как мы помним, Лю принял участие в Наньчанском восстании, после поражения которого бежал в Гонконг, а потом был направлен в Советский Союз. В СССР он

проучился два года в Академии им. Фрунзе, после чего, вернувшись в Шанхай летом 1931-го, работал в военном комитете ЦК Компартии Китая под руководством Чжоу Эньлая. Через полгода перебазировался в Центральный советский район, где первое время являлся ректором и политкомиссаром Военной академии, а с октября 1932-го — начальником Генерального штаба Центрального реввоенсовета.

В 1933 году Лю Бочэна, как и Дэн Сяопина, сняли с должности за приверженность партизанской тактике Мао. Однако в декабре 1934-го, уже во время Великого похода, при поддержке Мао и Ло Фу он вновь возглавил Генштаб. В январе 1935-го Лю участвовал в совещании в Цзуньи, на котором, разумеется, стоял на стороне Мао. Но после объединения Центральной Красной армии с Чжан Готао в середине июня 1935 года на какое-то время оказался в войсках последнего и только осенью 1936-го смог вместе с остатками армии 4-го фронта прибыть в Шэньси. Из добравшихся в эту провинцию чжанго-таоских войск и была в 1937 году образована 129-я дивизия. Заместителем комдива в ней Мао назначил Сюй Сянцяня, бывшего командующего армией 4-го фронта. Этого старого служаку Председатель не винил в «ошибках» Чжан Готао: он понимал, что тот лишь выполнял приказы своего политического руководителя.

Подчиненные звали Лю Бочэна «Одноглазый дракон», но это прозвище не подходило ему: комдив-129 по своей природе был мягким и незлобивым. «С первой же встречи он произвел на меня глубокое впечатление своей добротой, искренностью и доброжелательностью», — вспоминал Дэн[177].

Прибыв в Тайхан, Дэн сразу же занялся организационной, мобилизационной и политической работой в дивизии и на подведомственной ей территории, главное внимание уделяя коммунистической пропаганде[178]. На посетившего Тайханский район в июле 1938 года Эванса Ф. Карлсона, неофициального представителя президента США Рузвельта, он произвел глубокое впечатление. «[Дэн Сяопин] низкого роста, коренастый и крепкий физически, а его ум — остр, как горчица», — вспоминал Карлсон[179].

В целях эффективности пропаганды Дэн и его подчиненные использовали разные методы, приноравливаясь ко вкусам не слишком образованной аудитории. Разыгрывали патриотические спектакли, пели песни, вывешивали на стенах домов и храмов *дацзыбао* (газеты больших иероглифов), выступали на массовых митингах с зажигательными речами, вели задушевные беседы с бойцами и местными жителями. Словом, старались доходчиво разъяснять «современную ситуацию и пути преодоления кризиса,

разоблачая жестокость врага»[180].

Однако их усилия и призывы не везде находили отклик, даже несмотря на то что в горах ютилось немало беженцев из захваченных японцами городов и поселков, люто ненавидевших агрессоров. Дело в том, что в то время дивизионное командование «не предпринимало никаких мер в экономической области… Люди жили в нищете, армия испытывала огромные трудности в снабжении». Более того, солдаты и командиры рассматривали «оккупированные врагом районы» как «свои колонии». «Мы занимались только экспроприацией [иными словами, грабили тех, кто жил за пределами опорной базы], но многого собрать [все равно] не могли. Это был период, когда мы (главным образом в Тайхане) жили наиболее бедно», — рассказывал Дэн. Не удивительно, что войска компартии «производили очень плохое впечатление на население [оккупированных врагом] районов», а их авторитет был почти нулевым[181].

Жители окрестных селений, в основном мелкие владельцы земли, крайне нищие даже по масштабам Китая, благодарили судьбу только за то, что коммунисты не посягали на их ничтожную земельную собственность, поскольку еще в ноябре 1935 года Политбюро ЦК коммунистической партии и ЦИК Китайской Советской Республики изменили тактику по отношению к трудовому крестьянству, отказавшись от уравнительного передела[182]. Новая аграрная политика коммунистов объяснялась переходом к тактике единого антияпонского фронта, а также тем, что на севере Китая крупных *дичжу* и *фунун* можно было по пальцам пересчитать, *хакка* же отсутствовали, а пауперы, мало отличавшиеся от мелких крестьян по уровню жизни, даже при уравнительном переделе ничего особенного получить не могли. И на севере Шэньси, и почти повсеместно в Шаньси сельские жители балансировали на грани голодной смерти. В Шаньси, например, накануне прихода коммунистов, в 1933 году, разразилась страшная засуха, которая длилась несколько лет, а перед самой войной сменилась наводнением. Множество людей погибли тогда от голода, а те, кто выжил, влачили жалкое существование. Особенно тяжелое положение сложилось как раз в горах Тайхан, где к 1938 году в живых осталось всего-то полтора миллиона человек[183].

Так что грабить у этих людей и вправду было почти нечего. Именно поэтому 129-й дивизии в первое время приходилось туго. Вместо того чтобы налаживать сельскохозяйственное производство и облегчать бремя крестьян, Лю Бочэн, полагаясь на военную силу, занимался в основном расширением своего района

и созданием новых баз в Шаньси, Хэбэе, Хэнани и Шаньдуне, а Дэн, как мы знаем, усиливал пропаганду. К середине весны 1938 года 129-й дивизии удалось образовать несколько баз в тылу врага. В этом ей помогли действовавшие в Тайхане 1-я и 3-я колонны местной так называемой Новой шаньсийской армии, а также гоминьдановская Лига жертв во имя спасения родины, образованная по инициативе Янь Сишаня еще в сентябре 1936 года[184]. В конце апреля на совещании военно-политического совета 129-й дивизии, созванном Дэном по приказу Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, было принято решение учредить военный район Шаньси — Хэбэй — Хэнань[185].

А через четыре месяца Дэн отправился обратно в Яньань на пленум ЦК Компартии Китая. Впервые его пригласили на такое крупное партийное мероприятие как полноправного участника, даже несмотря на то что он не являлся членом Центрального комитета. Пленум, проходивший с 29 сентября по 6 ноября, вообще был расширенным: в нем участвовали 56 человек, но только 18 из них являлись членами или кандидатами в члены ЦК. Остальные были крупными военачальниками или, как Дэн, большими партийными функционерами[186].

Пленум имел огромное значение как для всей партии, так и лично для Дэна. На нем с обширным докладом, длившимся три дня, выступил Мао, к тому времени с помощью Сталина и Исполкома Коминтерна установивший полный контроль над Коммунистической партией Китая: в сентябре 1938 года китайские коммунисты получили указание из Москвы признать вождем китайского народа именно Мао Цзэдуна[187]. Мао дал понять собравшимся, что теперь, после сплочения коммунистов вокруг него, необходимо пересмотреть историю партии, отделив «правду» от «лжи» и воздав каждому по заслугам, понятно, в соответствии с тем, как они относились к его правильной линии. И в первую очередь — отбросить догматизм, «китаизировав» учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина[188].

К вопросу об истории Компартии Китая Мао вернулся и в своем заключительном слове в конце пленума. И тут неожиданно, как бы мимоходом, заметил: «Надо отвести и тот удар, который был нанесен в 1933 году в Центральном советском районе по товарищу Дэн Сяопину»[189]. Аудитория, разумеется, приветствовала его слова, и сразу после пленума решением Политбюро Дэна ввели в состав Северо-Китайского бюро ЦК[190].

Дали Дэну выступить и на самом пленуме, 6 октября. Правда, его краткая речь не содержала оригинальных теоретических идей. Дэн только заметил, что военные районы Северного Китая надо всемерно укреплять, причем «снизу вверх», опираясь на массы[191].

Мысль была верная, но пройдет много времени, прежде чем сам Дэн и Лю Бочэн всерьез начнут заниматься ее внедрением в жизнь. Только в октябре 1939-го они сделают первый шаг в этом направлении, учредив банк на южнохэбэйской базе и начав печатать бумажные деньги, которые получат широкое хождение во всех коммунистических районах Северного Китая[192].

Но это уже будет после того, как Дэн (на этот раз вместе с Лю Бочэном) снова съездит в Яньань — для участия в расширенном заседании Политбюро, точнее в серии заседаний, которые проходили в период с 3 июля по 25 августа 1939 года и на которых была рассмотрена масса вопросов, в том числе отношение компартии к «трем народным принципам» Сунь Ятсена. Новые руководящие указания по поводу суньятсенизма дал конечно же Мао: «Отношение КПК к трем народным принципам таково: во-первых, в теоретическом плане… мы признаем, что три народных принципа являются потребностью Китая сегодня. Во-вторых, в практическом плане, мы их осуществляем… Исходным пунктом всей этой политики является следующее: мы не должны отталкивать от нас большинство Гоминьдана»[193].

Было над чем призадуматься. К тому времени Мао по инициативе Сталина начал энергично разрабатывать новую концепцию революционного движения в Китае, которая помогла бы компартии одержать победу в будущей, послевоенной, борьбе за власть с Чан Кайши[194]. Китайские коммунисты должны были теперь энергично пропагандировать либерально-демократический путь развития страны (через четыре месяца Мао назовет его «новодемократическим») взамен леворадикального, социалистического.

От старой западной демократии теория «новой демократии» отличалась тем, что должна была проводиться в жизнь под руководством коммунистической партии. Однако партия недвусмысленно меняла имидж, выступая уже не как политическая организация рабочего класса, а как организация единого революционного фронта. Поэтому Мао и заявлял о необходимости социальных реформ в духе «трех народных принципов». При этом трактовал последние крайне либерально, обещая после революции гарантировать права частных собственников, стимулировать национальное предпринимательство и проводить политику протекционизма, то есть привлекать в страну иностранных инвесторов под строгим государственным контролем. Он призывал к развитию многопартийной системы, организации коалиционного правительства, осуществлению демократических свобод,

снижению налогов и немедленному исправлению всех «левацких ошибок», совершенных коммунистами в прошлом[195]. Такой тактический маневр позволял компартии значительно увеличивать численность своих сторонников за счет представителей промежуточных слоев, выступавших против любой диктатуры, как коммунистической, так и гоминьдановской.

Полностью приняв новые идеи Председателя, Дэн и Лю активно приступили к их реализации. После учреждения банка, в 1940 году, они начали уделять повышенное внимание развитию производства, коренным образом пересмотрев отношение к оккупированным врагом районам как к «своим колониям». В марте 1941 года по решению Северо-Китайского бюро ЦК они созвали Законодательное собрание пограничного района Шаньси — Хэбэй — Хэнань, которое в июле того же года расширило сферу полномочий и на провинцию Шаньдун. А через месяц во вновь объединенном Шаньси — Хэбэй—Шаньдун — Хэнаньском партизанском районе, население которого составляло 23 миллиона человек, учредили правительство — высший орган местной исполнительной власти. Хотя, разумеется, партия по-прежнему руководила всем. В начале сентября 1942 года в районе дислокации 129-й дивизии было образовано Тайханское подбюро Северо-Китайского бюро ЦК, во главе которого Мао, естественно, поставил Дэна: ведь тот и прежде направлял работу местных парторганизаций как дивизионный политкомиссар[196].

Весной 1943 года на всей подвластной 129-й дивизии территории решением Законодательного собрания были снижены налоги (до 30–35 процентов), рента (на 25 процентов) и ростовщический процент (до 15 процентов и ниже)[197]. «Все эти решения направлены на то, чтобы развивать экономику, ограничивая в то же время феодальную эксплуатацию, — писал в центральном органе китайской компартии газете «Цзефан жибао» («Освобождение») Дэн Сяопин, «прозревший» под влиянием Мао Цзэдуна. — Это путь, который нам указал д-р Сунь Ятсен… Налоги, которые правительство взимает с промышленности, — минимальны… Мы… посредничаем в переговорах землевладельцев с арендаторами и предпринимателей с рабочими… [Правительство ежегодно предоставляет дешевые или беспроцентные кредиты, объем которых составляет… до десяти миллионов юаней… В периоды напряженных полевых работ люди в солдатской форме трудятся на земле вместе с крестьянами». И еще: «Без правильной политики нельзя говорить об экономическом развитии. Эта политика должна быть направлена на обеспечение благосостояния народа»[198].

В общем, в Тайхане и других областях Шаньси, Хэбэя, Шаньдуна и Хэнани, где действовали войска 129-й дивизии, в то время действительно происходили серьезные сдвиги к лучшему. Соответственно возрастал и авторитет компартии в массах. И это несмотря на то, что в 1941–1943 годах в Шаньси и окрестных местах вновь случилась страшнейшая засуха, сменившаяся наводнением. Ко всему прочему добавилось нашествие саранчи. Саранча, правда, не столько доконала урожай, сколько парадоксальным образом спасла людей от голодной смерти: и военнослужащие, и крестьяне набрасывались на нее, хватали, били руками, а потом жарили и жадно ели[199]. Только так многие и выжили!

Из Яньани в Тайхан в начале осени 1939 года Дэн привез не только новые идеи, но и новую жену. Звали ее Чжо Линь (Чжо Дорогая вещица), и была она родом из уезда Сюаньвэй, что на северо-востоке провинции Юньнань. Дэна с ней познакомил его приятель, веселый и жизнерадостный Дэн Фа, в августе

1939 года прибывший в Яньань из Синьцзяна, где представлял Компартию Китая при правительстве сотрудничавшего тогда с коммунистами и Москвой местного губернатора Шэн Шицая. Когда-то в Центральном советском районе Дэн Фа, бывший главой всех секретных служб Центрального советского района, яро преследовал Мао, а заодно и Дэна, но все это было в прошлом. В Яньани он стал ректором Партийной школы, а поскольку, как и Дэн Сяопин, был не женат и любил поболтать и шумно провести время, вскоре оба однофамильца сошлись и даже стали жить под одной крышей. «В то время в Яньани Дэн Фа и твой отец целыми днями веселились, — рассказывала дочери Дэна жена Ло Фу, — про них говорили, что они похожи на двух бродячих духов!»[200]

«Под одной крышей», конечно, сильно сказано. В то время большинство партийных и военных работников Яньани обитали в пещерах, вырытых недалеко от города в крутых склонах лёссовых гор. Шли эти пещеры длинными рядами на многие ли к северу от городских кварталов вдоль мелководной и каменистой реки Яньхэ. Вот в одной из них и стали жить оба Дэна.

Простота обстановки их не смущала, да они к тому же все свободное время проводили вне пещерного лагеря, в самой Яньани, которую, конечно, нельзя было сравнить с мелкими тайханскими городками и деревнями. Большой город с лавками и харчевнями, шумными рынками и запруженными народом улицами мог доставить массу удовольствий. Японская авиация, правда, сильно повредила его, разбомбив многие дома и разрушив массивную крепостную стену, высившуюся по всему его

периметру, но жизнь в городе продолжала бурлить, так что повеселиться в нем действительно было можно. Тем более что с началом антияпонской войны сюда прибыло много патриотически настроенной молодежи, среди которой имелось немало женщин, преданных партийному делу, да еще и симпатичных. А Дэн Фа, хотя был на два года моложе Дэна, понимал толк в амурных делах.

И вот как-то раз Дэн Фа уговорил товарища сходить с ним в яньаньский отдел безопасности, где у него завязались знакомства с юными сотрудницами. Широкий душой, Дэн Фа любил устраивать жизнь неженатым приятелям. Живя в Синьцзяне, он свел, например, брата Мао Цзэдуна, Цзэминя, тоже работавшего у Шэн Шицая, с очень красивой женщиной, бывшей актрисой, которая в конце концов вышла за того замуж. В Яньани же ему страстно захотелось женить Дэна, который, кстати, в то время был довольно импозантным (если это слово применимо к китайским партизанам): худой, очень молодо выглядевший, несмотря на свои 35 лет, с тонкими, но мужественными чертами лица. Он тогда, правда, наголо стригся — «под Котовского», но это только придавало ему бравый вид.

Чжо Линь как раз работала в отделе безопасности, и Дэну сразу же приглянулась: маленькая, ростом даже ниже его, с круглым лицом, густыми бровями и озорными глазами. Понравился ему и ее характер: веселый, боевой и независимый. Нельзя, правда, сказать, что «любовь выскочила перед ними, как из-под земли выскакивает убийца в переулке», но ведь и Дэн Сяопин с Чжо Линь не напоминали Мастера и Маргариту. Тем не менее они стали общаться, захаживать друг к другу в гости (разумеется, в сопровождении Дэн Фа и подруги Чжо Линь) и беседовать на разные темы. Дэн узнал, что родилась она в апреле 1916 года, то есть была на 12 лет моложе его, а следовательно, тоже появилась на свет в год Дракона, как и он сам и как Лю Бочэн. Узнал он и ее настоящие фамилию и имя — Пу Цюнъин (Пу Нефритовый цветок); псевдоним Чжо Линь она выбрала сама в 1938 году, когда поступила на курсы отдела безопасности: все курсанты готовили себя к возможной подпольной работе либо в японском, либо в гоминьдановском тылу, а потому меняли имена и фамилии. Ее отец был известен на весь Китай как «король копченых окороков»: еще в 1920 году он нашел способ консервирования ветчины и основал свое дело — компанию «Сюаньхэ». Он был либералом, долго поддерживал Сунь Ятсена и даже получил от него чин генерал-майора, но в конце концов отошел от революции. Прогорел в бизнесе и во всем разочаровался. Тем не менее дал Чжо Линь и другим своим детям

(а их у него вместе с Чжо было семеро) прекрасное образование: Чжо Линь, например, не только с отличием окончила среднюю школу, но и поступила на физический факультет Пекинского университета — лучшего учебного заведения страны. В декабре 1935 года в Бэйпине она, правда, увлеклась коммунистическими идеями, приняла участие в антияпонском студенческом движении и после оккупации города японцами бросила учебу и вместе со старшей сестрой и подругой бежала в Яньань. Здесь в ноябре 1937 года она поступила в школу по подготовке кадровых работников, а став в начале 1938 года членом партии, перешла на краткосрочные курсы отдела безопасности, окончив которые, и начала работать в отделе. Она считала себя интеллигенткой, очень гордилась этим, а потому не принимала ухаживаний солдат и командиров 18-й армейской группы, большинство которых были неотесанными деревенскими парнями.

Не позволяла Чжо Линь переходить грань дружеского общения и Дэну. Позже она вспоминала: «Были ли у него какие-либо намерения на мой счет, я не знала до тех пор, пока он не попросил мою подругу, ту самую, с которой я прибыла в Яньань, поговорить со мной. Она-то и рассказала мне, что он хочет жениться и спрашивает, согласна ли я. Я ответила, что еще молода и совсем не желаю рано выходить замуж. В общем, я ему отказала. Так как все эти старые *ганьбу,* пришедшие в Яньань после Великого похода, были рабочими и крестьянами, мы [интеллигентные девушки] боялись выходить за них замуж, и не потому, что презирали их, а потому что они не имели образования и нам не о чем было с ними разговаривать… После этого он сам дважды приходил ко мне поговорить. В первый раз рассказал о себе и своих надеждах. Я слушала, слушала и вдруг почувствовала, что он ничего, имеет кой-какое образование, интеллигент. Во второй же раз призадумалась: „Все равно рано или поздно придется выходить замуж, а мне уже 23“. Вот и сказала себе: „Хватит, собирайся!“ И… согласилась». Правда, «выдвинула одно условие: после свадьбы немедленно уехать из Яньани. Я боялась, что [мои подруги] будут смеяться, что я вышла замуж за „деревенщину“». Дэн Сяопин сделал вид, что понял ее волнения и сказал:

— У меня только один недостаток: я старше тебя на несколько лет. Во всем остальном, надеюсь, я еще наверстаю[201].

В конце августа сыграли свадьбу, вместе с еще одной парой: Кун Юанем и Сюй Мин, их хорошими знакомыми. Кун был крупным партийным работником, заместителем заведующего социальным отделом ЦК, а Сюй Мин — активисткой женского движения из провинции Хэбэй, которая так же, как Чжо Линь,

была на 12 лет моложе жениха. В организации торжества с удовольствием участвовали Мао Цзэдун и его любовница Цзян Цин: свадебные столы накрыли перед их пещерой. Через три месяца, 19 ноября, Мао и Цзян тоже сыграют свадьбу, несмотря на еще большую разницу в возрасте — 21 год!

Почти все члены партийного руководства, в том числе Ло Фу, Бо Гу, Лю Шаоци, Ли Фучунь и другие, прибыли с поздравлениями. Не было только Чжоу Эньлая с женой, так как они находились в Советском Союзе. Те же, кто пришел, веселились весь вечер, много ели, пили и, по принятому в Китае обычаю, пытались напоить женихов. С Кун Юанем им повезло: когда настало время молодым уединяться, он, к неудовольствию супруги, был в стельку пьян. А вот Дэн выглядел «как огурчик».

— А что, Дэн Сяопин действительно может много выпить? — спросила жена Ло Фу своего супруга.

Тот улыбнулся:

— Здесь был подлог.

Потом выяснилось, что Дэн Фа и Ли Фучунь как истинные друзья поставили перед Дэном втайне ото всех бутылку с водой и тот пил из нее весь вечер[202].

А через пару дней Дэн, как и обещал, увез жену в горы Тайхан, но не на свою базу, а в ставку 18-й армейской группы, которая к тому времени перебазировалась в этот район. Встретивший их Пэн Дэхуай воскликнул: «Вот тебе на! Дэн Сяопин! Ты действительно нашел себе старушку до конца дней. Вы так похожи — как брат и сестра!»[203]

Здесь, у Пэна, Дэн оставил Чжо Линь работать на женских курсах. Но она начала грустить. И когда Дэн спустя некоторое время навестил ее, пожаловалась на одиночество.

— Ты бы хоть написал мне, — обиженно сказала она.

— Написал? О чем? — удивился Дэн.

— Ну, о том, что ты делаешь каждый день.

Дэн пожал плечами:

— Ну, хорошо. Я велю секретарю подготовить для меня письмо в нескольких экземплярах и каждый месяц буду посылать тебе по одному.

Тут уж Чжо Линь не выдержала:

— Ну всё! Хватит! Можешь не писать мне писем! Тогда будем жить вместе, чтобы понимать друг друга.

И с тех пор они не расставались. В течение 58 лет! Все эти годы Чжо Линь помнила слова одного из ответственных работников ЦК (кого именно, она никогда не говорила), который вызвал ее как-то к себе в кабинет перед тем, как они с Дэном отправились в Тайхан, и сказал: «Твоя задача — хорошо

заботиться о Дэн Сяопине»[204]. Это звучало как партийное поручение.

Одиннадцатого сентября 1941 года Чжо Линь родила Дэну дочь, которой дала свое имя: Линь (при ином написании этого иероглифа оно означает «Роща»: именно так впоследствии Дэн Линь и будет его писать). Увы, долго нянчить малышку молодая мать не могла. Через неделю войскам Дэна и Лю пришлось отступать из деревни, в которой та родилась, и Чжо Линь вынуждена была отдать дитя в крестьянскую семью. «Мне не хотелось, чтобы для моей с ребенком защиты специально отвлекали бойцов», — говорила она потом[205]. Сдерживая слезы и не оглядываясь, Чжо ушла вместе с мужем. «Линьэр, Линьэр [Рощица, Рощица], бедная моя», — повторяла она.

К счастью, ребенок не потерялся. В октябре 1943 года Чжо Линь забрала девочку и поручила заботам жены члена Тайханского бюро ЦК Цай Шуфаня, которая вместе с мужем уезжала в Яньань на учебу. Цай с женой души не чаяли в Дэн Линь и даже с позволения Дэна и Чжо удочерили ее. Держать девочку при себе, однако, они тоже не могли, а потому устроили ее в яньаньский детский дом, располагавшийся в одной из лёссовых пещер. Это, конечно, был не лучший в мире приют младенца, и как-то раз, оказавшись без присмотра, Линьэр чуть не погибла. Она подошла близко к очагу, горевшему в пещере, и отскочившая от костра искра подожгла рукав ее ватной курточки. Воспитательница, находившаяся во дворе с детьми, не сразу услышала детский крик, и когда прибежала, рука двухлетней девочки уже была вся объята пламенем. Только чудом Линьэр удалось спасти, но на ее руке остался большой шрам от ожога[206].

Ничего этого ее родители не знали. Они были заняты своими делами, а в апреле 1944 года Чжо Линь родила сына. Счастью родителей не было конца. Чжо, а вслед за ней и Дэн стали ласково и шутливо называть его Панпан (Толстячок): малыш родился упитанным, так что прозвище свое заслужил. Но и этого ребенка Чжо Линь не могла оставить при себе: на этот раз у нее совсем не оказалось молока, так что пришлось ей и Дэну тоже отдать сына в крестьянскую семью. Но, к счастью, опять на время.

А в октябре 1945-го в их семействе случилось новое прибавление. На этот раз родилась еще одна дочь, которую Чжо Линь поэтично назвала Нань (Лавровое деревце); всех детей называла именно она, Дэн не вмешивался. Домашним же именем девочки стало Наньнань: так ее окрестил старший брат, который, едва увидев малышку, протянул к ней ручонки и пролепетал: «Наньнань, наньнань». Что он хотел сказать, никто не понял: Панпан только начинал говорить, но Дэну и Чжо имя

понравилось[207]. Увы, и с Наньнань им пришлось расстаться на какое-то время: после рождения ее тоже отдали чужим людям.

К тому времени антияпонская война уже закончилась. 15 августа 1945 года Япония капитулировала, но войска компартии начали готовиться к новым битвам — на этот раз с Гоминьданом за власть в Китае. Накануне рождения Дэн Нань части 129-й дивизии уже провели несколько успешных операций против вторгшихся на их территорию гоминьдановских войск, но главные битвы были еще впереди.

За два месяца до того, в июне, на проходившем в Яньани VII Всекитайском съезде компартии Дэн как один из крупнейших региональных партийных лидеров был закономерно избран членом Центрального комитета. По числу поданных за него голосов он из сорока четырех членов ЦК оказался на 28-м месте[208]. (Кстати, выдвинуть Дэна в руководящие органы партии на VII съезде советовала Мао и Москва, причем еще весной 1940 года[209].)

На самом съезде Дэн, правда, отсутствовал, так как по распоряжению Мао с октября 1943-го по июль 1945 года возглавлял всю работу Северо-Китайского бюро ЦК и фронтовой ставки 18-й армейской группы в Тайхане. В то время, помимо прочего, он занимался во всех парторганизациях на вверенной ему территории проведением так называемой кампании исправления стиля *(чжэнфэн):* широкомасштабной внутрипартийной «чистки», направленной на дальнейший пересмотр партийной истории в целях тотального насаждения культа вождя, то есть того же Мао. Все остальные руководящие кадры Северного Китая и армии находились в Яньани, где сами проходили аналогичное воспитание под личным контролем Мао и им же созданной специальной комиссии во главе с начальником всех секретных служб компартии Кан Шэном. Разумеется, то, что Мао не только не вызвал Дэна на учебу в Яньань, а наоборот, именно ему поручил проведение кампании в районе Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, говорило об огромном доверии к нему со стороны Председателя.

Об этом же свидетельствовал и тот факт, что Мао лично поздравил Дэна с избранием в ЦК, пригласив его в Яньань для участия в 1 — м пленуме Центрального комитета седьмого созыва, когда съезд подходил к концу[210].

К тому времени Мао уже стал для Дэна воплощением всего наилучшего: великим стратегом, тактиком и теоретиком, мудрым вождем и учителем, ведущим партию от победы к победе![211] Триумф Мао в партии был тогда полным и окончательным. В уставе партии, принятом VII съездом (его представил Лю Шаоци,

в 1943 году выдвинутый Мао на вторые позиции в руководстве), говорилось, что «идеи Мао Цзэдуна» являются идеологическими основами Коммунистической партии Китая[212].

Кстати, Дэн хорошо понимал, что именно Мао Цзэдун включил его имя в список членов Центрального комитета[213], и испытывал по этому поводу огромную радость. Сидя в зале заседаний пленума, украшенном портретами Маркса, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, он вместе со всеми горячо аплодировал «великому кормчему», избранному на пленуме Председателем ЦК, Политбюро и Секретариата ЦК. Мао и китайская революция стали для него нераздельны.

ГРОЗА НАД ЧЖУНШАНЕМ

Двадцать пятого августа 1945 года Дэн вылетел из Яньани обратно в Тайхан. Вместе с ним к месту службы возвратились и другие политработники и командиры 18-й армейской группы, участвовавшие в партийных мероприятиях, организованных ЦК, в том числе Лю Бочэн. Самолет и летчиков предоставили американцы, с конца июля 1944 года державшие при штаб-квартире китайской компартии свою миссию связи[214].

В то время все союзники Китая испытывали огромную радость в связи с окончанием антияпонской войны: и американцы, вступившие в войну с Японией 7 декабря 1941 года после атаки императорских ВВС на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайях, и русские, объявившие войну Японии 8 августа 1945 года, а затем разгромившие Квантунскую армию в Маньчжурии. И ни правительство США, ни руководство СССР не хотели нового конфликта в Китае. Ведь этот конфликт мог перерасти в третью мировую войну, к которой ни президент США Трумэн, ни Сталин готовы не были[215]. Трумэн, под нажимом американской общественности, стремился вернуть своих солдат домой как можно скорее, а Сталин искал компромисс в Китае, принимая во внимание монополию США на ядерное оружие. Инициативу Сталина ограничивали и известное Ялтинское секретное соглашение великих держав от 11 февраля 1945 года, и советско-гоминьдановский договор о дружбе и союзе от 14 августа того же года, по которым Советский Союз получал экономические, политические и территориальные концессии на Дальнем Востоке. Вскоре после окончания Второй мировой войны Сталин посоветовал Мао Цзэдуну «прийти к временному соглашению» с Чан Кайши, не желая ради безоговорочной поддержки КПК рисковать тем, что уже получил, оказав помощь США и Китаю в борьбе с Японией[216].

Но Мао и Чан не могли договориться. Антагонизм между их партиями был настолько глубок, что новая гражданская война становилась неизбежной. Вооруженные столкновения между войсками Компартии Китая и Гоминьдана случались даже в период войны с Японией — в тылу армий микадо, несмотря на формально существовавший в те годы единый фронт. Что же говорить о послевоенной ситуации!

Новые «трения» между войсками начались уже в середине августа 1945 года в связи с вопросом о том, кому, где и когда принимать капитуляцию Японии. 11 августа, то есть за четыре дня до официального заявления императора Хирохито о

прекращении сопротивления, Чжу Дэ издал приказ войскам Компартии Китая о наступлении на всех фронтах — чтобы «быть готовыми принять капитуляцию»[217]. В ответ генералиссимус Чан приказал коммунистам «оставаться на своих позициях вплоть до получения инструкций»[218], а главнокомандующий американскими войсками на тихоокеанском театре военных действий генерал Дуглас Макартур отдал приказ японским армиям, дислоцированным в китайской зоне принятия капитуляции (она охватывала всю территорию Китая и часть Индокитая к северу от 16° северной широты), сдаваться только войскам Чан Кайши[219]. Однако 16 августа Мао и Чжу направили радиограмму Чану, потребовав «отменить» его приказ и «признать ошибку»[220]. А вскоре 18-я армейская группа оккупировала крупный город Калган, расположенный в 196 километрах к северо-западу от Бэйпина. На это главнокомандующий сухопутными войсками Китая генерал Хэ Инцинь, ответственный за все вопросы, связанные с капитуляцией, потребовал от японцев (!) вернуть этот город[221] и удерживать его до тех пор, пока к нему не подойдут гоминьдановцы[33].

В общем, семена новой кровопролитной бойни были посеяны, и противники начали лихорадочно готовиться к широкомасштабной войне. И в ней войскам под политическим руководством Дэна суждено было сыграть огромную роль. Ведь они дислоцировались в местах, представлявших собой, по словам любившего выражаться красиво Лю Бочэна, «большие ворота в освобожденные районы Северного Китая, через которые враг должен был наступать в первую очередь»[222]. («Освобожденными районами» в пропагандистских целях коммунисты называли свои опорные базы в тылу японцев.)

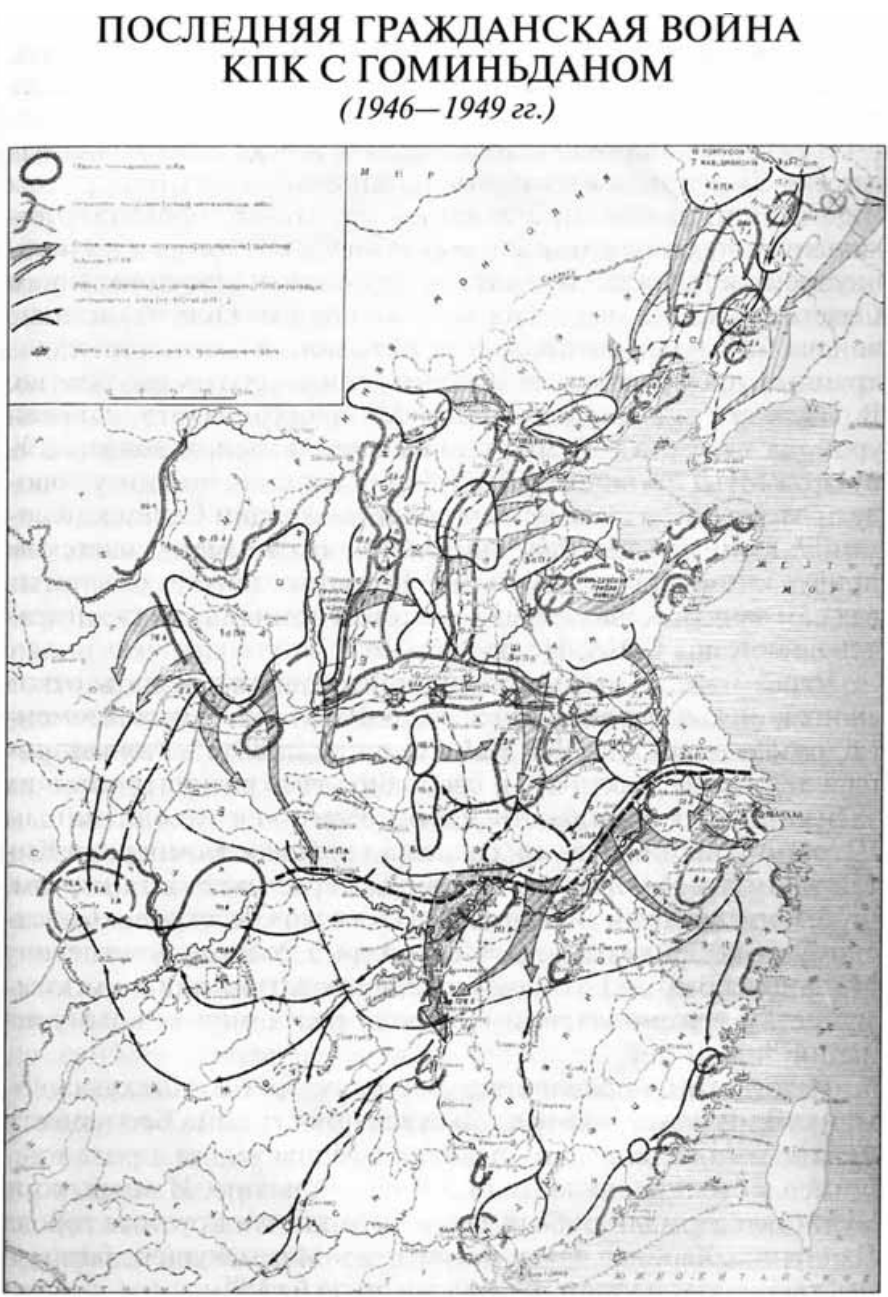
Уже в сентябре — октябре 1945 года 129-я дивизия, накануне переименованная в полевую армию военного района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, провела успешную операцию против гоминьдановских войск, продвигавшихся в Тайхан для принятия японской капитуляции. Эта операция по сути дела и явилась началом гражданской войны[223]. Спустя много лет Дэн с гордостью вспоминал: «У нас было всего тридцать с небольшим тысяч войска, а если говорить о личном составе, то мы не имели укомплектованных полков. Вооружение — плохое, снарядов — мало. Можно сказать, что [наше] соединение было партизанское… При таких обстоятельствах… было нелегко полностью уничтожить врага»[224].

А в это время в Чунцине Мао и Чан Кайши вели непростые переговоры об урегулировании ситуации в целях мирного строительства государства на основе равного положения всех

политических организаций. Однако ни тот ни другой не верили в их успех. «Я был вынужден поехать [на встречу с Чаном], поскольку это было настояние Сталина», — говорил позже Мао Цзэдун[225]. «Гоминьдан никогда не подчинится рыхлому конгломерату партий», — полагал Чан Кайши, севший за стол переговоров под давлением американцев[226]. В этих условиях победа над гоминьдановцами в октябре 1945-го, одержанная войсками Лю и Дэна, имела для Председателя большое значение. «Мы… давно установили курс — действовать острием против острия, бороться за каждую пядь земли. На этот раз мы и действовали, и боролись, причем отлично действовали и отлично боролись», — радовался Мао[227]. Ведь чем больше было таких побед, тем скорее Сталин мог изменить свою осторожную позицию в китайском вопросе, дав главе Компартии Китая «добро» на войну.

Но Сталин пока не торопился этого делать и даже категорически запрещал войскам коммунистов занимать города Северо-Восточного Китая до тех пор, пока Советская армия их не оставит. Более того, неоднократно заявлял, что надеется на установление в Маньчжурии власти Национального правительства. (При этом, правда, не возражал, чтобы коммунисты тайно, на свой страх и риск, проникали в сельские районы Маньчжурии, организовывали секретное Северо-Восточное бюро ЦК Компартии Китая во главе с членом Политбюро Пэн Чжэнем и даже создавали так называемую Автономную народную армию Северо-Востока, возглавлявшуюся Линь Бяо[228].)

Стремясь закрепить успех, Мао дал указание Лю Бочэну и Дэн Сяопину провести еще одну операцию против продвигавшихся на север гоминьдановских войск[229]. И вновь армия Лю и Дэна одержала победу. В общем, как позже признавал сам Дэн, «эта наша полевая армия после окончания антияпонской войны прямо-таки ни на один день не прекращала войну [несмотря на формальные переговоры о мире с Чан Кайши]. В лучшем случае она могла получить на переформирование и учения неделю, даже десять дней не давали»[230].

И Сталин в конце концов стал колебаться. В октябре 1945 года он принял решение передать войскам китайской компартии в Маньчжурии часть захваченного советскими солдатами вооружения Квантунской армии. При этом, правда, не желал афишировать свое участие в китайской гражданской войне, хотя и начинал, по-видимому, принимать ее как реальность. «Все наши офицеры связи и другие люди должны быть удалены из Яньани и зон действия войск Мао Цзэдуна как можно скорее, — внушал он

своим подчиненным. — Гражданская война в Китае принимает серьезный оборот, и я беспокоюсь, что наши враги будут потом обвинять наших людей в этих районах, которые ничего не контролируют, в том, что они организаторы гражданской войны в Китае. Чем скорее мы их удалим оттуда, тем лучше»[231].

В феврале — марте 1946 года Сталина к безоговорочной поддержке Компартии Китая по иронии судьбы подтолкнул сам Чан Кайши, начавший под давлением правых проводить недальновидную политику в отношении СССР. Гоминьдан и общественность стали выражать тогда недовольство поведением Советской армии на северо-востоке страны. Оккупационные войска СССР демонтировали и вывозили в Советский Союз крупные промышленные предприятия и другое имущество. В результате промышленности Маньчжурии был нанесен урон на сумму в 858 миллионов американских долларов[232]. 6 марта МИД Китайской Республики выразил по этому поводу протест, потребовав немедленной эвакуации Советской армии[233]. Понимал ли тогда Чан Кайши, что на смену советским придут китайские коммунисты? Вероятно, нет: он рассчитывал сам занять оставляемые Советской армией города, опираясь на помощь США. Но просчитался.

Через неделю, 13 марта, Сталин приказал начать отвод своих войск, завершившийся 3 мая 1946 года. И одновременно, разозлившись на Чан Кайши, призвал китайских товарищей действовать активно и свободно, даже раскритиковав их за излишнюю вежливость по отношению к Соединенным Штатам. Иными словами, разрешил войскам Компартии Китая занимать маньчжурские города, даже настаивал на том, чтобы армия Линь Бяо заняла их как можно скорее. Советскому же командующему в Маньчжурии Родиону Яковлевичу Малиновскому дал команду содействовать китайским коммунистам в установлении контроля над линиями коммуникаций[234].

И тогда Мао предпринял еще одну, третью, атаку на Гоминьдан. В марте 1946 года он отдал приказ Линь Бяо нанести удар по гоминьдановским войскам в Маньчжурии, продвигавшимся к столице провинции Ляонин Чанчуню. И вновь коммунисты одержали победу, после чего заняли крупные города Чанчунь и Харбин, начав превращать Маньчжурию, богатую нефтью, газом и углем, в свою военную базу[235].

Первые боевые успехи и новый курс СССР в Китае окрылили Мао, Дэна и всех остальных членов руководства компартии. В конце апреля 1946 года Мао написал Линь Бяо: «Всё решается победой или поражением на поле сражения; не возлагай никаких надежд на переговоры»[236]. То же самое, только другими словами,

он через два месяца телеграфировал Лю Бочэну и Дэну: «Если мы одержим несколько больших побед после начала войны, мы сможем выторговать мир. Если же число наших побед будет равнозначно количеству наших поражений, мы все равно будем в состоянии выторговать мир. Но если победят они [гоминьдановцы], надежды на мир не будет»[237].

К сожалению для китайских коммунистов, первый год войны, официально начавшейся весной 1946 года, был в целом неудачным для них. Гоминьдановские войска численностью 4 миллиона 300 тысяч человек значительно превосходили их армию, в которой насчитывалось чуть более 1 миллиона 200 тысяч солдат и командиров. В результате после кровопролитных боев коммунисты оставили 105 городов и других населенных пунктов. Чан Кайши повел широкое наступление по всему фронту — от провинции Шэньси на западе до тихоокеанского побережья на востоке. Вел он войну и в Маньчжурии. Американцы, правда, считали действия Чана «сверхамбициозными», предупреждая, что такая военная кампания «ввергнет страну в экономический хаос и в конце концов приведет к поражению Национального правительства», поскольку Чан, растягивая фронт, подставлял свои «линии коммуникаций под удар коммунистических партизан», вынуждая своих солдат «либо отступать, либо сдаваться вместе с вооружением, поставляемым Соединенными Штатами»[238]. Но пока все же проигрывали коммунисты.

Вместе со всеми тяжелые времена переживал и Дэн. Его полевая армия вела напряженную партизанскую войну в соответствии со старым проверенным принципом: «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем», досаждая противнику многочисленными ударами с тыла и флангов. «Может показаться, что мы как-то странно действуем, ведя сейчас боевые действия, — говорил Лю Бочэн. — Мы проскальзываем между протянутыми к нам руками противника, а потом, обхватив его за талию, наносим смертельные удары прямо в его сердце; иначе говоря, мы бьем по его жизненно важным центрам»[239].

Такая тактика приносила определенные успехи, тем более что армия Чан Кайши в моральном плане существенно проигрывала войскам Мао. В отличие от солдат и командиров компартии, гоминьдановцы совсем не горели желанием воевать. Уже давно, задолго до новой гражданской войны, Гоминьдан «растерял динамизм и революционный дух, который когда-то вызвал его к жизни»[240]. И в этом, собственно, заключалась основная беда Чан Кайши: он бросал в бой дивизии и армии, но его генералы часто

стремились избежать сражений, так как не желали рисковать своими подразделениями, рассматривая их прежде всего как источник собственного политического влияния в обществе и обогащения.

Пристально наблюдавший за ситуацией в Китае Трумэн вынужден был заявить членам своего кабинета: «Чан Кайши не удастся победить. Победят коммунисты — они фанатики. [Давать помощь] при такой обстановке, это все равно что сыпать песок в крысиную нору»[241]. Его полностью поддержал госсекретарь Джордж Маршалл: «Он [Чан Кайши] отдает примерно 40 процентов своих вооружений врагу [так как его войска плохо воюют]. Если процент возрастет до 50, он должен будет решать, стоит ли ему вообще вооружать свои войска»[242]. Тем не менее в условиях начавшейся в марте 1946 года холодной войны американцы упорно продолжали поддерживать режим Чан Кайши: до конца 1949 года они предоставят ему кредиты и займы на сумму около двух миллиардов долларов (больше, чем любой стране Западной Европы после Второй мировой войны); кроме того, продадут ему оружие на сумму в один миллиард двести миллионов долларов[243].

С начала марта 1946 года штаб-квартира полевой армии Дэн Сяопина находилась в бывшей столице древнего царства Чжао городе Ханьдане, прижавшемся к восточным отрогам Тайханских гор в южной части провинции Хэбэй. В этом старинном городе с узкими мощеными улицами и буддийскими храмами Дэн и Чжо Линь жили уже вместе со всеми детьми. Они взяли их к себе еще в декабре 1945 года, до переезда в Ханьдань, и тогда Дэн очень радовался этому, а Чжо Линь страшно волновалась. В то время старшая дочь выглядела истощенной, ничего не ела и не говорила, сын страдал поносами, а для младшего, грудного, ребенка у Чжо Линь не было молока. Но всё постепенно наладилось, и к весне 1946 года дети окрепли. Дочь Дэна, Маомао, рассказывает: «Для детей Ханьдань оказался первым большим городом в жизни. Там всё было не так, как в деревне, — новое и непривычное. В доме… в туалете был сливной бачок. Мой старший брат, которому тогда было три года с небольшим [на самом деле — два с небольшим, но китайцы, как мы помним, засчитывают девять месяцев, проведенных в утробе, за год жизни], никогда не видел такой забавы. Он очень удивлялся и целыми днями бегал в уборную, где безостановочно спускал воду». Семьи высших командиров жили рядом, и женщины по очереди готовили еду. Только Чжо Линь не просили стряпать: ее блюда никто не мог есть. «Ну, тут уж ничего не поделаешь, — заключает Маомао. — Мама так за всю свою жизнь и не овладела

мастерством кухарки»[244]. (В отличие, кстати, от Дэна, который научился искусству кулинара во Франции, стряпая попеременно с товарищами, и всю жизнь в свободное время с увлечением готовил сычуаньские блюда и даже пельмени[245].)

Дэн с утра до вечера проводил время на заседаниях, помогал Лю Бочэну разрабатывать планы боевых операций, мобилизовывал коммунистов и руководил осуществлением аграрной реформы, которая с началом гражданской войны крайне радикализировалась. С середины июня 1946 года, следуя постановлению ЦК, принятому в закрытом порядке (только для членов Центрального комитета) 4 мая, Дэн и его кадровые работники стали натравлять бедняков, люмпенов и пауперов на богатых землевладельцев, устраивать деревенские сходы для «сведения счетов» с «эксплуататорами», отнимать землю у тех, кого относили к *дичжу,* и распределять ее в уравнительном порядке[246]. И их не смущало то обстоятельство, что в Тайханском районе, как и вообще на севере Китая, существовало в основном не «помещичье», а крестьянское землевладение: объекты борьбы выбирались произвольно.

Дел было невпроворот, и лишь от случая к случаю Дэну удавалось выкроить время для семьи. Но он так уставал, что ни на общение с говорливой женой, ни на игры с детьми у него уже не хватало сил. С домашними он был немногословен. Но что поделаешь? Чжо Линь приходилось смиряться. «С этими старыми кадровыми работниками совершенно невозможно обсуждать домашние дела, — рассказывала она. — У них нет никакого мнения в этих вопросах. Ну и ладно. Мало-помалу мы притерлись друг к другу, урегулировав наши отношения»[247].

В свободное время в дом Дэна приходил Лю Бочэн с семьей. Его жена Ван Жунхуа была под стать Чжо Линь: такая же энергичная, к тому же — почти ее ровесница: родилась в 1917 году. Разница в возрасте у них с Лю была еще больше, чем у Дэна с Чжо Линь — 25 лет, но это не мешало боевой Ван Жунхуа руководить интеллигентным мужем, от которого она к тому времени родила двух сыновей и дочь (последняя, правда, погибла в июне 1945 года в пятилетнем возрасте от рук японского агента, пробравшегося среди ночи в яньаньский детский дом)[34]. Сидели, как правило, за одним большим столом, пили чай и беседовали. Дети же играли на полу. Во время одного из таких визитов Чжо Линь попросила Дэна дать сыну «взрослое» имя:

— Ну что мы его все время зовем Толстячок? Дэн подумал и сказал:

— Ну, давай назовем его Тайхан. Будет Дэн Тайхан.

Но Чжо Линь не согласилась, поскольку старший сын Лю

Бочэна и Ван Жунхуа, родившийся в 1939 году, уже носил это славное имя.

— Командующий! — обратилась она к Лю Бочэну. — Ты уже присвоил наше имя. Ну будь уж теперь так добр — придумай имя Панпану!

Лю замялся:

— Такими делами должен заниматься политкомиссар. К командующему это не имеет отношения.

Но Дэн возразил:

— Все знают, что Лю и Дэн — неразделимы. Так что давай, придумывай!

И Лю написал на клочке бумаги выражение: «пуши фан-чжэн», означающее «простой и аккуратный», выбрал из него два иероглифа: «пу» и «фан» и сказал:

— Ну вот. Этот ребенок родился просто и аккуратно. Пусть будет Пуфан. Как вам?

Всем очень понравилось. А Чжо Линь сказала Толстячку:

— Ну-ка, быстренько поблагодари дядю Бобо [так их дети звали Лю Бочэна].

Услышавший это сын Лю Бочэна Тайхан подошел к Толстячку и наклонил его голову перед своим отцом. Все рассмеялись[248].

Вот так они проводили свободное время.

А между тем война продолжалась. После фронтального наступления 1946 года, осуществленного Чан Кайши против всех «освобожденных» районов, весной 1947-го гоминьдановцы сконцентрировали удар на двух направлениях: против Яньани на северо-западе и баз коммунистов в Шаньдуне на северо-востоке. 12 марта авиация Чана нанесла бомбовый удар по Яньани и через несколько дней захватила ее. Мао вынужден был покинуть город и вплоть до 1948 года водил порядком измотавшиеся части яньаньского гарнизона и приданные ему воинские формирования по горным дорогам северной Шэньси.

Начали терпеть поражения и коммунистические войска в Шаньдуне, во главе которых стоял знакомый нам еще по французскому периоду жизни Дэна Чэнь И. Тогда Мао привел в исполнение блестящий план: войска Лю и Дэна, временно оказавшиеся не у дел, направил прямо между «клешнями» противника для глубокого прорыва на юг, через Хуанхэ, в тыл самого Чан Кайши, и создания там, в высокогорном районе Дабе на Центральной равнине, новой опорной базы. Этот отвлекающий маневр должен был вынудить Чан Кайши снять ряд воинских частей с северо-западного и северо-восточного фронтов для защиты крупных городов Центральной равнины: Ухани, Цзюцзяна, Наньчана, Шанхая и самой столицы Нанкина. Тем

самым стратегические планы генералиссимуса оказались бы сорваны.

Основные контуры операции Мао стал продумывать еще летом 1946 года и тогда же поинтересовался мнением на этот счет Лю Бочэна и Дэна. Те, конечно, горячо поддержали Председателя. По словам Дэна, «стратегическое положение Центральной равнины было чрезвычайно важным… [Равнина представляла собой] своего рода большие ворота, которые вели в расположение врага», а горы Дабе — «калитку рядом с этими большими воротами»[249]. Лю и Дэн в один голос заверили Председателя, что смогут двинуть на юг от 45 до 50 тысяч солдат и завершить «малый Великий поход» за десять дней. Мао ответил, что надо всё хорошо продумать и подготовиться, после чего вернуться к вопросу[250].

И действительно вновь поднял этот вопрос в середине мая 1947 года, когда ситуация на фронтах сложилась крайне тяжелая[251]. 15 мая по его решению было образовано Бюро ЦК по Центральной равнине, секретарем которого Мао назначил Дэна[252], а в самом конце июня войска Лю Бочэна и Дэна действительно пересекли Хуанхэ. Накануне переправы, которую справедливо можно назвать «наиболее блестящей военной операцией гражданской войны»[253], Дэн обратился к солдатам со страстной речью: «Мы должны перенести военные действия в районы, находящиеся под контролем Чан Кайши; нельзя допустить того, чтобы враг крушил и рушил всё и вся у нас дома… Наш район, куда входят провинции Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань, напоминает своими очертаниями на карте коромысло, на концах которого мы несем две ноши, два великих сражения — в северной Шэньси и в провинции Шаньдун. Мы обязаны со всей решительностью осуществить стратегический курс ЦК партии, председателя Мао Цзэдуна… нам надо оттянуть на себя противника из северной Шэньси и из провинции Шаньдун. Чем тяжелее станет наша собственная ноша, тем более благоприятно это будет с точки зрения обстановки в целом»[254].

Операция, положившая начало новому этапу в войне — контрнаступлению войск китайской компартии[255], получивших в конце марта 1947 года новое название — Народно-освободительная армия Китая (НОАК), завершилась за одну ночь. Десятки тысяч бойцов и командиров на фронте протяженностью в 150 километров переправились через реку и развернули операции к югу от нее. Теперь армия Лю и Дэна готова была двинуться дальше — к горам Дабе. Соответствующий приказ от Мао армия получила в конце июля[256] и 7 августа двинулась в путь. Пройти ей предстояло более тысячи ли.

Это был поистине беспримерный марш-бросок. Дело в том, что идти надо было через трясину. К югу от Хуанхэ на многие километры тянулось топкое болото, образовавшееся в результате наводнения великой реки. Тяжелую технику пришлось взорвать: ни автомашины, ни артиллерийские установки нельзя было протащить. Но главное препятствие ожидало бойцов впереди. Путь в горы им преграждала еще одна широкая река — Хуайхэ, которая делит Китай на две части: Северный и Южный. Перейти ее вброд было нельзя, а никаких плавучих средств у солдат не имелось. Люди стали роптать, но неожиданно на рассвете 27 августа уровень воды в реке стал понижаться. Это было поистине чудо! Лю дал приказ начать переправу, и люди с замиранием сердца вошли в воду. Перейдя же реку и оказавшись на другом берегу, все просто остолбенели: вода начала стремительно подниматься!

Ну как тут не вспомнить: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону… И сказал Господь Моисею: простри руку твою на море… И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась в свое место»[257].

Кто играл роль Моисея в нашем случае — Лю Бочэн или Дэн, сказать трудно, но то, что Небо определенно благоволило к китайским коммунистам, — точно. Даже атеист Дэн признал: «При переправе через Хуайхэ нам очень помог Небесный Владыка»[258].

В общем, двадцатидневный поход был завершен, войска вышли в район гор Дабе, и 27 августа Дэн поспешил доложить Председателю и ЦК о выполнении «исторической задачи». Теперь он рассчитывал за «полгода с небольшим» создать на новом месте стабильный «освобожденный» район. Залогом успеха он полагал «мудрое руководство со стороны Центрального комитета и Председателя Мао»[259].

Однако Лю Бочэна, Дэна и их бойцов ожидали новые проблемы. Дэн вспоминал: «Северянам на юге оказалось совсем не легко. Когда мы пересекли Хуайхэ, у многих начался понос»[260]. Уроженцы севера не могли привыкнуть к южнокитайской кухне: они предпочитали рису лапшу, и их желудки не усваивали острую пищу. Кроме того, северяне не понимали диалекта, на котором говорили окрестные жители, не знали их обычаев и нравов, плохо ориентировались на незнакомой местности. К тому же в первые месяцы Дэн развернул на новых территориях левацкую аграрную реформу, которая коренным образом подорвала доверие

населения к пришельцам.

Разумеется, Дэн строго следовал партийной линии, которая осенью 1947 года еще более радикализировалась. 13 сентября Всекитайская земельная конференция, созванная коммунистами в хэбэйской деревушке Сибайпо у восточных отрогов Тайханских гор, в 560 ли к юго-западу от Бэйпина, приняла «Основные положения Земельного закона Китая», в которых провозглашалось: «Малые земельные участки компенсируются за счет больших, а худшие — за счет лучших»[261]. Иными словами, коммунисты теперь не только экспроприировали землю у тех, кого считали *дичжу,* а вернулись к старой формуле Мао: «Взять у тех, у кого много, и дать тем, у кого мало; взять у тех, у кого земля жирная, и дать тем, у кого земля скудная».

Объяснялся такой «зигзаг» тем, что с началом новой гражданской войны выдвижение лозунга «Долой Чан Кайши!» по инерции воспринималось в партии как «возвращение к политическим лозунгам и политической практике „советского движения“»[262]. У многих закружились головы, и даже обычно трезвомысливший Лю Шаоци стал проявлять нетерпение при решении социальных вопросов. Ведь именно он подготовил закрытое постановление ЦК от 4 мая 1946 года и он же руководил Всекитайской земельной конференцией.

Однако вскоре Мао стал ощущать, что левацкая аграрная реформа вошла в противоречие с тактическим курсом на «новую демократию». В начале декабря 1947 года он решил посоветоваться со своим окружением, и некоторые члены ЦК высказали сомнение в правильности проводившейся политики[263]. Сам Лю Шаоци начал понимать ошибочность курса[264].

Четырнадцатого января 1948 года Мао вовлек в дискуссию и Дэна, единственного среди партийных руководителей, занимавшегося строительством военной базы на новой, только что завоеванной территории. Местное население последний раз видело коммунистических партизан много лет назад[35], а потому особенно болезненно реагировало на перегибы в аграрной политике коммунистов. Мао отправил Дэну список из шести вопросов на предмет, всё ли правильно в аграрной реформе. Главный вопрос звучал так: «Надо ли в новых освобожденных районах распределять землю уравнительно или же пока не трогать *фунун,* а также слабых и мелких *дичжу?*»[265]

В первый раз Председатель решил посоветоваться с Дэном по социально-экономическим проблемам, и тот не сразу сориентировался. 22 января он написал Мао: «Если в аграрной реформе не трогать *фунун,* нельзя будет удовлетворить требования бедняков и батраков». Правда, тут же оговорился, что

его войска в горах Дабе отбирают землю и имущество *дичжу* и *фунун* только на территории стабильной опорной базы, где проживает примерно шесть миллионов человек. В других же местах, то есть там, где ведется партизанская война и где живут еще шесть миллионов, они «временно не трогают ни мелких *дичжу,* ни *фунун*»[266].

Мао ответ не удовлетворил. «Стратегия борьбы и формы организации в новых районах, созданных после начала контрнаступления, должны соответствующим образом отличаться от того, что мы имеем в старых районах, созданных до капитуляции Японии, и от того, что мы имеем в полустарых районах, созданных между капитуляцией Японии и контрнаступлением», — написал он Дэну 6 февраля[267]. Только тогда Дэну стало все ясно, и он, уже не рассуждая, поспешил согласиться: «Мы временно не будем отбирать имущество *фунун*… И можем оставить жить *дичжу,* особенно мелких, уничтожать их под корень не следует»[268].

Председатель оценил быстроту реакции Дэн Сяопина и 17 февраля на обороте его последней радиограммы написал: «Опыт [борьбы в] горах Дабе, описанный Сяопином, исключительно богат, надеюсь, его используют во всех войсках»[269].

После этого, в конце апреля 1948 года, выступая на одном из собраний, Дэн впервые подверг левацкую линию в аграрной реформе резкой критике: «Мы наблюдаем проявление „левой“ тенденции в вопросе о дифференциации классов в аграрной реформе, когда богатых крестьян — *фунун* третируют как *дичжу,* а на середняков нападают»[270]. В начале июня от имени Бюро ЦК по Центральной равнине он специально по поводу аграрной реформы набросал директиву, которую высоко оценил Мао. Вот что Дэн, в частности, признал: «Мы виноваты в том, что… настроили массы против себя… Придя в новые освобожденные районы, мы не… изучили обстановку, просто решили завершить аграрную реформу за шесть месяцев… В большинстве случаев земля распределялась неправильно… Веря, что мы можем решить все проблемы с помощью винтовки и земельной реформы, мы совершали грубые „левацкие“ ошибки… Мы… избивали людей, арестовывали и казнили без разбора… Из-за наших ошибок… наибольший урон понесли середняки… Мы даже нанесли вред беднякам… Общественный порядок был дестабилизирован, воцарилась анархия, это существенным образом подорвало экономику, приведя в итоге к ее параличу… Многие люди потеряли средства к существованию… Как в городах, так и в деревнях мы серьезно повредили все общественные здания, фабрики, мастерские, школы, культурные учреждения и храмы, а

также порушили дома и мебель и срубили деревья, находившиеся в собственности *дичжу* и *фунун*. Наибольшая вина лежит на наших войсках, именно они вызывают сильную неприязнь населения. Люди говорят: „Коммунистическая партия умеет хорошо воевать, но не может заниматься политикой!“ К настоящему времени лишь немногие руководящие товарищи глубоко осознали, что аграрный социализм такого рода — деструктивен, реакционен и ужасен; он наносит неизмеримый вред интересам народа, подрывая политическое влияние партии»[271]. Знаменательные признания, не правда ли?

Двадцать восьмого июня Председатель добавил к тексту Дэна только два абзаца, в которых все же похвалил его войска за то, что те «отвлекли на себя большое число войск врага, чем полностью сорвали его контрреволюционный план перенести войну в освобожденные районы». «Если… мы забудем о наших достижениях… это будет совершенно неправильно и равносильно правооппортунистической точке зрения», — подчеркнул он. После чего направил этот документ уже от имени ЦК всем бюро и подбюро Центрального комитета, а также фронтовым комитетам[272].

Между тем положение Гоминьдана в 1948 году стало критическим. И не только потому, что войска Лю и Дэна действительно в военно-оперативном плане сыграли свою роль. Гоминьдановская армия и без того начала стремительно отступать, и Чан Кайши оказался бессилен выправить положение. Госсекретарь США Дин Ачесон, сменивший Маршалла в начале января 1949 года, констатировал: «Долгая борьба серьезно ослабила китайское правительство не только в военном и экономическом, но и в политическом и моральном отношениях… [Еще в годы войны с Японией] они [гоминьдановцы]… утонули в коррупции, борьбе за места и власть, оказавшись в зависимости от Соединенных Штатов, которые за них должны были выиграть войну и обезопасить их режим… Массы китайского народа [уже тогда] все больше и больше теряли доверие к правительству… [1947-й — первая половина 1948 года] показали, что их [гоминьдановцев] кажущаяся сила была иллюзорной, а их победы — построены на песке»[273].

Остро давала себя знать и неспособность гоминьдановского правительства стимулировать экономическое развитие. В 1946 году в стране началась инфляция[274]. Резко усилилось забастовочное движение: в одном Шанхае в 1946 году произошло 1716 стачек. Весной 1948 года правительство вынуждено было ввести карточки на продовольствие во всех крупных городах и, чтобы как-то увеличить запасы зерна, ввело принудительные

закупки его по заниженным ценам[275]. Однако это последнее мероприятие оттолкнуло от Гоминьдана его естественного союзника — зажиточного крестьянина.

В общем, войска Чан Кайши «утратили волю к победе, а его правительство — поддержку народа», — сделал вывод Ачесон, подчеркнув, что «коммунисты, напротив, благодаря безжалостной дисциплине и фанатичной вере смогли представить себя защитниками и освободителями народа. Националистические армии [никому] не нужно было побеждать; они [сами] развалились. История вновь и вновь доказывает, что режим без веры в себя и армия без морального духа не могут выдержать испытание сражением»[276].

Двадцать пятого апреля 1948 года коммунисты вновь взяли Яньань. К июню того же года армия Гоминьдана сократилась до 3 миллионов 650 тысяч человек, в то время как вооруженные силы компартии возросли до 2 миллионов 800 тысяч[277].

К тому времени, в конце февраля 1948 года, Дэн вместе с армией уже покинул горы Дабе. Он выполнил свою задачу, а потому мог отойти к северу от Хуайхэ. Теперь Народно-освободительная армия Китая готовилась начать широкомасштабное наступление на войска Чан Кайши.

К осени 1948 года дало себя знать и изменение аграрной политики компартии. «Новая демократия» повсеместно вызывала симпатию и поддержку населения. Разочаровавшиеся в Гоминьдане зажиточные крестьяне с удовлетворением воспринимали отказ коммунистов от левизны в аграрном вопросе. В итоге компартия смогла объединить вокруг себя различные политические силы. И именно это имело решающее значение.

С 8 по 13 сентября 1948 года Дэн принял участие в расширенном заседании Политбюро. Проходило оно в деревне Сибайпо, которая после прихода туда в мае того же года отрядов Мао Цзэдуна стала новой столицей коммунистического Китая. Заседание поставило перед партией и Народно-освободительной армией задачу в течение примерно трех лет в основном разгромить гоминьдановский режим[278].

После этого с сентября 1948-го по январь 1949 года коммунистические войска провели три крупнейшие стратегические операции. Одну — в Маньчжурии, другую — в Восточном Китае и третью — в районе Бэйпин — Тяньцинь. В результате было уничтожено более полутора миллионов солдат и офицеров противника, взяты несколько больших городов, в том числе сам Бэйпин.

Что касается Дэна, то он вместе с Лю Бочэном и Чэнь И

(командующим и политкомиссаром полевой армии Восточного Китая) активно участвовал в планировании и осуществлении второй операции, проведенной в ноябре 1948-го — январе 1949 года. Операция называлась Хуайхайской — по реке Хуайхэ и городу Хайчжоу на берегу Желтого моря, между которыми она осуществлялась. Накануне сражения Военный совет ЦК постановил образовать Генеральный фронтовой комитет для объединения командования фронтом. В него вошли пять человек: Дэн, Лю Бочэн, Чэнь И, а также заместители последнего Су Юй и Тань Чжэньлинь. Секретарем комитета стал Дэн[279].

Основные решения принимала тройка: Дэн, Лю и Чэнь. Они хорошо ладили, так как давно знали друг друга. К тому же все трое были сычуаньцами, говорили на одном диалекте, любили шумные застолья и шутки, но когда дело доходило до серьезных вещей, проявляли решимость и волю. Только внешне они не походили друг на друга: долговязый Лю Бочэн, массивный Чэнь И и коротышка Дэн.

Последний, впрочем, играл в триумвирате главную роль. И в войсках это хорошо понимали. Все знали, что сам Мао, назначив Дэна секретарем фронтового комитета, объявил: «Я передаю тебе право командования»[280]. Большинство бойцов и командиров с уважением относились ко всем членам тройки, но боялись именно Дэна. Ведь тот при поддержке Председателя сосредоточил в руках громадную власть и, пользуясь этим, стал проявлять по отношению ко всем подчиненным — и на фронте, и в тылу — исключительную требовательность, а к нарушителям дисциплины — беспощадность. К тому же зарекомендовал себя не только сильным партийным организатором, но и неплохим военным стратегом. Долгое время общаясь с Лю Бочэном, он научился довольно хорошо разбираться в тонкостях военной науки. По всем оперативным вопросам штабные работники обращались прежде всего к нему и следовали его указаниям[281].

Победа в Хуайхайском сражении предопределила крах гоминьдановского режима. В марте 1949 года Дэн участвовал в работе 2-го пленума ЦК Компартии Китая все в той же деревушке Сибайпо, куда прибыл на этот раз вместе с Чэнь И и Тань Чжэньлинем (Лю Бочэн и Су Юй остались на фронте). На этом пленуме Мао, предвкушая триумф революции, по существу обосновал курс на уничтожение национальной буржуазии как класса[282]. Дэна это не смутило. Он настолько верил в Председателя, что готов был поддержать любую его политику: хоть левую, хоть правую. А Мао в то время действительно бросало из стороны в сторону. Еще в сентябре 1948 года, за полгода до 2-го пленума, участвуя в расширенном заседании Политбюро, Дэн

не мог не обратить внимания на то, что Председатель, сам только что выступавший против излишней левизны в аграрном вопросе, объявил, что в период «новой демократии» социалистический сектор станет ведущим в народном хозяйстве, поскольку бюрократический капитал, а равно и не принадлежавшие бюрократическому капиталу крупные промышленные, торговые и банковские предприятия перейдут после революции в собственность государства. В этой связи, сказал он, «мы должны говорить о социалистическом характере [экономики], несмотря на то что [она]… в целом будет еще новодемократической»[283]. Мао явно стремился выйти за ограниченные рамки «новой демократии», и только Лю Шаоци, допускавший недавно левацкие ошибки в аграрном вопросе, но теперь изживший их, попытался тогда осторожно напомнить ему и всем собравшимся, что компартии все же «нельзя проводить социалистическую политику раньше времени»[284]. Все остальные, в том числе Дэн, промолчали.

И не случайно. Ведь в результате кампании исправления стиля 1942–1945 годов *(чжэнфэна)* китайская компартия превратилась в партию вождистского типа, ничем не отличавшуюся от сталинской ВКП(б). И Дэн, прошедший долгий путь партийного бюрократа, всей душой поддерживал эту метаморфозу. Он был уверен: «Если партия не сплочена, она неминуемо развалится… Все товарищи в партии должны жертвовать собственным „я“ ради сплочения… Председатель Мао дает нам правильные указания, но если мы допустим либерализм и будем то и дело выступать против них, мы потерпим поражение… [Нам надо] достичь полного идеологического и организационного единства партии»[285].

На 2-м пленуме обсуждались также вопросы, связанные с дальнейшим продвижением Народно-освободительной армии Китая на юг и форсированием Янцзы. Последняя задача возлагалась на армии Лю Бочэна — Дэн Сяопина и Чэнь И, которые 15 января 1949 года получили новые наименования: 2-я и 3-я полевые армии. (Тогда же были переименованы и другие войска компартии: армия Северо-Запада под командованием Пэн Дэхуая стала 1-й полевой, а армия Северо-Востока во главе с Линь Бяо — 4-й[286].)

После пленума состоялось совещание Секретариата, на котором Мао первым дал слово Дэну. По просьбе Председателя тот представил кандидатуры на руководящие посты в новой региональной военно-партийной администрации, которую коммунисты собирались организовать после казавшейся близкой победы. «Дэн Сяопин достал список и по ходу его оглашения давал свои пояснения», — пишет его дочь Маомао. В состав

Восточно-Китайского бюро «должны были войти Дэн Сяопин, Лю Бочэн, Чэнь И и другие… первым секретарем должен был стать Дэн Сяопин… Восточный Китай должен был охватывать такие территории, как провинции Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси. В регионе Восточного Китая в общей сложности дислоцировалась армия численностью в два миллиона человек [из четырех миллионов, насчитывавшихся тогда в Народно-освободительной армии]. Мэром Шанхая должен был стать Чэнь И. Мэром Нанкина… Лю Бочэн… Мао Цзэдун весьма одобрительно отозвался о детальном и всестороннем докладе Дэн Сяопина. Он сказал: „Персональное распределение обязанностей в настоящее время пусть будет именно таким; если в будущем возникнет необходимость в изменениях, вернемся к этому вопросу“»[287].

Тридцать первого марта Дэн набросал план военной операции по форсированию реки Янцзы с дальнейшим выходом к городам Нанкин, Шанхай и Ханчжоу. 1 апреля он отправил его в Военный совет ЦК компартии, который утвердил его через два дня. А в ночь на 20 апреля 2-я и 3-я полевые армии на фронте шириной в 500 километров пересекли великую реку, достигавшую в ширину почти 1400 метров. «Мощного сопротивления мы нигде не встретили, — докладывал Дэн. — …В течение двадцати четырех часов через реку переправились почти триста тысяч человек, вызвав хаос в войсках противника. Стремясь только к одному — прорвать кольцо окружения, они [гоминьдановцы] побежали на юг. Народно-освободительная армия немедленно устремилась за ними, поведя широкое фронтальное наступление, в ходе которого 23 апреля взяла Нанкин»[288].

Мао мог торжествовать. Гордый от сознания свершенного, он сложил стихи, посвященные подвигу армий Лю — Дэна и Чэнь И:

> Над Чжуншанем — гроза: сине-желтые всполохи молний[36],
> Миллионы бойцов переходят великий Чанцзян[37].
> Затаившийся тигр и дракон[38] продержались недолго.
> Всё пошло кувырком, и весь мир улыбается нам!
>
> Так добейте ж врага! Догоните его! Мы не можем
> Покупать себе имя, как сделал когда-то баван[39].
> Благородному Небу никто никогда не поможет,
> Мы несемся вперед, и наш путь безошибочно прям[289].

Гоминьдановское правительство переехало в Кантон, а Чан

Кайши взял на себя оборону Шанхая. Однако в мае 1949 года 2-я и 3-я полевые армии атаковали шанхайские твердыни и, разгромив 200-тысячную вражескую группировку в течение недели, 27 мая овладели этим мегаполисом. За три недели до того пала столица Чжэцзяна город Ханчжоу.

Никто и ничто уже не могло спасти Гоминьдан. Войска Народно-освободительной армии устремились на юг мощным потоком. В начале сентября гоминьдановское правительство вновь, как и во время антияпонской войны, перебралось в Чунцин.

Подобно всем коммунистам, Дэн испытывал в те героические дни ни с чем не сравнимый радостный подъем. Он ощущал себя победителем. Вкус победы пьянил его. Въехав в Нанкин 27 апреля, он вместе с Чэнь И посетил дворец Чан Кайши и не мог удержаться от соблазна, чтобы не посидеть в его президентском кресле. «Да уж, надо было посидеть!» — весело рассказывал он дочери[290].

В начале мая к нему в Нанкин переехала Чжо Линь с детьми, а затем они все вместе перебрались в Шанхай, где поселились в одном доме с Чэнь И и его семьей (у нового мэра тоже были жена и трое детей). В тот же дом Дэн вскоре перенес и прах своей первой жены, Чжан Сиюань. Ему и Чжо Линь стоило больших трудов разыскать ее могилу, так как во время японской оккупации кладбище, где она находилась, оказалось разрушенным. Прах поместили в урне на первом этаже дома. Дэн, очевидно, собирался перезахоронить его. Но забегая вперед скажем, что ему так и не удалось выкроить на это время и в конце концов он попросту забыл о нем. И даже не вспомнил, когда покидал Шанхай. И только в 1990 году, будучи уже 86-летним стариком, Дэн, вновь посетив Шанхай и вдруг вспомнив о прахе, спросил одного из местных партийных работников, что с ним стало. Ему тогда пришло в голову предать его наконец земле — на кладбище революционных героев в Пекине. Но шанхайский чиновник с радостью сообщил ему, что «бесхозный» прах давно уже захоронен на аналогичном кладбище в Шанхае. И вечером того же дня принес фотографию могилы. А спустя еще несколько дней, очевидно, по просьбе Дэна, сопровождавшие его в поездке дочь Маомао и секретарь Ван Жуйлинь возложили к могиле Чжан букет цветов. Сам же Дэн на кладбище не поехал[291].

Летом же 1949 года, едва обосновавшись в Шанхае, Дэн Сяопин получил приказ Мао прибыть в Бэйпин для доклада. В середине июля на маоцзэдуновской вилле Шуанцин в живописных горах Сяншань (Ароматные горы) к северо-западу от Бэйпина он дважды беседовал с Председателем, после чего представил отчет Центральному комитету. Из Бэйпина Дэн отправил письмо

членам Восточно-Китайского бюро ЦК, сообщив важные новости: «Председатель Мао, говоря о войне, подчеркнул, что необходимо быстро захватить провинции Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Сикан [Восточный Тибет], Цинхай и Нинся, а также стремиться как можно скорее оккупировать прибрежные острова и Тайвань… В то же время чем скорее мы в нашей внешней политике начнем склоняться в одну сторону [то есть к СССР], тем будет лучше для нас… В нашей же внутренней политике мы должны подчеркивать, что решительно опираемся на собственные силы»[292].

Четвертого августа Дэн выступил перед участниками подготовительной конференции Политического консультативного совета Китая — высшего органа единого фронта, контролировавшегося коммунистами. Он рассказал о завершении Нанкин — Шанхай — Ханчжоуской операции. «С политической точки зрения, — сделал он вывод, — наши победы означают конец реакционного нанкинского правительства»[293]. После этого вернулся уже не в Шанхай, а в Нанкин, где расположились руководимые им Восточно-Китайское бюро ЦК и штаб 2-й полевой армии.

Однако в конце сентября Дэн вновь приехал в Бэйпин, которому накануне были возвращены его прежнее название Пекин и статус столицы страны. На этот раз — в отпуск, отдохнуть и поправить здоровье, так как в последнее время его стали мучить сильные головные боли, по-видимому, от переутомления[294]. В то время в Пекине как раз шла сессия Народного политического консультативного совета, на которой 30 сентября его избрали членом Центрального народного правительства (ЦНП). Председателем правительства стал Мао, а его главными заместителями — Лю Шаоци, Чжу Дэ и вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, фанатично преданная компартии. (Документ об образовании правительства был официально утвержден на его первом заседании на следующий день[295].)

Здесь, в Пекине, на центральной площади Тяньаньмэнь, 1 октября 1949 года вместе с Лю Бочэном и другими товарищами по совместной борьбе Дэн участвовал в торжествах, посвященных образованию Китайской Народной Республики. Он стоял под сводами дворцовой башни, возвышающейся над входом в императорский Запретный город, невдалеке от Мао, и с жадностью ловил каждое слово Председателя, провозгласившего: «Сегодня было образовано Центральное народное правительство Китайской Народной Республики»[296]. Из репродукторов неслась героическая песня «Марш добровольцев», ставшая гимном новой страны, и Мао, не торопясь, поднимал по флагштоку красное

знамя с пятью желтыми звездами, расположенными в левом верхнем углу полотнища. Центральная большая звезда символизировала компартию, а обрамлявшие ее полукругом с правой стороны мелкие звезды — четыре основных класса «новодемократического» Китая: рабочих, крестьян, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию. Площадь, битком заполненная народом, неистовствовала. А над ней грохотали залпы артиллерийских орудий: 28 выстрелов — в ознаменование двадцати восьми лет борьбы Коммунистической партии Китая.

Революция победила в большей части страны. И Дэн был одним из тех, кто внес решающий вклад в эту победу.

Часть третья

В ТИСКАХ УТОПИИ

ГЛАВА ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА

Проведя три недели в Пекине, Дэн и Лю Бочэн 21 октября отправились назад, в свои войска. 2-й армии предстоял новый поход — на этот раз на юго-запад Китая, на родину и Дэна, и Лю, — в Сычуань. Эту наиболее населенную провинцию обороняло несколько сот тысяч гоминьдановцев, решивших дать бой — последний и решительный — коммунистам. Помимо Сычуани 2-й армии предстояло покорить и другие районы юго-запада: Гуйчжоу, Гуанси, Юньнань, Сикан и Тибетское государство. Последнее, правда, еще в июле 1913 года, после падения цинской монархии, провозгласило независимость от Китая, в составе которого формально находилось до того, но, во-первых, ни одна страна в мире не признала этого, а во-вторых, Компартия Китая еще на своем II съезде в июле 1922 года постановила, что одной из главных задач считает «воссоединение Монголии, Тибета и Туркестана [Синьцзяна] в составе объединенной Китайской Республики, основанной на принципах федерации»[1].

Основные контуры предстоявшей операции Военный совет ЦК обрисовал в конце мая 1949 года, за несколько дней до падения Шанхая. А в середине июля на вилле Шуанцин Мао, как мы помним, лично обсудил операцию с Дэном. 1 августа ЦК принял решение образовать Юго-Западное бюро Центрального комитета, назначив Дэна его первым секретарем, Лю Бочэна — вторым, а Хэ Луна, бывшего командира 120-й дивизии 18-й армейской группы, — третьим[40]. Войскам Хэ предписывалось вступить в Сычуань с севера, из провинций Шэньси и Ганьсу. Детальная разработка плана и его согласование заняли почти три месяца[2].

И вот, наконец, 22 октября 2-я армия выступила в поход, а уже через месяц Чан Кайши бежал из Чунцина в Чэнду. В самом конце ноября Чунцин пал, а еще через неделю, 8 декабря, Дэн въехал в него как победитель, в ореоле славы. И вряд ли кто-либо из толпившихся на улицах горожан мог узнать в нынешнем властном и волевом командире прежнего выпускника местной подготовительной школы, застенчивого шестнадцатилетнего юнца, отправившегося когда-то из этого города в далекую Францию. Что и говорить: красивое возвращение домой после двадцати девяти лет скитаний!

Вместе с ним в Чунцин приехала и Чжо Линь с детьми. «Они [Дэн и Лю Бочэн] не собирались брать с собой свои семьи, когда выступали в поход на юго-запад, — вспоминала она. — …Но я сказала [Дэну]: „Вы все время 'теряете' нас, не обращаете на нас

внимания, так не годится! На этот раз я обязательно поеду с тобой, я член компартии. Ты можешь отрубить мне голову, но я все равно поеду с тобой“. [После этого] ему ничего не оставалось, как позволить нам сопровождать его»[3]. Спорить с Чжо Линь было бесполезно. Она поехала, даже несмотря на то что находилась почти на седьмом месяце беременности! Если уж ей чего-то хотелось, она добивалась этого любой ценой. Такой уж был у нее характер!

Жена Лю Бочэна тоже не пожелала оставаться в тылу и вместе с Чжо Линь и всеми детьми (а их уже в двух семьях насчитывалось семеро: трое у Дэна и Чжо и уже четверо у Лю Бочэна и Ван Жунхуа) отправилась за наступавшими войсками. Ехали на двух американских джипах по тряской пыльной дороге. Дети капризничали и то и дело хотели «пипи». «Ну мальчики — ладно, они могли писать прямо на ходу из машины, а вот как было быть с девочками? — рассказывала Чжо Линь. — В каком-то храме нашли горшок, и только так девочки могли оправляться»[4].

Между тем 2-я армия при поддержке войск Хэ Луна, а также частей 4-й армии окружила Чэнду, и уже 10 декабря Чан Кайши вынужден был улететь из этого города на Тайвань. Туда же отправились и другие члены гоминьдановского правительства. Кровавая битва за материковый Китай была ими проиграна, однако воля Чана и его ближайших соратников осталась несломленной. Они улетели на остров Тайвань, чтобы продолжать борьбу с коммунизмом.

А тем временем 27 декабря Чэнду пал, и война в Китае подошла к концу. Почти все провинции оказались заняты коммунистами. Оставалось захватить только Сикан, остров Хайнань и некоторые другие прибрежные острова, а также Тибет и Тайвань. Но судьбу последнего решили американцы, в конце июня 1950 года направившие в Тайваньский пролив свой 7-й флот. Сделали они это в связи с началом коммунистической экспансии в Корее. (Одновременно США направили свои войска и в саму Корею — с санкции Совета Безопасности ООН, в составе международных вооруженных сил по отпору инициированной Сталиным агрессии просоветской Корейской Народно-Демократической Республики против проамериканской Республики Корея.) 7-й флот надежно блокировал пролив, не дал готовившимся к переправе войскам 3-й полевой армии форсировать его. Только это и спасло Чан Кайши, начавшего затем с помощью США превращать свой остров в антикоммунистический бастион.

В Тибете же американцы были бессильны. Трумэн не мог действовать там столь же решительно, как на Тайване или в

Корее, поскольку не только Мао, но и Чан Кайши считал Тибетское государство частью Китая, и делегация Чана в Совете Безопасности ООН[41] несомненно применила бы право вето на использование международных вооруженных сил в поддержку независимости Тибета. Позже тогдашний правитель Тибета Далай-лама признавал: «Тибетцы, по-моему, безосновательно слишком многого ждали от Америки… Ну а [если бы Чан Кайши] выступил в поддержку тибетской независимости, [то он и его политическая партия] в глазах миллионов китайцев [выглядели бы] национальными предателями»[5].

Что же касается европейских держав, то здесь, в Тибете, с начала XX века «первую скрипку» играла Англия, но 6 января 1950 года ее левое, лейбористское, правительство признало Китайскую Народную Республику. На путь признания КНР встали тогда и бывшие английские колонии Индия и Пакистан, не желавшие конфликтовать с коммунистическим Китаем. В результате руки у Мао оказались развязаны. «Сейчас после того, как Англия, Индия и Пакистан признали нас, создалась благоприятная обстановка для вступления в Тибет», — телефонировал он 10 января 1950 года Дэну, Лю Бочэну и Хэ Луну из Москвы, где вел переговоры со Сталиным о заключении «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи». Именно им он и поручил «освобождение» Тибета[6].

Вождь Китайской Народной Республики, правда, не желал выглядеть слишком агрессивным. Ведь Далай-лама как глава буддийской церкви пользовался уважением многих людей в Китае, да и вообще в мире. А потому, исходя из формальных принципов «новой демократии» и единого фронта, Мао настаивал на присоединии Тибета именно мирными средствами. Силу же разрешал применять только как дополнительный аргумент — в случае, если правительство Далай-ламы не пойдет на переговоры. Еще в конце ноября 1949 года он выразил мысль, что Тибет не следует присоединять слишком скоро. «Разрешение вопроса об освобождении Тибета надо отложить до осени или зимы следующего года», — заявил он[7]. И эту позицию не изменил и после побед на дипломатическом фронте.

По его приказу войска Лю и Дэна к концу марта 1950 года завершили начатое еще в декабре 1949-го «освобождение» только восточной части провинции Сикан, расположенной между Сычуанью и Тибетом, остановившись на левом берегу реки Цзиньшацзян (так в этих местах называют Янцзы). На какое-то время эта водная гладь стала границей между государством Далай-ламы и Китайской Народной Республикой. Немногочисленные и плохо вооруженные тибетские войска,

насчитывавшие около десяти тысяч человек, дислоцировались на ее правом берегу, в западной части Сикана.

Мао и Чжоу Эньлай, занимавший после образования КНР пост премьера Государственного административного совета (высшего исполнительного органа власти), в течение нескольких последующих месяцев вели переговоры с тибетским правительством. (Их специальные представители встречались с посланцами Далай-ламы в Нью-Дели.) Но когда стало ясно, что переговоры ни к чему не приведут, Мао отдал Дэну и Лю приказ начать вторжение.

Седьмого октября 1950 года одна из частей 2-й полевой армии численностью в 40 тысяч солдат и командиров перешла Цзиньшацзян. Их цель, однако, заключалась не в том, чтобы взять столицу Тибета Лхасу, а в том, чтобы разгромить тибетскую армию. Что им легко и удалось: через две недели кровопролитных боев тибетская армия практически перестала существовать. Более 5700 тибетских воинов погибли[8]. После этого за дело опять взялись дипломаты. Что же касается Народно-освободительной армии Китая, то она приостановила наступление за 200 километров от Лхасы, занявшись пропагандистской работой среди пленных тибетских военнослужащих. Им прочитали лекции о социализме и врагах-иностранцах «с длинными носами, круглыми голубыми глазами и светлой кожей», которые «сидели на их шеях и не давали им объединиться с родиной»[42], а потом отпустили домой, дав даже денег на дорогу. С местным населением китайцы тоже обходились весьма предупредительно, пытаясь завоевать их симпатии. За всё, что брали у крестьян и горожан, платили, никого не грабили, ремонтировали дороги и не оскверняли монастыри. «Китайцы были очень дисциплинированны, — признавал Далай-лама. — …Они всё хорошо спланировали»[9].

Тибетское правительство тщетно пыталось привлечь внимание мирового сообщества к агрессии, посылая обращения в ООН, США, Англию и Индию. В Организации Объединенных Наций интересы Тибета, не являвшегося ее членом, защищала делегация Сальвадора, однако ее демарш блокировали представители Великобритании, Индии и СССР, после чего 5-я сессия Генеральной Ассамблеи, заседавшая в то время, единогласно исключила вопрос о китайском вторжении в Тибет из своей повестки дня.

В этих условиях тибетцам ничего не оставалось, как направить делегацию в Пекин, где 23 мая 1951 года представители КНР вручили главе их миссии заранее подготовленный китайской стороной текст «Соглашения о

мероприятиях по мирному освобождению Тибета» из семнадцати пунктов. Во главе китайской делегации стоял знакомый нам Ли Вэйхань, бывший враг Дэна, к которому когда-то ушла «Золотце» Цзинь Вэйин; в то время Ли исполнял обязанности председателя Комитета по делам национальностей Государственного административного совета.

В этом документе говорилось: «Тибетский народ объединяется и изгоняет империалистические силы из Тибета; тибетский народ возвращается в большую семью [в границах] своей родины — Китайской Народной Республики»[10]. Далай-лама формально сохранял приоритет в религиозных и внутренних (за исключением обороны) вопросах, но в Тибет вводились войска Народно-освободительной армии Китая, дабы способствовать претворению соглашения в жизнь. Китайские представители в ультимативной форме потребовали, чтобы члены тибетской делегации поставили под соглашением свои подписи, несмотря на то что те не имели на это права[43]. В завершение документ был скреплен официальной печатью Далай-ламы, заранее подделанной пекинскими умельцами[11].

Американцы пытались отговорить Далай-ламу от ратификации соглашения, даже предлагали ему убежище, но он принял этот документ, направив в конце октября 1951 года соответствующую телеграмму Мао Цзэдуну. В то время Далай-ламе было только 15 лет, но он уже хорошо разбирался в тонкостях политики. «То, что сжег огонь, возродить можно тем же огнем», — мудро решил он. Это означало, что «поскольку беда пришла с востока, от китайцев, есть только один путь справиться с ней — идти к ним [ханьцам] навстречу, вести переговоры, диалог»[12].

Между тем части 1-й полевой армии спешно оккупировали юго-западную часть Тибета, а войска Лю и Дэна без единого выстрела входили в Лхасу, завершая тем самым «мирное освобождение» Тибета[13]. Сам Дэн, правда, не участвовал в экспедиции. Но вместе с Лю Бочэном и Хэ Луном планировал всю операцию и непосредственно контролировал ее проведение. Так что тоже мог праздновать победу.

К тому времени Дэн совмещал уже несколько должностей, будучи не только членом Центрального народного правительства, политкомиссаром 2-й полевой армии и первым секретарем Юго-Западного бюро, но и членом высшего военного органа республики — Народного военно-революционного совета правительства и политкомиссаром военного округа Юго-Западного Китая (командующий округом — Хэ Лун). С начала декабря 1949 года он был также мэром Чунцина, а с июля 1950-го

— заместителем председателя Военно-Аминистративного комитета (ВАК) Юго-Западного Китая (председатель — Лю Бочэн). Этот комитет считался высшим правительственным органом в регионе, охватывавшем четыре провинции: Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань и Сикан[14]. Общая площадь региона составляла более 900 тысяч квадратных километров, а суммарная численность населения, проживавшего на его территории, по разным оценкам, — от 70 до 150 миллионов человек[44].

В то время вся Китайская Народная Республика была поделена на шесть регионов. За исключением Северо-Китайского региона, находившегося в прямом подчинении у центра, во всех остальных были учреждены административные органы. В Северо-Восточном регионе, считавшемся «старым освобожденным районом», этот орган назывался народным правительством, а в четырех других, захваченных коммунистами недавно, Восточно-Китайском, Центрально-Южном, Северо-Западном и Юго-Западном, — военно-административными комитетами[15]. Такое деление страны соответствовало установкам «Общей программы» Народного политического консультативного совета Китая, принятой 29 сентября 1949 года в качестве временной Конституции КНР. Статья 14-я этого документа подчеркивала, что «во всех только что освобожденных районах необходимо вводить систему военного контроля» для «установления революционного порядка… [и] подавления контрреволюционной деятельности»[16]. Лю Шаоци определял эту форму власти как «беспощадную открытую военную диктатуру»[17].

То, что Дэн в структуре Военно-административного комитета занял только пост заместителя председателя, конечно же никого не могло ввести в заблуждение: реальным главой региона являлся именно он, а не Лю Бочэн. (Последний, кстати, вообще в январе 1951 года уехал в Нанкин — начальником Военной академии Народно-освободительной армии Китая, так что на Юго-Западе появлялся редко.) Ведь в КНР, как и в СССР, всем руководила компартия, а потому должность первого секретаря бюро была в регионе главной. Просто Мао на всякий случай, опасаясь излишнего сепаратизма, разделил органы партийной, военно-административной и чисто армейской власти между Дэном, Лю Бочэном и Хэ Луном, но фактически перед Председателем за всё отвечал Дэн Сяопин. Власть его была всеохватывающей: как он сам впоследствии вспоминал, «в первые годы после образования Китайской Народной Республики Центральный комитет предоставлял местам широкие права самостоятельно решать вопросы»[18].

После «освобождения» Тибета Бюро ЦК и военно-

административный комитет Юго-Западного Китая распространили свой контроль и на этот регион. (В апреле 1952 года Дэн поставил вопрос о том, чтобы в Тибете был создан свой Военно-административный комитет, но Мао не согласился[19].) В итоге под властью Дэна оказалась колоссальная территория площадью более 2 миллионов 200 тысяч квадратных километров. Один миллион тибетцев, правда, не очень увеличил ее население, хотя и усилил этническое разнообразие, и без того весьма заметное. Здесь, на Юго-Западе, помимо ханьцев жили от 10 до 30 миллионов представителей нацменьшинств со своими традициями и верованиями. Сколько точно, никто не знал; не было известно и реальное число самих этнонациональных групп. Дэн, например, считал, что в Юньнани проживали представители более семидесяти национальных меньшинств, тогда как согласно новейшим данным — около двадцати пяти[20]. Некоторые из них находились на стадии матриархата и родо-племенных отношений. В ряде районов существовало рабство, а среди отдельных племен, обитавших в пограничных с Бирмой и Лаосом джунглях, — каннибализм. Почти все нацменьшинства ненавидели ханьцев.

Излишне, наверное, говорить, что подавляющее большинство жителей Юго-Запада не знали грамоты и были задавлены беспросветной нуждой. Уровень смертности повсеместно зашкаливал, в деревнях и поселках отсутствовало электричество, о хороших дорогах никто и не помышлял, значительный процент сельскохозяйственных площадей использовали под посадки опиумного мака, в городах насчитывались десятки тысяч безработных, а финансовая система, как и везде в стране, была дезорганизована.

В общем, регион Дэну достался не самый благополучный, и привести его в кратчайший срок к светлому будущему можно было только одним способом — жесткой силой, сдобренной, разумеется, изрядной долей пропаганды. Впрочем, как и весь Китай — такой огромный, страшно перенаселенный и отсталый в экономическом отношении. Сомнений в этом ни у кого в руководстве компартии не было. Все партийные вожди хорошо уяснили слова Маркса о том, что насилие есть «повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым»[21]. Перед их глазами стоял пример «старшего брата» — социалистического Советского Союза, по пути которого они страстно хотели идти.

К «красному» террору коммунистов побуждало, помимо прочего, и продолжавшееся во всех регионах сопротивление недобитых гоминьдановцев. Кстати, именно на Юго-Западе, прежде всего в Сычуани и Юньнани, этих последних оплотах

чанкайшистов, арьергардные бои контрреволюции были наиболее ожесточенными. Вооруженная борьба в этих местах обострилась после того, как Дэн и его подчиненные в 1950 году стали устанавливать свою власть на местах, радикально меняя местные элиты. Различные социальные силы, которые в свое время в ходе гражданской войны не оказали Гоминьдану поддержки, выступили теперь против компартии. Сколько точно было повстанцев, сказать трудно. Мао Цзэдун заявлял, что в 1950 году в Китае в целом действовали более четырехсот тысяч «разбросанных в глуши бандитов»[22], но, по официальным данным министерства общественной безопасности (МОБ) Китайской Народной Республики, только на Юго-Западе их насчитывалось несколько сотен тысяч[23]. По докладу же Хэ Луна и Дэна в ЦК, число членов бандформирований было скромнее: несколько десятков тысяч[24]. В то же время Хэ Лун и Дэн сообщали, что против Народно-освободительной армии ведутся «широкомасштабные» боевые действия, «охватившие все районы юго-западной Сычуани, Сикана, Юньнани и Гуйчжоу»! А позже Дэн вспоминал, что тогда против коммунистов действовали 90 тысяч солдат и офицеров регулярной армии Гоминьдана и 90 тысяч «бандитов», которых «довольно трудно» было подавить[25]. В любом случае, силы контрреволюции были значительными.

Стремясь положить конец сопротивлению гоминьдановцев, ЦК китайской компартии в марте 1950 года принял два постановления: «О ликвидации бандитизма и установлении нового революционного порядка» и «О подавлении контрреволюционной деятельности». Повседневной работой Центрального комитета руководил тогда Лю Шаоци, так как Мао находился в отпуске по болезни. Без него, однако, постановления вышли недостаточно жесткими, и Мао, поправившись, обвинил их разработчиков в «правом уклоне», выражавшемся в «безграничном великодушном отношении к контрреволюционерам»[26]. Под его давлением 10 октября 1950 года, за три дня до вынесения Политбюро решения о вступлении Китайской Народной Республики в корейскую войну на стороне Северной Кореи, ЦК принял новую директиву, усилившую ответственность за «контрреволюционные преступления».

Дэн и его кадровые работники (общее число *ганьбу* в Юго-Западном регионе составляло 30 тысяч человек[27]) с энтузиазмом откликались на все постановления руководства, а после 10 октября, не желая прослыть «великодушными», стали казнить почти без разбора — и направо, и налево. В кровавую вакханалию задействовали региональные органы безопасности, армейские части, бедняцко-пауперское ополчение, работников суда и

прокуратуры[28]. О том, что они тогда «перегнули палку», свидетельствуют, например, данные о числе казней в конце 1950-го — начале 1951 года в районе западной Сычуани. Там в ноябре 1950 года казнили 1188 человек, в декабре — 942, в январе 1951-го — 1309, в феврале — 3030, в марте — 1076, а в апреле — 844[29], то есть всего за полгода — 8389 человек. Иными словами, в среднем убивали по 46 человек в день. За тот же период в Пекине, например, казнили только 700 человек[30].

Волна расстрелов, причем публичных, на глазах у толпы, настолько быстро захлестнула регион Дэн Сяопина, что сам Председатель вынужден был вмешаться. «Нельзя казнить слишком много людей, — написал он Дэну 30 апреля 1951 года, — если казнить слишком много, потеряешь расположение общества, да к тому же возникнет недостаток в рабочей силе». Он дал новое указание: в деревнях казнить не более одной тысячной населения, а в городах — даже менее[31].

Как дисциплинированный член партии, Дэн стал немедленно сокращать количество расстрелов в соответствии со спущенной разверсткой. В том же районе западной Сычуани, например, в мае и в первой декаде июня 1951 года казнили всего 403 человека[32]. То есть «дневную норму» снизили до девяти-десяти человек.

Вместе с тем в стране в целом в ходе массового движения по подавлению контрреволюции, только по официальным (явно незавышенным) данным, к концу 1951 года было уничтожено свыше двух миллионов человек. Еще два миллиона — брошены за решетку и отправлены в трудовые лагеря[33]. Не все жертвы режима являлись противниками компартии, многих казнили по ложным обвинениям[34].

Многочисленными перегибами были отмечены и аграрные преобразования в Юго-Западном регионе, как, впрочем, и во всей стране, начатые по решению ЦК вскоре после опубликования нового «Закона о земельной реформе» (принят 28 июня 1950 года). В течение двух с половиной лет Юго-Западное бюро целенаправленно проводило эти преобразования, которые должны были, по словам Мао, «свергнуть помещичий класс в целом»[35]. Саму реформу можно назвать и аграрной революцией «сверху», так как крестьянство в целом оставалось пассивным. Его равнодушие приходилось компенсировать посылкой в деревню специальных бригад из партийных активистов, которые организовывали «крестьянские союзы» (состоявшие в основном из пауперов, люмпенов и батраков) для расправы со всеми, кого относили к *дичжу*. Трогать *фунун* новый закон формально запрещал, поскольку Мао считал необходимым «отложить разрешение вопроса… о кулачестве на несколько лет»[36]. Хотя,

конечно, там, где земель одних *дичжу* на всех бедняков не хватало (а это было практически повсеместно, даже в Сычуани, где удельный вес «помещичьего» землевладения составлял целых 60 процентов[37]), грабили всех мало-мальски имущих, объявляя их, правда, не «кулаками», а «контрреволюционерами» (землю «контры» закон брать дозволял). Так что, невзирая на провозглашенную политику сохранения «кулака», количество богатых крестьян сократилось. Конфисковывали также земли храмов, в том числе родовых, монастырей, церквей, школ и кланов, а также земли, принадлежавшие промышленникам и торговцам.

О завершении первого этапа реформы Дэн смог отрапортовать Мао уже в мае 1951 года. К тому времени коммунисты его региона наделили землей более тринадцати с половиной миллионов безземельных крестьян и пауперов, «наказав *дичжу*… подняв [на борьбу] бедняков и батраков и… подавив контрреволюционеров»[38]. В «ожесточенной и невиданной в истории» борьбе (так Мао характеризовал передел земельной собственности в Китае[39]) наступил перелом, и Мао был в восторге. Он испещрил доклад Дэна одобрительными пометками («Все это очень хорошо! Можно поздравить! В тех местах, где это не сделано, надо сделать именно так… Все это правильно, так надо поступать везде») и объявил своим соратникам: «Доклад товарища Сяопина очень хорош!»[40] Не все руководители регионов получили такую оценку. Главу Южного Китая Е Цзяньина, например, Мао критиковал за «слишком мягкое» отношение к местным *дичжу*[41].

Понравился Мао Цзэдуну и подход Дэна к решению аграрного вопроса среди национальных меньшинств. Следуя указаниям вождя о том, что ни в одном вопросе о нацменьшинствах «мы ни в коем случае не должны спешить, ибо поспешность приводит к просчетам»[42], Дэн еще в начале реформы разработал и начал осуществлять план постепенных преобразований в соответствующих районах, несмотря на недовольство ряда партийных кадров. В Тибете же вообще аграрную реформу не проводил. «Какова правильная классовая позиция? — говорил он в этой связи. — В настоящий момент она заключается в том, чтобы не вести классовую борьбу, а вместо этого добиваться единства национальностей»[43]. Дэн и его бюро открыли широкий прием неханьцев в различные учебные заведения Юго-Запада, в том числе во вновь организованный Институт национальностей, где к октябрю 1952 года подготовили 25 тысяч большевистски образованных национальных кадров.

Вслед за первым этапом аграрной реформы Дэн в июне 1951

года приступил ко второму, наделив землей еще 25 миллионов бедняков. К лету же 1952 года он завершил и третий этап, когда еще 45 миллионов безземельных крестьян получили участки. «Можно сказать, — доложил он Пекину, — что аграрная реформа на Юго-Западе в основном завершена»[44].

Не «реформированными» оставались только 16 миллионов крестьян, из которых 10 миллионов стали «середняками» к весне 1953 года, когда завершился четвертый этап аграрных преобразований[45]. Оставшиеся же шесть миллионов (все они — представители нацменьшинств) испытали на себе реформу только в середине 1950-х годов.

Вслед за деревенскими богачами к 1953 году расправились и с городскими собственниками, которые в первый год Китайской Народной Республики благодаря разумной политике «новой демократии» в полтора раза увеличили объем своей валовой продукции, получив рекордную за всю историю предпринимательства в Китае прибыль[46]. Активность буржуазии встревожила Мао, и он решил, что настало время нанести удар и по ней. «После свержения класса помещиков и бюрократической буржуазии, — заявил он, — главным противоречием в Китае стало противоречие между рабочим классом и национальной буржуазией»[47].

Дэн, как всегда, сверял свою работу с мудрыми указаниями вождя. В конце 1951-го — начале 1952 года, следуя приказу Мао, он развернул на Юго-Западе репрессивную кампанию против «буржуазных элементов» в рамках борьбы с так называемыми «тремя и пятью злоупотреблениями» (коррупцией, уклонением от уплаты налогов, хищением государственного имущества и т. п.)[48]. С буржуа стали взимать внушительную контрибуцию, коренным образом подорвавшую их экономические позиции. А кроме того, выносили их «дела» на суд общественности, и публичные судилища нередко заканчивались расстрелами обвиняемых на глазах толпы.

Так же, как Дэн, действовали тогда и другие региональные лидеры, причем настолько активно, что даже сам Мао в конце концов вынужден был дать команду сбавить обороты. Весной 1952 года на одном из заседаний Политбюро он заявил, что «у нас все еще новая демократия [казалось, он давно забыл этот термин, но тут вдруг вспомнил], а не социализм. Мы выступаем за ослабление буржуазии, а не за ее ликвидацию. Надо поколотить ее несколько месяцев, а потом опять вытащить на свет, но не следует бить наповал, разбивать наголову»[49]. Тем не менее в сентябре 1952 года доля государственного капитала в промышленности возросла до 67,3 процента, а в торговле — до 40

процентов; социалистический сектор занял руководящие позиции в китайской экономике[50].

Следуя указаниям вождя, Дэн достиг успехов и на финансово-экономическом поприще. «Уровень инфляции в [Юго-Западном] регионе, — пишет его биограф Эванс, — сократился в соответствии с общим уровнем снижения инфляции в стране, который упал с… 20 процентов в 1951 году до 10 — в 1952-м»[51].

Дэн поддержал Мао и тогда, когда в мае 1950 года тот принял решение о проведении проверки и перерегистрации членов компартии, вылившееся в новую «чистку» КПК от «чуждых» элементов. «Этот *чжэнфэн* [исправление стиля], — разъяснял Дэн коммунистам Чунцина, — главным образом направлен на то, чтобы… посмотреть… действуют ли наши товарищи… в соответствии с идеями Мао Цзэдуна. Его цель заключается в том, чтобы, исправляя стиль и преодолевая путаницу в вопросах идеологии и политики, достичь идеологического и политического единства»[52]. К 1953 году из партии в целом было «вычищено» 10 процентов состава — результат впечатляющий, к которому приложил руку и Дэн.

Он, кстати, предъявлял высокие требования к моральному облику коммуниста. «Вести себя надо скромно, а жить — просто», — учил он партактив[53], хотя сам далеко не всегда следовал этому правилу. В Чунцине, где он прожил все два с половиной года своего пребывания на Юго-Западе, Дэн, как и многие другие партийные руководители и в Пекине, и на местах, не мог не расслабиться после стольких лет партизанского пуританства. Вместе с семьей он сначала занимал целый этаж двухэтажного особняка, в котором до того размещалось одно из гоминьдановских учреждений. На другом этаже жила семья Лю Бочэна, а после того, как Лю в январе 1951 года перевели в Нанкин, — там поселилась семья Хэ Луна, балагура и весельчака, которого друзья называли «усатый Хэ» за красивые черные усики. С Хэ Луном и его домочадцами у Дэна и Чжо Линь быстро установились самые теплые отношения, но затем Дэн с семьей переехал в только что выстроенное по его же приказу просторное здание канцелярии Юго-Западного бюро, оборудованное редкой по тем временам холодильной установкой. Дэн любил хорошо поесть, а поскольку Чжо Линь, как мы знаем, не была кулинаркой, еду для него и его семьи готовили специальные повара. В свободное от приема пищи и работы время он с увлечением играл на бильярде, и чтобы овладеть тонкостями игры, даже пригласил себе в учителя маркера. «Он питался особой пищей, — негодовали много лет спустя ненавидевшие его хунвэйбины, — жил в специальном помещении, пользовался лучшими вещами»[54].

По поводу вещей хунвэйбины, правда, преувеличивали. Кроме швейцарских часов «Ролекс» и шерстяного коричневого свитера на пуговицах, подаренных ему после «освобождения» Шанхая секретарем шанхайского подбюро ЦК, старым коммунистом Лю Сяо, у Дэна не было «предметов роскоши». Во время последней гражданской войны ему как-то в виде трофея досталась паркеровская ручка, но летом 1949 года в Шанхае у него ее украл какой-то жулик, когда он и Чэнь И переходили оживленную улицу, спеша на одно из многочисленных заседаний. До конца жизни Дэн сожалел о ее потере и каждый раз, посещая Шанхай, ворчал: «Ну и жулье же в Шанхае»[55].

В одежде Дэн по-прежнему следовал партийной этике. Как и Мао, да и все остальные члены ареопага, одевался скромно: неброского цвета куртка (летом — хлопчатобумажная, зимой — ватная) с застежкой под горло и четырьмя накладными карманами, свободного покроя штаны. Такова была партийная униформа: в подобной куртке ходил еще отец Республики Сунь Ятсен (по его имени она и называлась: «суньятсеновка»). На голове Дэн носил обычную кепку.

Весьма неброско одевалась и его семья: дети не выделялись из среды сверстников, а Чжо Линь тоже предпочитала партийный стиль. С того времени, как они поселились в Чунцине, Чжо директорствовала в школе-интернате, ею же самой организованной. Это учреждение формально называлось «народным», хотя на самом деле предназначалось только для детей ответственных кадровых работников Юго-Западного бюро и Военно-административного комитета. Чжо Линь отвечала там за всё: обучение, воспитание и отдых учеников, которых насчитывалось 90 человек, снабжение их одеждой, питанием и всем остальным. Поскольку преподавателей не хватало, сама вела несколько предметов: китайский язык, арифметику и даже музыку, хотя музыкального слуха не имела. Дэн Линь, Пуфан и даже пятилетняя Дэн Нань были ее учениками.

В Чунцине у Дэна и Чжо родились еще дети. 25 января 1950 года на свет появилась третья дочка, которую за светлые пушистые волосы прозвали Маомао (Волосатик) — так ласково многие китайцы называют новорожденных детей. Официальное же имя придумали, следуя ставшей в их семье традиции называть дочерей именами красивых деревьев, — Дэн Жун (Дэн Фикус). Такое имя имело глубокий смысл: ведь именно сидя под фикусом, Сиддхартха Гаутама стал Буддой, поэтому фикус в буддизме — дерево Бодхи (Просветления). И хотя Дэн и Чжо Линь в Будду не верили, но все-таки были китайцами и буддийская символика кое-что для них значила.

А через полтора года, в августе 1951-го, родился еще один сын — Чжифан. Для его имени Дэн позаимствовал иероглиф «чжи» из парного выражения «чжипу» («простой»), где иероглиф «пу» — тот же самый, что и в имени старшего сына Пуфана. В результате официальное имя мальчика стало также означать «Простой и аккуратный». В семье его, правда, в шутку называли Фэйфэй (Непоседа) — за довольно бойкий характер.

Чжо Линь не хотела его рожать, так как была очень загружена работой. Она начала директорствовать в школе спустя месяц после того, как родила Дэн Жун. А тут опять беременность! Она попросила начальника медчасти 2-й армии сделать ей аборт, но тот сказал: «А вдруг это будет мальчик?» К сыновьям, как мы помним, в Китае всегда относились лучше, чем к дочерям, так что «благодаря этим словам, — пишет Маомао, — Фэйфэю повезло, и он появился на свет»[56].

К тому времени в доме Дэна помимо Чжо Линь и детей жила еще и мачеха Дэн Сяопина, вдова отца Ся Богэнь вместе со своей младшей дочерью Сяньцюнь, симпатичной и скромной девушкой, которую Дэн устроил в среднюю школу. Напомним, что мамаша Ся была ненамного старше пасынка: в октябре 1950 года, когда она с небольшим мешком за спиной, держа за руку Сяньцюнь, объявилась перед воротами особняка первого секретаря Юго-Западного бюро ЦК, ей шел всего 52-й год. Добралась она в Чунцин на лодке, на которой когда-то рыбачил ее отец. Была немногословная, добросердечная и работящая. У Чжо Линь с ней сразу установились добрые отношения, и, уходя на работу, Чжо с легким сердцем оставляла на ее попечение весь дом. Именно бабушка Ся и вырастила двух младшеньких — Маомао и Фэйфэя.

В 1950 году «под крыло» Дэна перебрались и некоторые другие его родственники. Живших в Пайфане он сам пригласил, послав к ним нарочного[57], другие приехали по собственной инициативе. Всех их Дэн устроил по высшему разряду. Брата Сяньсю (Дэн Кэня), имевшего заслуги перед компартией (как мы помним, он вступил в КПК в 1940 году, а до того работал в коминтерновской организации «Международная помощь борцам революции»), Дэн сделал своим заместителем в городской администрации Чунцина. Сводную сестру Сяньфу направил учиться в Юго-Западное военно-политическое училище при своем бюро[45], а потом взял на работу в партийный аппарат. Брата Сяньчжи, на котором все последние годы лежала основная забота по хозяйству в семье, сначала направил лечиться в наркологический диспансер (тот был заядлым опиекурилыциком), а потом пристроил чиновником в уездное управление провинции Гуйчжоу. Позаботился он и о

единокровном брате Сяньцине (сыне отца от третьей жены, урожденной Сяо). Ему он тоже подыскал неплохое место.

В общем, неожиданно проявил горячие родственные чувства по отношению ко всем членам семьи. Казалось, Дэн расплачивался за долгие годы невнимательного отношения к ним. Но дело было совсем не в этом. Он просто выводил семью из-под удара: ведь в ходе начавшейся в 1950 году аграрной реформы пайфанские бедняки должны были неминуемо «свести счеты» с *дичжу* Дэн Сяньчжи, несмотря на то что тот был братом самого главы Юго-Западного бюро. Заодно досталось бы и Ся Богэнь, и всем остальным Дэнам, жившим на «старом подворье». Рикошетом могло задеть и Дэн Сяопина: кто-нибудь взял бы да сообщил Мао о «неувязочке» в деревне Пайфан. Кстати, отправляя Сяньчжи в наркодиспансер, Дэн заставил его сменить фамилию и имя: ведь тот не только считался в Пайфане крупным *дичжу,* но при гоминьдановцах служил главой волостной управы Сесина, что, конечно, совсем было нехорошо.

Хунвэйбины, разумеется, все это потом припомнили Дэну. «Свою мачеху-помещицу и свою родню из помещиков Дэн Сяопин перевез на новое местожительство в Чунцин, — возмущались они. — Дэн Сяопин — это поистине потерявший всякий стыд почтительный сын помещичьего класса»[58].

Как бы то ни было, но дикая волна погромов, прокатившаяся по деревням Китая в начале 1950-х годов, не коснулась родных Дэна. Он смог ловко решить семейные проблемы.

Между тем 1 июля 1952 года, в день 31-й годовщины образования Коммунистической партии Китая, Дэн принял участие в торжествах по случаю открытия построенной по его инициативе железнодорожной ветки, связавшей Чунцин с Чэнду. Реализация этого проекта наполняла его особой гордостью: ведь об этой железной дороге мечтал еще его отец, покойный Вэньмин. Стоя на перроне только что открытого Чунцинского вокзала, Дэн весело улыбался, приветствуя шедший ему навстречу большой черный паровоз. Он не мог не торжествовать. Его родина начинала постепенно индустриализироваться, вступив на путь глубоких преобразований.

С лицевой стороны локомотива на него пристально смотрел Председатель: портрет Мао в обрамлении хлебных колосьев украшал паровоз. Казалось, вождь лично прибыл в Чунцин, чтобы поздравить своего верного ученика. Взгляд Мао выражал величие и спокойствие: глава партии и государства был явно доволен Дэном. Ведь тот следовал его курсом неукоснительно.

ПЕКИНСКИЙ ИППОДРОМ

В конце июля 1952 года Мао перевел Дэна на новое место работы — в Пекин и стал постепенно вводить в круг самых близких к себе людей. Энергичный и еще достаточно молодой сычуанец (Дэну шел 48-й год) нравился ему все сильнее. 7 августа Мао назначил его заместителем Чжоу Эньлая, премьера Государственного административного совета, пятым по счету. До того, со времени образования КНР, Чжоу имел только четырех замов: двое из них, Дун Биу и Чэнь Юнь, были коммунистами, членами Политбюро, один, известный ученый Го Можо, — беспартийным, а еще один, Хуан Яньпэй, — главой карликовой демократической партии, с которой компартия состояла в едином фронте[46]. Назначение новым замом еще одного коммуниста выглядело символично. Мао как бы давал всем понять, что период «новой демократии» подходит к концу и страна скоро вступит в новый этап — развернутого строительства социализма. Одновременно он включил Дэна в список высших руководителей Китайской Народной Республики, биографии которых планировалось опубликовать в СССР в новом издании Советской энциклопедии. В этот список Мао отобрал только 21 человека[59].

Дэн передал дела на Юго-Западе «усатому Хэ», сменившему его на посту первого секретаря регионального бюро, и отправился в столицу. Вместе с ним, разумеется, уехала и Чжо Линь — с детьми, бабушкой Ся Богэнь и единокровной сестрой Дэна Сяньцюнь. Всех их разместили в уютном доме в центре города, недалеко от святая святых, резиденции высшего руководства Чжуннаньхай (Среднее и Южное моря). В самом Чжуннаньхае, старом императорском дворцовом комплексе, окруженном кирпичной стеной и примыкающем с запада к стенам бывшего императорского Запретного города, жили тогда только члены Политбюро, к которым Дэн Сяопин пока не принадлежал.

Ну что ж, таковы были номенклатурные правила, которые Дэн конечно же хорошо понимал. Ему и в своем доме было пока неплохо, тем более что соседом у него оказался земляк, Не Жунчжэнь, бывший в то время заместителем начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая и командующим Северо-Китайским военным округом. Со «стариной Не» Дэн, как мы помним, давно был знаком, а тут они просто стали «не разлей вода». Не Жунчжэнь был очень гостеприимным, и в его доме хорошо готовили сычуаньские блюда, так что Дэн со всей семьей стал часто наведываться к нему: «полакомиться на дармовщинку» и выпить водочки, которую очень любил.

(Алкоголиком он не был, но пропустить рюмку перед обедом считал за правило[60].)

В Пекине в то время вообще собралось много его старых друзей (один Чжоу чего стоил![47]), так что Дэн чувствовал себя «в своей тарелке». Да и атмосфера здесь была какая-то праздничная. Всюду строилась новая жизнь, развевались алые флаги, из репродукторов гремели боевые марши, на стенах домов висели лозунги и плакаты. В общем, Пекин выглядел так, как и подобает главному городу революционной страны. Вот только машин на улицах почти не было, так как своей автомобильной промышленности в КНР не существовало, а получаемых из СССР грузовиков и легковушек явно не хватало.

Во второй половине 1952-го — первой половине 1953 года Мао перевел в Пекин и некоторых других региональных вождей, которых тоже назначил на высокие должности в государственно-партийном аппарате. Главу Северо-Восточного бюро Гао Гана, бывшего на год моложе Дэна, но уже являвшегося и членом Политбюро, и одним из заместителей Председателя в Центральном народном правительстве, сделал руководителем Госплана, босса Восточно-Китайского региона Жао Шуши, 44-летнего партаппаратчика, — заведующим организационным отделом Центрального комитета, а второго секретаря Центрально-Южного бюро Дэн Цзыхуэя, 56-летнего ветерана, — заведующим отделом ЦК по работе в деревне. Еще раньше, в сентябре 1950 года, он перевел в Пекин второго секретаря Северо-Западного бюро, совсем молодого Си Чжунсюня (ему тогда не исполнилось и тридцати семи), назначив его сначала заведующим отделом пропаганды ЦК, а через три года — секретарем Государственного административного совета.

Всех этих людей, за исключением Си Чжунсюня, Дэн хорошо знал. С Гао, как мы помним, работал еще в 1926–1927 годах во «2-й школе Вампу» в Сиани, с Жао — в 1949 году в Восточно-Китайском бюро (именно Жао и сменил его на посту первого секретаря этого подразделения ЦК), а с Дэн Цзыхуэм тесно общался в 1948-м, когда тот был его подчиненным (третьим секретарем) в Бюро ЦК по Центральной равнине. Всю пятерку — Дэна, Гао, Жао, Дэн Цзыхуэя и Си Чжунсюня — стали тогда в коридорах власти за глаза называть «пятью конями, прискакавшими в столицу». О Гао Гане же говорили, как о «коне, прискакавшем первым», имея в виду, что именно он из всех пятерых получил наибольшую власть[61].

А вскоре Председатель вообще ликвидировал все военно-административные комитеты и бюро ЦК. По-видимому, из опасения, что излишний регионализм в какой-то момент

приобретет центробежный характер, а может быть, стремясь укрепить центральное руководство способными людьми. В любом случае, он явно предпочел держать бывших региональных лидеров при себе.

К тому времени в руководстве китайской компартии обозначились разногласия между новым выдвиженцем Председателя Гао Ганом, настаивавшим на немедленном переходе к социалистическому строительству, и фактическим заместителем Мао по партии Лю Шаоци, считавшим, что слишком быстро к социализму идти не следует. Премьер Чжоу склонялся к Лю: ведь в силу своих служебных обязанностей ему часто приходилось ставить интересы экономического развития выше принципов социализма. Что же касается Мао, то он балансировал между Гао, Лю и Чжоу, напоминая Конфуция, сказавшего когда-то: «Не нахожу людей, придерживающихся середины, и вынужден сходиться с [людьми] своевольными либо осмотрительными»[62].

Конечно, Мао сам был леваком, а потому взгляды Гао Гана были ему ближе, чем точка зрения Лю Шаоци, которую тот впервые озвучил, как мы помним, на 2-м пленуме ЦК седьмого созыва в марте 1949 года. Но немедленно отбросить «новую демократию» и перейти к социализму «великому кормчему» не давал Сталин, от экономической и политической поддержки которого Компартия Китая по-прежнему сильно зависела. Мао пытался, причем не раз, получить благословение «вождя народов» на ускоренный переход его страны к социалистическому строительству, но тот всегда охлаждал его пыл. Дело в том, что Сталин не мог не быть осторожным во всем, что касалось Китая. Коммунистическая Китайская Народная Республика, реализовавшая диктаторскими методами советскую модель ускоренной экономической модернизации, была способна создать угрозу его гегемонии в коммунистическом мире. Ограничивая же амбиции «китайского Пугачева»[48] «демократическими» задачами, кремлевский диктатор привязывал его к себе, а тактический курс Компартии Китая подчинял собственной политической линии[63]. Во многом поэтому Мао и вел себя так непоследовательно в конце 1940-х — начале 1950-х годов: то наступал на «кулаков» и буржуазию, исходя из своих левацких амбиций, то сворачивал с ними борьбу, очевидно, вспоминания советы Сталина.

Соответственно Мао критиковал то Гао, то Лю, то Чжоу. Так, в мае 1949 года поддержал Лю Шаоци, обрушившегося на Гао Гана с резкой критикой за левацкий авантюризм. Гао начал тогда вырубать у себя в Маньчжурии всю буржуазию — под корень, и Мао не замедлил вмешаться[64], тем более что в то время и сам

Сталин в одной из телеграмм своему представителю в Китае генералу Ивану Владимировичу Ковалеву раскритиковал Гао за излишнюю левизну[65]. Но спустя два с половиной года именно Гао Ган убедил Мао начать антибуржуазную борьбу «против трех и пяти злоупотреблений»[66]. Тогда же Мао поддержал доклад Гао Гана о развитии кооперативного движения в Маньчжурии, в котором говорилось о «постепенном переходе от низших форм [кооперации] к высшим»[67]. Он приказал тогда общему отделу ЦК издать доклад Гао Гана отдельной брошюрой для распространения среди всех руководящих партийных работников. А в декабре 1951 года дал грозную отповедь Лю Шаоци — за то, что тот в июле устроил головомойку партийным руководителям провинции Шаньси, которые весной 1951-го, как и Гао Ган, выступили с идеей ускорения процесса кооперирования деревни. Мао тогда дезавуировал документ, подготовленный Лю и разосланный от имени Центрального комитета, поскольку в нем провинциальная инициатива шаньсийцев была названа «ошибочной, опасной, утопической идеей аграрного социализма»[68]. Но весной 1952-го, как мы помним, он выразил недовольство чрезмерным давлением на «буржуазные элементы». А осенью даже признал, что в ходе борьбы с «тремя и пятью злоупотреблениями» имели место ошибки, подтвердив необходимость «дальнейшего использования частного капитала в интересах подъема экономики и благосостояния народа»[69].

Конечно, в глубине души Мао предвкушал быструю победу социализма, но понять его настроение было не всегда легко. Тем более что накануне прихода к власти и особенно после воцарения в Чжуннаньхае «великий кормчий» все сильнее входил в роль некоего умудренного опытом «старца»-даоса, то и дело изрекая философские сентенции, заставлявшие людей, его окружавших, ломать над ними голову. Он всегда был хорошим актером, а теперь, почувствовав себя «Сыном Неба», не мог отказать себе в удовольствии поиграть с подчиненными. Стал выражаться афористично и образно, обильно сдабривая свои откровения цитатами из древних классиков, напускал туману и все время твердил, что ему пора на покой. В августе или сентябре 1952 года на одном из заседаний Политбюро он даже предложил разделить руководство на «две линии» — «первую» (имелся в виду повседневный контроль за деятельностью ЦК) и «вторую» (по существу тыловую), заявив, что хочет отойти от активных дел, а во главе «первой линии» поставить Лю Шаоци[70].

В своих играх Мао не был, конечно, оригинален. По образованию учитель истории, он наверняка знал об Иване Грозном, разделившем когда-то Россию на земщину и опричнину.

Интересно, что в октябре 1952-го в псевдоотставку просился и Сталин, также хорошо знакомый с подвигами коварного царя[71]. Но ни его, ни Мао Цзэдуна, разумеется, никто из соратников на покой не пустил. Окружение «великих вождей» быстро раскусило их игру в кошки-мышки, но кто знал, что еще выкинут стареющие диктаторы.

Вот в такой напряженной обстановке Дэну пришлось работать в Пекине. С Мао он стал общаться чуть ли не ежедневно. Точнее, ежевечерне и еженощно, так как Председатель вставал обычно в четыре-пять часов дня и работал до утра. Принимал он Дэна и других товарищей по партии обычно в колоссальных размеров спальне, расположенной в Павильоне Аромат хризантем в чжуняньхайском Саду Обильных водоемов. Здесь, лежа на просторной деревянной кровати, заваленной книгами, он выслушивал их доклады, работал над документами и время от времени бросал многозначительные фразы. Проводил он иногда заседания и в соседнем павильоне — Зале Доброго здоровья и долголетия, где находилась его столовая. Там во время заседаний, слушая выступавших, завтракал или обедал. И точно так же, туманно, выражал свое мнение. В общем, ни этикетом, ни ясностью изложения себя не утруждал.

Так что для Дэна главной задачей было угадать, чего в конкретный момент хочет Хозяин. В этом, собственно, и состояло искусство политики в тоталитарном Китае, как, впрочем, и в Советском Союзе, да и во всех других странах, где государство доминировало над личностью. Ни к каким другим вождям — ни к Гао Гану, ни к Лю Шаоци, ни к Чжоу Эньлаю — примыкать было нельзя, а следовало, поддерживая со всеми хорошие отношения, нос держать только «по ветру», то есть отклоняться в ту сторону, в какую выруливал «великий кормчий». Дэн пока это хорошо понимал: не случайно по дороге из Чэнду в Пекин на вопрос своей дочери Дэн Нань: «Папа, в Сычуани тебя все называли „голова“, а как тебя будут звать в Пекине?» — он отшутился: «Стопа»[72]. Да, именно твердой стопой Председателя ему и надлежало теперь быть!

Осенью — зимой 1952 года Дэн особенно остро почувствовал это. Началось с того, что в конце сентября Мао отправил в СССР на XIX съезд КПСС делегацию во главе с Лю Шаоци, попросив Лю еще раз выяснить у Учителя, не пора ли им все-таки начать у себя строительство социализма. Ведь капитализм в Китае уже «дышал на ладан», «помещичьи» и «кулацкие» хозяйства «приказали долго жить», власть находилась в руках компартии. Так чего же ждать? В конце октября Лю привез ему ответ, который, однако, не мог удовлетворить Мао. С одной стороны, Сталин наконец-то

согласился с тем, что социализм в Китае можно начинать возводить, с другой — подчеркнул необходимость действовать «постепенно», посоветовав главе китайской компартии «не торопиться с кооперированием и коллективизацией сельского хозяйства, т[ак] к[ак] КНР находится в более благоприятных условиях, чем СССР в период коллективизации»[73].

Двусмысленность рекомендаций дала возможность Лю Шаоци и Чжоу Эньлаю интерпретировать их по-своему, делая акцент на словах «постепенно» и «не торопиться». Вот тогда-то Мао и перевел в Пекин левака Гао Гана — на ключевую должность председателя Госплана. Более того, в личных беседах с ним стал сетовать на «консерватизм» Лю и Чжоу[74], а затем начал использовать его для развертывания настоящей кампании против «правого оппортунизма» в партии.

Поводом к последней послужила публикация в главной партийной газете «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная газета») 31 декабря 1952 года проекта новой налоговой системы, подготовленного министром финансов и заместителем председателя Финансово-экономического комитета правительства Бо Ибо и за пять дней до того одобренного на заседании Государственного административного совета под председательством Чжоу Эньлая[75]. Принципиальная новизна закона заключалась в единообразном налогообложении всех форм собственности, при котором государственные и кооперативные предприятия теряли свои налоговые льготы, а частнокапиталистический сектор получал благоприятные условия для конкуренции. Закон полностью соответствовал принципам «новой демократии», а потому в правительстве ни у кого не вызвал возражений.

Дэн хорошо знал министра Бо, этого 44-летнего шаньсийского интеллигента, старого члена партии, по совместной борьбе в пограничном районе Шаньси — Хэбэй — Шаньдун— Хэнань, полностью доверял ему, да и вообще считал, что Мао в то время был настроен умеренно. За два месяца *до* заседания Дэн сам предлагал Председателю, который, как мы помним, с весны 1952-го сетовал на чрезмерное преследование буржуазии, положить конец движениям против «трех и пяти злоупотреблений»[76]. И тот тогда выразил ему полную поддержку. Иными словами, вновь продемонстрировал, что пока не готов к социализму.

Но, прочитав проект, Мао неожиданно возмутился, так как этот документ не был согласован с аппаратом ЦК и он лично о нем ничего не знал. 15 января 1953 года он послал гневное письмо Чжоу Эньлаю, Дэну, Чэнь Юню (тот был не только

заместителем премьера, но и председателем Финансово-экономического комитета) и Бо Ибо, заявив, что не считает обоснованным стремление создать условия для оживления частного предпринимательства[77]. Он считал, что проект противоречит решениям 2-го пленума ЦК седьмого созыва «об уничтожении буржуазии», и обвинял его разработчиков в «правооппортунистической ошибке»[78].

Чжоу, Дэн, Чэнь и Бо расстроились. Они явно не ожидали такой реакции от Председателя. Кто же мог предположить, что его настроение изменится так круто! Пришлось Чжоу, как главе исполнительной власти, оправдываться, уверяя Мао в лояльности и предлагая урегулировать ситуацию[79].

Но Председатель не сменил гнев на милость и 16 февраля 1953 года опубликовал в «Жэньминь жибао» частное письмо Гао Гану, которое содержало критику «правого уклона»[80]. А в марте по его инициативе ЦК принял решение, чтобы ни один документ правительства не обнародовался без предварительного обсуждения в Центральном комитете. Тогда же Мао перераспределил обязанности членов правительства и восемь ключевых министерств промышленности передал Гао Гану, то есть по существу вывел их из-под контроля Чжоу. С того времени о Гао стали говорить как о главе «экономического кабинета министров». Дэн тогда тоже, как заместитель премьера, получил «под свое крыло» несколько ведомств: комитеты народного контроля и по делам национальностей, а также министерства железных дорог, почт, коммуникаций и кадров, но они, конечно, являлись второстепенными по сравнению с ведомствами Гао[81]. На лето же 1953 года Мао запланировал проведение Всекитайского совещания по вопросам финансово-экономической работы, на котором решил окончательно разоблачить «правых». И теперь уже не только Бо Ибо и Чжоу Эньлая, но и наиболее авторитетного — Лю Шаоци. (Как раз в то время в беседе с советским генконсулом в Шэньяне Андреем Мефодиевичем Ледовским протеже Председателя Гао Ган заявил, что «ошибочная, буржуазная линия Бо Ибо» не только поддерживается Лю Шаоци, но и фактически исходит от него[82].)

Именно Гао Гану Мао и поручил руководить совещанием — наряду с Чжоу и Дэном[83]. Как председатель Госплана Гао должен был сделать и основной доклад о планах экономического строительства. Сам же «великий кормчий» задал общую идеологическую тональность форума, выступив на заседании Политбюро 15 июня 1953 года с критикой Лю Шаоци и других деятелей партии, которые стремились к «прочному установлению новодемократического общественного порядка»[84].

На самом же совещании, проходившем за закрытыми дверями с 13 июня по 13 августа, развернулось бурное обсуждение не только новой налоговой системы, но и общей политической стратегии КПК. В форуме приняли участие практически все высшие чиновники партии и государства — 131 человек[85]. Помимо основного доклада Гао Гана об экономических планах были заслушаны дополнительный доклад Ли Фучуня на ту же тему и доклад Ли Вэйханя о политике по отношению к частному капиталу. А потом все принялись критиковать Бо Ибо.

Наибольшую активность конечно же проявил Гао Ган. Уже с тех пор, как Мао впервые высказал «желание» перейти на «вторую линию», Гао стал метить в вожди компартии. И уже тогда начал распространять среди высшего руководства слухи о том, что в Центральном комитете есть «две группировки, которые не заслуживают доверия: одна возглавляется Лю Шаоци… а другая — Чжоу Эньлаем»; стал говорить, что Сталин именно его (Гао Гана) выделяет из всех вождей китайской компартии, а Лю Шаоци, наоборот, — недолюбливает[86]. И вот теперь, расценив «задушевные» беседы с Председателем как знак особого благоволения, он на совещании и вне его развил бурную деятельность. Блестя стеклами круглых очков, которые он носил по причине близорукости, этот высокий человек с пышной шевелюрой и густыми бровями стал яростно нападать на Бо Ибо. Пронзительный взгляд его маленьких жестких глаз сразу вселил во многих присутствовавших безотчетное беспокойство, которое оказалось ненапрасным. Подвергая критике Бо, причем не просто за допущенные «ошибки», а за «борьбу против линии партии», то есть вынося ему смертный приговор, Гао Ган то и дело в качестве доказательств вины министра финансов приводил «ошибочные» высказывания Лю Шаоци! Правда, не ссылаясь на самого Лю, а делая вид, что так говорил Бо Ибо[87]. Иными словами, открыто обличая Бо, тайно нападал на Лю. (Критиковать Лю Шаоци в открытую Мао ему не позволял.) Все присутствовавшие, в том числе сам Лю Шаоци, отлично поняли его маневр.

Ситуация для «умеренных» создалась угрожающая, так как никто не знал, действовал ли Гао Ган по наущению Председателя. И тогда 7 июля Чжоу написал письмо Мао Цзэдуну, отсутствовавшему на совещании, рассказав, что происходит, и испросив инструкции. И Мао, очевидно, поняв, что Лю и Чжоу страшно напуганы, решил выступить миротворцем. Ведь на самом деле он отнюдь не хотел снимать их с постов, несмотря на имевшиеся разногласия. Просто желал проучить, показав, кто в доме хозяин. И своего достиг, так что теперь мог насладиться победой. Вот почему, узнав о действиях Гао Гана, он ответил

Чжоу: «Надо вести борьбу открыто и разрешать вопросы, нельзя быть пошляком. Неправильно в глаза молчать, а за спиной болтать, говорить не прямо, а обиняками, не указывать на человека конкретно, а делать тайные намеки»[88]. (Можно подумать, что сам Мао всегда вел борьбу с открытым забралом!)

Чжоу тут же передал это «откровение» всем заинтересованным лицам. И Бо, Лю, Дэн, да и сам Чжоу немедленно поняли, что делать. Первые трое взяли слово и открыто повинились перед Мао и партией (Бо Ибо сделал это даже дважды)[89]. А Чжоу, подведя итоги дискуссии, признал свои «политические и организационные ошибки» и подверг суровому и пространному осуждению Бо Ибо[90].

Особенно искусно выступил Дэн, который вообще мог не извиняться, так как «виноват» был меньше других. Тем не менее 6 августа на одном из заседаний он заявил: «Все критикуют ошибки товарища Бо Ибо. Я это одобряю. [Однако] каждый может совершить ошибку, у меня самого немало ошибок, да и другие присутствующие здесь товарищи не могут сказать, что без греха. У товарища Бо Ибо много ошибок, вероятно, не один-два *цзиня,* а одна-две тонны. Но как бы много их ни было, нельзя сказать, что это ошибки в линии [то есть политические]. Если говорить, что те или иные ошибки, которые он совершил за несколько лет работы, — ошибки в линии, то я с этим не согласен»[91].

Ну что ж! Это было «смело» и «честно». Дэн резко осудил Бо Ибо, выступил с самокритикой, а в решающий момент поддержал оступившегося товарища. Мао, узнав о его выступлении, остался доволен. Дэн правильно его понял. 9 августа на заседании Политбюро Мао даже покритиковал Гао Гана: «На Северо-Востоке в каждой провинции совершались ошибки. А что, твое бюро не надо критиковать, не надо его проверять?»[92] 12 августа Мао сам посетил совещание, назвав работу форума «успешной». Он похвалил Лю и Дэна за то, что те признали «кое-какие ошибки», и недвусмысленно поддержал Чжоу. Стало понятно, что он рассматривал совещание как поворотный пункт в идейно-политическом развитии китайской компартии и всего китайского общества, а не как форум, направленный на свержение Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. «Извлекать урок из ошибок прошлого в назидание на будущее, лечить болезнь, чтобы спасти больного» — вот метод, который он, как правило, применял, разоблачая «ошибки» товарищей. (Конечно, если последние не были, с его точки зрения, «классовыми врагами», как, например, восставшие против него в 1930 году коммунисты юго-западной Цзянси[49].)

Он призвал собравшихся путем решительной и последовательной критики Бо Ибо «помочь исправиться тем, кто

совершил ошибку», но в то же время предупредил особо рьяных критиков (явно намекая на Гао Гана): «Высказывайте, пожалуйста, свои замечания, но подрывать партийную сплоченность — верх позора». При этом он, правда, не дал и Гао «потерять лицо», тоже охарактеризовав «заблуждения» Бо Ибо как «ошибки в линии». По его словам, совещание привело к освобождению от «новодемократических» иллюзий и теперь следовало укреплять коллективное руководство, не допускать сепаратизма, «учиться и упорно работать, чтобы за 15 лет или более продолжительный срок завершить в основном социалистическую индустриализацию и социалистические преобразования»[93].

Казалось бы, на этот раз Мао выразился более или менее ясно. Однако Гао Ган не желал успокаиваться. После совещания он провел частные беседы с некоторыми крупными деятелями партии — Чэнь Юнем, Линь Бяо, Пэн Дэхуаем, заместителем начальника Генштаба Народно-освободительной армии Китая Хуан Кэчэном и некоторыми другими, стремясь переманить их на свою сторону и еще глубже опорочить Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. Некоторым из собеседников он даже предлагал высокие посты в обновленном партийном руководстве[94].

Переговорил он и с Дэн Сяопином. Дэн вспоминал: «Он хотел завоевать [меня] на свою сторону и с этой целью повел со мной официальные переговоры. Он сказал, что товарищу Лю Шаоци недостает зрелости, и убеждал меня заодно с ним свалить его… Гао Ган вел переговоры и с товарищем Чэнь Юнем, он сказал: „Учредим несколько заместителей председателя, и мы с вами будем в их числе“. Тогда мы с товарищем Чэнь Юнем почувствовали всю серьезность вопроса и тут же дали знать товарищу Мао Цзэдуну, чтобы он принял к сведению»[95].

Дэн несколько кривит душой. На самом деле он отнюдь не «тут же» поведал обо всем Председателю: Гао Ган разговаривал с Дэном в сентябре, почти сразу после совещания, а он рассказал Мао об этом только в декабре[96]. Понятно, что вопрос был щекотливый и торопиться не следовало: кто знал, может быть, Мао опять что-то задумал и Гао Ган на самом деле говорил от его имени. В этой связи вызывает большие сомнения и «воспоминание» Дэна о том, что он сразу же открыто и «со всей определенностью» заявил Гао: «Место Лю Шаоци в партии сложилось исторически и, говоря в целом, как товарищ он достоин положительной оценки… Неправомерно изменять его исторически сложившееся место в партии»[97]. Скорее всего, Дэн взял время подумать, после чего вновь стал прощупывать настроения «великого кормчего».

А тот как ни в чем не бывало продолжал поддерживать

деловые контакты и с Лю Шаоци, и с Чжоу Эньлаем, и даже с самим Бо Ибо, которого, правда, отстранил от руководства министерством финансов, но оставил одним из заместителей председателя Финансово-экономического комитета (то есть Чэнь Юня). К тому же все более благоволил к самому Дэну. Через четыре дня после совещания он сделал его уже не только заместителем премьера, но и первым заместителем председателя Финансово-экономического комитета, а заодно и министром финансов вместо Бо Ибо. Более того, весь сентябрь встречался с ним, дружески беседуя на разные государственные темы[98].

А в октябре вновь открыто дал понять, что не хочет никого репрессировать. Сделал он это в ходе еще одного партийного форума — Всекитайской конференции по организационной работе, которая проходила тогда в Пекине. Дело в том, что на этой конференции новый заведующий орготделом Центрального комитета Жао Шуши подверг уничтожающей критике доклад о работе прежнего состава отдела, сделанный его заместителем, заслуженным членом партии Ань Цзывэнем, который до февраля 1953-го, то есть до появления Жао в Пекине, руководил повседневными делами этого подразделения ЦК. Как и Гао Ган в случае с Бо Ибо, Жао Шуши на самом деле стремился опорочить Лю Шаоци, поскольку именно Лю курировал орготдел как секретарь Центрального комитета. И у Жао имелись на то причины. Во-первых, Лю являлся приятелем Ань Цзывэня и во всех конфликтах нового главы орготдела со старым (а таковые случались часто) неизменно вставал на сторону последнего, по существу подрывая авторитет Жао. Во-вторых, Жао Шуши весной 1953 года установил тесные отношения с Гао Ганом, посчитав почему-то, что у того есть шансы стать преемником Мао Цзэдуна. В общем, он, как говорят в Китае, «стал петь в один голос» с Гао Ганом.

Разумеется, Лю Шаоци это не понравилось, и он тут же проинформировал Мао, который просто пришел в ярость, очевидно, потому, что Жао, в отличие от Гао Гана, совсем уж не действовал по его распоряжению. Мао хотел тут же разоблачить Жао Шуши перед всей конференцией, но Чжоу Эньлай попросил его не делать этого. Тогда «великий кормчий» поручил самому Лю Шаоци передать руководящему составу конференции, что «Председатель Мао… совершенно определенно считает, что в работе организационного отдела за прошедшее время имелись достижения и что [отдел] проводил правильную линию». После этого на конференции с добрыми словами о работе орготдела выступили Чжу Дэ и Дэн, которые явно действовали по согласованию с Мао. Дэн заверил собравшихся: «[Достижения

отдела] неотделимы от руководства Председателя Мао и особенно товарища [Лю] Шаоци»[100].

Для Жао Шуши и Гао Гана наступили тревожные времена. Но они с каким-то непонятным упрямством продолжали вести фракционную деятельность. И даже начали делить между собой посты в будущем руководстве. Вот тут-то сначала Чэнь Юнь, а затем и Дэн рассказали Мао об их кознях. Чэнь при этом действовал с благословения Чжоу Эньлая, которому поведал об инсинуациях Гао до аудиенции у Председателя. Примерно в то же время о раскольнических беседах Гао Гана Мао Цзэдуну написал Хуан Кэчэн.

Трудно передать, насколько разозлился Мао. Во время встречи с Дэном он, едва сдерживая гнев, спросил, что тот думает обо всем этом и как бы он посоветовал ему поступить. На что Дэн, зная любовь Председателя к классическим афоризмам, ответил словами Конфуция: «Если благородный муж утратил человеколюбие, то как он может носить столь высокое имя?»[101] Мао не мог не согласиться.

Двадцать четвертого декабря 1953 года на заседании Политбюро он обрушился на Гао и Жао с обвинениями в «заговорщической» деятельности. «В самом Пекине есть два штаба, — заявил он. — Один составляем мы, он посылает чистый ветер и чистый огонь [Мао взмахнул рукой вверх], другой именуется подпольным штабом и тоже посылает ветер и огонь, но другого рода, а именно: нечистый ветер и нечистый огонь [Мао опустил руку резко вниз]. Героиня нашего классического романа [«Сон в красном тереме»] Ли Дайюй говорила, что либо ветер с востока довлеет над ветром с запада, либо ветер с запада довлеет над ветром с востока. Теперь же либо чистый ветер и чистый огонь возьмут верх над нечистым ветром и нечистым огнем, либо нечистый ветер и нечистый огонь возьмут верх над чистым ветром и чистым огнем. Своим нечистым ветром и нечистым огнем подпольный штаб стремится одолеть чистый ветер и чистый огонь, свергнуть большую группу людей»[102]. Гао Ган сидел красный как рак, и когда Мао обратился к нему с вопросом, согласен ли он с его словами, с трудом выдавил из себя: «Да»[103]. После этого Мао Цзэдун объявил, что уезжает в отпуск, демонстративно назначив Лю Шаоци исполняющим обязанности Председателя и поручив ему провести в феврале очередной расширенный пленум ЦК для того, чтобы принять резолюцию «Об усилении единства партии».

Тогда же в частной беседе с Лю он вновь поднял вопрос о своем желании перейти на «вторую линию», вторично предложив тому взять на себя руководство Центральным комитетом. И вновь

Лю стал отговариваться, а когда Мао начал настаивать, предложил переложить каждодневную работу ЦК на Дэн Сяопина, назначив его — уже третий раз — заведующим Секретариатом Центрального комитета[104]. По-видимому, со стороны Лю это была благодарность Дэну за его «принципиальное партийное поведение» в критический для него (Лю) момент.

Мао идея понравилась, но он отложил назначение до возвращения из отпуска. После чего уехал из морозного Пекина в теплый Ханчжоу отдыхать на берегу удивительно красивого озера Силиху, знаменитого своими разноцветными лотосами и лилиями. Гао Гана же и Жао Шуши оставил на растерзание Лю, Чжоу и тому же Дэну.

В пленуме, состоявшемся 6–10 февраля 1954 года, приняли участие 61 член и кандидат в члены ЦК наряду с 52 другими руководящими работниками партии, правительства и вооруженных сил. С основным докладом выступил Лю Шаоци, который, критикуя «товарищей», подрывавших единство партии, «зазнавшихся» и считавших себя «первыми в Поднебесной», очевидно, по договоренности с Мао, не назвал Гао Гана и Жао Шуши по именам[105]. Так же поступили все другие выступавшие, в том числе Дэн, который вообще дипломатично критиковал в основном себя. Как и вождям китайской компартии начала 1930-х, Мао нравились самобичевания подчиненных, вот Дэн и старался[106]. Но что касается Гао Гана и Жао Шуши, то они никаких серьезных саморазоблачений не сделали. То ли не разобравшись, что происходит, то ли по какой-то иной причине.

Тогда пленум образовал две комиссии: одну — «по вопросу о Гао Гане» (во главе с Чжоу Эньлаем), другую — «по вопросу о Жао Шуши» (ее возглавили Дэн, Чэнь И и Тань Чжэньлинь, то есть старые знакомые Жао по революционной борьбе в Восточном Китае). И вскоре, в конце февраля — начале марта, одна за другой комиссии представили Политбюро доклады, в которых оба деятеля обвинялись в «сектантстве» и «фракционности», создании «независимых княжеств» в своих регионах и организации заговора с целью захвата власти. Кроме того, и комиссия Чжоу, и комиссия Дэна вытащили на Свет Божий такое количество грязного белья, что доклад Чжоу Эньлая, к примеру, даже пришлось засекретить.

Чжоу, в частности, сообщил, что Гао Ган являлся не только «буржуазным индивидуалистом-карьеристом», «фактическим агентом буржуазии в партии», «плагиатором», «обманщиком», «бабником», «распутником», «распространителем слухов и сплетен, порочивших других и возвеличивавших себя», но и предателем родины[107]. Члены ареопага казались ошеломленными.

Факты были вопиющие. Стало известно, что тесно общаясь с русскими в Маньчжурии, Гао не раз жертвовал национальными интересами своей страны ради «старшего брата». Так, еще во время последней гражданской войны он развесил по всем городам своего региона вместо изображений лидеров Компартии Китая портреты вождей ВКП(б). А находясь летом 1949 года вместе с Лю Шаоци с Москве и беседуя со Сталиным, неожиданно внес предложение увеличить численность войск СССР в маньчжурском городе Даляне (они все еще находились там со времени войны с Японией), ввести советский военно-морской флот в Циндао, а главное, принять Маньчжурию в состав СССР на правах союзной республики. Кроме того, неоднократно доносил Сталину и его представителю в Китае Ковалеву на руководителей китайской компартии Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Пэн Чжэня, Ли Фучуня, Бо Ибо и других, обвиняя их в «правом уклоне», «переоценке китайской буржуазии» и прочих «грехах». И даже самого Председателя уличал перед «вождем народов» в антисоветской, «правотроцкистской» деятельности. Но Сталин эти обвинения не принял и во время одной из встреч с Мао Цзэдуном в Москве даже передал тому полученный им 24 декабря 1949 года секретный ковалевский доклад «О некоторых вопросах политики и практики Китайской компартии», суммировавший эти доносы, а также ряд секретных телеграмм Ковалева и Гао Гана[108].

До поры до времени Мао не давал волю эмоциям, так как Сталин оставался главой международного коммунистического движения и применять к Гао Гану санкции за излишний советизм было нельзя. Но к тому времени, когда Чжоу, Дэн и другие занялись делами «раскольников», кремлевский диктатор уже лежал в Мавзолее (он умер 5 марта 1953 года), так что спасти Гао не мог.

Некому было помочь и Жао Шуши, которого Дэн с товарищами тоже обличили во множестве «преступлений»: «антипартийном сговоре с Гао Ганом», «крайнем индивидуализме и буржуазном карьеризме», «борьбе против руководящего товарища из Центра [то есть Лю Шаоци]» и др. Не могли они приписать ему только «моральное разложение» и «предательство родины». Все знали, что «усатый Жао» (так его звали за такие же, как у Хэ Луна, черные усики) был, в отличие от ловеласа Гао, исключительным скромником и образцовым семьянином, а в контактах с иностранцами, даже со «старшими братьями», — осторожным[109]. Тем не менее и того, что комиссия Дэна нарыла, хватило для его сурового осуждения.

Материалы же комиссии Чжоу были буквально убийственны, а потому в итоге и привели к трагедии. Гао Ган не выдержал и

еще во время работы комиссии, 17 февраля 1954 года, попытался застрелиться. Ему, однако, помешала охрана. Тогда через несколько месяцев, 17 августа, он предпринял вторую попытку самоубийства, приняв большую дозу снотворного. И спасти его уже не удалось[110]. По-видимому, он покончил с собой, будучи убежденным, что Мао предал его. Ведь, как мы помним, сколачивая заговор против Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, он полагал, что действует с молчаливого одобрения Председателя[111]. Но именно самоубийства ему больше всего и не могли простить вожди партии. «Он… встал на путь самоубийства, тем самым оторвав себя от партии и народа», — объявил Чжоу[112].

Между тем в апреле 1954-го Мао, вернувшись из отпуска, назначил Дэна заведующим Секретариатом ЦК, поручив ему также вместо Жао руководить организационным отделом. Как видно, дело «Гао Гана — Жао Шуши» пошло Дэну на пользу. И теперь именно о Дэн Сяопине можно было говорить, как о коне, «прискакавшем в столицу» первым.

В сентябре 1954 года на 1-й сессии вновь созванного парламента страны, Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), Дэн был утвержден также заместителем премьера нового органа исполнительной власти, Государственного совета, во главе которого встал Чжоу. Тогда же, кстати, Мао занял новый высший пост в государстве — Председателя Китайской Народной Республики, а Лю Шаоци — председателя Постоянного комитета ВСНП. В высшее руководство вошел и Бо Ибо, возглавивший в Госсовете Комитет государственного строительства. На пост же министра финансов был тогда назначен другой заместитель премьера, один из бывших командиров 4-й полевой армии Ли Сяньнянь: совмещать невероятно большое количество должностей не мог даже Дэн, который, помимо прочего, сразу после завершения сессии стал еще и одним из пятнадцати заместителей председателя Государственного совета обороны и одним из двенадцати членов военного совета ЦК Компартии Китая. Назначение на эти последние должности можно было считать большой честью, так как в обоих советах только Дэн Сяопин и Мао, их возглавлявший, являлись гражданскими лицами. Помимо них в высшие органы управления вооруженными силами вошли десять крупнейших военачальников, которые через год получат звание маршала КНР. Это были Чжу Дэ, Пэн Дэхуай (отвечал за повседневную работу совета), Линь Бяо, Лю Бочэн, Хэ Лун, Чэнь И, Ло Жунхуань, Сюй Сянцянь, Не Жунчжэнь и Е Цзяньин. Со всеми ними, кроме Линь Бяо, Дэн поддерживал дружеские отношения. Мао предлагал дать звание маршала и ему, но Дэн скромно отказался[113].

1-я сессия приняла Конституцию Китайской Народной Республики, подтвердившую, что Китай есть пока «государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян»[114]. В то время, правда, в стране уже повсеместно строился социализм, крестьянство насильственно кооперировалось, а частная собственность в городах — огосударствлялась.

Будучи заместителем премьера, Дэн, конечно, тоже принимал участие в социалистическом строительстве, однако его главная обязанность заключалась в руководстве Секретариатом ЦК. В марте 1955 года именно он по решению Мао доложил о «преступлениях» Гао Гана и Жао Шуши Всекитайской конференции компартии, которая подвела окончательный итог их «делу». Дэн подверг Гао и Жао суровой критике, полностью оправдав высокое доверие Председателя. Конференция исключила раскольников из партии и, поддержав политическую линию Мао Цзэдуна, фактически призвала к искоренению всех его врагов[115]. (Вскоре после этого, 1 апреля 1955 года, Жао Шуши был арестован[116]; в марте 1975 года он скончается в тюремной камере от воспаления легких.)

А Дэн между тем продолжал свое стремительное восхождение наверх. В начале апреля 1955 года на очередном пленуме ЦК вместе с другим любимцем Мао, Линь Бяо, он был избран членом Политбюро. Иными словами, достиг вершины, встав уже совсем близко к Председателю, который теперь не мог без него обходиться: исключительная работоспособность и организаторский талант все еще полного сил сычуаньца вызывали у него восхищение. «И в политических делах, и в военных — во всем Дэн Сяопин хорош», — как-то, еще в начале 1950-х, заметил Председатель и с тех пор не менял оценку[117].

КРИТИКА «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В начале февраля 1956 года Мао назначил Дэна заместителем руководителя делегации, которая должна была представлять Компартию Китая на XX съезде КПСС. Главой делегации он сделал Чжу Дэ, а членами — Тань Чжэньлиня (с декабря 1954 года — заместитель Дэна в Секретариате ЦК), Ван Цзясяна (заведующий отделом международных связей Центрального комитета) и Лю Сяо (посол КНР в СССР).

Это был первый после смерти Сталина форум главной братской компартии, созываемый сталинским преемником Никитой Сергеевичем Хрущевым, человеком, вызывавшим у Мао, Дэна да и у других китайских руководителей двойственные чувства. Во время своего визита в Китай по случаю пятилетия образования КНР осенью 1954 года Хрущев их всех немало повеселил и порадовал, но в то же время озадачил.

Дипломатом Никита Сергеевич не был, и там, где следовало проявлять разум, руководствовался эмоциями. Все дни пребывания в Китае он находился в приподнятом настроении. Не соблюдая протокола, лез обниматься и целоваться с Мао, балагурил, много обещал и по-купечески много давал. Во время встреч на высшем уровне, в которых принимал участие и Дэн Сяопин, была подписана серия соглашений, по которым советская сторона предоставляла Китаю долговременный заём на сумму в 520 миллионов инвалютных рублей и оказывала содействие в возведении большого числа индустриальных объектов. Хрущев согласился даже помочь Китаю в разработке атомного оружия и подготовке специалистов-атомщиков[118]. Но Мао, Лю, Чжоу и Дэн, как и все другие китайские ученики Сталина, похоже, восприняли поведение Хрущева как признак слабости[119].

И вот теперь Дэн Сяопину предстояло вновь встретиться с необычным советским лидером. Конечно, Дэн волновался. Он вновь увидит Красную Мекку, город его юности, первой любви, напряженной учебы и революционных надежд. Ровно 30 лет назад он впервые приехал сюда — молодым, 22-летним, юношей. Как же быстро прошли эти годы! Где теперь Университет трудящихся Китая? Исполком Коминтерна? Страстной монастырь, в котором находился Комуниверситет трудящихся Востока? Все они — в другой, давней, жизни[50].

В этот раз он прилетел в Москву на самолете. Перелет с дозаправкой занял почти три дня. Вылетев из Пекина 9 февраля,

Дэн и сопровождавшие его Тань Чжэньлинь и Ван Цзясян приземлились в столице СССР 11-го. Перед отлетом он дважды обсуждал с Мао, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем и Чэнь Юнем тактику поведения делегации на съезде. Было решено, что китайские коммунисты не будут выказывать излишнего пиетета «старшему брату», так как Хрущев и иже с ним, в отличие от покойного Сталина, не годились на роль «вождей и учителей».

Эту линию поведения Дэн, едва прилетев в Москву, разъяснил престарелому Чжу Дэ (тому шел 70-й год), прибывшему в СССР на несколько дней раньше — после турне по странам Восточной Европы, и послу Лю Сяо. Попросив у Чжу проект его приветственной речи на XX съезде, Дэн сделал два замечания в духе нового курса партии[51]. «Во-первых, — сказал он, — нельзя говорить только о поддержке и помощи советской стороны Китаю, поддержка и помощь были обоюдны. Во-вторых, говоря о советской помощи, надо знать меру, нельзя преувеличивать»[120]. Привыкший подчиняться партийному руководству, «старина Чжу» тут же внес исправления.

В оставшиеся до съезда несколько дней (форум должен был начаться 14-го) Дэн, Чжу, Тань, Ван Цзясян и Лю Сяо наслаждались прогулками по Москве. Троим из них — Дэну, Чжу и Вану — было что вспомнить. Чжу ведь тоже, как и Дэн, и Ван, учился здесь, причем примерно в то же время, что и Дэн, с лета 1925-го по лето 1926-го, только не в Университете им. Сунь Ятсена, а в Комуниверситете трудящихся Востока, — под псевдонимом Данилов. А Ван Цзясян не только в 1925–1930 годах посещал занятия в первом из них (под псевдонимами Коммунар и Коммусон), но в 1937–1938 годах под именем Чжан Ли работал в Исполкоме Коминтерна, а в октябре 1949-го — январе 1951-го исполнял обязанности первого посла Китайской Народной Республики в Советском Союзе. Лишь Тань Чжэньлинь впервые оказался в столице СССР, а потому его товарищи с удовольствием показывали ему «их город». Хотя Дэн и Чжу и сами увидели много нового: ВДНХ, метро, выставку достижений в области мирного атома, а также Московский университет на Ленинских горах. Настроение у всех было приподнятое.

Пятнадцатого февраля Чжу Дэ от имени китайской компартии приветствовал съезд, после чего зачитал письмо Мао Цзэдуна, в котором говорилось о непобедимости «Коммунистической партии Советского Союза, созданной Лениным и выпестованной Сталиным вместе с его ближайшими соратниками»[121]. Зал, стоя, бурными овациями приветствовал посланцев Компартии Китая. Всё, казалось, шло хорошо.

Но неожиданно, 19 февраля, во время приема в Кремле

Хрущев сообщил Чжу Дэ, что хотел бы встретиться с китайской делегацией «тет-а-тет» после съезда. «Для того, чтобы поговорить о Сталине», — загадочно сказал он[122]. Чжу, конечно, ответил согласием, хотя и не понял, что имел в виду глава КПСС. Осознавать, что происходит, и он, и Дэн, и другие китайские делегаты стали только на следующий день, когда прослушали выступление Анастаса Ивановича Микояна, одного из вождей КПСС, заместителя председателя Совета министров СССР. К их глубокому удивлению, тот раскритиковал Сталина — за нарушение принципов коллективного руководства! Тут они вспомнили, что и другие выступавшие «в своих речах все время говорили только о ленинизме и цитировали исключительно Ленина, ни разу не сославшись на Сталина». Об этом китайские делегаты тут же сообщили в Пекин, предложив занять следующую позицию: «Не выражать мнение по поводу заслуг и ошибок Сталина, но подчеркивать важность коллективного руководства и борьбы с культом личности»[123]. Мао не возражал.

Чжу Дэ неожиданно вспомнил, что еще 6 февраля, за пять дней до приезда Дэна и других китайских товарищей, Хрущев, принимая его в Кремле и говоря о коллективизации сельского хозяйства, которая в Китае как раз подходила к концу, заметил, что у них, в СССР, после завершения кооперирования производство продуктов питания долгое время оставалось ниже уровня 1913 года. «Вина за это лежит на руководстве, которое не понимало крестьян, — объяснил он. — После того как Сталин поездил по сибирским деревням в 1928 году, он больше на село не выезжал. Он знал о деревне только из кинофильмов. Не лучше разбирались [в аграрных проблемах] и другие члены Политбюро»[124]. Наивный Чжу не придал тогда этим словам значения, но в свете происходившего на съезде они вдруг приобрели особый смысл. Члены делегации незамедлительно проинформировали Мао и об этом.

Но главное событие ждало китайцев после съезда. 27 февраля, во второй половине дня, к Чжу Дэ прибыл нарочный из Кремля и заявил, что по поручению ЦК КПСС должен проинформировать его о произнесенном в ночь с 25 на 26 февраля закрытом докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях». В этом докладе Сталин обвинялся в бесчисленных преступлениях, в том числе в уничтожении многих честных советских граждан[125]. Дэн Сяопин рассказывал: «Во время съезда мы не слышали секретного доклада против Сталина. На второй же день после закрытия съезда, вечером, отдел ЦК [КПСС] по связям [с иностранными коммунистическими партиями] прислал к нам человека, который привез доклад… Члены делегации

посоветовались и решили, что командующий Чжу Дэ стар и выслушать сообщение надо мне. Фактически это было никакое не сообщение, а [весь] секретный доклад, который изложил переводчик [Ши Чжэ[52]]. Наш переводчик частично читал [доклад], частично [его] пересказывал. После того как он закончил, нарочный тут же забрал доклад и уехал. [Ши Чжэ] прочитал его только один раз»[126]. Интересно, что нарочный прибыл буквально на следующий день после того, как Дэн Сяопин и Тань Чжэньлинь от имени Компартии Китая возложили венки к Мавзолею Ленина и Сталина. Любопытное совпадение, не правда ли?

Дэн сообщил «потрясающую новость» Чжу Дэ и другим членам делегации, сказав, что «доклад сумбурен и нелогичен», но чувствовалось, что Хрущев потряс его. Чжу Дэ ответил: «Все, что они говорят, — это их дело. Мы здесь гости». Но Дэн не согласился: «Сталин — международная фигура. Относиться к нему таким образом — безобразие! Нельзя так третировать революционного вождя Сталина». Тань Чжэньлинь попытался примирить Чжу и Дэна: «Мы не должны безвольно соглашаться с их точкой зрения, надо иметь собственную позицию. Однако это их внутренняя политика, и мы никак не можем на них повлиять». Ван Цзясян и Лю Сяо отмолчались. После этого Дэн заявил: «Это дело имеет огромное значение. Надо доложить ЦК, а свою позицию выражать не будем». Все вместе тут же составили телефонограмму и передали в Пекин[127].

Мао Цзэдуна новость из Москвы конечно же ошеломила, несмотря на то что уже в апреле 1954 года от своего посла в СССР (тогда это был Ло Фу, тот самый, который в 1930-е годы сначала боролся против Мао, а потом вместе с ним низверг Бо Гу и Отто Бруна) он получил донесение об определенном изменении отношения к Сталину в Советском Союзе[128]. Однако изменение изменением, но осуждение! Такое казалось невероятным!

Мао Сталина не то чтобы сильно любил (тот не раз унижал его во время их встреч в Москве), но все же исключительно уважал, считая великим Учителем и гениальным марксистом. Так что на душе у него было тяжело. Однако, немного поразмыслив, он подавил в себе первое гнетущее чувство. Как бы то ни было, но осуждение кремлевского экс-диктатора идейно раскрепощало его[129]. Мао мог теперь идти на любую ревизию марксистской теории, не оглядываясь на советский опыт.

Вместе с тем его да и остальных китайских руководителей не могло не возмутить то, насколько нелепо вели себя советские вожди, информируя их о докладе: представителям Компартии Китая даже не разрешили увезти в Пекин текст! Кстати,

аналогичным образом Хрущев поступил и с остальными крупными компартиями (таковых помимо КПК насчитывалось двенадцать: компартии социалистических стран плюс французская и итальянская). Руководителям их делегаций тоже только показали доклад, быстро ознакомив с содержанием, после чего отобрали. Делегациям же других «братских» партий вообще ничего не сообщили. Такое небрежение действительно могло вывести из себя кого угодно[130].

В тот же вечер, 27 февраля, китайскую делегацию пригласили в ЦК КПСС на небольшое совещание представителей нескольких избранных компартий, на котором с разъяснением доклада выступил Хрущев. А на следующий день Никита Сергеевич лично посетил китайцев на подмосковной правительственной даче, где те жили. И вновь растолковывал, почему Сталин нехорош, прося при этом поддержать его доклад[131].

Вернувшись в Пекин 3 марта, Дэн тут же (через три часа) доложил Мао, Лю Шаоци и Чжоу Эньлаю о том, что произошло[53]. (В заседании, созванном наспех в Чжуннаньхае, приняли участие и некоторые другие руководители КНР, в том числе знакомый нам Не Жунчжэнь, а также первый секретарь Пекинского горкома и мэр Пекина Пэн Чжэнь и член Политбюро Кан Шэн.) Текст доклада Хрущева Дэн вынужден был пересказать по памяти.

После этого в течение марта Мао провел четыре совещания с членами и нечленами Политбюро и Секретариата ЦК, на которых вновь и вновь обсуждал разоблачение Сталина. Чувствовалось, что вопрос задел его за живое. А как же иначе? Дело-то касалось не только покойного «отца народов», но и самого сталинского социализма, построение которого в Китайской Народной Республике близилось к завершению. Безрассудная речь Хрущева разрушала основы модели, нанося тяжелейший удар по авторитету всех компартий социалистических стран, в том числе китайской, так как ни одна из этих организаций не могла существовать без культа личности. Все они являлись партиями вождистского типа, строились на ленинских принципах жесточайшего централизма и представляли собой структурообразующие элементы тоталитарных систем. Непосредственным образом хрущевский доклад подрывал и культ «великого кормчего», раздувавшийся в Китае не меньше, чем культ Сталина в СССР.

Последнее обстоятельство особенно волновало Мао. В голову приходили разные мысли, одна тревожнее другой: «Как воспримут осуждение культа личности Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, другие соратники? Не используют ли доклад Хрущева для

дискредитации его, Председателя? Не окажется ли среди них такой же коварный человек, как Хрущев, изменивший своему вождю и учителю?»

Внешне все члены ареопага были горой за Мао Цзэдуна, но кто знал, что творилось в их душах? Хрущев-то тоже смотрел Сталину в рот, когда тот был жив. Узнав, что Чжу Дэ в Москве не разобрался в сути хрущевского доклада, Мао пришел в ярость. «Чжу Дэ ничего не понимает. И на Хрущева, и на Чжу Дэ нельзя положиться», — заявил он[132].

Вечером 12 марта Мао собрал расширенное заседание Политбюро, на котором Дэн еще раз рассказал о XX съезде — теперь уже всем членам руководства наряду с некоторыми другими ответственными работниками[133]. К тому времени руководители китайской компартии уже смогли ознакомиться с текстом доклада, который специально для них был переведен и распечатан сотрудниками информационного агентства Синьхуа (Новый Китай), использовавшими английский перевод, опубликованный 10 марта в газете «Нью-Йорк таймс». Этот последний был, в свою очередь, выполнен с русского текста, полученного сотрудниками Сиэн-эн по своим каналам в Варшаве. Вот уж заварил кашу Хрущев! Весь мир заставил охотиться за своим докладом!

На расширенном заседании Политбюро Мао спокойным голосом объявил: «С одной стороны, сделав секретный доклад, осуждающий Сталина, Хрущев снял крышку [чтобы выпустить пар]. Это хорошо. Но с другой стороны, он наделал дел, да так, что весь мир содрогнулся… Неправильно, что по такому большому вопросу, относительно такой важной международной личности не посоветовались со всеми партиями. Ведь факты говорят о том, что в компартиях всего мира возник хаос… Я раньше думал, что Хрущев неординарный человек, довольно живой… Но сейчас увидел, что он немного страдает эмпиризмом. Придя к власти, он нуждался в нашей поддержке, [именно] поэтому улучшил советско-китайские отношения».

Все присутствующие согласились, а Дэн добавил: «КПСС по существу не отказалась от своего великодержавия. Они сделали секретный доклад, но перед этим ни к кому не обратились. Ознакомили [с ним] один раз и на этом поставили точку». В великодержавии обвинили Хрущева и Ван Цзясян, и Ло Фу (последний исполнял тогда обязанности первого заместителя министра иностранных дел).

В конце заседания, однако, Мао попросил всех еще раз подумать, как все-таки отнестись к такому большому вопросу, как осуждение культа личности[134]. И следующую встречу, 19 марта,

начал словами: «У меня в целом впечатление довольно сумбурное, а как вы думаете, не знаю». После чего стал внимательно слушать выступавших, прихлебывая жидкую рисовую кашу из фарфоровой чашки, так как не успел позавтракать. «Я прочитал секретный доклад Хрущева с „головы до хвоста“, но не потерял аппетит», — пошутил он[135].

Взяв слово, Дэн заявил: «В докладе речь главным образом идет о характере Сталина, но нельзя говорить, что в такой большой стране, в такой большой партии в течение такого большого периода из-за характера одного человека был допущен ряд ошибок»[136]. Как видно, Дэн искусно выводил из-под удара не только Сталина, но и самого Мао Цзэдуна. Ведь по его словам получалось, что вождь вообще не может нести персональной ответственности за ошибки и преступления, им совершенные; в ответе всегда вся партия, всё руководство. Конечно же Мао не мог не отметить старания своего выдвиженца. Подход Дэна должен был ему импонировать.

Неплохо для Мао Цзэдуна выступили и Ван Цзясян, и Ло Фу, и особенно Чжоу Эньлай. Они вновь подвергли КПСС резкой критике за ее великодержавие. В отличие от Дэна, правда, они высказали немало претензий и лично к Сталину, главным образом за то, что тот допускал ошибки в руководстве китайской революцией из Москвы. Ван, например, сказал, что и «линия Ли Лисаня, и курс Ван Мина» (псевдоним Чэнь Шаоюя, который он использовал с конца 1931 года) — всё было от Сталина, а Чжоу заявил, что раньше, «говоря о многочисленных ошибках партии, мы не упоминали СССР и обвиняли только себя. Однако на самом деле многие ошибки — отнюдь не наши, а советских коммунистов или руководимого ВКП(б) Коминтерна, [поскольку] прежде китайская партия была зависимой. Сейчас, говоря об ошибках Сталина, надо сказать, что за поражения китайской революции определенную ответственность несет КПСС»[137].

Со всем этим Мао согласился, заметив, что достижения и ошибки Сталина соотносятся как 70 к 30. После этого произнес длинную речь-воспоминание о том, что «хранил в своем сердце в течение шести лет». Мао рассказал о горьких обидах, нанесенных ему Сталиным во время его (Мао) визита в Москву в декабре 1949-го — феврале 1950 года. Тот его долго не принимал, держал на даче почти как арестанта, а потом во время переговоров третировал до такой степени, что у Мао Цзэдуна совершенно расшатались нервы[54]. Но, рассказав об этом, Мао заметил: «Дождь будет падать с небес. Девушки будут выходить замуж. Что мы можем сделать?» А затем добавил: «В осуждении Хрущевым Сталина есть и хорошее. Хрущев разбил жесткие оковы,

раскрепостил сознание, помог нам задуматься над проблемами. Не обязательно строить социализм, полностью опираясь на советскую модель, можно исходить и из конкретной ситуации в собственной стране, выдвинув курс и политику, соответствующую национальным особенностям Китая»[138].

Казалось, всё складывалось хорошо. Но тут выступил Лю Шаоци, который, похоже, заставил Мао насторожиться. Он объявил, что, с его точки зрения, Сталин помимо прочего допустил просчеты во время коллективизации, форсировав темпы кооперирования[139]. Вряд ли Лю сделал это без заднего умысла: все знали, как резко Мао только недавно критиковал его за «консерватизм» и «умеренность» в вопросах социалистических преобразований. Так не пытался ли сейчас Лю Шаоци бросить тень на Председателя?

К тому времени всего за два с половиной года (с 1954-го по первую половину 1956-го) в производственные кооперативы, уступая нажиму со стороны Компартии Китая, вступили около 92 процентов крестьянских хозяйств. Масштабы деревенского сопротивления, правда, не шли в сравнение с тем, что имело место при большевистской коллективизации в Советском Союзе; зажиточные крестьяне *(фунун),* потеряв собственность, просто растворились в колхозах, не будучи ликвидированы физически[140]. Тем не менее экономические результаты ускоренной коллективизации могли оказаться не менее болезненны для Китая, чем для СССР.

Да, «великого кормчего» обидеть было легко, но Лю Шаоци в тот момент, очевидно, не думал об этом. Возможно, он проявил принципиальность, так как в глубине души по существу оставался противником неоправданно быстрых темпов социалистического строительства, а может быть, просто не придал значения настроениям Председателя. Как бы то ни было, но его выступление явно усилило подозрительность Мао к нему, а также к его возможным единомышленникам.

Из всего окружения вождя Дэн, похоже, единственный тогда сообразил, что Лю «перегнул палку», и в конце заседания начал распространяться о том, что в Китае и в китайской компартии никогда не было культа личности, потому что сам Мао якобы всегда боролся против этого явления[141]. Звучало это фальшиво, но ложь Дэна была во спасение Лю, к которому Дэн со времени их общей борьбы против Гао и Жао испытывал все большее уважение.

Председатель, однако, оставил слова Дэна без внимания, поручив своему секретарю Чэнь Бода вместе с работниками агентства Синьхуа и отдела пропаганды ЦК подготовить

передовую статью, посвященную вопросу о культе личности в СССР. К 5 апреля она была закончена и в тот же день опубликована в «Жэньминь жибао». Отредактировал ее сам Мао, которому помогли некоторые другие члены руководства, в том числе Дэн[142]. Передовица предназначалась широкой общественности, а следовательно, не содержала чрезмерной критики бывшего коммунистического идола даже в вопросах китайской революции. Лидеры Компартии Китая и прежде всего сам Мао не хотели, чтобы кто-либо под антисталинским знаменем выступил против их собственной диктатуры. Позже, 28 апреля, на расширенном заседании Политбюро Мао Цзэдун признает: «О плохом, что сделал[и] Сталин и III Интернационал… мы не собираемся рассказывать… массам в газетах (если в такой статье написать хотя бы одну фразу, то и она „возбудит нездоровый интерес“)»[143]. Как Мао и хотел, сталинские заслуги и ошибки суммировались в статье в соотношении 70 к 30, но Советский Союз тем не менее восхвалялся за «самоотверженную критику… ошибок прошлого».

После этого, 25 апреля, Мао выступил на новом расширенном заседании Политбюро с речью «О десяти важнейших взаимоотношениях», ознаменовавшей важнейший поворот во всем его мировоззрении и отразившей новую атмосферу раскрепощения сознания, начавшую складываться в китайской компартии. Впервые Председатель открыто призвал идти к светлому будущему более коротким путем — по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее», нежели в СССР, — хотя и не представил детальную программу строительства социализма китайского типа[144].

Идеи Председателя, однако, показались многим китайским лидерам, в том числе Лю Шаоци, Чжоу Эньлаю и Чэнь Юню, авантюрными. В то время они были заняты подготовкой второго пятилетнего плана, и левацкие идеи Мао не были ими восприняты. Не осознал революционного значения речи Мао и Дэн.

Мао обиделся. «Оказалось, что у меня происходит головокружение от успехов, что я допускаю „слепое забегание вперед“», — саркастически сказал он. И в конце лета объявил «сотоварищам», что собирается оставить пост Председателя Китайской Народной Республики по «состоянию здоровья», сохранив за собой только должность Председателя ЦК компартии[145].

Между тем приближалось главное событие 1956 года: VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии. На этом форуме Лю Шаоци по предложению Мао, сделанному еще в марте 1955

года, должен был выступить с политическим докладом о работе ЦК, Дэн Сяопин — с докладом об изменениях в уставе партии, а Чжоу — с докладом о втором пятилетнем плане. Сам Мао ни с какой крупной речью выступать больше не собирался, в чем, собственно, не было ничего особенного: Сталин тоже на XIX съезде в основном отмалчивался, поручив сделать главный доклад секретарю ЦК Георгию Максимилиановичу Маленкову. Но так же, как Сталин, Мао, понятно, внимательно знакомился с многочисленными проектами всех документов съезда[55].

Казалось, он остался ими доволен, но это была лишь видимость. Он просто умело скрывал свои мысли и, не особенно сдерживая соратников, испытывал их, лелея свою все более обострявшуюся подозрительность. «Ну, давайте, раскрывайте карты», — будто говорил он им.

И те попали в западню. Даже Дэн совершил ряд промахов. В частности, исключил из устава партии и из собственного доклада об изменениях в уставе термин «идеи Мао Цзэдуна». Это произошло уже во время съезда, на одном из заседаний Политбюро, прямо накануне его выступления. До того во всех многочисленных вариантах устава и доклада указание на «идеи Мао Цзэдуна» как идеологическую основу Компартии Китая сохранялось[146]. А тут вдруг старый вояка Пэн Дэхуай, явно под влиянием осуждения культа личности в Советском Союзе, взял да и предложил «вычеркнуть» их из устава. С ним сразу же согласился Лю Шаоци[147]. Дэн тоже не стал возражать: скорее всего потому, что Мао в тот момент не выразил неудовольствия[148]. К тому же Дэн знал, что начиная с конца 1940-х Председатель неоднократно демонстрировал нежелание выпячивать этот термин. Так, в январе 1949-го он сам удалил его из устава Новодемократического союза молодежи Китая (бывшего Коммунистического союза молодежи Китая), заменив на «идеи о соединении теории марксизма-ленинизма с практикой китайской революции». Устранял он этот термин и из некоторых других документов, в том числе из нового издания третьего тома собственных «Избранных произведений», увидевшего свет в апреле 1953 года[149]. Из устава партии, однако, он «вычеркивать» свои идеи не предлагал, так что не понятно, почему такой опытный аппаратчик, как Дэн, вовремя не сориентировался. Но факт остается фактом. Дэн совершил ошибку. И Мао, как показало будущее, запомнил это. (В ноябре 1967 года Председатель поделится с некоторыми тогдашними ближайшими соратниками обидами на Дэна и Лю Шаоци, якобы проигнорировавшими его мнение во время VIII съезда партии[150].)

А в уставе между тем вместо положения о том, что

«Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется учением, которое объединяет теорию марксизма-ленинизма с практикой китайской революции — идеями Мао Цзэдуна», записали: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом»[151]. Выступая же с докладом «Об изменениях в уставе партии», Дэн сделал особое ударение на необходимости бороться «против выпячивания личности, против ее прославления». При этом он высоко оценил XX съезд КПСС, раскрывший перед всеми, «к каким серьезным отрицательным последствиям может привести обожествление личности»[152]. Позже он оправдывался: «Проект этого доклада составляли несколько человек. Этот раздел писал не я. Насколько я помню, он был написан на основе статьи „Об историческом опыте диктатуры пролетариата“»[153].

Оправдания Дэна были, конечно, убоги: ведь в любом случае именно он нес ответственность за доклад, в котором, кстати, содержались и ласкающие слух Мао моменты. В частности, тезис, выдвигавшийся Дэном ранее, о том, что в борьбе с культом личности в Компартии Китая большую роль якобы играет сам Мао Цзэдун. Более того, Дэн заявлял, что «марксизм никогда не отрицал роли выдающейся личности в истории» и что вообще-то «любовь к вождям является выражением любви к интересам партии, класса и народа, а не обожествлением личности»[154]. Иными словами, давал понять, что любовь к Председателю — дело хорошее и полезное для социализма.

Ну с этим, конечно, Мао не мог не согласиться. Его отношение к Дэну, хотя и несколько затуманенное подозрительностью и обидой на то, что тот не проник в суть его речи «О десяти важнейших взаимоотношениях» и к тому же легко согласился удалить «идеи Мао Цзэдуна», в целом оставалось неплохим. Именно по его, Мао, предложению съезд избрал Дэна Генеральным секретарем Центрального комитета. Этот пост, упраздненный, кстати, на VII съезде, имел гораздо больший вес, чем должность заведующего Секретариатом, так как генсек должен был выполнять не только руководящие партийно-организационные функции, но и играть важную роль в принятии политических решений. Подразумевалось, что он войдет в узкую элиту партийного руководства: во вновь образуемый Постоянный комитет Политбюро. «Я думаю, что Дэн Сяопин человек довольно честный, — заявил Мао. — Он похож на меня. Не то чтобы у него совсем нет недостатков, но он довольно честный. У него есть некоторые способности, и он может более или менее неплохо делать дела. Вы считаете, что он хорош во всем? Нет, он такой же, как я. Он совершает ошибки во многих вопросах, и немало его

суждений неправильны. Но он выделяется на общем фоне и может вести дела. Он довольно аккуратный, довольно честный и добрый человек. Люди его не слишком боятся. Я сегодня его немного расхваливаю… Я думаю, что он подходит [для этой работы]. Достоин он или нет, решат все, но я считаю, что он более или менее достоин. Недовольные им люди тоже есть, так же, как и недовольные мною. [Да], некоторые мною недовольны, я такой человек, что многим принес вред. Но сегодня эти люди избирают меня, так как ставят общие интересы выше личных. Вы скажете, что Дэн Сяопин никому не принес вреда? Не верю. Но, говоря в целом, этот человек достойный, довольно добрый, решает вопросы более или менее справедливо и к своим ошибкам относится строго… Он прошел испытание внутрипартийной борьбой»[155].

Вряд ли стоить говорить, что Дэн был рад своему возвышению, хотя и скромно отказывался во время выдвижения: «Не достоин, недостоин, нет, не могу, сердце замирает»[156]. Но иначе он поступить не мог: такова была древняя китайская традиция. Принимать назначение сразу считалось нескромным.

В результате Дэн почти единогласно был избран членом Центрального комитета, уступив по числу поданных за него голосов только Мао, Лю Шаоци и старому члену партии Линь Боцюю. После этого на 1-м пленуме ЦК, 28 сентября, его сделали членом Политбюро и генсеком. Вошел он и в Постоянный комитет Политбюро, став шестым по рангу лицом в партийной иерархии — после Мао, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ и Чэнь Юня (последние четверо стали заместителями Председателя).

Теперь он был уже не в тени Мао. Он встал рядом с «великим кормчим». Но быть равным Председателю ему не полагалось по-прежнему. Тоталитарная власть подразумевала диктатуру единственного и неоспоримого вождя.

«ГЛАВНАЯ РАСТУЩАЯ СИЛА»

Став Генеральным секретарем, Дэн вместе с семьей обосновался в одном из элитных подворий Чжуннаньхая Ханьсюсюань (Павильон, где таится красота), за высокими стенами, отделяющими элиту партии от народа. Располагался этот дом недалеко от зала торжественных заседаний ЦК и правительства Хуайжэньтан (Павильон преисполненных гуманности) и был выстроен в традиционном стиле «сыхэюань» с внутренним квадратным двориком и одноэтажными постройками по периметру. Предоставил его Дэну заведующий канцелярией ЦК знакомый нам Ян Шанкунь, 48-летний ветеран китайской компартии, с которым Дэн был знаком с ноября 1926 года, с тех пор, как Ян под псевдонимом Салтыков стал учиться в Москве, в Университете им. Сунь Ятсена. В январе 1927-го, правда, их пути разошлись, но в 1933-м в Центральном советском районе, где Ян Шанкунь занимался партийной пропагандой, пересеклись вновь. После этого, в начальный период антияпонской войны, Дэн активно сотрудничал с Ян Шанкунем, в то время секретарем Северо-Китайского бюро ЦК, то есть своим непосредственным партийным начальником. «Между нашей семьей и семьей Ян Шанкуня издавна существовали очень тесные отношения», — вспоминает дочь Дэна Маомао[157].

В новом доме под серой черепичной крышей Дэн с Чжо Линь заняли один из флигелей на северной стороне строго симметричного дворика, обсаженного по четырем углам стройными кипарисами. Их же дети и бабушка Ся Богэнь стали жить в западном флигеле, а секретарь Дэна Ван Жуйлинь, 25-летний шаньдунец в больших круглых очках, работавший у Дэна с сентября 1952 года, — в восточном (помимо него секретарские обязанности при Дэне выполнял еще только один секретарь — сама Чжо Линь). Почти неотлучно в доме находились молодой телохранитель Дэна Чжан Баочжун, крестьянский сирота из Хэйлунцзяна (в 1956 году ему исполнилось 22 года, с Дэном он находился с 1954-го), повар Ян Вэйи и слуга У Хунцзюнь. Соседями же генсека стали его старые друзья Ли Фучунь и Чэнь И, которые тоже были заместителями премьера, а также еще один приятель, Тань Чжэньлинь, бывший, как мы помним, замом Дэна по Секретариату ЦК. На VIII съезде Ли и Чэня избрали в Политбюро, а Тань станет членом этого высшего органа в 1958 году, а потом, через год, займет и кресло заместителя премьера[158].

Мао жил буквально в двух минутах ходьбы от них — в так

называемом Павильоне Аромат хризантем в Саду Обильных водоемов, тоже вблизи Хуайжэньтана. Рядом находились и резиденции Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Чэнь Юня и других высших руководителей партии и государства. С ними и с Мао Дэн теперь встречался особенно часто. Социально-экономическое и политическое положение в стране и мире, равно как и обстановка в партии требовали неослабного внимания.

Осенью 1956 года, сразу после VIII съезда, серьезное беспокойство лидеров Компартии Китая стали вновь вызывать международные дела, на этот раз — ситуация в Восточной Европе. Дело в том, что в начале октября 1956 года бывший коммунистический руководитель Польши Владислав Гомулка, снятый с поста генсека в 1948-м не без вмешательства Сталина и проведший три года (1951–1954) в тюрьме, стал требовать, только что вернувшись в партию, удаления из Польши советских офицеров, служивших в польских войсках. В первую очередь — члена польского Политбюро, заместителя председателя Совета министров и министра национальной обороны Польской Народной Республики советского маршала Константина Константиновича Рокоссовского, назначенного на эти посты Сталиным. Хрущев страшно обеспокоился и 19 октября, не особо думая, отдал приказ советским войскам, расквартированным по условиям Варшавского договора[56] в Северной и Западной Польше, начать постепенное выдвижение в сторону Варшавы. В тот же день он сам в сопровождении трех членов Президиума ЦК КПСС и командующего войсками стран — участниц Варшавского договора маршала Ивана Степановича Конева неожиданно прибыл в Варшаву для переговоров. Но беседы с поляками ничего не дали, так как многие польские руководители поддерживали Гомулку. Они мобилизовали войска внутренней безопасности и начали организовывать народные вооруженные дружины. СССР и ПНР оказались на грани первой в истории социалистической войны. Хрущев испугался и дал задний ход: советские войска прекратили движение. Временное затишье, однако, никого не могло обмануть: кремлевский вождь по-прежнему любыми средствами желал «покончить с тем, что есть в Польше»[159], а пленум ЦК Польской объединенной рабочей партии 21 октября именно Гомулку избрал первым секретарем[160].

Кризис социализма в Польше был, разумеется, спровоцирован в первую очередь выступлением Хрущева против Сталина. Его же авантюристические военные действия в отношении независимой страны лишь усугубили ситуацию. И Мао, ясно понимая это, стал уже открыто выражать недовольство главой КПСС. Глядя на него, негодование Хрущевым начали демонстрировать и остальные

китайские руководители, в том числе Дэн, который, как мы помним, и раньше считал хрущевскую борьбу с культом личности «безобразием».

Вечером 20 октября, еще до того, как в Пекин пришли известия о решении Хрущева приостановить выдвижение воинских частей, Мао созвал расширенное заседание Политбюро, на котором впервые осудил Советский Союз за «великодержавный шовинизм». Как раз накануне он получил письмо от польского руководства, которое просило о помощи[161], так что чувствовал себя законным арбитром. «В старом обществе было нормой, когда учитель бил ученика палкой, если тот не слушался, — напомнил он собравшимся. — Но отношения между СССР и Польшей не есть отношения между учителем и учеником. Это отношения между двумя [независимыми] государствами, двумя партиями»[162]. Все согласились, постановив предупредить Хрущева, чтобы тот ни в коем случае не применял против Польши силу.

После заседания Мао сразу же вызвал к себе посла СССР Павла Федоровича Юдина, которого принял в спальне в халате, в нарушение всех протоколов. «Мы решительно осуждаем то, что вы делаете, — заявил он в крайнем раздражении. — Прошу вас немедленно телефонировать наше мнение Хрущеву: если Советский Союз двинет войска, мы поддержим Польшу». Очевидец сообщает: «В течение всей встречи Юдин оставался крайне напряженным. Также чувствовал себя и советник Посольства СССР [Николай Георгиевич] Сударикoв, сопровождавший его и ведший протокол. С лица Юдина лил пот, он то и дело утирался ладонью и все время повторял: „Да, да“»[163].

Получив информацию Юдина, Хрущев испугался и 21 октября принял решение, «учитывая обстановку… [полностью] отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость». Более того, пригласил «посовещаться» в Москву представителей нескольких компартий социалистических стран, в том числе Китая[164].

Мао, Лю, Чжоу, Чэнь Юнь и Дэн приняли решение помочь руководителю КПСС в урегулировании ситуации. 23 октября около часа ночи в спальню к Мао вновь был вызван несчастный Юдин, которому Председатель, сидя в кровати, сообщил об этом. После чего не смог удержаться, чтобы не высказать едкое недовольство антисталинской политикой Хрущева. «Сталина критиковать следовало, однако в отношении методов критики мы придерживаемся иного мнения», — объявил он[165]. Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, расположившиеся полукругом на стульях близ ложа «великого кормчего», подобострастно молчали.

Рано утром 23 октября китайская делегация на советском самолете вылетела в Москву. В ее состав Мао включил Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Ван Цзясяна и Ху Цяому (последний был членом Секретариата ЦК и одним из личных секретарей Председателя). К тому времени, однако, когда делегация встретилась с Хрущевым, а произошло это в 11 часов вечера того же дня, резко обострилась обстановка в другой восточноевропейской стране, Венгрии, где 23 октября нараставшее с весны недовольство населения сталинистским курсом Венгерской рабочей партии вылилось в настоящее народное восстание. Тысячи демонстрантов, вышедшие на улицы Будапешта и других городов под лозунгами «национальной независимости и демократии», скандировали строки Шандора Пётефи, знаменитого поэта и героя венгерской революции 1848 года, павшего в бою с царскими казаками: «Богом венгров поклянемся навсегда / Никогда не быть рабами. Никогда!»[166] В результате демократического переворота власть в правительстве перешла к популярному в народе коммунисту-либералу Имре Надю[167].

Так что в центре московских дискуссий представителей Компартии Советского Союза и Компартии Китая, продолжавшихся девять дней (с 23 по 31 октября), оказался именно венгерский вопрос. Лю, Дэн и другие вели переговоры в основном с Хрущевым, а также с членами Президиума ЦК КПСС Вячеславом Михайловичем Молотовым и Николаем Александровичем Булганиным на бывшей сталинской даче в Липках. Несколько раз Хрущев приглашал Лю Шаоци, Дэна и других членов делегации на заседания своего Президиума[168].

В первый же вечер Лю довел точку зрения Мао о «неправомерных методах критики Сталина» в Советском Союзе до Хрущева, который вынужден был только кивать головой. Никита Сергеевич испытывал тогда большую тревогу, а потому не мог скрывать заинтересованности в китайской поддержке. Покритиковав его на всю катушку, Лю все же заверил советского товарища, что ЦК Компартии Китая на его стороне, по крайней мере в Польше (имелся в виду отказ от применения силы). То же сказал и Дэн[169].

На следующий день, 24 октября, на заседании хрущевского Президиума, Лю Шаоци вновь подчеркнул, что «считает правильными мероприятия ЦК КПСС по Польше»[170]. Хрущев остался доволен. «Лю Шаоци приятный человек, с ним можно по-человечески рассматривать вопросы и решать их, — вспоминал он впоследствии. — …Он наиболее импонировал мне как человек… Когда я беседовал с ним, то чувствовал, что у нас одинаковый стиль мышления, что мы понимаем друг друга с полуслова, хотя

и разговариваем через переводчика». «Сильное впечатление» на Никиту Сергеевича произвел тогда и Дэн[171].

Но ситуация быстро развивалась. Лю Шаоци постоянно советовался с Мао, и тот первоначально рекомендовал Хрущеву и другим советским руководителям, считавшим, что в Будапешт надо немедленно ввести войска[57], придерживаться такой же, как в Польше, миролюбивой позиции[172]. И вдруг во второй половине дня 30 октября, получив информацию от своего посла в Венгрии, а также от Лю Шаоци о самосуде над офицерами госбезопасности, имевшем место в Будапеште, Мао потерял терпение. Он тут же позвонил Лю, который передал Хрущеву и другим членам Президиума ЦК КПСС его новую точку зрения: «[Советские] войска должны остаться в Венгрии и Будапеште»[173]. Это означало «добро» на подавление венгерского демократического движения.

По иронии судьбы именно в тот день Хрущев и другие члены Президиума пришли к выводу, что из Венгрии да и вообще из всех соцстран надо войска выводить, а венгерские события урегулировать мирным путем. Иными словами, восприняли наконец прежнюю китайскую точку зрения. Булганин сказал китайцам, что у них теперь «неправильное представление»[174], но Дэн парировал: «Сначала [вам] надо овладеть политической ситуацией, не допустить, чтобы политическая власть оказалась в руках врагов. Советские войска должны вернуться на прежние позиции и решительно защитить народную власть… Советской армии нельзя уходить из Венгрии, надо сделать всё, чтобы помочь венгерским коммунистам восстановить политический контроль и порядок вместе с Советской армией». Он также заметил, что войска СССР должны «играть образцовую роль, демонстрируя подлинный пролетарский интернационализм»[175].

Речь Дэна прозвучала резко, и Лю, пытаясь смягчить впечатление, пошутил: «Ну вот, вчера мы советовали вам выводить войска из Венгрии, а вы были против, а сегодня вы советуете нам не поднимать вопрос о невыводе войск»[176]. Кое-кто из присутствующих засмеялся, но в целом атмосфера осталась напряженной. Обо всем этом Лю и Дэн немедленно доложили Мао, и тот, конечно, остался недоволен, посчитав, что Хрущева шатает то влево, то вправо.

И он был прав. Хрущев действительно совершенно запутался. Ведь только утром 30 октября, идя навстречу китайцам, Президиум принял Декларацию об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами, в которой, в частности, говорилось: «Страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения

только на принципах… невмешательства во внутренние дела друг друга»[177]. А теперь что же? Атаковать Будапешт?

Хрущев не мог успокоиться. Он всю ночь размышлял и на следующий день, по существу приняв новое китайское предложение, заявил на заседании Президиума: «Войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии»[178]. А вечером уже в аэропорту, провожая китайскую делегацию, объявил Лю Шаоци, что Президиум ЦК КПСС решил «навести порядок в Венгрии»[179].

Четвертого ноября Советская армия вошла в Будапешт и другие венгерские города. Но повсеместно встретила отчаянное сопротивление. Борцы за свободу забрасывали советские бронемашины бутылками с зажигательной смесью и даже кидались под гусеницы танков. В итоге, хотя Хрущеву и удалось потопить венгерскую революцию в крови (было убито более двух с половиной тысяч венгров и ранено около двадцати тысяч), безвозвратные потери советских войск тоже оказались чудовищными: почти в два с половиной раза больше, чем за все годы корейской войны (1950–1953): 720 человек! Раненых и травмированных солдат насчитывалось более полутора тысяч[180].

Что же касается Дэна, то он к тому времени уже давно находился в Пекине. Вернувшись в полночь с 1 на 2 ноября, члены китайской делегации поспешили в Чжуннаньхай, где представили Мао, а потом и всему Политбюро подробный отчет. «Великодержавный шовинизм советских людей, — заявили они, — имеет очень глубокие корни и вызывает сильное недовольство братских партий. Хотя руководство КПСС и чувствует, что прошлые подходы не работают, оно еще не осознало, что надо „поворачивать оглобли“. Националистические настроения в восточноевропейских странах тоже имеют глубокие корни, и сейчас национализм расцветает. Каждый преувеличивает собственные национальные особенности в ущерб интернационализму; возникла тенденция отрицать всё, что связано с СССР, в том числе и Октябрьскую революцию»[181]. После этого Мао высказал мысль о необходимости подготовить новую статью о Сталине — «в особенности с учетом венгерских событий»[182]. (Такая статья будет опубликована в «Жэньминь жибао» 29 декабря; в ней критика в адрес Сталина будет значительно ограниченна[183].)

Между тем 6 ноября Дэн выступил перед членами Секретариата ЦК и рассказал о том, что произошло в Восточной Европе. При этом он заявил: «После событий в Польше и Венгрии у [нашей] молодежи, деятелей демократических партий и даже некоторых кадровых работников партии стала наблюдаться

идейная путаница, [а потому] появилась необходимость срочно и повсеместно внутри и вне партии провести целенаправленное классовое и интернациональное воспитание»[184]. Сыграв, таким образом, определенную роль в подавлении народного восстания в Венгрии, Дэн теперь с новой энергией брался за окончательное искоренение идеологической контрреволюции у себя на родине.

Свои усилия он начал прилагать в двух направлениях: готовить еще одну «чистку» партии в рамках нового *чжэнфэна* (исправления стиля), а также общекитайское движение под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Последнее было нацелено на выявление идейных врагов в среде интеллигенции путем провоцирования деятелей науки и культуры, а также членов «демократических» партий на свободное выражение взглядов. Разумеется, инициатором обеих кампаний был Мао, Дэн же являлся их главным проводником.

Наиболее масштабной была вторая кампания, задуманная Мао Цзэдуном еще в декабре 1955 года и впервые оглашенная им же в мае 1956-го, но в то время не получившая поддержки интеллигенции, справедливо опасавшейся попасть в ловушку[185]. С тех пор Мао не раз возвращался к этой идее, но только во время польского и венгерского кризисов, обнаживших подлинную опасность капиталистической реставрации в социалистических странах, стал предпринимать шаги по ее реализации. 17 октября он обсудил вопрос с Лю, Чжоу, Дэном и другими членами руководства[186], а уже через месяц на встрече с международной молодежной делегацией Дэн объявил, что «хотя марксизм-ленинизм и является нашей руководящей идеологией, но в вопросах науки можно допускать „соперничество ста школ“. Наш курс — свободная дискуссия. Если не бояться споров, истина скорее родится. Если же марксизм-ленинизм окажется побежденным, это будет означать, что марксизм-ленинизм не верен»[187].

После этого в стране наступила, казалось бы, идеологическая оттепель. В учебных заведениях немного ослабили партийный контроль, в газетах появились статьи, в которых высказывались либеральные идеи. Но сразу стало заметно, что и Мао, и Дэну, и другим партийным вождям либерализация давалась с трудом. Открыто они против нее не выступали, но иногда не могли скрыть раздражения. Так, 12 января 1957 года Дэн, посетив столичный университет Цинхуа, предупредил тех, кто вел себя слишком вольно, что, если они будут продолжать в том же духе, к ним все же будут применены методы диктатуры[188].

Тем не менее в конце февраля, выступая с открытой речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа» на

расширенном заседании Верховного государственного совещания, Мао потребовал активизировать кампанию «ста цветов»[189]. И Дэн, разумеется, поддержал его: «Было бы неправильно из-за того, что в самой критике случаются ошибки, не осмеливаться говорить. Это было бы возвратом к прошлому, когда царил мертвящий дух молчания и уныния»[190].

В начале мая 1957 года Председатель призвал к полному идеологическому и политическому плюрализму в рамках объявленной в конце апреля «чистки» партии. Непартийные граждане и особенно члены «демократических» партий и другие интеллигенты призывались выступить с критикой марксизма и членов китайской компартии, дать смелую и честную оценку партийной политике, помочь ликвидировать «три внутрипартийных зла»: бюрократизм, субъективизм и сектантство. На протяжении почти месяца все китайские газеты и другие средства массовой пропаганды были открыты для тех, кто выражал критические взгляды по любым политическим вопросам. В мае под руководством Дэна в Пекине прошла серия конференций с участием известных общественных деятелей-некоммунистов.

Многие либералы, однако, начали критиковать не «отдельные ошибки», а всю систему коммунистической диктатуры. Тогда 8 июня по инициативе Мао Центральный комитет принял указания об организации сил для контрнаступления против «правых элементов». Свобода слова была ликвидирована, и коммунисты вернулись к прежним методам политического и идеологического террора.

Крупномасштабная политическая провокация удалась: теперь коммунисты могли со всей энергией начинать выпалывать сорняки и уничтожать прочую «мерзость»[191]. «Крупная рыба… попала в сеть», — заметил по этому поводу Дэн в беседе с советником-посланником СССР в КНР Петром Андреевичем Абрасимовым. «Если бы КПК не соблазнила их [«правых»], они бы не посмели открыть огонь и начать действовать так широко. Правые… напоминают змею, которая вылезает из норы, чувствует опасность и хочет уползти назад, но оказывается схваченной за хвост», — цинично объяснил он[192]. Вряд ли Абрасимов удивился: ЦК Компартии Китая информировал Москву о реальных целях кампании заранее, секретным письмом. Вот что по этому поводу говорила Екатерина Алексеевна Фурцева, тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии, журналисту «Нового времени» Валентину Михайловичу Бережкову: «Формула „Пусть цветут сто цветов“ рассчитана на то, чтобы выявить противников народной власти, а затем лишить их возможности тормозить социалистическое

развитие в Китае»[193].

Теперь Мао поручил Дэну возглавить репрессивную кампанию против интеллигенции, поставив его во главе вновь сформированной внутри Центрального комитета группы, проводившей это контрнаступление[194]. И тот справился с этим делом. Именно благодаря его активности впервые в истории Китайской Народной Республики ярлыки «правых буржуазных элементов» были приклеены миллионам образованных людей, а около полумиллиона оказались заключены в «лагеря трудового перевоспитания»[195]. Не все они критиковали режим, многие оставались лояльны к новой власти, но пали жертвами интриг и «логики классовой борьбы». Дэна это не смущало: как мы знаем, он никогда либералом не был, а потому терпеть плюрализм не мог. Участвовал же он в кампании «ста цветов» только потому, что этого хотел Мао.

В конце сентября 1957 года на 3-м расширенном пленуме ЦК восьмого созыва Дэн сделал основной доклад — о борьбе против «правых элементов» и о партийном *чжэнфэне*. В нем, подведя итоги кампаний, он потребовал усилить марксистско-ленинскую пропаганду и политическое воспитание, «выкорчевав» «ядовитые травы». Он также заверил, что решительная борьба против «правых» будет продолжена, причем в еще более крупных масштабах, объяснив, что речь идет о «социалистической революции на политическом и идеологическом фронтах», то есть о разрешении «антагонистических, непримиримых, фатальных противоречий» между народом и буржуазной «правой» интеллигенцией. Мы будем «разоблачать, изолировать и громить, а в определенных случаях наказывать и подавлять» врага, грозно предупредил он, объявив абсолютно неприемлемыми интеллигентские требования «так называемой „независимости“ и „свободы“», включая «свободу прессы, литературы и искусства»[196].

В том, что борьба против «правых» путем такой циничной провокации была оправданна, Дэн не сомневался до конца жизни, хотя со временем, после тяжелых несправедливых гонений, выпавших на его собственную долю и долю его семьи в годы «культурной революции» (1966–1976), стал сожалеть о безвинно пострадавших. В феврале 1980 года на 5-м пленуме ЦК одиннадцатого созыва он признал: «Я… ошибался. В движении против правых элементов в 1957 году я был активистом и несу ответственность за перегибы. Ведь я тогда был Генеральным секретарем». Через месяц, правда, он дал более сбалансированную оценку: «Борьбу против правых элементов в 1957 году все же надо признать правильной… Я много раз

говорил, что тогда кое-кто действительно распоясался, хотел отвергнуть руководство компартии и повернуть вспять дело социализма. Если бы мы не дали отпора, то мы не смогли бы идти вперед. Ошибка состояла в расширении масштабов борьбы»[197].

Сожаления Дэна были, увы, запоздалыми. Огромное число невинных людей, пострадавших от его действий, к тому времени умерло.

Усердие Дэн Сяопина не осталось незамеченным. В ноябре 1957 года Мао взял его с собой в Москву на празднование сорокалетия Октябрьской революции. И представил Хрущеву со словами: «Вот этот маленький — очень умный человек, очень перспективный». После чего принялся «на все лады» расхваливать Дэна «как будущего руководителя всего Китая и его компартии». «Это будущий вождь, — говорил он. — Лучший из моих соратников. Главная растущая сила… Это человек и принципиальный, и гибкий, редкий талант»[198]. Никита Сергеевич, как мы знаем, и сам за год до того обратил на Дэна внимание. «Да, — согласился он, — я тоже [во время переговоров о Польше и Венгрии] почувствовал, что это сильный человек»[199].

Похвалы Мао были особенно знаменательны, так как об остальных вождях КПК он говорил Хрущеву «в мрачных тонах или даже… грязно». О Лю Шаоци, например, сказал, что его «достоинством является высокая принципиальность, а недостатком — отсутствие необходимой гибкости». О Чжу Дэ — что тот «очень стар и, хотя обладает высокими моральными качествами и широко известен, но на него нельзя возлагать руководящую работу. Возраст не пощадил его». Даже у Чжоу он нашел изъяны (правда, не назвал какие), хотя добавил, что тот «может выступать с самокритикой, хороший человек»[200].

В Москве Дэн вместе с Мао участвовал в двух международных совещаниях: представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран и представителей компартий и рабочих партий более шестидесяти стран мира. Именно он от имени Компартии Китая отвечал за подготовку проекта итогового документа первого совещания — «Декларации», которая, как предполагалось, должна была подвести окончательную черту под идейно-политическим кризисом, поразившим соцлагерь, подтвердив «нерушимое единство» последнего.

Идея совещания правящих партий стран социализма принадлежала Мао, опасавшемуся новых катаклизмов в социалистическом лагере. В начале февраля 1957 года Хрущев поддержал эту идею, а 28 октября отправил в Пекин советский проект «Декларации», который, однако, ни Мао Цзэдуну, ни другим членам высшего китайского руководства, в том числе

Дэну, не понравился[201]. Возражения вызвал главным образом тезис о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму». Впервые озвученный Хрущевым на XX съезде[202], этот тезис сразу покоробил китайцев, которые, правда, не стали тогда предпринимать открытого демарша, выразив лишь несогласие на закрытых заседаниях[203]. В конце октября 1957 года, перед отлетом в Москву, Мао разъяснил послу Юдину: «Мы не собираемся обсуждать этот вопрос публично… так как это будет не в интересах товарища Хрущева, которому нужно консолидировать руководство. Но наш отказ от дискуссии не означает, что справедливость не на нашей стороне»[204].

Не понравились вождям Компартии Китая и содержавшиеся в проекте другие тезисы XX съезда: о «мирном сосуществовании двух систем» и о «возможности предотвращения войн в современную эпоху».

Мао решил, что было бы неплохо самим подготовить проект, причем лучше в Москве, чтобы там же, кулуарно, обсудить его с советскими товарищами. Вопрос о «мирном переходе» особенно раздражал его, и он объяснил это заведующему отделом пропаганды ЦК Лу Динъи и своим секретарям Чэнь Бода и Ху Цяому, поручив им троим заняться проектом. Помогать им стал Ян Шанкунь. Общее же руководство осуществлял Дэн[205].

К составлению проекта члены группы приступили на следующий день после прилета в Москву, 3 ноября. А закончив, стали согласовывать с советскими товарищами, которых возглавлял секретарь ЦК по идеологии Михаил Андреевич Суслов, прожженный партаппаратчик с лицом бездушного иезуита. Переговоры заняли несколько дней, и Дэн настолько искусно их вел, что смог добиться от Суслова принятия китайского текста за основу. Правда, как и следовало ожидать, тезис о «мирном переходе» Суслов не согласился вычеркнуть, несмотря на то что и Дэн, и другие китайцы доказывали, что буржуазия никогда не отдаст власть рабочему классу миром и надо будет прибегать к вооруженной силе[206]. В результате по решению «великого кормчего» Дэн предложил включить в проект оба тезиса: о «мирном» и «немирном» путях. Хрущев дал поручение Суслову принять такой вариант, после чего Дэн с одобрения Мао со своей стороны согласился вставить в «Декларацию» очень важную для Хрущева фразу об «исторических решениях» XX съезда, имеющих «не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР», но и знаменующих начало нового этапа в международном коммунистическом движении, способствуя «его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма»[207]. Таким образом,

получился компромисс, о чем Дэн по возвращении в Пекин и доложил Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК[208].

Девятнадцатого ноября Мао наряду с другими главами делегаций поставил подпись под «Декларацией». «На этот раз вы смогли соблюсти принципы равноправия, — важно заметил он Хрущеву в присутствии Дэна. — „Декларация“ получилась хорошая. А то раньше говорили о братских партиях, но это были пустые слова. На самом деле имелись партии отца и сыновей, кошки и мышек»[209]. Хрущев натянуто улыбнулся. Высокомерие Председателя, конечно, не могло ему понравиться, но он сделал вид, что не заметил его.

В те дни Хрущев вел себя с Мао заискивающе. За несколько месяцев до совещаний компартий он разгромил «антипартийную» группу Молотова, Мао был этим недоволен, и Никите Сергеевичу очень хотелось «склонить» его на свою сторону[58]. Поэтому он поселил его и всех прилетевших с ним китайцев, в том числе, конечно, Дэна, в Кремле, где для самого Мао выделил даже бывшие царские покои. (Большинство делегаций других компартий разместилось на подмосковных дачах.) Каждое утро Хрущев навещал его, заваливал подарками, сопровождал на все культурные мероприятия и вел «интимно дружеские» беседы[210]. Но уважения не заслужил. После польских и венгерский событий лидер КПСС потерял в глазах Мао всякий авторитет, и Председатель позволял себе даже открыто критиковать его лично. «У вас плохой характер, — сказал он ему как-то во время банкета. — Вы легко раните людей. У братских партий могут быть разные точки зрения, так пусть они их выскажут, а вы потом не торопясь обсудите. Не надо волноваться»[211].

На всё это, конечно, Дэн не мог не обратить внимания. Мао преподал ему в Москве хороший урок дипломатии, так что к концу поездки пиетет по отношению к «старшему брату», который Дэн еще лелеял в душе после XX съезда, исчез у него навсегда.

В то же время его восхищение «великим кормчим» достигло апогея. Тем более что не заметить особого к себе отношения со стороны Мао Цзэдуна он не мог. Он, правда, не слышал, как тот расхваливал его Хрущеву (вожди в тот момент сидели отдельно от соратников), но то, что Председатель именно к нему относился как к своему заместителю по делегации, несмотря на то что формально таковой являлась вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, было очевидно. Именно с ним он отправлялся на приватные беседы с Хрущевым и именно с ним обсуждал наиболее деликатные детали переговоров[212].

Так что не случайно в этот свой визит в Москву Дэн неожиданно для себя стал наконец проникаться сокровенными

идеями Мао относительно строительства социализма китайского типа по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее». Идеями, которые содержались в выступлении Председателя «О десяти важнейших взаимоотношениях» и которые Дэн, как мы помним, раньше не понимал. И когда Мао на совещании представителей коммунистических и рабочих партий 18 ноября вдруг возвестил, что через 15 лет Китай обгонит Великобританию по производству металла[213], Дэн начал ему горячо аплодировать.

Конечно, Мао сделал свое заявление под влиянием хвастуна Хрущева, громогласно объявившего за несколько дней до того, 6 ноября, на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, что в течение ближайших пятнадцати лет Советский Союз сможет не только догнать, но и перегнать Америку[214]. Но вообще-то склонность к авантюризму была всегда характерной чертой Председателя[215].

Вернувшись в Китай, Дэн начал с искренним энтузиазмом следовать новому курсу. Примерно тогда же поверить «великому кормчему» предпочли и остальные члены высшего руководства. Дэн вспоминал: «У товарища Мао Цзэдуна было головокружение от успехов. А у нас не кружилась голова? Товарищ Лю Шаоци, товарищ Чжоу Эньлай и я против не выступали, молчал и товарищ Чэнь Юнь. В этих вопросах надо быть справедливыми, нельзя делать вид, что виноват только один человек, а другие правы. Это не соответствует действительности. Ошибки совершал Центральный комитет, так что весь коллектив, а не один человек, несет ответственность»[216].

В январе 1958 года Мао созвал совещания высших кадровых работников в Ханчжоу и Наньнине, где обрушился с резкой критикой на тех, кто выступал против «торопливости» и «слепого забегания вперед». «Идеология и политика — командная сила», — провозгласил он в Ханчжоу, а в Наньнине едко раскритиковал Чжоу, предупредив его и некоторых других «товарищей», что они «оказались всего в каких-нибудь 50 метрах от самих правых»[217]. Премьер растроился и выступил с самокритикой. Позже он объяснил своему секретарю, что главной причиной его ошибок было то, что он «отстал от товарища Мао Цзэдуна». «Я должен изо всех сил изучать идеи Мао Цзэдуна», — печально сказал он[218]. Но Мао предложил заменить его, назначив премьером главу Восточно-Китайского бюро ЦК компартии Кэ Цинши, известного левака. Правда, через некоторое время, когда Чжоу на самом деле робко попросился в отставку, все же великодушно простил его[219].

Тридцать первого января Мао обобщил результаты обеих конференций в важном документе — «Шестьдесят тезисов о методах работы», в котором обосновал курс «большого скачка» в

экономике, выдвинув лозунг «три года упорного труда». И вновь высказал решимость «за 15 лет догнать и перегнать Англию», правда, на этот раз не исключил, что для этого может потребоваться и «несколько больший срок». «Нам надо поднапрячься», — призвал он[220].

Дэн не участвовал в январских совещаниях, но внимательно следил за их работой. И они вызвали у него воодушевление. «В 1958 году… я испытывал настоящую радость», — вспоминал он[221]. Обладавший мощной харизмой Мао, казалось, совершенно парализовал его волю, и Дэн был уже не способен оценить критически ни экономическое положение страны, ни планы вождя. Он верил в «великого кормчего» как в Бога, слепо подчиняясь ему. Впрочем, так же, как и другие члены высшего руководства[222]. Очевидец рассказывает: «Каждый стремился присоединиться к побеждавшей партии утопистов. Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай и Чэнь И, когда-то, возможно, и сдерживавшие Председателя, пели с одного голоса, который принадлежал Мао… Все оказались в плену утопической истерии»[223].

В середине февраля, находясь в Сычуани, Дэн объявил местным *ганьбу:* «В вопросах строительства социализма идет борьба двух методов: строить социализм быстрее или строить медленнее. Метод Председателя Мао и ЦК партии состоит в том, чтобы, исходя из объективных возможностей, ускорять строительство. Ведя строительство, тоже нужно быть революционером, надо активно создавать условия для ускорения… Таков наш правильный подход»[224].

А тем временем Мао, излучая энергию, понукал «неторопливых». То и дело мотаясь по стране, он с какой-то невероятной энергией заставлял партийные кадры проводить в жизнь его авантюрные планы. В экономике он разбирался слабо, но зато энтузиазма, воли и веры в собственную непогрешимость у него хватало с избытком. Ничего конкретного он, правда, не предлагал, так как и сам по существу не знал, как обогнать Англию. Ему просто страстно хотелось сделать это. Особенно увлекала его идея резкого увеличения таких показателей хозяйственного развития, как производство стали и зерна. Их он почему-то считал основными. Он требовал от руководящих работников поэкспериментировать, обещая, что «крепко драть» за «левизну» и «субъективизм» не будет[225]. Понимал он одно: у Китая есть огромное преимущество в сравнении с другими странами — гигантские ресурсы дешевой рабочей силы. И именно их надо привести в движение[226].

В марте 1958 года в столице провинции Сычуань, городе

Чэнду, Мао созвал новое совещание руководящих партийных работников, набросившись на них с обвинениями в консерватизме и слепом подражании СССР, несмотря на то что практически все они уже слепо шли за ним. Дэн, находившийся на этот раз среди участников, выступил с самокритикой. «Бороться против слепого забегания вперед нехорошо, — признал он. — Это подавляет энтузиазм масс и *ганьбу*. Мои мысли по поводу этой борьбы были в течение короткого времени хаотичны. Я не понимал, что в партии есть определенные разногласия между двумя линиями, и по некоторым вопросам разделял взгляды некоторых товарищей, думая, что в капитальном строительстве и некоторых вещах лучше действовать медленнее и осторожнее»[227]. В апреле он заметил новому советскому послу Степану Васильевичу Червоненко: «Мы… думаем о том, как представить… следующую задачу нашему народу: догнать Соединенные Штаты Америки в 25 лет или более». Такой лозунг, по его мнению, помог бы массам рвануться вперед[228].

Мао, как мы помним, умел прощать товарищей, если те признавали «вину». А потому он остался доволен превращением Дэна из консерватора в энергичного проводника «большого скачка».

Между тем в мае 1958 года в Пекине по инициативе «великого кормчего» была созвана 2-я сессия VIII съезда китайской компартии для пересмотра «Предложений по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства», принятых VIII съездом партии за два года до того. Темпы роста народного хозяйства, зафиксированные в «Предложениях», не устраивали более Председателя, так как в соответствии с ними объем выплавки стали в 1962 году должен был составить всего 10,5—12 миллионов тонн. Для того же, чтобы обогнать Англию, нужен был поистине гигантский рывок, тем более что Мао к тому времени пришел к выводу, что по производству стали Англию на самом деле можно перегнать не за 15, а за семь лет, а по добыче каменного угля — даже за два-три года!

С основным, отчетным, докладом на 2-й сессии, как и на самом VIII съезде, выступил Лю Шаоци, полностью солидаризовавшийся с вождем партии. Дэн же по поручению Председателя сделал доклад о московских совещаниях[229]. Делегаты 2-й сессии, разумеется, горячо поддержали оба доклада, после чего одобрили и новую генеральную линию Компартии Китая в следующей формулировке: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше, экономнее»[230].

Главный партийный форум, таким образом, дал «зеленый

свет» «большому скачку». И через некоторое время Мао радостно объявил, что уже в будущем, то есть в 1959-м, году Англия будет оставлена позади! Это означало, что в 1958 году Китайская Народная Республика должна была получить 10,7 миллиона тонн, то есть удвоить производство. Чуть позже он пересмотрел и эту цифру: ему захотелось иметь в 1959 году уже 30 миллионов тонн стали! А через 15 лет, то есть к середине 1970-х, Мао рассчитывал получать ежегодно 700 миллионов тонн, в два раза обогнав Великобританию по производству металла на душу населения! В 1958 году удвоить планировалось и производство зерновых, доведя его до 300–350 миллионов тонн, в то время как по первоначальному плану даже в 1962 году урожай мог составить чуть больше 250 миллионов![231]

В общем, планы определились, и *ганьбу* вместе с народом взялись за работу. Чрезвычайно активно участвовал в ней и Дэн, ежедневно обсуждавший с Мао, другими членами Политбюро и Секретариата проблемы экономического развития.

В то же время по поручению Председателя, не скрывавшего удовлетворения от участия «будущего руководителя всего Китая и его компартии» в московских переговорах, Дэн начал уделять повышенное внимание международным делам, в первую очередь — непростым вопросам, связанным со все более осложнявшимися отношениями Компартии Китая с Компартией Советского Союза. (До того в Секретариате ЦК он помимо общего руководства непосредственно брал на себя только работу в области пропаганды и сельского хозяйства, связи же с советскими коммунистами, как и все остальные международные дела, находились в ведении Ван Цзясяна[232].)

Новый раунд дискуссий с кремлевским руководством втянул Дэна в свою орбиту летом 1958 года. Вечером 21 июля Мао вызвал его, объяснив, что только что вернувшийся из отпуска посол Юдин срочно просит о встрече. Помимо Дэна в дом к Председателю прибыли тогда и другие члены Постоянного комитета, а вскоре явился сам Юдин в сопровождении двух сотрудников посольства. После приветствий и общих фраз он передал Мао предложение советского руководства о создании совместного с КНР военно-морского флота на Тихом океане. Мао поинтересовался, кто будет этим флотом управлять, но посол не знал, так как Хрущев не разъяснил ему. Мао страшно разозлился, тем более что за четыре месяца до того китайское руководство получило письмо от министра обороны СССР Малиновского, в котором содержалось предложение советского правительства о совместном сооружении в КНР радиолокационной станции слежения за перемещением кораблей советского Тихоокеанского

флота. Мао и другие китайские руководители, в том числе Дэн, расценили оба предложения как посягательство на суверенитет Китая[233].

На следующий день в течение пяти с половиной часов в присутствии Дэна и других китайских вождей Председатель учил Юдина, как говорится, хорошим манерам. «Вчера вы меня так разозлили, что я не мог уснуть всю ночь», — сказал он, в частности. Юдин дипломатично предложил Мао обсудить эти вопросы напрямую с Хрущевым, но тот заметил, что встречу на высшем уровне «можно и не проводить»[234].

Юдин настолько разволновался, что через несколько дней слег с острым спазмом сосудов головного мозга и временным параличом правой стороны. А 31 июля в Пекин неожиданно прилетел сам Никита Сергеевич, решивший все же лично переговорить с Мао. Он ведь в самом деле ничего плохого не хотел. Просто погорячился, «преувеличив», как он позже говорил, «интернациональные интересы» Компартии Советского Союза и Компартии Китая[235]. Ну так что ж из того?

Мао встретил его, выслушал объяснения («Я извинялся, как только мог», — скажет потом Хрущев[236]), но прощать сразу не стал. В тот раз он выплеснул на него всю обиду и злобу, накопившиеся со времени сталинских унижений.

Из всех соратников на первую встречу с Хрущевым он пригласил только Дэна — теперь главного эксперта по китайско-советским отношениям. Перед началом беседы, то ли запамятовав, что уже представлял Дэна Хрущеву, то ли не рассчитывая на память последнего, он сообщил: «Это Дэн Сяопин, наш Генеральный секретарь». И добавил: «Вы не смотрите, что он маленький, он был главнокомандующим нашей Хуайхайской битвы, секретарем фронтового комитета, а в ЦК руководит повседневной работой, поэтому сегодня главным образом он и будет с вами разговаривать»[237]. Однако, как свидетельствует стенограмма встречи, которую вели переводчик Николай Трофимович Федоренко и посольский работник Анатолий Иванович Филев, говорил в основном Мао, а Дэн смог вставить только пару реплик, правда, по существу[238]. Свой темперамент и блестящее умение полемизировать он, похоже, проявил только в последующие дни. По крайней мере, по словам переводчика Янь Минфу, Мао все же в какой-то момент сел в сторонку, предоставив Дэну атаковать Хрущева. И тот, «опираясь на факты, разоблачил стремление КПСС подорвать… суверенитет [Китая] и контролировать… [китайскую] партию»[239].

Вообще этот визит был для нашего руководителя изматывающим. В один из дней Мао перенес переговоры в

бассейн, где, казалось, можно было освежиться, но и это не принесло Хрущеву облегчения. Рассекая водную гладь, «великий кормчий» продемонстрировал гостю высокий класс, в то время как глава КПСС, плававший плохо, беспомощно барахтался[59]. Даже по ночам Никита Сергеевич не мог расслабиться, так как на вилле, где он поселился, его одолевали москиты. «В Китае даже комары на вашей стороне», — сказал он по этому поводу Мао[240]. А перед отлетом домой, пытаясь «сохранить хорошую мину при плохой игре», натужно пошутил, указывая Мао Цзэдуну на Дэн Сяопина: «Этот ваш маленький больше всех меня напугал!»[241] Похоже, коротышка Дэн напоминал ему одного из тех кровососов, которые, пронзительно пища, злобно кусали его душными пекинскими ночами[60].

«Мы ему [Хрущеву] воткнули иголку в задницу», — сказал Председатель одному из членов своего окружения[242]. Он дал указание Дэну ознакомить первых секретарей провинциальных парткомов КПК с современным состоянием советско-китайских отношений[243].

Впрочем, долго думать о Хрущеве ни он, ни Дэн не могли. К осени 1958 года «большой скачок» достиг апогея. В целях максимально эффективного разделения труда и мобилизации народных масс на строительство различных ирригационных объектов в деревнях и городах повсеместно создавались крупные кооперативы — «народные коммуны», объединявшие до десяти тысяч дворов и более. В них люди, воодушевленные перспективами скорого изобилия, не только работали, но и развивали коммунистические отношения. Ликвидировали заработную плату и приусадебные участки, переходили на принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», обобществляли домашнюю живность и даже утварь и, стремясь к максимальной экономии рабочего времени, вместо домашних кухонь создавали общественные столовые, где вводили бесплатное питание. Мао эта инициатива понравилась. «И в деревне, и в городе — всюду социалистические порядки следует дополнять коммунистическими идеями», — объявил он[244].

В полном восторге от «народных коммун» был и Дэн. «Народные коммуны обладают огромной и ценной силой, и крестьяне говорят, что они „не распадутся, даже если ударит гром“, — писал он. — В условиях нашей страны народные коммуны являются мощным орудием ускорения социалистического строительства деревни, а также лучшей формой общественной организации при переходе деревни в будущем от коллективной собственности к всенародной

собственности, от социализма к коммунизму»[245].

В августе 1958 года Мао показалось, что «продовольственная проблема уже решена», и он решил «как следует» заняться металлургией[246]. В стране началась эпидемия строительства кустарных домен. В них граждане от мала до велика стали варить металл из всего, что только имелось под руками: железного лома, дверных ручек, лопат, домашней утвари.

Почти всю осень 1958 года Дэн провел в разъездах: инспектировал «коммуны», промышленные предприятия, учебные заведения и другие объекты. Все высшее руководство тогда без устали колесило по стране. Пример подавал сам Мао. В сентябре Дэн изучал положение на Северо-Востоке, в октябре обследовал город Тяньцзинь и провинцию Хэбэй, а в конце октября — начале ноября — родной Юго-Запад. Общался с партработниками, «коммунарами», рабочими и студентами, учителями и врачами, произносил речи, обсуждал проблемы. И, проводя курс Мао, с жаром доказывал.“ «Нам нужно не только построить социализм, но и совершить переход к коммунизму… Варить сталь — значит осуществлять коммунизм, это наша стратегическая задача… Надо экспериментировать… Надо уделять главное внимание организации народных коммун… Надо прежде всего смело мыслить, осуществлять революцию в идеологии. Без идеологической революции не может быть технической революции… Общественные столовые в коммунах надо улучшать, чтобы крестьяне питались там лучше, чем раньше дома. Только так можно выявить преимущество коммун и коллективизации». Он рисовал потрясающие картины ближайшего будущего, когда все граждане будут иметь в год на человека по 30 килограммов свинины, а в день — по два с половиной килограмма зерна и даже по четверти килограмма яблок, а все женщины — ходить в туфлях на высоких каблуках и красить губы помадой. «Мы сможем иметь столько, сколько захотим!» — восклицал он[247].

Люди в ответ кивали и, в свою очередь, как герои Андрея Платонова, разгадавшие «солнечную систему жизни»[248], обещали многое. Особое впечатление на Дэна произвел «образцовый» крестьянин, который поклялся собрать 35 тонн риса с одного *му* земли, то есть с шести с половиной соток, в то время как в Китае тогда с 15 *му,* то есть с одного гектара, собирали только четыре-пять центнеров![249]

Ну что ж! Такое было время. Мао сам подавал пример похвальбы, и не удивительно, что, глядя на него, все брали на себя обязательства, которые не могли выполнить. Очевидец рассказывает: «Люди были полны невероятного энтузиазма, казалось, еще немного, и можно будет сдвинуть горы. Я умела

немного играть на рояле, поэтому взяла обязательство за пару месяцев написать оперу»[250].

Только изредка к Дэну во время поездок приходили сомнения. «Для уравнивания зарплаты нужно ликвидировать различия [между рабочими и крестьянами, городом и деревней, умственным и физическим трудом], но не надо добиваться уравниловки, — советовал он, например, уездным начальникам в Хубэе. — Выставлять лозунг „от каждого по способностям, каждому по потребностям“ — немного рано». «Надо позволять людям иметь свободу выбора, — делился он с партработниками в Гуанси. — …Пусть будет большой коллектив, но пусть будет и маленькая свобода»[251].

Там же, в Гуанси, он начал выражать недовольство качеством металла, выплавлявшегося в кустарных домнах[252]. И это понятно. Ведь кто-кто, а он должен был знать, что мелкие по размеру печи, созданные кустарным способом, никакой настоящей стали дать не могли. Не зря же он когда-то работал в сталепрокатном цехе завода «Шнейдер»!

В ноябре 1958 года и сам Мао вдруг стал испытывать беспокойство. Дело в том, что «битва за сталь» отвлекла внимание китайского руководства от зерновой проблемы и в результате уборка риса и других зерновых легла на плечи женщин, стариков и детей. И хотя работали они без выходных, собрать весь урожай, выдавшийся на редкость богатым, не смогли. В стране начала ощущаться нехватка продовольствия, и Мао дал команду снизить темпы «большого скачка». Позже Дэн скажет: «Не прошло и нескольких месяцев, как он [Мао] первый заметил ошибки и указал на необходимость их исправления»[253].

Похоже, Председатель вдруг вспомнил слова даосского мудреца Чжуанцзы, что «храбрость без осмотрительности не приносит победы»[254], а потому поручил Дэну разработать программу строительства социализма на 15 лет, потребовав проявить осторожность в вопросах перехода к коммунизму[255]. Вскоре, на 6-м пленуме ЦК, состоявшемся в конце ноября — начале декабря, по инициативе Мао было принято и весьма умеренное «Решение о некоторых вопросах, касающихся народных коммун», тоже выработанное Дэном[256]. Разъясняя его, Дэн говорил: «Надо разделять коллективную и общенародную собственность, социализм и коммунизм. В нынешних коммунах собственность в основном коллективная, нельзя говорить, что в них общенародная собственность, там есть лишь некоторые элементы общенародной собственности. Наша задача — строить социализм, постепенно усиливая коммунистические факторы и готовя условия для перехода к коммунизму… В период

социализма принцип распределения по труду играет активную роль, его нельзя отвергать»[257].

На том же пленуме Мао подал официальное прошение об отставке с поста Председателя Китайской Народной Республики, рекомендовав на это место Лю Шаоци. И пленум единодушно принял его предложение, подчеркнув, что оно «полностью носит активный характер, так как, не будучи Председателем государства, товарищ Мао Цзэ-дун целиком и полностью переключится на работу Председателя ЦК партии»[258].

В то же время ни Мао, ни Дэн, ни другие руководители не горели желанием публично признавать ошибки. А потому все обязательства по поставкам зерна за границу (главным образом в восточноевропейские социалистические страны) выполнили, несмотря на то что в 1958 году было собрано только 200 миллионов тонн зерновых вместо запланированных 300–350 миллионов[61]. В результате у крестьян путем налогов и принудительных закупок сверхналоговой продукции по бросовым ценам изъяли практически всё. Чжоу откровенно признал: «Пусть уж лучше мы не будем есть совсем или будем есть и потреблять меньше, нежели нарушим честные контракты, подписанные с иностранцами». А Дэн предложил: «Если каждый сэкономит несколько яиц, полкило мяса, пол-литра растительного масла и шесть килограммов зерна, вся проблема экспорта легко исчезнет». Другие вожди не возражали[259].

В итоге в стране начался голод. По некоторым данным, зимой 1958/59 года голодало 25 миллионов крестьян, а от 70 до 120 тысяч умерли от голодной смерти[260]. Для Дэна, глубоко переживавшего случившееся, настал момент, когда ему надо было делать выбор: либо оппонировать Председателю, либо идти с ним до конца, невзирая на миллионы загубленных жизней безвинных граждан.

Часть четвертая

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Прозрение наступило не сразу. Весь 1959 год Дэн по-прежнему следовал за Председателем, который еще думал, что трудности временные. В середине февраля Мао, несмотря на очевидно ухудшавшееся экономическое положение, объявил: «Если говорить в целом, то наши достижения в 1958 году огромны, в то время как недостатки и ошибки — второстепенны, не больше одного пальца из десяти»[1]. И стал агитировать за продолжение «большого скачка». Позже Дэн скажет: «Сыграли роль иные факторы (он, очевидно, имел в виду культ личности Мао Цзэдуна. — *А. П.*), и выправление ошибок не было доведено до конца»[2].

Но в то время с приближением весны и у Дэна новый порыв энтузиазма затмил сомнения. «Нам нужно подогревать [массы], а не охлаждать их», — заявил он в феврале своим подчиненным[3]. И стал тоже упорно подчеркивать «большие успехи», «всеобщее единство» и «правильность генеральной линии», повторяя: «В прошлом году у нас повсеместно наблюдался большой скачок, во всех областях имело место бурное развитие»[4].

Правда, в его речах начала усиливаться и другая тенденция — критическая, обозначившаяся к концу 1958 года. «В промышленности возник хаос, — признал он в январе 1959-го, — по-видимому, весь государственный план — пустозвонство». «Сейчас мы ясно увидели, — добавил он в апреле, — что если при разработке планов не исходить из объективных возможностей, то избежать некоторых диспропорций в процессе их реализации трудно». Главную причину неудач он видел в том, что в 1958 году в партии возникло «поветрие бахвальства»[5].

Подобные речи пока не вызывали недовольства Председателя, так как он сам тогда выражал возмущение местными кадрами, введшими его в заблуждение с зерновыми[6]. Вот что он говорил: «Сейчас надо поумерить пыл… Не будет ли международной ошибкой, если мы будем стремиться опередить Советский Союз? Надо придерживаться диалектического метода, учитывать взаимные интересы, диалектика развивается быстро и уже подошла к решению этого вопроса»[7].

Дэн тоже рассуждал в общих чертах, признавая, что не нужно стремиться побить «международные рекорды», и вслед за Мао предлагал улучшать методы, не меняя линию: осуществлять «поотраслевое упорядочение», восстанавливать «прежнюю хорошую систему» управления предприятиями и оплату по труду, неукоснительно соблюдать восьмичасовой рабочий день и

развивать критику и самокритику. При этом он, как и вождь, продолжал твердить, что в 1959 году «большой скачок» будет продолжен[8]. Никаких разногласий между ним и Председателем в тот период не наблюдалось.

Весной 1959 года от имени Секретариата ЦК Дэн направил директиву агентству Синьхуа, потребовав собрать информацию о проблемах, возникших в ходе строительства «народных коммун». Отчетам с мест ни Мао, ни он уже не верили. После этого Дэн вместе с Чжоу принял решение отправить на места пять инспекционных групп для упорядочения работы по выплавке стали: они должны были обследовать ситуацию и при необходимости закрыть часть домен, перебросив обслуживавших их рабочих на сельскохозяйственное производство[9]. В феврале вместе с Пэн Чжэнем, Ли Фучунем и Ян Шанкунем он сам обследовал положение в Восточном Китае, посетив Шанхай, Сучжоу и Цзинань. В Шанхае он напомнил партийно-хозяйственному активу почти забытые слова Мао, сказанные при открытии VIII съезда в 1956 году: «Скромное сердце ведет человека к успеху, гордость — к поражению»[10].

Такое поведение могло только упрочить его позиции в верхнем эшелоне власти, что в итоге и произошло. В начале апреля 1959 года на 7-м пленуме ЦК Мао объявил: «Власть, конечно, сосредоточена не только в Постоянном комитете и Секретариате, но всегда надо иметь центральный орган, который все время уделяет внимание проблемам. Председатель ЦК — это я, Председатель Постоянного комитета — [тоже] я, так что я, как Мао Суй, рекомендовавший сам себя[62], предлагаю свою кандидатуру в главнокомандующие. Генеральный секретарь Секретариата — Дэн Сяопин, так что ты [Дэн] — заместитель главнокомандующего. Так или нет? Мао Цзэдун — главнокомандующий, Дэн Сяопин — заместитель главнокомандующего. Вы [участники пленума] согласны? Если согласны, так и будем действовать. И, как говорится, „едва власть оказалась в руках, тут же стали издавать приказы“. Так выражались во времена Танской династии. Дэн Сяопин! Ты стал командиром, власть оказалась в твоих руках, так что немедленно издавай приказы! Хватит у тебя смелости?»[11]

При этих словах Дэн, должно быть, радостно заулыбался, но, как человек осторожный, конечно же не стал спешить приобщаться к высшей власти. Он по-прежнему внимательно прислушивался к тому, что говорил по поводу ситуации в стране и мире Председатель, однако не пропускал мимо ушей и мнения других вождей: Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чэнь Юня. Правда, те тоже особенно мудрых идей не высказывали, предпочитая, как и

Мао, сетовать на временные трудности, ругать местные кадры за дутые цифры, агитировать за обследования да предрекать гигантский подъем народного хозяйства в ближайшем будущем.

Громом среди ясного неба прозвучал только один голос: министра обороны и члена Политбюро, маршала Пэн Дэхуая. Через три с половиной месяца после 7-го пленума, 14 июля 1959 года, отважный Пэн направил личное письмо Председателю с критикой «большого скачка». В письме дезавуировался лозунг «политика — командная сила» и осуждались возобладавшие в партии «мелкобуржуазный фанатизм», «левацкий уклон» и «левые тенденции субъективизма»[12]. Маршал действовал в одиночку: позже он скажет, что ни к кому из высшего руководства — ни к Лю Шаоци, ни к Чжоу Эньлаю, ни к Чэнь Юню, ни к Чжу Дэ, ни к Линь Бяо, ни к Дэн Сяопину — не обращался за поддержкой потому, что ни у кого из них не хватало мужества осудить порочный курс в открытую[13].

Да, Дэн по-прежнему оставался бюрократом и в такие игры, как прямое выступление против Председателя, не играл. Но если бы вдруг и изменил своим правилам, то оказать помощь Пэн Дэхуаю все равно бы не смог. В то время когда бравый маршал сочинял свое послание, Дэн по воле случая оказался не у дел. В самом начале июля, играя на бильярде в одном из элитных клубов недалеко от Чжуннаньхая, он подскользнулся, упал на каменный пол, сломав правую бедренную кость, и попал в госпиталь. («Это было заслуженное наказание разложенцу Дэн Сяопину», — напишут несколько лет спустя хунвэйбины, не любившие ни Дэна, ни западную игру бильярд[14].) Боль была адская, ему тут же сделали операцию, а потом оставили в госпитале не меньше чем на три месяца. Судя по намекам его лечащего врача (личного доктора Мао Цзэдуна), Дэн мог тогда, помимо бедра, думать только о молоденькой медсестре, ухаживавшей за ним, в результате чего девушка забеременела, ее сняли с работы и заставили сделать аборт[15]. Слова доктора, правда, вызывают сомнение: до тех пор, пока Дэн ходил на двух ногах, он, как мы помним, не бегал по девочкам. Но кто знает, может быть, перелом бедра так на него подействовал, что он пересмотрел свое пуританское отношение к женскому полу?

Находясь в госпитале, Дэн пропустил расширенное заседание Политбюро и новый пленум ЦК, проходившие в июле-августе в курортном местечке Лушань (провинция Цзянси), на которых Мао яростно атаковал Пэн Дэхуая. Председатель расценил письмо маршала «как программу правого оппортунизма», которая якобы осуществлялась «целеустремленно, по плану и в организованном порядке». После пленума Пэна вывели из состава Политбюро и

сняли с поста министра обороны. (Новым министром Мао назначил Линь Бяо.) Вычистили и тех, кто выступил в его поддержку: первого секретаря хунаньского комитета партии Чжоу Сяочжоу, первого заместителя министра иностранных дел Ло Фу, начальника Генерального штаба НОАК Хуан Кэчэна и одного из секретарей Председателя Ли Жуя[16].

Что же касается Дэна, то он осудил Пэн Дэхуая и его «подельников» с больничной койки. Ничего иного Мао и не мог от него ожидать: в последнее время он был им, как мы видели, очень доволен. В конце сентября при реорганизации Военного совета ЦК Мао ввел *его в* состав Постоянного комитета этого высшего органа управления вооруженными силами[17], после чего Дэн в статье, посвященной 10-й годовщине КНР, обрушился на «небольшое число правых оппортунистов», которые «не видят великих успехов движения большого скачка и движения за создание народных коммун, начавшихся в

1958 году, всячески преувеличивают некоторые уже преодоленные недостатки в массовых движениях для того, чтобы отрицать генеральную линию партии в строительстве социализма»[18]. Эта статья появилась почти одновременно в главных печатных органах Компартии Советского Союза и Компартии Китая — газетах «Правда» и «Жэньминь жибао».

Тогда же, в конце сентября — начале октября, Дэн начал возвращаться и к практической работе, правда, весьма ограниченной. Врачи рекомендовали ему пока не перенапрягаться (работать не более четырех часов в день), поэтому до конца

1959 года он лишь изредка посещал официальные мероприятия. Большую же часть времени оставался дома: играл в карты (ему очень нравился бридж, которому его научил в 1952 году один сычуаньский приятель), посещал вместе с семьей чжуннаньхайский кинотеатр и в сопровождении Чжо Линь и телохранителя Чжан Баочжуна много гулял, тренируя ногу. Во время прогулок он обычно угрюмо молчал и, опираясь на трость, шаг за шагом мерил дорожки. Чжо Линь и Чжан Баочжун замечали, что он все время о чем-то напряженно думал[19].

О чем? Мы не знаем, но можем догадываться. Ведь в отличие от 1958 года, бывшего идеальным с точки зрения погодных условий, 1959-й в силу стихийных бедствий выдался неурожайным, и «народным коммунарам» ценой невероятных усилий удалось собрать только 170 миллионов тонн зерновых, на 15 процентов меньше, чем в 1958-м. Однако именно в том году сельхозналог был увеличен на 18,6 миллиона тонн! В итоге голод превратился в массовое явление, приняв масштабы национального бедствия. Страна оказалась на грани

гуманитарной катастрофы, «большой скачок» провалился.

Именно это наряду со смелым выступлением Пэн Дэхуая заставляло Дэна вновь и вновь обдумывать ситуацию. Разве к такому «светлому будущему» он стремился? Нет, теоретические и практические установки Мао Цзэдуна явно не соответствовали тому марксизму, который генсек изучал в Москве. Ведь как ни крути, а Маркс утверждал, что «бытие определяет сознание», а Мао демонстративно ставил на первое место идеологию и политику[63].

Продолжали ухудшаться и советско-китайские отношения, и это тоже не могло не волновать Дэна. В полемике с руководством КПСС огромную роль также играл личностный фактор, однако здесь Дэн был уверен: вина лежала на Хрущеве. Как говорится, «в чужом глазу соломинку видим, в своем — бревна не замечаем». Высокомерное поведение Мао льстило национальному сознанию Дэна, в то время как напористое поведение Хрущева вызывало обиду и негодование. И это можно понять: слишком долго иностранцы угнетали китайцев, так что в результате национальное чувство последних обострилось до крайности. А слабый, по их представлению, Хрущев являлся удобной мишенью для возмещения всех унижений. Но в какой-то момент «коса нашла на камень», и Хрущев вдруг осознал, что Мао его просто не уважает. И ему тоже стало обидно. Особенно его унизили бассейные переговоры, которые и в самом деле были не «политкорректны». Словом, поведение Мао вызвало наконец ответную реакцию.

Тридцатого октября 1958 года на Президиуме ЦК КПСС Хрущев настоял на том, чтобы «несколько, не резко, подсократить» торговлю с КНР[20], а 1 декабря во время эмоционального восьмичасового разговора в Кремле с американским сенатором Губертом Хамфри дал понять, что осуждает внутреннюю политику китайского руководства. Об этом сразу же по своим каналам узнал Мао, который никак не ожидал от «дурака» Хрущева[64] такого гамбита[21]. А Никита Сергеевич на этом не успокоился. В январе 1959-го в докладе XXI съезду КПСС он подверг критике «уравнительный коммунизм», сравнив его с «военным» (позже он говорил, что сделал это «попутно», но на самом деле посвятил этому целый раздел, причем теоретический[22]). И несмотря на то что он говорил в общем плане и конкретно Китай не осуждал, Чжоу, Кан Шэн и другие члены делегации китайской компартии, присутствовавшие на съезде, всё поняли, почувствовав себя оскорбленными. А Хрущев только этого и добивался. Он вспоминал: «Когда они услышали мои слова и прочли текст доклада, им уже не надо было

дополнительно разъяснять, что мы относимся отрицательно к „большому скачку“. Это обстоятельство тоже, видимо, не послужило им поощрением (так в тексте. — *А. П.*) для углубления наших дружеских отношений, а наоборот — охладило их»[23].

Двадцатого июня 1959 года Никита Сергеевич нанес новый удар, еще ощутимее: неожиданно объявил, что аннулирует соглашение о предоставлении Китаю технологии производства ядерного оружия, подписанное в Москве 15 октября 1957 года[24]. «Нас так поносят… а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой?» — скажет он впоследствии[25]. 18 же июля, находясь в польском городе Познани, принялся уже в открытую и довольно резко критиковать «коммуны», заявив, что те, кто играет с этой идеей, «плохо понимают, что такое коммунизм и как его надо строить»[26].

Мао, конечно, на все это реагировал болезненно, но до поры до времени не отвечал «зарвавшемуся» Никите Сергеевичу. Даже принял специальное решение на расширенном заседании Политбюро — пока делать вид, что ничего не происходит[27]. Но 30 сентября 1959 года Хрущев прилетел в Пекин на переговоры, а заодно и на празднование 10-й годовщины Китайской Народной Республики, и конфликт стал неизбежен.

Дэн в то время, как мы знаем, болел, а потому в новом саммите участия не принимал. Он обменялся с Хрущевым и своим старым знакомым Сусловым, тоже прибывшим в Пекин, только краткими рукопожатиями на торжественной церемонии 1 октября. (Несмотря на сломанное бедро, Дэн приехал посмотреть парад и манифестацию на площади Тяньаньмэнь[28].) Но, разумеется, он сразу же узнал о том, что переговоры, проходившие 2 октября, были необычайно бурными. В центре дискуссии оказались два вопроса: отношения СССР и КНР с США, в том числе по тайваньской проблеме, и реакция СССР на вспыхнувший в самом конце августа 1959 года вооруженный конфликт на китайско-индийской границе[65]. Первый вопрос был связан с только что, в сентябре, состоявшимся визитом Хрущева в Вашингтон, к президенту Эйзенхауэру, которого вожди китайской компартии считали, вполне логично, главным врагом, а второй — с тем, что Хрущев, избегая осложнений перед той же поездкой в США, не поддержал братскую КНР в ее столкновении с Индией. Заявление ТАСС от 9 сентября по поводу ситуации на китайско-индийской границе ясно давало понять, что СССР придерживается нейтралитета. По сути, речь шла о политике «мирного сосуществования», выдвинутой XX съездом КПСС, которую китайцы считали ошибочной.

Такого накала страстей на встрече двух лидеров

социалистических стран еще не было. Ни Хрущев, ни Мао не хотели понять друг друга. Позицию китайской компартии наиболее откровенно выразил маршал Чэнь И, с 1958 года — министр иностранных дел КНР. Он заявил, что политика СССР — это приспособленчество. Хрущев вспыхнул и стал кричать:

— Ишь какой левый; смотрите, товарищ Чэнь И, пойдете налево, а можете выйти направо. Дуб тоже твердый, да ломается.

Мао поддержал Чэнь И:

— Мы… вам приклеили… ярлык — приспособленцы. Принимайте.

Хрущев:

— Не принимаем. Мы занимаем принципиальную коммунистическую позицию.

Маленькие глазки его горели:

— Почему же вы можете нас критиковать, а старший брат вас не может[?] В одной из встреч с товарищем Юдиным вы, товарищ Мао Цзэдун, очень резко критиковали КПСС, и мы эту критику приняли… Получается так, что вам можно делать нам замечания, а нам нет… Не свысока ли вы говорите с нами… Вы не терпите возражений, считаете себя ортодоксами, в этом проявляется ваше высокомерие. Чэнь И нам приклеил ярлык, причем ярлык политический. На каком основании он это сделал… Вы хотите нас подчинить себе, но у вас это не выйдет, мы тоже партия, мы идем своим путем, ни к кому не приспосабливаясь… Откажитесь от политических обвинений, иначе мы испортим отношения между нашими партиями. Мао попытался его урезонить, но Хрущева понесло.

— И если вы считаете нас приспособленцами, товарищ Чэнь И, — закричал он, — то не подавайте мне руку, я ее не приму!

Но Чэнь И и бровью не повел:

— Я также. Должен сказать, что я не боюсь вашего гнева. И тут совершенно потерявший самообладание Хрущев произнес, обращаясь к Чэнь И, что-то несуразное, но очень грубое:

— Не надо на нас плевать с маршальской высоты. Не хватит плевков. Нас не заплюешь.

Все были поражены! И Мао уже примирительно произнес:

— Чэнь И говорит о частностях, не надо обобщать. А Ван Цзясян добавил:

— Дело заключается в неправильном переводе. Чэнь И не говорил о приспособленчестве как о какой-то доктрине[29].

Но Хрущева уже невозможно было успокоить. Он прервал визит, улетев из Пекина на следующий день. В аэропорту перед отлетом он продолжил перебранку с Чэнь И, но Мао уже не вмешивался. Только на прощание, как будто случайно вспомнив о

выпадах Хрущева в Познани по поводу «народных коммун», он сказал: «Я должен Вам кое-что разъяснить. Наши народные коммуны не создавались сверху, они результат самодеятельности масс. Мы должны были их поддержать»[30]. Но Хрущев не хотел вникать в объяснения. Прилетев в Москву и сообщив членам Президиума о том, что произошло, он потребовал «запись бесед с китайскими друзьями не хранить в архиве, а уничтожить»[66][31]. Раскол между вождями компартий Советского Союза и Китая стал фактом.

Упоминание о «коммунах» было всего лишь попыткой Мао «сохранить лицо». Эти кооперативы терпели крах, и «великий кормчий» отнюдь не желал вести полемику в экономической области. В споре с КПСС он уверенно чувствовал себя только в политической сфере: в вопросах международных отношений, «мирного сосуществования», «мирного перехода» и т. п.

И именно здесь Мао решил дать открытый бой Хрущеву, о котором с начала октября стал говорить как о человеке, «склонном к ревизионизму»[67]. «Хрущев — нехороший марксист, — заметил он в начале декабря на расширенном заседании Политбюро в Ханчжоу. — …Его мировоззрение — эмпирическое, идеологический метод — метафизика, он великодержавник и буржуазный либерал… Много раз встречаясь с Хрущевым, я замечал, что этот человек не понимает марксизма-ленинизма, его знания поверхностны, он не понимает метода классового анализа и чем-то похож на корреспондента агентства новостей: куда ветер дует, туда он легко и поворачивает». Мао говорил и о том, что Хрущев иногда несет первое, что приходит в голову, и что он «крайний субъективист-идеалист». При этом, правда, выразил надежду, что советский лидер все же исправится: «Ну а если нет, то в КПСС, возможно, найдутся силы, которые поправят его… Лет через восемь он полностью обанкротится»[32]. Вскоре, в январе 1960 года, в Шанхае, на новом расширенном заседании Политбюро Мао призвал начать открытую полемику с КПСС в печати[33].

Между тем Хрущев тоже не молчал. В начале февраля 1960 года на банкете по случаю заседания Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского договора в Москве Никита Сергеевич, сильно перебрав, стал в присутствии китайского представителя Кан Шэна[68] поносить Мао: «Если старик неумен, то он ничем не лучше пары рваных калош. Его надо поставить в угол, как бракованную продукцию, которая ни к чему не пригодна»[34].

Кан Шэн тут же передал это Мао Цзэдуну, и тот дал задание группе пропагандистов подготовить статьи против «современных

советских ревизионистов», приурочив их публикацию к девяностолетию Ленина (22 апреля 1960 года). А Дэн и другие верные Председателю члены высшего руководства предложили возродить забытый, казалось бы, термин «идеи Мао Цзэдуна» — тоже, очевидно, в пику Хрущеву, желая полить бальзам на душевные раны «великого кормчего». В конце марта на одном из совещаний высших *ганьбу* Дэн сказал: «Внутри страны мы могли бы повсеместно говорить о „марксизме-ленинизме, идеях Мао Цзэдуна“. Таким образом эти два термина будут соединены, не будет двух вещей. Между ними мы поставим запятую, связав их воедино». И еще: «Идеи Мао Цзэдуна не только соответствуют общей истине марксизма-ленинизма, но и добавляют много нового в марксизм-ленинизм»[35]. В защиту «идей Мао Цзэдуна» выступил и Лю Шаоци. В конце концов «великий кормчий» позволил вновь использовать этот термин в пропаганде.

Спустя месяц теоретический журнал ЦК Компартии Китая «Хунци» («Красное знамя») опубликовал резко полемическую статью «Да здравствует ленинизм!», а партийная газета «Жэньминь жибао» — не менее хлесткую передовицу «Вперед по пути великого Ленина!». Обе работы, аргументированные ссылками на Ленина, Маркса и Энгельса, разоблачали хрущевскую политику «мирного сосуществования двух систем» и его же тезис о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму». Советский ответ был слабоват: идеологи КПСС не смогли найти весомых цитат у классиков марксизма-ленинизма для обоснования внешнеполитического курса XX съезда КПСС[36]. Тем не менее старт открытой полемике был дан. И к концу лета 1960 года она обострилась настолько, что внимательно следившие за развитием событий члены Совета национальной безопасности США всерьез обсуждали вопрос о том, не предпримет ли Советский Союз, чтобы избавиться от Мао Цзэдуна, те же меры, как в случае с Львом Троцким[37].

В начале июня 1960 года накануне сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов (ВФП) в Пекине Дэн, снова выдвинутый Мао на авансцену борьбы с КПСС, на банкете в честь некоторых иностранных делегаций, в том числе советской, в течение более чем полутора часов подвергал «московских ревизионистов» яростной критике[38]. По иронии судьбы как раз в то время Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС поставил вопрос о том, чтобы «попросить [китайцев], м. б., приехать, обменяться мнением по ряду вопросов, затормозить ряд мер»[39]. Выступление Дэна перечеркнуло это намерение. И через три недели Хрущев дал китайцам ответ на III съезде Румынской коммунистической партии в Бухаресте. Во время выступления он

напал на представителя китайской компартии Пэн Чжэня, начав кричать ему: «Если вам нужен Сталин, забирайте у нас его гроб! Мы пришлем вам его в специальном вагоне!»[40] На том же съезде советские представители распространили 68-страничный документ, осуждающий внутреннюю и внешнюю политику Компартии Китая, после чего устроили его двухдневное обсуждение, на котором большинство делегаций (за исключением албанской, северокорейской и вьетнамской) выступило против китайцев.

Вернувшись в Москву, Хрущев злобно говорил соратникам: «Когда я гляжу на Мао Цзэдуна, я просто вижу Сталина. Точная копия»[41]. А 16 июля приказал отозвать из Китайской Народной Республики советских специалистов, затребовав назад всю техническую документацию, необходимую для возводившихся там с помощью СССР объектов. С 28 июля по 1 сентября на родину выехали 1390 советских инженеров и техников, ученых, конструкторов и других экспертов. Строительство более чем 250 крупных и средних промышленных предприятий КНР либо прекратилось полностью, либо приостановилось[69].

Удар был точный и очень болезненный, особенно в тот, критический для экономики Китая, момент. В самом начале августа Чэнь И после консультаций с Мао и Чжоу принял посла СССР Червоненко и заявил, что решение отозвать всех советских специалистов — «большое событие, которое потрясет весь Китай». Тем не менее он дипломатично добавил, что «нельзя даже подумать, чтобы наши страны могли стать недружественными», и предупредил, что раскол между друзьями — дело серьезное[42]. С помощью вьетнамского вождя Хо Ши Мина, взявшего на себя посреднические функции, лидеры КПК и КПСС повели новые, заочные, переговоры и через некоторое время смогли сделать шаг навстречу друг другу. 15 августа 1960 года советская сторона пригласила китайскую обсудить двусторонние отношения «для того, чтобы ликвидировать разногласия и успешно провести в ноябре в Москве совещание братских партий». И Мао благосклонно принял это, решив вновь отправить в Москву Дэн Сяопина. Правда, от принципиальной борьбы отказываться не стал и 12 сентября дал распоряжение Дэну передать Червоненко ответ ЦК китайской компартии на 68-страничный документ, полученный в Бухаресте, — в два раза больший[43]. В нем, помимо прежнего обвинения в «приспособленчестве», содержались и новые: по поводу отзыва специалистов и вынесения разногласий с Компартией Китая на всеобщее обсуждение братских партий в Румынии. (Последнее было явно надуманным: ведь китайцы первые, устами Дэн Сяопина, публично атаковали «московских

ревизионистов» за три недели до румынского съезда, накануне сессии Генсовета Всемирной федерации профсоюзов в Пекине.) В то же время для разрешения разногласий и достижения сплоченности Мао выдвинул пять предложений, суть которых сводилась к необходимости следовать «Московской декларации» 1957 года.

Шестнадцатого сентября Дэн во главе делегации из девяти человек вылетел в Москву. В группу, в частности, входили Пэн Чжэнь, Ян Шанкунь, Кан Шэн, Чэнь Бода и посол КНР в СССР Лю Сяо. Перед отлетом Дэн собрал делегацию для инструктажа. «Мы должны исходить из общей обстановки в мире, — сказал он, — охранять сплоченность международного коммунистического движения и советско-китайскую дружбу. Но в принципиальных вопросах нельзя отступать. Совершенно необходимо… разъяснять нашу позицию. Надо давать отпор ошибочным представлениям Хрущева, навязывающего свои взгляды о единой семье КПСС другим людям»[44]. Такова была позиция Мао Цзэдуна, и Дэн ее полностью разделял. Но к положительным результатам она привести не могла. Китайская миссия была обречена.

Делегация разместилась на советской партийно-правительственной даче в районе Ленинских гор, недалеко от посольства КНР. Всем, в том числе Дэну, здесь понравилось: место тихое, в лесу. Но делегаты тут только отдыхали, рабочие же заседания проводили в посольстве, поблизости от телефонов, связывавших их с Пекином и подальше от подслушивающих устройств, которыми, как они логично предполагали, была оборудована дача. С русскими встречались в Кремле, будучи настроены по-боевому. «У нас по всем вопросам есть позиция, так что не будем бояться и смело ринемся в бой!» — записал в своем дневнике Ян Шанкунь[45].

В течение шести дней (с 17 по 22 сентября) китайцы пять раз встречались со все тем же Михаилом Андреевичем Сусловым и его товарищами (советская делегация состояла из десяти человек, включая членов Президиума ЦК КПСС Фрола Романовича Козлова и Отто Вильгельмовича Куусинена, кандидата в члены ЦК Петра Николаевича Поспелова, а также заведующих отделами Центрального комитета Бориса Николаевича Пономарева и Юрия Владимировича Андропова). Очевидец вспоминает: «В то время Дэн Сяопину было 56 лет, но выглядел он очень молодо. Небольшой ростом, но широкий в плечах, он был крепок телом и полон энергии»[46]. Дэн излагал претензии в соответствии с сентябрьским ответом на 68-страничный документ ЦК КПСС, Суслов же следовал линии своей партии. Так, Михаил Андреевич заявил, что советские специалисты выехали на родину только

потому, что не могли работать в той атмосфере, которая была создана «большим скачком», а потому вину за их отъезд несут сами китайцы. Дэн отвечал, что к специалистам отношение было самое хорошее, и, в свою очередь, «совершенно спокойно, но жестко» атаковал: «Вы в одностороннем порядке аннулировали договоры. И чего в конце концов достигли? Не только нанесли огромный ущерб нашей национальной экономике, но и серьезно охладили чувства китайского народа. Вы не должны быть в этом вопросе близорукими, нужно придерживаться исторического подхода!»[47]

Во время речи Дэна все советские делегаты шумно выражали негодование, а «усатик» Пономарев (так за небольшие усы китайцы называли его между собой) несколько раз нервно стучал карандашом по столу. К чести Суслова, правда, надо сказать, что он в конце концов предложил прекратить полемику «без всяких условий», на что Дэн, не имевший на то указаний Мао, ответил: «Это можно. Прекратить несомненно можно, но есть одно условие: вы сначала должны признать, что ошибались. Ведь вы нас и так и сяк поносили, а мы вам ничего не отвечали, так разве это справедливо?»[48]

В общем, взаимопонимания достигнуто не было. Однако после завершения переговоров руководство советской компартии устроило прием по высшему разряду — в Екатерининском зале Кремля. Один из переводчиков Лю Юэжань рассказывает: «Помню… были Хрущев и остальные члены Президиума. Хрущев сел рядом с Дэн Сяопином. Прием начался после того, как журналисты сделали фотографии. Хотя Хрущев и изображал на лице обычную улыбку, выражение глаз у него было суровое. И действительно, во время перерыва, начав с албанских дел, он хотя и не напрямую, но атаковал КПК. Дэн Сяопин был человеком прямодушным, а потому, посмотрев в упор на Хрущева, сказал:

— Албанская партия труда — маленькая партия, но она может сохранять независимость и самостоятельность. Вы же должны побольше уважать других, не надо ни на кого оказывать давление.

— Это не только вопрос разногласий между КПСС и КПК, — повысил голос Хрущев, лицо которого стало наливаться краской. — Они взяли у нас золото и зерно, а в ответ обругали нас.

— Оказание помощи — это пролетарский интернациональный долг. Помощь оказывается не для того, чтобы контролировать и вмешиваться во внутренние дела. Вы помогаете, и вам помогают! — твердо ответил Дэн Сяопин»[49].

Но Хрущев не успокоился и продолжал злобно нападать на

Дэна. То и дело опрокидывая рюмку, он говорил, что китайцы непоследовательны в вопросе о Сталине: сначала поддерживали борьбу с культом личности, а теперь — нет, заводил разговор о Гао Гане: «Гао Ган был нашим другом, а вы его уничтожили, это недружественный акт по отношению к нам, но он [Гао Ган] все равно остается нашим другом!» — после чего переходил к Молотову: «Разве вам не нравится Молотов? Ну так и забирайте его себе, мы отдадим его вам».

В конце концов, поведя мутными глазами, он набросился на Кан Шэна:

— Статья «Да здравствует ленинизм!», опубликованная в Китае, с нашей точки зрения, ультралевацкая. Эти штучки вышли из-под твоего пера! Это ты проводишь левацкий догматизм!

Сухой и желчный Кан Шэн презрительно ухмыльнулся:

— Вы мне приклеили ярлык левого догматика. Я вам дарю ярлык правого оппортуниста.

Хрущев опешил, но потом поднял рюмку:

— Ну и ладно! Давайте тогда выпьем за наше обоюдное здоровье. До дна![50]

Двадцать третьего сентября китайская делегация вернулась на родину, и Дэн доложил Мао и другим членам Постоянного комитета о ходе переговоров. Он считал, что «вопрос отношений КНР с СССР — не большой и не маленький. Не большой потому, что из-за него небо вряд ли обрушится, а не маленький потому, что действительно касается ряда принципиальных моментов… Если они сделают шаг [навстречу], то и мы сделаем, но если они сделают только один шаг, мы ни в коем случае первыми не сделаем следующий шаг»[51].

Тридцатого сентября во главе новой делегации он вновь улетел в Москву — на этот раз для участия в редакционной комиссии представителей двадцати шести коммунистических и рабочих партий, разрабатывавшей итоговый документ для намечавшегося в ноябре в Москве совещания восьмидесяти одной «братской» партии. Но неспособность Дэна и Суслова (а по сути Мао и Хрущева) преодолеть разногласия сказалась и на работе редакционной комиссии. Представители двадцати шести партий, и прежде всего Компартии Советского Союза и Компартии Китая, согласовывали чуть ли не каждое слово. Но Дэн не унывал. Действуя в полном соответствии с инструкциями своего вождя, он был абсолютно спокоен[52]. И даже острил, веселя членов делегации.

— Эй, Чжан И, — обратился он как-то к жене посла Лю Сяо, — ты знаешь историю о том, как «кролик съел курицу»?

— Что? — удивилась Чжан. — Кролик?

— Да, — сказал Дэн. — Эта история произошла в тридцатые годы с Лу Диньи[70].

— В Яньани? — спросил кто-то.

— Мы в Яньани не выращивали кроликов, в Яньани мы делали доклады. Так вот Лу как-то выступал о Троцком [Толоцыцзи]: такой он, сякой. А говорил он на диалекте уроженцев города Уси [провинция Цзянсу], вот беда! И все время у него выходило «Туцзы чи цзи» [«Кролик съел курицу»]. После доклада мы, несколько товарищей, никак не могли поверить, что кролик съел курицу, ну прямо как сейчас Чжан И, и, выйдя из зала заседаний, спрашивали друг друга: «Как такое может быть? Как кролик съел курицу?»[53]

Слушая эту и подобные истории, все хохотали и после таких разговоров готовы были к новой борьбе со скучным Сусловым.

В конце концов ценой невероятных усилий комиссия двадцати шести смогла более или менее согласовать «Заявление Московского совещания», которое должны были подписать в ноябре представители восьмидесяти одной партии. 23 октября Дэн отправился в Пекин, чтобы доложить обстановку, а уже 5 ноября вместе с Лю Шаоци, назначенным Мао главой делегации на Московском совещании, вновь улетел в столицу СССР. Теперь уже — заместителем Лю. Остановились они все на той же даче на Ленинских горах. Лю Шаоци плохо себя чувствовал и к изматывающей полемике с Хрущевым был явно не готов. Стремительное ухудшение советско-китайских отношений крайне угнетало Лю: оно задевало его лично. Дело в том, что его старший сын Лю Юньбинь (от бывшей жены, казненной гоминьдановцами в 1934 году[71]) с пятилетнего возраста (с 1930 года) жил, учился и работал в Советском Союзе, где после окончания МГУ женился на русской девушке. У Лю в Москве росла внучка, и ее судьба не могла не волновать Председателя КНР: Лю был человеком чадолюбивым. Вот почему в тот приезд он подолгу бродил один в лесу около дачи и беспрерывно курил одну сигарету за другой. Он и так-то был человеком замкнутым, а тут совсем стал угрюмым.

А Дэн по-прежнему был ясен и энергичен. Казалось, от обтрой полемики со «старшими братьями» он получает изрядную долю адреналина и дискуссия чрезвычайно его увлекает. Он опять сражался с Сусловым и Хрущевым, в то время как Лю Шаоци лишь изредка вставлял фразы. Но в итоге совещание закончилось подписанием компромиссного документа благодаря совместным усилиям делегатов всех стран. Советская сторона приняла отстаивавшиеся китайцами тезисы о неизменной природе империализма и о равноправии всех компартий, а китайцы

согласились вставить в «Заявление» тезисы о значении XX съезда КПСС и о «мирном переходе». Лю Шаоци поставил свою подпись, после чего Дэн и другие члены делегации китайской компартии 2 декабря со спокойной совестью выехали на родину. (Лю же как глава КНР остался с официальным визитом по приглашению Верховного Совета СССР; в Пекин он вернется только 9 декабря[54].)

Мао расценил результаты совещания и работу Дэна как «успех», заметив, что комиссия 26-ти «работала плодотворно; это хорошо, что были споры и дискуссии»[55]. А Дэн, вернувшись из Москвы, с головой ушел в экономические проблемы.

Еще летом 1960 года ситуация в Китае обострилась до крайности. В июне Чжоу вынужден был сообщить Мао, что сельское хозяйство разрушено[56], после чего в июле глава Госплана, старый друг Дэна Ли Фучунь, предложил принять новый экономический курс — на «урегулирование, укрепление и повышение». А Чжоу добавил: «И на пополнение»[57]. По словам премьера, цель нового курса заключалась в том, чтобы «ликвидировать определенные диспропорции, которые возникли из-за „большого скачка“»[58]. Даже Мао стало ясно: ситуация вопиющая, хотя никакой личной вины за провал «большого скачка» он не чувствовал, чем, собственно, отличался от благородного мужа древности, о котором Конфуций как-то сказал: «Благородный муж испытывает стыд, если сказанное им претворить невозможно»[59].

В сентябре 1960 года Мао потребовал от членов Постоянного комитета Политбюро сделать основной хозрасчетной единицей на селе «бригады», или, по-другому, «производственные звенья», состоявшие из двухсот или чуть более человек. Горячо же любимые им «народные коммуны» должны были остаться только основными административными объединениями, а также одним из важнейших составных элементов трехступенчатой системы собственности в деревне. (По решению расширенного заседания Политбюро, состоявшегося в феврале — марте 1959 года, «народные коммуны», объединявшие по 40–50 тысяч человек, делились соответственно на «крупные производственные бригады» по шесть тысяч человек в каждой и на находившиеся на нижнем уровне «производственные бригады» или «звенья». Каждой ступени собственности соответствовал свой уровень обобществления.) Дальше в вопросах хозрасчета он отступать не собирался и лишь в самом начале ноября 1960 года утвердил выдвинутую по инициативе премьера директиву ЦК, разрешавшую «коммунарам» иметь небольшие приусадебные участки и заниматься подсобными промыслами в ограниченных

масштабах[60].

Но все это не переломило обстановку. Люди теперь умирали от голода десятками тысяч каждый день. В самом Пекине ощущалась острая нехватка продовольствия. Там по карточкам на месяц можно было получить не больше 330 граммов арахисового масла (для партийных работников норма составляла 500 граммов) и, если особенно повезет, полкилограмма мяса на человека. Норма риса составляла 14 килограммов. Сахара выдавали всего по 500 граммов на семью из трех человек[61]. Многие партийные вожди, в том числе Дэн, вместе с женами начали выращивать овощи прямо во внутренних двориках своих роскошных особняков, ездить за город собирать дикие травы и съедобные коренья, пить чай из древесных листьев[62].

В конце года стало понятно, что урожай зерновых сократился до 143,5 миллиона тонн, а численность населения по сравнению с 1959 годом — на десять миллионов человек[63]. Позже специалисты подсчитают, что всего с 1958 по 1962 год в КНР от голодной смерти погибло до сорока пяти миллионов![64]

В январе 1961 года на очередном пленуме ЦК Мао призвал всех «развернуть обследование и изучение действительности» и добавил: «Во всем надо исходить из практики… Мы, марксисты-ленинцы, не можем обирать трудящихся»[65]. Мысль, как видно, была оригинальная.

В марте Дэн принял участие в двух конференциях высших *ганьбу* в Пекине и Кантоне, обсудивших проблемы «коммун». На последней по инициативе Председателя был принят документ, разработанный секретарями «великого кормчего», — так называемые «60 пунктов по сельскому хозяйству», в которых вновь обращалось внимание на необходимость «сбавить обороты». Мао тогда везде утверждал, что «поветрие коммунизации» ни к чему хорошему не привело, но винил по-прежнему местные кадры. Именно поэтому и призвал членов руководства провести обследование. В начале апреля Дэн отправился в окрестности Пекина[66]. Вместе с ним поехала и Чжо Линь. В течение почти месяца: они встречались с руководителями местных парторганизаций и «коммунарами», осматривали поля, промышленные предприятия и общественные столовые. То, что они увидели и услышали, потрясло их. Казалось, деревни долгое время находились под вражеской оккупацией. У коммунаров не было ничего: ни котлов, ни чашек, ни черпаков, ни плошек, дома стояли без дверей и замков: всё, что могло гореть, спалили в кустарных домнах, всё, что могло превратиться в чугун, переплавили в них же. Общественные столовые работали из рук вон плохо, «коммунары» влачили жалкое существование. В то же

время люди боялись выражать недовольство. Они выглядели голодными, измученными и безразличными ко всему, кроме еды. Вновь и вновь Дэн спрашивал: «Хорошо ли вы питаетесь в общественных столовых?» А коммунары твердили: «Да ничего, нормально». В конце концов Дэн посуровел и объявил: «Общественные столовые — это большой вопрос. Сейчас его широко обсуждают массы. Давайте всё взвесим». Тут встала Чжо Линь, которая только что вернулась из одной деревни. «В деревни Шаннянь, — сказала она, — общественная столовая не работает. Местные коммунары делят зерно и готовят дома. Только так и следует поступать!» Услышав это, Дэн очень обрадовался и, обратившись к шанняньцам, присутствовавшим на собрании, заявил: «Ваши *ганьбу* правильно делают, что выступают против „поветрия коммунизации“ и „уравниловки“, они не отобрали у вас котлы, чашки, черпаки и плошки, не сорвали замки, не сняли двери с петель. Это хорошо»[67]. Коммунары были смущены: они явно не поспевали за быстро менявшейся партийной политикой.

Вернувшись в Пекин, Дэн вместе Пэн Чжэнем, обследовавшим соседний уезд, в начале мая представил Мао отчет, который тот, собственно, и ожидал: «Для дальнейшего и всестороннего подъема [производственной] активности крестьян следует продолжать улучшать систему государственного снабжения, закупок продовольствия и распределения излишков зерна… Вопрос о закупках продовольствия и распределении излишков зерна… вызывает в настоящее время наибольшее беспокойство и *ганьбу,* и масс. В основном существуют две точки зрения: большая часть производственных бригад одобряет [систему], при которой [сверхналоговые] излишки зерна, установленные планом, распределяют из расчета девять десятых — государству, одна десятая — себе, а сверхплановая продукция — из расчета четыре десятых — государству, шесть десятых — себе. [Только] малая часть производственных бригад этого не желает. В настоящее время коммунары дрожат над зерном, как над жемчугом… надо, чтобы бóльшую часть излишков зерна они распределяли между собой по труду и по количеству удобрения, предоставленного каждым коммунаром. Следует заинтересовать их работать так же хорошо, как они это делают на своих приусадебных участках, чтобы они тщательно обрабатывали коллективную землю и активно ее удобряли». В докладе особенно подчеркивался вред уравниловки, подрывающей материальную заинтересованность крестьян в результатах труда. Но в то же время отмечалось, что «вопрос с общественными столовыми — довольно запутанный» и его следует оставить на разрешение самим коммунарам[68].

Как видно, Дэн и Пэн ничего особенно революционного не

предложили, ликвидировать «коммуны» не потребовали, а лишь посоветовали Мао вернуться в социализм середины 1950-х годов с его кооперативами высшей ступени. Подобные доклады представили тогда не только они. И Чжоу, и Чжу Дэ написали Мао, по существу, то же самое, подчеркнув необходимость восстановить распределение по труду. Правда, в отношении общественных столовых были более категоричны. «Все коммунары, включая женщин и холостяков, хотят готовить еду дома, — заявил, например, Чжоу. — Надо решить вопрос, как закрыть общественные столовые и как организовать возвращение коммунаров к домашней кухне»[69]. При этом ни Чжоу, ни Чжу тоже не предлагали ликвидировать «коммуны» как форму административной организации.

Мао и сам к тому времени пришел к мысли закрыть общественные столовые[70]. Так что доклады соратников лишь подтвердили, что он опять прав. Но что делать дальше, он не знал. А потому вновь решил отойти на «вторую линию», предоставив Лю, Чжоу и Дэну возможность выправить ситуацию.

И те стали все более вникать в проблемы. И уже через месяц, в самом конце мая 1961 года, на рабочем совещании ЦК Лю Шаоци в присутствии Мао неожиданно выступил с критикой последнего. Разумеется, «великого кормчего» он по имени не назвал, но всем стало ясно, кого он имел в виду. «У крестьян Хунани есть поговорка, — сказал он, — „На три десятых несчастья от неба, на семь десятых — от человека“… В целом по стране есть места, где главной причиной [трудностей] явились стихийные бедствия, но, боюсь, таковых не очень много. В большинстве же мест главная причина — это недостатки и ошибки, допущенные в нашей работе». И далее: «Есть товарищи, которые полагают, что это вопрос об одном пальце и девяти пальцах. Но, боюсь, сейчас уже видно, что… если все время говорить о девяти пальцах и одном пальце и не менять этого соотношения, то это будет противоречить действительности»[71]. Все знали, что именно Мао сопоставлял достижения и неудачи «большого скачка» по принципу «девять здоровых пальцев и один больной». Присутствующие затаили дыхание, а Мао почувствовал себя оскорбленным. Осторожный Чжоу промолчал, но тут слово взял Дэн, который — о чудо! — недвусмысленно поддержал Лю. Вот что он сказал: «Можно ли для решения сегодняшних вопросов использовать методы прошлого? Думаю, нет. В области производственных отношений напряженность существует не только в деревне, но и в городе. Здесь тоже стоит вопрос собственности. В конце концов от неба несчастья или от человека? Товарищ Шаоци… сказал, что в

некоторых районах ошибки в нашей работе (в том числе в некоторых политических установках) были, боюсь, главными, а стихийные бедствия — неглавными»[72].

Мао был потрясен. И через несколько дней, явно затаив обиду, заявил, что долгое время «глубоко не понимал, как строить социализм в Китае»[73]. А своему лечащему врачу с горечью сказал: «Все хорошие члены партии умерли. А те, что остались, — кучка зомби»[74].

Куда же вдруг подевалась дэновская гибкость, так импонировавшая Мао Цзэдуну? Неужели обследование «коммун» настолько впечатлило его, что он и после того, как представил умеренный доклад «великому кормчему», продолжал мучительно рассуждать об истоках несчастий, а поняв наконец, как и Лю, в ком причина экономического коллапса, не смог сдержаться? Похоже, что так. «[Мы] совсем игнорировали объективные законы, — скажет он впоследствии, — пытались одним махом добиться гигантского развития народного хозяйства. Когда же субъективные желания идут вразрез с объективными законами, тогда неудачи неизбежны»[75].

Тяжкий путь познания завершался, Дэн приходил к мысли о необходимости перестройки утопической маоистской модели социально-экономического развития. И соответственно оказывался перед новой проблемой, решать которую будет вплоть до смерти Председателя: как оппонировать вождю, не осложняя свое положение в партии. Разделять судьбу мятежного Пэн Дэхуая ему не хотелось, но и продолжать слепо следовать за Мао он, как видно, больше не мог.

«ЖЕЛТАЯ КОШКА, ЧЕРНЫЙ КОТ»

Выступление в поддержку Лю Шаоци, вызвавшее раздражение Мао, было первым проявлением самостоятельности Дэна. Такой опытный бюрократ, как он, должен был понимать, что играет с огнем. Однако вот не удержался!

Через год он разозлил Председателя еще больше. Летом 1962-го вслед за Чэнь Юнем и Лю Шаоци он одобрил распространявшуюся тогда на селе практику закрепления производственных заданий за дворами — так называемый семейный подряд.

Переход к подрядной системе начался стихийно в провинции Аньхой, на востоке страны, еще в конце 1960 года. По условиям подряда крестьяне брали на себя обязательство сдавать коллективу (то есть бригаде, а фактически государству) за трудодни определенное количество продукции с переходивших к ним, по существу в аренду, участков земли. Всё же, что они выращивали сверх плана, либо оставляли себе, либо сдавали той же бригаде за отдельную премию. (В разных местах было по-разному.) Решать, что выращивать, они не могли: указания им давали бригадиры, которые перед началом работ снабжали их инструментом, удобрением и семенами. Ничего антисоциалистического, понятно, в этом не было: семейный подряд недотягивал даже до большевистской новой экономической политики, так как в Китайской Народной Республике крестьяне не имели права продавать излишки продукции на рынке. Тем не менее семейный подряд, стимулировавший материальную заинтересованность членов коммун в увеличении производства, стал быстро приносить плоды: к осени 1961-го урожай зерновых вырос на четыре миллиона тонн.

Всё, казалось, развивалось в лучшую сторону, но Мао, не возражавший на первых порах против того, чтобы люди «поэкспериментировали», во второй половине 1961-го начал выражать недовольство возрождением «единоличников». В сентябре ЦК издал директиву, осуждавшую семейный подряд[76]. А в конце декабря Мао спросил первого секретаря Аньхойского парткома: «Производство восстановили, будем ли отменять „систему“ [семейной] ответственности“?» Но секретарь, лоббировавший подряд с весны 1961-го, ответил вопросом на вопрос: «Массы только попробовали сахара, может, дать им поработать еще какое-то время?»[77]

Мао вознегодовал и через некоторое время прогнал

посмевшего ему перечить аньхойца с высокого поста. Однако саму систему подряда не отменил, и она продолжала распространяться по всей стране.

В январе — феврале 1962 года «великий кормчий» получил новый удар. Произошло это на расширенном совещании Центрального комитета в Пекине — самом представительном за всю историю партии. В собрании, длившемся с 11 января по 7 февраля, приняли участие семь тысяч руководящих работников со всей страны: даже в наиболее многочисленном VIII съезде китайской компартии и то участвовало только 1026 делегатов. Отвечал за созыв и проведение форума Дэн, так что Мао имел все основания вновь быть им недовольным. Ведь «великий кормчий» рассчитывал, что этот форум «хорошо проанализирует опыт и уроки прошлого и выработает единую позицию», а на деле столкнулся с самой серьезной критикой, какую ему только приходилось слышать в последнее время.

Дэн, правда, мало что мог сделать, даже если бы хотел: ситуация вышла из-под его контроля. Его собственный заместитель по Секретариату ЦК Пэн Чжэнь первым атаковал Мао в открытую. В провале «большого скачка» он сначала обвинил весь Постоянный комитет Политбюро, но потом перешел на личности, сконцентрировав критику на самом Председателе. Он напомнил, что именно Мао настаивал на ускоренном переходе к коммунизму и агитировал за общественные столовые. Все слушали затаив дыхание. А Дэн подал голос (то ли желая разрядить обстановку, то ли, наоборот, поощряя Пэна продолжать критику): «Мы тут недавно были у Председателя, и он сказал: „Вы меня… превратили в святого, но святых не бывает. У всех есть недостатки и ошибки. Вопрос только в том, сколько их. Не бойтесь говорить о моих недостатках, революцию делали не Чэнь Дусю и Ван Мин, а я со всеми остальными“».

После этого Пэн Чжэнь, совершенно «распоясавшись», объявил: «Даже если авторитет Председателя Мао и не так высок, как пик Эверест, он все же напоминает гору Тайшань[72] — настолько, что, если мы и снимем с этой горы несколько тонн земли, она все равно останется высокой. Его авторитет также огромен, как Восточно-Китайское море — вычерпай из него хоть несколько грузовиков воды, все равно останется много. Сейчас в партии наблюдается тенденция — люди не смеют выражать свое мнение, не осмеливаются выступать с критикой своих ошибок. Как будто, если выступишь, потерпишь крах. Но если бы Председатель Мао, совершив хотя бы один процент ошибок или хотя бы одну тысячную процента, не выступил с самокритикой, это было бы дурно для нашей партии».

На следующий день верный «кормчему» левак Чэнь Бода стал урезонивать Пэн Чжэня, но тот добавил: «Давайте проясним вопрос о Председателе Мао. Похоже, слова Пэн Чжэня о том, что Председателя Мао можно критиковать, не приобрели популярность. Я же [только] хотел опровергнуть представление о том, что критиковать можно всех, кроме Председателя Мао. Ведь такое представление неправильное»[78].

Пэн вообще в последнее время то и дело проявлял норов. Этот уроженец северокитайской провинции Шаньси, высокий, дородный мужчина, бывший только на два года старше Дэна, после катастрофического провала «большого скачка» на какое-то время, казалось, потерял самообладание. Начиная с 1960 года он нет-нет да и выражал скептическое отношение к дискредитировавшему себя вождю. Так, мог себе позволить публично усомниться в величии его «идей»: «Являются ли идеи Мао Цзэдуна „учением“? Это следует обсудить». И даже самого Председателя: «Кто первый — пусть скажут потомки; работа еще не закончена!»[79]

Мао до поры до времени терпел это, но раздражение накапливалось. И не только против Пэна, но и против Дэна — непосредственного начальника слишком прямодушного шаньсийца. Однако через несколько дней после выступления Пэн Чжэня на совещании выступил Лю Шаоци, вновь сказавший о неблагоприятном для Председателя «соотношении пальцев»: «Если говорить о стране в целом, то недостатки и успехи нельзя соотносить по принципу один палец и девять пальцев. Боюсь, речь должна идти о трех пальцах и семи пальцах. Есть [даже] некоторые районы, о которых можно сказать, что там недостатки и ошибки составляют больше трех пальцев». И далее: «Еще бытует представление о том, что „левый“ лучше правого… Я думаю, что это представление неверное, ошибочное»[80].

После таких слов Мао мог только демонстративно бросить в лицо Лю, Пэн Чжэню и всем остальным свою «самокритику». И он это сделал, признав то, о чем многие уже догадывались: «Я не понимаю многих вопросов экономического строительства… Сравнительно большее внимание я уделял проблемам общественного строя, проблемам производственных отношений. Что же касается производительных сил, то здесь мои знания мизерны».

«Очистившись» таким образом, Мао перешел в контратаку, потребовав и от других «товарищей» самокритики: «Что есть на душе, то и выскажи открыто, час потрать, самое большее два часа, но всё, что есть, выложи»[81].

Этот призыв конечно же нашел отзвук, и партийные

руководители, обгоняя друг друга, стали каяться в грехах. Выступил и Дэн, который, очевидно, почувствовал, что Мао вне себя от негодования, и решил уладить конфликт. Его речь могла бы служить образцом бюрократического искусства. С одной стороны, он довольно мудро разделил ответственность за «большой скачок» между всеми членами партии, взяв при этом основную часть вины на себя и руководимый им Секретариат ЦК. С другой — воздал хвалу «самокритичному» Мао Цзэдуну и его всепобеждающим «идеям». После этого, подытожив сказанное, объявил, что вообще-то говоря, несмотря на ряд недостатков и ошибок, в Китае всё хорошо: и идеология, и партия, и ЦК «во главе с товарищем Мао Цзэдуном», и кадры, и традиции, и стиль работы, и даже народные массы. А от «прекрасных партийных традиций» компартия отступала в последние годы только потому, что «немало наших товарищей недостаточно усердно изучали или не вполне адекватно понимали идеи Мао Цзэдуна»[82].

Выступивший после Дэна Чжоу Эньлай тоже повел себя дипломатично и, как и Дэн, основную вину взял на себя. Он так много твердил о своих ошибках и так унижался, что даже Мао, прервав его, процедил: «Ну, хорошо. Ты уже покаялся. Одного раза достаточно»[83].

Но все же поднять настроение Председателя ни Чжоу, ни Дэну не удалось. Рассуждения Пэн Чжэня и Лю Шаоци отравляли душу[84]. Сразу после совещания обиженный Мао уехал из Пекина в Ханчжоу — в длительный отпуск. Как мы помним, там, на берегу очаровательного тихого озера Силиху, у него была одна из его любимых дач. Повседневное управление делами ЦК он опять поручил Лю и остальным членам Постоянного комитета, в том числе Дэну, хотя ни к одному из них уже не испытывал прежнего доверия[85].

Как и раньше, от власти он отказался «умышленно». Он опять следовал в данном случае тактике выманивания «ядовитых змей» из нор. «Пусть всё отвратительное целиком вылезет наружу, так как, выйдя наполовину, оно может опять спрятаться», — любил говорить он[86]. Иными словами, он давал возможность тем, кто критиковал его, полностью раскрыть свой облик. И не сомневался: верная тактика «ста цветов» в применении к партийному руководству тоже должна была хорошо сработать.

И он, как всегда, оказался прав. Просто удивительно, что такие опытные бюрократы, как Лю, Дэн, Чжоу и Чэнь Юнь, не смогли раскусить его! Едва Мао уехал, они провели рабочее совещание под председательством Лю Шаоци, посвященное экономическим вопросам, на котором признали, что в экономике сложилась чрезвычайная ситуация[87]. И для ликвидации таковой

не нашли ничего лучше, как поддержать развитие семейного подряда, несмотря на то что великий вождь, как мы знаем, выражал недовольство ростом числа «единоличников». К лету 1962 года в Аньхое на семейных подрядных условиях работали уже 80 процентов крестьян, в ряде районов Сычуани, Чжэцзяна и Ганьсу — от 70 до 74, а в некоторых уездах Гуйчжоу, Фуцзяни и Гуанси — от 40 до 42,3. В целом же по стране крестьян-подрядников насчитывалось до 20 процентов[88].

Кроме того, начиная с марта Лю Шаоци и Дэн стали вплотную заниматься реабилитацией тех, кто попал под колесо «чисток» в конце 1950-х. О реабилитации Пэн Дэхуая и его «подельников» они, правда, разговора не вели, но более трех с половиной тысяч рядовых «правых» оправдали[89].

В первой половине 1962 года и многие другие руководящие работники ЦК, правительства и провинциальных парткомов агитировали за распространение семейного подряда, в том числе председатель Госплана Ли Фучунь, руководители отдела ЦК по работе в деревне Дэн Цзыхуэй и Ван Гуаньлань. Особенно настойчив был Дэн Цзыхуэй, который в мае на рабочем совещании Постоянного комитета Политбюро заявил: «В некоторых горных районах надо позволить им [крестьянам] вести единоличное хозяйство. Можно назвать это и семейным подрядом. Это будут социалистические единоличники. Если они выполнят задачу повышения [уровня] производства, в этом ничего плохого не будет»[90]. Многие присутствовавшие его поддержали.

Однако Мао из своего прекрасного далека продолжал относиться к этому методу ведения хозяйства со все возраставшим недовольством. «Дела становятся все более сложными, — сказал он своему врачу. — Некоторые твердят о системе закрепления заданий за дворами, которая на самом деле есть не что иное, как возрождение капитализма. Мы управляли страной все эти годы, но можем контролировать только две трети нашего общества. Одна треть остается в руках нашего врага или тех, кто ему сочувствует. Враг может подкупать людей, не говоря уже обо всех тех товарищах, которые женились на дочерях землевладельцев»[91]. Кого Мао имел в виду под «подкупленными товарищами», он не сказал, но его собеседник не мог не знать, что жена Лю Шаоци, Ван Гуанмэй, — дочь богатого *дичжу,* занимавшего важные посты в пекинской милитаристской администрации в 1920-е годы. Да и супруга Дэна, Чжо Линь, была не из бедной семьи.

Двадцать пятого февраля 1962 года Мао поручил своему секретарю Тянь Цзяину создать небольшую комиссию для

изучения ситуации в деревне и проехать по тем местам в Хунани, где недавно побывал Лю Шаоци. А заодно завернуть и на родину самого Мао, в Шаошаньчун. Он знал, что Тянь относился к семейному подряду так же, как он сам, — отрицательно, видя в нем возрождение капитализма. Но каково же было его удивление, когда вернувшийся через два месяца честный секретарь доложил, что крестьяне «настоятельно требовали от комиссии „оказать им всестороннюю помощь в деле разделения земли по дворам“. Мао скривился: «Мы из тех людей, которые следуют линии масс, но иногда нельзя слушать всего, что говорят массы. Например, то, что они говорят о семейном подряде, слушать нельзя»[92].

Но Тянь на свой страх и риск доложил о результатах проверки Чэнь Юню, а потом и Лю Шаоци, который, в свою очередь, ознакомил с ними Дэна. И все трое горячо поддержали выводы секретаря Мао! На отчете комиссии Дэн написал одно слово: «Одобряю!», а Лю сказал Тяню: «Надо придать семейному подряду силу закона»[93]. Чэнь Юнь составил специальный доклад Мао Цзэдуну и другим членам Постоянного комитета Политбюро, в котором подчеркнул: «В некоторых районах можно вновь [как и в начале 1950-х годов] применить метод раздела земли и закрепления заданий за дворами для стимулирования производственной активности крестьян, для ускорения восстановления сельскохозяйственного производства»[94].

В конце июня 1962 года на заседании Секретариата, рассматривавшего отчет отдела Восточно-Китайского бюро ЦК по работе в деревне, Дэн тоже откровенно сказал: «В районах, где жизнь крестьян трудна, можно использовать разные методы. Аньхойские товарищи говорят: „Неважно, черная кошка или желтая, если она может ловить мышей, это хорошая кошка“. (Возможно, правда, Дэн говорил о котах: у китайских существительных нет категории рода. — *А. П.*) В этих словах есть определенный смысл. Система, при которой задания закрепляются за дворами, — дело новое, можно попробовать, посмотреть»[95].

Так ли говорили в Аньхое, мы не знаем, но то, что на родине Дэна, в Сычуани, крестьяне любили меткую поговорку о разноцветных кошках, точно. Возможно, Дэн просто использовал ее, приписав аньхойцам. Как бы то ни было, но фраза о кошках стала со временем наиболее знаменитым его выражением; при этом в народном фольклоре «желтая» кошка превратилась в «белую» — наверное, для большего контраста. А он произнес эту фразу тогда потому, что работники Восточно-Китайского бюро резко осудили подрядную систему, заклеймив ее как «ошибку в линии» и указав на то, что она направлена на возрождение

единоличника. Чэнь Юнь же и Дэн Цзыхуэй, принимавшие участие в заседании, высказались в защиту семейного подряда, а мнения членов Секретариата разделились поровну[96].

Что-то Дэн совсем утратил бдительность. То ли думал, что Мао искренне признал «ошибки», то ли — что вернее — на самом деле искренне полагал, что иного пути возрождения экономики КНР нет. В конце концов не он один в то время смело ринулся в атаку на ветряные мельницы! Неужели все эти романтики всерьез считали, что Мао можно переубедить?

Трудно сказать. Пока же 7 июля на пленуме ЦК комсомола Дэн вновь повторил крамольную фразу о кошках, причем на этот раз придал ей глубокий теоретический смысл. Правда, преподнес ее уже как сычуаньскую поговорку и на всякий случай прикрылся авторитетом старого друга, маршала Лю Бочэна. Вот что он сказал: «Надо поднять энтузиазм крестьян для того, чтобы они увеличили сельскохозяйственное производство… Говоря о сражениях, товарищ Лю Бочэн неизменно приводил сычуаньскую поговорку: „Неважно, желтая кошка или черная, если она ловит мышей, это хорошая кошка“. Причина, по которой мы смогли разбить Чан Кайши, заключается в том, что мы не болтали о старых правилах и не шли проторенными путями, а исходили из обстановки. Вот потому и победили. Сейчас надо восстановить сельскохозяйственное производство, поэтому тоже нужно исходить из конкретной обстановки. А это значит, что никоим образом нельзя придерживаться только одной незыблемой формы производственных отношений, следует применять те формы, которые стимулируют активность масс»[97].

Для Мао, напряженно следившего за всем, что говорили и делали в Пекине его младшие товарищи, вышедшие, казалось, из повиновения, слова Дэн Сяопина означали одно: даже такие верные соратники, как Дэн, были готовы восстановить в стране капитализм! Ведь Генеральный секретарь ЦК утверждал, что любые формы производственных отношений хороши, если экономика успешно развивается!

На самом деле, конечно, Дэн не имел в виду восстановление частной собственности на землю. Все формы производственных отношений, о которых он говорил, являлись социалистическими. На пленуме ЦК комсомола он даже специально подчеркнул: «Говоря в целом, во всей стране мы должны укреплять коллективное хозяйство, укреплять социалистическую систему. Это наша основная задача»[98]. Но Мао на это не обратил внимания.

В страшном гневе не только на Дэна, но и на всех остальных «подрядников» «великий кормчий» тут же вернулся в Пекин. И

первый, кого он принял, был Лю Шаоци. Тот зашел к Мао сказать, что Чэнь Юнь и Тянь Цзяин хотели бы поговорить. Мао, плававший в бассейне, разозлился. Выйдя из воды, он обрушился на Лю с упреками: «Сейчас вновь делят землю — так же, как в старое проклятое время. Что ты сделал, чтобы остановить это? Что произойдет, когда я умру?»[99] После этого он принял Чэнь Юня, который, не догадываясь о настроении «великого кормчего», начал рассуждать о целесообразности довольно длительного сосуществования индивидуальной и коллективной собственности. И тут Мао так разозлился, что стал кричать: «„Единоличники, делящие землю“, — это развал коллективного хозяйства, это ревизионизм!»[100] На полях доклада Чэнь Юня он написал: «Этот человек, Чэнь Юнь, — по происхождению мелкий бизнесмен. Он не может исправить свой буржуазный характер. Его все время клонит направо»[101].

Чэнь Юнь испугался[102]. Вскоре он написал Дэну письмо для передачи Мао, в котором просил дать ему отпуск «по состоянию здоровья». Из этого отпуска он выйдет только после смерти Председателя.

Разобравшись с Чэнь Юнем, Мао в присутствии Лю, Чжоу, Дэна и левака Чэнь Бода обрушился на Тянь Цзяина и Дэн Цзыхуэя. А затем потребовал от Чэнь Бода, возглавлявшего тогда редакцию журнала ЦК «Хунци», подготовить проект резолюции об укреплении коллективного хозяйства «народных коммун» и развитии сельскохозяйственного производства. Под его давлением Центральный комитет срочно издал циркуляр, запрещавший пропагандировать семейный подряд[103], а вскоре фанатично преданный Председателю Чэнь Бода подготовил и проект резолюции, который был рассмотрен и принят на очередном, 10-м, пленуме ЦК в сентябре 1962 года[104].

Осторожный Чжоу, который все это время избегал разговоров на опасные в политическом отношении темы и не высказывался ни за, ни против подряда, сразу поддержал «великого кормчего». Да и Дэн с Лю, испугавшись не меньше, чем Чэнь Юнь, сочли за благо одобрить всё, что требовал вождь. Очевидец вспоминает: «После того как позиция Председателя Мао стала известна, никто [уже] не мог не изменить соответственно и свою позицию»[105].

Дэн бросился звонить первому секретарю ЦК комсомола Ху Яобану, с которым был знаком еще по совместной партработе в Сычуани, потребовав немедленно вычеркнуть из стенограммы его речи злополучных животных[106]. А Лю на встрече с кадровыми работниками, направлявшимися в низовые организации, специально поднял вопрос о порочности семейного подряда, заявив, что и высшие, и низшие *ганьбу,* к сожалению, «потеряли

веру в коллективное хозяйство»[107].

Но Мао продолжал развивать наступление. За время отпуска он, казалось, всё детально продумал и теперь брал реванш за то унижение, через которое прошел на совещании семи тысяч руководящих работников. Как бы ни был экономически эффективен семейный подряд, принять его он не мог, ибо не желал допустить реставрацию капитализма!

В течение месяца, в июле — августе, в курортном местечке Бэйдайхэ близ Тяньцзиня он «промывал мозги» руководящим *ганьбу,* собрав их со всей страны на новое рабочее совещание. Накануне на встрече с первыми секретарями комитетов партии провинций, автономных районов и городов центрального подчинения он раскричался: «Вы за социализм или капитализм?!.. Сейчас некоторые выступают за введение подрядной системы в масштабах всей страны, вплоть до раздела земли. Компартия выступает за раздел земли?»[108] На самом же совещании уже более спокойно внушал притихшим товарищам: «Единоличное хозяйство неизбежно ведет к поляризации, а для этого не надо и двух лет, расслоение начнется уже через год… Хрущев и то не осмелился открыто распустить колхозы»[109].

Ссылка на Никиту Сергеевича была не случайна. Ко времени совещания в Бэйдайхэ в советско-китайских отношениях царил уже полный разлад. После некоторого потепления на Московском совещании 1960 года вновь, с весны 1961-го, возобновилась жесткая полемика: на этот раз в связи с дальнейшим ухудшением отношений Компартии Советского Союза с Албанской партией труда, союзником китайской компартии. Вождь албанской партии, сталинист Энвер Ходжа, полностью разгромивший в начале 1961 года свою внутрипартийную прохрущевскую оппозицию, резко усилил тогда нападки на СССР и лично Хрущева, которого, как и китайцы, стал обвинять в «ревизионизме». У албанского лидера к Никите Сергеевичу имелся большой список претензий: он осуждал его и за борьбу с культом личности Сталина, и за «мирный переход» и «мирное сосуществование», и особенно за прекращение экономической помощи его стране после того, как албанская делегация не поддержала хрущевских атак на китайскую компартию во время съезда румынской компартии. В ноябре 1960 года на Московском совещании Ходжа даже выплеснул на Хрущева свою обиду публично: «В то время как в Советском Союзе могут объедаться крысы, албанский народ умирает от голода, так как руководство Албанской партии труда не склоняется перед волей советского руководства»[110]. (Услышав это, глава Компартии Испании Долорес Ибаррури сравнила Ходжу «с собакой, кусающей руку,

кормящую ее хлебом»[111]. Сравнение явно страдало, поскольку Хрущев к тому времени перестал кормить албанцев.) После этого в мае 1961-го Президиум ЦК КПСС предпринял новые антиалбанские шаги: прекратил поставки вооружения в эту страну и вывел восемь советских подводных лодок с военно-морской базы в албанском городе Влёра[112]. Мао, разумеется, поддержал албанцев, и пошло-поехало. Начался обмен письмами и взаимными упреками.

И тут до Мао неожиданно дошли известия о намерении Хрущева принять новую Программу КПСС — взамен той, которую в 1919 году провозгласил Ленин. Проект программы был обнародован в Советском Союзе в самом конце июля 1961 года. Из него становилось ясно, что руководство советской компартии отказалось от фундаментальной большевистской идеи — о диктатуре пролетариата: проект объявлял общественный строй в СССР и даже саму компартию общенародными.

«Великий кормчий» просто задохнулся от наглости Хрущева и на заседании Постоянного комитета Политбюро сказал: «Этот „проект программы КПСС“ похож на бинты, которыми какая-нибудь мамаша Ван стягивает свои ступни, — такой же вонючий и длинный»[113]. На XXII съезд КПСС, созываемый в октябре 1961-го для принятия программы, Мао послал делегацию во главе с Чжоу Эньлаем. И Чжоу не стал скрывать негодования, которое у китайцев только усилилось, когда Хрущев зачитал свои доклады о деятельности ЦК и о новой программе партии. Ведь глава КПСС не только повторил старые тезисы XX съезда, считавшиеся китайцами «ревизионистскими» (о «мирном переходе» и пр.), но и подверг дальнейшей критике сталинский культ. В знак протеста китайцы возложили венки к Мавзолею Ленина и Сталина, написав на том из них, который предназначался Генералиссимусу: «И. В. Сталину, великому марксисту-ленинцу». После этого Чжоу встретился с Хрущевым и вновь изложил позицию Компартии Китая во всех этих спорных вопросах. На что Хрущев, разозлившись, ответил: «Ваша помощь нам была очень нужна в прошлом. Тогда точка зрения КПК имела для нас значение. Но сейчас всё изменилось»[114].

Чжоу, прервав визит за восемь дней до окончания съезда, следующим же вечером улетел в Пекин, где в течение более десяти часов с возмущением докладывал Мао и другим членам руководства о том, что произошло. Он заявил: «Идеологические разногласия между КПК и КПСС имеют принципиальный характер… в идеологической борьбе между двумя партиями стоит вопрос кто кого»[115]. А советские коммунисты тем временем по решению XXII съезда вынесли гроб с телом Сталина из Мавзолея

и захоронили у Кремлевской стены. «Серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина», — говорилось в постановлении съезда, принятом единогласно[116].

Для Мао все это означало одно: полный отказ «предателя» Хрущева от марксизма-ленинизма. В декабре 1961 года на рабочем совещании Центрального комитета, обсуждавшем международное положение, Дэн по его распоряжению сделал доклад о борьбе против советского «ревизионизма». «Международное коммунистическое движение оказалось перед угрозой раскола, — сказал Дэн. — Речь идет прежде всего о расколе внутри социалистического лагеря, главным образом о расколе в советско-китайских отношениях»[117].

Движущей силой раскола с китайской стороны был, конечно, сам Мао, без одобрения которого Дэн не мог бы озвучить такой далекоидущий вывод. Полностью поддерживали раскольнические настроения Чжоу, Чэнь И, Пэн Чжэнь, Кан Шэн, Ян Шанкунь и подавляющее большинство других членов китайского ЦК. Примирительную позицию занимали только Лю Шаоци и особенно Ван Цзясян, заведующий отделом международных связей Центрального комитета. Последний в феврале 1962 года, заручившись поддержкой Лю, даже послал Чжоу, Дэну и Чэнь И письмо, а затем и несколько докладов, советуя помириться с Москвой[118]. Однако те не загорелись идеей. А Мао, узнав о предложении Ван Цзясяна и соглашательской позиции Лю, просто взорвался. Лю он пока не тронул, но Вана снял с должности, заменив его на Кан Шэна.

«Советский Союз существует уже несколько десятков лет, — объявил Мао участникам рабочего совещания в Бэйдайхэ, — и все же там появился ревизионизм, который служит международному капитализму и по существу представляет собой контрреволюционное явление… Буржуазия может вновь возродиться. Так и получилось в Советском Союзе»[119].

Такую же опасность — капиталистической реставрации — он допускал и в Китае, а потому на 10-м пленуме ЦК в сентябре 1962 года поставил перед всей партией важнейшую задачу: «С сегодняшнего дня мы должны говорить о классовой борьбе ежегодно, ежемесячно, ежедневно, говорить на собраниях, на партийных съездах, на пленумах, на каждом заседании, с тем чтобы в этом вопросе у нас была более или менее четкая марксистско-ленинская линия». Ведь, как показал китайский и мировой опыт, «классы в социалистических странах существуют,

несомненно, происходит и классовая борьба». Следовательно, возможна и реставрация, такая же, как после побед буржуазных революций в Англии и Франции, когда эти революции «неоднократно обращались вспять»[120].

Участники рабочего совещания и члены пленума полностью поддержали своего Учителя. Горячо аплодировал ему и Дэн. Но был ли он искренен, кто знает? Сам Мао не был теперь уверен в его прямодушии. А это было опасно. Так что вволю наигравшемуся в донкихотство генсеку следовало снова завоевывать доверие «великого кормчего».

И тут Дэну представился шанс. Разуверившийся в его способностях заниматься экономическими проблемами Председатель решил вновь бросить его на борьбу с советским ревизионизмом, ведь на этом фронте Дэн до сих пор проявлял себя хорошо. Допустивший ряд «ошибок» в вопросе о подряде, он во внешнеполитической области действительно выделялся из всех маоистских «ястребов» — своей исключительной напористостью и умением остроумно и жестко полемизировать с советскими коммунистами. Поэтому, несмотря на глубокое недовольство его отношением к кошкам, Мао вновь доверил ему передовой фронт борьбы с внешним врагом.

В очередной раз загнав оппозицию в угол и почувствовав себя на коне, «великий кормчий» захотел дать последний и решительный бой «ревизионисту» Хрущеву, который, как он считал, беспрерывно поднимал «волны грязи и лжи»[121]. Это нашло отражение в решениях китайского Политбюро и новых письмах в адрес ЦК КПСС[122].

Дэн не замедлил оправдать доверие. 5 июля 1963 года, выполняя поручение Мао, он снова — и как оказалось, в последний раз — приехал в Москву. В делегацию из семи человек, которую он возглавлял, входили те же Пэн Чжэнь, Ян Шанкунь и Кан Шэн. А их главными противниками по-прежнему являлись Суслов, Пономарев и Андропов. «Странные», по выражению очевидца, переговоры, которые «даже трудно было назвать переговорами»[123], напоминали диалог глухих. Дебаты проходили в только что выстроенном Доме приемов ЦК КПСС на Воробьевском шоссе, напротив Лужников. Здесь в течение пятнадцати дней состоялось 11 заседаний, на которых противники, сменяя друг друга, выступали с долгими и «тягучими»[124] декларативными заявлениями, уже и не преследуя цель нормализовать отношения. Обе стороны просто расставляли точки над «i», подводя окончательные итоги и критикуя оппонента «вразнос», чтобы вынудить его первым порвать отношения. Ответственность за разрыв никто на себя брать не

хотел.

Накануне и во время переговоров в обеих странах шли истеричные кампании в печати и на радио. 14 июня китайские граждане, а через месяц — советские впервые узнали о глубоких идеологических разногласиях двух «братских» партий и стран. 27 июня из СССР были высланы три дипломата и двое других китайских граждан, распространявших среди советских людей материалы КПК, порочившие КПСС. В Китае они были приняты как герои.

Параллельно с советско-китайскими переговорами в Москве проводились и советско-американо-британские встречи по поводу заключения договора об отказе от проведения ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Это китайцы расценивали как откровенный антикитайский трюк Кремля; у них еще не было атомной бомбы, и отказываться от испытаний они, разумеется, не собирались. И потому полагали, что Хрущев их в очередной раз продает ради сближения с империалистами[73].

Все это, конечно, не могло не сказаться на атмосфере переговоров. Война нервов была изматывающей. Китайцы подозревали, что за ними все время следят, их прослушивают и даже специально плохо кормят. Как-то после обеда по дороге на дачу Пэн Чжэнь, уверенный в том, что выделенная им машина снабжена микрофонами, стал громко возмущаться качеством пищи, после чего питание, кстати, действительно улучшилось[125].

Дэн на переговорах выступал дважды: на втором заседании 8 июля и на четвертом 12-го. В первый раз его выступление (с переводом) заняло пять часов, во второй — четыре. С краткой заключительной речью он выступил и на последнем заседании, 20 июля. В остальное время отмалчивался, лишь изредка бросая какую-нибудь колкость или остроту.

В первом выступлении Дэн в хронологической последовательности изложил историю конфликта, начиная с XX съезда КПСС. Он обвинил своих оппонентов в «отступлении от марксизма-ленинизма» в вопросах войны и мира, в проведении великодержавной и авантюристической политики во время польского кризиса 1956 года и капитулянтской — во время венгерских событий, в «очернении» Сталина, в попытках поставить Китай под свой военный контроль, нападках на внутреннюю и внешнюю политику КНР, в сворачивании помощи китайскому народу в военном и мирном экономическом строительстве, а также в заискивании перед американским империализмом. При этом он напомнил и о беспардонных высказываниях Хрущева в адрес Компартии Китая и лично Мао.

Ничего нового Дэн, собственно, не сказал. Речь носила безапелляционный и обвинительный характер, не оставляя советской стороне ни малейшего шанса на компромисс. Тем более что в заключение он повторил старый тезис о том, что именно Хрущев раскрыл перед деятелями международного коммунистического движения межпартийные разногласия КПСС и КПК — имелось в виду поведение Никиты Сергеевича на съезде румынской компартии в Бухаресте в конце июня 1960 года. «К счастью, на бухарестскую встречу поехал тов[арищ] Пэн Чжэнь, — сострил Дэн. — У него вес примерно 80 килограммов, поэтому он выдержал; если бы я поехал, а у меня вес только 50 с лишним килограммов, то я бы не выдержал». На это Пономарев справедливо возразил: «А тов[арищ] Гришин (председатель ВЦСПС, участвовавший в Пекинской сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов в начале июня 1960 года, во время которой именно Дэн первым придал разногласия гласности. — *А. П.*) весит 70 кг. Ведь это началось до Бухареста, в Пекине. Это же начало и причина Бухарестского Совещания».

Но Дэн не стал вдаваться в детали. «Я Вас понял», — отрезал он[126].

На все обвинения Дэна ответил Суслов. Сделал он это через день, 10 июля, акцентировав внимание на той колоссальной помощи, которую СССР оказал КНР в 1950-е годы. Дэн, выслушав, спросил: «Может быть, завтра денек отдохнем?» Было заметно, что монотонный Суслов, тоже выступавший пять часов, утомил его.

Двенадцатого июля Дэн с новыми силами вновь подверг КПСС критике — на этот раз за «нереволюционную» линию в национально-освободительном движении стран Азии, Африки и Латинской Америки. На следующий день ему ответил Пономарев, потом, через день, выступил Пэн Чжэнь, затем, еще через день, — Андропов и, наконец, 19 июля — Кан Шэн. Последний зачитал заготовленный еще в Пекине текст о том, какой «хороший» был товарищ Сталин и как «неправильно» поступал Хрущев, неоднократно называя того «убийцей», «уголовником», «бандитом», «игроком», «деспотом типа Ивана Грозного», «самым большим диктатором в истории России», «дураком», «говном» и «идиотом». Все эти слова и выражения китайцы выудили из речей Хрущева[127].

Суслов заявил решительный протест «против извращений, фальсификаций и клеветы в отношении руководства нашей партии и тов[арища] Хрущева Н. С, против нашей партии и решений ее съездов»[128]. Но Дэн, Кан и другие китайцы и ухом не повели. «Тов[арищ] Суслов выразил какой-то протест», —

холодно заметил Дэн и предложил прервать заседания — до новых встреч[129]. Посовещавшись с Хрущевым, Суслов на следующий день, 20-го, ответил согласием, и Дэн, следуя приказу Мао, пригласил делегацию КПСС с ответным визитом в Пекин, заметив, что о дате можно будет договориться отдельно. «Наша настоящая встреча служит хорошим началом, — заключил он. — …Необходимо продолжить наши встречи»[130]. Ни Суслов, ни Дэн, однако, уже не верили, что когда-нибудь вновь встретятся.

После этого в Кремле состоялся прощальный банкет, на который пришел и Хрущев. Он поднял бокал за то, чтобы в будущем ликвидировать все разногласия, но слова его звучали пустой формальностью. Дэн тоже говорил о стремлении к солидарности и дружбе, но равным образом лицемерил.

В тот же вечер Дэн вместе с товарищами улетел из Москвы. Мао настаивал, чтобы они ехали поездом, опасаясь, что русские взорвут самолет. Но Дэн бесстрашно ответил: «Нет, мы полетим». И в 22.00 воздушный корабль унес его навсегда из столицы «мирового ревизионизма»[131].

К замораживанию отношений между некогда братскими партиями Мао отнесся философски. «Долгое единство ведет к разрыву, долгий разрыв — к объединению», — сказал он, перефразируя знаменитое начало романа «Троецарствие»[74][132]. Ситуация с КПСС на самом деле была ему выгодна. Пытаясь предотвратить реставрацию капитализма в Китае, он в начале 1963 года развернул новую массовую кампанию в КНР — за «социалистическое воспитание», в рамках которой развивалось пропагандистское движение *«фань сю, фан сю»* («бороться против внешнего ревизионизма, не допускать внутреннего ревизионизма»). Так что «мужественное» поведение делегации Дэна, давшей отпор советским «ревизионистам», как нельзя лучше соответствовало его целям.

Днем 21 июля Мао сам в сопровождении Лю, Чжоу и остальных членов ареопага прибыл на аэродром, чтобы встретить «героев»! До того он лишь дважды встречал товарищей, прилетавших из-за рубежа: в ноябре 1960-го — Лю Шаоци, после Московского совещания, и в октябре 1961-го — Чжоу Эньлая, во время XXII съезда КПСС. В торжественной церемонии приняли участие более пяти тысяч кадровых работников и представителей общественности! Среди встречавших находилась и дочь Дэна, Маомао[133].

Дэн был счастлив. Казалось, тучи нам ним рассеялись и он вновь стал пользоваться безграничным доверием Председателя. Но это только казалось. После баталий 1961–1962 годов Мао было не так-то просто простить его. Тем более что «великий

кормчий» с годами становился все более подозрительным. Китайские Хрущевы, готовые предать его так же, как «коварный» Никита Сергеевич Иосифа Виссарионовича, мерещились ему теперь повсюду. И Дэн с его разноцветными кошками тоже подходил на эту роль.

Но наносить удар Мао пока не спешил: он вообще был нетороплив, а в случае с Дэном особенно. Энергичный генсек был ему по-прежнему нужен. Хотя Мао, конечно, оставался теперь с ним все время настороже, так же как и в отношениях с Лю Шаоци, Пэн Чжэнем и другими товарищами, оказавшимися «склонными к правому оппортунизму».

В конце июля 1964 года Дэн по его поручению стал курировать работу комиссии, занимавшейся подготовкой статей, разоблачавших международный ревизионизм, в первую очередь, конечно, советский. (Председателем комиссии был Кан Шэн, а членами — глава информационного агентства Синьхуа У Лэнси и ряд других пропагандистов.) Эти статьи явились ответом на обнародованное в советской прессе во время последних переговоров, 14 июля, «Открытое письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза»[134]. Статьи были опубликованы от имени редакций главных органов ЦК Компартии Китая — газеты «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци». Всего их насчитывалось девять, планировалась и десятая, но Мао решил, что станет с Хрущева и девяти[135]. (В Китае по этому поводу говорили: «Мы на одну критику ответили девятью»[136].)

Советское руководство болезненно реагировало на критику («китайцы — тупицы», — говорили между собой члены Президиума ЦК КПСС[137]), зато Мао остался очень доволен. И даже почти простил Дэна за поддержку семейного подряда, однако новые события заставили его вновь заподозрить генсека в «правом уклоне». И теперь уже его возмущение оказалось настолько глубоким, что ему потребовалось почти десять лет, чтобы великодушно даровать новое прощение своему «неразумному» ученику.

«КАППУТИСТ № 2»

Начиная с 1963 года Председатель со все возраставшей энергией боролся против внутренней «контрреволюции». В мае ЦК китайской компартии даже принял специальный документ (так называемые «Первые 10 пунктов»), определивший цели, движущие силы, объекты и масштабы движения за социалистическое воспитание в деревне, ставшей к тому времени главной ареной борьбы с реставрацией капитализма в связи с распространением там системы подряда. Документ этот был разработан под непосредственным руководством Мао, заострившим его против некоей «новой буржуазии», к которой вождь относил главным образом недобитых «помещиков», «кулаков» и других алчных эксплуататоров, внедрившихся, с его точки зрения, в руководство ряда «коммун» и бригад для «контратаки» на партию и раздела земли[138]. Откуда в КНР после коллективизации, коммунизации, голода и борьбы с «семейным подрядом» оказались «помещики» и «кулаки», сказать трудно, но Мао настаивал на таком видении проблемы.

Набирала дальнейшие обороты и кампания борьбы с внешним, советским, «ревизионизмом». Но если над Хрущевым «великому кормчему» в конце концов удалось одержать «победу» (14 октября 1964 года пленум ЦК КПСС отправил незадачливого Никиту Сергеевича на пенсию — пусть и не благодаря Мао Цзэдуну, но все же!), то у себя дома Председателю пока не удавалось окончательно разгромить «врагов». И это отнюдь не случайно. Ведь опасность реставрации заставляла его подозревать в злых намерениях огромное количество товарищей по партии, тем более что движение за «социалистическое воспитание» постоянно выявляло вопиющие факты «буржуазного перерождения» в парторганизациях. О тревожном положении ему все время докладывали верные леваки в партийном руководстве (Линь Бяо, Кан Шэн, Чэнь Бода и др.). Не отставали от них и многие провинциальные чиновники, славшие наверх только ту информацию, которую Мао хотел услышать. Становилось ясно, что по крайней мере в половине партийных ячеек «классовые враги» захватили власть.

Дэн тоже активно занимался борьбой против «реставрации»: не мог же генсек стоять в стороне! Но Мао, ценивший его как разоблачителя Хрущева, не чувствовал такого же удовлетворения от его работы на внутреннем фронте. В отличие от леваков Дэн с самого начала был явно не готов безрассудно развивать классовую борьбу в ущерб интересам экономического развития.

Позже он сам признает: «В ходе начавшегося в 1963 году движения за „социалистическое воспитание“ был разработан документ под руководством самого Председателя — „Первые 10 пунктов“, ясно ставивший классовую борьбу, борьбу двух линий на первое место… Совсем не надо было разрабатывать еще какие-то „Вторые 10 пунктов“… [Но] я принял участие в подготовке этого документа в Ханчжоу и должен нести главную ответственность за ошибки, допущенные в нем»[139].

«Вторые (или, иначе, Последующие) 10 пунктов», о которых говорит Дэн, были приняты Политбюро ЦК в ноябре 1963 года. Их основным автором был Тянь Цзяин, тот самый секретарь Мао, который в 1962 году поддержал семейный подряд. В них особо подчеркивалось: «Ни на одном из этапов движения нельзя допустить, чтобы оно отрицательно сказалось на производстве»[140]. «Вторые 10 пунктов» получили поддержку не только Дэна, но и Лю Шаоци.

Что же касается Мао, то он на них внешне никак не отреагировал, но разве мог он не обратить внимания на попытку «умеренных» ослабить кампанию? Через год, в январе 1965-го, он даст всем понять, что в тот раз просто затаился, вновь применив свою излюбленную тактику выманивания «ядовитых змей» из нор[141].

Затаившись, он стал все больше размышлять над истоками как внешнего, так и внутреннего «ревизионизма» и в итоге пришел к убеждению, что основным в китайском обществе является уже не противоречие между бедными трудящимися и недобитыми эксплуататорскими классами, а между сознательными массами и бюрократами, стоявшими у кормила власти, но не перестроившими мировоззрения. Именно от этих людей, то есть от самих кадров партии, не подавивших в себе дух стяжательства, и проистекает главная опасность реставрации, поскольку, идя по капиталистическому пути, то есть являясь «каппутистами», они пытаются вести за собой всё общество. Как же можно их образумить? Снять с командных должностей и выкинуть из партии? Конечно. Но одного этого недостаточно: ведь на их место придут другие, не лучше. Значит, надо изменить само мировоззрение людей, полностью очистив его от всех наслоений прошлого, создать нового человека, подлинного строителя коммунизма. Иными словами, нужна «культурная революция», классовая борьба в сфере культуры, направленная на тотальное разрушение традиционных нравов, обычаев, идеологии и других культурных ценностей китайского народа и замену их новыми, коммунистическими. То есть вслед за революционным преобразованием экономического базиса надо коренным образом

перестроить все области надстройки! (Позже он подчеркнет, что «борьба с теми, кто стоит у власти в партии и идет по капиталистическому пути, — это главная задача, а никак не цель. Цель [культурной революции] — решить вопрос о мировоззрении, выкорчевать корни ревизионизма»[142].)

Ни Лю Шаоци, ни Дэн, ни многие другие китайские руководители до такого, конечно, додуматься не могли, а потому, занимаясь вопросами «социалистического воспитания» (Лю даже с легкой руки Мао носил титул «главнокомандующего движением»), по-прежнему разрабатывали старую идею вождя о том, что в Китае «главным противоречием является противоречие между бедняками и низшими середняками, с одной стороны, и зажиточными слоями — с другой»[143]. Но они явно отстали от Мао.

А тот уже летом 1964 года повел наступление на культурном фронте. 27 июня, например, он заявил, что творческие союзы и большинство периодических изданий «на протяжении последних 15 лет… *в основном* не проводили в жизнь политику партии»[144]. И если и дальше пускать дело на самотек и не проводить классовой «чистки» творческих союзов, то они превратятся в конрреволюционные организации. Вслед затем, 2 июля, он потребовал от членов Постоянного комитета Политбюро организовать в министерстве культуры и во всех творческих союзах новый *чжэнфэн* (то есть кампанию исправления стиля), для чего сформировать в ЦК специальную группу из пяти человек по делам «культурной революции»[145]. Главой ее он назначил хорошо знакомого нам Пэн Чжэня, его заместителем — Лу Диньи, а членами — Кан Шэна, Чжоу Яна (заместителя Лу Диньи по отделу пропаганды ЦК и одного из руководителей как Союза работников литературы и искусства, так и Союза писателей) и У Лэнси (бывшего тогда уже не только директором Синьхуа, но и главным редактором «Жэньминь жибао»)[146].

Деятельность группы Пэн Чжэня, однако, вызвала вскоре его недовольство. Пэн действовал чересчур деликатно, стремясь ограничить партийное вмешательство в тонкую сферу культуры академическими дискуссиями, в то время как Мао желал разжечь на культурном фронте пламя классовой борьбы.

Всё больше раздражали «великого кормчего» и Лю Шаоци с Дэном: своим нежеланием вникнуть в его настроение. Казалось, они упорно не замечали, что он более не считает первоочередной задачей партии натравливание «бедняков и низших середняков» на «зажиточные слои деревни».

В сентябре 1964 года под руководством Лю Шаоци в ЦК был разработан новый руководящий документ относительно

«социалистического воспитания» — так называемые «Исправленные последующие 10 пунктов», основанные на материалах, собранных женой Лю, Ван Гуанмэй, в ходе ее пятимесячного обследования одной из «народных коммун» в провинции Хэбэй. В них старая идея борьбы «бедняков» с «помещиками» была даже возведена в абсолют[147].

Вот тут-то Мао и заподозрил неладное: ведь получалось, что Лю сознательно переводил острие борьбы с новых главных врагов (высокопоставленных членов партии — «каппутистов») на мелкую сошку!

В середине декабря 1964 года для обсуждения и принятия документа, разработанного командой Лю, было созвано рабочее совещание Политбюро. Подготавливал его Дэн, который, узнав накануне, что Мао немного прихворнул, опять опростоволосился. Исходя, по-видимому, из гуманных соображений, он предложил «великому кормчему» не ходить на заседание. Особых дискуссий на совещании не предполагалось, а потому он просто пожалел Мао. Но тот, в очередной раз обидевшись, тут же явился в зал, где выслушал доклад Лю. А через несколько дней вступил с докладчиком в открытое столкновение. Вот что Мао заявил: «Помещики и кулаки — это режиссеры, стоящие за кулисами. На авансцене же сейчас находятся разложившиеся кадровые работники. Они, эти перерожденцы, и есть группа, стоящая у власти. Если вы организуете борьбу только с помещиками и кулаками, то у бедняков и низших середняков вы поддержки не найдете. Самый настоятельный вопрос — это вопрос о кадровых работниках, ибо помещики. кулаки, контрреволюционеры и дурные элементы не стоят у власти». Лю Шаоци попытался возразить: «Некоторые не одобряют такой постановки вопроса». Но Мао оборвал его: «Сейчас не нужно обращать внимания на всякие там классы или прослойки, нужно взяться за этих „стоящих у власти“ коммунистов, стоящих у власти „больших вождей“ и за тех, кто идет с ними». Чжоу, разумеется, тут же поддержал Председателя, но Дэн, испугавшись, по-видимому, что борьба с «каппутистами» в партии перерастет все мыслимые рамки, предложил сконцентрировать удар только по небольшому числу «особенно злостных перерожденцев». Мао на это ничего не ответил и просто вернулся к тому, с чего начал: «Сначала нужно ловить волка, а потом лису. Вот так нужно браться за проблему, начнешь не со стоящих у власти, ничего не выйдет». Лю опять попытался возражать, но Мао его уже не слушал[148].

Этот спор состоялся 20 декабря, а через шесть дней Мао Цзэдун пригласил старых товарищей на банкет в Дом народных собраний на площади Тяньаньмэнь по случаю своего дня

рождения. Присутствовало чуть более сорока человек, в том числе Лю и Дэн. Все находились в приподнятом настроении до тех пор, пока Мао неожиданно не разразился злобной речью. «Я хочу продолжить критику некоторых ошибочных представлений и суждений, проявившихся в ходе движения за социалистическое воспитание», — сказал он. И, не называя Лю по имени, вдруг объявил его взгляды немарксистскими, после чего сообщил, что кое-какие органы ЦК превратились в «независимые королевства» (он, в частности, имел в виду дэновский Секретариат). Заключил он выступление мрачным предупреждением: «В партии существует опасность возникновения ревизионизма»[149]. Все время, пока он говорил, в зале стояла мертвая тишина.

На следующее же утро, вновь явившись на рабочее совещание, Мао заявил, что «в нашей партии имеются по крайней мере две группировки: социалистическая и капиталистическая!»[150]. А на другой день стал размахивать перед собравшимися текстами Конституции Китайской Народной Республики и партийного устава и кричать, что у него здесь есть две книги, одна — Конституция, по которой он имеет гражданские права, а другая — партийный устав, по которому у него есть права члена партии. Но, сказал он, «один из вас» (то есть Дэн) «не пускал меня на совещание», а другой (Лю Шаоци) — «не давал мне говорить»[151].

Мао удалось получить поддержку большинства, и в итоге «Исправленные последующие 10 пунктов» оказались отвергнуты, а вместо них в январе 1965 года был принят разработанный Чэнь Бода под руководством Мао новый документ (так называемые «23 пункта»). В нем говорилось: «Ключевым моментом движения является исправление тех, кто стоит у власти и идет по капиталистическому пути»[152].

Тогда же, в январе 1965-го, Мао решил сместить Лю в связи с тем, что тот «выразил энергичный протест» по поводу развертывавшейся в ходе движения за «социалистическое воспитание» борьбы с «теми, кто стоял у власти в партии и шел по капиталистическому пути»[153].

Относительно же Дэна он пока к такому решению не пришел, хотя и был зол на своего генсека. Но вскоре и к нему отношение Мао испортилось до крайности. На этот раз — в связи с тем, что тот вступил в острый конфликт с особой, ссориться с которой ни ему, ни кому бы то ни было в Китае не следовало: с мстительной и коварной женой «великого кормчего» Цзян Цин.

Эта хрупкая женщина, обладавшая исключительно сильным характером, пользовалась большим влиянием в китайском руководстве. И совсем не потому, что Мао страстно любил ее: за

много лет брака он успел поостыть к ней и свои сексуальные потребности удовлетворял со множеством любовниц, главной из которых была поразительно красивая проводница его поезда двадцатилетняя Чжан Юйфэн (Чжан Нефритовый феникс). Но Цзян Цин (Азурная река, настоящие фамилия и имя — Ли Шумэн, что значит Ли Чистая и безыскусная) демонстрировала ему такую фанатичную преданность (в том числе политическую), что Председатель не мог не ценить этого. Бывшая когда-то до революции очень неплохой актрисой (в начале 1930-х Цзян с успехом играла в шанхайских театрах и даже снималась в кино), она нужна была ему и как эксперт в сфере культуры. В конце сентября 1962 года Мао поручил ей контроль за деятельностью органов культуры как на уровне ЦК, так и правительства. И его боевая подруга стала с огромным рвением внедрять принципы классовой морали в «загнивавшую» литературу и «деградировавшее» искусство. Под ее руководством на китайской сцене начали появляться новые оперы и балеты — своего рода пропагандистские агитки, убогие по форме и примитивные по содержанию, зато невероятно революционные.

Энергичной Цзян Цин было, однако, тесно на театральных подмостках. Ей нужна была политическая власть. И потому она стала вскоре конфликтовать со многими членами руководства, которые и без того ее не любили, — с того момента, как она стала женой Мао Цзэдуна. Большинство ветеранов с теплотой вспоминали прежнюю супругу вождя — Хэ Цзычжэнь, у которой с Председателем произошел разрыв за два года до его новой женитьбы. Этого им злобная Цзян никогда не могла простить. Хорошо относились к ней лишь немногие, в том числе Кан Шэн, ее бывший любовник, который, кстати, и познакомил Цзян с Председателем в 1938 году.

До осени 1962-го, однако, Цзян оставалась не более чем домохозяйкой и секретарем Мао, а потому особо навредить ни Дэну, ни кому другому в Политбюро не могла. Но после того как «великий кормчий» вывел ее на авансцену классовой борьбы, она, почувствовав силу, стала вмешиваться в дела многих китайских руководителей, хотя ни в Политбюро, ни в ЦК не входила.

Разумеется, ее поведение раздражало старые кадры. Но почти никто из них по какому-то странному легкомыслию не считал нужным скрывать свои чувства. Точно так же вел себя и Дэн Сяопин. Непростительная промашка для опытного бюрократа!

Так, посмотрев летом 1964 года очередной «шедевр», одобренный Цзян Цин, Дэн во всеуслышание заявил: «Из-за движения [по реформированию оперы] многие уже не осмеливаются писать статьи. В настоящее время агентство

Синьхуа ежедневно получает всего по две статьи. В театральных спектаклях играют только роли солдат, показывают только одни сражения. А возьмем кино. Где же тут добиться совершенства, когда и это не разрешают изображать, и то не разрешают изображать»?[154]

Цзян Цин немедленно зачислила Дэна в список своих врагов, начав настойчиво внушать мужу мысль о его коварстве. Какое-то время Мао не придавал значения ее наветам, но в конце концов стал задумываться.

А пока, в начале 1965 года, хитроумной Цзян Цин удалось обработать супруга в нужном ей направлении в отношении приятеля Дэна, заместителя мэра Пекина и одного из ведущих китайских драматургов и историков У Ханя. Дэн действительно любил этого профессора-либерала, несмотря на то что тот не был членом компартии; он ценил его глубочайшее знание китайской истории, особенно периода династии Мин. И практически каждую неделю встречался с ним в одном из элитных партийных клубов, чтобы поиграть в бридж. Присоединялся к ним и первый секретарь ЦК комсомола Ху Яобан, тоже любитель этой западной игры. За картами они наслаждались беседой[155].

На знании минской истории старина У Хань и погорел. Еще в январе 1961 года он написал историческую пьесу об отважном и благородном чиновнике XVI века Хай Жуе, осмелившемся высказать правду погрязшему в пороках императору династии Мин. И хотя сюжет был известный, Цзян Цин посчитала, что У Хань сознательно провел параллель между «делами» Хай Жуя и Пэн Дэхуая (ведь маршал тоже попал в опалу за критику вождя нации). Она подняла вопрос о пьесе сразу по ее выходе, но тогда ни Мао, ни кто-либо другой из его окружения не поддержали ее. Мао Цзэдуну нравился образ Хай Жуя. В нем он видел себя самого, «честного и правдивого революционера», борца против всех пороков прогнивших классов[156].

Однако в начале 1965 года ситуация изменилась. Мао Цзэдуну, разозлившемуся на Лю, враги стали мерещиться повсюду. Вот тогда-то Цзян Цин и удалось внушить ему мысль о «двурушничестве» У Ханя. А вскоре — и о неверности Дэна. В этом ей помог ее старый друг Кан Шэн, не менее коварный, чем она. В первое время, когда Цзян Цин подняла вопрос о пьесе, он тоже скептически отнесся к затее, но затем, где-то во второй половине 1964 года, понял, что из этого можно извлечь неплохой политический капитал. И со своей стороны тоже стал нашептывать Мао, что У Хань — «контрреволюционер». Причем действующий по указке целой «банды», стремившейся реабилитировать бывшего министра обороны: «Мы критиковали

Пэн Дэхуая, они же (Кан намекал на Лю, Дэна и иже с ними. — *А. П.*) приукрашивают Пэн Дэхуая. Разве это не оппозиционные действия?»[157]

И Мао в конце концов согласился с доводами Цзян Цин и Кан Шэна, после чего идея «заговора» в руководстве компартии завладела им и стала казаться ему вполне логичной. Ведь У Хань был подчиненным мэра Пекина Пэн Чжэня, который, как мы помним, являлся одним из ближайших соратников Лю Шаоци и Дэна, к тому же заместителем последнего в том самом «независимом королевстве», каковым Мао считал теперь Секретариат ЦК. В воспаленном мозгу Председателя все эти четверо (У Хань, Пэн Чжэнь, Лю Шаоци и Дэн Сяопин) объединились в одну «черную банду», захватившую, с его точки зрения, огромную власть «над пропагандистской работой внутри провинциальных и местных партийных комитетов и особенно внутри Пекинского городского комитета партии». А потому, решил он, возникла необходимость «открыто, всесторонне, снизу доверху вскрыть наши темные стороны» и «еще больше усилить культ личности для того, чтобы поднять массы на борьбу за уничтожение антимаоистской партийной бюрократии»[158].

В феврале 1965 года Мао принял решение начать критику пьесы У Ханя в печати. Вот как он сам рассказывал об этом: «[Некоторые ведомства и некоторые районы нашей страны были в руках ревизионистов, воистину они заполнили всё, пролезли во все щели. В то время я предложил товарищу Цзян Цин организовать публикацию статьи с критикой пьесы „Разжалование Хай Жуя“, но именно в этом „красном“ городе [Пекине] я оказался бессилен. Делать было нечего, оставалось лишь [Цзян Цин] поехать в Шанхай, чтобы организовать это дело. Статью наконец написали, я трижды просмотрел ее и нашел, что в целом она годится. Вручая ее товарищу Цзян Цин, я предложил, чтобы статью просмотрели и другие руководящие работники ЦК, но товарищ Цзян Цин сказала: „Лучше опубликовать статью как она есть. По-моему, товарищи Чжоу Эньлай и Кан Шэн ее могут и не смотреть“». В противном случае, добавила Цзян Цин, и Лю Шаоци, и Дэн Сяопин «тоже захотят… прочесть»[159].

Статья, о которой говорит Мао, была опубликована 10 ноября 1965 года в шанхайской газете «Вэньхуэй бао» («Литературные доклады»). Ее автором был 34-летний журналист Яо Вэньюань, работавший в местной партийной газете «Цзефан жибао» («Освобождение»). Работа над статьей заняла много времени. Было подготовлено 11 вариантов, которые Цзян Цин и еще один шанхайский левак Чжан Чуньцяо тайно курьерской почтой посылали Мао Цзэдуну в Пекин (рукописи они клали в коробки с

магнитофонными записями пекинских опер[160]). Повышенные меры предосторожности объяснялись тем, что Мао хотел нанести удар по «умеренным» неожиданно. И это ему удалось.

Последним тестом на лояльность Дэна, Пэн Чжэня и остальных «правых» (за исключением Лю Шаоци, в «ревизионизме» которого Мао уже не сомневался) стало одно из рабочих заседаний ЦК в сентябре — октябре 1965 года, на котором Председатель предложил подвергнуть У Ханя критике. Как и следовало ожидать, ни Дэн, ни Пэн, ни другие тест не прошли. Дэн лишь для вида сразу же начал расследование деятельности профессора и вскоре объявил, что «У Хань является „левым (то есть благонадежным. — *А. П.*) элементом“»[161]. А Пэн Чжэнь, бывший, как мы помним, и раньше несдержан на язык, в конце сентября на очередной встрече работников культуры в ЦК заявил: «На самом деле все люди равны, вне зависимости от того, члены ли они Центрального комитета или председатели»[162].

Такого Мао простить не мог. «Я призываю к бунту, — бросил он участникам рабочего заседания, — к такому же, как бунт против Юань Шикая, провозгласившего себя императором»[75]. После чего добавил: «Я скоро увижусь с Марксом, что я ему передам? Ревизионистский хвост, который вы мне оставляете, я не осмелюсь [ему передать]!»[163] Именно после этого он дал сигнал Яо Вэньюаню публиковать статью, заклеймившую драму У Ханя как орудие борьбы буржуазии против диктатуры пролетариата и социалистической революции.

Разумеется, пекинское руководство встретило публикацию негативно: ведь У Хань, как мы помним, был не только профессором и драматургом, но и заместителем мэра. Первой реакцией Пэн Чжэня, не догадывавшегося, что за статьей стоял сам Мао, было не допустить ее перепечатки центральной прессой. За поддержкой он обратился к Дэну. И тот, тоже ничего не подозревая, сказал: «Да видел я этот спектакль, в котором роль Хай Жуя исполняет Ма Ляньлян[76]. Никаких ошибок там нет. А кое-кто всегда пытается по спинам других людей забраться повыше; иной раз они мало что знают о человеке, а стремятся, как говорится, ухватить его за косичку и трепать, трепать, критиковать, критиковать; а все это с той целью, чтобы сделать себе имя. Я больше всего не люблю таких вот людей. Ты скажи профессору, что ничего страшного в этом нет. Мы же будем с ним, как обычно, играть в карты. А политику и науку, искусство непременно надо разграничивать; их смешение — вот что наиболее опасно, ибо такой подход может создать препятствия на пути свободного высказывания мыслей»[164].

Пэн Чжэнь обрадовался и вместе с У Ханем попытался отбить

политическую атаку Яо Вэньюаня, переведя разговор о пьесе в академическое русло. 15 ноября в приложении к столичной газете «Гуанмин жибао» («Свет») У Хань опубликовал ответ на критику шанхайского журналиста, указав на некоторые фактические неточности в публикации «Вэньхуэй бао». «Я не боюсь критики со стороны Яо Вэньюаня, — написал У Хань, — но мне кажется, что такая псевдокритика, сопровождающаяся ошибочным навешиванием ярлыков, такой стиль поведения — неправильные. Кто [после этого] осмелится что-либо писать, кто осмелится заниматься историей?»[165]

Прочитав ответ, Мао всю ночь не мог уснуть. Пэн Чжэнь и Пекинский горком, контролировавшие центральную прессу, явно не желали сдаваться. Борьба обострялась. «С Пекинским горкомом ничего нельзя было поделать», — вспоминал Мао позже[166].

А Дэн, не догадывавшийся о том, с кем на самом деле они взялись бороться, продолжал играть со своим другом в бридж. Бедный профессор, правда, не мог сосредоточиться на игре и все время печально вздыхал. Но Дэн успокаивал его: «Профессор, не вздыхай ты так; ко всему нужно подходить с оптимизмом; ты что думаешь, небо может обрушиться? Мне нынче шестьдесят один год. С того времени, когда я начал участвовать в революции, и до сегодняшнего дня мне пришлось пережить много житейских бурь, бывало муторно на душе. Из этого я извлек опыт… Надо смотреть в будущее. Когда устремляешь взгляд в будущее, всё можно сделать, со всем можно справиться. А уж если мы призываем тебя ориентироваться на будущее, то ты можешь быть спокоен!»[167]

Через пять дней Председатель получил еще более сильный удар: пекинцы сами пошли в контратаку. Все то же приложение к «Гуанмин жибао» объявило: «Безобразный опус Яо Вэньюаня не соответствует [духу движения] „пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ“»[168]. После этого заведующий отделом пропаганды Пекинского горкома в ответ на вопрос главного редактора муниципальной газеты «Бэйцзин жибао» («Пекинская ежедневная газета»), что ответить корреспонденту «Вэньхуэй бао», интересовавшемуся, почему в Пекине не перепечатывают их статью об У Хане, рассмеялся: «Скажи ему в ответ, какая у нас сегодня погода! Ха-ха-ха!»[169] Поразительная политическая слепота!

Цзян Цин захотела встретиться с генсеком и, увидев как-то на приеме одной иностранной делегации Чжо Линь, подошла к ней. «Вот уже много лет, — сказала она, — как в кругах работников литературы и искусства игнорируют курс, указанный председателем Мао. Я надеюсь при встрече с Дэн Сяопином

обсудить серьезные проблемы, существующие в кругах работников литературы и искусства». Чжо Линь передала эти слова Дэну, но тот и не подумал пригласить к себе Цзян Цин. Более того, заметил в одном разговоре: «Поскольку новых хороших спектаклей имеется немного, могут идти и старые. За реформу классической драмы я голосую обеими руками, однако сам я ее не люблю»[170].

В конце концов в дело вмешался Чжоу Эньлай. 26 ноября он позвонил Пэн Чжэню и рассказал о роли Мао Цзэдуна в публикации статьи Яо Вэньюаня[171]. Только тогда «Жэньминь жибао» перепечатала злобный пасквиль, правда, со своим комментарием, в котором объявила о развернувшейся полемике между учеными. (Произошло это только 29 ноября.)

После этого У Хань, подавленный критикой, перестал приходить в клуб, но Дэн все еще надеялся, что гроза пройдет стороной. А потому то и дело заводил разговор о старине У с другими партнерами по бриджу. «Отставка профессора еще не отменена, — острил он. — Когда она будет отменена, он, слава Богу, опять придет играть в карты». И еще: «У Хань не обязательно должен быть связан с Пэн Дэхуаем. К вопросу об У Хане это не относится»[172]. Не собирался капитулировать и Пэн Чжэнь. В декабре 1965 года он сказал У Ханю: «В том, в чем ты ошибался, — признайся открыто, но, если считаешь, что прав, — стой до конца. Отстаивай правду, исправляй ошибки»[173].

Между тем Мао отнюдь не желал успокаиваться. Он использовал статью об У Хане для перевода движения за «социалистическое воспитание» на новый уровень: по его собственным словам, эта статья послужила «сигналом к великой пролетарской культурной революции»[174].

Через два дня после публикации он уехал из ставшего ему ненавистным Пекина, находившегося в руках «черной банды» Лю, Дэна и Пэн Чжэня, в вотчину леваков Шанхай, где сам воздух казался пропитан радикализмом. А через несколько дней уже в хорошем настроении отправился в уютный Ханчжоу, где на берегу тихого озера Силиху смог наконец немного расслабиться: теперь всё разворачивалось по его сценарию.

Через десять дней, однако, он вновь был в пути. На месте ему не сиделось. Хотелось бурной активной деятельности. Он вернулся в Шанхай, где провел новое расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро, после чего опять на несколько дней завернул в Ханчжоу — там его ждали Чэнь Бода, Кан Шэн и другие близкие ему люди, прибывшие сюда обсудить дальнейший план кампании против У Ханя. После этого съездил в Лушань, посетил Кантон и Наньнин, а после Нового года вновь вернулся в

Ханчжоу. В начале же февраля 1966 года через Чаншу приехал в Учан[175].

А в это время Дэн вместе с двумя другими членами Постоянного комитета Политбюро, находившимися в Пекине (Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем), принял за основу выработанный «группой пяти по делам культурной революции» «Доклад о ведущейся ныне научной дискуссии». Документ был компромиссным. С одной стороны, в нем говорилось, что «критика драмы товарища У Ханя „Разжалование Хай Жуя“… представляет собой грандиозную битву марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна с буржуазными воззрениями в области идеологии», с другой — отмечалось, что «надо придерживаться таких принципов, когда сущность явлений ищут в реальных фактах, а перед истиной все равны; нужно убеждать доводами; нельзя, подобно ученым-сатрапам, безапелляционно решать всё и диктовать свою волю другим… Необходимо и разрушение, и созидание (без созидания не может быть и настоящего, окончательного разрушения)»[176].

После этого Пэн Чжэнь и еще три члена группы (Кан Шэн, Лу Динъи и У Лэнси) отправились со своим «Докладом» к Мао в Учан. Тот принял их в гостинице «Дунху» на берегу одноименного озера 8 февраля. «Доклад» ему, разумеется, не понравился, но до поры до времени он не хотел раскрывать карты. «Вы сами выработайте решение, — сказал он. — Мне нет нужды его смотреть»[177]. И, немного помолчав, добавил: «Вернемся к этим вопросам годика через три»[178].

Это была ловушка, но Пэн, Лу и У подумали, что Мао одобрил их тезисы. И с легким сердцем в сопровождении секретарей и телохранителей после разговора с Председателем сразу же отправились в букинистические магазины[179]: Учан и Ханькоу славились ими на весь Китай. А через несколько дней с их подачи ЦК принял тезисы «Доклада о ведущейся ныне научной дискуссии» для распространения (правда, под грифом «совершенно секретно»).

Вот тут-то Мао и начал действовать. В середине марта уже в Ханчжоу он созвал расширенное совещание Постоянного комитета Политбюро, на которое пригласил Лю Шаоци и Чжоу Эньлая (Дэн в то время находился в инспекционной поездке на Северо-Западе), а также первых секретарей провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. В совещании приняли участие и ряд работников ЦК. То, что они услышали, удивило многих из них. Мао не только обрушился на Пэн Чжэня, У Ханя и У Лэнси за пропаганду буржуазной культуры (последнего он даже назвал «полумарксистом»), но и призвал

развернуть классовую борьбу во всех высших, средних и начальных учебных заведениях по всей стране: «В настоящее время большую часть высших, средних и начальных учебных заведений монополизировала интеллигенция, вышедшая из среды буржуазии, мелкой буржуазии и помещичье-кулацкого класса… Это серьезная классовая борьба… Может появиться ревизионизм, ревизионизм исходит именно от этих людей… Надо, чтобы на смену пришли люди молодые, не отягощенные эрудицией (?!), но стоящие на твердых позициях, имеющие политический опыт, решительные… В истории всегда узаконивалось то, что прежде признавалось незаконным… В настоящее время реакционным является то, что не допускает развертывания активности людей, ограничивает их в стремлении совершить революцию… Сейчас всем позволяется требовать самостоятельности, требовать ее у бюрократов… Пусть студенты… шумят… Нужно, чтобы студенты свергли профессоров»[180].

«Председатель в своем выступлении призывал всех… быть решительными и, проводя исторические параллели, требовал, чтобы наши товарищи не малодушничали, проявляли отвагу, а не излишнюю осторожность», — записал после этого в дневнике первый секретарь парткома провинции Хубэй Ван Жэньчжун[181]. А У Лэнси, совершенно деморализованный, попросил Чжоу Эньлая дать ему возможность выступить с самокритикой: «Критика Председателя [в мой адрес] очень сурова, мне надо полностью разоружиться». Помрачневший Чжоу ответил: «Он критиковал не только тебя, но и нас»[182].

Помимо прочего, на совещании обсуждался вопрос, посылать ли делегацию КПК на XXIII съезд КПСС, который открывался 29 марта. И здесь точки зрения Пэн Чжэня и Мао вновь оказались противоположными. Единственный из всех собравшихся Пэн высказался за поездку, тогда как Председатель категорически отверг такую возможность. «Мы не поедем, — резюмировал он, — оставим [наше] красное знамя незапятнанным, нечего тянуть канитель»[183]. «Предательское поведение» Пэна глубоко возмутило его, хотя вряд ли удивило: первый секретарь Пекинского горкома давно стал для него политическим трупом.

Вскоре после этого он дезавуировал тезисы доклада Пэн Чжэня и распустил «группу пяти по делам культурной революции». В апреле Пэна посадили под домашний арест[184], а вскоре «вычистили» и Лу Динъи. После этого их объединили в «антипартийную» группу вместе с начальником Генштаба Ло Жуйцином и заведующим общим отделом ЦК Ян Шанкунем, снятыми ранее по совершенно другим причинам: на последних повесили, в частности, абсурдные обвинения «в похищении

секретных государственных документов и передаче их врагу» (имелись в виду «советские ревизионисты»)[185].

Шестнадцатого мая 1966 года Политбюро от имени ЦК приняло текст специального сообщения всем парторганизациям страны, в котором говорилось о роспуске «группы пяти» и об образовании по решению Мао Цзэдуна новой группы по делам «культурной революции», непосредственно подчиненной Постоянному комитету Политбюро. Во главе ее Мао поставил верного ему Чэнь Бода, советником последнего сделал Кан Шэна, а одним из заместителей — Цзян Цин (в конце августа 1966 года загруженный работой Чэнь уступил пост главы группы супруге Председателя)[186]. Именно это сообщение впервые призвало всю партию «высоко держать великое знамя пролетарской культурной революции»[187].

Несколько абзацев этого сообщения, в том числе о создании новой группы по делам «культурной революции», были написаны самим Мао. Главным из них был следующий: «Представители буржуазии, пролезшие в партию. правительство. армию и различные сферы культуры, представляют собой группу контрреволюционных ревизионистов. Они готовы при первом удобном случае захватить власть в свои руки и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии. Одних из этих людей мы уже распознали, других — еще нет, а третьи все еще пользуются нашим доверием и готовятся в качестве нашей смены. К примеру, люди, подобные Хрущеву, находятся бок о бок с нами. Партийные комитеты всех ступеней должны отнестись к этому с полным вниманием»[188].

Никто, правда, тогда не понял, кого «великий кормчий» имел в виду, говоря о людях, подобных Хрущеву. Все знали, что преемником Мао являлся Лю Шаоци, но сама мысль о его «предательстве», разумеется, никому в голову не приходила, даже лицам из ближайшего окружения Председателя. Вот что по этому поводу вспоминал Кан Шэн: «16 мая 1966 года Председатель Мао отметил: ревизионисты, реакционеры и предатели находятся среди нас. В то время многие партийцы не поняли, кого именно подразумевал Председатель Мао. Они полагали, что речь шла о Ло [Жуйцине] и Пэн [Чжэне]. На самом деле Пэн Чжэнь был уже разоблачен. [Но] никто не осмеливался предположить, какие еще имелись предатели»[189]. «Я, — добавлял Кан Шэн, — [тоже] не почувствовал, что [Председатель] указывал на Лю Шаоци. У меня было только очень расплывчатое понимание этого важного указания Председателя Мао»[190]. О том же говорил и шанхайский левак Чжан Чуньцяо: «Когда началось движение, лишь несколько человек, да и то очень поверхностно, понимали слова

Председателя, в особенности его пассаж о людях, подобных Хрущеву, которые „находятся бок о бок с нами“. Они крайне вяло реагировали на них. В то время я тоже не совсем понимал этот абзац. Я мог думать только о Пэн Чжэне, но не был полностью уверен в том, что речь шла о Лю Шаоци»[191].

Мао же считал свой тезис о еще не разоблаченном «китайском Хрущеве» главным во всем сообщении, о чем недвусмысленно заявил вскоре тому же Кан Шэну и Чэнь Бода. Ему очень хотелось, чтобы его сообщение «взорвало» не только партию, но и всё общество.

Просвещенный им Кан Шэн разъяснял впоследствии: «Великая культурная революция возникла из идеи о том, что классы и классовая борьба существуют и при системе социализма. Эта идея — и теоретическая, и эмпирическая. Опыт показывает, что даже в Советском Союзе, на родине Ленина, большевистская партия восприняла ревизионизм. Наш опыт по строительству пролетарской диктатуры в течение более двадцати лет и, в особенности, последние события в Восточной Европе, где были восстановлены буржуазная диктатура и капитализм, тоже ставят вопрос о том, как осуществлять революцию в условиях пролетарской диктатуры и социализма. С тем, чтобы решить эту проблему, Председатель Мао и развернул Великую культурную революцию в Китае».

По словам Кан Шэна, «великий кормчий» с самого начала выдвинул трехлетний план проведения революции: задачей первого года (с июня 1966-го по июнь 1967-го) он определил «мобилизацию масс», второго (с июня 1967-го по июнь 1968-го) — «достижение великих побед», а заключительного (до июня 1969 года) — завершение революции. «Для такой великой революции, как эта, — утверждал верный соратник Мао, — три года — небольшой отрезок времени»[192].

С этого сообщения началось вовлечение в «культурную революцию» широких масс, что придало движению особый характер. Председатель дал право народу судить «партийцев-ревизионистов», в том числе «крупных партийных сатрапов». Ударной силой «культурной революции» должна была стать молодежь, не отягощенная излишними знаниями и не скованная «порочными» гуманными представлениями конфуцианского общества, — студенты вузов, а также учащиеся техникумов, средних и даже начальных школ. 25 мая на борьбу с «каппутистами» поднялись студенты Пекинского университета, вывесившие на стене своей столовой первую *дацзыбао* (газету больших иероглифов). В ней они обвинили некоторых руководителей отдела Пекинского горкома по университетской

работе, а также ректора (он же секретарь парткома) Бэйда[77] в «проведении ревизионистской линии, направленной против ЦК партии и идей Мао Цзэдуна»[193]. Их «героический» почин подхватили студенты других столичных вузов и школ, а также учащиеся в провинции. Учебные заведения охватила эпидемия *дацзыбао,* студенты перестали посещать занятия. Вакханалия борьбы с «каппутизмом» за реформирование сознания шестисот миллионов жителей КНР началась.

Но Дэна пока не трогали, несмотря на то что до Мао не могла не доходить информация, что его генсек, глубоко потрясенный происходившим, время от времени выражал пассивный протест. Например, после того как был снят Ян Шанкунь, Дэн взял к себе на какое-то время жить его дочь, а после ареста Пэн Чжэня не только не стал поливать его грязью, но и послал ему полкорзины мандаринов[194]. Большего он, понятно, сделать не мог: тоталитарная система власти, к созданию которой он сам приложил руку, исключала какую бы то ни было открытую оппозицию вождю. «В условиях того времени реальное положение вещей состояло в том, что трудно было возражать», — признавал он впоследствии[195].

Его и за полкорзины мандаринов-то могли наказать, будь на то воля Мао. Но тот все не давал «добро» на преследование своего генсека. И Дэн, похоже, стал полагать, что горькая чаша минует его. Ничто не заставляло «его проявлять более высокую, чем обычно, степень настороженности», и он продолжал допускать один просчет за другим. Он явно «не поспевал за развитием событий»[196], а может быть, не желал быть более «стопой» «великого кормчего». Кто знает? В любом случае, линия поведения Дэна могла лишь ускорить его падение. Ведь Председатель, затаивший обиду, озлоблялся против него все больше.

В самом начале июня Дэн окончательно вывел его из себя. Вместе с Лю он открыто выступил тогда за ограничение студенческих волнений, поддержав Пекинский горком, пославший в Бэйда рабочую группу для «наведения порядка». Группу укомплектовали активными членами партии и комсомола.

Правда, о том, можно ли посылать такие группы, Чжоу Эньлай от имени Лю Шаоци и Дэн Сяопина спросил по телефону у Мао еще 29 мая, и вождь не выразил никакого протеста. Но такова, как мы помним, была его извечная тактика. Он опять испытывал Дэна и Лю, давая им возможность полностью проявить себя. И те вновь поддались и даже, созвав расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро 3 июня, приняли решение послать аналогичные группы в другие пекинские учебные

заведения. «Без рабочих групп дело не пойдет, — заявил Дэн, — …рабочие группы представляют партийное руководство… посылать рабочие группы надо очень спешно — как пожарную команду на пожар»[197]. В эти группы мобилизовали 7239 кадровых работников[198].

После этого Дэн вместе с Лю, Чжоу, Чэнь Бода, Кан Шэном и новым заведующим отделом пропаганды Тао Чжу 9 июня отправился в Ханчжоу, на берег Силиху, чтобы уговорить Мао вернуться в Пекин. Но тот, рассмеявшись, отказался. Тогда Лю и Дэн стали просить его позволения послать рабочие группы во все университеты по всей стране, но Мао на это не сказал ни да ни нет[199].

Вконец запутавшись, Дэн и Лю, вернувшись в Пекин, тут же приняли два диаметрально противоположных решения: с одной стороны, «временно, на шесть месяцев», приостановили обучение в школах и университетах по всей стране, отменив, кроме того, экзамены, а с другой — признали «правильным» посылку рабочих групп во все университеты для «восстановления порядка». «ЦК считает, что меры, принятые рабочей группой в Пекинском университете в отношении беспорядков, правильные и своевременные, — объявили они. — Во всех организациях, где возникают подобные явления, могут применяться такие же меры, как в Бэйда»[200]. Вскоре после этого в составе рабочих групп из Пекина в другие районы страны были направлены более десяти тысяч человек[201].

Большей ошибки они совершить не могли! Ведь теперь Мао Цзэдуну было легко обвинить обоих в «зажиме» народных масс. Он ждал только удобного случая, чтобы нанести сокрушительный удар. Между тем всезнающий Кан Шэн по секрету сказал Чжоу Эньлаю, что «Лю и Дэн, возможно, не выживут», заметив, что ему (Чжоу) «не следует связывать себя с рабочими группами, а надо взять руководство движением [«культурной революцией»] в свои руки»[202]. Не вызывает сомнения, что Кан говорил с Чжоу от имени Мао.

А сам Председатель, делая пока вид, что ничего не происходит, в середине июня съездил к себе на родину, в деревню Шаошаньчун, где за несколько лет до того для него была выстроена роскошная дача, на которой он еще ни разу не был. Дишуйдун (Грот капающей воды) — так она называлась. А 16 июля уже в Ухани Мао совершил пятнадцатикилометровый заплыв по Янцзы, демонстрируя всему миру, в том числе «каппутисту № 1» Лю Шаоци и «каппутисту № 2» Дэн Сяопину, что он еще полон здоровья и сил! И только 18 июля возвратился в Пекин, где наконец и нанес удар по Дэну и Лю.

Поселился он в западном районе города, в бывшей дипломатической резиденции Дяоюйтай (Павильон для ловли рыбы), демонстративно отказавшись проследовать в Чжуннаньхай, где жили Дэн Сяопин и Лю Шаоци. Последний тут же > приехал к нему, но Мао принять его отказался. «Председатель отдыхает с дороги», — сообщил оторопевшему Лю секретарь «великого кормчего». На самом деле Мао как раз в то время за закрытыми дверями беседовал с Кан Шэном и Чэнь Бода, которые, разумеется, не преминули представить деятельность Лю и Дэна в самом черном свете.

Расстроенный Лю Шаоци созвал на следующий день расширенное заседание Постоянного комитета для обсуждения вопроса о рабочих группах. Но это только обострило ситуацию. Мао на заседании отсутствовал, но проинструктированный им Чэнь Бода потребовал немедленного отзыва всех групп. Его выступление встретило отпор со стороны большинства собравшихся, не знавших истинной позиции Мао. Особенно резко высказался Дэн, который явно потерял терпение. Вскочив с места и тыча пальцем в Чэня, он сказал: «Вы утверждаете, что мы боимся масс, а попробуйте сами отправьтесь на передовую!» После этого, переведя дыхание, резюмировал: «С отзывом рабочих групп я не согласен!» Лю Шаоци поддержал его[203].

Только на следующий день вечером Лю смог встретиться с Мао. И тот наконец раскрыл карты, заявив, что «рабочие группы никуда не годятся, что прежний [Пекинский] горком разложился, что отдел пропаганды ЦК разложился, что отдел культуры разложился, что министерство высшего образования также разложилось, что „Жэньминь жибао“ тоже никуда не годится»[204]. За восемь дней Мао провел семь совещаний, во время которых требовал «отозвать рабочие группы», так как они «играют роль тормоза и фактически оказывают помощь контрреволюции»[205]. «Кто подавлял движения учащихся? — возмущался он. — Только северные милитаристы… Мы не должны сдерживать массы… Плохо кончат все те, кто подавляет движение учащихся»[206].

После этого по требованию «великого кормчего» Дэн вместе с Лю Шаоци и другими руководителями ЦК отправился в пекинские учебные заведения, чтобы провести обследование. Но там они оказались под огнем критики. Оправдываясь, они выглядели жалко: «Выступали с разъяснениями и увещеваниями, но было очевидно, что они бессильны и находятся в безвыходном положении»[207].

Настоящее же унижение Дэн вместе с Лю испытал в самом конце июля на собрании активистов студенческих организаций в здании Всекитайского собрания народных представителей на

площади Тяньаньмэнь. В присутствии более десяти тысяч человек Дэн вынужден был выступить с самокритикой, причем действовал неумело. «Некоторые товарищи говорят, что старые революционеры напоролись на новые проблемы; да, это так. У нас, товарищей, работающих в ЦК и горкоме, нет опыта проведения таких небывалых в истории движений. В некоторых отношениях мы не оказывали конкретную поддержку рабочим группам», — сказал он, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Лю тоже выглядел подавленным, «брошенным на произвол судьбы посреди океана». Говорил визгливо, почти истерично, признаваясь, что не знает, как осуществлять «культурную революцию»[208]. Под бурное ликование зала первый секретарь Пекинского горкома Ли Сюэфэн, исходя из постановления Политбюро, объявил о принятом накануне решении отозвать рабочие группы из всех школ и университетов города[209]. Дочь Дэна, Маомао, присутствовавшая на собрании, горько плакала.

Двадцать девятого мая в элитной средней школе при Пекинском техническом университете Цинхуа была создана организация, именовавшая себя *«Хунвэйбин»* («Красные охранники»). Название очень понравилось Мао, и он похвалил ее членов. После этого началась массовая организации хунвэйбиновских групп, перед которыми Мао поставил конкретную задачу: «Разгромить облеченных властью лиц, идущих по капиталистическому пути»[210].

Пятого августа «великий кормчий» написал собственную *дацзыбао* из двухсот с лишним иероглифов «Огонь по штабу!». По его распоряжению ее отпечатали и 7 августа распространили среди участников 11-го пленума ЦК, который проходил в те дни в Пекине. И теперь всем стало ясно: «культурная революция» направлена против Лю Шаоци и Дэн Сяопина! Ведь именно они руководили повседневной работой Центрального комитета — главного штаба в стране. Изменив повестку дня, пленум занялся рассмотрением персональных дел главы Китайской Народной Республики Лю Шаоци и Генерального секретаря ЦК Дэн Сяопина[211]. «Мы разоблачили китайских Хрущевых, которые скрывались среди нас», — вспоминал Кан Шэн[212].

После пленума пост Генерального секретаря ликвидировали, а сам Секретариат, по существу, лишили какой бы то ни было власти: его больше не собирали, а его функции передали группе по делам «культурной революции». Дэн и Лю, правда, остались членами Постоянного комитета Политбюро. Дэн при выборах даже получил единогласный вотум доверия — 74 голоса, наравне с Мао и Линь Бяо[213], однако его влияние было сведено до минимума. Новым своим преемником Мао назначил Линь Бяо —

вместо дискредитировавшего себя Лю Шаоци. Линь стал к тому же и единственным заместителем Председателя[214]. Сразу после пленума, на рабочем совещании ЦК (оно проходило с 13 по 23 августа) Линь Бяо атаковал Лю и Дэна поименно, заявив, в частности, что вопрос о Дэн Сяопине «относится к категории борьбы между нами и нашими врагами»[215]. После этого Дэн потерял сон, а после совещания прекратил работать, передав свои обязанности Кан Шэну[216]. Теперь Дэн все время сидел дома, ни с кем не разговаривал и только знакомился с присылаемыми ему время от времени партийными материалами.

Так прошел весь сентябрь. А в октябре, на новом рабочем совещании ЦК, Дэна вновь подвергли жесточайшей поименной критике. Выступивший с основным докладом Чэнь Бода объявил, что в «культурной революции» борются две линии: «пролетарская революционная» партийного центра во главе с Председателем Мао Цзэдуном и «буржуазная реакционная», «представителями которой являются товарищи Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Они должны нести главную ответственность». Сам термин «буржуазная реакционная линия» придумал, конечно, Мао, который, кстати, редактировал доклад Чэнь Бода. После этого Линь Бяо вновь атаковал Дэн Сяопина и Лю Шаоци, обвинив их в том, что они «подавляли массы и противодействовали революции»[217].

Ну, тут оставалось только застрелиться. Но ни Лю, ни Дэн этого делать не стали, а по требованию Мао вновь выступили с самокритикой. 23 октября и тот и другой признали, что «несут главную ответственность». Дэн, кроме того, заявил: «Я определенно могу сказать, что, если бы я в свое время был более скромным и прислушивался к мнению других, а главное, если бы постоянно докладывал Председателю [обо всех делах] и спрашивал его совета, я, безусловно, получал бы его инструкции и помощь, что позволило бы мне вовремя исправить мои заблуждения»[218]. Дэн обещал «исправиться и стать новым человеком». Но, по словам Маомао, его «самокритика… была выступлением вопреки его совести и убеждениям»[219].

Последнее, однако, не имело значения. Добившись того, что Лю и Дэн «потеряли лицо», Мао на совещании стал играть роль примиренца. На тексте самокритики Дэн Сяопина, полученном им накануне, он сделал следующую надпись: «Товарищ Сяопин! С этим можно выступать. Но после первой строки на девятой странице „исправлюсь и стану новым человеком“ не стоит ли добавить несколько позитивных воодушевляющих слов? Например, сказать: „Я верю, что, прилагая все силы, и при активной помощи со стороны товарищей смогу исправить

ошибки“. Попросить товарищей дать мне время для того, чтобы я смог [снова] встать в строй. Полжизни занимался революцией, оступился, так разве надо лягнуть и не дать воспрянуть? Еще одно. Из заглавия можно удалить два иероглифа, [означающих слово] „первоначальный [проект]“»[220].

Через два дня после самокритики Дэна Мао Цзэдун, подводя итоги, сказал: «Нельзя… полностью обвинять во всем [Лю Шаоци и Дэн Сяопина]. Есть и их вина, есть и вина ЦК — ЦК тоже вел дело не слишком хорошо. Времени было мало, и к новым проблемам мы (так и сказал: «Мы!» — *А. П.*) оказались психологически неподготовленными, не наладили политической и идеологической работы… После совещания, видимо, будет лучше»[221]. Мао, правда, не смог удержаться, чтобы не высказать свои обиды: «Дэн Сяопин туг на ухо, но он все время на всех совещаниях садился подальше от меня и начиная с 1959 года никогда не искал меня, чтобы доложить о своей работе»[222].

То, что Дэн был тугоух, верно. В правом ухе у него то и дело возникали шум и звон, мешавшие ему. Это ощущение, именуемое в медицине тиннитус, усиливалось с каждым годом[223]. Но именно поэтому во время совещаний высшего руководства в спальне у Мао Цзэдуна он садился у изголовья кровати, на которой возлегал Председатель. Так что «великий кормчий» зря жаловался на него. Кривил Мао душой и тогда, когда говорил, что генсек не искал его, чтобы доложить о работе: достаточно заглянуть в «Хронологическую биографию» Дэна, изданную недавно в КНР, чтобы убедиться, что это неправда. Мао просто хотелось лишний раз уколоть своего бывшего верного ученика. Ведь он так доверял ему, называл «лучшим из своих соратников», «главной растущей силой», а тот только и делал, что после провала «большого скачка» обижал старика. Мао чувствовал, что Дэн перестал вникать в его мудрые мысли и не стремился ловить каждое слово. Так что на самом деле он не собирался пока прощать его. Так же, как и Лю Шаоци. Ему хотелось понаслаждаться их унижением.

Понимая настроение вождя, члены группы по делам «культурной революции» ковали железо, пока горячо. Борьба с Дэном и Лю служила для них трамплином в их политической карьере. В конце декабря 1966 года по инициативе одного из них, Чжан Чуньцяо, несколько тысяч студентов и преподавателей университета Цинхуа вышли на демонстрацию, во время которой впервые публично атаковали Лю Шаоци и Дэн Сяопина по именам, призывая к их свержению[224]. На транспарантах и *дацзыбао* они написали: «Долой Лю Шаоци! Долой Дэн Сяопина!». При этом имена Лю и Дэна перечеркнули крест-накрест черной краской.

Для Дэна наступили самые тяжелые времена. И он, должно быть, не раз вспомнил Конфуция, сказавшего: «Только с наступлением холодов познаешь, что сосна и кипарис увядают последними»[225]. Как и этим могучим деревьям, ему нужно было выстоять в непогоду. Не сломаться, не погибнуть, а сохранить силы и дождаться весны. Стиснуть зубы и пережить испытания.

АРЕСТ И ССЫЛКА

На его счастье, Дэн в те страшные дни был не один. Переживать страдания ему помогала преданная Чжо Линь. В отличие от предыдущей жены, предавшей его, Чжо проявляла себя как нельзя лучше, разделяя с ним все испытания. Поистине Дэн был удачлив, женившись на ней. Другого такого друга надо было еще поискать!

— Чжо Линь! — сказала ей как-то в один из томительных вечеров бабушка Ся, мачеха Дэна, не разбиравшаяся в политике, но всем сердцем любившая пасынка. — Тебе нужно трезво взглянуть на ситуацию. Сколько лет вы женаты! Ты должна хорошо понимать его. Если разведешься, совершишь глупость!

Чжо с удивлением посмотрела на нее:

— Мама! Я действительно его хорошо понимаю. Так что успокойтесь! Я не разведусь[226].

«В период „культурной революции“ наша мама изо всех сил поддерживала отца, — вспоминает старшая дочь Дэна, Дэн Линь, — и хотя вокруг кричали: „Долой Дэн Сяопина! Дэн Сяопин — второе самое крупное лицо в партии, находящееся у власти и идущее по капиталистическому пути“, „он такой, он сякой“, она больше всех заботилась о нем, ухаживала за ним, делила с ним и счастье, и горе, и их сердца бились в унисон»[227].

Конечно, Чжо Линь очень нервничала, особенно по поводу детей: ведь тех уже прорабатывали в их учебных заведениях как членов «черной семьи каппутиста № 2». Но даже ради них она не могла бросить мужа. Напротив, вселяла в них веру в невиновность отца, рассказывая о его героическом прошлом. Она хотела, чтобы «ее сыновья и дочери знали, что отец — чистый человек»[228].

И те тоже вели себя в целом достойно, хотя под давлением хунвэйбинов принимали участие в собраниях «критики и борьбы» и, сдерживая слезы, формально осуждали отца. Как-то раз дочери Дэна были даже вынуждены написать *дацзыбао,* которую вывесили на одной из стен в Чжуннаньхае, неуклюже раскритиковав главу семьи за какие-то частности. Однако главного («Мы порываем с отцом-каппутистом») не сказали[229]. Павликов Морозовых из них не получилось.

Между тем «культурная революция» стремительно неслась по стране, все более окрашиваясь в кровавый цвет. Оголтелые хунвэйбины, от самого «великого кормчего» получившие право громить «каппутистов», упивались террором. Волна насилия стремительно захлестывала Пекин, а за ним и другие города

Китая. И наиболее страшную роль в кровавой драме играли даже не студенты вузов, с которых, собственно, всё началось, а обезумевшие от вседозволенности подростки, школьники средних и даже начальных учебных заведений. Дети, не успевшие повзрослеть, волчата, почувствовавшие запах крови, невежественные фанатики, возомнившие себя титанами, восставшими против «каппутистов»! Их насчитывалось в стране огромное множество: более тринадцати миллионов! И именно на них-то и сделал свою безнравственную ставку Мао Цзэдун, раздувший дичайший пожар «культурной революции». Своими «постановлениями», воззваниями и *дацзыбао* он отравил души детей, совершив тягчайшее преступление. Ведь что может быть преступнее развращения малолетних?

Только в одном Пекине за два месяца (август — сентябрь) разъяренными юнцами были убиты 1772 человека, заподозренные в принадлежности к «каппутистам». В Шанхае за то же время погибли 1238 человек (704 из них сами свели счеты с жизнью, будучи не в силах снести издевательства подростков-хунвэйбинов). Органы же безопасности не вмешивались. «В конце концов плохие люди — это плохие люди, так что, если их и забьют до смерти, не велика беда!» — инструктировал своих подчиненных министр общественной безопасности, строго следовавший инструкциям «великого кормчего»[230]. «Китай такая многонаселенная страна! Что мы не можем обойтись без нескольких человек?» — говорил тогда же Мао[231].

В первую очередь подростки преследовали учителей. В некоторых школах отдельные классы переоборудовали в тюрьмы, где учащиеся издевались над беспомощными педагогами, арестованными ими же по обвинению в принадлежности к «черной банде буржуазных реакционных авторитетов». Педагогов пытали, били и унижали, многих доводили до смерти. Одна из таких тюрем находилась прямо напротив резиденции ЦК КПК Чжуннаньхай, в музыкальном зале средней школы № 6. На одной из ее стен кровью учителей было написано: «Да здравствует красный террор!»[232]. Именно так молодежь понимала лозунг Мао: «В ходе Великой культурной революции необходимо полностью покончить с таким явлением, как господство буржуазной интеллигенции в наших учебных заведениях»[233]. А как еще она могла его понимать?

Во всех городах и поселках Китая хунвэйбины устраивали показательные представления, главными действующими лицами которых были арестованные ими «каппутисты». Замиравших от ужаса пожилых людей водили по улицам, заломив им руки, под гогот и злобные крики толпы, а потом организовывали судилища,

заставляя «контрреволюционный ревизионистский элемент такой-то» или «члена черной антипартийной банды такую-то» кланяться революционным массам.

В самом конце декабря 1966 года подстрекаемые Чжан Чуньцяо цзаофани (бунтари — так называли себя «революционные» рабочие) штурмом взяли здание шанхайского горкома партии. Возглавлял бунт некий Ван Хунвэнь, «начальник генштаба» шанхайских цзаофаней. В результате шанхайский горком, по словам Чжан Чуньцяо, «был парализован и больше ему никто не подчинялся»[234].

Шестого января цзаофани устроили грандиозный 100-тысячный митинг «критики и борьбы» на Народной площади Шанхая, на котором заставили первого секретаря горкома, мэра города и других членов городской администрации признаться в своих «преступлениях»[235]. Вслед за тем цзаофани, поддержанные командованием шанхайского гарнизона, приступили к формированию новых органов городской власти.

Узнав о захвате шанхайского горкома, Мао призвал «всю страну, всю партию, всё правительство, все вооруженные силы и весь народ» учиться на примере Шанхая[236]. После этого по всей стране началось создание новых органов власти — так называемых революционных комитетов, в которых портфели должны были делиться между представителями трех сторон: главарями хунвэйбинов и цзаофаней, офицерами НОАК и «революционными кадровыми работниками». «Культурная революция» продолжала углубляться.

Одиннадцатого января 1967 года Политбюро ЦК приняло решение лишить Лю, Дэна и некоторых других высших «каппутистов», в том числе знакомого нам Чэнь Юня, права участия в своих заседаниях[237]. 1 же апреля «Жэньминь жибао» и «Хунци» опубликовали статью против Лю и Дэна. Именно в ней Дэн впервые в открытой печати был назван «вторым самым крупным лицом в партии, находящимся у власти и идущим по капиталистическому пути».

И тогда Дэн не выдержал. 3 апреля он написал почтительное письмо «великому кормчему», заявив, что уже с 12 января хочет увидеться с ним, чтобы испросить «наставления». «Я ощущаю, что характер моих ошибок уже определен», — покорно заметил он[238]. И попал в «десятку». Этого-то как раз и ждал от него Мао Цзэдун, все это время лелеивший свои обиды. Как же он любил, чтобы люди перед ним унижались!

Помучив Дэна еще немного, всего лишь месяц, он наконец прислал к нему своего доверенного человека, нового заведующего канцелярией ЦК, генерала Ван Дунсина, с 1947 года бывшего

также и начальником его охраны. Спокойный и деловой Ван передал Дэну важное указание: «Не нервничать». Он объяснил, что Мао отделяет вопрос о Лю Шаоци от вопроса о Дэн Сяопине и разрешает Дэну писать ему[239]. Это могло означать лишь одно: Председатель все еще числил Дэна «товарищем». Почему? Кто знает? Возможно, на самом деле считал его довольно честным человеком, к тому же исключительно способным. Возможно, думал, что Дэн совершил «ошибки» по недомыслию — в отличие от Лю Шаоци, в хрущевской сущности которого, как мы помним, он не сомневался уже с января 1965 года. А может быть, просто опасался его огромной популярности в войсках: ведь бывший политкомиссар 2-й полевой армии был своим человеком среди почти всех маршалов и генералов, да к тому же пользовался большим уважением немалого числа офицеров. Годы боевого братства никто из них забыть не мог. А вдруг его полное свержение обострило бы положение в НОАК? Как бы то ни было, но Дэн смог перевести дух.

Через несколько дней Мао сам захотел поговорить с ним. По его приказу Дэна доставили к нему в дом, разбудив среди ночи. Проговорили они до утра. Мао вновь критиковал его за посылку рабочих групп, Дэн опять просил прощения, но тут вдруг «великий кормчий» задал ему непростой вопрос, а именно: почему все-таки Дэн в марте 1931 года неожиданно покинул 7-й корпус Красной армии? Как мы помним, Дэн всегда утверждал, что уехал тогда с фронта в Шанхай, в ЦК КПК, для доклада и прояснения обстановки. Но Мао, сверля его немигающим взглядом, ждал ответа. Стало ясно, что именно этот вопрос и заставил его поднять Дэна с кровати. Если бы Дэн смутился и стал вилять, все его «правые выкрутасы» последних лет прибрели бы особое значение: он из товарища сразу бы превратился в предателя. А это круто изменило бы к нему отношение и в НОАК. Но Дэн умел постоять за себя и, честно глядя в глаза Председателю, заявил, что покинул войска, получив одобрение членов фронтового комитета. В общем, повторил то, что мы уже знаем[240]. Казалось, Мао принял его объяснение, но это только казалось.

К тому времени хунвэйбиновско-цзаофаневский беспредел полностью захватил даже сам Чжуннаньхай. На стене особняка Лю красовалась надпись: «Долой китайского Хрущева Лю Шаоци!». Молодые сотрудники аппарата ЦК, поголовно вступившие в ряды бунтарей, неоднократно вытаскивали престарелого Председателя КНР на митинги «критики и борьбы», заламывали ему руки, пинали и били по лицу. 18 июля они устроили у него в доме обыск, перевернув всё вверх дном. А в

середине сентября арестовали и бросили за решетку его жену. У убитого горем Лю случился гипертонический криз и резко увеличился сахар в крови.

Девятнадцатого июля бунтари Чжуннаньхая пришли с обыском и к Дэну. Правда, заранее увели его и Чжо Линь из дома, так что свидетелями их безобразий стали только бабушка Ся и дети. К сожалению для тех, кто их послал, они ничего не нашли: Дэн никаких документов и записей по работе дома не хранил[241].

Ну что ж. На нет и суда нет?

Как бы не так! Неудача только разозлила бунтарей. Все стены в переулке, где жила семья Дэна, они заклеили гневными *дацзыбао,* требуя свергнуть «второе самое крупное лицо в партии, находящееся у власти и идущее по капиталистическому пути!». Через десять же дней вытащили Дэна и Чжо Линь на митинг «критики и борьбы», во время которого всячески унижали и даже били. Они потребовали, чтобы Дэн в три дня представил им письменное покаяние, и запретили ему и его жене покидать жилище. Никому, даже их детям, не разрешалось отныне навещать их[242]. Иными словами, Дэна и Чжо посадили под домашний арест.

Вернувшись домой после митинга, Дэн в страшном волнении вновь написал письмо «великому кормчему». Ведь он не мог не понимать, что бунтари атаковали его с ведома Мао. Так значит, его последние униженные объяснения не удовлетворили вождя? «В настоящее время я действительно нахожусь в тревожном состоянии, в полном смятении и растерянности, — сообщил он. — Не знаю, как мне быть. Поэтому я убедительно и слезно (!) прошу и надеюсь, что окажется возможным получить наставления Председателя»[243]. Так низко Дэн еще не падал!

Но Мао на этот раз не ответил ему, хотя конечно же получил послание. Он находился тогда вне Пекина, и страдания Дэна не очень волновали его. В стране в то время шла настоящая гражданская война между различными хунвэйбиновскими и антихунвэйбиновскими организациями «с использованием огнестрельного оружия»[244]. Центром столкновений стал Ухань, и Мао решил вмешаться. 14 июля он выехал в этот город, но прибыв туда, почувствовал, что местный гарнизон ненадежен: многие офицеры, в том числе командующий Уханьским и Хубэйским военными округами генерал Чэнь Цзайдао, ненавидели леваков. Испугавшись, что Чэнь арестует его, как когда-то Чжан Сюэлян Чан Кайши, он улетел в Шанхай, где долго не мог успокоиться. Только через два дня он связался с Чжоу Эньлаем, потребовав наказать Чэнь Цзайдао. И тот, разумеется, выполнил приказ, вызвав Чэня в Пекин и устроив ему

головомойку на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро[245]. 27 июля Чэнь Цзайдао сняли со всех постов, а вскоре посланные Линь Бяо войска силой разоружили части уханьского гарнизона. Арестованных солдат и офицеров отправили в трудовые лагеря[246].

Что же касается Дэна, то Мао пока играл с ним, как кошка с мышкой. То вселял надежду, то травил. Смерти его он не хотел, да и из ЦК и партии исключать не собирался. И даже 16 июля проговорился одному из сподвижников: «Если у Линь Бяо подкачает здоровье, я все-таки думаю выпустить на сцену Дэн Сяопина. Дэн Сяопин по крайней мере будет членом Постоянного комитета Политбюро»[247]. После этого он неоднократно заявлял и Чжоу Эньлаю, и Чжан Чуньцяо, и Ван Дунсину и некоторым другим соратникам, что Дэн и Лю — не одного поля ягоды[248]. Но ему нужно было, чтобы Дэн прошел хотя бы первый круг ада, дабы запомнил до конца своих дней: за любые «ошибки» и «своеволие» он будет наказан, так что должен не умничать, а рабски служить ему, великому человеку. В общем, до прощения Дэну оставалось пока далеко, надо было еще какое-то время помучиться.

Первого августа верные Дэну люди, секретарь и телохранитель, были удалены из его дома. А через четыре дня к Дэн Сяопину вновь ворвались бунтари. Над входом они расстянули длиннющий красный транспарант «Митинг критики и борьбы против Дэн Сяопина, второго самого крупного лица в партии, находящегося у власти и идущего по капиталистическому пути». Фамилия и имя Дэна были выписаны черной краской, в то время как все остальные иероглифы — белой. Дочь Дэна, Маомао, вспоминает: «Они вывели из комнаты под конвоем наших родителей… [и] окружили их плотным кольцом во дворе нашего дома. Кто-то из толпы выступил вперед и насильно заставил отца и маму склонить головы… они также заставили их… согнуть спины: все это называлось „склонить голову и признать вину“. Раздались оглушительные крики: „Долой!“, „Свергнуть!“… Затем они наперебой стали задавать вопросы по существу и требовали ответа. Я отчетливо помню, как особенно противно визжала [какая-то] бунтарка… Бунтари отобрали очки [у] моей мамы, [так как считали их предметом буржуазной роскоши]. Ее голову пригнули к земле, она старалась взглянуть на отца, но не могла ничего разглядеть. Отец плохо слышал, к тому же его заставили согнуть спину, и он ничего не мог разобрать в этом реве. Поэтому он также ничего не отвечал. Когда же он произнес в свое оправдание несколько слов, ему даже не дали закончить и грубо прервали… Этот день так и закончился при страшном гвалте и

беспорядке»[249].

Дэн был смертельно бледен. Вернувшись в дом, он тут же лег. В последующие дни оставался замкнут, угрюмо молчал, не улыбался и, сидя в кресле, беспрерывно курил. В середине сентября он написал о своем тяжелом положении заведующему канцелярией ЦК Ван Дунсину. Тот показал письмо Мао, но «великий кормчий» запретил отвечать[250]. А вскоре Дэна постиг новый удар: по высочайшему распоряжению его детей и бабушку Ся выгнали из Чжуннаньхая. Их поселили в получасе ходьбы, в двухкомнатной квартирке на первом этаже небольшого дома. С Дэном же и Чжо Линь остались только повар и слуга.

Так, почти в полной изоляции, Дэн с женой прожили два года. С детьми им не разрешали не только видеться, но и переписываться. Ни о них, ни о других родственниках, подвергавшихся из-за Дэн Сяопина гонениям, они ничего не знали. Им даже не сообщили, что младший брат Дэна, Сяньчжи, работавший в уездном управлении Гуйчжоу, не выдержав преследований, 15 марта 1967 года покончил с собой. Не получили они известия и о преждевременной кончине брата Чжо Линь, Пу Дэсаня, умершего в тюрьме[251].

К ним, правда, насилие больше не применялось, и они даже получали ежемесячную зарплату. Довольно большую: Дэну как работнику высшей категории платили 404 юаня, а Чжо Линь — 120, в то время как максимальная зарплата рабочего составляла только 40 с небольшим[252]. По утрам Чжо Линь, следуя распоряжению сотрудников канцелярии ЦК, занималась физическим трудом: подметала собственный двор. Дэн помогал ей, хотя от него этого никто не требовал. В остальное время они либо читали, либо просто молча сидели в комнате, слушали радио и беспрерывно курили. Чжо Линь тоже пристрастилась к табаку. «Я курю, потому что думаю о детях, — оправдывалась она перед мужем. — А как только смогу увидеть их, тут же брошу»[253]. На душе у обоих было скверно.

А тем временем мощные враги Дэна в Центральном комитете и в группе по делам «культурной революции», прежде всего жена Мао Цзэдуна Цзян Цин, а также глава спецслужб Кан Шэн и министр обороны Линь Бяо, изо всех сил старались повлиять на Председателя, чтобы окончательно свергнуть бывшего генсека. Делить с ним власть в будущем, когда Мао простит его, они, понятно, не хотели. 5 ноября 1967 года они заострили вопрос о Дэне на одной из встреч с «великим кормчим». И тот, не сдержавшись, поделился старыми обидами: «Лю и Дэн сотрудничали друг с другом. Резолюция VIII съезда [по политическому отчету Лю Шаоци] не прошла через президиум

съезда, они приняли ее, не запросив мое мнение. А как только приняли, я тут же выступил против нее. В 63-м году они разработали „[Вторые] 10 пунктов“, а через три месяца [на самом деле — почти через год] опять провели совещание и выработали „[Исправленные] последующие 10 пунктов“. И вновь не запросили мое мнение [Мао лукавит: он прочитал, исправил и формально одобрил документ], я и не был на том совещании. Дэн Сяопина надо критиковать. Прошу Военный совет подготовить статью». Члены группы были уже готовы захлопать в ладоши, но Мао помолчал и добавил: «И все же я считаю, что его следует отделять от Лю Шаоци, надо как-то разъединять Лю и Дэна»[254].

Потерпев фиаско, члены группы, однако, не успокоились. Они настойчиво продолжали доказывать Мао, что Дэн — «враг» не меньше, чем Лю Шаоци, и даже больше — он «предатель», а потому заслуживает если не смертной казни, то уж как минимум исключения из партии. С этой целью в мае 1968 года они учредили даже некую «группу по особому делу Дэн Сяопина», в задачу которой входил сбор компромата на «каппутиста № 2». Особенно по вопросу о его «дезертирстве» из 7-го корпуса. В июне компроматчики потребовали, чтобы Дэн написал нечто вроде критической автобиографии. Зачем? Сказать трудно. Неужели думали, что Дэн расколется? Мао, узнав о создании «группы по особому делу Дэн Сяопина», не смог удержаться, чтобы не «подколоть» Цзян Цин и иже с ней:, «Надо позволить людям совершать ошибки. Когда они ошибаются, их надо наказывать, но разве вы сами не совершаете ошибок? Точно так же надо, с моей точки зрения, относиться и к Дэн Сяопину. Кое-кто говорит, что он сотрудничал с врагами, но я не слишком-то этому верю. Вы так боитесь Дэн Сяопина, как будто он монстр»[255].

Пятого июля Дэн представил свою «исповедь»: почти на семидесяти страницах. Во многих «грехах» раскаялся, так как без самокритики его бы отчет никто не принял, и даже, как мы знаем, признал, что в начале 1931 года «совершил серьезную политическую ошибку», покинув 7-й корпус. Но политическая ошибка, какой бы существенной она ни была, не означала организационную, то есть «предательство» и «дезертирство». А Дэн по-прежнему настаивал, что уехал в Шанхай, получив одобрение фронтового комитета. Более того, упомянул, что в 1933 году во время борьбы против линии Ло Мина ЦК под руководством Бо Гу уже расследовал это «дело» и тогда он (Дэн) тоже писал объяснение[256]. Ссылка на Бо Гу была довольно прозрачна: ведь, как мы помним, тот травил не только Дэна, но и самого Мао. Как видно, Дэн не только оборонялся, но и искусно нападал!

Но и «группа по особому делу» не сидела сложа руки. Ее члены получили доступ к огромному количеству архивных документов, в том числе к личному досье Дэн Сяопина, хранящемуся в орготделе ЦК КПК, опросили множество свидетелей, посетили места, связанные с жизнью врага. И к концу июля 1968 года почти на сорока страницах составили так называемый «Сводный доклад „О главных преступлениях Дэн Сяопина — второго самого крупного лица в партии, находящегося у власти и идущего по капиталистическому пути“». В докладе было представлено немало «доказательств» «правооппортунистической деятельности» Дэна в период КНР, но, к сожалению для Цзян Цин и ее товарищей, не содержалось убедительных данных относительно его «предательства».

Члены группы получили задание копать глубже, но так ничего и не смогли нарыть. В результате в октябре 1968 года на 12-м расширенном пленуме ЦК КПК восьмого созыва Цзян Цин, Кан Шэн и другие леваки были вынуждены ознакомить делегатов с тем, что имели. И все же потребовали исключить Дэн Сяопина из партии. Их захлестывали эмоции, даже фамилию и имя Дэна в названии «Сводного доклада», распространенного среди членов ЦК, они перечеркнули крест-накрест. Но это все равно не повлияло на Председателя: фактов-то у них было маловато. «Что касается этого человека, Дэн Сяопина, — сказал Мао на пленуме, — то я всегда говорю несколько слов в его защиту. Это потому, что во время антияпонской и освободительной войн он бил врага. К тому же в его прошлом не обнаружено никаких проблем (!)… Вот тут все хотят исключить [его], но я несколько воздерживаюсь. Я думаю, что этого человека надо всегда отделять от Лю Шаоци, действительно между ними есть некоторые различия. Боюсь, что мои взгляды немного консервативны и вам не по вкусу, но я все же говорю эти хорошие слова о Дэн Сяопине»[257].

Этого оказалось достаточно, чтобы пленум оставил Дэна в рядах КПК. Только Лю Шаоци «навсегда» исключили, причем назвали «изменником, провокатором и штрейкбрехером, цепным псом империализма, современного ревизионизма и гоминьдановской реакции, совершившим массу тягчайших преступлений»[258].

Узнав о решениях пленума, Дэн выразил им горячую поддержку: Лю он все равно защитить не мог, а вот то, что его самого оставили в партии, имело для него, понятно, важнейшее значение. В начале ноября он написал Ван Дунсину: «Я очень надеюсь, что смогу [и дальше] оставаться в партии, быть ее простым членом. Прошу по возможности дать мне самую

незначительную работу или разрешить трудиться физически по мере сил»[259]. Ответа он вновь не получил.

Перемены в его жизнь принесла только весна 1969 года. В апреле состоялся IX Всекитайский съезд КПК, на котором Мао вновь заявил, что «между Дэн Сяопином и Лю Шаоци надо проводить различие»[260]. И съезд, подведший итоги периода «бури и натиска», разумеется, согласился с ним. А Дэн в новом письме Ван Дунсину покорно повторил, что хочет одного: «в оставшиеся ему годы со всей энергией работать там, куда пошлет его партия». Он также дал обещание никогда «не требовать пересмотра его дела»[261].

Только после этого Мао смягчился, и вскоре сотрудники канцелярии ЦК известили Дэна и Чжо Линь, что отныне они могут встречаться с детьми раз в неделю — по субботам во второй половине дня. То-то была радость!

Вначале к ним приехала их вторая дочка, Дэн Нань. Почему-то именно ей чжуннаньхайские власти первой разрешили посещение. Отец и мать не могли на нее наглядеться. «Мы два года не виделись, — восклицала Чжо Линь. — Ну надо же, Дэн Нань стала совсем взрослой девушкой. Какая стройная! Чем старше становится, тем красивее!»[262] Дэн Нань и вправду похорошела: ее коса, перетянутая короткой ленточкой, придавала лицу особое очарование, и в свои без малого 23 года дочь Дэна просто светилась молодостью и здоровьем. И это несмотря на то что в 1968 году в течение трех месяцев ее мучили в стенах физфака Пекинского университета, студенткой которого она являлась. Ее и старшего брата, «Толстячка» Пуфана, тоже студента-физика из Бэйда, арестовали в мае того года. Заперли в комнатах-камерах и каждый день допрашивали по многу часов, требуя опорочить отца. Старшую же сестру, Дэн Линь, обрабатывали по месту ее учебы — в Центральном институте изобразительных искусств. А младших детей, Маомао и Фэйфэя, вместе с бабушкой Ся — на дому (то одна заезжая группа бунтарей, то другая). Доставалось Маомао и Фэйфэю и в школе. Сердце у Дэн Нань замирало, но она упорно твердила, что ничего не знает. А в соседней комнате Пуфан кричал: «О том, что у нас делалось дома, знаю только я один. Ни мой младший брат, ни мои сестры ничего об этом не знают. Если хотите спрашивать, спрашивайте у меня!»[263] Теперь, увидев отца и мать, Дэн Нань не могла скрыть волнения. Дэн молча смотрел на нее и улыбался, а Чжо Линь беспрерывно говорила, то и дело задавая вопросы: «Почему ты пришла одна? Где остальные?» и т. д. Дэн Нань отвечала и только тогда, когда мать спросила: «А как Толстячок?» — смутилась и быстро ушла в уборную. Но мать поспешила за

ней, вдруг страшно разволновавшись. Как будто почувствовала, что с Пуфаном произошло несчастье.

И она не ошиблась. Дэн Нань расплакалась и, не в силах более скрывать от родителей правду, рассказала им всё. О том, как Пуфан в конце августа 1968 года после очередного допроса не выдержал и, прыгнув с четвертого этажа здания, где содержался под стражей, сломал позвоночник[78]. Ни в одну больницу его, «мерзкое отродье черной банды», не брали — до тех пор, пока сами хунвэйбины, не желавшие нести ответственность за смерть сына бывшего генсека, не добились госпитализации. Врачи определили компрессионный перелом 11-го и 12-го грудных позвонков и 1-го поясничного позвонка, но лечить отказались, тоже по политическим мотивам. В результате большая часть тела Пуфана, от груди и ниже, оказалась парализована. Только спустя много месяцев несчастного юношу, которому шел всего двадцать пятый год, перевели в специальную клинику, где стали оказывать хотя бы минимальную помощь[264].

Родители были поражены. «Я плакала три дня», — вспоминает Чжо Линь[265]. Дэн, как всегда, молчал и курил, но затем написал письмо Мао Цзэдуну с просьбой перевести Пуфана в лучшую больницу. И Мао проявил сострадание, что, собственно, не удивительно. Ведь только так он мог полностью подчинить Дэна: отныне его поверженный ученик должен вечно благодарить своего мучителя за то, что тот спас сына! «Великий кормчий» дал задание Ван Дунсину, и тот вскоре устроил Пуфана в элитный армейский госпиталь, в отделение хирургии. И вот там-то его наконец и начали по-настоящему лечить, правда, за деньги и немалые: Дэн с Чжо Линь стали платить ежемесячно по 25 юаней[266].

Между тем обстановка в стране по-прежнему ухудшалась. Еще в конце августа 1968 года резко обострилась ситуация на границе с СССР. К тому времени наши межпартийные отношения были полностью порваны, а межгосударственные доведены до крайности. После же ввода советских войск в Чехословакию в ночь с 20 на 21 августа 1968 года и принятия вслед за тем советским руководством так называемой «брежневской доктрины», гласившей, что СССР имеет право вмешиваться во внутренние дела любой социалистической страны, если в этой стране социализм находится под угрозой, китайские лидеры почувствовали реальную опасность. В октябре 1968 года Мао привел НОАК в боевую готовность, после чего в марте следующего года, накануне IX съезда, на дальневосточной границе КНР с СССР произошли настоящие вооруженные столкновения. Советские и китайские пограничники вступили в

бой за один из островов на реке Уссури: русские считали его своим и называли Даманский, а китайцы — своим и именовали Чжэньбао. Кто начал первым стрелять, до сих пор неизвестно, скорее всего, всё произошло спонтанно: просто у кого-то сдали нервы, но с обеих сторон имелись убитые: только в первый день столкновений, 2 марта, — 29 солдат и два офицера с советской стороны и 17 военнослужащих — с китайской. 49 человек получили ранения, а один советский солдат попал в плен, где был замучен. Всего же со 2 по 21 марта советские войска потеряли 54 солдата и четыре офицера убитыми и 85 солдат и девять офицеров ранеными. Точное число потерь с китайской стороны неизвестно. Согласно китайским данным — 29 военнослужащих погибли, 62 получили ранения, один пропал без вести. По советским данным, были убиты более восьмисот китайцев[267].

Мао был настолько потрясен, что на IX съезде объявил: «Надо готовиться воевать», причем на своей территории[268]. А после съезда дал тайное распоряжение подготовить эвакуацию большинства вождей партии из Пекина для того, чтобы в случае войны они могли организовать сопротивление на местах[269]. Одновременно из столицы вывозились и главные «каппутисты». 17 октября Лю Шаоци перевезли в Кайфэн (провинция Хэнань), где поместили в одном из зданий, принадлежавших местным «революционным» властям. Он был уже очень плох: беспрерывно кашлял, пульс его учащенно бился, в легких клокотало, он весь горел и жадно хватал ртом воздух. Через месяц, 12 ноября, он умер[270].

Но Дэна ждала другая судьба. Его тоже решили вывезти, но не одного, как Лю Шаоци, а вместе с женой и мачехой. К тому же здоровье его не подводило, а по поручению «великого кормчего» за его отправкой и благоустройством следили как заведующий канцелярией ЦК Ван Дунсин, так и сам премьер Чжоу Эньлай. Местом жительства ему определили провинцию Цзянси, на юго-востоке страны. Здесь Дэн должен был пройти «трудовое перевоспитание», чтобы окончательно «очиститься». Чжоу лично и неоднократно звонил «революционным» властям провинции, чтобы устроить старого друга, его жену и мачеху получше. «Эти люди… не могут физически работать в полную силу, — внушал он местному руководству. — Им… за шестьдесят… При взимании с них квартирной платы также нужно предоставить некоторые льготы… Вы должны больше помогать им; нужно, чтобы были выделены люди, которые бы заботились о них». И еще: «Он [Дэн] старый человек… Мое мнение: надо его разместить в окрестностях [провинциальной столицы] Наньчана; там будет удобнее заботиться о нем. Лучше всего, чтобы они с женой жили в

небольшом двухэтажном доме. На втором этаже разместились бы сами супруги, а на первом… жили бы сотрудники обслуживающего персонала. Конечно, лучше всего, чтобы это было отдельное здание и отдельный двор; тогда во дворе можно было бы размяться и было бы безопасно»[271].

После того как всё было готово, утром 22 октября 1969 года Дэн с женой и мачехой в сопровождении двух членов «группы по особому делу Дэн Сяопина» на военном самолете Ил-14, прихватив несколько ящиков книг, а также немалое количество домашних вещей, в том числе даже старые шторы[79], вылетели из Пекина в Наньчан. Что ожидало их впереди, они не знали, но в любом случае отъезд на периферию надо было «рассматривать как хороший, а не плохой поворот в судьбе»[272]. Дэн получал возможность «искупить свою вину» трудом.

Между тем цзянсийские власти выполнили всё, о чем просил их Чжоу. Даже дом нашли точно такой, какой хотел премьер. Двухэтажный, с внутренним двором, за высокой стеной. Находился он в 26 ли к северо-западу от провинциальной столицы, на территории бывшего Наньчанского пехотного училища Фучжоуского военного округа, превращенного в так называемую «школу 7 мая» — специальный лагерь трудового перевоспитания для кадровых работников[80], недалеко от деревни Ванчэнган (ныне деревня Ванчэн) пригородного уезда Синьцзянь. Это военно-учебное заведение существовало под разными названиями с 1949 года, но в 1968-м в связи с «культурной революцией» оказалось закрыто, а потому пустовало. В доме прежде жил начальник училища, поэтому его называли «Особняк генерала». Довольно просторное здание из красного кирпича с черепичной крышей и длинным резным балконом, окруженное коричными деревьями и платанами, было убрано довольно скромно. В спальне Дэна и Чжо на втором этаже стояли две деревянные кровати, тесно прижавшиеся к стене, а рядом с ними — шкаф и всего один стул. У бабушки Ся тоже имелась спальня, там же, на втором этаже. Рядом находились кабинет с письменным столом, диваном, книжным шкафом и журнальным столиком, а также уборная. На первом этаже располагались столовая, кухня и вестибюль. Здание было поделено пополам, но для пленников оборудовали только одну половину. Во второй, внизу, расположились охранники. Два человека: работник ревкома провинции Цзянси и молодой солдат. Снаружи охрану несли 12 солдат артиллерийского полка. В этой уединенной обители Дэн, Чжо и Ся прожили около трех с половиной лет.

Дэн получил задание «проходить трудовую закалку» по три с половиной часа в день (с начала 1970 года — по два с половиной)

в мастерских по ремонту тракторов уезда Синьцзянь, со стен которых за несколько дней до того сорвали все *дацзыбао,* направленные против него. Находились мастерские примерно в двух ли от училища. «Старина Дэн» (так, по решению руководства, его должны были звать рабочие; именовать «каппутиста № 2» «Дэн Сяопином» или «товарищем Дэном» запрещалось) должен был являться туда каждое утро к восьми часам. Вставал он с Чжо Линь обычно в 6.30. Делал зарядку, растирался мокрым полотенцем, и они с Чжо и бабушкой Ся завтракали. В полвосьмого вместе с Чжо Линь, которая тоже работала в мастерских (промывала обмотки катушек зажигания), он выходил из дома. Двадцатиминутная прогулка не утомляла: после двух лет затворничества можно было наконец вдыхать чистый деревенский воздух. Они шли по узкой тропинке, петлявшей меж рисовых полей и домов, молчали и думали о своем, за ними плелся охранник. В половине двенадцатого, закончив работу, Дэн, слесарничавший в мастерских так же, как в молодости на заводе Рено, и Чжо Линь возвращались домой. Обедали с бабушкой Ся, спали пару часов, а затем зубрили работы «великого кормчего» и читали газеты, повышая свой идеологический уровень. Политическая учеба была частью их «перевоспитания». Дэн выполнял и некоторые работы по дому: мыл полы, колол дрова, дробил уголь. Чжо Линь стирала и шила, а бабушка Ся готовила пищу. Кроме того, они разводили кур и выращивали овощи на приусадебном участке. В шесть вечера все ужинали, причем Дэн, не изменяя правилам, непременно выпивал водочки или местного самогона. В восемь все слушали Центральное радио, чтобы быть в курсе событий. Перед сном Дэн обязательно гулял вокруг дома, а в десять ложился в постель. Еще час читал, а потом засыпал, приняв снотворное. Вот так протекали дни[273].

Секретарем парткома мастерских был некто Ло Пэн, старый коммунист, бывший сотрудник министерства общественной безопасности, разжалованный еще в конце 1950-х годов во время борьбы с «правыми», по иронии судьбы возглавлявшейся, как мы помним, именно Дэн Сяопином. Добросердечный Ло, правда, зла не помнил и к Дэну относился неплохо. «Нам живется радостно», — писал Дэн в канцелярию ЦК[274]. (О своих делах, следуя распоряжению Мао, он обычно информировал заведующего канцелярией Ван Дунсина: с ноября 1969-го по апрель 1972 года он отправил ему семь писем и только дважды, 8 ноября 1971 года и 3 августа 1972 года, посмел обеспокоить «великого кормчего»[275].)

Через пару дней после переезда Дэну и Чжо вновь разрешили

видеться с детьми. Причем теперь дети могли приезжать к ним надолго — на два, а то и три месяца. К тому времени их дорогие чада, за исключением Пуфана, находились в сельских районах, где занимались крестьянским трудом. Дэн Линь работала в провинции Хэбэй, Дэн Нань и Маомао — в Шэньси, а Фэйфэй — в Шаньси. В 1969–1971 годах все они навестили родителей. В июне 1971 года Дэну удалось добиться для Пуфана, который по-прежнему очень страдал, перевода на жительство в «Особняк генерала». «Парализованные ноги брата усыхали, они всегда были холодны как лед», — вспоминает Маомао[276].

А тем временем в большом мире происходили важные изменения. Осенью 1970 года в стране началась истеричная кампания критики Чэнь Бода, бывшего до того одним из ближайших к Мао людей. С августа 1966 года Чэнь входил в Постоянный комитет Политбюро, но неожиданно, после 2-го пленума ЦК девятого созыва (август — сентябрь 1970 года), проходившего в Лушани, его обвинили в «предательстве и шпионаже». Почему, Дэн понять не мог, но падение Чэня, одного из главных его врагов, не могло не радовать[277]. Через год, в сентябре 1971 — го, с политической арены исчез сам Линь Бяо. Куда он делся, Дэн долго не знал: коммунистам его мастерских, в том числе и ему с Чжо Линь, не говорили об этом вплоть до 6 ноября 1971 года. Услышав же наконец, что Линь вместе с женой и сыном пытался бежать в СССР, Дэн, конечно, был поражен. И новая массовая кампания — критика бывшего министра обороны, тоже объявленного теперь «предателем», убедила Дэна только в одном: сам «великий кормчий» наконец прозрел в отношении его старого недруга[278]. А это, разумеется, обрадовало, да и вселило большие надежды на скорые перемены в судьбе. «Законы Неба не могли допустить, чтобы Линь Бяо не погиб!» — говорил Дэн[279].

Отложив в сторону все дела, он 8 ноября написал письмо Мао. Причем отправил его напрямую, минуя Ван Дунсина. Восхвалив «мудрое руководство Председателя», своевременно разоблачившего «коварные планы» перебежчика, он поблагодарил «великого кормчего» за то, что отправил его (Дэна) в Цзянси, где тот «провел ровно два года», и сообщил, что в соответствии с указаниями, «трудясь и учась, [он] перевоспитывал себя, в точности выполняя обязательства, взятые… перед партией». «Лично у меня нет никаких просьб, — заявил он. — Я лишь надеюсь, что наступит день, когда я смогу поработать для партии — конечно, я имею в виду техническую работу. Со здоровьем у меня пока все хорошо, и я еще мог бы потрудиться несколько лет, прежде чем уйти на пенсию… Я хотел бы сделать что-нибудь, получить возможность исправить частицу допущенных мной

ошибок… Я искренне, от всей души желаю Председателю безграничного долголетия! Ваше здоровье и долголетие — величайшее счастье для всей партии, всего народа!»[280]

А в это время в соседней комнате лежал его старший сын, наполовину парализованный, и рядом была жена, у которой в последние годы то и дело поднималось давление. Думал ли тогда Дэн, что сочиняет благодарственное письмо человеку, по вине которого его дорогой Толстячок стал инвалидом, жена — гипертоником, а дочери и младший сын претерпевали моральные и физические муки в сельских районах? Понимал ли, что виной всему, что творилось с ним и его семьей, да и со всей страной, были не столько Цзян Цин и Линь Бяо, сколько сам «великий» Мао? Трудно сказать. Ни с домашними, ни с кем-то другим он в то время это не обсуждал. А что творилось в его душе, кто знает?

Казалось, он уже давно достиг дна в изъявлении верноподданнических чувств своему мучителю, однако это послание превзошло все остальные. Дэн старался воспользоваться ситуацией для возвращения в строй, а о таких рудиментах, как человеческое достоинство, гордость и принципиальность, не вспоминал. Лицемерная изворотливость стала частью его характера — за долгие годы политической жизни. Даже любящая дочь признает: «Политика и тогдашняя обстановка вынуждали его заниматься неискренним самобичеванием… Сколько лет он не мог говорить то, что хотел… но вынужден был говорить то, чего не хотел». В общем, действовал «вопреки… совести и убеждениям»[281].

Письмо было отправлено, но ответа опять не последовало. Мао тоже себя тогда плохо чувствовал: из-за предательства «близкого соратника» впал в апатию, перестал что-либо делать, молчал и сутками не выходил из спальни. Он очень одряхлел, все время кашлял, жаловался на головные боли и тяжесть в ногах. У него тоже повысилось давление и то и дело пошаливало сердце.

Но письмо Дэна он хоть и не сразу, но прочитал. И оно ему понравилось. Он вообще стал сентиментален. Бегство Линь Бяо настолько подкосило его, что он вдруг начал испытывать ностальгию по друзьям боевой молодости, многие из которых, как и Дэн, по его же собственной воле оказались в опале. Он очень огорчился, узнав, что 6 января 1972 года скончался маршал Чэнь И, тоже немало испытавший в период «бури и натиска» «культурной революции». Невзирая на протесты врачей и плохое самочувствие, Мао как был, в домашнем халате, лишь набросив на плечи пальто, отправился выразить соболезнование его вдове. А встретившись с ней, к немалому удивлению присутствующих, заявил: «Если бы заговор Линь Бяо удался, нас всех, стариков,

прикончили бы». После этого он вспомнил и о Дэн Сяопине, заметив, что вопрос о нем относится к противоречиям «внутри народа»[282].

Слова Мао имели большой смысл. Все помнили, как Линь Бяо в августе 1966 года отнес вопрос о Дэне «к категории борьбы между нами и нашими врагами». В этой связи заявление Мао можно было рассматривать как фактическую реабилитацию «каппутиста № 2». Чжоу Эньлай тут же попросил родственников Чэнь И распространить «откровение» «великого кормчего», чтобы оно стало известно общественности.

И все же формальное прощение Дэну пришлось ждать еще целый год! Мао возвращал его в строй постепенно. Через месяц, в феврале 1972 года, Дэна уведомили, что он восстановлен в организационных правах члена партии. Это означало, что он уже не считается под арестом. В апреле его младшим детям, Маомао и Фэйфэю, разрешили учиться в университетах. А в мае старый член партии генерал Ван Чжэнь, бывший глава Синьцзяна, пользовавшийся расположением Председателя, передал Маомао слова вождя, сказанные на похоронах Чэнь И. «Скажи своему папе, — объявил он, — что его проблема непременно будет решена… Твой папа должен возвратиться к работе!»[283] Дэн понял: надо сделать еще один шаг навстречу «великому кормчему», чтобы окончательно его умаслить. И он написал ему еще одно письмо, 3 августа 1972 года.

На этот раз он будто подводил итог самобичеванию, давая понять, что всё до конца продумал, осознал, сделал выводы. «Я совершил множество ошибок, — писал он. — …Источник моих ошибок — в том, что я отошел от масс, от практики, не преодолев коренным образом мелкобуржуазного мировоззрения». Он признавал, что «самой большой [из] допущенных им в прошлом [ошибок]» была та, что он «не держал высоко великое знамя идей Мао Цзэдуна». В результате, подчеркивал он, «я… дошел до того, что вместе с Лю Шаоци выдвинул контрреволюционную буржуазную реакционную линию. Как Генеральный секретарь, я плохо вел работу, не докладывал своевременно обо всем Председателю и совершил ошибку, создав независимое королевство». Дэн вновь покаялся в том, что в начале 1960-х годов поддержал семейный подряд, а также заявил, что не может простить себя за то, что верил Пэн Чжэню и иже с ним. При этом он выразил глубокое удовлетворение от того, что «великая пролетарская культурная революция разоблачила и раскритиковала» его самого: «Это надо было сделать, тем самым она [революция] спасла такого человека, как я».

В общем, он дал понять, что плохим был только в прошлом, а

теперь, «перековавшись», превратился в сознательного члена партии. «Я мог бы выполнять какую-нибудь техническую работу (например, по обследованию или изучению [положения в стране]), — повторил он то, что уже писал Мао. — Никаких других пожеланий у меня нет. Я спокойно жду указаний Председателя и ЦК. От всего сердца желаю Председателю безграничного долголетия!»[284]

И Мао наконец остался доволен. То ли действительно поверил Дэну, то ли продолжал сентиментальничать. Через 11 дней он наложил резолюцию на его письме: «Товарищ Дэн Сяопин совершил серьезные ошибки. Однако его следует отличать от Лю Шаоци. 1. Он в Центральном советском районе подвергся критике, будучи одним из четырех преступников, которых тогда именовали Дэн, Мао, Се и Гу. Он был главарем так называемых маоистов… 2. У него нет проблем в прошлом. Он не капитулировал перед врагом. 3. Он хорошо помогал товарищу Лю Бочэну, у него есть боевые заслуги. Кроме этого, никак нельзя считать, что он не сделал ничего хорошего после того, как мы вошли в города. Например, он возглавлял делегацию на переговорах в Москве и не согнулся перед советскими ревизионистами. Кое о чем из этого я говорил и раньше и сейчас повторяю еще раз»[285]. После этого даже Цзян Цин заговорила о необходимости «восстановить» Дэна «во всех должностях в соответствующее время», поскольку он «закалился, пройдя тяжелый путь борьбы-критики-перестройки»[286].

Теперь возвращение Дэн Сяопина стало лишь формальностью. Но его ускорило несчастье: в январе 1973 года состояние здоровья Чжоу Эньлая резко ухудшилось. Еще в мае 1972 года Чжоу был поставлен предположительный диагноз — рак мочевого пузыря, а вот сейчас он подтвердился. Заменить премьера было некому. Только Дэн с его опытом и энергией, знаниями и организаторскими способностями мог взять на себя работу по руководству народным хозяйством. По крайней мере разгрузить Чжоу. И Мао дал в конце концов приказ вернуть во власть бывшего «каппутиста».

Девятнадцатого февраля 1973 года Дэн и Чжо Линь с чадами и домочадцами покинули «Особняк генерала». Провожали их рабочие тракторных мастерских. Чжо Линь угощала их мандаринами и засахаренными фруктами[287].

Дэну шел уже шестьдесят девятый год, но чувствовал он себя бодро. Лишь изредка у него понижался сахар в крови. Но он всегда держал при себе бутылочку со сладкой водой либо сиропом и, почувствовав себя плохо, делал несколько глотков. «Меня еще на двадцать лет хватит, — радостно повторял он,

когда приступ проходил. — …Без всякого сомнения, поработаю двадцать лет»[288].

Но впереди его ждали новые испытания. Путь к вершине не был усыпан розами. Приходилось бороться, ждать, выживать.

Часть пятая

«МЯГКИЙ, КАК ХЛОПОК, ОСТРЫЙ, КАК ИГЛА»

СХВАТКА С ЦЗЯН ЦИН

В Пекин Дэн с семьей прибыл 22 февраля 1973 года. В отличие от южной Цзянси, где уже ощущалась весна, здесь, на севере, еще вовсю господствовала зима. Лежал глубокий снег, было морозно и ветрено. На перроне бывшего «каппутиста» и Чжо Линь радостно приветствовали сотрудники канцелярии ЦК. Они же отвезли всю семью в заранее подготовленную для них резиденцию в западном пригороде столицы. Это был очень просторный двухэтажный особняк элитного типа, только недавно выстроенный. «Мы остались очень довольны», — вспоминает дочь Дэна[1].

Наконец-то почти вся семья была вместе. Только Пуфан опять находился в госпитале. Зато помимо трех дочерей и младшего сына в доме поселились три зятя: пока родители жили в Цзянси, все дочери успели выйти замуж. Сначала, в 1971 году, свое счастье обрела средняя дочь, Дэн Нань. Она вышла замуж за однокурсника по имени Чжан Хун, с которым работала в деревенской коммуне. В ноябре 1972-го в Наньчанском госпитале она родила девочку, которую по предложению младшей дочери Дэна, Маомао, назвали Мяньмянь («Соня»). Это странное имя выбрали потому, что малышка появилась на свет «в период политической „зимней спячки“ деда». Как же все тогда были политизированы! Новоиспеченный дедушка чувствовал себя на седьмом небе. «Сейчас у меня есть внучка, а вы теперь уже никто», — сказал он домочадцам[2].

Второй вышла замуж младшая дочь, Маомао, — за сына бывшего заместителя министра здравоохранения. С ним ее свела подруга, знавшая его по Пекину. Звали молодого человека Хэ Пин, и был он студентом Харбинского военно-строительного института. Его отца тоже репрессировали, так что у новобрачных было немало общего.

Наконец последней устроила свою жизнь Дэн Линь, самая старшая. В отличие от сестер она никогда не была привлекательной. Болезненно полная и некрасивая, в больших толстых очках, она не вызывала интереса у мужчин, даже несмотря на недюжинные таланты. Дэн Линь хорошо пела и рисовала, училась сначала в средней школе при Пекинской консерватории, а затем окончила Центральный институт изобразительных искусств. В семье она считалась самым творческим человеком, а ее работы, выполненные в традиционной манере гохуа (китайской живописи) тушью и акварелью на шелке или бумаге, привлекали внимание даже специалистов. Но все это

не помогало ей в личной жизни. В конце концов ее просто сосватали: за хорошего человека по имени У Цзяньчан, научного сотрудника Института цветных металлов.

Так что семья у Дэна и Чжо Линь увеличилась. Все здоровые дети были при деле: Дэн Линь работала в Академии художеств, Дэн Нань — в Институте автоматики, Маомао училась на лечебном факультете Пекинского медицинского института, а Фэйфэй — на физическом факультете Бэйда.

Обосновавшись в Пекине, Дэн вновь взял к себе на работу прежнего секретаря Ван Жуйлиня, который все «смутное» время проходил перевоспитание тоже в одной из «школ 7-го мая» в провинции Цзянси. Вернулись к Дэну и его прежний охранник Чжан Баочжун и слуга У Хунцзюнь. В общем, жизнь, похоже, налаживалась.

Между тем 9 марта 1973 года Чжоу Эньлай доложил Мао о возвращении Дэна, попросив назначить его своим заместителем. Это была формальная просьба: Мао давно принял решение поручить Дэну разгрузить больного Чжоу. Так что, понятно, ответил согласием[3].

Двадцать восьмого марта в десять вечера Дэн встретился с Чжоу, впервые за последние шесть с лишним лет. Тот принял его в резиденции ЦК Юйцюаньшань (Гора нефритового источника), в северо-западной части Пекина, недалеко от бывшего императорского парка Ихэюань (парк Доброго здоровья и гармонии). Здесь в тишине он проходил медицинское обследование. Поприветствовать Дэна приехали заместитель премьера Ли Сяньнянь и жена Мао — Цзян Цин.

Чжоу выглядел ужасно. Исхудавший, пожелтевший и постаревший. Цзян Цин же, наоборот, излучала энергию и, казалось, даже помолодела. Она была на десять лет младше Дэна и на целых шестнадцать — Чжоу (родилась в марте 1914 года), но никто ей не дал бы ее пятидесяти девяти. Коротко подстриженная, тоненькая, в красивых роговых очках, она все время пребывала в каком-то странном истеричном возбуждении. Чего нельзя сказать ни о Чжоу, прежде довольно экспансивном и даже вспыльчивом, ни о третьем участнике встречи — Ли Сяньняне, служившем когда-то, во время последней гражданской войны, под началом Дэна. Оба были спокойны и немногословны. Шестидесятичетырехлетний Ли тоже выглядел для своих лет на редкость старо, его жидкие волосы, обрамлявшие мощный череп, были совершенно белые. Он выполнял обязанности заместителя премьера с 1954 года, много лет был министром финансов, а в начале 1970-х стал фактически правой рукой Чжоу.

Встреча носила протокольный характер. Чжоу и Ли не могли

обсуждать с Дэном дела в присутствии Цзян Цин: та возглавляла в ЦК фракцию леваков, и между ней, с одной стороны, и Чжоу и Ли — с другой — давно шла борьба за расположение Мао Цзэдуна. Леваки, сделавшие себе карьеру на крови ветеранов, ничего не понимали ни в народном хозяйстве, ни в дипломатии, зато умели выявлять «классовых врагов» и громить «ревизионистов». Иными словами, двигать вперед «культурную революцию». В то время именно они курировали средства массовой информации и идеологическую работу ЦК, то и дело организовывая шумные пропагандистские кампании. Чжоу, Ли, а также еще один знакомый Дэна, 76-летний маршал Е Цзяньин, руководивший повседневными делами Военного совета ЦК, как могли, ограничивали разрушающее влияние леваков на народное хозяйство, пытаясь развивать производство и модернизировать армию.

Что же касается Мао, то он как искусный политикан балансировал между фракциями, заставляя и Цзян Цин, и Чжоу апеллировать к нему как к высшей инстанции. При этом сознательно поддерживал относительное равновесие между соперничавшими сторонами. Кстати, во многом поэтому он и вызвал Дэна из ссылки: чтобы усилить группировку ветеранов, начинавшую ослабевать из-за болезни премьера. Даже зйачительно постаревший и физически ослабевший (осенью 1971-го врачи выявили у него острую легочно-сердечную недостаточность) Мао не выпускал из рук бразды правления. Он полностью контролировал ситуацию и в партии, и в стране.

На следующее утро Мао принял Чжоу, который сообщил ему: «Он [Дэн Сяопин] и душевно, и физически в хорошей форме». После этого, в три часа дня, Председатель пригласил к себе Дэна.

Он протянул ему руку и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Что же ты делал все эти годы?

— Ждал, — ответил бывший «каппутист № 2».

— Ну, ладно, — произнес «великий кормчий». — Упорно работай и береги здоровье[4].

В тот же вечер Дэн по предложению Председателя принял участие в заседании Политбюро, которое официально утвердило его заместителем премьера, поручив вести международные дела. Он получил также право и далее участвовать в работе этого высшего органа, несмотря на то что пока не являлся даже членом ЦК. Таково было желание Мао.

Международное положение Китая в то время улучшалось с каждым днем. В начале 1970-х Мао и Чжоу сумели воспользоваться новой геополитической ситуацией, сложившейся вокруг их страны в связи с резким обострением советско-

китайских отношений и катастрофическим ухудшением положения армии США во Вьетнаме. Китайцам удалось заинтересовать американцев, с одной стороны, своим ярым антисоветизмом, а с другой — возможностью оказания посреднических услуг в их переговорах с Вьетконгом (южновьетнамскими партизанами-коммунистами) и Демократической Республикой Вьетнам, поддерживавшими с Пекином союзнические отношения. В октябре 1971 года американцы позволили КНР занять ее законное место в Организации Объединенных Наций, а в феврале 1972-го президент США Ричард Никсон посетил Пекин, где провел переговоры с Мао и Чжоу. В конце визита, 28 февраля, когда президент Никсон находился в Шанхае, было опубликовано совместное коммюнике, в котором подчеркивалось, что «прогресс в деле нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами соответствует интересам всех стран»[5]. После этого за один год отношения с КНР на уровне послов установили 16 государств, в том числе Великобритания, Япония, ФРГ, Австралия. И хотя с США установление официальных дипломатических отношений затягивалось в связи с различным пониманием сторонами тайваньского вопроса, международный авторитет КНР стремительно возрастал.

Именно на одном из дипломатических приемов в Пекине Дэн и был впервые после опалы представлен публике. Произошло это 12 апреля 1973 года. По словам присутствовавших, он выглядел неуверенно и старался держаться в стороне до тех пор, пока внучатая двоюродная племянница Мао по материнской линии Ван Хайжун, исполнявшая тогда обязанности заместителя министра иностранных дел, не ввела его в круг собравшихся. Только тогда Дэн улыбнулся, а гости приветствовали его аплодисментами[6].

Осторожное поведение Дэна могло объясняться не только тем, что это был его первый светский раут после стольких лет затворничества. Вполне вероятно, что за полтора месяца, проведенных в Пекине, он вполне уяснил себе, насколько опасной была ситуация, в которой он оказался. Ни Цзян Цин, ни ее сторонники (а среди них находились влиятельнейшие политики: глава всех секретных служб китайской компартии Кан Шэн, а также шанхайские «герои» Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань) не простили бы ему ни малейшего промаха. Для них он по-прежнему оставался «буржуазным перерожденцем» и «каппутистом», несмотря на то что внешне они, понятно, уже не могли демонстрировать свое подлинное к нему отношение.

Относительно Цзян Цин и ее соратников Дэна просветил

Чжоу, специально пригласивший его еще раз в Юйцюаньшань (на этот раз с Чжо Линь). Они беседовали несколько часов за закрытыми дверями, и Чжоу даже посоветовал Дэну не доверять незнакомым докторам: от леваков всего можно было ожидать![7]

Самочувствие самого Чжоу продолжало ухудшаться. Но он не мог пока лечь в госпиталь, так как Мао, опасаясь не обойтись без него, запретил врачам даже думать о его госпитализации и операции. «Великий кормчий», похоже, полагал, что Чжоу не переживет хирургического вмешательства и умрет раньше времени[81]. Поэтому Чжоу проходил обследование и лечение по существу амбулаторно, время от времени уединяясь для этого в Юйцюаньшане в сопровождении верной жены Дэн Инчао. Там его ждали врачи и другой обслуживающий персонал[8].

Между тем приближалось время созыва очередного X съезда Компартии Китая, который Мао решил провести с 24 по 28 августа 1973 года. На съезде, понятно, планировалось сформировать новый состав руководящих органов партии, а потому и для Чжоу с Дэном, и для леваков он имел важнейшее значение. Разумеется, в патерналистском обществе, каким был Китай, персональный состав ЦК, Политбюро и Постоянного комитета Политбюро в конечной инстанции определялся одним человеком — Мао Цзэдуном. Так что внутрипартийная борьба за влияние на Председателя достигла критической точки.

В мае группа Цзян Цин смогла одержать серьезную победу. Им удалось добиться согласия «великого кормчего» на участие в работе Политбюро молодого, 38-летнего, радикала Ван Хунвэня, бывшего «начальника генштаба» шанхайских цзаофаней, а также еще одного левака, шестидесятилетнего мэра Пекина У Дэ, пользовавшегося расположением Мао.

Вместе с ними такое право получил и некто Хуа Гофэн, бывший секретарь парткома родного уезда «великого кормчего», создавший в деревне вождя величественный мемориал. Он был относительно молод: в феврале 1973-го ему исполнилось 52 года. Настоящие фамилия и имя этого человека, выходца из семьи шаньсийского рабочего-кожевенника, были Су Чжу (Су Слиток), но в 1938 году, вступив в антияпонский партизанский отряд, он изменил их на Хуа Гофэн, что означает «Китайский авангард [сопротивления Японии и спасения Родины]». В том же году он присоединился к китайской компартии, в рядах которой постепенно стал делать карьеру. В самом начале «культурной революции» Мао выдвинул его на пост первого секретаря провинциального комитета компартии Хунани, а потом назначил исполняющим обязанности председателя хунаньского ревкома. В 1969 году на IX съезде он включил его в состав ЦК, в 1971-м

перевел на работу в Госсовет, а в марте 1972 года назначил министром общественной безопасности[9]. Но ни сам Мао, ни Дэн, разумеется, и представить себе не могли, что именно этому высокому и дородному, но скромному на вид человеку с мягкими манерами и застенчивой улыбкой суждено будет в недалеком будущем сыграть важную роль в жизни Дэна. Не догадывался об этом, естественно, и Хуа Гофэн.

Между тем борьба группы Цзян Цин против Чжоу развивалась. В середине лета 1973 года левакам опять повезло. Пребывавший из-за своей болезни в дурном настроении Председатель в конце июня — начале июля высказал ряд критических замечаний, в том числе в беседе с Ван Хунвэнем и Чжан Чуньцяо, в адрес Чжоу за его якобы «недостаточную твердость» в отношениях с американцами. «Большие дела [Чжоу со мной] не обсуждает, а малые ежедневно притаскивает. Если ситуация не изменится, неизбежно возникнет ревизионизм», — проворчал он[10]. И даже потребовал от Чжан Чуньцяо, который в то время по его поручению готовил проект политического отчета ЦК X съезду, включить в текст отчета критику Чжоу[11]. Во время беседы с Ваном и Чжаном Мао вспомнил и о Линь Бяо, который к тому времени, как выяснилось, не только «плел нити заговора», но и в свободное время увлекался конфуцианством. Дело в том, что после раскрытия «заговора» бывшего министра обороны в его доме нашли целую картотеку с изречениями Конфуция. Мао сравнил Линя с гоминьдановцами, которые, как и его бывший маршал, чтили этого древнего философа[12]. Ван и Чжан ушли от Мао совершенно довольные. И вскоре после этого вместе с Цзян Цин начали новую пропагандистскую кампанию: против Конфуция, которую подверстали к старой, направленной против Линь Бяо, обрушив критику на ничего не подозревавшего премьера.

Дело в том, что величайший философ Китая жил в конце правления древней династии Чжоу (родился он в 551 году до н. э., а умер в 479-м), когда династия уже утратила власть, традиционные общинные отношения стремительно разрушались, а культ предков многими подвергался сомнению. Гуманист Конфуций выступил тогда в защиту уходившего строя, который Цзян Цин и ее единомышленники, понятно, считали «реакционным». В данном случае левакам просто повезло, что название династии совпадало с фамильным иероглифом премьера. Ведь они могли теперь на законном основании безостановочно использовать это название в ходе кампании в отрицательном контексте, с тем чтобы вызвать в народных массах негативную реакцию к самому Чжоу Эньлаю: для большинства

китайцев 1970-х годов иероглиф «чжоу» в газетах и журналах означал в первую очередь главу Госсовета.

В августе, однако, Цзян Цин и ее соратников ждало сильное разочарование. Настроение Мао изменилось, и он именно премьеру поручил выступить с отчетным докладом на X съезде. Так что группа Чжоу сохранила большое влияние. В то же время Ван Хунвэнь сделал доклад о дополнениях и изменениях в уставе партии, после чего был избран одним из заместителей Председателя: наряду с Чжоу, Кан Шэном, Е Цзяньином и начальником Главного политуправления Народно-освободительной армии Китая генералом Ли Дэшэном. В главном выборном органе — Политбюро — силы обеих фракций распределились примерно поровну. Среди же членов Постоянного комитета (в нем на этот раз насчитывалось девять человек) большинство было на стороне Чжоу[13]. Правда, это ничего не значило: главные решения по-прежнему принимал один человек.

Дэн участвовал в заседаниях съезда, и его даже по велению Мао избрали членом Центрального комитета[14]. Но в Политбюро официально пока не ввели (в отличие, например, от Ван Хунвэня и Хуа Гофэна). Один из главных членов чжоуской фракции, маршал Е Цзяньин, попросил тогда Мао назначить Дэна по совместительству и на какой-нибудь ключевой пост в армии, но «великий кормчий» не согласился. «Надо подумать», — сказал он[15]. Он все еще присматривался к Дэну, испытывая его на прочность.

Решающий тест он устроил ему в конце ноября — начале декабря 1973 года, когда вновь и с еще большей силой обрушился на Чжоу. Дело было так. Вечером 10 ноября в Пекин на три с половиной дня с официальным визитом прибыл Генри Киссинджер, только что назначенный государственным секретарем США. Принимали его Чжоу и Е Цзяньин. Мао тоже встретился с ним один раз (12 ноября), но в основном следил за переговорами по стенограммам. И вот, когда уже переговоры закончились, он вдруг заподозрил премьера в том, что тот что-то скрыл от него, какие-то детали бесед с представителем США. Это обвинение было надуманным, так как в то время, когда Чжоу пришел к Мао с докладом (по другим данным, попытался до него дозвониться), плохо себя чувствовавший Председатель уже спал, и его любовница и секретарь Чжан Юйфэн не захотела его будить. Проснувшись, Мао был очень недоволен и тут же заподозрил премьера в «кознях». Тем более что, просматривая чуть позже стенограммы, он вновь обратил внимание на то, что Чжоу не был достаточно тверд в общении с империалистами.

Дело в том, что Киссинджер всячески пытался склонить

Пекин к военному союзу против Москвы, а Чжоу действительно не вполне решительно отстаивал независимый курс КНР[16]. В данном случае премьер проявлял излишнюю дипломатичность и вместо того, чтобы осадить чересчур напористого госсекретаря, давал тому понять, что его предложение может быть принято, но при условии, что «никто не почувствует, что мы союзники»[17]. Через своих ближайших сотрудниц, внучатую двоюродную племянницу Ван Хайжун и заведующую отделом МИДа Нэнси Тан (Тан Вэньшэн), служивших посредницами между ним и членами руководства, Мао тут же передал членам Политбюро, что, с его точки зрения, Чжоу пошел на военное сотрудничество с США, согласившись на то, что американцы прикроют КНР «ядерным зонтиком». Ничего такого, конечно, Чжоу не делал (он вообще не мог сам принимать решения), но Мао страшно раздражился. «Есть люди, — брюзжал он, — которые хотят дать нам взаймы зонтик, но мы этого не хотим»[18].

Что делать? Он и раньше-то был подозрительным, а тут в связи с болезнью совсем перестал кому бы то ни было доверять. По его требованию поведение Чжоу, а заодно и Е Цзяньина несколько раз рассматривалось в Политбюро, где, конечно, Цзян Цин и ее клевреты не постеснялись обвинить опечаленного премьера в «предательстве» и «правом оппортунизме». Цзян Цин даже заявила, что в партии отныне имеет место очередная «борьба двух линий». Это было равносильно смертному приговору.

Все присутствовавшие должны были принять участие в осуждении, отмолчаться никто не мог. Один за другим люди вставали и поносили Чжоу и Е, несмотря на то что многие были членами их фракции. Дошла очередь и до Дэна. И он не моргнув глазом присоединился к общему хору. А что еще оставалось делать? Таковы были правила партийной «этики». Он начал издалека, как будто бы даже защищая Чжоу. «О международных и межгосударственных отношениях нельзя судить по одним переговорам и одной какой-нибудь фразе, надо исходить из общей обстановки», — сказал он. Но тут же, не переводя дыхания, добавил: «Что касается нынешней ситуации, то надо говорить о большом сражении. Но к нему еще не готова ни одна сторона, в особенности же не готовы США и СССР. Однако, если по-настоящему вести битву, нельзя бояться. Мы в прошлом одолели японских агрессоров, имея только „чумизу и винтовки“, и сегодня сможем [всех] победить с помощью тех же „чумизы и винтовок“». После этого, повернувшись к Чжоу, заключил: «Вы находитесь в одном шаге от Председателя. Для всех остальных Председатель вне досягаемости, хотя мы и видим его. Но вы его не только

видите, но и можете с ним беседовать. Надеюсь, вы и дальше будете помнить об этом»[19].

Все это означало, что Дэн тоже осуждает Чжоу за «отказ» от независимой и самостоятельной внешней политики Китая, то есть за то, что тот, «боясь» империалистов, «склонился» на одну сторону — к союзу с США против СССР и даже не доложил вовремя «великому кормчему» о результатах переговоров.

Узнав о том, что Дэн не отмолчался, проявив партийную принципиальность, Мао пришел в восторг. «Я знал, что он выступит, — в волнении сказал он. — Его не надо подталкивать, он сам выступает»[20].

В итоге этот важнейший тест Дэн прошел. Но на Чжоу вся эта вакханалия произвела тяжелое впечатление. «Он был раздавлен душевно и физически, — пишет один из его биографов. — Он потерял аппетит и сон»[21]. Два года спустя, после того, как страсти давно улеглись, а Чжоу оставалось жить совсем немного, к нему в госпиталь пришел заместитель министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа — извиняться за то, что тогда, в ноябре 1973 года, принял участие в его травле. Умудренный опытом Чжоу, находившийся в полшаге от смерти, спокойно ответил: «Ты не мог контролировать ситуацию. Все выступали. Ты работал со мной не один десяток лет, особенно по американскому направлению. Как бы ты мог сорваться с крючка, если бы не выступил? И вообще идеальных людей не бывает. Почему я должен быть выше критики?»[22]

Чжоу прекрасно всё понимал. Ему самому «приходилось говорить и делать много такого, что было против его воли»[23]. В марте 1968-го, например, он не только не смог спасти от заключения в тюрьму свою приемную дочь Сунь Вэйши, известного театрального режиссера, которую ненавидела Цзян Цин, но и сам, опасаясь прослыть нелояльным, подписал ордер на ее арест! Бедная Сунь скончалась от пыток в тюремной камере через семь месяцев. Тогда же, в 1968-м, он подписал ордер и на арест собственного младшего брата Чжоу Эньшоу, посаженного в тюрьму только за то, что он был другом старшего брата жены Лю Шаоци[24].

То, что Чжоу сказал Цяо Гуаньхуа, он мог бы адресовать и Дэну, если бы тот тоже пришел просить прощения. Но Дэн с извинениями не явился. Он знал не хуже Чжоу, что в Компартии Китая мог быть только один глава, воле которого подчинялись все. Безоговорочная преданность Председателю подменяла прочие чувства: верность, дружбу, любовь, порядочность. К чему же просить прощения?

Тем более что в начале декабря Мао, довольный

результатами новой проработки Чжоу, уже атаковал Цзян Цин: за чересчур резкое осуждение премьера. Он, в частности, объявил ошибочным ее утверждение, будто в партии имела место очередная «борьба двух линий». «Так говорить нельзя», — заметил он, добавив, что Цзян Цин, похоже, «не терпится» захватить власть. Тогда же он отверг просьбу жены включить ее и Яо Вэньюаня в состав Постоянного комитета Политбюро[25].

После этого в положении Дэна произошли резкие изменения. Уже через три дня после завершения «истории с Чжоу», 12 декабря, Мао лично созвал новое совещание Политбюро, на котором предложил ввести Дэна в состав этого высшего партийного органа официально. Кроме того, сказал, что от своего имени и от имени Е Цзяньина просит собравшихся утвердить Дэна членом Военного совета ЦК. При этом, обращаясь к Дэну, пошутил: «Если говорить о тебе, то ты как человек мне нравишься. Между нами есть и противоречия, но в девяти случаях из десяти их нет, есть только в одном случае. [Иными словами], девять пальцев здоровые, один больной».

Чуть позже Мао представил Дэна членам Политбюро уже в качестве их неформального начальника «Генерального штаба» (имелось в виду, что поскольку в Политбюро нет больше должности заведующего Секретариатом, Дэн опять будет исполнять эти обязанности). «Некоторые его побаиваются, — добавил Мао, — но он действует довольно решительно. Если оценить всю его жизнь, то ошибки и заслуги распределятся в соотношении 30 к 70. Он ваш старый начальник, я попросил его вернуться». Взглянув на Дэна, он вновь пошутил: «Эй, ты! Люди тебя побаиваются. [Но] я скажу тебе пару слов: „Будь тверд внутри и мягок снаружи, скрывай иголку в вате. Внешне будь поприветливее, а внутри — крепким, как сталь. Прошлые же ошибки постепенно изживай. Не ошибается тот, кто ничего не делает. А когда работаешь, всегда ошибаешься. Но если совсем не работать, это и есть ошибка“»[26].

Разумеется, оба его предложения (о включении Дэна в Политбюро и в Военный совет ЦК) были приняты единогласно. И в конце декабря Мао представил Дэна уже членам Военного совета: «У нас в партии были люди, которые, не делая ничего, умудрялись совершать ошибки, а Дэн Сяопин занимался делами и совершал ошибки; однако он очень хорошо провел самокритичный анализ в период, когда имел возможность подумать о совершенных им поступках, и это доказывает, что у него было достаточно смелости как для того, чтобы делать ошибки, так и для того, чтобы признать и исправить их». И далее: «Если говорить о нем, то он мне нравится. Он еще хорош, когда

дело идет о сражении!» В заключение Мао повторил полюбившуюся ему шутку: «По-моему, внешне он мягок, как хлопок, а по своей натуре острый, как игла»[27].

Доверие Мао, конечно, окрыляло, особенно в связи с тем, что Председатель только что ослабил позиции не только Цзян Цин, но и самого Чжоу. Все это давало возможность надеяться на новый и быстрый карьерный рост. Ведь Дэн, как мы могли убедиться, был всегда человеком Председателя и, судя по отзывам осведомленных людей, не принадлежал не только к фракции леваков, но и, «строго говоря… к группировке Чжоу». На самом деле Чжоу Эньлай больше нуждался в нем, чем он в Чжоу[28]. Наиболее тесные связи Дэн по-прежнему имел с командным составом Народно-освободительной армии Китая, с Е Цзяньином, другими генералами и офицерами, с которыми прошел по дорогам антияпонской и гражданской войн[29]. А с Чжоу и его технократами из Госсовета он в основном поддерживал деловые отношения, примыкая к ним главным образом потому, что ни ему, ни им было не по пути с Цзян Цин и ее леваками. «Великого кормчего» оба, и Дэн и Чжоу, боготворили, но анархию «культурной революции» единодушно хотели прекратить — для того, чтобы вывести КНР в число передовых стран. Борьба фракций в Компартии Китая продолжала разгораться.

Между тем Дэн по поручению Мао стал готовиться к выполнению важной дипломатической миссии. 20 марта 1974 года Председатель решил послать его в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной Ассамблеи ООН, созывавшейся в апреле[30].

Это была огромная честь. Со времени принятия КНР в Организацию Объединенных Наций в 1971 году ни один высокопоставленный китайский руководитель не обращался еще к мировому сообществу с ее высокой трибуны. Участие в Генеральной Ассамблее должно было и в стране, и за рубежом укрепить авторитет Дэн Сяопина как вероятного преемника Чжоу на посту премьера. Оно давало понять, что «его [Дэна] время пришло»[31]. Соответствующим образом укреплялись и позиции фракции больного премьера, сильно пошатнувшиеся после ноябрьско-декабрьских проработок Чжоу и Е.

Разумеется, леваки не хотели этого допустить. Особенно старалась Цзян Цин, настаивавшая на том, что Дэн «завален работой внутри страны», а потому не может ехать. Но Мао был непреклонен. Он ни от кого не терпел возражений, даже от собственной жены, которая, казалось, настолько ушла во внутрипартийную борьбу, что перестала понимать настроения великого мужа. «Цзян Цин! — возмутился в конце концов Мао. — Выезд товарища Дэн Сяопина — это мое предложение, будет

хорошо, если ты не будешь выступать против. Будь осторожной и сдержанной, не противься моему предложению»[32].

В итоге Цзян пришлось отступить, и Дэн 6 апреля 1974 года отправился в Нью-Йорк. Провожали его пышно, в соответствии со значением мероприятия. На аэродроме собралось всё партийное руководство за исключением Мао. Согнали и более четырех тысяч представителей трудящихся масс. В общем, проводы были по высшему разряду. Члены ареопага знали — Дэн летит в Америку, чтобы выполнить особую миссию: с трибуны Генеральной Ассамблеи ему предстояло донести до всего мира новую внешнеполитическую доктрину «великого кормчего» о глобальном разделении человечества на три мира. К первому из них Мао относил сверхдержавы США и СССР, ко второму — Японию, страны Европы, Австралию и Канаду, а к третьему — все остальные государства. По мысли Мао, третий мир, составной частью которого являлся Китай, должен сплачиваться в борьбе против стран-гегемонов, то есть США и СССР. Эта доктрина, впервые очерченная Мао в беседе с президентом Замбии Каундой в конце февраля 1974 года[33], как нельзя точнее отражала его мысль о необходимости для КНР твердо следовать принципам независимости во внешней политики, не склоняясь ни к одной сверхдержаве.

Десятого апреля Дэн с блеском выступил на сессии Генеральной Ассамблеи. Очевидец вспоминает: «Мы с друзьями сидели на балконе, предназначенном для гостей. Зал внизу был полон… Когда Дэн, показавшийся нам с балкона особенно маленьким, появился… его встретили бурной овацией. Все встали, чтобы его приветствовать. Я старался слушать выступление без перевода… хотя его сычуаньский акцент был очень силен… Я помню, что речь его встретили исключительно хорошо. Дэна поздравляли, и было похоже, что он [в тот день] являлся главной фигурой. Конечно, КНР все еще оставалась относительно новым членом ООН, и это тоже подогревало интерес к речи Дэна»[34].

Разумеется, Дэн не сам писал речь. Над ней работала специальная группа, но он вместе с Чжоу вносил поправки. Текст долго обсуждался партийным руководством и переписывался. Мао утвердил только шестой вариант[35]. В нем давалась крайне негативная оценка международной деятельности как США, так и СССР и утверждалось, что обе страны «первого мира» являются «крупнейшими международными эксплуататорами и угнетателями» и даже «источником новой мировой войны». При этом, однако, подчеркивалось: «Та супердержава, которая гордо носит ярлык социализма, особенно агрессивна»[36].

Министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, присутствовавший на Ассамблее, не смог скрыть раздражения и, не желая сам общаться с «предателем дела рабочего класса», коим он, несомненно, считал Дэна, даже попросил своего американского коллегу Генри Киссинджера ответить тому «за них обоих»[37].

Встретившись через четыре дня с Киссинджером в отеле «Вальдорф Астория» за обедом, данным госсекретарем в его честь, Дэн попытался смягчить впечатление. Он шутил, старался держаться непринужденно и даже заявил, что китайско-американские отношения «находятся на хорошем уровне». Киссинджер и Дэн проговорили весь вечер, примерно с восьми до одиннадцати. Дэн много курил, пил с Киссинджером маотай (дорогую и очень крепкую китайскую водку), поругивал советских коммунистов, с которыми «никогда не мог договориться», и даже сказал в порыве наигранного «откровения»: «Мы работаем вместе с вами над тем, чтобы держать [русского] медведя на севере» (то есть сдерживаем советский гегемонизм). Но Киссинджер не мог преодолеть неприятного осадка, оставшегося у него после выступления Дэна в ООН. Собеседник показался ему «довольно напористым» и даже «язвительным», но «недостаточно разбирающимся в исторических проблемах» и дипломатии. Кроме того, он обратил внимание на то, что Дэн, только недавно вернувшийся из ссылки, «не чувствовал себя вполне уверенно»: он все время искал поддержки у сопровождавших его лиц, то и дело посматривая на них[38]. (Киссинджер радикально изменит отношение к Дэну после того, как лучше узнает его, и в конце концов, станет испытывать «огромное уважение к этому отважному маленькому человеку с меланхолическими глазами, который оказался верен своему делу, несмотря на невероятные превратности судьбы»[39].)

За девять дней, проведенных в Нью-Йорке, Дэн, конечно, не имел возможности познакомиться с этим великим городом по-настоящему. Заседания следовали за заседаниями, приемы — за приемами. И только из окна лимузина он видел переливающийся огнями Бродвей, фешенебельную 5-ю авеню и чопорную Уолл-стрит. Правда, в воскресенье, 14 апреля, он смог немного пройтись по центру. Произвел ли Город желтого дьявола на него впечатление, мы не знаем: со своими попутчиками он, понятно, это не обсуждал. Известно только, что ему очень понравились детские игрушки в дешевом магазине «Вулворс», в том числе кукла, которая могла плакать, сосать соску и даже писать. Отец переводчицы Мао, Нэнси Тан, сопровождавший Дэна, купил эту куклу для его внучки[40].

По дороге домой Дэн остановился на полтора дня в Париже. Вот этот город он действительно любил. Ведь здесь прошли его молодые годы. Он попросил сотрудников китайского посольства покатать его по улицам, надеясь отыскать дорогие места. Но всё так изменилось! Даже гостиницу на улице Годефруа, где раньше жил Чжоу Эньлай и где Дэн печатал журналы «Молодежь» и «Красный свет», он не узнал. Да, время пробежало очень быстро. Вот ему уже скоро семьдесят. Почти вся жизнь прошла, а он так и не стал свободным человеком. По-прежнему приходилось приспосабливаться.

Перед отлетом Дэн обратился к послу с еще одной просьбой: купить ему круассаны и сухой молочный кисель. Он хотел взять их с собой в Пекин, чтобы подарить соратникам по работе и учебе во Франции. В Центральном банке КНР ему выдали немного валюты (16 долларов) — на карманные расходы, но он их сэкономил и только теперь решил потратить. Посольские работники купили ему 200 круассанов и изрядное количество упаковок киселя. (Очевидно, к его 16 долларам они втайне от него добавили свои деньги[41].)

То-то радовались Чжоу Эньлай, Не Жунчжэнь и другие друзья его молодости, когда сиявший от удовольствия Дэн одаривал их буржуазными деликатесами! Наверное, не меньше, чем внучка Дэна американской кукле.

Особенно много значили эти французские угощения для Чжоу. Его жизнь неудержимо приближалась к концу, и прощальный привет из юности не мог не волновать. 1 июня с согласия Мао его наконец госпитализировали. В элитный военный госпиталь номер 305, где в тот же день сделали операцию. Ему стало немного легче, но через два месяца опять началось ухудшение, и 10 августа врачи провели еще одну операцию[42], хотя помочь уже не могли. Чжоу остался в госпитале, ему сделали еще две операции. Он чувствовал себя то лучше, то хуже, но время от времени выезжал на особо важные заседания партийного центра. Борьба с леваками, грозившими доконать производство, требовала его неустанного внимания.

А Мао Цзэдун, хотя и признавался в любви Дэн Сяопину, по-прежнему лавировал между фракциями. Он тоже был смертельно болен: летом 1974 года у него начали проявляться симптомы очень редкой болезни Лу Герига[82], известной также как боковой амиотрофический склероз. Вызывается эта болезнь отмиранием нервных клеток спинного мозга. У Мао она начала проявляться в прогрессировавшем параличе правой руки и правой ноги, который через некоторое время перекинулся на горло, гортань, язык и межреберные мускулы. Врачам стало ясно: Председатель

не проживет больше двух лет[43]. Но Мао упорно хватался за жизнь, по-прежнему зорко следя за обстановкой в стране и партии.

Он совсем не собирался отстранять от власти Цзян Цин и других застрельщиков «всеобщего хаоса в Поднебесной», хотя временами критиковал их не меньше, чем Чжоу. Иногда мог даже с раздражением проворчать Цзян Цин, Ван Хунвэню, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаню в присутствии их врагов: «Вам не надо сбиваться в группу четырех». Мог и заявить: «Цзян Цин — алчная натура!» Но при этом внушал своим соратникам: «К ней [Цзян Цин] тоже надо применять принцип раздвоения единого: одна ее часть хорошая, другая же — не слишком»[44]. В то же время он настойчиво продвигал молодого Ван Хунвэня. Именно ему после госпитализации Чжоу Эньлая он передал полное руководство повседневной работой Политбюро и ЦК.

Чувствуя, что критика Мао не смертельно опасна для них, леваки в начале сентября 1974 года повели новое наступление на ветеранов. Но это вызвало бурный конфликт на заседании Политбюро. Основными действующими лицами на этот раз были Цзян Цин и Дэн Сяопин. Связан был конфликт с вопросом, следует ли покупать современные суда за границей или лучше их строить самим. В конце сентября из плавания в Румынию вернулся отечественный корабль «Фэнцин», который, похоже, доказал, что и китайцы могут успешно строить океанские лайнеры. Но некоторые сотрудники министерства путей сообщения, находившегося в непосредственном подчинении Чжоу, тем не менее посчитали, что судостроительная промышленность Китая пока развита недостаточно, так что как бы ни был хорош «Фэнцин», надо срочно закупать или арендовать целую партию подобных судов за границей. Иначе кроме «Фэнцина» у КНР долго не будет кораблей такого класса. Услышавшая об этом Цзян Цин обиделась за державу и тут же обвинила министерство и весь Госсовет в «торговле Родиной» и «низкопоклонстве перед иностранщиной». На очередном заседании Политбюро она напрямую атаковала Дэна (Чжоу отсутствовал), устроив ему настоящий допрос: «Какова твоя позиция по вопросу о судне „Фэнцин“? Как ты относишься к критике „низкопоклонства перед иностранщиной“?» Дэн взорвался: игравшая в плохого следователя Цзян Цин дико раздражила его. «При обсуждении вопросов в Политбюро надо исходить из принципов равноправия, — парировал он. — Нельзя таким образом относиться к людям! Разве может Политбюро работать в духе сотрудничества, если так будет продолжаться?» Пылая гневом, он вышел, хлопнув дверью[45].

Цзян Цин тут же обвинила Дэна в неприятии «культурной

революции» и на следующий день отправила Ван Хунвэня с донесением к «великому кормчему», который отдыхал у себя на родине, в Чанше. Ван стал нашептывать Мао, что Чжоу Эньлай, маршал Е Цзяньин и Дэн Сяопин готовы пойти по пути Линь Бяо. «На заседании Политбюро… между Цзян Цин и товарищем Дэн Сяопином разгорелась ссора, причем очень-очень серьезная», — сообщил Ван[46]. Но Мао, чувствовавший себя очень плохо из-за развивавшегося паралича, страшно разозлился и прохрипел испугавшемуся Вану: «Если у тебя есть мнение, его надо высказывать прямо в лицо, а так делать нехорошо. Надо налаживать сплочение с товарищем Сяопином». А потом добавил: «Возвращайся и больше общайся с премьером и товарищем Цзяньином. Не надо действовать заодно с Цзян Цин. Будь с ней осторожен»[47].

Ван передал слова Председателя Цзян Цин и другим членам своей фракции. Но оскорбленная женщина продолжала бушевать. Она вызвала к себе приближенных «великого кормчего» Ван Хайжун и Тан Вэньшэн и, кипя от негодования, стала внушать им мысль о коварстве Дэна. В этой ситуации Дэн сделал правильный ход: как-то вечером явился прямо к Цзян Цин домой поговорить «по душам». Правда, как он позже рассказывал Мао Цзэдуну, из разговора ничего не вышло: «Я пришел к ней, мы поговорили, но „сталь“ натолкнулась на „сталь“». Мао расхохотался: «Вот это хорошо»[48].

«Великий кормчий» тогда больше поддерживал Дэна и фракцию Чжоу. В последнее время его все сильнее волновало положение дел в экономике, которой развязанная им «культурная революция» нанесла тяжелый урон. Он прекрасно знал, что промышленное производство падает, добыча угля и выплавка стали в 1974 году по сравнению с предыдущим годом сократились соответственно на 9,4 и 3,7 процента, что все основные потребительские товары, включая продукты питания и одежду, распределяются по карточкам, в стране существует безработица. Особенно тяжелое положение сложилось в деревне: там 250 миллионов крестьян голодали. Колоссальные трудности испытывал транспорт: около 50 процентов поездов шли вне графика, то и дело возникали крупные аварии, огромные партии сырья и товаров не доходили до потребителя. Рабочие, инженеры и техники то и дело участвовали в политических кампаниях, руководство заводов и фабрик раздиралось групповщиной, а леваки третировали знающих экономистов как «классово чуждых», будучи уверенными, что лучше быть «красным», чем специалистом. Более 30 процентов предприятий являлись убыточными; дефицит бюджета был хроническим[49].

В этих условиях, чтобы заменить больного премьера, Мао нужен был человек, не менее прагматичный, чем Чжоу. И таковым, разумеется, являлся Дэн, доказавший к тому же свою преданность. 4 октября Мао передал Ван Хунвэню свое желание видеть Дэна первым заместителем премьера, то есть по сути исполняющим обязанности последнего. А через несколько дней приказал неразлучным Ван Хайжун и Тан Вэньшэн объявить членам Политбюро, что решил назначить Дэна еще и заместителем Председателя Военного совета ЦК и начальником Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая. (Все три назначения он на самом деле сделал по просьбе маршала Е Цзяньина[50].) «Французская группировка хороша», — заметил он, вдруг вспомнив, что Дэн вступил в Компартию Китая во Франции[51].

Цзян Цин была вне себя, но сделать ничего не могла. Мао вновь уравновесил силы соперничавших фракций, продолжив балансировать между ними.

Одиннадцатого октября 1974 года ЦК распространил новое откровение Председателя: «Великая пролетарская культурная революция идет уже восемь лет. Сейчас нужно успокоиться. Вся партия и вся армия должны сплотиться»[52]. (Эту необычную мысль Мао впервые высказал еще в августе 1974 года, но обнародована она была только теперь.) Навестившим же его в Чанше в начале ноября Ли Сяньняню и Ван Хунвэню «великий кормчий» заявил: «Надо развивать народное хозяйство»[53]. А Дэну, прибывшему к нему с визитом через несколько дней, сказал: «Тут нет никакого выхода, придется тебе тащить этот воз!»[54] После этого в конце декабря он спокойно объяснил Ван Хунвэню: «Дэн Сяопин силен и идейно, и политически; таких талантов мало. Он сильнее тебя»[55]. И тут же предложил сделать Дэна еще и заместителем Председателя ЦК и членом Постоянного комитета Политбюро. Правда, вспомнив, очевидно, о прежней склонности Дэна к «каппутизму», заметил, что, развивая экономику, нельзя все же забывать о серьезной опасности ревизионизма. Он потребовал, чтобы все изучали теорию диктатуры пролетариата, так как «ныне в нашей стране существует товарная система; существует еще неравенство в системе заработной платы… и т. п. Это можно ограничить только при диктатуре пролетариата»[56].

Всё, что Мао хотел, было, разумеется, исполнено. В январе 1975 года на 2-м пленуме Центрального комитета десятого созыва Дэн был единодушно избран заместителем Председателя ЦК и членом Постоянного комитета Политбюро. А на состоявшейся в том же месяце сессии Всекитайского собрания народных представителей — официально утвержден первым

заместителем премьера. Тогда же он возглавил Генштаб. В то же время в стране развернулось массовое движение за изучение теории диктатуры пролетариата. По требованию Мао его возглавили леваки Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань.

В центре же внимания Дэна с этого времени, помимо внешнеполитических дел, стали находиться вопросы экономического развития. В 1975 году он начал активно работать над упорядочением армии и народного хозяйства, стремясь воплотить в жизнь долговременную программу четырех модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, обороны, а также науки и техники, впервые выдвинутую Чжоу Эньлаем еще в декабре 1964 года.

Согласно этой программе к 1980 году КНР должна была создать самостоятельную и сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства. До конца же XX века следовало достичь современного уровня развития передовых стран. Эту программу премьер Чжоу вновь озвучил в докладе о работе правительства на сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 года. Но на этот раз не он был ее главным автором. Основные контуры новой программы были очерчены еще в августе 1974 года в Госплане, руководителями которого являлись Ли Фучунь и талантливый экономист Юй Цюли[57]. Дэн тоже внес вклад в ее разработку. Ему же принадлежало авторство доклада Чжоу. «Проект [доклада] премьера готовил я сам, — вспоминал он, — нельзя было превысить объем в пять тысяч иероглифов, ведь его [Чжоу] здоровье так пошатнулось, что, если бы я написал больше, он не смог бы зачитать доклад»[58].

В январе вместе с маршалом Е Цзяньином, ставшим только что, после сессии Всекитайского собрания народных представителей, главой министерства обороны, Дэн созвал совещание кадровых работников аппарата Генерального штаба в ранге комполка и выше, на котором заявил о начале борьбы с «групповщиной», прежде всего в среде кадровых работников. Под последней недвусмысленно понималась деструктивная деятельность леваков, расшатавших армейскую дисциплину беспрерывными кампаниями «критики и борьбы»[59].

После этого Дэн развернул упорядочение на железнодорожном транспорте, потом перешел к сталелитейному производству, затем — к оборонке и, наконец, — к образованию, культуре и науке. Он то и дело проводил совещания, заседания и конференции и в итоге противопоставил левацкой критике Линь Бяо и Конфуция собственную кампанию по повсеместному искоренению «групповщины» (то есть левачества). При этом он с

особым усилием старался довести до внимания всех партийных *ганьбу,* что настало время переключиться с революции на производство. «Сейчас есть интересы целого, о которых вся партия должна больше говорить, — разъяснял он, имея в виду развитие народного хозяйства. — …Говорят, сейчас кое-кто из товарищей только и осмеливается, что вести революцию, а вот заниматься производством боится. По их словам, „браться за революцию не опасно, а за производство — опасно“. Это вопиющая ошибка»[60]. Он призывал восстанавливать добрые традиции и не ждать, пока «некоторые люди», доведшие «дело партии до полного безобразия», образумятся. «Надо быть смелыми! — восклицал он. — Людей, не желающих расставаться с групповщиной, следует, смотря по обстоятельствам, переводить в другие места, критиковать и прорабатывать; мямлить и вечно чего-то ждать нельзя»[61].

В конце мая 1975 года Дэн обосновал свой курс теоретически, сославшись на три «важных» указания вождя: «по вопросам теории [диктатуры пролетариата] о том, что следует бороться против внешнего ревизионизма, не допускать внутреннего ревизионизма», о том, что «нужно успокоиться и сплотиться», и о том, что «надо развивать народное хозяйство». Он заявил, что «эти три важных указания являются отныне программой во всех областях нашей работы»[62]. При этом, как мы видели, особый акцент он все же делал на двух последних указаниях.

Для разработки научных проблем упорядочения Дэн организовал при Госсовете так называемый Кабинет политических исследований. Во главе его он поставил преданного ему человека — 63-летнего интеллектуала Ху Цяому, бывшего когда-то одним из личных секретарей Председателя и членом его (Дэна) Секретариата ЦК. В начале «культурной революции» Ху, как и Дэна, зачислили в «каппутисты», прорабатывали и выволакивали на митинги. Но в конце концов также реабилитировали. Это был хорошо образованный марксист, исполнявший еще в середине 1930-х годов обязанности секретаря Китайской ассоциации ученых-обществоведов. Он подобрал команду из шести человек, куда, в частности, включил известных журналистов У Лэнси, Ху Шэна и Дэн Лицюня, а также философа и экономиста Юй Гуанъюаня. Дэн специально учредил эту группу при Госсовете, а не при ЦК, ибо в то время, как мы знаем, повседневной работой Центрального комитета руководил один из леваков, Ван Хунвэнь[63].

Цзян Цин и ее соратники попытались контратаковать. После того как маразматическая кампания критики Линь Бяо и Конфуция показала свою несостоятельность, они инициировали

новые идеологические движения: против «эмпиризма» и против некой апологии «капитулянтства», якобы содержащейся в классическом романе знаменитого китайского писателя XIV века Ши Найаня «Речные заводи»[64]. Все они были направлены против Чжоу, Дэна и остальных «ревизионистов», пытавшихся, с их точки зрения, проводить «линию Лю Шаоци без Лю Шаоци»[65].

Однако с начала июля 1975 года по предложению Е Цзяньина, утвержденному Мао Цзэдуном, Дэн стал играть в Политбюро первую скрипку. Теперь уже именно он, а не Ван Хунвэнь, начал вести заседания этого высшего органа партии и именно он стал руководить повседневной работой ЦК. Ван Хунвэнь же был отправлен Мао в Чжэцзян и Шанхай — на время, чтобы оказать «помощь» тамошним левакам[66]. На Дэна была возложена и обязанность контролировать бригаду врачей, занятых лечением Председателя. Так что, по сути, он занял третью строчку в партийной иерархии после самого Мао и Чжоу Эньлая. Но оба, и Председатель и премьер, были, как мы знаем, смертельно больны, а Дэн — как всегда в хорошей форме[67].

Еще 18 апреля 1975 года вернувшийся в Пекин из Чанши Мао Цзэдун сказал посетившему его главе Северной Кореи Ким Ир Сену: «Товарищ Дун Биу (заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП. — *А. П.*) умер. Премьер болен. Товарищи Кан Шэн и Лю Бочэн тоже больны. В этом году мне исполняется 82 года. Я долго не протяну… Я не буду касаться политических вопросов; пусть вот он (Мао махнул рукой в сторону присутствовавшего на встрече Дэна. — *А. П.*) их обсудит с тобой. Этого человека зовут Дэн Сяопин; он умеет воевать; может и вести борьбу с ревизионизмом. Хунвэйбины расправлялись с ним, сейчас никаких вопросов нет, всё в порядке. Во время „культурной революции“ он был на несколько лет повержен; сейчас опять поднялся. Он нам нужен»[68]. А вот что он заявил вождю северовьетнамских коммунистов Ле Зуану 24 сентября: «В нашем руководстве сейчас кризис. Премьер… плохо себя чувствует, у него было четыре операции за один год, и [ситуация] вызывает опасения. Кан Шэн и Е Цзяньин тоже плохо себя чувствуют. Мне 82 года. Я очень болен. Только он (Мао показал на Дэн Сяопина. — *А. П.*) молод и здоров»[69].

Увлечение Дэн Сяопином, однако, скоро у Мао прошло. Цзян Цин и другим левакам все-таки удалось настроить совершенно больного и старого человека на нужный им лад. Решающую роль в этом сыграл племянник Мао, сын его младшего брата Цзэминя, Юаньсинь, один из наиболее преданных Цзян Цин людей. В начале октября 1975 года одряхлевший диктатор решил по каким-то причинам сделать его вместо Ван Хайжун и Нэнси Тан

посредником в своих контактах с Политбюро. По-видимому, просто соскучился по племяннику, к которому всегда относился очень тепло. Тот был сиротой. Его отец погиб в 1943 году, когда Юаньсиню было всего два года. Мать же снова вышла замуж и по просьбе Мао и Цзян Цин оставила сына в их доме в Чжуннаньхае. Цзян, по сути, и воспитала его, так что неудивительно, что Юаньсинь был к ней привязан. Он получил хорошее образование, окончив, как и один из зятьев Дэна, Харбинский военно-строительный институт, но с началом «культурной революции» с головой ушел в политику, став вождем хэйлунцзянских цзаофаней. В 1968 году Юаньсиня назначили одним из главарей ревкома в провинции Ляонин, а в начале 1974-го он получил пост политкомиссара Шэньянского военного округа.

Став приближенным к Мао, умный и хитрый Юаньсинь смог искусно воспользоваться ситуацией для усиления позиции леваков. «Я очень внимательно слежу за выступлениями товарища [Дэн] Сяопина, — начал он нашептывать дяде, — и у меня возникло ощущение, что он очень мало касается достижений Великой культурной революции, очень мало говорит о критике ревизионистской линии Лю Шаоци. Из лозунга „три указания — главное звено“, по существу, осталось только одно указание: развивать производство. В этом году я не слышал, чтобы он [Дэн] затронул вопрос о том, как следует изучать теорию, как критиковать роман „Речные заводи“, как критиковать ревизионизм»[70].

Обработка шла почти месяц, и в конце концов Мао не выдержал. Он поверил. «Что это такое — „три указания — главное звено“? — недовольно спросил он Юаньсиня своим низким рокочущим голосом в начале ноября 1975 года. — Разве спокойствие и сплоченность отвергают классовую борьбу? Главное звено — это классовая борьба, а всё остальное — цель… Некоторые товарищи, главным образом старые товарищи, до сих пор идеологически застряли на этапе буржуазно-демократической революции, они не понимают социалистической революции, противоречат ей и даже отвергают ее. Что же касается Великой культурной революции, то они, с одной стороны, не удовлетворены [ею], а с другой, сводят [с ней] счеты. Сводят счеты с Великой культурной революцией»[71].

Как раз в то время Дэн совершил большую оплошность. Он переслал Мао письмо некоего Лю Бина, заместителя секретаря парткома Университета Цинхуа. Тот жаловался в письме на бесчинства других партийных руководителей этого вуза, известных леваков. Мао воспринял письмо Лю Бина как поклеп на честных людей, решив к тому же, что своим острием это послание

направлено против него самого, так как «вопрос, имеющий отношение к Цинхуа, неизолированный, он отражает борьбу двух линий на современном этапе»[72]. Так Дэн в очередной раз оказался в опале.

По требованию Мао члены Политбюро начали критиковать «зарвавшегося» противника Цзян Цин, а вскоре отстранили его от большинства обязанностей, позволив ему только открывать и закрывать заседания Политбюро и заниматься внешнеполитическими делами. В стране же в целом стало набирать силу новое движение, направленное против Дэна.

Фракция Цзян Цин, казалось, победила. Китай вступал в новый, 1976 год под флагом борьбы с так называемым «правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов». Но Дэн не терял надежды, будто знал, что за этим новым, третьим в его жизни, падением в самое ближайшее время последует еще больший взлет. Ведь наступавший 1976-й был годом Дракона — то есть его годом!

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Мао, как всегда, хотел одного: чтобы Дэн раскаялся. Причем полностью и бесповоротно. Но тот неожиданно проявил характер. Не то чтобы встал в позу, но как-то странно стал реагировать. В беседах с членами Политбюро, критиковавшими его по требованию «великого кормчего», пытался защищаться, настаивая на том, что политика упорядочения была правильной, ссылался на самого Председателя — мол, тот поддерживал его курс — и даже отказался от предложения возглавить работу ЦК по выработке решения, оценивавшего «культурную революцию» как в целом успешную. Мао хотел, чтобы оценка успехов и неудач «культурной революции» составляла 70 процентов к 30 процентам[73], но Дэн ответил, что он «человек, живущий у Персикового источника, который не ведает ни о династии Хань, ни о династиях Вэй и Цзинь»[74]. Этот образ он позаимствовал у великого китайского поэта Тао Юаньмина (356–427), автора знаменитой утопии «Персиковый источник», повествующей о некоем племени, бежавшем на край земли во времена императора Цинь Шихуанди (кстати, одного из любимых исторических персонажей «великого кормчего»), а потому не знакомого с историей последующих династий[75]. Мао отлично понял его, тем более что сам в шутку называл репрессированных во времена «культурной революции» ветеранов «людьми, живущими у Персикового источника»: «Проведя шесть-семь лет не у дел, они многого не знают»[76]. Но Дэн-то, похоже, совсем не шутил. Он ведь прямо заявил, что, будучи изгнанником, сказать о «культурной революции» что-то хорошее не может. Как же тут было не разгневаться?

Конечно, бывший «каппутист № 2» лез на рожон. С Мао тягаться ему нельзя было по-прежнему. Но, может быть, он просто устал от несправедливых гонений? Или понял, что Председателю не много осталось жить, и уже ничего не боялся? По-видимому, за два года, что он провел в Пекине, Дэн сумел серьезно укрепить свои позиции в партии, госаппарате и, что самое важное, — в армии. Он и раньше, как помним, пользовался уважением ветеранов компартии и Народно-освободительной армии Китая, а теперь благодаря успешному упорядочению экономики завоевал симпатии большинства *ганьбу*. На его стороне по-прежнему были министр обороны Е Цзяньин, а также подавляющее большинство генералов, уставших от бесчинств леваков. Впрочем, против Мао никто бы из них никогда не пошел: авторитет «великого кормчего» в партии, армии и народе был гораздо сильнее, чем

дэновский, — настолько, что и Е Цзяньин, и все генералы, не задумываясь, пожертвовали бы Дэном, если бы вождь и учитель этого захотел. Так что открыто идти на конфликт с Председателем Дэну никак не следовало. И он скоро понял, что надо себя сдерживать.

Двадцатого декабря на заседании Политбюро Дэн выступил наконец с самокритикой, а 2 и 3 января 1976 года на новых заседаниях развил ее. Кроме того, представил партруководству письменный самоанализ, признав многочисленные «ошибки». Направил он соответствующее письмо и Мао Цзэдуну[77]. Но тот не пожелал простить упрямца. Начатая в ноябре 1975 года и направленная по существу против Дэна всекитайская кампания борьбы с «правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов» продолжала набирать обороты.

Теперь Дэн много времени проводил в семье. Вместе с женой и остальными домочадцами он жил тогда в большом доме в центре города, недалеко от площади Тяньаньмэнь. Когда-то здесь проживал его друг, маршал Хэ Лун, но в разгар «культурной революции», 9 июня 1969 года, устав от бесчисленных проработок и издевательств, «усатый Хэ» покончил с собой. После его смерти дом долгое время пустовал.

Дэну здесь нравилось. Он любил вечерами сидеть на террасе, выходящей во внутренний дворик, и смотреть, как возились с игрушками его любимые внуки. Их уже было двое: кроме внучки Мяньмянь у него теперь имелся внук — Мэнмэн («Росточек»), сын старшей дочери Дэн Линь. Он появился на свет недоношенным, весил при рождении всего 1 килограмм 700 граммов, но рос вполне здоровым[78]. В начале 1976 года ему было чуть больше полутора лет, и дед, конечно, обожал его.

Внуки развлекали, но совсем забыть о своих невзгодах Дэн, понятно, не мог. Жена и дети замечали, что он то и дело «закрывал глаза и впадал в задумчивость». И каждую ночь «на темной террасе горела только одна настольная лампа. Отец в одиночестве сидел при ее свете, подчас долго-долго»[79].

К размышлениям о своей судьбе примешивались горькие мысли о Чжоу Эньлае, который к началу января 1976 года перенес уже целый ряд безуспешных операций. Чжоу знал, что умирает, и, лежа на больничной койке, тихим голосом пел «Интернационал». Его жена, Дэн Инчао, находившаяся подле него, подтягивала, глотая слезы. Дэн помнил, как 20 сентября 1975 года, накануне очередной операции, когда он посетил премьера, тот сжал его руку и произнес: «В этом году ты хорошо работал, гораздо лучше меня!» А потом, вдруг напрягшись, прокричал: «Я верен партии и народу! Я не капитулянт!»[80] Все присутствующие

замерли, а Дэн хорошо понял старого товарища: как раз в то время шла массовая кампания против апологии «капитулянтства», якобы содержащейся в романе «Речные заводи», и леваки, как мы знаем, направляли ее против Чжоу, Дэна и других сторонников упорядочения. В конце декабря Чжоу позвонил маршалу Е Цзяньину и слабеющим голосом попросил ни в коем случае не допустить, чтобы власть оказалась в руках Цзян Цин, Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, то есть «группы четырех», как их когда-то назвал сам Мао[81]. 5 января премьеру сделали еще одну операцию, но через два дня Чжоу впал в кому. На следующее утро, 8 января, в 9 часов 57 минут он скончался.

В тот же день Дэн созвал заседание Политбюро. Был согласован состав комиссии по организации похорон, во главе которой формально поставили самого Мао. Рано утром 9 января о кончине Чжоу Эньлая известили массы[82].

Премьера многие оплакивали. Он остался в памяти большинства китайцев «рыцарем без страха и упрека», пытавшимся обуздать вакханалию «культурной революции». Такой образ Чжоу укоренился в сознании масс. В день похорон 11 января проводить дорогого Чжоу в последний путь вышли более миллиона пекинцев.

Двенадцатого января на заседании Политбюро было решено, что с траурной речью на митинге в память премьера выступит Дэн. Это было естественно: ведь именно он, пусть и формально, руководил повседневными делами ЦК. Чжан Чуньцяо, правда, предложил Е Цзяньина, но неизменно поддерживавший Дэна маршал Е решительно воспротивился[83]. В итоге 15 января Дэн в Доме Всекитайского собрания народных представителей зачитал официальный текст траурной речи, принятый Политбюро, что в глазах китайцев сразу сделало его преемником любимого Чжоу. Авторитет Дэна среди простого народа резко вырос.

Поздно вечером 15 января, в соответствии с завещанием покойного, его прах был развеян с самолета над реками, горами и равнинами Китая.

А через пять дней Дэн снова давал самокритичные объяснения на заседании Политбюро. Чувствовалось, что терпению его наступил предел. Закончив короткое выступление, он попросил членов партийного руководства освободить его от «важной ответственной работы» и, не став слушать критику со стороны леваков, поднялся, объявил, что ему нужно по малой нужде, и вышел[84]. Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и другие радикалы просто задохнулись от злости.

На следующий день, 21 января, Юаньсинь доложил Мао о непотребном поведении Дэна. Председатель только ухмыльнулся:

«Вопрос о Дэн Сяопине все-таки остается вопросом внутри народа (то есть Дэн не является врагом. — *А. П.*), он [Дэн] ведет себя хорошо и способен не вставать в оппозицию, как это делали Лю Шаоци и Линь Бяо». И, помолчав, добавил: «Между Дэн Сяопином и Лю Шаоци с Линь Бяо есть все же разница: Дэн Сяопин готов заниматься самокритикой, а Лю Шаоци и Линь Бяо ни в какую не шли на это… Вопрос о работе Сяопина еще раз обсудим позже. Думаю, можно сократить его нагрузку, но не лишать работы, то есть не надо разделываться с ним одним ударом… Прошу Хуа Гофэна возглавить [Госсовет]. Он считает себя недостаточно компетентным в политических вопросах. Пусть Сяопин занимается внешней политикой»[85]. Через неделю Мао поручил Хуа вместо Дэна руководить и повседневными делами ЦК, а 2 февраля Политбюро единогласно утвердило это назначение.

В результате Дэн оказался лишен какой бы то ни было власти и продолжал лишь принимать иностранных гостей. Зато стремительно взошла звезда тихого с виду Хуа Гофэна. С января 1975 года этот министр общественной безопасности был всего лишь одним из двенадцати заместителей Чжоу Эньлая (шестым по списку). И вдруг, сходя в гроб, Мао благословил его, сделав и исполняющим обязанности премьера, и руководителем ЦК! По-видимому, сам Хуа не ожидал такого. Но замысел Мао можно понять. Хуа Гофэн не принадлежал ни к группе Дэна, ни к левакам. Он всегда стоял в стороне и именно поэтому устраивал «великого кормчего», продолжавшего балансировать между группировками. Телом и душой преданный Председателю, но бесцветный и не слишком амбициозный, он как нельзя лучше подходил на роль посредника между враждующими фракциями: его должны были принять и левые и правые. «Говорят, у него низкий уровень, — рассуждал Мао. — Вот я и выбираю человека с низким уровнем»[86].

После этого ЦК распространил среди ответственных работников новые «Важные указания Мао Цзэдуна», на этот раз по поводу критики Дэн Сяопина. В них говорилось: «Сяопин выдвинул лозунг „три указания — главное звено“, [но] он не изучил этот вопрос с Политбюро, не обсудил его в Госсовете, не доложил мне, а взял да и выступил. Это человек, не уделяющий должного внимания классовой борьбе, она никогда не была для него главным звеном. А еще эта „белая кошка“, „черная кошка“, не важно, империализм или марксизм. Он не понимает марксизм-ленинизм и представляет буржуазию… [Но] ему надо помочь, критиковать его ошибки значит помогать ему, пускать дело на самотек нехорошо»[87].

По поручению Председателя 25 февраля 1976 года Хуа Гофэн

разрешил партийным руководителям провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и военных округов начать поименную критику Дэн Сяопина за его «ошибочную ревизионистскую линию». Правда, вывешивать *дацзыбао* и поносить Дэна по радио и в печати запрещалось. Критиковать «ревизиониста» можно было только на собраниях[88].

Леваки тут же воспользовались ситуацией. Особенно активно повела себя Цзян Цин, буквально через несколько дней созвавшая совещание руководящих работников двенадцати провинций и автономных районов, на котором обозвала Дэна «контрреволюционным двурушником», «фашистом», «представителем компрадоров, помещиков и буржуазии». Она даже обвинила его в «предательстве Родины», назвав «агентом международного капитализма в Китае»[89].

Это, конечно, было слишком. Цзян Цин явно противоречила «великому кормчему», считавшему, как мы помним, вопрос о Дэне «вопросом внутри народа». Мао, узнавший о ее выступлении от Хуа, разозлился. «Цзян Цин вмешивается слишком во многое, — написал он на докладе Хуа Гофэна. — Провела сепаратное совещание [руководителей] двенадцати провинций, выступила с речью»[90].

Но Цзян, как известно, трудно было урезонить даже Мао Цзэдуну. Несмотря на запрет склонять имя Дэна в печати, леваки под ее руководством начали быстро составлять антидэновские сборники: «Выдержки из выступлений Дэн Сяопина», «Сопоставление выступлений Дэн Сяопина с указаниями Маркса, Ленина и Председателя Мао», «Сопоставление выступлений Дэн Сяопина с моральными догмами Конфуция и Мэнцзы» и «Сопоставление выступлений Дэн Сяопина и вождей оппортунизма». Они даже начали снимать документальный фильм под названием «Решительно выступать против Дэн Сяопина». В марте Дэна вместе с семьей заставили переехать из роскошного особняка в более скромное жилище.

Кампания борьбы с «правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов» соединилась с критикой Дэна в одно пропагандистское движение. На заводах, в учреждениях и «народных коммунах» проводились массовые собрания, на которых вновь поносили старого «каппутиста». Но на этот раз многие участники шоу отделывались какими-то стандартными фразами. Чувствовалось, что в народе новая акция не вызывает поддержки. Ведь Дэн, напомним, воспринимался как законный преемник Чжоу. Никакой Хуа Гофэн не мог его заменить. Как же можно было ругать человека, осененного благодатью только что скончавшегося любимого премьера? Тем

более что с именем Дэна простые китайцы связывали упорядочение в экономике и борьбу со всем надоевшей левацкой групповщиной. Критика Дэна, таким образом, была обречена на провал.

А вскоре значительная часть населения вообще перестала в ней участвовать. По Пекину и другим городам поползли слухи, что премьер Чжоу скончался, пав жертвой ненавидевших его леваков. В марте во многих местах появились *дацзыбао* против «группы четырех». Настоящий взрыв недовольства вызвала статья в шанхайской «Вэньхуэй бао», намекавшая на то, что Чжоу, как и Дэн, — «каппутист» и именно он-то помог последнему подняться наверх после опалы. В Нанкине сразу же появились листовки, призывавшие население к выражению протеста. Почти 40 тысяч местных студентов вышли на демонстрацию. Но их разогнала полиция. Об этом немедленно узнали в Пекине. И тогда на Тяньаньмэнь, к возвышающемуся на ней памятнику народным героям, стали приходить люди, чтобы возложить в память Чжоу Эньлая букеты и венки, а деревья по всему периметру площади украсить вырезанными из белой бумаги цветами (белый — цвет траура в Китае). Приносили и *дацзыбао* с осуждением женщин-правительниц, таких, например, как Индира Ганди и Цыси. (Имя Цзян Цин не упоминалось, но все понимали, кого на самом деле имели в виду авторы.)

Это движение развивалось стихийно в течение двух недель, и наконец 4 апреля, в традиционный День поминовения усопших в Китае, площадь оказалась запруженной народом. Все были возбуждены, тут и там слышались крики: «Защитим премьера Чжоу ценой собственной жизни!», «Да здравствует великий марксист-ленинец Чжоу Эньлай!», «Долой всех, кто против премьера Чжоу!». Многие пели «Интернационал»[91].

Цзян Цин и ее приближенные были напуганы. Они, разумеется, опасались массового стихийного движения. Вечером 4 апреля на экстренном заседании Политбюро они провели решение убрать все венки и цветы и подавить несанкционированный митинг. Хуа Гофэн поддержал их. Е Цзяньин и Ли Сяньнянь на заседании отсутствовали «по болезни». «Вылезла группа плохих людей», — заявил Хуа, до сих пор исполнявший, помимо прочего, обязанности министра общественной безопасности. А мэр Пекина У Дэ добавил: «Это выглядит как заранее спланированная акция. В 1974–1975 годах Дэн Сяопин подготовил бóльшую часть общественного мнения… Нынешние события готовились Дэн Сяопином в течение долгого времени… [Их] характер ясен. Это контрреволюционный инцидент»[92].

Пятого апреля против демонстрантов была брошена полиция, но встретила сопротивление. Всех возмутило, что полицейские стали убирать и ломать венки. Тысячи людей начали кричать: «Верните наши венки!» Возникли потасовки, какие-то люди подожгли одно из зданий на площади и полицейские машины. Только ценой больших усилий бунт удалось подавить. Десятки демонстрантов были арестованы.

О «контрреволюционном мятеже» Мао Цзэдуну доложил Юаньсинь, разумеется, «объективно». Всю вину за народные выступления он возложил на Дэна, сравнив его со знакомым нам венгерским премьером-бунтарем Имре Надем, а протестующих — с участниками антикоммунистического восстания в Будапеште 1956 года. «Великий вождь» одобрил подавление мятежа, наложив резолюцию на доклад племянника: «Боевой дух высокий; это прекрасно, прекрасно, прекрасно»[93].

Днем 6 апреля к Мао зашла Цзян Цин, сообщившая ему ужасные подробности о сожженных машинах, погромах и т. п. А потом заявила: «Их [мятежников] главный закулисный заправила — Дэн Сяопин, я его обвиняю. Предлагаю исключить Дэн Сяопина из партии»[94]. Мао поднял на нее глаза, долго смотрел, но ничего не ответил. А на следующий день, еще раз встретившись с племянником и выслушав его новый доклад, хриплым голосом дал директиву: «На основании этого лишить Дэн Сяопина всех должностей; оставить его в партии; понаблюдать, каким будет эффект». Помолчав, продолжил: «На этот раз [мы имеем], во-первых, столицу, во-вторых, Тяньаньмэнь, в-третьих, поджоги и драки. Эти три вещи хороши. Характер изменился. На основании этого — выгнать!»[95]

В тот же день он назначил Хуа Гофэна первым заместителем Председателя ЦК и теперь уже официальным премьером Госсовета. Через три недели, будучи уже не в силах говорить, он напишет этому своему последнему преемнику: «Иди медленно, не волнуйся. Следуй прежнему курсу. Когда ты делаешь дело, я спокоен». А еще через два месяца добавит: «Главное внимание уделяй внутренним проблемам страны»[96].

Назначение Хуа не могло, конечно, понравиться Цзян Цин и другим левым радикалам, но устранение Дэна настолько их обрадовало, что заставило на время забыть об этой «маленькой» неприятности. С таким увальнем, как Хуа, справиться, казалось, было легко.

Цзян и другие радикалы ликовали, а большинство пекинцев скорбели. И в знак молчаливого протеста люди стали выставлять в окнах домов бутылочки. Как мы знаем, при ином написании иероглифа *пин* имя «Сяопин» может означать «маленькая

бутылка». Иероглиф же *тай* в слове *чуаньтай* («подоконник») переводится как «вершина». Выставляя бутылочки в окнах домов, противники «группы четырех» хотели тем самым сказать: «Дэн Сяопин все еще на вершине!» В то же время в моду у мужчин вошла короткая стрижка «ежик» *(сяо пинтоу),* так как при желании это название можно перевести как «Сяопин во главе» (иероглиф *тоу* означает «голова»).

Что же касается самого Дэна, то он, по крайней мере внешне, сохранял спокойствие. С конца января, то есть с тех самых пор, как Мао решил разгрузить его, он уже все дни проводил дома. О событиях на площади Тяньаньмэнь, разумеется, знал, но конечно же не имел к ним никакого отношения. Бóльшую часть времени сидел в кабинете, беспрерывно курил и думал. С домочадцами почти не разговаривал, стараясь не посвящать их в свои волнения. 7 апреля в восемь часов вечера из передачи Центрального народного радио он узнал о том, что его сняли со всех должностей внутри и вне партии. Сообщение было непоследовательным. С одной стороны, в нем подчеркивалось, что «обсудив контрреволюционный инцидент на площади Тяньаньмэнь и поведение Дэн Сяопина в последнее время, Политбюро ЦК КПК считает, что характер вопроса о Дэн Сяопине уже изменился, и [теперь речь идет об] антагонистических противоречиях». С другой — заявлялось, что Дэна оставляют в партии[97]. Чувствовалось, что Мао, как и прежде, во времена «бури и натиска», не хочет кровавой расправы над «неразумным» Дэном и, свергая его, не спешит усиливать «группу четырех». Это не могло не питать надежду. Дэн тут же написал Председателю благодарственное письмо[98].

А в это время Цзян Цин распространяла в партийном руководстве слухи о том, что «народные массы» готовы «нанести удар по Дэн Сяопину и схватить его», так как именно он возглавлял «контрреволюционный мятеж». Она даже уверяла, что Дэн лично приезжал на машине на площадь Тяньаньмэнь, чтобы руководить митингующими[99]. Узнав об этом, заведующий канцелярией ЦК Ван Дунсин, недолюбливавший Цзян Цин, срочно испросил разрешение Председателя перевести Дэна вместе с женой в безопасное место, где легче было бы их охранять. Мао дал «добро». В итоге Дэна и Чжо Линь опять разлучили с детьми, посадив обоих под домашний арест в их прежнем роскошном доме в центре Пекина. Здесь они и жили в течение трех с половиной месяцев в полном одиночестве, если не считать приходившую помогать по хозяйству родственницу, повара и солдат охраны.

Детей же заставили принять участие в публичном поношении

отца, после чего выселили из дома.

Стоит ли говорить, что все члены семьи тяжело переживали опалу? «В такой семье, как наша, вообще не стоит рожать детей!» — как-то, не выдержав, в один голос сказали Дэн Линь и Дэн Нань. Вместе с младшей сестрой, Маомао, они стали готовиться к самому худшему[100].

Между тем в стране вовсю шла поименная критика «ревизиониста» Дэна. Разоблачительные статьи в газетах и журналах публиковались каждый день, радио и телевидение беспрерывно вещали о его «преступлениях». Только в массе народа кампания по-прежнему не находила отклика. Даже среди чиновников и работников правоохранительных органов. Антидэновские публикации и особенно документы по упорядочению, подготовленные в 1975 году Дэном и печатавшиеся теперь Цзян Цин и ее сотоварищами, чтобы показать, насколько «буржуазен» был Дэн, вызывали у большинства людей обратную реакцию: не ненависти к «каппуисту», а симпатии к человеку, который хотел улучшить жизнь народа[101].

Бывший заключенный одной из тюрем рассказывает: «[Как-то в апреле 1976 года] около 2 часов дня меня привели в комнату для допросов… Здесь меня ожидали три пожилых *ганьбу,* явно сотрудники министерства общественной безопасности.

— Ты читал сегодня газеты? — спросили они.

— Да, — сказал я, — читал.

— Что ты думаешь о том, что в них написано?

— Я прочел, что плохие люди устроили беспорядки на площади, напав на революционных военных. Но… я не понимаю, как за этим мог стоять Дэн Сяопин… Лично я не могу поверить, чтобы Дэн подзуживал хулиганов нападать на Народно-освободительную армию. Он вырос в ней. Он руководил ею. Он живет армией.

Я думал, меня накажут. Но вместо этого все рассмеялись.

„Что же происходит?“ — подумал я. Было не похоже, что они пытались заманить меня в ловушку. Они были счастливы… Я вернулся в камеру смущенным»[102].

В июле в жизни Дэна произошли определенные перемены. Он и Чжо Линь получили разрешение воссоединиться с детьми. Все опять собрались в старом доме. «Отец и мать смогли не только увидеть своих сыновей и дочерей, но — что их еще больше обрадовало — повидаться с любимыми внуками», — пишет Маомао[103].

Здесь, в небольшом одноэтажном особняке, в ночь с 27 на 28 июля они испытали удары страшнейшего землетрясения, сила

которого в эпицентре, находившемся в 150 километрах к западу от Пекина, в городе Таншане, достигала 7,8 балла. Миллионный Таншань оказался полностью разрушен. По официальным данным, в нем под завалами погибло более 240 тысяч человек, свыше 160 тысяч были ранены[83]. Маомао вспоминает: «Я выбежала в коридор, громко крича: „Землетрясение! Землетрясение!“ В это время сзади меня раздался грохот, я повернулась и увидела, что вдруг разрушилась бóльшая часть потолка коридора… В это время Дэн Линь и Дэн Нань тоже выбежали из своих комнат. Мы посмотрели друг на друга и разом громко закричали: „Папа! Мама!“… Мы… проникли [в их комнату] и увидели родителей, крепко спавших. Они приняли снотворное и не могли проснуться. Мы поторопились их разбудить и помогли им быстро выбраться наружу. В это время небо качалось, земля ходила ходуном, из ее глубоких недр доносился однотонный мощный гул, повергавший людей в ужас… Вдруг Дэн Линь громко закричала: „Там же еще дети!“ Внезапно застигнутые опасностью, мы только и думали, что о папе с мамой, а о детях совсем забыли. Развернувшись, мы бросились в шатавшийся дом, схватили спавших детей в охапку и выбежали во двор»[104].

После этого долгое время Дэн с семьей ютился около дома под наскоро сколоченным тентом. На улицах и во дворах обитали тогда большинство пекинцев. В чудом уцелевшие, но полуразрушенные дома люди боялись возвращаться.

В создавшихся условиях жителям столицы да и других районов страны стало совсем не до критики Дэна. Все только и говорили, что о землетрясении. Массовой пропагандистской кампании так и не получилось.

А вскоре весь Китай потрясла еще одна новость: 9 сентября в 00 часов 10 минут скончался Мао Цзэдун. Вся страна погрузилась в траур. 18 сентября на митинг памяти Мао на площади Тяньаньмэнь собрались более миллиона человек, траурные собрания прошли во всех городах и «народных коммунах». В три часа дня на три минуты в скорбном молчании под непрерывный гудок заводов и фабрик замерла вся страна. С траурной речью на площади Тяньаньмэнь выступил Хуа Гофэн. Он заявил, что «Председатель Мао Цзэдун будет вечно жить в наших сердцах», и призвал всю партию, армию и народы Китая, «обратив горе в силу», выполнить завет «великого кормчего»: «Проводить марксизм, а не ревизионизм; сплачиваться, а не идти на раскол; быть честным и прямым, а не заниматься интриганством». (Этот завет Мао дал партийным и военным руководителям в августе 1971 года[105].) При этом Хуа выдвинул ряд задач во внутренней и

внешней политике, подчеркнув, в частности, необходимость продолжать революцию при диктатуре пролетариата и «углублять и развивать критику Дэна и борьбу с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов»[106].

Смерть Мао переживал и Дэн. Конечно, «великий кормчий» часто бывал несправедлив к нему, но ведь не дал же он «четверке» уничтожить его! А мог бы отправить вслед за Лю Шаоци! Дэн чувствовал, что потерял великого Учителя и старшего товарища. 18 сентября вместе с семьей он организовал дома свою траурную церемонию. Надев черные повязки и встав полукругом, он и его домочадцы молча кланялись портрету покойного[107]. Позже Дэн скажет о „Мао: «Мы… ни в коем случае не можем недооценивать великих заслуг товарища Мао Цзэдуна. Ни при каких обстоятельствах не можем умалять светлого образа товарища Мао Цзэдуна на протяжении всей истории китайской революции… Тех, кто не повиновался ему, он хотел проучить, но все-таки знал меру»[108].

Учить Дэна продолжали и преемники Мао: Хуа Гофэн и «группа четырех», возобновившие массовую кампанию его критики и все еще державшие его под домашним арестом. Правда, режим содержания Дэна был по-прежнему мягким: ему и Чжо Линь просто не разрешали выходить на улицу. Но все остальные члены семьи пользовались свободой, а потому могли служить связными между отцом и остальным миром. Что они и делали, принося Дэну газеты и передавая слухи.

Именно от одного из членов семьи, Хэ Пина, мужа Маомао, Дэн 7 октября 1976 года узнал потрясающую новость, о которой пока официально не сообщалось: за день до того в Чжуннаньхае Хуа Гофэн арестовал членов «группы четырех», включая вдову Мао Цзэдуна Цзян Цин, а также племянника «великого кормчего» Мао Юаньсиня! Об этом родителям Хэ Пина по секрету рассказал старый боевой товарищ, имевший доступ к секретной информации. А те тут же поделились радостью с сыном.

— Все быстро сюда! Быстро сюда! — закричал Хэ Пин, влетая в дом тестя.

«Волосы и лицо у него [были] потные и вид возбужденный, — пишет его жена, — и [мы] поняли, что случилось что-то важное. В то время мы все боялись, что в доме установлены подслушивающие устройства, и поэтому, когда надо было сообщить что-либо важное, мы принимали меры предосторожности и говорили тихо. На этот раз отец, мать и бывшие тогда дома Дэн Линь, Дэн Нань и я — все мы направились в уборную, закрыли дверь, открыли посильнее кран ванны. Под шум льющейся воды мы окружили Хэ Пина и

выслушали его рассказ о ходе разгрома Центральным комитетом партии „группы четырех“. Отец слышал плохо, шум льющейся воды был сильным, поэтому он часто задавал вопросы, когда что-либо не мог расслышать»[109]. Дэн Линь, Дэн Нань и Маомао прыгали от радости, а сам Дэн в волнении мял пальцами сигарету, забыв, что хотел ее закурить.

Да, новость действительно была сногсшибательной! Дэн понял, что «тихий» Хуа Гофэн решился арестовать «четверку», несомненно вступив в союз с высшими чинами армии, то есть с людьми, до сих пор примыкавшими к нему, Дэну. Никаких подробностей переворота он, понятно, не знал, но ведь и новичком в политике не был. Восторг переполнял его!

Десятого октября он написал письмо Хуа Гофэну, за три дня до того единогласно избранному на заседании Политбюро Председателем ЦК и Военного совета ЦК, в котором выразил свою радость: «Центральный комитет партии под руководством товарища Гофэна разгромил эту группу негодяев, одержав великую победу. Это победа социализма над капитализмом, которая укрепит диктатуру пролетариата и предотвратит капиталистическую реставрацию, это победа идей Мао Цзэдуна и революционной линии Председателя Мао. Вместе со всем народом я испытываю искренние чувства огромной радости и, не в силах сдержать свои чувства, громко кричу: „Да здравствует! Десять тысяч раз да здравствует!“ Да здравствует ЦК партии под руководством Председателя Хуа! Да здравствует великая победа партии и дела социализма!»[110]

Детали переворота стали известны ему позднее, и он лишний раз убедился в том, что в его стране, как и прежде, именно армия играла главную роль. Иными словами, только «винтовка рождала власть». (Как мы помним, сам Мао еще в 1927 году говорил об этом.)

Короче говоря, вот что произошло. После смерти «великого кормчего» Цзян Цин и ее сторонники стали делать все возможное, чтобы изолировать Хуа. Готовили они удар и по ветеранам. Цзян то и дело требовала исключить Дэна из партии, а Ван Хунвэнь призывал свергнуть вновь появившийся в ЦК «ревизионизм». «Борьба еще не закончилась», — твердил он. В том же духе выступал Чжан Чуньцяо[111]. Не удивительно, что старые кадры внутри и вне армии заволновались. Не чувствовал себя уверенным и Хуа Гофэн. Это и стало основой их объединения.

Ключевую роль в заговоре сыграл министр обороны, маршал Е Цзяньин, которому покончить с «четверкой» завещал премьер Чжоу. После смерти Мао он заручился поддержкой двух других из оставшихся в живых маршалов, Сюй Сянцяня и Не Жунчжэня[84], а

также влиятельных ветеранов Ли Сяньняня, Чэнь Юня, Дэн Инчао, Ван Чжэня и бывшего начальника Генштаба Народно-освободительной армии Китая Ян Чэнъу. И уже 12 сентября обсудил вопрос о «четверке» с генералом Ван Дунсином, заведующим канцелярией ЦК, в распоряжении которого находился охранный полк Центрального комитета, воинская часть № 8341. Что ответил Ван, неизвестно, похоже, отмолчался, но упорный маршал не отступил и через пару дней переговорил с самим Хуа Гофэном. Как видно, он действовал смело. Ведь ни Ван, ни Хуа не принадлежали к фракции покойного Чжоу Эньлая, не были они и сторонниками Дэн Сяопина, да и с другими ветеранами не поддерживали неформальных связей. Но Е Цзяньин сыграл ва-банк. «Сейчас они [«четверка»] не пойдут на мировую, — сказал он Хуа, — ведь они с нетерпением намереваются захватить власть. Председатель скончался, и ты должен встать и вступить с ними в борьбу!»[112]

Хуа взял время подумать и только через неделю, поняв, что если они будут и дальше медлить, то им самим «придет конец», попросил Ли Сяньняня встретиться с маршалом Е и спросить, когда и как можно решить вопрос о «группе четырех»[113]. Е Цзяньин вновь навестил Хуа, и они обсудили детали. А в начале октября маршал еще раз встретился с генералом Ваном, без которого никак нельзя было обойтись. Выслушав маршала, заявившего, что «ситуация критическая, и у партии и государства нет другого пути, кроме как устранить „четверку“», Ван, почуявший наконец, куда ветер дует, согласился[114].

Конкретный план по захвату «четверки» обсуждали втроем — Е, Хуа и Ван. План был прост. Под предлогом обсуждения верстки готовившегося тогда к изданию пятого тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна Хуа должен был пригласить Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня 6 октября к восьми часам вечера в зал торжественных заседаний ЦК и правительства Хуайжэньтан в Чжуннаньхае на «заседание» Постоянного комитета Политбюро, которое на самом деле не созывалось. Здесь охранники из воинской части № 8341 должны были их схватить. Цзян Цин планировали арестовать дома (она жила неподалеку, в той же резиденции Чжуннаньхай, в доме 201). Было решено взять под арест и Мао Юаньсиня вместе с еще несколькими наиболее активными сторонниками «группы четырех».

В самый последний момент, 5 октября, Е Цзяньин на всякий случай приказал преданным ему высшим офицерам быть в боевой готовности[115]. И следующим вечером заговорщики привели план в исполнение. Из офицеров охраны отобрали 29 человек, самых надежных, разделив их на четыре группы. Одна группа под

командованием заместителя Ван Дунсина, генерала Чжан Яоцы, должна была арестовать Юаньсиня и Цзян Цин. Три другие — взять под стражу Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня.

Человек пятнадцать охранников спрятались за массивными шторами в зале Хуайжэньтан. Когда ничего не подозревавший Ван Хунвэнь, пришедший первым на «заседание», вошел в пустой зал и стал озираться по сторонам, охранники неожиданно, выключив свет, выскочили из засады и скрутили его. То же самое они проделали с Чжан Чуньцяо, пришедшим вторым, и с опоздавшим Яо Вэньюанем. Последний настолько разволновался, что, ослабев, опустился на пол. Пленников поочередно доставили в соседнюю комнату, где их ждали Хуа Гофэн и Е Цзяньин. Хуа объявил задержанным, что они арестованы «за преступления против партии и социализма». Одновременно генерал Чжан Яоцы во главе группы в десять с лишним человек в восемь часов вечера взял под стражу Юаньсиня, а через 30 минут был перед домом Цзян Цин. Бравый генерал вспоминает: «Когда мы вошли в ее кабинет, она сидела на диване. Я объявил ей: „Цзян Цин! Я получил телефонное указание премьера Хуа Гофэна. ЦК КПК решил изолировать тебя и провести в отношении тебя расследование в связи с тем, что ты в настоящее время продолжаешь вести деятельность, направленную на раскол ЦК партии… Ты должна честно и чистосердечно признаться в своих преступлениях, подчиняясь дисциплине“… Когда я это говорил, глаза Цзян Цин блистали злобой, но она не шевельнулась и не произнесла ни слова… Не раскричалась и не стала кататься по полу. Я закончил, и Цзян Цин встала… На улице ее ждал легковой автомобиль министерства общественной безопасности, Цзян Цин спокойно села в него, и ее увезли»[116].

В общем, можно сказать, что тело Председателя еще не успело остыть, а его близкие соратники, в том числе вдова и племянник, оказались под арестом. И уже через полтора часа Хуа и Е собрали экстренное заседание Политбюро в доме Е Цзяньина в пригороде Пекина, на котором проинформировали членов высшего органа партии о «великой победе». Маршал Е объяснил, что они сделали только то, что «при жизни хотел, но не успел [сделать] Председатель Мао»[117]. Никто нисколько не возмутился, и даже те, кто до того поддерживал Цзян Цин, радостно зааплодировали. Все *ганьбу* давно привыкли подчиняться силе.

Заседали всю ночь: надо было обсудить, что делать дальше. Между тем верные Е Цзяньину войска брали под контроль средства массовой информации: Центральную народную радиостанцию, агентство Синьхуа и редакции столичных газет и журналов. Под утро, в четыре часа, завершая заседание, Хуа

Гофэн предложил избрать Е Цзяньина Председателем ЦК и Военного совета, то есть новым вождем. Но маршал скромно отказался: через полгода ему исполнялось восемьдесят, так что становиться вождем было поздновато, да и Мао, как все знали, своим преемником перед смертью назначил Хуа. Так что Е, со своей стороны, предложил кандидатуру последнего. Именно так Хуа Гофэн и стал новым «великим кормчим»[118].

Этот человек отнюдь не был реформатором. Партийный функционер, слабо разбиравшийся в экономике, он боготворил Мао, умел ему подчиняться, но в новых условиях одной верности усопшему было недостаточно. Тем более что к власти Хуа пришел в блоке с военными и ветеранами, которые совсем не горели желанием продолжать «культурную революцию».

Не удивительно, что сразу после переворота между ним и ветеранами начали возникать острые противоречия, в центре которых стоял вопрос: что делать с Дэном? Маршал Е и другие старейшины стали недвусмысленно требовать от Хуа Гофэна политической реабилитации боевого товарища. Но тот воспротивился. Под его руководством в стране разворачивались теперь две пропагандистские кампании: по разоблачению «группы четырех» и критики Дэн Сяопина. Остановить последнюю Хуа не хватало не столько желания, сколько смелости: ведь это означало изменить Мао Цзэдуну, инициировавшему эту кампанию. А ему очень не хотелось войти в историю «китайским Хрущевым». «„Критика Дэна и борьба с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов“ были начаты Председателем Мао, — твердил Хуа, — [эта] критика необходима»[119]. Его полностью поддерживали Ван Дунсин и мэр Пекина У Дэ, идеологически близкие ему. При этом личных претензий у них к Дэну тоже не было, но и они не могли «предать» Мао. «Дэн Сяопин, точно так же, как группа четырех, выступает против [Председателя] Мао, его идей, его революционной линии, — говорил, например, идеологическим работникам партии слепо преданный Мао Цзэдуну Ван Дунсин. — Мы не должны ослаблять критику Дэна, разоблачая группу четырех… Дэн… нехорош. Он до сих пор не понимает культурную революцию»[120].

Характерно, что в октябре 1976 года «четверку» по инициативе Хуа стали критиковать не за «ультралевизну», а за «ультраправый оппортунизм»! 8 октября Хуа Гофэн принял решение возвести в центре Пекина на площади Тяньаньмэнь грандиозный Дом памяти Мао — мавзолей, куда вопреки воле покойного, желавшего быть после смерти кремированным, в 1977 году положат его забальзамированное тело[85]. А в конце октября он заявил работникам отдела пропаганды ЦК: «Всё, что говорил

Председатель Мао, и [даже] всё, на что он в знак согласия кивал головой, мы не будем подвергать критике»[121].

Для Хуа такое отношение к словам и поступкам Мао было, помимо прочего, важно и с точки зрения легитимации его личной власти: ведь «великий кормчий» назначил его, Хуа, преемником за несколько месяцев до своей кончины, будучи тяжелобольным. Так что если допустить, что Мао мог ошибаться, то, понятно, делал это скорее всего в болезненном состоянии, а потому и выбор Хуа Гофэна новым вождем нельзя было считать безусловным.

В середине декабря 1976 года, однако, Хуа пришлось чуть отступить. Дэн неожиданно заболел и ему потребовалась срочная госпитализация. У него обнаружили простатит, и без хирургического вмешательства было не обойтись. Под давлением маршала Е Цзяньина, взявшего на себя курирование работы врачей, а также других ветеранов, призвавших Хуа Гофэна и Ван Дунсина проявить сострадание, те дали согласие на частичное удаление у Дэна предстательной железы. Сделали операцию очень квалифицированные врачи в том же элитном армейском госпитале, в котором когда-то лежал сын Дэна Пуфан. Так что вскоре Дэн пошел на поправку.

Между тем 12 декабря Е Цзяньин представил Хуа Гофэну неопровержимые доказательства грубой фальсификации «четверкой» фактов, связанных с событиями на Тяньаньмэнь. Соответствующие документы как раз тогда попали в его руки. Это переломило ситуацию и с политической реабилитацией Дэна. Через два дня, 14 декабря, по настойчивой просьбе Е Цзяньина и других ветеранов решением ЦК Дэну вновь разрешили знакомиться с секретными документами Центрального комитета. И тут же передали первый сборник материалов «О преступлениях антипартийной группы Цзян Цин, Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня». Дэн ознакомился и сказал: «Довольно. Читать второй и третий сборники не буду. И так можно установить вину»[122].

А через несколько дней к Дэну, несмотря на формальный домашний арест, один за другим потянулись старые товарищи: заместитель премьера Юй Цюли, маршалы Сюй Сянцянь и Не Жунчжэнь, сын Е Цзяньина и др. Все они выражали надежду на то, что Дэн скоро окажется на свободе.

1976-й подходил к концу, и Дэн уже не сомневался: его возвращение в строй — вопрос ближайшего времени. Новый год он встретил в госпитале, окруженный семьей и полный светлых надежд и ожиданий.

ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

В январе 1977 года, в годовщину смерти Чжоу Эньлая, в Пекине появились листовки и *дацзыбао,* требующие переоценки событий на площади Тяньаньмэнь и полной реабилитации Дэна. В них подвергались критике Ван Дунсин, мэр Пекина У Дэ, Кан Шэн, скончавшийся в конце 1975 года, и даже сам Мао. Кто стоял за этими выступлениями, установить не удалось[123].

Между тем в начале февраля Дэн вышел из клиники. По распоряжению маршала Е Цзяньина его с семьей поместили в элитном доме в поселке Военного совета ЦК, расположенном в горах Сишань, в пригороде Пекина. Сам маршал жил неподалеку. Наконец-то они опять встретились. Им было что обсудить. Начинался новый этап борьбы за власть — на этот раз с Хуа Гофэном и другими догматиками-маоистами.

В этой борьбе Хуа и Ван Дунсин 7 февраля сделали важный ход: по их указанию главные газеты и журнал «Хунци» опубликовали передовую статью, в которой развивались основные идеи Хуа Гофэна, изложенные работникам отдела пропаганды ЦК: «Мы будем решительно защищать абсолютно любое политическое решение, принятое Председателем Мао; мы будем, не колеблясь, следовать абсолютно любому указанию Председателя Мао»[124]. Этот курс получил название «два абсолюта».

Дэн, ознакомившись со статьей, понял, что надо действовать. Он встретился со знакомым нам Ван Чжэнем и высказал ему глубокое неприятие линии Хуа Гофэна и Ван Дунсина[125]. «Если взять эти „два абсолюта“ за норму, то нельзя объяснить, почему необходимо реабилитировать меня, — резонно объяснил он, — нельзя также объяснить и „справедливость“ выступления широких народных масс на площади Тяньаньмэнь»[126]. Ван Чжэнь, бывший, кстати, заместителем премьера, полностью с ним согласился.

В борьбу против «двух абсолютов» вмешался и высший генералитет. Вскоре после публикации статьи критическое письмо в адрес Хуа Гофэна направил один из крупнейших военачальников, командующий Гуандунским военным округом и первый секретарь его парткома генерал Сюй Шию, боевой соратник и друг Дэна. От имени своих офицеров и политработников он потребовал от Хуа признать ошибки, допущенные Мао в период «культурной революции», и реабилитировать не только Дэн Сяопина, но даже Лю Шаоци, Пэн Дэхуая и Линь Бяо. Это выступление было для Хуа уже опасно[127].

А тут на мартовском (1977 года) рабочем совещании ЦК, посвященном критике «группы четырех», неожиданно взял слово

вернувшийся в политику после смерти Мао Цзэдуна Чэнь Юнь, тот самый заместитель Мао, который вместе с Лю Шаоци и Дэном в 1962 году поддержал семейный подряд. Он в открытую заявил: «Товарищ Дэн Сяопин не имеет отношения к событиям на Тяньаньмэнь. Говорят, что некоторые товарищи в Центральном комитете, исходя из потребностей китайской революции и китайской компартии, считают, что товарищу Дэн Сяопину надо позволить вновь участвовать в руководящей работе ЦК партии. [Я думаю,] это совершенно правильно и необходимо и полностью это поддерживаю»[128]. С ним солидаризовался ряд других ветеранов, в том числе Ван Чжэнь, процитировавший самого Председателя Мао, который, как мы помним, назвал как-то Дэна «редким талантом». Но им тут же ответил страшно разозлившийся Хуа: «Если мы, действуя поспешно, вернем Дэна к работе, то попадем в ловушку классовых врагов… Мы должны учиться на [негативном примере] Хрущева»[129].

Тем не менее выступления защитников Дэна произвели на участников рабочего совещания сильное впечатление. В кулуарах только и разговоров было что о них. И Хуа Гофэн не выдержал. Поразмыслив, он предложил компромисс. По его требованию один из оппозиционеров, Ван Чжэнь, выступил с самокритикой[86]. А Хуа со своей стороны объявил: «Расследование показало, что товарищ Дэн Сяопин никоим образом не замешан в событиях на Тяньаньмэнь. Вопрос о товарище Дэн Сяопине надо решать. Но следует действовать постепенно, должен быть процесс, только тогда в соответствующий момент можно вернуть товарища Дэн Сяопина к работе. Точка зрения Политбюро ЦК такова: официально примем решение на 3-м пленуме [ЦК] партии [в июле 1977 года] и XI съезде партии [в августе 1977-го]. Вернем товарища Дэн Сяопина к работе. Это будет более или менее правильно». Хуа также сказал, что «массовое выражение скорби по поводу кончины Чжоу Эньлая, имевшее место на Тяньаньмэнь, оправданно»[130].

Узнав об этом, Дэн «после тщательного обдумывания» 10 апреля написал письмо Хуа Гофэну, Е Цзяньину и ЦК. Дрогнувшего под натиском ветеранов Хуа надо было дожимать. Дэн выразил благодарность Центральному комитету за снятие с него обвинения в причастности к событиям на Тяньаньмэнь, после чего заявил: «Я особенно рад, что в выступлении Председателя Хуа говорится, что действия народных масс на Тяньаньмэнь в День поминовения усопших оправданны». В то же время, фактически осудив «два абсолюта», он подчеркнул, что «из поколения в поколение руководить нашей партией, армией и народом и продвигать вперед дело нашей партии, социализма и

международного коммунистического движения нужно при помощи подлинных идей Мао Цзэдуна в целостном виде»[131]. При этом он сделал стратегически важный ход, попросив ЦК распространить это письмо внутри партии вместе с написанным им приветственным посланием Хуа Гофэну от 10 октября 1976 года.

Хуа направил к нему для беседы Ван Дунсина и некоего Ли Синя, бывшего до последнего времени секретарем Кан Шэна, а ныне преданно служившего новым вождям. Те попросили Дэна отказаться от критики «двух абсолютов», но он твердо ответил: «Нет». И объяснил: «Сам товарищ Мао Цзэдун не раз говорил, что некоторые его высказывания являются ошибочными… Здесь речь идет о важном теоретическом вопросе: нужно ли придерживаться исторического материализма»[132]. (Чуть позже, в беседе с ближайшими единомышленниками, Ван Чжэнем и Дэн Лицюнем, он сформулирует эту точку зрения в лаконичной формуле: «Идеи Мао Цзэдуна представляют собой идеологическую систему»[133].)

С этим трудно было поспорить: сам Дэн считал, что «нанес пушечный удар» «абсолютистам», пойдя «наперекор Председателю Хуа»[134]. И он победил. Через четыре дня Хуа Гофэн вынужден был дать «добро» на распространение писем Дэна. Правда, довели их до сведения партийных и армейских *ганьбу* не ниже уездного и полкового уровня только 3 мая 1977 года — через два дня после публикации в «Жэньминь жибао» важной статьи Хуа по поводу вышедшего 15 апреля пятого тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна. В статье вновь содержался призыв твердо следовать курсу Мао на «продолжение революции при диктатуре пролетариата»[135].

Между тем до полной реабилитации Дэна оставались считаные недели. И Хуа уже был бессилен остановить ее. 1 июля Дэн вернулся в Пекин, где поселился в уютном переулке недалеко от знаменитого рукотворного озера Бэйхай (Северное море), прямо за Императорским дворцом Гугун. А через 15 дней, 16 июля, живой и здоровый появился среди высшего партийного руководства как участник очередного 3-го пленума ЦК десятого созыва.

На следующий же день, 17-го числа, пленум единогласно принял «Решение о восстановлении товарища Дэн Сяопина в должностях», несмотря на то что Хуа Гофэн в своем отчетном докладе, как и прежде, настаивал на «двух абсолютах». Дэна вновь сделали членом ЦК, Политбюро и Постоянного комитета, заместителем Председателя ЦК и Военного совета, а также заместителем премьера Госсовета и начальником Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая.

Последняя в его жизни опала закончилась.

Двадцать первого июля на пленуме он произнес краткую речь, имевшую большое значение. В этом первом после реабилитации выступлении он по сути сформулировал узловое положение своей новой программы модернизации, которую обдумывал долгие годы изгнания. Как и Мао в период борьбы за новый Китай, он призвал товарищей по партии вновь повести борьбу с догматизмом. Правда, на этот раз потребовал не «китаизации» марксизма, а творческого подхода к учению самого Председателя. Горький опыт реформ 1962 года и упорядочения 1975-го, обернувшихся его (Дэна) падением, убедил его в том, что преодолеть казарменный коммунизм и модернизировать КНР можно, только «разбив духовные оковы», то есть полностью раскрепостив сознание *ганьбу* да и всего народа. А потому, ловко прикрывшись авторитетом покойного вождя, он напомнил собравшимся старый лозунг Мао Цзэдуна: «Искать истину в фактах».

Этот лозунг, заключавший в себе, по словам Дэна, «квинтэссенцию его [Мао] взглядов», Мао Цзэдун написал в Яньани для партийной школы при ЦК КПК в декабре 1943 года. Дэн же теперь противопоставил его «двум абсолютам». Он, правда, не сказал, кто будет решать, что есть истина, но это и так не вызывало сомнений: без ложной скромности он предложил себя, Е Цзяньина и других ветеранов в наставники Хуа Гофэну и остальным «молодым», чтобы «вести их по правильному пути!»[136].

Одновременно Дэн, как и 20 лет назад, во время кампании «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», призвал всех граждан Китая «полностью» развивать демократию: «Мы должны создать политическую обстановку… при которой сочетались бы как единая воля, так и личная непринужденность, живость и бодрость, а людям позволялось бы ставить прямо любой вопрос и критиковать руководителя, на которого они в претензии»[137].

Он явно рассчитывал, что демократический подъем поможет ему полностью одолеть «абсолютистов», разоблачить «культурную революцию» и тем самым утвердить свое руководящее положение в партии. Ничего нового в этом не было: точно так же вел себя Мао Цзэдун, когда хотел ослабить внутрипартийных врагов, — апеллировал к массам, требуя «демократии». Остается только удивляться, что Дэн решился вновь обратиться к людям с призывом открыто выражать свое мнение, несмотря на то что и он сам, и Мао, и другие коммунистические вожди в прошлом не раз обманывали народ псевдолиберальными лозунгами! И еще более удивительно то, что многие граждане в очередной раз

восприняли его слова с энтузиазмом, будучи готовы снова попасть в ту же ловушку.

Тридцатого июля Дэн в первый раз появился на публике: большой любитель футбола, он приехал на стадион посмотреть матч между командами КНР и Гонконга. Увидев его, зрители устроили овацию. Весь стадион поднялся, горячо приветствуя нового «либерала». И Дэн, улыбаясь, тоже хлопал в ладоши. Во власть вернулся харизматичный лидер.

Седьмого августа он впервые принял зарубежного представителя — посла Корейской Народно-Демократической Республики. «Я трижды падал и трижды поднимался, — заметил он с юмором. — …В этом году мне исполняется 73. Законы природы не щадят людей, но настроение у меня бодрое, и я хочу немного поработать»[138].

С 12 по 18 августа 1977 года Дэн принял участие в XI Всекитайском съезде компартии. Он рассматривался уже как третий по значению лидер в партии и государстве: после Хуа Гофэна и Е Цзяньина. Четвертым считался Ли Сяньнянь, а пятым — Ван Дунсин. Именно эти пятеро — Хуа Гофэн, вновь избранный на 1-м после съезда пленуме Председателем ЦК компартии, и остальные четверо, названные его заместителями, — вошли в состав нового Постоянного комитета Политбюро, по сути дела, коалиционного. В нем Дэн мог опираться на Е Цзяньина, а Хуа Гофэн — на Ван Дунсина. Ли Сяньнянь же тогда вел собственную игру и хотя по взглядам оставался близок к Дэну, открыто это не демонстрировал. Кое-кому из вхожих в резиденцию ЦК партии Чжуннаньхай лиц он казался «скользким»; один из дэновских спичрайтеров даже считал, что Ли «явно не любил Дэн Сяопина»[139]. Но кто знает наверное? Двух ветеранов многое связывало: не только борьба с «четверкой» под руководством Чжоу Эньлая, но и революционное прошлое. Так что, скорее всего, Ли просто осторожничал.

На самом съезде Дэн в присутствии более чем полутора тысяч делегатов произнес третью по значению речь — заключительную, в то время как Хуа Гофэн выступил с политическим отчетом, а Е Цзяньин — с докладом об изменениях в уставе партии. Дэн вновь призвал всех раскрепощать сознание и искать истину в фактах. И заявил, что «дело и слово должны соответствовать друг другу, а теория и практика тесно соединяться»[140].

Выступление Дэн Сяопина контрастировало с отчетом Хуа Гофэна. Последний хотя и объявил «культурную революцию» завершенной, сделав уступку ветеранам, но продолжал защищать ее, твердя о непогрешимости Мао. Он сказал, что прошедшая революция была всего лишь «первой» в ряду многих последующих

«культурных революций» и ее «победоносное завершение… не означает конца классовой борьбы». По его словам, «борьба будет затяжной и извилистой, а временами даже очень острой. Политические революции, похожие по характеру на культурную революцию, будут иметь место в будущем еще много раз». Он, правда, призвал при этом «превратить Китай в великую, мощную и современную социалистическую державу к концу XX века», но от маоистских методов экономического развития не отошел. И даже потребовал организовать новый «всесторонний большой скачок», поклявшись к тому же «уничтожать буржуазию и все другие эксплуататорские классы по мере их появления»[141]. Было похоже, что именно так Хуа Гофэн и собирался модернизировать страну.

Дэн же сконцентрировался на практической работе по модернизации. Как заместитель премьера он взял на себя руководство работой в области науки и просвещения, поскольку считал это направление приоритетным. По его инициативе в партии стало меняться отношение к интеллигенции, которая при Мао третировалась как «буржуазное отребье», были восстановлены вступительные экзамены в вузах, отмененные в начале «культурной революции», и начало уделяться повышенное внимание развитию науки и техники. «Я играю роль начальника тыла, моя работа заключается в том, чтобы выискивать таланты, поддерживать ученых и учителей, доставать деньги и оборудование», — говорил Дэн[142].

Между тем в Китае продолжала развиваться кампания критики «четверки». Чего только о ней не писала китайская печать! Вдову и преданнейших учеников Мао обвиняли даже в фашизме, каппутизме и тайном сотрудничестве с коварным Гоминьданом! Массовыми тиражами издавались критические материалы и сборники карикатур. Повсеместно проходили митинги и демонстрации возмущенных граждан, сообщения о которых публиковались в печати. Партийные журналисты захлебывались от восторга по поводу «величайшей победы». «Пекин бурлит от радости! Весь Китай приятно возбужден! — докладывали корреспонденты «Жэньминь жибао». — По обе стороны Великой стены, по обоим берегам Янцзы… сердца людей наполнены счастьем, боевой дух достиг облаков. ЦК партии во главе с Председателем Хуа Гофэном одним ударом разгромил „группу четырех“… „Мы должны довести до конца борьбу с 'группой четырех', закрепив и упрочив достижения культурной революции“»[143].

Но чем дольше велась кампания, тем яснее становилась ее фальшь. Ведь если Цзян Цин и иже с ней и были в чем-либо

виновны, так это в разжигании той самой «культурной революции», в преданности которой так фанатично клялся Хуа Гофэн. И если они были плохими людьми, то, стало быть, их жертвы — хорошими. Но тогда как же можно было разоблачать «четверку» и не критиковать «полный беспорядок в Поднебесной»? Сама логика борьбы с «группой четырех» выбивала почву из-под ног Хуа.

И этим не преминули воспользоваться Дэн и маршал Е Цзяньин. В декабре 1977 года они добились от Хуа Гофэна назначения на пост заведующего организационным отделом Центрального комитета партии своего человека, бывшего секретаря ЦК Коммунистического союза молодежи Ху Яобана, тесно связанного с Дэн Сяопином с первых лет Китайской Народной Республики. Будучи сам репрессирован в ходе «культурной революции», Ху стал немедленно делать всё от него зависящее, чтобы восстановить честные имена всех жертв хунвэйбиновского террора.

Этот невысокий (ростом даже чуть ниже Дэна) и хрупкий на вид партийный работник был на самом деле исключительно энергичным и деловым. За две недели до назначения ему исполнилось шестьдесят два, то есть по меркам Дэна, которому шел семьдесят четвертый год, и 81-летнего Е Цзяньина он был совсем молодым. Выходец из бедной крестьянской семьи провинции Хунань, он смог получить только незаконченное среднее образование. Но всю жизнь тянулся к знаниям, поражая всех жаждой чтения. И в итоге достиг феноменальных успехов, став одним из наиболее образованных *ганьбу* в компартии.

Ху Яобан вступил в партию в 1933 году в Жуйцзине, где работал в бюро комсомола. Участвовал в Великом походе, занимал ряд должностей в Главпуре Красной армии, а в конце 1937-го — начале 1938 года посещал лекции в Антияпонском университете в Яньани. Там же подружился с Чжо Линь, будущей женой Дэна, которая, как мы помним, училась тогда в школе по подготовке кадровых работников. В годы последней гражданской войны был на политработе в войсках Не Жунчжэня и Пэн Дэхуая, а после образования КНР вплоть до 1952 года работал под руководством Дэн Сяопина секретарем комитета компартии северной Сычуани. В его ведении тогда находилась, в частности, и родная деревня Дэна. Именно Дэн поспособствовал его переводу в Пекин — секретарем ЦК Новодемократического союза молодежи (так с 1949 года назывался китайский комсомол). А в 1957 году Ху избрали уже первым секретарем вновь образованного КСМК. Но в декабре 1966-го его, как и Дэна, репрессировали, и он пошел по кругам ада, через мучения на

митингах «критики и борьбы» и перевоспитание в «школе 7-го мая» в провинции Хэнань. В марте 1973 года его реабилитировали, после чего он стал одним из наиболее преданных Дэн Сяопину сторонников упорядочения. Дэн послал его тогда на работу в партком Академии наук КНР — реорганизовывать научные кадры. И Ху в этом очень преуспел, но в 1976 году в связи с новой опалой Дэна лишился поста и был подвергнут критике. И только в марте 1977 года, в новой обстановке, вернулся в эшелоны власти — на этот раз с помощью Е Цзяньина[144].

Ху Яобан получил сначала пост проректора Высшей партийной школы при ЦК Компартии Китая, только что открывшейся заново после многих лет «культурной революции». Ректором школы был сам Хуа Гофэн, а первым проректором — Ван Дунсин, но оба занимали посты формально. Так что ежедневными делами Высшей партшколы стал ведать именно Ху[145]. И он сразу же повел открытую борьбу с «двумя абсолютами». С этой целью в июле 1977 года Ху начал издавать в партшколе острый дискуссионный журнал «Лилунь дунтай» («Развитие теории»), популяризировавший идеи Дэна о раскрепощении сознания от оков казарменного коммунизма.

Люди, знавшие Ху, отзывались о нем как об «одном из последних интеллектуальных идеалистов партии»[146], и он заслуживал такую характеристику. В октябре 1977 года именно при его содействии «Жэньминь жибао» опубликовала статью, впервые поставившую вопрос о необходимости пересмотра дел всех жертв «культурной революции»[147].

И вот теперь Ху возглавил организационный отдел ЦК партии, в ведении которого как раз и находились кадровые вопросы. И уже в январе 1978 года провел важное совещание по вопросам реабилитации с руководством двадцати шести министерств и ведомств[148]. Дезавуирование «культурной революции» началось.

Масштабы работы не могли не поражать воображение. В сжатые сроки предстояло пересмотреть прямые или косвенные обвинения в отношении более чем ста миллионов человек! Такого еще не бывало в истории! «Все ложные обвинения и несправедливые приговоры, независимо от того, кто и на каком уровне их вынес, должны быть отменены», — объявил Ху[149]. И даже сформировал особую группу по пересмотру тех дел, по которым вердикты выносил лично Мао. Поистине он был незаурядным человеком!

Дэн всячески поддерживал Ху Яобана, несмотря на то что этот его протеже вскоре стал проверять дела даже «правых

элементов», осужденных в 1957 году в ходе репрессивной кампании, возглавлявшейся самим Дэн Сяопином! Надо отдать должное Дэну — он смог признать перегибы. Одновременно сам Дэн воссоздал при Госсовете Кабинет политических исследований, вновь собрав крупных теоретиков марксизма-ленинизма под руководством знакомого нам Ху Цяому для разработки проблем теории модернизации. В конце 1975-го — 1976 году во время критики Дэна все эти люди подверглись давлению со стороны леваков, и большинство, в том числе Ху Цяому, капитулировало, даже приняв участие в травле бывшего шефа. Но Дэн простил их так же, как простил его когда-то Чжоу Эньлай[150]. Надо было не лелеять обиды, а вести борьбу с «абсолютистами».

Весна 1978 года принесла новые успехи. В начале марта Дэн занял еще одну должность, правда почетную, но тем не менее. Стал председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК)[151] — формальной организации единого фронта компартии с восемью крошечными демократическими партиями, выполняющей в КНР совещательные функции. На проходившей же параллельно 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва его вновь утвердили заместителем премьера (первым из тринадцати).

Пятого марта под председательством Дэна сессия китайского парламента приняла новую Конституцию Китайской Народной Республики, в которой, как и в предыдущей Конституции 1975 года, говорилось: «Граждане обладают свободой слова, переписки, изданий, собраний, организаций, демонстраций, шествий и забастовок и правом „свободно высказываться, полностью выражать свои мысли, широко участвовать в дискуссиях и вывешивать *дацзыбао*“»[152]. Маршал Е Цзяньин, сделавший доклад об изменениях в Конституции, специально обратил внимание на то, что новые руководители КНР сохраняют эти права, подчеркнув, что «мы должны энергично воестанавливать и развивать наши демократические традиции, борясь против любых посягательств на демократическую жизнь народа или нарушений прав граждан»[153].

Делегаты сессии избрали маршала Е председателем Постоянного комитета парламента. Новым же министром обороны стал маршал Сюй Сянцянь. Хуа Гофэн, однако, сохранил позиции, так что борьба Дэна с ним продолжилась.

В марте — апреле на Всекитайских совещаниях по науке и просвещению Дэн усилил критику догматизма, а 10 мая журнал «Лилунь дунтай» опубликовал резко полемичную статью под

названием «Практика — единственный критерий истины». В развитие идей Дэна в ней говорилось, что практикой следует поверять любую теорию. Ху Яобан, стоявший за статьей[87], утверждал в китайском обществе культ разума взамен культа веры.

Несмотря на сопротивление консерваторов, статья, перепечатанная в два последующих дня центральными газетами, спровоцировала острейшую дискуссию — не только в партии, но и в обществе, — которая не затихала все лето и осень. Сам Хуа Гофэн в дискуссии участия не принимал, но курировавший в компартии идеологию и пропаганду Ван Дунсин просто неистовствовал: «Партийное издание должно быть партийным по характеру… Мы не читали статью „Практика — единственный критерий истины“ до ее публикации… По существу она направлена против идей Мао Цзэдуна. Из какого Центрального комитета она вышла? Наша задача — защищать и оберегать идеи Мао Цзэдуна. Мы должны провести расследование»[154].

Под нажимом Вана теоретический журнал ЦК Компартии Китая «Хунци» отказался перепечатать статью. Однако она понравилась Е Цзяньину и Дэн Сяопину, несмотря на то что те тоже заранее не знали о ее подготовке. И маршал Е, и Дэн горячо солидаризовались с ее идеями. А маршал даже предложил членам Постоянного комитета Политбюро созвать теоретическую конференцию, чтобы обсудить поднятые проблемы, предварительно распространив текст статьи по всей стране[155]. Идея получила поддержку Дэна, который заявил, что в вопросах теории отступать нельзя. «Компромисс ведет к утрате принципов», — объяснил он[156].

Второго июня 1978 года Дэн открыто выступил в защиту статьи на Всеармейском совещании по вопросам политической работы, буквально обрушившись на Ван Дунсина. Он, правда, не назвал его по имени, поскольку Ван входил в когорту вождей, но всем и так всё стало понятно. «Есть… некоторые товарищи, — говорил Дэн, — которые каждый день разглагольствуют об идеях Мао Цзэдуна и в то же время зачастую… выступают против основной марксистской точки зрения и основного марксистского метода товарища Мао Цзэдуна, требующих искать истину в фактах, во всем исходить из реальной действительности и соединять теорию с практикой. Мало того, кое-кто даже считает людей, настойчиво ищущих истину в фактах, во всем исходящих из реальной действительности и соединяющих теорию с практикой, злостными преступниками… Однако… поиск истины в фактах есть исходная точка, основа основ идей Мао Цзэдуна»[157]. Этот вывод Дэн подтвердил огромным количеством цитат и

ссылок на Мао.

После этого в поддержку статьи стали выступать многие другие ветераны, а также подавляющее большинство руководящих работников центрального аппарата Компартии Китая, Госсовета, местных органов власти и генералов армии[158]. К середине осени стало ясно, что Дэну, Е Цзяньину и Ху Яобану удалось «раскачать лодку»: *ганьбу* начали преодолевать идеологию казарменного коммунизма. И теперь немалое их число готово было сознательно принять выдвинутый Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином курс на осуществление долговременной программы четырех модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, обороны, а также науки и техники.

Дэн же «ковал железо, пока горячо». В изменявшейся ситуации весны — осени 1978 года он уже не только говорил о раскрепощении сознания, но и стал вносить важные дополнения в программу модернизаций, акцентируя внимание на необходимости сочетания упорядочения с расширением прав предприятий в области финансов, внешней торговли, найма и увольнения рабочей силы. Это означало перевод предприятий на хозрасчет, усиление роли административно-хозяйственных руководителей и ослабление контроля за ними со стороны парткомов, а также переход к политике открытости внешнему миру, то есть развитие экономико-технического обмена с заграницей, заимствование зарубежной техники, технологии и опыта хозяйственного управления и привлечение иностранного капитала для создания смешанных предприятий. «Мир развивается, — говорил он, — поэтому если нам не удастся продвинуться вперед в техническом отношении, то, не говоря уже о каком-либо опережении, мы просто не сможем догнать других и будем вынуждены по-настоящему плестись в хвосте»[159]. Он считал, что не надо «закупоривать все двери», но при этом, разумеется, не помышлял о демонтаже социализма, будучи убежден: «Мы должны сохранить… наш основополагающий социалистический строй… Это непоколебимо. Мы не допустим появления новой буржуазии»[160].

В какой-то мере такая модернизация напоминала политику «самоусиления», проводившуюся в 1861–1894 годах Динами, маньчжурскими правителями Поднебесной. Те тоже, осознав отсталость Китая, пытались модернизировать страну, заимствуя иностранную технику и проводя быструю индустриализацию. И также не вносили коренных изменений в существующую социально-экономическую систему.

К тому времени и в мировоззрении Хуа Гофэна произошли серьезные перемены. Этот лишенный харизмы человек не был по

своему характеру лидером, не имел он и большого опыта в руководстве партией и страной, а потому легко подпадал под влияние более сильных личностей. Агитируя за «два абсолюта», он, по существу, шел в фарваторе Ван Дунсина, но под воздействием маршала Е все же реабилитировал Дэна. В вопросах же экономики он к началу 1978 года стал целиком опираться на Ли Сяньняня и других крупных экономистов, таких как Юй Цюли и Гу Му, работавших еще с Чжоу Эньлаем[161]. И они в конце концов убедили его в необходимости пересмотра наиболее одиозных маоистских установок.

В феврале 1978 года на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва Хуа сделал революционный доклад, сильно отличавшийся от его речи на XI съезде. Он горячо поддержал программу «четырех модернизаций», по существу солидаризовавшись с Дэн Сяопином. Он говорил о важности экономических реформ, расширения торговли с Западом, заимствования зарубежной техники и технологии и даже об усилении материальных стимулов к труду. Правда, продолжал горячо настаивать на новом «большом скачке», хотя и хотел обеспечить его уже за счет привлечения западных и японских кредитов и ввоза иностранного оборудования. К 1985 году Хуа рассчитывал построить 120 крупных промышленных предприятий и увеличить производство стали в три раза — с 20 до 60 миллионов тонн, а нефти — в три с половиной раза — со 100 до 350 миллионов тонн. И хотя это требовало колоссальных капиталовложений — не меньших, чем за все 30 лет Китайской Народной Республики, он не сомневался в успехе[162].

Со временем Хуа только укреплялся в мысли о необходимости быстрой модернизации Китая. Огромное впечатление на него оказала его первая зарубежная поездка во второй половине августа 1978 года. Это был третий за всю историю КНР визит китайского лидера за рубеж, после двух поездок Мао в СССР в 1949–1950 и 1957 годах. Хуа посетил Румынию, Югославию и Иран. Особенно его поразила Югославия, в которой свободно обменивалась иностранная валюта, успешно осваивались западная техника и технология и даже работали совместные с западными инвесторами предприятия. При этом Югославия оставалась социалистической страной, сохраняла полную независимость, а народ жил гораздо лучше, чем в Китае, где по-прежнему оставалась карточная система[163].

Вслед за Хуа необходимость реформ осознали и другие члены партийного руководства. Многие из них в 1978 году тоже совершили первые в жизни зарубежные поездки, расширившие их

представление о месте Китая в мире. В том году за рубежом побывали 13 чиновников в ранге заместителя премьера, в том числе Гу Му, и несколько сот других *ганьбу* высшего уровня. Мао не позволял им выезжать, и вот теперь их глаза раскрылись. «Мы думали, что капиталистические страны отсталые и загнивающие, — вспоминал один из них. — Но когда выехали из Китая и посмотрели вокруг, поняли, что это совсем не так». Сам Дэн в октябре съездил на неделю в Японию, где проанализировал возможности расширения экономических связей с этой страной. «Чем больше мы видим [мир], тем яснее осознаем нашу отсталость», — подытожил он результаты поездок[164].

По словам Хуа Гофэна, все члены Политбюро, включая Дэна, заговорили тогда об ускоренной модернизации, тем более что из органов госбезопасности регулярно поступали сообщения, фиксировавшие бегство десятков тысяч молодых крестьян и рабочих из провинции Гуандун в соседние Гонконг и Макао[88]. Люди бежали потому, что «Гонконг и Макао богатые, а КНР бедная, — вспоминал Хуа. — И мы решили изменить ситуацию, сделав богатой КНР»[165].

В июле — сентябре 1978 года после первых отчетов высших *ганьбу* о зарубежных поездках Госсовет созвал специальную теоретическую конференцию по модернизации. На ней Ли Сяньнянь и другие руководители заявили о необходимости привлекать в экономику КНР иностранный капитал и заимствовать западную технологию, оборудование и опыт управления. На конференции также обсуждалось предложение создать на границе Гонконга зону экспортного производства, где китайские трудящиеся осваивали бы иностранную технику и технологию, поставляя продукцию на зарубежный рынок[166]. Дэн, следивший за работой конференции, в середине сентября с удовольствием констатировал: «Экономика должна подчиняться действию экономических законов»[167].

После этого, 6 ноября, Хуа провел заседание Политбюро, принявшее важное решение: перенести с января 1979 года центр тяжести в работе всей партии на модернизацию страны. А через четыре дня Центральный комитет созвал рабочее совещание для обсуждения экономических проблем и выработки решений предстоявшего в конце декабря 3-го пленума ЦК одиннадцатого созыва. Совещание должно было определить, каким образом осуществить перенос курса партии на модернизацию, после чего обсудить четыре документа: «Решение по некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства», «Опытный вариант положений о работе сельских народных коммун», народно-хозяйственный план на 1979–1980 годы и текст речи Ли Сяньняня

на теоретической конференции Госсовета по модернизации[168].

Дэн на заседании Политбюро отсутствовал, так как 5 ноября на девять дней улетел с визитом в Таиланд, Малайзию и Сингапур. Но, разумеется, заранее знал о его предстоявших решениях, и они, как видно, отражали его взгляды. Более того, именно по его предложению Политбюро и постановило перенести с января 1979 года центр тяжести в работе всей партии на модернизацию[169].

Он и его единомышленники серьезно подготовились к рабочему совещанию, на которое съехались более двухсот руководящих партийных работников. Среди них только 63 процента были членами и кандидатами в члены Центрального комитета одиннадцатого созыва, большинство же остальных составляли ветераны, только что реабилитированные благодаря усилиям Ху Яобана. Все это предопределило характер совещания, затянувшегося на 36 дней — до 15 декабря. Атмосфера на нем оказалась весьма «оживленной»[170].

С самого начала форум пошел не туда, куда хотел направить его Хуа Гофэн: вместо экономических проблем участники стали обсуждать политические, решив сначала расквитаться с прошлым, то есть исправить левацкие ошибки, допущенные, по существу, самим Мао Цзэдуном.

«Бузу», разумеется, затеяли ветераны. Уже 11 ноября, то есть на следующий день после открытия форума, знакомый нам Тань Чжэньлинь, приятель Дэна и его бывший заместитель по Секретариату ЦК, выступил за переоценку событий на площади Тяньаньмэнь. Его поддержали семь человек, в том числе старые генералы Чэнь Цзайдао и Люй Чжэнцао[171]. Маршал Е тут же встретился с Хуа Гофэном, посоветовав ему прислушаться к тому, что происходит на совещании, поскольку иначе тот может потерять свой пост[172].

Двенадцатого ноября в бой ринулся Чэнь Юнь, как видно, полностью оправившийся от «болезни», которой «страдал» с того самого момента, как Мао атаковал его за поддержку семейного подряда в 1962 году. Он заявил, что прежде чем дискутировать, как переносить центр тяжести на модернизацию, ЦК обязан решить шесть вопросов, имеющих отношение к истории партии. Четыре из них касались реабилитации известных партийцев, причем репрессированных не только в период «культурной революции», но и ранее, в том числе Пэн Дэхуая. К пятому вопросу Чэнь Юнь отнес события на площади Тяньаньмэнь, которые назвал «великим движением масс», а к шестому — оценку деятельности советника группы по делам культурной революции Кан Шэна: Чэнь Юнь обвинил его в совершении

«крупных преступлений»[173].

Речи ветеранов произвели эффект разорвавшейся бомбы. Хуа Гофэн, Ван Дунсин и другие «абсолютисты» подверглись мощнейшей атаке, повестка дня была отброшена, и выступавшие, один за другим, стали говорить о необходимости раскрепостить сознание, дать объективную оценку «культурной революции» и другим событиям в истории китайской компартии, чтобы выправить все левацкие ошибки.

Вскоре обстановка накалилась не только на совещании, но и вне его. На следующий день после выступления Чэнь Юня новый мэр Пекина Линь Хуцзя созвал расширенное заседание столичного горкома, на котором, следуя за почтенным Чэнем, на свой страх и риск, без согласования с Политбюро, объявил демонстрации на Тяньаньмэнь «революционными»[174]. 14 ноября муниципальная газета «Бэйцзин жибао» сообщила об этом, а 15-го новость распространили «Жэньминь жибао», агентство Синьхуа и «Гуанмин жибао». Хуа и Ван Дунсин утратили контроль над происходящим, события обогнали их.

Вечером 14 ноября, когда Дэн вернулся из Юго-Восточной Азии, маршал Е, ознакомив его с ситуацией, заявил, что ему пора готовиться встать во главе партии и страны. Он предложил, чтобы Хуа Гофэн оставался формальным Председателем ЦК, Военного совета ЦК и премьером Госсовета, а Дэн, опираясь на коллективное руководство, стал фактическим лидером[175]. На полное отстранение Хуа от власти маршал Е не соглашался, мотивируя это тем, что не может обмануть доверие Мао, якобы завещавшего ему перед смертью «поддерживать» своего преемника. Скорее всего маршал Е кривил душой, и Мао на самом деле ничего подобного у него не просил. По крайней мере Мао Юаньсинь, присутствовавший при последней встрече Мао Цзэдуна с Е Цзяньином, утверждал, что такого не было. Просто для маршала тогда сложилась благоприятная ситуация: усиливая Дэна, но сохраняя Хуа, он, по существу, выступал в роли мирового судьи, своего рода высшего авторитета в партии и государстве. И Хуа, и Дэн оказывались под его покровительством.

Дэн посчитал, что надо принять компромиссное предложение, и дал согласие. После этого Е Цзяньин проинформировал обо всем Хуа, и тот тоже вынужден был согласиться. Испугавшись раскола и насильственного отстранения от власти, этот слабый человек, не имевший личных связей ни в высшем генералитете, ни в центральном и провинциальном партийном руководстве, капитулировал. 25 ноября он вновь выступил на совещании, приняв все предложения Чэнь Юня и других ветеранов. В итоге демонстрации на

Тяньаньмэнь были официально признаны «революционными», а всех участников «беспорядков» 1976 года реабилитировали[176]. Правда, десять из них к тому времени были уже казнены (это произошло, кстати, после смерти Мао и ареста «четверки», в 1977 году)[177].

Затем в один из дней совещания с самокритикой выступил бывший мэр Пекина У Дэ. Только Ван Дунсин не желал идти на уступки, и тогда участники форума стали его открыто критиковать[178].

Вопрос с Ваном особенно обострился в связи с тем, что как раз в то время, во второй половине ноября 1978 года, его твердолобая «абсолютистская» позиция вызвала новый всплеск народного недовольства. Дело в том, что за два месяца до совещания Ван, курировавший, как мы помним, вопросы идеологии и пропаганды, запретил к распространению весь первый номер комсомольского журнала «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь»). Ему показалось, что редакция неуважительно отнеслась к памяти Мао Цзэдуна: не перепечатала только что обнародованные стихи «великого кормчего», не открыла номер его цитатой, что считалось тогда обязательным, и даже в одной из статей призвала покончить с «новым суеверием»: обожествлением покойного Председателя. Для бывшего телохранителя вождя это было нестерпимо. Однако, несмотря на запрет, 19 ноября, то есть через пять дней после публикации в «Бэйцзин жибао» статьи о переоценке событий на Тяньаньмэнь, члены редакции «Чжунго циннянь» вывесили весь первый номер на одной из городских стен Пекина, в двух шагах от пересечения проспектов Чанъаньцзе и Сидань. Место оживленное, вблизи центра города, а потому сотни тысяч горожан и приезжих смогли ознакомиться с новыми *дацзыбао.*

Выходка редакции «Чжунго циннянь» привела к стихийному развитию нового демократического движения, своего рода «восстанию стенной печати», как охарактеризовал его современник[179]. Интернета тогда не существовало, и серая кирпичная кладка в три с половиной метра высотой и 200 метров длиной стала подлинной «Стеной демократии». Так ее и прозвали в народе. Вскоре все желающие стали приносить и вывешивать на ней *дацзыбао,* делясь сокровенным. В то время Пекин наводняли толпы людей, прибывших из разных районов страны в надежде получить реабилитацию после долгих лет террора: орготдел ЦК занимался тогда прежде всего делами *ганьбу,* а на простых граждан ни времени, ни сил не хватало. Вот люди и ехали в столицу за правдой. Именно они и начали вывешивать свои исповеди, клеймя «культурную революцию». Но затем на стене

появились и другие *дацзыбао,* требовавшие отставки Хуа Гофэна и других «абсолютистов» и выражавшие поддержку Дэн Сяопину[180]. Продэновские листовки стали особенно популярны после того, как люди узнали, что 26 ноября Дэн на встрече с председателем японской Партии демократического социализма заявил: «Написание *дацзыбао* разрешено нашей Конституцией. У нас нет прав опровергать или критиковать массы за поддержку демократии и вывешивание *дацзыбао.* Надо разрешить массам выражать недовольство, если оно у него накопилось. Не все их комментарии глубоко продуманы, но мы не можем требовать совершенства. И не надо ничего бояться»[89].

Воодушевленные заявлением Дэна люди стали вывешивать и более острые *дацзыбао,* призывая к дальнейшей либерализации. Настоящий фурор произвела *дацзыбао,* написанная 28-летним электриком Пекинского зоопарка Вэй Цзиншэном и озаглавленная «Пятая модернизация: Демократия». Она была вывешена в ночь на 5 декабря одним из его друзей. Это было настоящее политическое эссе, в котором удивительным образом отразились взгляды многих западных критиков тоталитарного коммунизма, таких, например, как Бруно Рицци и Милован Джилас, с работами которых молодой пекинец просто не мог быть знаком. Вэй выступил не только против «четверки» и «абсолютистов», но и подверг уничтожающей критике весь правящий в стране бюрократический класс, потребовав реформирования всей политической системы КНР и даже сравнивая диктатуру Компартии Китая с гитлеровским тоталитаризмом. «Мы хотим быть хозяевами своей судьбы, — написал он. — …Мы не хотим служить простыми орудиями диктаторов, которые начинают модернизацию ради своих личных амбиций… Не дайте опять себя обмануть диктаторам, которые разглагольствуют о „стабильности и единстве“. Фашистский тоталитаризм не может принести нам ничего, кроме катастрофы… Чтобы осуществить модернизацию, китайский народ должен прежде всего прийти к демократии и модернизировать общественную систему Китая»[181]. Каким образом молодой китайский электрик смог написать такое *дацзыбао,* неизвестно, но Вэй Цзиншэн моментально стал героем «Стены демократии».

Многие участники совещания ЦК по нескольку раз посетили перекресток Сидань, с интересом знакомясь с волеизъявлением народа, а маршал Е Цзяньин и Ху Яобан, как и Дэн, выступили в поддержку «Стены демократии», даже несмотря на *дацзыбао* Вэй Цзиншэна. Е Цзяньин, например, заявил участникам совещания: «3-й пленум партии [станет] образцом внутрипартийной

демократии в то время, как Сиданьская стена демократии — образец народной демократии»[182].

В общем, в стране, казалось, наступила эпоха гласности, и влиятельные силы в партии вместе с либерально настроенной интеллигенцией и молодежью стали двигать вперед дело демократического преобразования Китая.

В итоге под давлением внутри и извне партии главный идеолог ЦК Ван Дунсин решил подать в отставку. 13 декабря он представил письменное заявление: «На совещании многие товарищи неоднократно и правильно критиковали мои ошибки… Я действительно совершил ошибки на словах и в делах во время культурной революции и после свержения „группы четырех“… Я глубоко убежден, что мои способности не соответствуют должностям, которые я занимаю, и я не достоин этих должностей. Поэтому я искренне прошу Центральный комитет партии отстранить меня от занимаемых должностей»[183]. Рабочее совещание передало вопрос о Ван Дунсине на рассмотрение предстоявшего 3-го пленума ЦК одиннадцатого созыва.

По сути дела это рабочее совещание Центрального комитета явилось своего рода дэновским Цзуньи: как и Мао в январе 1935-го, Дэн в ноябре — декабре 1978-го стал общепризнанным вождем китайского коммунистического движения. И так же, как Мао, он не занял высшую строчку в формальной иерархии, но его приоритет во всех делах партии, армии и государства ни у кого уже не вызывал сомнений[184].

Тринадцатого декабря Дэн выступил с заключительной речью. Ее текст подготовил Ху Цяому еще за несколько недель до совещания, но Дэн, вернувшись 14 ноября из Юго-Восточной Азии и узнав о том, что происходит, решил изменить его. Он обратился к Ху Яобану, и тот сформировал группу спичрайтеров. Дэн дал задание сделать упор на демократии: «Для того чтобы развивать экономику, у нас должны быть демократические выборы, демократическое управление и демократический контроль… Демократия должна быть установлена законодательно»[185]. Все были воодушевлены и составили текст так, что Дэн в конце концов остался доволен.

Участники совещания слушали Дэн Сяопина затаив дыхание. Это была его «тронная речь». «Сегодня я хочу остановиться главным образом на одном вопросе, — сказал он, — на том, что нужно раскрепощать сознание, заставить свой ум работать, искать истину в фактах, сплотиться воедино и смотреть вперед… В политической жизни партии и народа применимы только демократические меры, зажим и нападки недопустимы. Права граждан, предусмотренные Конституцией, права членов партии и

партийных комитетов, предусмотренные Уставом партии, должны твердо гарантироваться, никому не разрешается на них посягать… Надо давать народу высказываться». Он даже заявил: «Нет ничего страшного в том, если… отдельные люди, недовольные существующим положением, попытаются воспользоваться демократией для учинения кое-каких беспорядков… Революционной партии страшно не слышать голос народа, а мертвая тишина ей страшнее всего».

Призвал он и к расширению демократии в экономической сфере, вновь выступив против излишнего централизма, за выявление активности предприятий и тружеников и восстановление принципа материальной заинтересованности. При этом даже объявил приемлемым с точки зрения экономической политики, чтобы часть районов и предприятий, рабочих и крестьян повысила свой жизненный уровень раньше других. Это, с его точки зрения, позволило бы всему народному хозяйству «непрерывно развиваться, волнообразно продвигаясь вперед». «Надо учиться управлять», — заметил он.

Кроме того, Дэн призвал продолжить разрешение вопросов, оставшихся от прошлого, так как «все до единой ошибки… должны быть исправлены». И в этой связи он подчеркнул необходимость «исторически, по-научному» оценить как Мао Цзэдуна, так и «культурную революцию», заметив, правда, что «великие заслуги, которые имеет товарищ Мао Цзэдун в длительной революционной борьбе, не померкнут в веках»[186].

Было понятно, что при всем революционном характере перемен, за которые ратовал Дэн, он так же, как и Хуа, не хотел прослыть «китайским Хрущевым». Дэн Нань через некоторое время после совещания напрямую спросила его: «Это правда, что ты боишься славы Хрущева?» Но Дэн только улыбнулся, ничего не ответив дочери[187].

Его речь произвела сильное впечатление на участников совещания. Именно она, а не доклад Хуа на открытии форума, была принята собравшимися в качестве основного документа. И именно ее было решено передать членам созывавшегося с 18 по 22 декабря 3-го пленума, который уже чисто формально принял обоснованный Дэном курс. Этот пленум, по существу, довел решения рабочего совещания, которое носило закрытый характер, до сведения китайской и мировой общественности.

Таким образом, в декабре 1978 года Компартия Китая перенесла центр тяжести в своей работе с пропаганды классовой борьбы и организации политических кампаний на экономическое строительство, отказавшись, по существу, продолжать революцию при диктатуре пролетариата.

Пленум отстранил наиболее одиозного «абсолютиста» Ван Дунсина от руководства идейно-пропагандистской работой и ввел в состав Политбюро таких твердых сторонников Дэна, как Чэнь Юнь, Ху Яобан, Дэн Инчао и Ван Чжэнь, а Чэнь Юня — еще и в Постоянный комитет Политбюро. Более того, на пленуме была образована Центральная комиссия по проверке дисциплины, тут же занявшаяся «чисткой партии» от тех ее членов, кто, с точки зрения Дэна и его сторонников, «не желал расставаться с групповщиной», то есть не принимал нового курса ЦК. Ее первым секретарем стал Чэнь Юнь, вторым — Дэн Инчао, а третьим — Ху Яобан. В секретариат комиссии вошел и Хуан Кэчэн, тот самый бывший начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии, который пострадал за поддержку Пэн Дэхуая в 1959 году.

Но главное — пленум утвердил де-факто верховную власть Дэна в партии и государстве. Китай вступал в новый период развития под знаменами экономических реформ и демократии.

Во всех странах изменения в Китайской Народной Республике вызывали повышенный интерес. И, прежде всего, разумеется, привлекала внимание личность Дэн Сяопина. Этот маленький, но поразительно сильный человек — выскочивший, как джинн из бутылки, после опалы — вселял в миллионы людей надежду, что Китай пойдет наконец по цивилизованному пути. Популярный американский журналист Роберт Д. Новак, взявший у Дэна двухчасовое интервью в конце ноября 1978 года, на весь мир разнес весть о том, что этот «наиболее влиятельный в Китае человек… искренне поддерживает свободу слова»[188]. 1 января 1979 года американский журнал «Тайм» объявил Дэн Сяопина человеком года, а на обложке поместил его изображение на фоне традиционного китайского пейзажа — горы, леса, облака. Дэн выглядел спокойным, слегка ироничным, но вместе с тем загадочным: неким китайским сфинксом, загадку которого мир должен был еще разгадать.

КАРДИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ

В конце декабря 1978 года Дэн выступил с речью на траурной церемонии перезахоронения праха Пэн Дэхуая на кладбище революционных героев в Пекине. Он не обмолвился о конфликте маршала Пэна с Мао Цзэдуном, но отметил, что «товарищ Пэн Дэхуай… был смелым человеком… известным своей честностью и прямотой. Он заботился о народе, не думая о себе и не обращая внимания на трудности»[189]. Казалось, Дэн извинялся перед благородным командующим за то, что в 1959 году сам принял участие в его травле.

Вскоре после похорон состоялось важное заседание Политбюро, на котором Ван Дунсин был снят с большинства остававшихся у него к тому времени постов, в том числе заведования канцелярией ЦК. Новым главой канцелярии стал Яо Илинь, еще не старый человек, бывший на два года младше Ху Яобана. Всю жизнь он занимался экономикой и финансами, но Дэн при поддержке Чэнь Юня решил перевести его на партийную работу. Тогда же Ху Яобан получил только что восстановленный пост технического секретаря Центрального комитета. Его заместителями стали знакомый нам Ху Цяому, главный спичрайтер Дэна, и тот же Яо Илинь. Одновременно к Ху Яобану перешло руководство повседневной работой ЦК, а также его отделом пропаганды. Старый друг Дэна, Сун Жэньцюн, сменил Ху Яобана на посту заведующего орготделом[190].

Между тем демократическое движение набирало обороты. Уже в январе 1979 года из Пекина оно стало распространяться на другие крупные города, где возникли свои «стены демократии». В то же время в разных местах начали образовываться не контролируемые партией и комсомолом организации. Различные активисты в сотнях копий принялись выпускать самиздатские рукописные журналы. Некое общество «Просвещение» вывесило *дацзыбао* с критикой Мао Цзэдуна прямо на одной из стен его Дома памяти. Но все же эпицентром политической жизни оставалась «Сиданьская стена». По словам очевидца, именно к ней со всех концов страны стекались люди, чтобы «вдохнуть пекинский воздух демократии»[191].

Либеральные перемены в Китае приветствовал президент США Джимми Картер, активно заявлявший о себе как защитнике прав человека во всем мире. Из информации своего представителя в КНР Дж. Стэплтона Роя он знал, что Дэн Сяопин «не только позволяет, но и инспирирует кампанию настенных постеров, направленную против консерваторов в правительстве,

для того чтобы укрепить контроль над бюрократией»[192]. Из интервью же Дэн Сяопина Новаку ему было известно, что «мудрый и динамичный» Дэн спешит, пока еще в силах, создать «разумную экономическую и политическую систему» у себя в стране и «заключить союз с Соединенными Штатами против Москвы»[193]. Последнее тоже было немаловажно: президент США, как известно, считал Советский Союз врагом номер один. Все это способствовало сближению США и КНР.

К середине декабря 1978 года отношения двух стран достигли той стадии, когда установление дипломатических связей стало неизбежным. Не только Картер, но и Дэн стремились ускорить процесс: нормализация отношений с крупнейшей индустриальной страной мира могла принести Китайской Народной Республике весьма ощутимые плоды в деле осуществления четырех модернизаций[194]. После нескольких раундов переговоров, проходивших в Пекине с конца мая 1978 года в обстановке строжайшей секретности (в них сначала участвовали Дэн Сяопин и помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, а затем китайский министр иностранных дел Хуан Хуа и глава американского Бюро связи в КНР Леонард Вудкок, получавшие, разумеется, соответствующие директивы от Дэна и Картера), стороны наконец достигли взаимопонимания по тайваньскому вопросу. После этого Дэн трижды встречался с Вудкоком, чтобы окончательно расставить все точки над «i». Американцы согласились аннулировать договор о взаимной обороне с Тайванем от 2 декабря 1954 года, по которому имели право держать войска на территории острова и в районе Пескадорских островов, вывести с Тайваня весь свой военный персонал и свернуть дипломатические отношения с гоминьдановским режимом. Китайцы же закрыли глаза на продолжение поставок Тайваню американского вооружения, а также заверили американцев в том, что не будут опровергать их возможного заявления относительно важности разрешения проблемы Тайваня мирным путем, хотя и считают это «вмешательством во внутренние дела КНР»[195].

Пятнадцатого декабря 1978 года в девять часов вечера по североамериканскому восточному времени (16 декабря в десять часов утра по пекинскому) Картер и Хуа Гофэн обнародовали совместное коммюнике о решении своих стран признать друг друга и установить дипломатические отношения 1 января 1979 года.

Для всего мира это был большой сюрприз, особенно — для Тайваня. Опасаясь тайваньского лобби в Конгрессе, Картер не

ставил в известность о переговорах с коммунистами президента Китайской Республики Цзян Цзинго, сына скончавшегося в 1975 году Чан Кайши, а проинформировал его о предстоявшем разрыве отношений только за семь часов до оглашения коммюнике, когда в Тайбэе было два часа ночи! Ошарашенного и еще не очнувшегося от сна Цзян Цзинго поднял с постели посол США, передавший ему решение своего правительства. Цзян заплакал[196]. Если бы Дэн знал об этом, он был бы очень доволен.

Нормализация отношений с Соединенными Штатами сделала возможным визит Дэна в США. Он давно хотел посетить эту страну, удивлявшую мир своими грандиозными успехами в области экономического развития. Еще в мае 1978 года, принимая Бжезинского, Дэн полушутя заметил, что ему недолго осталось находиться у власти («Около трех лет», — почему-то конкретизировал он), а хотелось бы увидеть Америку. Бжезинский тут же подхватил идею, пригласив Дэна к себе в гости в Вашингтон. Дэн, улыбнувшись, согласился[197]. В декабре пришло и официальное приглашение от президента, правда, не персональное. Картер не знал, кого приглашать: то ли Дэна, то ли Хуа, который формально был еще главой китайского правительства. Но Дэн быстро разрулил ситуацию. «Мы принимаем приглашение правительства США посетить Вашингтон, — сказал он Вудкоку. — Если говорить конкретно, поеду я»[198].

И 28 января 1979 года вместе с Чжо Линь, заместителем премьера Фан И, курировавшим вопросы науки и техники, Хуан Хуа и несколькими другими помощниками отправился за океан. После визита Хрущева в 1959 году и Брежнева в 1973 году это был третий визит лидера крупной социалистической державы в главную цитадель империализма.

Принят Дэн был по высшему разряду. На аэродроме американских военно-воздушных сил Эндрюс под Вашингтоном его встречали вице-президент Уолтер Мондейл и госсекретарь Сайрус Вэнс, излучавшие радушие. Они проводили его в роскошную резиденцию Блэер Хаус на Пенсильвания-авеню, предназначенную для почетных гостей. Четырехэтажный особняк поражал великолепием внутреннего убранства: изысканная мебель, дорогие ковры, живописные полотна. Да и весь город, который Дэн успел рассмотреть из окна правительственного лимузина, производил впечатление: широкие прямые проспекты, высокие массивные дома, Капитолий, Национальная аллея (Молл), монумент Джорджу Вашингтону — прямой четырехгранный столб, устремленный в небо, — чем-то напоминающий памятник народным героям на площади

Тяньаньмэнь, только гораздо выше.

Через несколько часов, дав Дэну и Чжо Линь прийти в себя после перелета, за ними заехал «старый друг» Бжезинский, который, как и обещал, устроил для них небольшой прием в своем доме (помимо хозяев, их троих детей-подростков и четы Дэнов присутствовали только Вэнс, Хуан Хуа и несколько других лиц). Обед носил частный характер[199].

Со следующего дня пошел калейдоскоп официальных встреч, поездок и выступлений — в течение целой недели, вплоть до отъезда Дэна из США 5 февраля. Было много восклицаний, улыбок и даже слез умиления. Дэн жал руки политикам и бизнесменам, целовал детишек, певших ему песни на китайском языке, посещал Сенат, Палату представителей, научные центры, в том числе Космический центр в Хьюстоне, заводы Форда и Боинга, техасское родео и конечно же Белый дом, где неоднократно беседовал с Картером, которого сумел обаять. «Дэн произвел на меня благоприятное впечатление, — записал Картер в дневнике 29 января. — Он маленький, крепкий, образованный, искренний, смелый, страстный, представительный, уверенный в себе, дружественный, и вести с ним переговоры — удовольствие»[200]. Дэн тоже, казалось, испытывал удовлетворение[201].

В ходе визита были подписаны соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве, студенческом обмене, достигнута договоренность о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле. В общем, всё прошло как нельзя лучше. Дэну даже вручили почетный диплом доктора юридических наук в Университете Тэмпл в Филадельфии и ковбойскую шляпу с широкими полями во время родео в техасском городе Симонтон.

В результате Дэн смог представить мировой общественности свой визит в Штаты как начало исторического сближения двух держав. На самом деле, конечно, КНР и США оставались непримиримыми противниками, но для Дэна в то время было крайне важно продемонстрировать их «союз». Для того чтобы решить серьезные геополитические задачи, связанные с борьбой против «советского гегемонизма». Прежде всего — в Юго-Восточной Азии, где СССР в своем противодействии КНР опирался на сильного союзника — Социалистическую Республику Вьетнам, к тому времени превратившуюся из некогда преданного друга Народного Китая в его ярого противника.

Дэн завел разговор об СССР и Вьетнаме уже в первый вечер пребывания в США, в доме Бжезинского. Беседуя с хозяином, Сайрусом Вэнсом и другими, он буквально вскипел от

негодования, как только разговор коснулся Советов. В ответ на чей-то вопрос, что Китай будет делать, если на него нападет СССР, он ответил, что КНР сможет нанести ответный удар сокрушительной силы, так как имеет достаточно ядерного оружия, чтобы разнести в пух и прах Братскую ГЭС, Новосибирск и, возможно, саму Москву. Интересно, что разговор об ударе по СССР шел под русскую водку, бутылку которой незадолго до того Бжезинскому подарил советский посол Анатолий Федорович Добрынин. Вероятно, поэтому Дэн и был так разгорячен. Под конец вечера, однако, он успокоился и официально заявил Бжезинскому уже наедине, что хотел бы поговорить с президентом и его наиболее доверенными лицами о Вьетнаме, причем в самом конфиденциальном порядке[202].

Свою просьбу Дэн повторил на следующий день, в этот раз самому Картеру во время встречи в Белом доме. Тот пригласил его в Овальный кабинет. И здесь Дэн мрачным голосом объявил ему, Мондейлу, Вэнсу и Бжезинскому о своем решении напасть на Социалистическую Республику Вьетнам! Понятно, что для американцев, только недавно потерпевших поражение в Индокитае, само слово «Вьетнам» значило многое. Вероятно, они почувствовали затаенную радость: ведь их многолетний враг мог быть теперь наказан тем самым Китаем, который все годы их тяжелой войны твердо стоял на стороне вьетнамцев, посылая им вооружение и даже направляя в помощь свои войска[90]. Ну и ну! Как видно, мир изменился, если коммунисты не только воюют друг против друга, но и обсуждают свои военные планы с империалистами!

Внешне, однако, Картер остался спокоен. И даже попытался отговорить Дэна от опасной затеи. Он, правда, не сказал, что выступает против, но выразил беспокойство тем, что мировое сообщество да и многие члены его собственного Конгресса объявят КНР «агрессором». На следующее утро, вновь встретившись с Дэном, на этот раз тет-а-тет (присутствовал только переводчик Цзи Чаочжу), Картер даже зачитал ему специальное заявление, составленное собственноручно, в котором еще раз предостерег Дэна от затеваемого им вооруженного конфликта: он «вызовет серьезное беспокойство в Соединенных Штатах относительно общей оценки Китая и будущего мирного разрешения тайваньского вопроса»[203]. Не могла Картера не волновать и возможная силовая реакция СССР на китайско-вьетнамский конфликт. Война в Восточной Азии между двумя ядерными державами (СССР и КНР) была ему вовсе не нужна, так как представляла опасность для всего мира.

Но Дэн, куря одну сигарету за другой, продолжал настаивать

на своем решении и, дабы Картеру стало понятнее, сравнил контролируемый Советским Союзом Вьетнам с Кубой. Более того, объяснил, что если Китай не «преподаст» Вьетнаму кратковременный урок (он обещал вывести войска через 10–20 дней после вторжения), то Советский Союз, закрепившись в Социалистической Республике Вьетнам, будет стремиться завершить окружение Китайской Народной Республики, для чего вторгнется в пограничный с ней Афганистан[204]. (Так и сказал! Всего за 11 месяцев до печально известной советской интервенции!)

На это Картер ничего не ответил, но Дэн, высказав всё, что хотел, вдруг как-то сразу успокоился. Стало заметно, что у него отлегло от сердца, и он начал вести себя непринужденно[205]. Как будто именно за тем и приезжал в Вашингтон, чтобы сообщить американцам о предстоявшей войне во Вьетнаме.

Как же получилось, что Дэн, всю жизнь отдавший борьбе с империализмом, пошел, по существу, на союз с Америкой — и не только против «переродившегося» СССР, но и «героического» Вьетнама, только недавно, в конце апреля 1975 года, объединившегося под властью коммунистов после шестнадцатилетней гражданской войны, усугубленной американской интервенцией? Неужели действительно боялся, что Советский Союз окружит КНР военными базами почти по всему периметру границ, и с севера, и с юга, и с запада, а потом нанесет ядерный удар? Возможно и так: ведь пограничные конфликты Китая с СССР и с его союзником Индией, на территории которой, правда, советских баз не было, имели место в совсем недавнем прошлом.

Вероятно также, что он просто не мог простить вьетнамских лидеров, до конца 1960-х годов маневрировавших между СССР и КНР, а затем постепенно перешедших на сторону советских «гегемонистов». Просоветский курс вьетнамцев стал очевиден к середине 1970-х годов, когда в руководстве Партии трудящихся Вьетнама (с 1976 года — компартии) возобладала группа Генерального секретаря Ле Зуана, ориентировавшегося на Москву. Прокитайская фракция в ПТВ потерпела поражение. Вьетнамские лидеры начали тогда выражать «критическое отношение к некоторым действиям маоистов»[206], что, разумеется, не понравилось Пекину. В сентябре 1975 года Дэн, занимавшийся в то время, как мы помним, вопросами внешней политики, с обидой заметил в беседе Ле Зуану: «В отношениях между нашими странами есть некоторые проблемы… Мы должны сказать, что, читая вьетнамские газеты и знакомясь с вьетнамским общественным мнением, мы испытываем беспокойство. По

существу, вы акцентируете внимание на угрозе с Севера… Для вас это означает [угрозу] со стороны Китая»[207].

Ле Зуан отверг все обвинения, но, как видно, покривил душой. Его выбор между двумя враждовавшими «старшими братьями» был, в общем-то, логичен, и менять его он не собирался. И дело тут заключалось не только в его просоветских симпатиях. Из-за продолжавшейся в то время в Китае «культурной революции» руководство КНР не могло уже оказывать Вьетнаму такую же большую помощь, как СССР[208]. Так что конкурировать с Москвой оно совсем не имело возможности. Китайцы и сами понимали свои проблемы, но, будучи бессильны что-либо изменить, сваливали вину за охлаждение отношений на «младшего брата», испытывая при этом страшное раздражение по поводу «предательства» вьетнамцев.

Чувствуя, что они теряют Вьетнам, Мао, Чжоу и Дэн переключились тогда на другого партнера в Индокитае, коммунистов Камбоджи («красных кхмеров»[91]), не требовавших таких же огромных, как Вьетнам, капиталовложений[209]. Тем более что последние, в отличие от вьетнамцев, буквально молились на Председателя Мао, безоговорочно поддерживая его борьбу с Советами. У «красных кхмеров» к тому же после их прихода к власти в апреле 1975 года стали быстро ухудшаться отношения с Социалистической Республикой Вьетнам. Могучий Вьетнам, почти в два раза превышающий по площади Камбоджу («красные кхмеры» называли свою страну Демократической Кампучией[92]), стремился установить над ней свой контроль. После завершения Индокитайской войны вьетнамцам легко удалось подчинить своему влиянию Лаос, и они изо всех сил стали вовлекать в свою орбиту и другого западного соседа. Таким образом они выполняли завет покойного вождя Хо Ши Мина, незадолго до смерти, в мае 1969 года, призвавшего своих преемников играть роль объединителей индокитайских народов[210].

Кампучийское руководство реагировало на вьетнамский региональный гегемонизм болезненно, впрочем, как и китайское. Тем более что в 1977 году Вьетнам предоставил Советскому Союзу две военно-морские базы — в Дананге и в Камране — что просто вывело из себя и китайцев, и кампучийцев. На китайско-вьетнамской и вьетнамо-кампучийской границах начались вооруженные инциденты, возникли территориальные споры. 31 декабря 1977 года «красные кхмеры» разорвали дипломатические отношения с Вьетнамом.

В 1978 году ситуация продолжала обостряться. В результате начавшихся на юге Вьетнама весной 1978 года социалистических преобразований вьетнамские коммунисты стали в массовом

порядке экспроприировать собственность многих местных китайцев. В то время в Южном Вьетнаме проживало примерно полтора миллиона китайских эмигрантов, так называемых *хуацяо,* большинство которых занималось мелким бизнесом. Как только начались реформы, многие из них ударились в бега, причем на свою историческую родину. Только за полтора месяца, с начала апреля по середину мая 1978 года, из Вьетнама в Китай перешло более пятидесяти тысяч беженцев, которых китайские власти встретили как мучеников. Несмотря на то что по логике любого коммуниста все эти мелкие буржуа считались «классовыми врагами», вожди КНР предпочли раздуть патриотическую кампанию в защиту «невинно пострадавших» соотечественников. В мае 1978 года китайцы свернули всю экономическую помощь Вьетнаму. Тогда вьетнамцы через месяц вступили в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — контролируемую Москвой организацию, напоминавшую социалистический общий рынок. И усилили преследование *хуацяо.* К июлю 1978 года число китайских беженцев из Вьетнама достигло 170 тысяч, причем бóльшая часть бежала теперь даже не с юга, а с севера страны, где социализм был построен еще в 1950-е годы[211].

К осени стало ясно, что Вьетнам собирается захватить Кампучию и ждет только начала сухого сезона, чтобы двинуть войска. В ноябре он заключил с Советским Союзом договор о дружбе и сотрудничестве, как бы предохраняя себя на случай ответных действий со стороны Китая.

Китайское руководство, разумеется, было вне себя. Однако не все его члены считали возможным напасть на Вьетнам, даже в случае, если он вторгнется в Кампучию. Да, действия бывших друзей вызывали горькие чувства. Но начинать полномасштабную войну против некогда братской страны, которая столько лет шла в авангарде борьбы с империализмом? На это не многие могли решиться. Кроме того, китайская армия и ее оснащение оставляли желать лучшего. Модернизация только начиналась, и Народно-освободительная армия Китая в целом значительно уступала вьетнамской армии и по вооружению, и по боевому опыту[212]. Превосходила она ее только по численности. Вызывала опасение и возможная реакция со стороны СССР: а вдруг Брежнев решит помочь Вьетнаму и обрушит на север Китая огонь реактивных «градов»? Ведь использовал же он их против китайцев во время событий на Даманском. Тогда только за одну ночь, с 14 на 15 марта 1969 года, погибло несколько сот человек.

Наиболее откровенно против войны выступал старый ментор Дэна, маршал Е Цзяньин. Он не считал, что существовала опасность окружения Китая советскими военными базами с

помощью Вьетнама, полагая необходимым укреплять в первую очередь северную границу КНР, готовясь к возможным атакам со стороны СССР[213]. Но Дэн теперь не желал его слушать. Мысль о будущей войне с вьетнамцами настолько укоренилась в его сознании, что, казалось, от того, нападет Китай на Вьетнам или нет, зависит его личная судьба. И это, очевидно, не случайно. Характерно, что некоторые осведомленные лица в Китае считают, что Дэн, бывший тогда, помимо прочего, начальником Генерального штаба армии, настоял на войне и возглавил затем всю операцию только для того, чтобы «укрепить свой личный контроль над вооруженными силами в то время, как шел к [безграничной] власти»[214].

С сентября 1978 года, то есть с того момента, как началась подготовка к войне, Дэн, по сути, взял на себя верховное командование армией (министр обороны, Сюй Сянцянь, выступал, по существу, как его заместитель) и больше не считал себя обязанным следовать советам почтенного Е. Именно Дэн руководил планированием операции, и именно он назначил непосредственного исполнителя — своего боевого друга, генерала Сюй Шию, того самого, который в феврале 1977 года написал письмо Хуа Гофэну с требованием его реабилитации. Заместителем Сюя стал другой товарищ Дэна, генерал Ян Дэчжи. К 21 декабря закончилась переброска войск. По разным данным, на границе с Вьетнамом, растянувшейся на 1300 километров, было сконцентрировано от 450 до 600 тысяч китайских солдат и офицеров[215]. Одновременно в полную боевую готовность были приведены китайские войска на границе с Советским Союзом.

Между тем, чувствуя за спиной поддержку СССР, вооруженные силы Вьетнама 25 декабря 1978 года вторглись в Кампучию и уже 7 января 1979 года захватили столицу страны Пномпень. Режим «красных кхмеров» пал. На смену ему пришли провьетнамские силы, образовавшие новое правительство. Но кровавая и дикая война между двумя социалистическими странами, в ходе которой с обеих сторон погибли десятки тысяч человек, продолжилась: уйдя в джунгли, «красные кхмеры» сражались вплоть до 1989 года[216].

Захват Пномпеня означал «потерю лица» Китаем: Социалистическая Республика Вьетнам и Советский Союз оказались сильнее Кампучии и Китайской Народной Республики. Теперь удар по Вьетнаму стал для Дэна «делом чести».

Однако ему надо было обеспечить дипломатическую поддержку своей войне. Еще в сентябре он посетил Бирму, Непал и КНДР, а в ноябре — Таиланд, Малайзию и Сингапур, но понимание нашел только у руководителей Таиланда, всерьез

опасавшихся, что за Кампучией настанет их черед испытать вьетнамский удар. Правда, главы остальных стран не выразили решительного протеста, что для Дэна тоже было неплохо. И вот теперь он поставил в известность самих американцев, объяснив Картеру, что ему нужна их «моральная поддержка»[217]. И то, что Картер по сути дела не слишком его отговаривал (несмотря на свое заявление), было для Дэна очень важно. Ведь президент не выступил против, не обратился в ООН, не передал информацию СССР. То есть, по сути, все-таки выразил согласие. Так это, по крайней мере, выглядело со стороны[218], а это и нужно было Дэну[93]. Теперь, если бы он начал войну сразу после визита в США, у Брежнева было бы меньше искушения ввязаться в конфликт: ведь он мог решить, что Дэн действует в союзе с американцами!

Так, собственно, и произошло. И когда на рассвете 17 февраля 1979 года 200 тысяч китайских солдат по приказу Дэна перешли границу Вьетнама на всем ее протяжении, Брежнев действительно растерялся. Не зная, что предпринять, он даже позвонил Картеру по горячей линии, чтобы узнать, не действуют ли на самом деле китайцы при молчаливом одобрении США. И хотя Картер как мог разуверял его, а потом специально просил посла Добрынина передать в Москву, что в конце января он лично предупреждал Дэна против подобной акции, Брежнев не поверил[219]. Так что в итоге никаких силовых действий не предпринял. (Кстати, для того чтобы ввести в заблуждение Москву, Дэн на обратном пути из Штатов домой специально заехал на два дня и в Японию, чтобы проинформировать японского премьера Охиру о своих военных планах. С японцами он еще в октябре, во время своего первого визита в Токио, ратифицировал договор о мире и дружбе, так что на их понимание рассчитывал. И не ошибся[220].)

Новая и не менее дикая война между социалистическими странами длилась 29 дней, в основном в районе границы (китайцы смогли продвинуться вглубь не более чем на 30 километров). 16 марта Дэн вывел войска, оставив после себя разрушенные города и сожженные деревни[221]. По разным данным, погибло до 25 тысяч китайских солдат и 10 тысяч вьетнамцев, как военнослужащих, так и мирных жителей[222]. Урок Вьетнаму, как видно, Дэн преподать не смог: потери Китая оказались в два с половиной раза выше вьетнамских[94]. Красивого эффектного удара не получилось.

Зато война обернулась большой победой Дэна-политика на внутреннем фронте. Укрепив свой личной контроль над армией, Дэн именно во время войны утвердил себя как подлинно

авторитарного лидера партии и страны. Маршал Е был ослаблен, а Хуа Гофэн уже давно не представлял никакой опасности. Сильной фигурой в руководстве оставался только Чэнь Юнь, но с ним Дэн всегда мог договориться: Чэнь хоть и ревновал его, но довольствовался ролью второго лица в партийной иерархии. И полностью поддерживал Дэна в его борьбе за власть с Хуа.

Со своей стороны Дэн с конца 1978 года стал опираться на старину Чэня в том, что касалось экономических проблем. Несмотря на то что при Мао он и сам долгие годы работал в Госсовете, на самом деле великий реформатор не очень разбирался в народном хозяйстве. Дэн умел хорошо распутывать клубки политических интриг, но на методическую проработку экономических вопросов у него не хватало терпения. «Я не специалист по экономическим вопросам, — говорил он, — но тоже по ним высказывался. Высказывался под углом зрения политики. Например, китайская политика расширения экономических связей предложена мною. Однако в том, как конкретно расширять эти связи, кое в каких деталях, конкретных вопросах, которые следует принять во внимание, я разбираюсь немного»[223]. Чэнь же, напротив, любил заниматься экономикой и по праву считался среди ветеранов главным спецом в этой области.

Круглый сирота с четырех лет, этот уроженец уезда Цинпу, что в пригороде Шанхая, не имел, правда, возможности получить систематическое образование. Чэнь начал познавать экономические законы, грубо говоря, на своей шкуре — лет с четырнадцати, с тех пор, как в 1919 году (он родился 13 июня 1905 года), бросив начальную школу, нанялся учеником типографщика в шанхайское «Шаньу иньшугуань» («Коммерческое издательство»). Экономические законы дикого капитализма вынудили его принять участие в рабочем движении, после чего в 1925 году Чэнь Юнь примкнул к компартии. Он вошел в когорту вождей в сентябре 1931-го, будучи избранным во Временное политбюро в обстановке ужасающего «белого террора» и вызванной им нехватки кадров. В январе 1934-го стал членом Постоянного комитета Политбюро и с того времени неизменно находился в первых партийных рядах. Через год в Цзуньи он мудро поддержал Мао и впоследствии никогда не посягал на его верховенство.

Всерьез изучать экономические науки, хотя и исключительно по работам Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Чэнь Юнь начал в Москве, в Международной ленинской школе, находившейся под эгидой Коминтерна и предназначавшейся «специально для обучения среднего и высшего кадрового состава как КПК, так и

других иностранных коммунистических партий»[224]. Здесь под псевдонимом Ши Пин он проучился, правда, всего один год — с 1935-го по 1936-й, но в дальнейшем настойчиво занимался самообразованием, а после провозглашения Китайской Народной Республики постигал экономику социализма на практике.

Едва вернувшись в большую политику после долгой «болезни», Чэнь уже в начале декабря 1978 года на рабочем совещании ЦК сделал ряд предложений по вопросам экономического развития. Он недвусмысленно осудил хуагофэновский курс «нового большого скачка», призвав «двигаться вперед постепенно». С его точки зрения главное внимание надо было уделять развитию сельского хозяйства, легкой промышленности, жилищного строительства и туризма и только затем тяжелой промышленности. «Нельзя лететь вперед сломя голову», — заявил он[225]. (Чэнь Юнь поднимал эти вопросы и раньше, в том числе в письме Ли Сяньняню летом 1978 года во время теоретической конференции по модернизации. Но его тогда никто не слушал[226].)

Стремясь дискредитировать Хуа Гофэна, который больше других трубил о «новом большом скачке», Дэн поддержал Чэня. И с января 1979 года вслед за ним стал говорить об ошибочности экономической политики Политбюро и Госсовета, формально по-прежнему возглавлявшихся Хуа. «Товарищ Чэнь Юнь считает, что… можно снизить показатели и сократить некоторое число строительных объектов. Это очень важно», — заявлял он[227].

В марте 1979 года Чэнь Юнь, ставший к тому времени, как мы помним, уже одним из заместителей Председателя ЦК, при поддержке Дэна и перешедшего на их сторону Ли Сяньняня, развернул настоящее наступление на экономическую политику Хуа. Вначале, 14 марта, вместе с Ли он направил письмо в ЦК, в котором потребовал осуществить «урегулирование» экономики «в течение двух-трех лет». А через неделю, 21 марта, на заседании Политбюро обрушился на «товарищей», которые «вернувшись из зарубежных поездок, разнесли весть… о том, что стоит только вложить несколько сот миллионов, и мы достигнем ускорения». Эти «товарищи, — заявил Чэнь Юнь, явно намекая на Хуа, — … только и смотрят на то, как быстро развиваются зарубежные государства», не «принимая во внимание практические [особенности] собственной страны». А в Китае между тем «во многих местах еще не решена проблема с обеспечением людей питанием» и массы крестьян балансируют на грани голода. (Действительно, в то время в китайской деревне многим жилось не сладко: почти в полутора из пяти с лишним миллионов производственных бригад люди получали по 50 юаней, то есть по

30 американских долларов в год, а то и меньше, а еще в двух с половиной миллионах — от 50 до 100 юаней; в целом голодало более 250 миллионов крестьян[228].) «Если не решить этот вопрос, — предупредил Чэнь Юнь, — то секретари партячеек поведут людей на города добывать еду». Он вновь призвал сбалансировать основные отрасли народного хозяйства, чтобы в области тяжелой промышленности «двигаться вперед постепенно», думая прежде всего о сельском хозяйстве. Только так, с его точки зрения, можно было повысить экономическую эффективность производства, добившись постепенного подъема всего народного хозяйства. По его словам, надо было стремиться к тому, чтобы «уровень жизни большинства людей достиг [к 2000 году] среднего уровня, хотя кто-то и мог бы стать зажиточным в первую очередь»[229]. (Тут он повторил мысль Дэна, высказанную при закрытии рабочего совещания ЦК.)

Накануне заседания Чэнь Юнь стал даже прорабатывать идею сочетания плана и рынка, чтобы решить вопрос об удовлетворении насущных потребностей людей. И впервые поставил вопрос о необходимости развивать как плановую экономику, так и рыночное регулирование «в течение всего периода социализма». Он с огорчением признал: «Доля внеплановой экономики в сельском хозяйстве сейчас [у нас] пока слишком мала»[230]. С такими заявлениями тогда не осмеливался выступать никто.

Двадцать третьего марта Политбюро одобрило курс на «урегулирование» по формуле, выдвинутой Чэнь Юнем: «Главной социально-экономической особенностью нашей страны является то, что 80 процентов населения живет в деревне, людей у нас много, а посевных площадей мало[95]… Для того чтобы соединить марксизм с практикой китайской революции, надо ставить отрасли экономики в следующем порядке: на первое место — сельское хозяйство, затем — легкую промышленность и только потом — тяжелую»[231]. Тогда же под руководством Чэня в рамках Госсовета организовали специальный Финансо-экономический комитет для разработки и проведения в жизнь новой политики. Заместителем председателя комитета стал Ли Сяньнянь[232].

На том же заседании Политбюро выступил Дэн, целиком поддержавший политику «урегулирования». Он, правда, ничего не сказал о развитии рыночной экономики, но зато, развивая мысль Чэнь Юня, подчеркнул, что Китаю нужна «модернизация китайского типа». «К концу столетия мы сможем более-менее достичь такого уровня развитых стран, который у них был в 1970-е годы. Средние доходы населения не смогут сильно подняться», — подтвердил он[233]. С тех пор он будет говорить об

этом довольно часто, объясняя сторонникам ускоренной модернизации: «Только шаг назад позволит нам сделать два шага вперед»[234].

Поразительно, как быстро Дэн поменял точку зрения: ведь начиная с 1975 года он неизменно ратовал за то, чтобы Китай догнал передовые страны к концу XX века! Но искусный политик только так и мог поступить. Пусть Дэн в прошлом был не прав, зато ныне авторитет Хуа затрещал по всем швам.

Наконец-то Дэн мог завершить реорганизацию партийного руководства. Только от него отныне зависело, сколько еще Хуа будет находиться во властных структурах. Мог он разрешить и вопрос со «Стеной демократии» в центре Пекина. Никакого либерализма ему теперь не было нужно. Критику власти он более допускать не собирался, так как сам стал властью.

Тридцатого марта 1979 года, через две недели после войны и через неделю после заседания Политбюро, посвященного экономике, Дэн выступил с важной речью на специальной партийной конференции по вопросам теории, проходившей в Пекине под эгидой отдела пропаганды ЦК и Академии общественных наук КНР.

Сам этот форум, созванный еще 18 января 1979 года в ответ на предложение маршала Е обсудить проблемы, поднятые в статье «Практика — единственный критерий истины» (маршал выступил по этому поводу осенью 1978 года[235]), проходил в два этапа. На первом (с 18 января по 15 февраля) тон задавали внутрипартийные либералы, группировавшиеся вокруг Ху Яобана. Тот в самом начале призвал всех участников (160 человек из всех провинций и автономных районов) «обобщить опыт идейно-теоретической работы партии за тридцать лет КНР» и, «следуя курсу 3-го пленума и рабочего совещания ЦК, раскрепостить сознание, заставить свой ум работать, свободно высказывать мысли, полностью восстановить и развить внутрипартийную демократию, партийный метод „искать истину в фактах“ и линию масс, прекрасные традиции критики и самокритики для того, чтобы отделить правду от лжи и укрепить единство всех идеологов и пропагандистов»[236]. Ничего диссидентского, как видим, в его словах не было. Дэн сам в то время твердил о демократии.

Многие откликнулись и стали один за другим поднимать острые вопросы: о подлинной демократии, о правомерности перехода к социализму в отсталом Китае, о личной ответственности Мао за «большой скачок» и «культурную революцию», о ликвидации культа личности и т. п. Некоторые даже объявляли Мао преступником пострашнее Цзян Цин,

предлагая говорить не о «группе четырех», а о «группе пяти». Под натиском либералов один из известных консерваторов У Лэнси, до «культурной революции», как помним, директор Синьхуа и главный редактор «Жэньминь жибао», вынужден был даже дважды выступить с самокритикой, поскольку в свое время осудил статью «Практика — единственный критерий истины»[237]. Другие же консерваторы затаились. И когда 8 февраля Дэн вернулся из Штатов и Японии, Ху Цяому пожаловался ему на «самоуправство» либералов. Ху Цяому был в общем-то умеренным консерватором и сам активно выступал против «двух абсолютов», но излишняя либерализация претила ему. Внимательно выслушав его, Дэн вдруг выразил неодобрение действиям Ху Яобана. Он даже сравнил демократическое движение, разворачивавшееся внутри и вне партии, с «правооппортунистической угрозой» 1957 года, причем назвал его «более опасным»[238]. Он попросил Ху Цяому подготовить ему текст речи, чтобы выступить на конференции.

После этого Дэн занялся войной с Вьетнамом и только в конце ее вернулся к вопросу о либерализме. 16 марта, когда китайские войска уже ушли с территории Вьетнама, он, докладывая об итогах войны на специальном совещании в ЦК, неожиданно разразился тирадой в адрес тех, кто поверил в свободу слова. «Мы развиваем демократию, — заявил он. — …Но у нас… возникли новые проблемы… В своих статьях мы обязаны защищать великое знамя Председателя Мао, никоим образом нельзя так или иначе чернить его… Сейчас главное — стабильность… А вопрос о том, как оценивать „культурную революцию“, можно временно отложить»[239].

Ознакомившись со стенограммами конференции, Дэн утвердился в мысли, что пора закручивать гайки. 27 марта, пригласив к себе Ху Яобана и Ху Цяому, он объявил голосом, не допускающим возражений: «Сейчас надо сказать, что необходимо твердо придерживаться четырех кардинальных принципов: отстаивать социалистический путь, диктатуру пролетариата, руководство со стороны партии, а также марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна»[240].

Именно об этом Дэн и заявил в речи 30 марта, через два дня после начала второго этапа конференции (28 марта — 3 апреля)[241]. Большинство ветеранов, в том числе Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, горячо поддержали его. Только маршалу Е речь не понравилась[242]. Но он уже сходил с политической арены.

Что же касается либералов, то они, конечно, были разочарованы, тем более что Дэн подверг их уничтожающей критике: «Крайне незначительное число людей в обществе сеет сейчас сомнения насчет четырех кардинальных принципов или

выступает против них, а некоторые члены партии не только не признают опасность этого идейного течения, но и в какой-то мере оказывают ему прямую или косвенную поддержку… Они… уже сильно навредили нашему делу. Поэтому мы должны… приложить огромные усилия для решительной борьбы с [этим] идейным течением». Он также объяснил, какая демократия нужна китайскому обществу: «Только социалистическая демократия, иначе демократия народная. Ему не нужна индивидуалистическая буржуазная демократия. Народная же демократия неотделима от диктатуры над врагами и от централизма, основанного на демократии»[243].

Короткий период китайской гласности подходил к концу. Неотделимая от диктатуры «народная демократия» не подразумевала ее.

В конце конференции Ху Яобан вынужден был согласиться с Дэном. «Важная речь товарища Сяопина от имени Центрального комитета способствовала довольно успешному завершению работы всей конференции», — сказал он. Но при этом позволил себе заметить: «Сейчас кое-кто скажет, что мы вновь нанесли удар по правым. Если так скажут обычные люди, это еще можно понять, но если кадровые работники — их слова будут звучать наивно. За последние два с половиной года мы извлекли столько уроков из истории и реабилитировали так много людей, ошибочно зачисленных в правые, что как же мы вновь, не разобравшись, начнем борьбу с правыми? На повестке дня сейчас не стоит вопроса о „лечении болезни“ и борьбы с правыми»[244]. Иными словами, Ху Яобан попытался смягчить впечатление, произведенное на партию и страну выступлением Дэна. Но это ему не удалось.

Политическая обстановка начала меняться уже после доклада Дэна 16 марта об итогах вьетнамской войны, в котором тот впервые призвал свернуть демократию. 29 марта, за день до выступления Дэна на конференции, пекинские власти издали распоряжение, запрещавшее «распространение плакататов, *дацзыбао,* книг, журналов, фотографий и других материалов, содержащих нападки на социализм, диктатуру пролетариата, руководство компартии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна», то есть на четыре кардинальных принципа[245]. Ни городским властям, ни Дэну не нравилось также то, что с началом вьетнамской войны на «Стене демократии» появлялись антивоенные листовки, выражавшие сочувствие вьетнамцам и осуждавшие «реакционную клику» руководителей Компартии Китая[246]. Через несколько часов после оглашения распоряжения полицейские арестовали знакомого нам Вэй Цзиншэна. Поводом

послужило его последнее *дацзыбао,* озаглавленное «Хотим ли мы демократии или новой диктатуры?». Оно было направлено против Дэн Сяопина. В нем электрик-либерал, ставший за последние четыре месяца одним из лидеров демократического движения, гневно раскритиковал дэновский доклад об итогах вьетнамской войны. Вэй назвал Дэна «диктатором-фашистом», сравнив его с Мао Цзэдуном и «группой четырех»[247]. По некоторым данным, Дэн лично отдал приказ об аресте обидчика[248].

В октябре 1979 года Вэя приговорили к пятнадцати годам заключения. Ни членам его семьи, ни адвокату не позволили присутствовать в зале суда[249]. В защиту Вэя выступили многие борцы за права человека, в том числе Андрей Сахаров, лауреат Нобелевской премии мира. Советский диссидент послал тогда телеграмму Хуа Гофэну: «Я прошу Вас использовать свое влияние для того, чтобы пересмотреть приговор Вэй Цзиншэну»[250]. Это было, конечно, благородно, но, как мы теперь понимаем, наивно во всех отношениях: даже если бы Хуа и хотел вызволить Вэя, он не в силах был противостоять Дэну[96].

Всего взяли под стражу не менее ста человек[251]. Дэн прямо обвинил диссидентов в подготовке террористических актов, связях с иностранными политическими силами и гоминьдановской разведкой[252]. «Стену демократии» очистили от *дацзыбао,* запретив вывешивать на ней вообще что-либо. Для выражения мнений, если они у кого-то остались, отвели место вдали от центра, в одном из парков на северо-западе Пекина, однако оно не стало популярным и скоро тоже оказалось закрыто.

Как видим, очередная провокация коммунистов, за которой на этот раз стоял Дэн, прошла в лучших традициях Председателя Мао. Китайских интеллигентов опять беззастенчиво и цинично использовали в целях большой политики. В обстановке демократического подъема Хуа Гофэн и Ван Дунсин оказались повержены, Дэна приняли в США как провозвестника свободы, Картер и японский премьер Охира по существу поддержали его агрессию во Вьетнаме, и теперь глас народа можно было и заглушить.

Дэн достиг всего, чего хотел. А то, что не обошлось без жертв, так не в первый же раз! Цель для него, как мы могли убедиться, всегда оправдывала средства: и в годы революции, и во время аграрной реформы, и в ходе борьбы за социализм, и в период «культурной революции». А люди имели значение только как инструменты ее достижения. Он жертвовал даже родными, если этого, с его точки зрения, требовали интересы дела. С самого начала, едва присоединившись к коммунистическому движению, он всего себя отдал политической борьбе. Оставил отца и мать и

никогда не возвращался в родные места, живя только интересами организации. И лишь на работе чувствовал себя как рыба в воде, ловко острил, непринужденно общался, легко заводил дружбу. В общем, производил впечатление «своего парня». Дома же, изможденный, часами молчал. Это был человек жесткий и сильный, блестящий политик и организатор, но такие понятия, как гуманизм и нравственность, были не из его лексикона. Не случайно даже симпатизирующий ему биограф Эзра Ф. Вогель вынужден констатировать: «Дэн относился к людям утилитарно… он был товарищем для тех, кто следовал его курсу, но не другом, чья преданность выходила [бы] за пределы потребностей организации»[253].

Укрепив свою власть, Дэн мог праздновать победу. И он это сделал в лучших традициях «великого кормчего», любившего, как мы помним, удивлять своих подданных. Переплывать реки он, правда, не стал, но в середине июля 1979 года, несмотря на свои почти 75 лет, взобрался на знаменитую гору Хуаншань в провинции Аньхой, с древности считавшуюся «самой красивой в Поднебесной». На высочайший пик горы (1864 метра) он, конечно, не взошел, но более чем на полторы тысячи метров над уровнем моря действительно поднялся. По трудным, выбитым в скалах тропам и навесным деревянным мосткам, тянущимся вдоль горы, от одного вида которых захватывало дух. Сопровождавшие его лица просили Дэна быть осторожнее, но он только отмахивался: «Вы меня еще учить будете! У меня опыта побольше вашего. Во время Великого похода немало людей торопились и падали, а я чем дальше шел, тем сильнее становился».

Он провел на горе три дня, обойдя и осмотрев всё, что можно, и наслаждаясь живописными видами. А спустившись, сказал первому секретарю Аньхойского парткома Вань Ли: «Урок Хуаншани говорит о том, что я полностью соответствую стандартам»[254].

Его восхождение, разумеется, имело огромный смысл. Он действительно взошел на Вершину и все еще был полон сил и здоровья. Именно об этом он и хотел сообщить миру.

Но впереди его ждало еще много дел. Надо было продолжить реформы, убрать Хуа Гофэна и его сторонников из всех властных структур, а также дать итоговую оценку истории партии хотя бы за годы существования КНР, без чего его славное восхождение не получало исторического обоснования. Как и Мао когда-то, в 1945 году, Дэн должен был расквитаться с прошлым, чтобы обеспечить себе место в будущем.

Часть шестая

СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

«ПУСТЬ СНАЧАЛА ЗАЖИТОЧНОЙ СТАНЕТ ЧАСТЬ СЕМЕЙ»

Взойдя на Вершину, Дэн, как и любой авторитарный лидер, начал сразу же расширять и укреплять свою бюрократическую элиту. Иными словами, стал везде расставлять надежных людей. «После того как определена политическая линия, решающим фактором становятся кадры» — эту мысль Мао, заимствованную у Сталина[1], он помнил всегда.

Прибыв через несколько дней после прогулки по Хуаншани в Циндао, на базу Военно-морского флота, он 29 июля выступил на приеме участников расширенного бюро парткома флота. Свою речь он целиком посвятил вопросу о правильном подборе и расстановке кадров. «Если говорить о стране в целом и констатировать главное, то вопрос о нашей идеологической линии уже более или менее решен благодаря дискуссии относительно практики как единственном критерии истины и „двух абсолютах“, — сказал он. — …Идеологическая и политическая линии… уже утвердились. Какой вопрос ждет теперь разрешения? Вопрос об организационной линии». Он призвал всех ветеранов, разделяющих идеи модернизации, «сознательно подобрать себе смену из молодежи» прямо сейчас, «при нашей жизни, ибо в дальнейшем, без нас, сделать это будет очень трудно». «Если мы не разрешим этот вопрос, то нам [ветеранам] не с чем будет явиться к Марксу», — добавил он. При этом впервые после договоренности с маршалом Е Цзяньином о разделении функций с Хуа Гофэном вновь подверг серьезной критике «абсолютистов», которых даже сравнил с Линь Бяо и «группой четырех»[2]. Стало понятно, что Дэн возобновляет открытую борьбу с уже поверженным противником, чтобы окончательно с ним расквитаться.

Сам Дэн собирался теперь уйти на покой в 1985 году и своим преемником уже выбрал Ху Яобана, несмотря то что тот, с его точки зрения, был излишне либерален. Тем не менее он поручил ему ежедневный контроль за партийно-политическими делами и уже редко посещал Чжуннаньхай, предпочитая работать дома.

Сферу же экономики, где господствовал почтенный Чэнь, он, понятно, с одобрения последнего, запланировал разделить между двумя другими «молодыми людьми»: 63-летним Вань Ли, тем самым секретарем Аньхойского парткома, который организовал его подъем на Хуаншань, и шестидесятилетним секретарем сычуаньского провинциального комитета партии Чжао Цзыяном.

Оба зарекомендовали себя как активнейшие сторонники модернизации еще в 1975 году. А в 1977-м начали экспериментировать в своих провинциях.

Сначала отличился Вань Ли. Этот высокий и статный уроженец Шаньдуна по характеру был резким и вспыльчивым. Уже в ноябре 1977 года, пораженный неимоверной бедностью аньхойских крестьян, он открыто выступил с предложением вернуться к семейному подряду, практиковавшемуся в начале 1960-х годов, — по крайней мере, в наиболее бедствующих местах[3]. Напомним, что при таком подряде крестьяне арендовали землю у производственных бригад, после чего либо сдавали весь урожай государству, за трудодни, либо — бóльшую его часть, оставляя себе излишки (разумеется, без права продажи их на рынке). При этом сами они не могли решать, что выращивать, получая указания от руководства бригад, снабжавшего их инструментом, удобрением и семенами. Коллективная собственность на землю, как видно, от этого ничуть не страдала, но материальная заинтересованность крестьян возрастала.

Идея Вань Ли, однако, почти никого тогда не увлекла: холодный душ, которым Мао окатил сторонников семейного подряда в июле 1962 года, многие коммунисты хорошо запомнили, и хотя в Компартии Китая шла кампания за раскрепощение сознания, люди не хотели прослыть откровенными «каппутистами». Даже на знаменитом рабочем совещании ЦК в ноябре — декабре 1978 года семейный подряд дружно подвергли осуждению. Вань Ли вспоминает: «В ноябре 1978 года на рабочем совещании ЦК во время обсуждения проекта документа [„По некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства“] я выразил несогласие. В проекте говорилось… о „двух нельзя“ [„нельзя делить землю для единоличного хозяйствования и нельзя закреплять производственные задания за дворами“]… Я не согласился… [но] руководители, занимавшиеся разработкой этого документа, не приняли мою точку зрения»[4].

Рабочее совещание внесло на утверждение 3-го пленума весьма умеренный документ, и пленум одобрил его в качестве проекта наряду с «Опытным вариантом положений о работе сельских народных коммун». В обоих документах говорилось только об усилении хозрасчета на уровне производственной бригады и допущении в лучшем случае звеньевого подряда. В январе 1979 года документы разослалина места «для обсуждения и проведения в опытном порядке»[5].

Но тут в самом конце декабря 1978 года в деревне Сяоган аньхойского уезда Фэнъян произошел настоящий бунт крестьян.

Бунт, конечно, сильно сказано, но вот что случилось. Как-то вечером жители 18 дворов (21 человек), собравшись в покосившемся сарае, приняли решение разделить между собой землю производственной бригады на условиях полного индивидуального подряда. Этот подряд подразумевал не работу за трудодни, а настоящую аренду земли, находившейся в собственности бригады: излишки продукции крестьяне постановили оставлять только себе, не исключив их возможную продажу на рынке. При этом решили, что сами будут определять, что им выгоднее выращивать сверх плана. Составили небольшой документ, и каждый не только поставил подпись, но и скрепил ее кровью, приложив к бумаге порезанный ножом палец.

Они просто больше не могли терпеть: за все годы народной власти жители этой бедной деревни так и не выбились из нищеты. В годы Великого голода 1959–1961 годов из 120 проживавших тогда в Сяогане человек скончались 67, а те, кто выжил, продолжали балансировать на грани голодной смерти. Так, впрочем, жили все в уезде Фэнъян, считавшемся беднейшим во всем Восточном Китае чуть ли не со времени императора Чжу Юаньчжана, основателя Минской династии, который, кстати, именно здесь и родился. Характерно, что мать будущего императора тоже умерла от голода — во время страшного наводнения в начале XIV века. Как видно, с тех давних пор мало что изменилось в жизни окрестных жителей. Люди спасались в основном попрошайничеством в близлежащих городах[6]. Вот и пошли на крайние меры.

Они, правда, опасались расплаты, а потому поклялись держать всё в тайне. Но весной их «ревизионистский» поступок вскрылся, и бригадир сяоганцев был вызван «на ковер». К его удивлению, секретарь уездного комитета партии не стал метать гром и молнии. Очевидно, «видел поляну» (на языке партийных бюрократов это означало чувствовать настроение начальства). Он ведь не мог не знать, что его непосредственный босс, Вань Ли, усиленно пробивал семейный подряд: Вань поставил об этом в известность всех уездных секретарей еще в конце 1977 года. В общем, секретарь разрешил бригадиру заниматься подрядом в течение трех лет[7]. А Вань Ли, узнавший о почине сяоганцев, посетил их деревню в июне 1979-го и, порадовавшись перспективам на хороший урожай, поддержал крестьян[8].

Одобрил он и действия членов одной из бригад аньхойского уезда Фэйси. Там производственные задания стали закреплять за дворами даже на два месяца раньше, чем в Сяогане, в октябре 1978 года. Но пошли по проторенному пути, апробированному в начале 1960-х, тому, за который, собственно, и ратовал сам Вань

Ли, уступавший сяоганцам в отваге. Крестьяне просто разделили между собой землю бригады, решив обрабатывать ее индивидуально, а весь урожай сдавать государству за трудодни[9].

После этого Вань навестил Чэнь Юня и рассказал ему об экспериментах. Тот, понятно, высказался «за», причем «двумя руками», но только в частном порядке. Не решился открыто одобрить семейный подряд и Дэн, хотя тоже дал понять Ваню, чтобы действовал на свой страх и риск[10]. Кстати, Дэн, давно знавший Вань Ли по совместной работе в Юго-Западном регионе (Вань до 1953 года был заведующим отделом промышленности Юго-Западного Военно-административного комитета), с пониманием следил за его борьбой в вопросе о семейном подряде с начала 1978 года. Именно тогда он обсудил меры, принимавшиеся Вань Ли, с сычуаньским секретарем Чжао Цзыяном, которому по секрету сказал: «Надо немного расширять пути [развития] сельского хозяйства, раскрепощая сознание. Если вопрос не решается по-старому, его надо решать по-новому… Если [нынешняя] система собственности не работает, чего бояться! И в промышленности, и в сельском хозяйстве — везде надо делать именно так»[11].

Между тем воодушевленный разговорами с Чэнь Юнем и Дэном, Вань Ли стал уговаривать чиновников Госсовета внести изменения в проекты документов по сельскому хозяйству, принятые 3-м пленумом. Он хотел, чтобы они по крайней мере удалили «два нельзя» из проекта постановления ЦК «По некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства». Этот документ планировалось официально утвердить на 4-м пленуме. Но не тут-то было: столичные бюрократы встали в оппозицию. Горячий Вань вскипел. «Ты свинья! — рявкнул он на заместителя министра сельского хозяйства. — Сам жрешь от пуза, а крестьяне — тощие, потому что им нечего есть. Как смеешь ты запрещать людям искать способы пропитания?»[12]

В сентябре 1979 года, накануне 4-го пленума, Вань Ли поговорил с Ху Яобаном. Тот обещал помочь, но многого сделать не смог, а может быть, не захотел: как и Дэн, и Чэнь, он был пока осторожен в этих вопросах. В документе, одобренном пленумом, появилась лишь компромиссная формулировка (ее предложил Чжао Цзыян): вместо второго категоричного «нельзя» написали мягкое «не следует»[13]. Фраза стала звучать так: «Нельзя делить землю для единоличного хозяйствования. Также не следует закреплять производственные задания за дворами, за исключением некоторых хуторов, занимающихся производством особо важной продукции подсобных промыслов или находящихся в отдаленных горных районах с плохими путями сообщения»[14].

К тому времени, в начале 1979 года, Госсовет по решению Политбюро почти на 25 процентов повысил закупочные цены на плановую сельхозпродукцию и на 50 процентов — на сверхплановую[15]. Были также снижены налоги и увеличены субсидии и кредиты. Это, конечно, тоже стимулировало развитие сельского хозяйства: в целом по стране объем производства зерновых в 1979 году по сравнению с 1978-м вырос на 27 с лишним миллионов тонн[16]. То есть на 8 процентов. Но именно семейный подряд привел к тому, что в некогда беднейшем Сяогане за тот же период производство зерна возросло в шесть раз, а средний годовой доход крестьян — почти в двадцать: с 22 юаней до 400! Впервые со времени коллективизации сяоганцы смогли сдать государству 15 тысяч тонн зерна.[17]

Преимущества семейного подряда стали очевидны многим. И подряд, хотя и в разных формах, стал постепенно распространяться силами крестьян и местных кадровых работников. И везде демонстрировал хорошие результаты. Но Дэн и его единомышленники в Пекине еще какое-то время осторожничали, не желая давать Хуа Гофэну и его сторонникам оружие в борьбе против них. Таким образом, в течение всего 1979 года и даже в начале 1980-го коренная реформа деревни шла снизу. В 1992 году Дэн вспоминал: «Право на изобретение семейного подряда в деревне принадлежит крестьянам. Много чего в процессе реформы на селе создано низами»[18].

Весной 1979 года помимо Вань Ли реформу в деревне активно поддержал и Чжао Цзыян. С 1977 года он экспериментировал на уровне звеньевого подряда, разрешая, кроме того, «коммунарам» развивать приусадебные хозяйства и приторговывать на рынках, но потом тоже дал «добро» на раздел коллективной земли и закрепление заданий за дворами. В результате и Чжао к 1980 году достиг значительных успехов в производстве зерна[19]. После этого в Китае сложили стишок:

Яо чи ми, чжао Вань Ли,
Яо чи лян, чжао Цзыян.
(Хочешь есть рис, ищи Вань Ли,
Хочешь есть зерно, ищи Цзыяна.)

Чжао, энергичный, деловой и умелый организатор, как и Вань Ли, не боялся брать на себя ответственность. Дэн тоже знал его давно, с весны 1945-го, с тех пор, как Чжао, бывший тогда секретарем одного из местных парткомов в пограничном районе Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, осуществлял под его руководством «новодемократическую» аграрную реформу.

К тому времени этот высокий молодой человек, внешне чем-то напоминавший Чжоу Эньлая, выходец из зажиточной крестьянской семьи провинции Хэнань, прошел непростой путь. Чжао Цзыян вступил в комсомол в 1932 году в тринадцатилетнем возрасте, а в 1937-м, когда японцы напали на Китай, бросил учебу в средней школе высшей ступени и в следующем году, вступив в компартию, по партийной рекомендации отправился на учебу в партшколу Северо-Китайского бюро ЦК, находившуюся в горах Тайхан, то есть на территории, контролировавшейся Лю Бочэном и Дэном. Проучившись в ней год, он стал заниматься партийной работой, приняв активное участие в антияпонской войне. Дэну он сразу понравился, и их знакомство получило развитие. Чжао продолжал служить под командой Дэна вплоть до провозглашения Китайской Народной Республики. Но потом Мао перевел его в Гуандун, под начало Е Цзяньина, возглавлявшего тогда всю работу компартии на юге страны. И на будущего маршала он тоже произвел хорошее впечатление. Здесь, в Гуандуне, Чжао смог сделать стремительную карьеру, несмотря на то что после «большого скачка», как и Лю Шаоци, и Чэнь Юнь, и Дэн, временно поддержал семейный подряд, получивший в Гуандуне название «система производственной ответственности». В 1965 году Мао сделал его первым секретарем Гуандунского парткома. В этой должности Чжао, однако, находился недолго: в сентябре 1966 года хунвэйбины начали его критиковать, а в январе 1967-го похитили, посадив под арест на территории кантонского Университета им. Сунь Ятсена. И Чжао оставался арестантом, сначала в университете, а потом в штаб-квартире местного военного округа вплоть до апреля 1971 года, пройдя, как и Дэн, и Ху Яобан, и остальные жертвы «культурной революции», через унижения и издевательства. Но в 1971 году Мао перевел его на партийную работу во Внутреннюю Монголию, а через год вернул в Гуандун, назначив секретарем революционного комитета. В 1973 году Чжао стал членом ЦК, а в 1974-м вновь занял пост первого секретаря Гуандунского парткома. Но в конце 1975 года Чжоу и Дэн с благословения Мао направили его в Сычуань, самую густонаселенную провинцию, требующую особенно пристального внимания. И здесь Чжао добился успехов во многих областях, не только в сельском хозяйстве. Он вообще производил впечатление умелого организатора. Так, смог существенно сократить в провинции рост населения за счет планирования рождаемости: до 0,67 процента в год, сделав его наименьшим в стране. Это в какой-то мере способствовало ослаблению продовольственной проблемы. На 1-м пленуме ЦК, после XI съезда, в августе 1977 года Чжао избрали

кандидатом в члены Политбюро.

В январе 1979 года Чжао вслед за Чэнь Юнем и Дэном стал настойчиво говорить о необходимости «урегулирования», отмечая «серьезные диспропорции» в экономике. Он настаивал на ускорении реформ в промышленности, требуя дать предприятиям бóльшую автономию вплоть до разрешения им присваивать часть прибыли, и, почти как почтенный Чэнь, рассуждал о полезности сочетания плана и рынка (правда, не утверждал, что рынок будет существовать на протяжении всего периода социализма). Не менее горячо, чем Дэн, он ратовал и за проведение политики «открытых дверей», то есть за максимально активное включение Китая в мировую хозяйственную систему[20].

Дэн прочил его в премьеры. Что же касается Вань Ли, то он хотел назначить его заместителем Чжао, непосредственно отвечающим за реформу сельского хозяйства, главной отрасли экономики, в которой, как мы знаем, было занято 80 процентов рабочей силы. 28 сентября 1979 года на 4-м пленуме ЦК одиннадцатого созыва он сделал Чжао полноправным членом Политбюро[97], а через семь месяцев, в апреле 1980-го, Чжао Цзыян и Вань Ли были кооптированы в Госсовет, став заместителями Хуа Гофэна. Но очень скоро волевой Чжао взял фактически на себя функции премьера. Деморализованный Хуа подчинился.

Как и Ху Яобан, Чжао и Вань, как мы видели, были людьми либеральных взглядов, но до определенных пределов. Против четырех кардинальных принципов они не выступали. Да и сам Ху оставался конечно же коммунистом, и его идеалом был в лучшем случае «социализм с человеческим лицом». В то же время в команду Дэна входили и консерваторы, такие, например, как знакомый нам Ху Цяому и еще один спичрайтер Дэна, вице-президент Академии общественных наук КНР Дэн Лицюнь. Не возражая против реформ, эти люди всячески стремились охранить чистоту марксизма-ленинизма. Они тоже считались молодыми: Ху Цяому родился в 1912 году, а Дэн Лицюнь — в 1915-м.

Дэн, создававший свою команду, балансировал между фракциями не хуже Мао. Но при этом не отказывался от стратегического курса реформ и открытости внешнему миру, хотя и поддерживал Чэнь Юня в вопросе о темпах роста. «Мы громогласно провозгласили, что осуществим четыре модернизации к концу нынешнего века. Затем поумерили пыл и стали говорить о модернизации китайского типа, то есть несколько снизили планку», — заявлял он, продолжая в то же время развивать идею о привлечении иностранных капиталов и расширении обмена с заграницей[21]. Активно выступал Дэн и за

эффективное сочетание плана и рынка на протяжении всего периода социализма. «Неправильно утверждать, что… есть только капиталистическая рыночная экономика, — поучал он, например, зарубежных гостей из Великобритании и Канады. — Почему ее нельзя развивать при социализме? Рыночная экономика не является синонимом капитализма. Основу у нас составляет плановая экономика, которая существует в сочетании с рыночной, однако это — социалистическая рыночная экономика»[22]. Его гости были, понятно, удивлены, но возражать не стали.

Развитие рыночной экономики в 1979 году затронуло не только деревню, но и город. К началу 1980-х во всех больших и малых городах Китая оживились мелкие предприниматели. К тому времени в результате завершения «культурной революции» из деревни в город буквально хлынули массы некогда высланной в «народные коммуны» молодежи: в 1978–1979 годах население городов за их счет возросло на шесть с половиной миллионов человек, а в начале 1980-х — еще на двадцать. Что было делать с этой рабочей силой, если госпредприятия не могли всех трудоустроить? Пришлось разрешить городской мелкий бизнес — некие «индивидуальные дворовые предприятия», работающие на рынок. А чтобы ни у кого в партии такой зигзаг не вызвал протеста, сторонники Дэна выкопали из четвертого тома «Капитала» рассказ Маркса о капиталисте, эксплуатировавшем восьмерых рабочих. «Если Маркс говорит именно о восьмерых, значит, найм семерых не может считаться капиталистическим, — логично заключили они. — А если еще и сам хозяин будет работать, то тем более — какой же это капитализм?» Дэну такая «научная» аргументация понравилась, и по его инициативе руководство ЦК и Госсовета разрешило «индивидуальные дворовые предприятия» с числом рабочих не более семи. И сразу же в стране начался бум в сфере бытового обслуживания населения: мелкие частные ресторанчики, обувные и пошивочные мастерские, парикмахерские и тому подобные предприятия стали расти как грибы. Проблема занятости на какое-то время была частично решена[23].

Новый подход к проблемам реформ Дэн вскоре облек в понятную любому китайцу форму, начав говорить о том, что к концу XX века Китай не сможет стать *фули гоцзя* («государством [всеобщего] благоденствия»), а достигнет только уровня *сяокан* («средней зажиточности» или «малого благоденствия»). Именно в этом он видел «особый тип китайской модернизации». «Наше представление о четырех модернизациях не совпадает с вашим, — объяснил он премьер-министру Японии Охире, — оно представляет собой понятие „сяокан чжи цзя“ (то есть семьи

малого благоденствия. — *А. П.*)». Ведь даже если КНР и совершит рывок, пояснил он, валовый национальный доход на душу населения в конце XX века «[у нас] все равно будет низким», и по сравнению с Западом «[мы] останемся по-прежнему отсталыми»[24].

Российский синолог Л. С. Переломов объясняет: «Корнями эта идея… уходит в учение Конфуция», который считал, что «управлять надо на основании правил и долга», то есть делать только то, что предписано Небом, и не мечтать о несбыточном. Мэнцзы «насытил экономическим содержанием [эту] идею», заявив, что крестьянину не нужно мешать работать, надо оставить его в покое и предоставить всем равное право на образование. «В течение веков это „сяокан“ запечатлелось у крестьянина на подсознании и на сознательном уровне… в двух понятиях. Первое. Внутри государства должны быть порядок и экономическое развитие. Второе. Внутри семьи ее члены не должны страдать от холода и голода». Таким образом, Дэн, объявив модернизацию китайского типа *сяоканом,* сделал «мудрый шаг»: он нашел для китайского отсталого социализма место в системе «традиционных национальных ценностей», что позволило привлечь к участию в индустриализации страны многих соотечественников за рубежом *(хуацяо)*[25].

Именно этим людям, а также бывшим торговцам и промышленникам, «раскулаченным» в КНР в 1950-е годы, Дэн еще в начале 1979-го предложил разрешить создавать предприятия в Китае в первую очередь. Чуть позже он объяснил, что привлечение капиталов от *хуацяо* создаст меньше угроз социализму, поскольку «подавляющее большинство наших соотечественников за рубежом руководствуется заботой о благе социалистической Родины и желанием содействовать ее развитию, а это неотождествимо с иностранными инвестициями в буквальном смысле этого слова». Выступал он, правда, и за создание смешанных фирм с настоящими иностранцами, подчеркивая: «Использование зарубежного капитала представляет собой очень важную политику, которую, по-моему, следует продолжать»[26].

Пятнадцатого июля 1979 года ЦК и Госсовет даже приняли решение организовать в городах Шэньчжэне (на границе с Гонконгом), Чжухае (рядом с Макао) и Шаньтоу провинции Гуандун, а также в городе Сямэне провинции Фуцзянь «в опытном порядке» особые районы для привлечения инвестиций китайцев, проживающих за границей, а также других иностранцев, желавших строить новые промышленные предприятия в Китае или совместно вести хозяйство на уже имевшихся объектах[27].

Иностранные или смешанные предприятия должны были выпускать продукцию на экспорт, работая исключительно по законам рынка. Особые районы вообще создавались как рыночные анклавы в по-прежнему социалистической китайской экономике. От остальной части страны их отделяла не менее прочная граница, чем КНР — от других стран[28].

Дэн выступил горячим сторонником этих новых районов: именно он, кстати, и предложил их название: как напоминание об Особом районе Шэньси — Ганьсу — Нинся, руководимом коммунистами в годы антияпонской войны. Аналогия, конечно, страдала: вряд ли можно было найти какие-либо другие территории, столь сильно разнившиеся между собой по сути. Особые районы были официально открыты 26 августа 1979 года, а в мае 1980-го по предложению Чэнь Юня переименованы в ОЭР — особые *экономические* районы. Чэнь боялся, чтобы кто-нибудь не подумал, будто китайские коммунисты собираются вводить в некоторых местах страны особые *политические* порядки. Дэн против переименования не возражал: как мы знаем, он тоже не был сторонником политических изменений в КНР.

Первым предприятием, созданным на территории ОЭР (в Шэньчжэне), стало отделение гонконгской компании по утилизации использованных судов. Но это было только начало. Во главе вновь созданного министерства ОЭР Дэн поставил известного сторонника реформ Гу Му; полную поддержку он получил и от партийных руководителей Гуандуна и Фуцзяни. И дело закипело. Все четыре ОЭР стали бурно развиваться. Причем не только за счет средств *хуацяо,* хотя их инвестиции и составляли большую часть капиталовложений, но и благодаря деловой активности японцев и «заморских волосатых дьяволов» (то есть людей европейской внешности). А то, что последние стали эксплуатировать жителей этих зон, Дэна, похоже, ничуть не смущало. Наоборот, он открыто и в общем-то цинично заявлял, что именно в «относительной дешевизне нашей рабочей силы заключается преимущество [Китая]»[29].

В этом последнем вопросе он, кстати, был намного радикальнее Чэнь Юня, демонстрировавшего крайнюю осторожность[30]. Но Дэн открыто не полемизировал со стариной Чэнем, по-прежнему весьма влиятельным, к тому же действительно неплохо разбиравшимся в экономике. Чэнь был ему по-прежнему нужен в борьбе с Хуа Гофэном.

Следующим шагом по выдавливанию Хуа из власти стало устранение из Политбюро и снятие со всех должностей внутри и вне партии в феврале 1980 года, на 5-м пленуме ЦК, четырех главных соратников незадачливого преемника «великого

кормчего»: знакомых нам Ван Дунсина и У Дэ, а также командующего Пекинским военным округом генерала Чэнь Силяня и заместителя премьера Цзи Дэнкуя. Принципиальное решение по этому вопросу Дэн принял в октябре 1979 года на частном совещании с Ху Яобаном, Яо Илинем и Дэн Лицюнем[31].

На том же пленуме Ху Яобан и Чжао Цзыян стали членами Постоянного комитета. Кроме того, был восстановлен Секретариат ЦК компартии в составе одиннадцати человек (секретарем по сельскому хозяйству стал Вань Ли) и вновь учреждена должность Генерального секретаря, та самая, которую до августа 1966 года занимал Дэн Сяопин. Новым генсеком стал Ху Яобан. Пленум принял также историческое решение реабилитировать Лю Шаоци[32].

Вопрос о Лю был, понятно, напрямую связан как с оценкой «культурной революции», так и самого Мао Цзэдуна. К тому времени, по неполным данным, свидетельства о реабилитации получили уже 2 миллиона 900 тысяч жертв политических репрессий (имеются в виду только те, на кого в свое время было заведено уголовное дело)[33]. Но Лю оставался пока «персоной нон грата». Даже в важной речи, посвященной тридцатилетию КНР, с которой от имени ЦК, Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и Госсовета 29 сентября 1979 года выступил маршал Е Цзяньин, о Лю Шаоци ничего хорошего не говорилось. Правда, не было сказано и плохого, что тоже весьма показательно. Кроме того, впервые вина за ошибки в борьбе против «правых» в 1957 году, «большой скачок» и «культурную революцию» возлагалась не на «антипартийные элементы» типа Линь Бяо или «группы четырех», а на все руководство партии, в том числе по существу и на Председателя Мао[34]. Отсюда до реабилитации Лю Шаоци и презентации новой концепции истории Компартии Китая после образования КНР оставалось совсем немного.

Сразу после выступления маршала Дэн организовал небольшую группу в составе двадцати человек во главе с Ху Яобаном, Ху Цяому и Дэн Лицюнем, которая занялась подготовкой новой официальной концепции истории партии за последние 30 лет, так называемого «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». В ноябре же после обсуждения соответствующих материалов с Чэнь Юнем, вдовой Чжоу Эньлая Дэн Инчао и Ху Яобаном он принял решение по делу Лю Шаоци[35]. И о ближайшей реабилитации «каппутиста № 1» сообщил партийным работникам за месяц до 5-го пленума, в середине января 1980 года. Тогда же рассказал и о подготовке «Решения»[36]. Но чтобы никто не надеялся на либеральное

толкование прошлого, от имени ЦК партии предложил удалить из Конституции указание на то, что граждане имеют право «свободно высказываться, полностью выражать свои мысли, широко участвовать в дискуссиях и вывешивать *дацзыбао*»[37]. В следующем месяце 5-й пленум ЦК полностью поддержал его, после чего в сентябре 3-я сессия Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва исправила Конституцию: «В целях полного развития демократии»[38].

Между тем вдова Лю, Ван Гуанмэй, выпущенная из тюрьмы только после 3-го пленума, получила прах любимого мужа. 17 мая 1980 года в Пекине состоялась церемония в память о «великом пролетарском революционере». Дэн сам произнес траурную речь. А потом, пожимая руки Ван Гуанмэй, с большим значением сказал: «Это хорошее дело! Это победа!»[39] Дирекция Музея китайской революции попросила Ван Гуанмэй отдать им прах Лю на хранение. Возможно, хотела выставить его в качестве экспоната, но та не согласилась: она выполнила завещание мужа, предав его прах волнам Желтого моря. (Лю неоднократно говорил ей и детям, что хотел бы последовать примеру Энгельса, прах которого был захоронен в море: «Море соединяется с пятью океанами, поэтому я буду видеть торжество коммунизма во всем мире»[40].)

В изменившейся политической ситуации Дэн смог публично высказаться и по вопросу о семейном подряде. Принимая 3 мая 1980 года президента Гвинеи Секу Туре, он обратил внимание гостя на то, что «в последние один-два года мы стали подчеркивать для деревни необходимость исходить из конкретных условий и усиливать систему производственной ответственности производственных групп и отдельных крестьянских дворов. Это дало заметные результаты и помогло увеличить производство в несколько раз»[41]. А 31 мая он особо похвалил крестьян аньхойских уездов Фэйси и Фэнъян, перешедших на семейный подряд. «Некоторые товарищи опасаются, — сказал он Ху Цяому и Дэн Лицюню, — не может ли такая практика подорвать коллективное хозяйство. На мой взгляд, такие опасения излишни… Там, где практикуется система закрепления производственных заданий за дворами, основной хозяйственной единицей по-прежнему остается производственная бригада… Гвоздь всего в развитии производительных сил»[42].

Речи Дэна не были опубликованы в то время, но стали известны широкому кругу *ганьбу* практически сразу по внутрипартийным каналам. И это колоссальным образом стимулировало распространение семейного подряда. Местные чиновники, боясь оказаться в глазах начальства своевольными,

восприняли слова вождя как «руководство к действию». Землю стали делить повсеместно, как говорят в Китае, «одним ударом ножа»: по числу членов семьи, от 13 до 30 соток на человека в зависимости от качества участка. И в результате к концу 1981 года на различные формы семейного подряда перешло почти 98 процентов производственных бригад. А через полгода их число приблизилось уже к 100 процентам. В июне 1982 года по методу «полного подряда» работало уже 67 процентов общего числа бригад вместо 5 процентов в декабре 1980-го. С 1978 по 1982 год доходы крестьян в целом возросли в два раза[43].

Между тем некоторые ученые-экономисты начали уже обосновывать мысль о том, что в Китае следует вести дело к понижению «достигнутого ранее уровня обобществления производства до фактического состояния производительных сил»[44]. То есть стали предлагать вернуться от «народных коммун» и бригад с их коллективной собственностью уже не к подряду, а к «новодемократической» модели многоукладной экономики, основанной на единоличном крестьянском хозяйстве. При этом призывали руководство компартии обратить внимание на исторический опыт построения социализма в СССР и других социалистических странах, настаивая на необходимости переосмысления ленинской концепции новой экономической политики.

Еще в июле 1979 года один из наиболее либерально мыслящих философов и экономистов, вице-президент Академии общественных наук, Юй Гуанъюань, близкий и к Дэну, и к Ху Яобану, организовал при своей академии специальный Институт марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. Семьдесят его сотрудников стали всерьез изучать югославский и венгерский опыты строительства социализма и еврокоммунизм, но главное внимание уделять большевистскому нэпу, причем в первую очередь — работам Николая Ивановича Бухарина, наиболее крупного его теоретика. И то, что Бухарин был репрессирован Сталиным, их ничуть не смущало. Наоборот, только добавляло интереса к его трудам, да и к самой личности. Пережившая «культурную революцию» интеллигенция ненавидела любой террор, сталинский в том числе.

Интерес к «любимцу всей [большевистской] партии» (так звал Бухарина Ленин) подогрело присутствие заместителя Юй Гуанъюаня, известного историка и экономиста Су Шаочжи, бывшего редактора теоретического отдела «Жэньминь жибао», на международной конференции о Бухарине, организованной Институтом Грамши в Италии на деньги итальянской компартии. Су был просто ошеломлен тем, что услышал в Риме от западных и

восточноевропейских ученых[98]. И, вернувшись, доложил руководству, каким, оказывается, потрясающим теоретиком был Бухарин[45]. (Заметим, что Бухарин в то время все еще официально считался в Китае «правым уклонистом» и «врагом народа» — в соответствии со сталинской концепцией истории КПСС.) Рассказ Су вызвал живейшую реакцию. Юй Гуанъюань тут же решил посвятить Бухарину Всекитайский научный симпозиум. Подготовка заняла полгода, но в конце концов в сентябре 1980-го форум созвали в одной из гостиниц на окраине Пекина. Собралось около шестидесяти специалистов по общественным наукам, которые вплоть до декабря обсуждали теорию нэпа, пытаясь понять, почему новая экономическая политика не была полномасштабно реализована в СССР и насколько применима она к Китаю. В конце заседаний по предложению Юй Гуанъюаня избрали Всекитайский научный совет по изучению работ Бухарина во главе с Су Шаочжи. В него вошли 30 обществоведов, знавших иностранные языки, в том числе воспитанница Ивановского интердетдома Линь Ин, дочь одного из китайских работников Коминтерна, прошедшего сталинские лагеря[46]. Эта женщина стала известна в интеллигентских кругах за год до того, когда вместе с заместителем директора Института СССР и Восточной Европы Чжао Сюнь перевела «К суду истории» Роя Медведева. Линь Ин избрали одним из заместителей Су Шаочжи. По решению Ху Яобана совет занял весь верхний этаж Пекинской партийной школы.

Члены совета проявили недюжинную энергию, начав подготовку сразу двух сборников под характерными названиями «Бухарин и бухаринские идеи» и «Изучение идей Бухарина». Они вышли соответственно через два и три года в «Народном издательстве», главном в Китае, и сразу привлекли широкое внимание. В них вошли 37 переводных зарубежных работ. Начали члены совета переводить и фундаментальную биографию Бухарина, изданную в 1973 году американским профессором Стивеном Коэном. С ней они ознакомились как в оригинале, так и в русском переводе, выполненном советскими эмигрантами в 1980 году[47]. И перевели, и опубликовали тоже довольно быстро: уже через два года.

Некоторые китайские бухариноведы стали читать лекции на вновь открытой кафедре зарубежных социалистических учений в Высшей партийной школе, а Линь Ин — даже ездить с докладами по стране. Интерес к ее лекциям в интеллигентской среде был огромен. Почтенная Линь вспоминает: «Залы были переполнены. Люди сидели на окнах, все хотели услышать что-то новое»[48].

Одновременно бухаринскими работами заинтересовались и

сотрудники сектора истории международного рабочего движения Бюро переводов работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина при ЦК компартии, в 1981 году посвятившие специальный выпуск своих «Материалов по изучению международного коммунистического движения» объемом почти в 300 страниц целиком Бухарину. В том же году они издали трехтомник избранных произведений Бухарина, включив в первый и второй тома его работы по теории и практике социалистического строительства, а в третий — по политической экономии и империализму[49].

Кроме того, китайские ученые в 1981 году стали публиковать и собственные статьи о Бухарине. За два года в различных журналах КНР появилось не менее тридцати шести работ о его жизни и творчестве[50]. Большого шума наделала одна из первых статей — историка Чжэн Ифаня, выпускника Ленинградского университета (он окончил ЛГУ в 1959 году), опубликованная в первом номере журнала «Шицзе лиши» («Мировая история»). Чжэн прямо написал, что Бухарин — марксистский теоретик-экономист, а всё, что говорил о нем Сталин, — неправда. При этом автор особо отметил верность бухаринского лозунга, обращенного к российскому крестьянству: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство». Понятно, что с известной идеей Дэна о том, что зажиточным быть хорошо, он этот лозунг не сравнивал, но всем и так всё было ясно.

Большинство статей было посвящено экономическим взглядам Бухарина. И это, разумеется, не случайно. Китайские обществоведы признавали, что эти взгляды «имеют значение сегодня»: и потому что Бухарин признавал социализм в СССР «отсталым по форме», и потому что защищал зажиточных крестьян, и потому что ставил рост индустрии в прямую зависимость от развития сельского хозяйства, и потому что ратовал за гармоничное сочетание планового и рыночного регулирования, и потому что признавал важную роль закона стоимости и товарно-денежных отношений при социализме[52].

Между тем еще один вице-президент Академии общественных наук, старый коммунист Сун Ипин, в 1933–1938 годах работавший в делегации Компартии Китая в Коминтерне и, как и Чэнь Юнь, учившийся в Международной ленинской школе[53], устроил первое в Китае собрание, посвященное истории сталинских репрессий в отношении китайцев, проживавших в 1930-е годы в СССР. С яркой речью в память жертв сталинизма выступил знаменитый экономист Сунь Ефан, почетный директор Института экономики, тоже учившийся и работавший в Москве, только в 1925–1930 годах. После этого в Академии общественных наук КНР стали переводить и работы известного советского

диссидента Авторханова и издавать воспоминания уцелевших китайских жертв сталинского ГУЛАГа[54]. А Су Шаочжи опубликовал длинную рецензию на книгу французского историка Жана Элленштайна «История сталинского феномена», в которой, как бы не от себя, а лишь пересказывая автора, в красках рассказал китайскому читателю, каким страшным деспотом был учитель Мао Цзэдуна. «Сталинский феномен должен быть отвергнут, — заключил Су. — …Элленштайн… поднял проблему, над которой следует глубоко задуматься»[55].

Дэн внимательно следил за всем этим. И, как и Ху Яобан, поддерживал такие настроения. Ведь в отличие от Вэй Цзиншэна и его друзей сотрудники Академии общественных наук и Бюро переводов не покушались на четыре кардинальных принципа. Книги, которые они писали и переводили, выходили к тому же ограниченным тиражом с грифом «Для служебного пользования», так что большого влияния на массы оказать не могли. А вот для самого Дэна были полезны. Ведь, как мы помним, он сам всерьез изучал марксизм именно по работам большевистских вождей, пропагандировавших нэп. И, как нетрудно заметить, именно от нэповских идей он и отталкивался, когда разрабатывал свои реформы. В 1985 году Дэн откровенно признает, что наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР[56].

Так что воскрешение главного теоретика нэпа Дэн Сяопин не мог не поддерживать, а возможно, и стимулировал. Тем более что и его собственные идеи, и мысли Чэнь Юня гносеологически, если выражаться философским языком, восходили именно к Бухарину — даже в большей степени, чем к Ленину. Ведь последний, переходя к нэпу, ассоциировал рынок с капитализмом и, признавая необходимость рыночного регулирования, говорил о наличии в экономике Советской России госкапитализма, то есть капитализма под государственным контролем[57]. Бухарин же, напротив, считал, что «сущностью капитализма является „капиталистическая собственность“, а не рыночные отношения», открыто заявляя Ленину: «По-моему, вы злоупотребляете словом „капитализм“»[58]. Такой подход, как видно, полностью соответствовал тому, о чем говорили Чэнь Юнь и Дэн, а именно, что «рыночная экономика не является синонимом капитализма»[99]. Не случайно Дэн, обсуждая проект «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» в июне 1981 года, специально обратил внимание товарищей по партии на то, что надо подвергнуть критике «превратное или догматическое понимание слов Ленина о том, что мелкое производство рождает капитализм и буржуазию ежедневно,

ежечастно и в массовом масштабе»[59].

Единственным различием, хотя и существенным, было то, что Бухарин, точно так же, как Ленин и все другие большевики, определял нэп как переходный период к социализму, а Дэн и Чэнь вели разговор о сочетании плана и рынка в условиях самого социализма, настаивая при этом на том, что, несмотря на полный подряд, в деревне сохраняется коллективная собственность. А как же иначе? Ведь в противном случае им пришлось бы дезавуировать всю собственную политическую деятельность начиная с 1955 года, то есть с коллективизации.

Между тем в сентябре 1980 года под натиском Дэн Сяопина Хуа Гофэн ушел с поста премьера. Как и следовало ожидать, Чжао заменил его, а Дэн обставил это как обновление руководящегося состава. Одновременно с Хуа он сам снял с себя обязанности заместителя премьера. То же сделали и еще несколько «стариков»: Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь, Ван Чжэнь и др. «Дорогу молодым!» — так обставлялась эта метаморфоза. (Разумеется, отставка Дэна, Чэнь Юня, Ли Сяньняня и Ван Чжэня ничего не значила: они по-прежнему занимали ключевые посты в партийной иерархии.)

После этого, в ноябре — начале декабря, Политбюро приняло решение передать на рассмотрение 6-го пленума вопрос об отставке Хуа с остальных постов, Председателя ЦК и Военного совета ЦК. Е Цзяньин и некоторые другие члены высшего руководства пытались защитить Хуа, но у них ничего не получилось. Под давлением Дэна Политбюро постановило не только снять Хуа Гофэна, но и подвергнуть его критике в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР»: как за «два абсолюта», так и за планы «нового большого скачка»[60].

Осознавший поражение маршал, следуя традициям китайской компартии, вынужден был выступить с самокритикой[61]. После чего отошел от дел и уехал из Пекина на юг, в Кантон, где его сын исполнял обязанности мэра. В столицу он теперь стал наведываться только изредка. Так, в июне 1981 года присутствовал на открытии 6-го пленума, но затем уехал, не желая, по-видимому, участвовать в снятии Хуа[62]. Но того отстранили и без него, после чего Председателем ЦК компартии единогласно избрали Ху Яобана (должность генсека временно ликвидировали), а Председателем Военного совета — Дэна[63]. Последний пост был, по существу, ключевым, так как политическая власть в Китае по-прежнему рождалась из дула винтовки.

Также 6-й пленум принял «Решение по некоторым вопросам

истории КПК со времени образования КНР», составление которого заняло полтора года. Дэн лично курировал рабочую группу, встречался с ней 16 раз, внимательно знакомился со всеми проектами, неоднократно их правил и консультировался с другими ветеранами. Он хотел составить сбалансированный документ, который, с одной стороны, дезавуировал бы левацкие ошибки, а с другой — не разъединял, а объединял общество, в котором оставались сильны маоистские настроения. Ключевой проблемой, конечно, была оценка Мао Цзэдуна[64]. И тут призрак Хрущева не давал Дэну покоя. В августе 1980 года Дэн специально, чтобы ни у кого не возникало сомнений, разъяснил в интервью знаменитой итальянской журналистке Орианне Фаласи, что не допустит полного развенчания Председателя Мао. Тотальная демаоизация, с его точки зрения, могла подорвать основы социалистического строя в КНР, бросив тень на всех революционеров старшего поколения, в том числе и на него (Дэна), поскольку не только Мао, но и они все совершали ошибки[65].

В октябре 1980 года Дэн решил передать проект «Решения» на обсуждение широкого круга кадровых работников высшего звена. Всего в обсуждении приняли участие 5600 человек, включая полторы тысячи слушателей Высшей партийной школы. Мнения, как и следовало ожидать, разделились. Кое-кто считал Мао тираном, кто-то полностью защищал. Но в итоге Дэн смог достичь консенсуса: было решено, что Мао Цзэдун — все же «великий марксист, великий пролетарский революционер, стратег и теоретик», а его идеи — «богатейшая духовная сокровищница» партии. Вместе с тем было признано, что Мао допускал ошибки с конца 1950-х годов, особенно серьезные — в период «культурной революции», но все они занимают в его жизни и деятельности «второстепенное место»[66]. Заслуги и ошибки Мао Цзэдуна соотнесли как 70 к 30.

В процессе подготовки «Решения», в ноябре 1980-го — январе 1981 года, в Пекине был проведен показательный процесс над теми, кого Дэн и другие вожди считали главными заправилами «культурной революции»: вдовой Мао Цзэдуна Цзян Цин, а также Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнем, Яо Вэньюанем, Чэнь Бода и пятью бывшими генералами, ближайшими соратниками Линь Бяо. На скамье подсудимых оказались десять человек, восемь из которых при Мао были членами Политбюро. Их обвинили во множестве преступлений контрреволюционного характера, в том числе в преследовании партийных и государственных руководителей с целью свержения диктатуры пролетариата и в массовых репрессиях. Сторонникам Линь Бяо, кроме того, вменили в вину

подготовку покушения на жизнь Председателя Мао, а членам «группы четырех» — планирование вооруженного восстания в Шанхае после смерти «великого кормчего». Всех признали виновными, несмотря на то что Цзян Цин кричала: «Мой арест и суд надо мной — поношение Председателя Мао Цзэдуна!» Полностью отверг обвинения и Чжан Чуньцяо, правда, без истерики. Не всё из предъявленного 'признали Яо Вэньюань и бывший начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Хуан Юншэн. А вот Ван Хунвэнь, Чэнь Бода и подавляющее большинство генералов «разоружились». 25 января восьмерым дали различные тюремные сроки: от пожизненного (Ван Хунвэню) до шестнадцатилетнего (бывшему заместителю начальника Генштаба Цюй Хуэйцзо). Цзян Цин же и Чжан Чуньцяо приговорили к смертной казни с отсрочкой приговора на два года[67]. В 1983 году, однако, их смертные приговоры заменили пожизненным заключением.

Характерно, что Дэн публично выразил уверенность в виновности Цзян Цин еще до суда. Отвечая в августе 1980 года на вопрос Фаласи: «Как вы оцениваете Цзян Цин, сколько бы вы дали ей баллов?» — он тоном, не терпящим возражений, ответил: «Ниже нуля». «Цзян Цин совершала дурные дела… Цзян Цин злобна до мозга костей. Даже самые что ни на есть тяжкие наказания не будут чрезмерными для „четверки“. От их рук пострадали десятки миллионов людей», — объяснил он[68]. В его мире понятие презумпции невиновности отсутствовало, и он не делал из этого секрета.

Преступления Цзян Цин, Линь Бяо и иже с ними (в том числе Кан Шэна) получили гневную отповедь в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». С другой стороны, в этом документе подчеркивалось, что «великим переломным моментом, имеющим далекоидущее значение для исторического развития нашей партии со дня образования КНР», явился «проходивший в декабре 1978 года 3-й пленум ЦК партии одиннадцатого созыва»[69]. Тем самым роль Дэна в истории получила необходимое обоснование: ведь все понимали, что именно он обеспечил этот «великий исторический перелом».

А что касается престарелого маршала Е Цзяньина, так много сделавшего для Дэна, то с ним новый правитель Китая больше не поддерживал близких отношений. И ни разу не навестил до самой его кончины 22 октября 1986 года, хотя знал, что в апреле 1984-го маршал тяжело заболел: у него обнаружились тромбы в сосудах головного мозга и началась вялотекущая пневмония[70]. Но он был Дэну больше не нужен. Харизматичного лидера теперь волновали только великие дела.

ОДНА СТРАНА, ДВЕ СИСТЕМЫ

Отомстив Хуа Гофэну, Дэн вряд ли почувствовал большую радость. К началу 1980-х его противник был политическим трупом. На 6-м пленуме Центрального комитета Дэн понизил его до заместителя Ху Яобана — в этой должности Хуа должен был оставаться до ближайшего съезда партии, а XII съезд планировалось провести в сентябре 1982 года. Из шести заместителей Председателя ЦК Хуа был поставлен на последнее место.

В жизни Дэна мало что изменилось. Он по-прежнему проводил почти все время дома, стараясь избегать долгих партийных «посиделок» в Чжуннаньхае. Читал партийные и государственные бумаги, принимал посетителей, в том числе Ху Яобана и премьера Чжао, завтракал, обедал и ужинал, спал, смотрел телевизор, просматривал не менее пятнадцати газет в день, раз в неделю играл с приятелями в бридж и каждый день подолгу гулял во дворе. В здании ЦК партии он, как и раньше, почти не бывал, и когда однажды Чжао Цзыян спросил его, почему он не созывает хотя бы заседания Постоянного комитета, он ответил: «А о чем двое глухих будут разговаривать?»[71] (Помимо себя, он имел в виду Чэнь Юня, тоже тугого на ухо.)

Дэн напоминал умудренного жизнью китайского императора, следовавшего традиционному даосско-конфуцианскому принципу *увэй* (невмешательства в раз и навсегда заведенный порядок вещей). Как и во время ссылки в Цзянси, вставал ровно в 6.30 утра, делал зарядку и растирался мокрым холодным полотенцем, в восемь завтракал, а с девяти уже сидел в кабинете, знакомясь с документами. Чжо Линь, как и прежде, играла роль одного из его личных секретарей, наряду с преданным Ван Жуйлинем. Вместе с Ваном готовила материалы и проекты резолюций. После полутора часов работы Дэн обычно выходил подышать свежим воздухом, а потом вновь шел в кабинет. В 12 обедал, потом отдыхал, а затем вновь читал документы, если не было официальных встреч[72]. С его точки зрения, он работал мало. «У меня энергии сейчас намного меньше, чем прежде, — говорил он товарищам по партии, — если в первую половину дня запланированы два мероприятия, то я могу еще выдержать, но на вечернее уже не хватает сил»[73].

Верный Ван Жуйлинь, как правило, замещал его на разных партийных собраниях, в том числе заседаниях Политбюро. В этом не было ничего экстраординарного. И Чэнь Юня, и некоторых других ветеранов подменяли секретари. По существу и Ху Яобан с

Чжао Цзыяном играли роль помощников Дэна. Но, конечно, в отличие от Ван Жуйлиня, пользовались гораздо большими правами, поскольку являлись главными исполнителями воли Патриарха. Раз налаженный механизм власти работал исправно.

Дэн хотя и уставал к концу дня, но по-прежнему чувствовал себя хорошо. На здоровье он не жаловался, даже несмотря на то что много курил, по две пачки в день. Но от этого, похоже, больше страдала Чжо Линь, поскольку Дэн, то и дело роняя пепел на штаны и куртку, прожигал их, и ей приходилось следить, чтобы он выглядел опрятно[74]. За долгие годы жизни и испытаний они так привыкли друг к другу, что, казалось, не могли прожить без взаимного общения и дня. Дети и внуки, жившие тут же, умилялись дружбе двух стариков. И назвали в их честь две небольшие сосны во дворе, росшие очень близко друг к другу, «парой деревьев-драконов»: как мы помним, и Дэн, и Чжо родились в год Дракона, правда, с разницей в 12 лет.

Дом, точнее двухэтажный особняк, с полукруглой застекленной террасой и большим балконом, утопал в зелени. Он располагался в тихом переулке, за высокой стеной, куда шум города почти не доносился, и они жили, как на даче.

Это серое кирпичное здание под такого же цвета черепичной крышей и сейчас стоит там же. Оно довольно большое, но и семья Дэна была немаленькой. К тому времени она даже успела разрастись. Помимо внучки от Дэн Нань, «Сони» Мянь-мянь, которой скоро исполнялось десять лет, и внука от Дэн Линь — восьмилетнего «Росточка» Мэнмэн, у Дэна и Чжо Линь имелась теперь еще и трехлетняя внучка от Дэн Жун — Янъян («Овечка»). Рядом, во флигеле, жили Ван Жуйлинь с домочадцами, охранник, шофер и остальной обслуживающий персонал, которые давно уже стали почти частью семьи[75].

В этом доме Дэн прожил последние 20 лет. Здесь решал судьбы страны, партии и народа. В первой половине 1982 года он главным образом занимался подготовкой XII съезда партии, имевшего для него огромное значение. Ведь это был первый съезд, проходивший под его руководством.

С осени 1981-го его начал раздражать Чэнь Юнь. Как и маршал Е до того, он сыграл свою роль, и Дэн больше в нем не нуждался. Ведь Хуа Гофэн и другие «абсолютисты» были низвергнуты, Дэн стал общепризнанным вождем, и у него имелась своя, молодая, команда, так зачем же ему Чэнь Юнь? Этот всезнайка-экономист почему-то считал себя вправе все время давать советы, вмешиваясь в ход его, Дэна, реформ. Так, в самом конце декабря 1981 года, испугавшись стремительного развития семейного подряда в его полной форме, Чэнь высказал опасение,

что «так называемая свобода 800 миллионов крестьян может опрокинуть государственный план». Ведь нам «надо [не только] накормить 800 миллионов крестьян, — объяснил он первым секретарям провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, — [но и] осуществить социалистическое строительство». Поэтому «сельское хозяйство должно опираться на план как на основу и использовать рыночное регулирование как дополнение»[76]. Против социалистического строительства Дэн, конечно, не возражал, но никакой угрозы социализму в повсеместном подряде не видел.

На том же совещании первых секретарей обнаружились разногласия между Чэнем и Дэном и относительно развития ОЭР. «В настоящее время мы можем позволить себе только эти [четыре зоны], — сказал Чэнь. — …Увеличивать их число нельзя… Мы не можем создавать особые зоны в таких [например] провинциях, как Цзянсу»[77]. Почему? Оказывается, это подорвет национальную валюту и будет способствовать оживлению «плохих людей» (Чэнь имел в виду партийных коррупционеров, использовавших открывшиеся в связи с созданием ОЭР возможности для личного обогащения).

Пятого января 1982 года Чэнь как глава Центральной комиссии по проверке дисциплины разослал Дэну, Ху Яобану, Чжао Цзыяну и Ли Сяньняню краткий доклад по поводу творившихся в Гуандуне безобразий. На первой странице он написал: «Считаю, что некоторых из тех, кто совершил серьезные экономические преступления, надо сурово наказать, вынести им приговоры вплоть до смертной казни за особо тяжкие проступки, публично объявив об этом. В противном случае нельзя будет выправить партийный стиль»[78].

Не желая конфликтовать открыто, Дэн наложил резолюцию: «Провести в жизнь немедленно и со всей решительностью, уделить проблеме первостепенное внимание и не расслабляться»[79]. 11 января Ху Яобан по согласованию с ним провел специальное заседание Секретариата ЦК по поводу коррупции гуандунских чиновников. По инициативе Дэна на юг страны выехали четыре члена Политбюро для расследования вопроса[80].

Однако уже через три дня на новом заседании Секретариата Ху Яобан выступил с объемным докладом в защиту внешнеэкономической политики ЦК. «В некоторых конкретных вопросах у нас возникли определенные проблемы, — заявил он, — …но из этого нельзя делать ошибочный вывод, что нам якобы надо отступать вместо того, чтобы смело и еще более активно развивать экономические связи с внешним миром…

Нельзя считать, что экономические преступления напрямую связаны с политикой открытости. Между ними нет безусловной причинно-следственной связи»[81]. После этого Дэн сам отправился в Гуандун сообщить руководителям провинции, чтобы ничего не боялись, работая над развитием ОЭР. (Разумеется, он передал это первому секретарю Гуандунского парткома тет-а-тет, чтобы не злить Чэнь Юня[82].)

Между тем Чэнь продолжал мешать работе по модернизации Гуандуна и даже вызвал на «ковер» и первого секретаря, и губернатора. Но у него ничего не вышло. Он смог привлечь на свою сторону только консервативно настроенных членов дэновской команды Ху Цяому и Дэн Лицюня, которые стали внушать Дэну мысль о том, что ОЭР превращаются в иностранные сеттльменты, существовавшие в Китае в проклятом прошлом. Но Дэн в этом вопросе решительно поддерживал Ху Яобана, подводившего с помощью своих людей в Академии общественных наук марксистско-ленинскую базу под ОЭР. «Это дело для нас новое, — говорил Ху, — …но ведь в Советском Союзе полвека назад… развивали систему концессий, следуя курсу Ленина в крайне тяжелых условиях. [Там] в концессионные прелприятия. а их долгое время насчитывалось более двухсот, иностранцам разрешили вложить несколько десятков миллионов рублей. Это ли не смелый поступок!»[83]

С Лениным Чэнь Юнь, Ху Цяому и Дэн Лицюнь спорить не могли, но и «строительство капитализма» в стране не приветствовали. «Все провинции хотят создавать особые районы, все желают открыть дамбы, — ворчал Чэнь. — Если так пойдет, то иностранные капиталисты и отечественные вкладчики совсем вырвутся из клетки. От этого только разрастется спекуляция. Поэтому так нельзя делать»[84]. Чэня полностью поддерживал Ли Сяньнянь, еще более консервативный.

Серьезной сферой разногласий являлись и темпы экономического роста. Поддержав в 1979 году чэневскую программу «урегулирования» (в основном, как мы знаем, из политических соображений), Дэн отнюдь не собирался следовать ей всю жизнь. Да, он по-прежнему понимал, что всеобщего изобилия в Китае в силу объективных причин достичь невозможно, и от идеи *сяокан* не отказывался, но ему очень хотелось, чтобы к XXI веку валовый национальный доход на человека в КНР составлял хотя бы около тысячи долларов США (чуть позже он снизит запросы до 800)[85]. Это тоже было бы намного меньше, чем, например, в Швейцарии (почти 18 тысяч), или в Гонконге (почти шесть тысяч), или в Сингапуре (около пяти), или на Тайване (четыре с половиной). Но для Китая и это

было бы хорошо. В начале 1980-х годов валовый национальный доход в расчете на душу китайского населения, перевалившего за миллиард, равнялся 260 долларам[86], следовательно, требовалось более чем четырехкратное увеличение производства, чтобы получить тысячу или хотя бы 800 на человека, разумеется, при жестком контроле за рождаемостью. Чэневское «урегулирование» с этой мечтой никак не сочеталось.

Нельзя сказать, чтобы Чэнь Юнь, этот Фома неверующий, как назвал его один из биографов[87], был против улучшения жизни народа, но он очень не любил спешить. Его все время беспокоили рост инфляции, несбалансированность отраслей и возможный перегрев экономики. Ну как можно было с ним иметь дело?

Только в одном вопросе Дэн и Чэнь демонстрировали полное единодушие: в ограничении рождаемости. От снижения темпов роста населения зависели и дэновский *сяокан,* и чэневское «урегулирование». Этот вопрос вообще ни у кого в руководстве Компартии Китая не вызывал сомнений. Дэн поднял его еще 23 марта 1979 года на заседании Политбюро, потребовав снизить рост населения до 1 процента в год и закрепить новый курс демографической политики в законодательном порядке. Он тут же получил всеобщую поддержку. Через три месяца Хуа Гофэн обосновал эту идею с трибуны 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, со своей стороны предложив к 1985 году довести темпы роста народонаселения до 0,5 процента в год. В сентябре же 1980 года 3-я сессия Всекитайского собрания рассмотрела предложение Госсовета о незамедлительном переходе к политике планового деторождения с разрешением иметь не более одного ребенка на семью, чтобы к концу XX века китайское население не превысило 1 миллиарда 200 миллионов человек. 25 сентября Центральный комитет направил коммунистам и комсомольцам открытое письмо с призывом помочь в деле пропаганды политики ограничения рождаемости по принципу «одна семья — один ребенок». А 4 января 1981 года появилось постановление, обязавшее партийные и административные органы применять все возможные меры для того, чтобы «стимулировать семейные пары иметь одного ребенка»[88]. Речь, правда, во всех этих документах шла только о снижении роста численности ханьской (китайской) национальности (нацменьшинств это не касалось).

В сельских районах эта политика была встречена в штыки: землю-то делили по числу членов семьи, следовательно, крестьяне не могли быть заинтересованы в одном ребенке, тем более если это девочка: всем ведь хотелось иметь наследника, продолжателя рода, да и в поле лишние мужские руки не мешали.

Так что успех нового курса с самого начала зависел от городского населения. (Тем не менее он все равно привел к успеху, даже при издержках морального и социального порядка: в 2000 году население КНР на самом деле составило чуть более 1 миллиарда 200 миллионов.)

Между тем приблизилось время XII Всекитайского съезда компартии. Он прошел в Пекине с 1 по 11 сентября 1982 года. 1600 делегатов с решающим голосом и 149 с совещательным представляли огромное число коммунистов: более тридцати девяти миллионов человек. Дэн чувствовал себя хозяином. Именно он открыл съезд, сформулировав главные стратегические задачи, стоявшие перед китайским народом в 1980-е годы: «Ускорение темпов социалистической модернизации, борьба за объединение Родины, включая Тайвань, борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире». Он же дал краткое теоретическое обоснование делу модернизации, впервые объявив о том, что компартия и весь китайский народ строят отныне не просто социализм, а «социализм с китайской спецификой». Что это такое, он не объяснил, но подчеркнул, что «при осуществлении дела модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая… Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем»[89].

Вообще-то делегатам да и многим другим жителям КНР должно было быть понятно, что вождь имел в виду: ведь сами по себе идеи и цели реформ много раз разъяснялись, отсутствовал только термин «социализм с китайской спецификой». Все знали о сильной экономической и культурной отсталости Китая, колоссальной численности населения, в основном проживающего в деревне, и ограниченной площади пахотных земель. Все слышали о концепции *сяокан,* о необходимости сочетать план и рынок в течение всего периода социализма и твердо следовать четырем кардинальным принципам. В этом, собственно, и состояла «специфика» китайского социализма.

Дэн создавал свою теорию постепенно, шаг за шагом — как говорят в Китае, «нащупывал камни, переходя реку». Не все идеи изначально принадлежали ему, но он их воспринял и творчески переработал. Интересно, что президент США Джеральд Р. Форд, встречавшийся как-то с Дэн Сяопином во время своего краткого визита в Китай в конце 1975 года, характеризовал будущего великого реформатора как «очевидного практика, больше прагматика, чем теоретика»[90]. Он явно его недооценивал.

Выступивший с отчетным докладом Ху Яобан в основном развивал идеи Дэна. Главная из них — увеличение в ближайшие

20 лет (до конца XX века) годового производства промышленной и сельскохозяйственной продукции в четыре раза. Ху призвал и дальше, в течение длительного времени, развивать многообразные формы хозяйствования и, хотя отметил, что кооперативы остаются главной формой, расхвалил систему производственной ответственности на селе (то есть семейный подряд). При этом заявил о необходимости поощрять развитие единоличного хозяйства не только в деревне, но и в городе, отметив, что часть продукции может производиться и пускаться в обращение «не в плановом порядке, а в порядке рыночного регулирования». Говоря же о технико-экономическом обмене с заграницей, подчеркнул: «Следует как можно больше привлекать на нужды строительства тот иностранный капитал, который можно привлечь… Нужно активно заимствовать у других стран передовые технические достижения, применимые в наших условиях, особенно те, которые помогают в технической реконструкции предприятий, добросовестно их осваивать, улучшать и стимулировать таким образом производство и строительство у нас в Китае». В заключение, исходя из теории Дэна о строительстве «социализма с китайской спецификой», Ху объявил, что «социалистическое общество в нашей стране находится еще в первоначальной стадии своего развития»[91].

В общем, это был прогрессивный доклад, и Дэну, конечно, понравился, тем более что он сам его редактировал.

XII съезд вновь избрал Дэна членом Центрального комитета компартии, а также ввел в состав вновь организованной Центральной комиссии советников. В новом уставе, принятом на съезде, говорилось, что эта комиссия — политический помощник и консультант ЦК[92], но Дэн считал ее организационной структурой «переходного характера», которая давала возможность руководителям пожилого возраста, не желавшим уходить на пенсию, достойно отойти от дел, «сохранив лицо». Сам Дэн в отставку не торопился, но в комиссию не только вошел, но и возглавил ее, как бы показывая пример ветеранам, цеплявшимся за посты и не дававшим дорогу молодым[93].

На состоявшемся 12 сентября пленуме ЦК Дэна вновь избрали в Политбюро и его Постоянный комитет, утвердив опять Председателем Военного совета. Помимо него в высший руководящий орган партии вошли еще пять человек: Ху Яобан, Е Цзяньин (через четыре года, как мы знаем, он уйдет из жизни), Чжао Цзыян, Ли Сяньнянь и Чэнь Юнь. Ху Яобан в очередной раз получил восстановленную должность Генерального секретаря (пост Председателя ЦК упразднили), а Чэнь Юнь остался главой Центральной комиссии по проверке дисциплины[94]. Что же

касается Хуа Гофэна, то его вывели и из Постоянного комитета, и из Политбюро. Правда, оставили членом ЦК партии[100].

Чэнь Юнь на самом съезде ни с кем не спорил, но после него продолжил вмешиваться в ход реформ. По словам Чжао Цзыяна, «в то время, как мы продвигались вперед и у нас возникали новые вопросы, идеи Чэнь Юня не менялись… [а] переубедить его было невозможно»95. С начала ноября 1982 года Чэнь стал, к примеру, то и дело сравнивать план с клеткой, а рынок — с птицей. Как мы помним, он впервые заговорил о клетке еще в январе 1982-го, предложив упрятать в нее всех инвесторов особых экономических зон, но тогда птицами этих людей еще не называл. А тут представил концепцию довольно четко, хотя и оговорился, что не он ее автор. Этот образ придумал Хуан Кэчэн, секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины. Еще в августе 1982 года, накануне XII съезда, Хуан использовал эту аналогию в разговоре с Чэнем для того, чтобы подчеркнуть необходимость порядка в экономическом строительстве. Чэню образ понравился, и он стал его вводить в оборот. Так, 2 декабря в беседе с земляками, делегатами от Шанхая, прибывшими на 5-ю сессию Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, он сказал: «Экономика оживает, если руководствуется планом, а не тогда, когда от плана отказываются. Это напоминает ситуацию с птицей и клеткой. Птицу держать в руке нельзя, иначе она умрет, но если ее отпустить, она улетит. Вместе с тем птице можно разрешить летать в клетке… Птица — это и есть живая экономика, план же — клетка. Конечно, „клетку“ можно сделать больше или меньше, нужно больше — пожалуйста… Но при любых обстоятельствах „клетка“ нужна»96.

К тому времени, однако, Дэн и его ближайшие помощники, прежде всего Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли и Гу Му, уже активно расширяли сферу рыночного регулирования, преимущества которого были для них ясны, и им хотелось их максимально использовать. При этом, конечно, они по-прежнему не помышляли ни о полном отказе от плана, ни о приватизации госсектора. Речь шла только о том, чтобы максимально — настолько, насколько позволяет коммунистическая идеология, — сократить ту часть экономики, которая регулировалась планом, для того, чтобы с помощью рыночных механизмов, доказавших свою эффективность, осуществить мощный прорыв в модернизации страны.

Аналогия с «птицей» и «клеткой» им не подходила. Да, они признавали, что часть урожая крестьянам следовало выращивать в соответствии с государственным планом, так же как и определенный объем промышленной продукции выпускать по

спущенным сверху директивам. В противном случае (этого боялись все) могла возникнуть нехватка как продовольствия, так и других товаров. Но они вовсе не собирались всю экономику сажать в «клетку», пусть и очень большую. XII съезд, по существу, высказался за так называемое «фрагментарное соединение планового и рыночного механизма»[97]. Иными словами, экономика уподоблялась не птице, а стае птиц, из которых наиболее крупные действительно могли сидеть в клетке, но остальных следовало выпустить на волю. То есть реформаторы хотели построить в стране две экономические системы: и плановую, и рыночную. И самый важный для них вопрос заключался в том, как эти две системы наиболее удачно скоординировать. «Как решить проблему сочетания плана и рынка? — ставил Дэн вопрос перед молодыми экономистами. — Правильное ее решение благоприятно отразится на развитии экономики, неправильное — всё испортит»[98].

Именно за счет расширения сферы рыночного регулирования Дэн и рассчитывал осуществить «волнообразное продвижение вперед», позволяя части людей и районов делаться зажиточными раньше других. «Достигать зажиточности за счет честного труда законно, — поучал он. — Разрешать части людей и районов переходить к зажиточной жизни раньше других — новое средство»[99].

Между тем 5-я сессия Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, проходившая под решающим влиянием реформаторов, по существу поставила крест на «народных коммунах». Статья 30-я новой Конституции КНР, принятой на этой сессии, устанавливала, что уезды и автономные уезды страны делятся отныне не на «коммуны» и поселки, как прежде, а на волости, национальные волости и поселки. То есть «коммуны» как основные административные объединения прекращали существование[100]. Они, правда, упоминались пока в Конституции как форма кооперативного хозяйства (статья 8-я), но уже не как один из составных элементов трехступенчатой системы собственности в деревне: большие и малые производственные бригады тоже ликвидировались.

Для того чтобы выяснить, в какой мере допускать развитие рынка, Дэн и другие реформаторы изо всех сил продолжали стимулировать дискуссии среди китайских экономистов и обществоведов. Особенно энергично этим занимался Чжао, организовавший под эгидой Госсовета два научных центра: по сельскому хозяйству и по структурной реформе. Трезвомысливший человек, он хотел сначала во всем разобраться, чтобы затем двигать экономическую модернизацию дальше. Но

здесь у него неожиданно возникли проблемы с Ху Яобаном.

Живой и импульсивный Ху, получивший среди недоброжелателей в руководстве партии прозвище «крикет» — за то, что напоминал маленький, юркий и непредсказуемый мячик, используемый в этой игре[101], совершенно не походил на Чжао, спокойного и уравновешенного, который, кстати, лучше всех мог улаживать разногласия между Дэном и Чэнь Юнем. Ху совсем не хотелось ждать, пока «яйцеголовые» экономисты из команды Чжао разберутся, что надо делать, он стремился максимально расширить рынок за счет сокращения планирования для увеличения темпов роста. Чжао вспоминает: «У нас [с Ху] имелись разногласия относительно конкретных шагов, подходов и методов, в особенности по вопросу о темпах. Яобан был даже более напорист, чем Дэн… Разногласия возникли в 1982 году»[102]. Ху, любивший ездить по стране с обследованиями (к концу 1986 года он посетит более 1600 из двух тысяч уездов КНР[103]), везде со свойственной ему энергией призывал людей перевыполнять планы и развивать рыночные отношения. В январе 1983-го, во время визита Чжао в 11 африканских стран, Ху выступил с призывом ввести подряд на всех предприятиях торговли и промышленности. По словам Чжао, это немедленно привело к росту спекуляции: перешедшие на подряд крупные пекинские универмаги стали продавать частникам товары оптом для того, чтобы быстро получить прибыль, а те пускали товары в розницу по завышенным ценам. Вернувшись из Африки, Чжао не преминул выступить против такой политики. 15 марта 1983 года в конфликт вмешался Дэн, пригласивший Чжао и Ху к себе домой для беседы. Выслушав обе стороны, Дэн полностью поддержал Чжао, пожурив Ху за неосторожность[104].

Раскол в стане реформаторов был, разумеется, на руку Чэнь Юню и другим консерваторам. Из всех либералов они больше всего не любили «авантюриста» Ху. А тот, будучи человеком негибким, в открытую платил им тем же. Так, весной 1982 года, инспектируя работу в провинциях, он неоднократно критиковал Чэнь Юня, не задумываясь над тем, что доброхоты тут же передадут его слова по адресу[105]. И в результате оказался в весьма трудном положении. Через два дня после беседы у Дэна Чэнь Юнь атаковал его на совместном заседании Постоянного комитета Политбюро и Секретариата, открыто обвинив в непонимании «исторического материализма». Казалось, почтенный Чэнь давно готовился к этому выступлению: весь его гнев против либералов, копившийся долгое время, наконец вырвался наружу. Ху Яобан совершенно не ожидал этого и, растерявшись, выступил с самокритикой, после чего Дэн запретил

ему вмешиваться в дела Госсовета[106].

Выиграв этот раунд борьбы против главного либерала, внутрипартийные консерваторы начали наращивать наступление, перенеся удар на идеологический фронт. Как мы знаем, Дэн был чувствителен ко всему, что в его глазах выглядело как отступление от четырех кардинальных принципов. С марта 1979-го он неизменно выступал за необходимость усиления идейного воспитания масс, а с начала 1980-х стал даже твердить о сочетании реформ и открытости со строительством социалистической духовной культуры. Летом 1983-го Ху Цяому и Дэн Лицюнь (последний за год до того стал заведущим отделом пропаганды ЦК партии) смогли искусно сыграть на этом, убедив Дэна развернуть новую идеологическую кампанию — против так называемого «духовного загрязнения». Они рассказали ему, что еще в марте известный деятель культуры Чжоу Ян в докладе на торжественном заседании, посвященном столетней годовщине со дня смерти Маркса, много рассуждал о гуманизме и отчуждении. (По Марксу, рабочий при капитализме в процессе принудительного труда отчуждает себя от самого труда, от его продукта, от собственной личности и от других людей, поскольку работает не на себя, а на капиталиста.) Чжоу Ян, много переживший в период «культурной революции», не смог удержаться, чтобы не намекнуть на наличие отчуждения и в социалистическом обществе, подчеркнув непреходящее значение гуманного отношения к человеку. Заседание было, кстати, организовано Су Шаочжи, в 1982 году сменившим Юй Гуанъюаня на посту директора Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна, а потому присутствовавшие на заседании либералы горячо приветствовали эту идею. Многие же старые консерваторы, как, например, знакомый нам друг Дэна Ван Чжэнь, просто ничего не поняли, а потому сделали вид, что доклад им тоже понравился. Но Ху Цяому и Дэн Лицюнь во всем разобрались хорошо. Они попытались не допустить публикации доклада, однако у них ничего не вышло. Тогда они пришли к Дэну. Тот тоже ничего не понял, но спросил:

— А что такое отчуждение?

Ху Цяому и Дэн Лицюнь не стали вдаваться в подробности, а просто сказали:

— Оно направлено против социализма.

И Дэн возмутился. Он вообще в старости стал раздражителен и слишком авторитарен.

— Литература, искусство и гуманитарные науки не должны заниматься духовным загрязнением, — буркнул он, приказав Ху Цяому подготовить для него текст речи по этому поводу[107].

С этой речью Дэн выступил 12 октября 1983 года на 2-м пленуме ЦК компартии. Он метал гром и молнии, критикуя не только членов творческих союзов, но и руководителей идеологического фронта, то есть фактически Ху Яобана. В отличие от Хрущева он, правда, не гнал творческую интеллигенцию из страны и не поносил последними словами, но суть его речи была такой же, что и знаменитых бесед Никиты Сергеевича с писателями за 20 лет до того. Он заявил, что надо бороться как с левым, так и с правым уклоном, обвинив всех, кто этого не делает, в «мягкотелости и беспомощности» и призвав «инженеров человеческих душ» высоко держать знамя марксизма и социализма. При этом напал на «некоторых товарищей», которые, с его точки зрения, дошли до того, что «увлекаются рассуждениями о ценности человека, о гуманизме и так называемом отчуждении». Ведь до чего дошло, возмущался он: «Отдельные произведения рекламируют даже секс»[108].

После пленума в стране развернулось настоящее массовое движение борьбы с «духовным загрязнением», под которым понималось распространение «всяческих гнилых, упаднических взглядов буржуазии и других эксплуататорских классов, подогревание настроений недоверия к делу социализма и коммунизма, к руководству Компартии»[109]. Повсеместно выявляли «поклонников Запада», людей критиковали и снимали с работы не только за либеральные мысли, но и за модную одежду, стильные прически, любовь к зарубежной музыке.

Но тут уж не выдержали все более или менее либеральные реформаторы, в том числе и Чжао, объединившиеся против такого мракобесия. «Еще одна культурная революция почти замаячила на горизонте, — вспоминает Чжао Цзыян. — …И настолько мощная, что угрожала экономической политике и реформе»[110]. Чжао, Вань Ли и другие руководители Госсовета запретили проведение кампании в деревнях, на промышленных предприятиях и в научно-технических учреждениях, а Главпур Народно-освободительной армии — в войсках. И менее чем через месяц эта кампания сошла на нет. 11 февраля 1984 года Ху Яобан заявил, что хотя Дэн и безусловно прав, что поднял проблему, однако методы реализации его «мудрых указаний» на местах оставляли желать лучшего, так что вся кампания оказалось в итоге неудачной[111]. «Дэн не был доволен этим выступлением Яобана, хотя и ничего не сказал», — замечает Чжао[112].

Кратковременное перемирие реформаторов-либералов закончилось сразу же после завершения кампании. 26 мая 1984 года Чжао написал Дэну частное письмо, в котором дал понять, что не может работать с Ху Яобаном. «Хорошо еще, что вы с

товарищем Чэнь Юнем в добром здравии и физически, и духовно!» — восклицал он, прося сделать что-нибудь для того, чтобы руководство партии было стабильным и крепким[113]. Копию он послал Чэнь Юню.

Дэн ничего не ответил и, вместо того чтобы урегулировать отношения двух наиболее крупных членов своей команды, просто положил письмо под сукно. По-видимому, он стал приходить к мысли о том, что Ху Яобана придется снять на предстоящем в 1987 году XIII съезде компартии.

Между тем реформы продолжали углубляться, а ведущие экономисты все активнее разрабатывали их новые концепции. Кое-кто стал говорить о важности перехода на «двухколейное функционирование экономики», что подразумевало необходимость некоего «взаимопроникновения» плана и рынка, а некоторые даже предлагали более либеральные идеи, например, об органическом соединении планового регулирования, осуществляемого на макроуровне, с рыночным на микроуровне. Высказывалась и мысль о развитии прежде всего не директивного, а направляющего планирования, то есть более мягкого, при котором указывается лишь направление развития[114].

Одновременно китайские руководители приглашали ученых и бизнесменов из-за рубежа для того, чтобы выслушивать их точки зрения на проблемы реформ в КНР. Иностранные экономисты, включая представителей Всемирного банка, провели обследования, а затем действительно высказали ценные предложения, в том числе о том, что не надо проводить быструю приватизацию. Выразили они и твердую уверенность, что до конца XX века Китай сможет увеличить годовое производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в четыре раза. Последний вывод больше всего порадовал Дэна[115].

В 1984 году резко ускорился процесс ликвидации «народных коммун». Если в 1982-м, накануне 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, принявшей историческое решение об их роспуске, этих рудиментов маоизма насчитывалось 54300, а в 1983-м — 40100, то к концу 1984-го осталось всего 249. К весне же 1985 года все «коммуны» исчезли[116]. Одновременно оказались расформированы большие и малые производственные бригады.

На развитие отношений в китайской деревне в огромной степени повлияли два документа (оба под № 1, только первый был издан в начале 1983 года, а второй — в начале 1984-го; и тот и другой готовились в Центре по сельскому хозяйству при Госсовете). Первый документ, принятый Политбюро 23 декабря 1982 года, разрешал крестьянам нанимать рабочую силу, правда,

под эфемерным названием «помощников и учеников» и по тому же принципу, что на мелких предприятиях в городе. Сельские жители получали также право покупать станки, орудия для переработки сельхозпродукции, небольшие трактора, моторные лодки и автомашины. Крестьянам, кроме того, разрешалось заниматься оптовой торговлей, то есть скупать зерно и прочий товар у соседей для реализации на рынке. Второй документ устанавливал длительные сроки семейного подряда (15 лет и более) и поощрял «постепенную концентрацию земли в руках умелых землевладельцев», то есть «кулаков». В этой связи допускался субподряд, иначе говоря, разрешалась передача подряда одним крестьянином другому. При этом оговаривалось: даже те хозяйства, где число наемных рабочих превышает установленное количество (как мы помним, семь человек), нельзя рассматривать как капиталистические[117].

Последнее имело отношение и к поселковым, и к деревенским предприятиям, начавшим особенно быстро развиваться в связи с ликвидацией «народных коммун». Эти предприятия считались коллективными, так что число рабочих на них вообще не ограничивалось, даже если управляющие брали предприятия в аренду на условиях подряда. Они развивались особенно быстро, так как избыточная рабочая сила, высвобождавшаяся в результате развала бригад, поглощалась прежде всего ими, а крестьянский рынок по мере углубления реформ требовал все больше товаров промышленного производства. В итоге с 1978 по 1985 год число занятых на поселковых и деревенских предприятиях увеличилось с 28 миллионов до 70 миллионов человек.

Бурно продолжал развиваться и мелкий бизнес в городе. Частники нанимали уже свыше семи человек, но Дэна это не волновало. Узнав, что происходит, он сказал: «Ну и чего бояться? Что это нанесет вред социализму?»[118] Тем самым развитию городского предпринимательства был дан зеленый свет.

Вовсю процветали и особые экономические районы. Наблюдая за их бурным ростом, даже Чэнь Юнь вынужден был несколько ослабить критику. Уже в конце 1982 года он признал: «Надо создавать особые районы. Следует непрерывно обобщать их опыт, но это нужно делать так, чтобы они работали»[119]. После этого и другие консерваторы стали отмечать положительные черты ОЭР.

Дэн был доволен. «Сейчас все больше людей хвалят особые районы, — говорил он. — …Они [действительно] неплохо работают»[120]. В конце января — начале февраля 1984 года Дэн посетил три из четырех районов: Шэньчжэнь, Чжухай и Сямэнь. И

с гордостью заявил: «А ведь это я предложил создать ОЭР»[121]. Там ему всё понравилось: некогда отсталые территории на глазах превращались в «райские оазисы»! Он утвердился в мысли, что надо «быстрее и лучше строить особые экономические районы»[122]. Точно такое же приятное впечатление от ОЭР осталось у Ху Яобана, посетившего Шаньтоу[123]. 24 февраля 1984 года на встрече с рядом руководителей Дэн подвел итоги поездок: «Дело не свертывать, а развивать!» И объяснил: «Шэньчжэнь произвел на меня впечатление масштабностью подъема и развития… Особые районы, так сказать, окна, через которые идет заимствование технических достижений, методов управления, знаний, реализуется политика внешних сношений». Он предложил «дать [в ОЭР] свободный вход и выход капиталу… открыть несколько новых портовых городов, таких как Далянь и Циндао», а также освоить остров Хайнань[124]. Услышав об этом, Ху Яобан подал реплику: «Я думаю, надо открыть семь-восемь приморских городов, это не опасно»[125].

После этого в конце марта — начале апреля 1984 года Секретариат ЦК партии и Госсовет провели совещание с руководителями некоторых приморских городов и 4 мая приняли решение создать особые районы не в семи-восьми, а в четырнадцати портовых городах, включая Шанхай, Тяньцзинь и Кантон. Эти города, правда, получили название «районы экономического и технического развития» (РЭТР), но их суть от этого не менялась. Во всех них создавались максимально благоприятные условия для привлечения иностранного капитала, в частности, снижался налог на прибыль — до 15 процентов[126]. РЭТР, правда, не отделялись от основной части Китая контрольно-пропускными пунктами[101].

Даже государственные предприятия и те активно втягивались в рыночную экономику, получая все больше свободы в реализации производимой сверх плана продукции. В то же время банки приобретали право заниматься коммерческой деятельностью и переходили к кредитованию предприятий. Это также расширяло сферу рыночного регулирования[127]. С осени 1984 года госпредприятиям было разрешено использовать и систему двойных цен — на рыночную и плановую продукцию[128].

В общем, рынок стал быстро отвоевывать экономическое пространство. А это требовало дальнейшего осмысления курса реформ. 9 сентября 1984 года Чжао Цзыян направил письмо Ху Яобану, Дэн Сяопину, Ли Сяньняню и Чэнь Юню. Основываясь на предложениях экономистов, Чжао очертил в письме новую концепцию взаимоотношений между плановым и рыночным регулированием. Он подчеркнул, что надо последовательно

вытеснять директивное планирование направляющим, которое должно регулироваться главным образом экономическими методами. «Социалистическая экономика, — говорилось в письме, — это плановая товарная экономика, основанная на общенародной собственности… Выражение „планирование — на первое место, закон стоимости — на второе“ не точно, и его нельзя больше употреблять. Надо соединять и то и другое, а не разделять или противопоставлять… Плановая экономика китайского типа должна развиваться в соответствии с законом стоимости»[129]. Иными словами, Чжао предлагал либерализировать всю систему народного хозяйства, превратив его в рыночное (о «товарной», а не «рыночной» экономике он говорил исключительно в тактических целях).

Как видно, Чжао излагал концепцию органического соединения планового (на макроуровне) и рыночного (на микроуровне) регулирования. Его письмо вызвало у Дэна живой интерес. Одобрили его и остальные члены Постоянного комитета, даже Чэнь Юнь, который не мог, конечно, быть им доволен, поскольку сам все время настаивал совсем на другом, а именно: план — основа, а рынок — дополнение. По-видимому, на тот момент Чэнь, считая Чжао союзником в борьбе с Ху Яобаном, просто не хотел с ним спорить.

В октябре 1984 года это письмо легло в основу постановления 3-го пленума ЦК компартии двенадцатого созыва «О реформе экономической системы», давшего новый импульс развитию рыночной экономики и ее гармоничному сочетанию с плановой. В точном соответствии с Бухариным (о котором, правда, никто не вспоминал) в постановлении подчеркивалось: «В вопросе товарного хозяйства и закона стоимости различие между социалистическим и капиталистическим хозяйствами заключается не в том, существует ли товарное хозяйство и действует ли закон стоимости, а в разном характере собственности». При этом поминался и Ленин, правда, только в связи с тем, что когда-то, накануне нэпа, написал: «Целый, цельный, настоящий план для нас = „бюрократическая утопия“. Не гоняйтесь за ней»[130]. Чжао вспоминает: «Решение об экономической реформе… подчеркивало важность естественных законов спроса и предложения и всевластия рынка. Оно объявляло экономику социализма „товарной экономикой“. Дэн высоко оценил это решение, считая его даже „новой теорией в политической экономии“… Несмотря на то что в разное время он говорил разные вещи, он всегда склонялся к товарной экономике, закону спроса и предложения и свободному рынку»[131].

К тому времени реформы уже принесли ощутимые

результаты. С 1978 по 1984 год наблюдался устойчивый рост валового внутреннего продукта (ВВП) — в среднем на 8,8 процента в год (всего за тот период — на 66 процентов). За то же время объем промышленного производства вырос более чем на 78 процентов, в том числе тяжелой промышленности — на 66, а легкой — почти на 98. В общем объеме инвестиций доля иностранных капиталовложений была еще небольшой (в 1984 году — около 4 процентов), но иностранцы строили быстро, надежно и качественно, причем на самом высоком техническом уровне. В 1984 году был собран рекордный урожай зерновых — более 407 миллионов тонн, на 100 с лишним миллионов больше, чем в 1978 году. В тот момент даже реформаторы растерялись: никто не знал, что делать с таким колоссальным количеством зерна, — ни зернохранилищ, ни денег для расчета с крестьянами не хватало. В итоге 1 января 1985 года Госсовет объявил, что отныне государство не будет брать на себя обязательство покупать зерно, произведенное сверх плана. Это привело к некоторому снижению зернового производства (на 28 с небольшим миллионов тонн в 1985 году), но одновременно способствовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в деревне. К 1985 году средние доходы сельского населения возросли более чем в полтора раза, а средняя заработная плата рабочих и служащих — примерно на 60 процентов. Правда, 125 миллионов крестьян, то есть 15 процентов, по-прежнему относились к категории «абсолютно бедных», но Дэн ведь и не говорил о том, что все сразу станут зажиточными[132]. Все-таки число голодавших сократилось в два раза!

Политика реформ к 1985 году обернулась и большим успехом правительства в наиболее чувствительном для национального сознания китайцев вопросе: об объединении страны. Еще в январе 1979 года Дэн выдвинул план воссоединения материковой части Китая с Тайванем, Гонконгом и Макао на основе принципа «одна страна — две системы». Он гарантировал, что после возвращения Гонконга и Макао Китайской Народной Республике, а также обьединения КНР с Тайванем на всех трех территориях в течение долгого времени (чуть позже появилась цифра — 50 лет) будут сохраняться существующие там социально-экономическая и даже политическая системы, то есть демократический капитализм. Режиму Цзян Цзинго он даже обещал, что Тайвань сохранит собственные вооруженные силы. Взамен же Дэн хотел одного: чтобы Пекин выступал от имени всего Китая на международной арене. Как видно, в вопросе объединения он готов был интерпретировать принцип «одна страна — две системы» гораздо

шире, чем в отношении собственных ОЭР.

Дело с Тайванем, конечно, было весьма непростым, так как президент Китайской Республики Цзян Цзинго и слышать не хотел о предложениях однокашника по московскому Университету им. Сунь Ятсена. Как и его отец Чан Кайши, он упорно настаивал на том, что только его режим — законное правительство Китая и что рано или поздно Гоминьдан вернет материк.

Что же касается вопроса с Гонконгом и Макао, то он был легче, хотя и здесь имелись свои трудности, связанные главным образом с Гонконгом. О Макао можно было не беспокоиться, так как португальцы сами неоднократно предлагали вернуть его Китайской Народной Республике и в 1979 году даже достигли с китайцами соответствующей договоренности, которая, правда, держалась в секрете: Дэн ждал подходящего момента, чтобы объявить о ней. Но вот с англичанами быстро решить проблему не получалось. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер считала, что Гонконг — «уникальный пример успешного англо-китайского сотрудничества» и объявление о его возвращении КНР будет иметь «катастрофический эффект», так как жители этой колонии боятся коммунистов и тут же начнут вывозить капитал[133]. У англичан, правда, в отличие от гоминьдановцев, позиция была слабая: в 1997 году заканчивался срок их 99-летней аренды большей части Гонконга, известной под названием Новые территории. Этот район — сельскохозяйственный придаток Гонконга, и без — него многомиллионный город просто не мог существовать. Понимая это, Дэн на переговорах с Тэтчер в сентябре 1982-го был очень жёсток. «Мы должны смело встретить эту катастрофу и принять надлежащие меры», — не без юмора заметил он, дав понять, что Китай объявит о своем решении возвратить Гонконг в любом случае, согласятся англичане передать его или нет. С плохо скрываемой угрозой он заявил, что китайцы вообще могут войти в Гонконг через несколько часов[134].

У Тэтчер от Дэна остались самые неприятные воспоминания: мало того что тот был безапелляционен, но он еще в присущей ему, как и большинству китайцев, манере во время переговоров все время плевал в стоявшую рядом с ним латунную плевательницу. Он вообще-то всегда так делал, не только с Тэтчер, хотя знал, что это невежливо, но ничего с собой поделать не мог: крестьянская натура брала свое. «У меня три недостатка, — говорил он в минуту откровения, — я пью, плюю и курю»[135]. Но «железная леди» была настолько потрясена всем услышанным и увиденным, что, выходя из здания Всекитайского

собрания народных представителей, где проходили переговоры, и будучи явно в расстроенных чувствах, неожиданно подскользнулась и упала на левое колено. Телевизионщики тут же это запечатлели и, транслируя пикантный сюжет на весь мир, сопроводили его ядовитыми комментариями типа: «Как видно, Тэтчер проиграла переговоры с разгромным счетом»[136].

Собственно, они правильно оценили случившееся. К концу сентября 1984 года китайские и английские дипломаты урегулировали все детали, и в середине декабря Тэтчер, вновь прилетевшая в КНР, подписала с Чжао Цзыяном Совместную декларацию о возвращении Гонконга Китаю в 1997 году — именно на условиях Дэна. Этот первый шаг на пути объединения родины горячо приветствовали все граждане КНР. Дэн же был просто счастлив. В конце октября он поделился радостью с ветеранами, сообщив, что в этом году сделал два дела: во-первых, открыл для зарубежных инвестиций 14 приморских городов, а во-вторых, разрешил вопрос с Гонконгом по принципу «одна страна — две системы»[137].

За два месяца до встречи с ветеранами, 22 августа, Дэн отметил свой 80-й день рождения. Как всегда, в кругу большой семьи. На юбилее не было только младшего сына Фэйфэя с женой Лю Сяоюань, но они находились далеко — в Нью-Йорке, где учились в Рочестерском университете. И Фэйфэй, и его жена одними из первых в Китае отправились за океан в самом начале 1980-х, вскоре после того, как Дэн договорился с Картером о студенческом обмене. В Рочестере они писали докторские диссертации — Фэйфэй по физике, а Сяоюань по биофизике. Дэн и Чжо Линь очень надеялись, что Сяоюань скоро приедет домой и родит им внука: ведь именно он был бы прямым наследником рода Дэнов[102]. В общем, в тот день собрались все, кроме «американцев». Чжо Линь, дочери и горничные накрыли два больших стола. На одном из них возвышался огромный торт в восемь слоев, увенчанный большой верхушкой из крема. По его периметру 80 персиков, 80 свечей и 80 выписанных кремом иероглифов *шоу* (долголетие) символизировали юбилейную дату. С помощью внуков Дэн под общий хохот в несколько приемов задул свечи. Все закричали: «С днем рождения!» После чего, разумеется, торт с аппетитом съели. Дэн был счастлив: праздник удался[138]. Как видно, не только Китай вступал в 1985 год обновленным, но и его лидер демонстрировал завидное душевное и физическое здоровье, хотя, как мы помним, именно в этом году планировал уйти на пенсию.

РЕФОРМЫ И ДЕМОКРАТИЯ

Увы, с отставкой Дэну пришлось повременить. 1985 год выдался не самым легким, а потому он решил, что уходить на покой ему рано. В самом начале года он опять ощутил опасность, исходившую от творческой интеллигенции. Дело в том, что как раз в то время проходил 4-й съезд Союза писателей Китая, на котором в обход отдела пропаганды ЦК партии, то есть консерватора Дэн Лицюня, были проведены свободные выборы руководства. В результате председателем союза избрали Ба Цзиня, всемирно известного писателя, а вот его заместителем стал либеральный публицист Лю Биньянь. Многие интеллигенты восприняли это как начало глубоких идеологических перемен, тем более что съезд от имени ЦК приветствовал Ху Яобан, а писатели со съездовской трибуны выступали в защиту «свободы творчества»[139]. Дэн такого своеволия терпеть не мог. Никакого «социализма с человеческим лицом» он, как мы знаем, не принимал, а потому либерализм со свободными выборами и гласностью оставался для него синонимом капитализма.

Второго января он выразил недовольство либералу Ху Яобану, которого считал виновным в том, что произошло, а в марте на Всекитайском совещании по проблемам научно-технической деятельности опять поднял вопрос об идеалах и дисциплине[140]. После этого стал настойчиво проводить мысль о необходимости непрерывной борьбы с «буржуазной либерализацией». Дэн был убежден: «Развитие идейного течения либерализации подорвет наше дело… У нас одна цель — создать стабильную политическую обстановку… Буржуазная [же] либерализация вызовет смуту внутри нашего общества, сделает его нестабильным, а тогда не удастся строительство»[141].

Однако Ху Яобан, казалось, не слышал его и вскоре вновь разозлил, причем на этот раз по-крупному. 10 мая он дал двухчасовое интервью некоему Лу Кэну, гонконгскому журналисту, издателю двухнедельника «Байсин» («Простой народ»). Этот Лу до 1978 года был гражданином КНР, но эмигрировал, не простив режиму свое многолетнее тюремное заключение: его арестовали в 1957-м в ходе борьбы с «правыми».

Когда Дэн ознакомился с интервью, появившимся в печати 1 июня, его просто взорвало. Дело в том, что Лу Кэн на все лады расхваливал Ху Яобана как крупнейшего либерала в руководстве китайской компартии, к тому же называл его будущим вождем. При этом задал провокационный вопрос: «А почему бы Вам [прямо сейчас] не взять на себя работу господина Дэна в Военном

совете и не стать Председателем Военного совета, пока он [Дэн] еще в полном здравии?» Иными словами, Лу намекнул на то, что Ху Яобану следовало бы поторопиться и прибрать к рукам всю полноту власти, несмотря на то что «господин Дэн еще не отправился на встречу с Марксом».

Вместо того чтобы осадить зарвавшегося журналиста, Ху попытался сострить: мол, Дэн пользуется таким уважением в армии, что ему требуется всего одна фраза, чтобы его приказ был выполнен, в то время как им с Чжао Цзыяном понадобится пять фраз. Кроме того, добавил, что вообще-то пост Председателя Военного совета не очень обременительный, так что Дэн просто экономит время и его (Ху), и Чжао для того, чтобы они занимались более важными делами. Помимо этого Ху позволил Лу Кэну обсуждать с ним личные и деловые качества Чэнь Юня, Ван Чжэня, Ху Цяому и Дэн Лицюня, невзирая на то что Лу негативно отзывался об этих людях[142].

Двадцать восьмого июня Дэн пригласил к себе члена Секретариата Ху Цили, близкого к Ху Яобану человека, попросив того передать генсеку свое неудовольствие. При этом подчеркнул, что Ху Яобан не проявляет твердости в соблюдении четырех кардинальных принципов. Ху Цили, разумеется, тут же сообщил это Ху Яобану, но он опять не отреагировал: наверное, не считал себя виновным.

Тогда Дэн 14 июля вновь пригласил Ху Цили, на этот раз вместе с кандидатом в члены Секретариата Цяо Ши, и уже им обоим с раздражением сказал: «Кое-кто (имелись в виду Лу Кэн и другие «буржуазные либералы». — *А. П.*) подзуживает Яобана и использует его имя для нападок на нашу внутреннюю и внешнюю политику». Он потребовал, чтобы Ху Яобан больше занимался борьбой с либерализмом, но тот и после этого ничего не предпринял[143].

Узнавший об этом Чжао Цзыян, несмотря на трения с Ху Яобаном, посоветовал ему ублажить Дэна, проведя специальное заседание Секретариата по вопросам борьбы с «буржуазной либерализацией». «В то время нельзя было занимать позицию, противную Дэну», — вспоминает Чжао[144]. Но Ху Яобан не стал этого делать. Ведь, в отличие от Дэна, он, как мы знаем, пытался построить в Китае именно «социализм с человеческим лицом».

Так как же мог Дэн, не определившись с преемником, уходить на пенсию? Ху Яобан теперь явно его не устраивал, и он с нетерпением ждал XIII съезда компартии, чтобы заменить вышедшего из-под контроля генсека на более покладистого.

А пока недовольный Патриарх стал подумывать, не созвать ли XIII съезд на два года раньше. Эта идея, однако, не получила

поддержку других руководителей. Вместо съезда решили осенью 1985-го провести Всекитайскую конференцию и два пленума, чтобы радикально обновить весь руководящий состав: и Центральный комитет, и Госсовет, и местные органы. На смену большому числу ветеранов должна была прийти молодежь — люди от 40 до 50 лет. Вопрос о Ху тем не менее Дэн на эти форумы выносить не хотел: отставка генсека — слишком серьезное дело, она могла вызвать ненужные разговоры в обществе, а потому спокойнее было обставить всё на съезде партии, причем изобразить отставку как перевод на другую работу. Дэн склонялся к тому, чтобы сделать Ху Яобана Председателем КНР вместо занимавшего этот пост с 1983 года Ли Сяньняня. Не был он и против того, чтобы Ху Яобан заменил его самого на посту Председателя Военного совета ЦК, но только если Ху уйдет с поста генсека. (Теперь Дэн рассчитывал уйти на пенсию на XIII съезде, осенью 1987-го[145]. Он действительно хотел это сделать, тем более что у него с середины 1980-х начали проявляться симптомы болезни Паркинсона[146].)

Короче говоря, в середине сентября был созван 4-й пленум ЦК партии, на котором 131 ветеран попросился в отставку. Среди этих людей было 64 члена Центрального комитета, 37 членов Центральной комиссии советников и 30 членов Центральной комиссии по проверке дисциплины[147]. Участники пленума похвалили их за этот поступок и не стали возражать.

А через два дня, выступая на партконференции, Ху Яобан объявил, что на смену ушедшим на пенсию ЦК партии рекомендует избрать в своей состав 56 членов и 34 кандидата, а в состав Центральной комиссии советников и Центральной комиссии по проверке дисциплины — 56 и 33 человека соответственно[148]. Как и следовало ожидать, все 992 делегата конференции с энтузиазмом за это проголосовали. Дэн был доволен. «На этот раз совсем неплохо прошла работа, — сказал он. — …Целая группа ветеранов… первой упразднила порядок пожизненного пребывания на руководящих постах и тем самым способствовала реформе кадровой системы. Этот факт стоит вписать золотыми буквами в историю нашей партии»[149].

Состоявшийся сразу после конференции 5-й пленум ЦК партии избрал шесть новых членов Политбюро, о которых стали говорить как о будущих руководителях третьего поколения (имелось в виду, что поколение Мао и Дэна — первое, а Ху и Чжао — второе). Среди них особенно выделялись 56-летний Ху Цили, бывший секретарь ЦК комсомола, избранный на XII съезде членом Секретариата ЦК партии, и Ли Пэн, 57-летний заместитель Чжао. Оба получили хорошее образование: в конце

1940-х — начале 1950-х Ху Цили учился на физическом и механическом факультетах Пекинского университета, а Ли Пэн — на гидроэнергетическом факультете Московского энергетического института. Ху Цили, как мы знаем, был близок к Ху Яобану (многие в партии рассматривали его как будущего преемника Яобана на посту генсека), а Ли Пэн являлся приемным сыном Чжоу Эньлая и Дэн Инчао и претендовал на должность премьера. Они очень походили друг на друга внешне: и тот и другой — высокие, подтянутые, в больших очках, но Ху Цили был более либерален, нежели Ли Пэн, поддерживавший близкие связи со многими ветеранами-консерваторами.

Ли Пэн был своим в среде последних, так как немало стариков помнили его отца и дядю, героически погибших за дело революции. Его отец, Ли Шосюнь, член партии с 1924 года, участник Наньчанского восстания, был расстрелян гоминьдановцами в 1931 году, когда Ли Пэну не исполнилось еще и трех лет. А дядя, Чжао Шиянь, еще более известный в истории китайской компартии человек, тот самый, который в начале 1920-х во Франции создавал вместе с Чжоу Эньлаем Коммунистическую партию китайской молодежи, проживающей в Европе, отдал свою жизнь и того раньше, в июле 1927-го. Но главное, что Чжоу Эньлай и Дэн Инчао по договоренности с его матерью, тоже коммунисткой-подпольщицей, усыновили Ли Пэна в 1939 году, взяв к себе в Яньань, где он и вырос на глазах у Чэнь Юня и других будущих ветеранов. Говорят, «старшая сестра Дэн» (так в руководстве звали вдову Чжоу Эньлая), бывшая всего на полгода старше Дэн Сяопина, поставила ультиматум, когда ей намекнули о желательности ее ухода на пенсию: «Хорошо, я уйду, но на мое место в Политбюро должен быть избран Ли Пэн!»[150] Спорить с ней, понятно, никто не стал: судьба маленького Ли была и без того давно предрешена.

Во время конференции Дэн Сяопин в пику Ху Яобану, которого не мог простить, стал публично расхваливать Чжао Цзыяна, причем не только за успехи в проведении реформ, но и за твердость в соблюдении четырех кардинальных принципов. На это многие обратили внимание: было похоже, что Дэн подумывает о замене Ху Яобана на Чжао.

Так оно, собственно, и было: Ху Цили, с точки зрения Дэна, следовало еще поучиться, чтобы изжить из себя хуяобановский либерализм, а вот Чжао Цзыян, гибкий, но твердый, мог с успехом возглавить компартию. Именно ему в обход Ху Яобана Дэн поручил подготовку основных документов к XIII съезду партии. А Ху Яобану спустя некоторое время сказал, что собирается уходить из Постоянного комитета Политбюро и с поста Председателя

Военного совета после XIII съезда. Ху вежливо ответил, что тогда и он уйдет в отставку. Но Дэн не стал его уговаривать остаться, как, по-видимому, ожидал Ху Яобан, а просто заметил, что для отставки такому молодому человеку время еще не пришло, а вот работу полегче ему можно будет подыскать[151].

Казалось бы, Ху Яобан должен был понять ситуацию и в оставшееся до съезда время сделать всё, чтобы вновь завоевать доверие Патриарха. Но он и на этот раз не стал изменять убеждениям. Донкихотствующий генсек продолжал лезть на рожон.

И это несмотря на то что Дэн в 1986 году дал ему, похоже, последний шанс, предложив возглавить работу по подготовке проекта постановления предстоявшего в сентябре 6-го пленума ЦК партии «Относительно руководящего курса в строительстве социалистической духовной цивилизации».

Это постановление призвано было расставить все точки над «i» в определении характера реформ, раз и навсегда заткнув рты либералам, мечтавшим о перестройке политической системы. Дэн был готов перестраивать только структуру, но отнюдь не систему власти, то есть разграничивать функции партийных и правительственных органов, проводить работу по преодолению бюрократизма и даже в определенной степени развивать массовые организации[152]. И всё. Подобная перестройка имела плюсы главным образом с точки зрения экономики: освободившись от излишней опеки парторганов, директора заводов могли бы более эффективно вести хозяйство, а массы — активнее включаться в производственный процесс[153]. В июне 1986 года Дэн поднял этот вопрос на встрече с Чжао Цзыяном и некоторыми другими работниками ЦК и Госсовета. «Сейчас ясно, — сказал он, — что без проведения… реформы [политической структуры] нельзя идти в ногу с развитием нашей обстановки»[154].

Но такая реформа не могла устроить беспартийную диссидентствующую интеллигенцию. Да и некоторые члены партии тоже выражали несогласие. Такие известные коммунисты, как астрофизик Фан Личжи и публицисты Лю Биньянь и Ван Жован, при всякой возможности заявляли, что Китаю нужно идти по американскому и западноевропейскому пути в развитии демократии[155]. Дэн советовал Ху Яобану исключить всех троих из партии, но Ху все оттягивал решение. Вот поэтому-то и нужно было принять постановление о строительстве социалистической духовной цивилизации.

Но, как и следовало ожидать, Ху Яобан не прошел и этот, последний, тест. В августе 1986-го проект постановления,

подготовленный Секретариатом ЦК партии, был серьезно раскритикован консерваторами во время специального обсуждения, проведенного в Бэйдайхэ. Чжао Цзыян вспоминает: «Кто-то из присутствовавших делал мелкие замечания, но многие считали, что проект неверен фундаментально». Дело в том, что Ху Яобан не включил в этот документ положение о борьбе с «буржуазной либерализацией». Пэн Чжэнь, Ван Чжэнь, Бо Ибо и другие ветераны вместе с Ху Цяому и Дэн Лицюнем тут же напали на него, потребовав вписать этот пункт. Большинство, в том числе Чжао, их поддержали, и Ху Яобан скрепя сердце принял эту поправку.

Дэн был страшно недоволен. И после заседания сказал Ху Яобану, что когда он, Дэн, уйдет в отставку со всех постов, тому лучше будет возглавить не Военный совет или страну, а Центральную комиссию советников. Сарказм его слов был очевиден. Затем Дэн обменялся мнениями о непослушном генсеке с некоторыми ветеранами, в том числе со знакомыми нам Ян Шанкунем и Бо Ибо. «Если я и сделал в жизни ошибку, то она в том, что я неправильно оценил Ху Яобана», — еле сдерживая ярость, сказал он Ян Шанкуню, посоветовав тому почитать интервью генсека Лу Кэну. Обсудив ситуацию, ветераны полностью поддержали Дэна в его решении сместить Ху Яобана[156].

Как же прав был Конфуций, сказавший: «В гневе не надо забывать о… последствиях»[157]. Через четыре года Дэну придется об этом вспомнить.

Между тем 28 сентября открылся 6-й пленум ЦК партии. И на нем снова возникла склока. Некоторые либералы, сторонники Ху, предложили все же убрать из проекта постановления указание на борьбу с «буржуазной либерализацией». Но Ван Чжэнь и Бо Ибо выступили решительно против. Ху Яобан же, председательствовавший на пленуме, занял уклончивую позицию[158]. Тогда слово взял Дэн, положив конец дискуссиям: «О необходимости борьбы с буржуазной либерализацией я говорил больше всех и настаивал на этом упорнее других. Почему? Во-первых, среди масс, среди молодежи наблюдается идейное течение либерализации. Во-вторых, подливают масла в огонь идущие из Сянгана [Гонконга] и Тайваня разные толки… Фактически она [либерализация] имеет целью направить нынешнюю политику Китая на капиталистический путь… Либерализация есть только буржуазная, нет никакой пролетарской, социалистической либерализации… Нынешнее реальное политическое положение диктует необходимость вписать это в „Постановление“. Я за это»[159].

Дэн заявил, что готов продолжать борьбу с либерализацией 10–20 лет, но потом, подумав, добавил: «А если кому-то [моя борьба] не нравится, можно и еще пятьдесят надбавить. Получится семьдесят. Ну вот, будем отныне бороться с либерализацией до середины следующего столетия»[160].

После пленума ветераны продолжали критиковать Ху Яобана. И не только за проект постановления о строительстве социалистической духовной цивилизации, но за всё что только можно: от внешней политики до экономики. «В этот период все, что ни делал Яобан, считалось неправильным. Большинство [его] предложений… на Секретариате оспаривалось и отвергалось ветеранами. Ему как руководителю стало трудно работать», — пишет очевидец[161]. По поручению Дэна заниматься реформой политической структуры стал Чжао Цзыян. Все ветераны его поддерживали: они уже приняли решение сделать его генсеком компартии на XIII съезде, осенью 1987 года.

Но тут в Китае произошли события, которые ускорили падение Ху Яобана. В середине декабря 1986 года в городе Хэфэе (провинция Аньхой) начались волнения среди студентов, потребовавших как раз той самой либерализации, которой так опасался Дэн. Их тут же поддержали студенты близлежащих Шанхая и Нанкина. Идеологом и главным организатором волнений стал астрофизик Фан Личжи, начавший конфликтовать с властью еще в 1955 году, когда был студентом физфака Пекинского университета. За свою жизнь он трижды подвергался гонениям: в конце 1950-х, в 1968—1972-м и в 1973–1978 годах. И к середине 1980-х он уже достаточно созрел идейно и политически. Несмотря на то что Фан был членом партии, он ратовал за свободу слова и восхищался Сахаровым. Став в 1984 году проректором Научно-технического университета города Хэфэя, Фан Личжи начал культивировать в этом вузе атмосферу свободомыслия. Блестящий лектор и выдающийся ученый, он пользовался невероятной популярностью в молодежной среде. Ему было всего 50 лет, но его уже знали в разных странах. В 1985 году он получил престижную премию американского Фонда исследования гравитации.

Фан читал лекции не только в Научно-техническом университете, но и в ряде вузов Шанхая и Нанкина. В Шанхае в разных аудиториях часто выступал и Ван Жован, еще один популярный диссидент, заместитель главного редактора журнала «Шанхай вэньсюэ» («Шанхайская литература»). Он тоже немало натерпелся в жизни (за свои 68 лет успел посидеть в тюрьме и при гоминьдановцах, и, дважды, при маоистах). Умел зажигать молодежь и Лю Биньянь, тоже неоднократно подвергавшийся

гонениям — в конце 1950-х и в 1960-х годах. Его статьи о коррупции власть предержащих вызывали восхищение многих людей. Так что не удивительно, что волнения, начавшиеся в Хэфэе в ноябре, вскоре перекинулись на другие города. Спокойная жизнь оказалась нарушена, занятия — прерваны. Студенты вышли на улицы, скандируя: «Свобода или смерть!» Они требовали честных выборов в муниципальные собрания, свободы слова и других демократических прав. Демонстрации прокатились по семнадцати городам, в них приняли участие студенты 150 вузов[162]. Многим стало казаться, что в Китае вновь разворачивается движение «4 мая», только на этот раз не антияпонское, а чисто демократическое!

Студенты, конечно, во многом подражали молодым южнокорейцам и филиппинцам, за несколько месяцев до того устроившим демонстрации в своих странах, требуя свержения диктатуры. На Филиппинах, как известно, их акции в конце февраля 1986 года даже привели к падению режима Фердинанда Маркоса, о чем все китайские студенты, разумеется, знали из телевизионных новостей. Мощный импульс движению придавали также известия, доходившие с Тайваня, где 28 сентября 1986 года образовалась первая оппозиционная организация — Демократическая прогрессивная партия. К удивлению многих, Цзян Цзинго ее не запретил, и вскоре его режим, бывший до того не менее авторитарным, нежели коммунистический, стал стремительно продвигаться к демократии. Многих граждан КНР, привыкших считать Гоминьдан едва ли не филиалом ада на Земле, это буквально потрясло!

Так что всплеск недовольства диктатурой компартии был закономерен. Тем более что за год до того стало заметно ухудшаться экономическое положение студенчества, да и вообще той части горожан, которая не сумела вписаться в новые хозяйственные условия. Связано это было прежде всего с ростом цен и инфляцией, неизбежными побочными явлениями рыночных реформ. Цены начали резко расти в первой половине 1985-го: за полгода поднялись на 14 процентов, тогда как инфляция составила 16 процентов[163]. Во второй половине 1985-го и в 1986 году ситуация не улучшилась.

Многие простые люди были крайне недовольны и страшной коррупцией чиновничества. Мало того что бюрократы брали взятки самым беспардонным образом, как будто считали, что призыв Дэна, чтобы часть населения стала зажиточной, в первую очередь относился к ним, но еще и через родственников, а то и напрямую занимались хозяйственной деятельностью. Соответственно и обогащались в основном они и их близкие.

Последнее было закономерно, поскольку в китайском клановом обществе главную роль по-прежнему играли *гуаньси* (связи). Только те, кто имел родню и друзей в высших сферах, могли выбиться в люди. Не случайно ведь младший сын Дэна, Фэйфэй, да и не один, а с женой поехал на учебу в США одним из первых. Вернувшись в середине 1980-х, он начал успешно заниматься бизнесом на рынке Гонконга. Старший же сын, Пуфан, в 1985-м возглавил Всекитайскую ассоциацию инвалидов, а дочь, Дэн Нань, в 1979-м неожиданно пошла в гору на политическом поприще: в Госкомитете по науке. В то же время муж Дэн Нань стал генеральным менеджером одной из крупнейших военных компаний. Еще одна дочь Дэна, Маомао, сначала помогала отцу на правах доверенного секретаря, а потом вместе с мужем тоже успешно занялась бизнесом. (Обо всех детях Дэна, за исключением старшей дочери Дэн Линь, в Китае к тому же ходили упорные слухи, что они нечисты на руку; правда, были ли эти обвинения справедливы, неизвестно[164].)

«Делали деньги» дети и внуки и других руководителей КНР. Причем кое-кто действительно оказался втянут в криминальный бизнес. В сентябре 1983-го Китай да и весь мир потрясла весть о казни внука самого маршала Чжу Дэ — за бандитизм и другие преступления! Но расстрел члена семьи покойного маршала вряд ли можно было считать типичным. Люди говорили, что органы правопорядка «ловят мух, а не тигров»[165]. И, соответственно, были недовольны, несмотря на то что сам Дэн то и дело призывал положить конец росту преступности среди родственников крупных чиновников[166]. Но кто мог ему поверить, если и его дети превращались в богатых и влиятельных людей самым волшебным образом?

В общем, китайские студенты в конце 1986-го имели немало причин выражать недовольство. Их трибун, Фан Личжи, внушал: «Нам нужна… „полная вестернизация“… Ортодоксальный социализм [повсеместно] провалился — от Маркса, Ленина и Сталина до Мао Цзэдуна»[167]. В самом конце ноября бывший руководитель Аньхоя Вань Ли прибыл в Научно-технический университет, чтобы сбить накал только еще разворачивавшегося движения, но у него ничего не вышло. Он попытался шутить с администрацией, намекая, что в свое время был неплохим первым секретарем, который давал им достаточно свободы и демократии, но «китайский Сахаров» (так студенты звали Фан Личжи) резко возразил: «Один человек не может решать, давать демократию или нет». Через несколько дней на митинге студентов Фан объяснил, что имел в виду: «Демократия не дается сверху, а добывается в свободной борьбе»[168].

Студенческие волнения продолжались весь декабрь. В середине декабря в Шанхае к студентам присоединились некоторые рабочие. 17–22 декабря центр города был буквально запружен демонстрантами. По некоторым данным, на улицы вышло до шестидесяти тысяч человек. Массовый митинг прошел на набережной Банд. Там с яркой речью выступил Фан Личжи, заклеймивший антидемократическое руководство компартии позором.

Мэр города, Цзян Цзэминь, просил студентов вернуться в кампусы, но его никто не слушал. У этого немолодого уже человека (в августе 1986-го Цзян отметил шестидесятилетие) могли возникнуть серьезные проблемы, если бы он не справился с беспорядками. Он советовался с Ху Яобаном, и тот рекомендовал ему воздействовать на студентов только убеждениями. Хороши рекомендации, если их нельзя выполнить! В конце концов Цзян применил силу, предварительно выпустив строгое распоряжение о незаконности демонстраций[169]. Однако тут в знак солидарности с шанхайцами выступили студенты Пекина. 24 декабря они попытались пройти колоннами на площадь Тяньаньмэнь, но их остановила полиция. После этого и пекинская мэрия запретила демонстрации. К началу 1987-го волнения постепенно прекратились во всех городах. Демократия вновь потерпела поражение.

Дэн был вне себя от этих событий. Вот до чего довела «мягкотелость» Ху Яобана, не желавшего бороться с либерализацией и даже не исключившего Фан Личжи, Ван Жована и Лю Биньяня из партии! Компартия потеряла молодежь! 30 декабря он пригласил к себе домой Ху Яобана, Чжао Цзыяна, Вань Ли, Ху Цили, Ли Пэна, а также заместителя председателя Государственного комитета по образованию Хэ Дунчана и заявил: «Требуются решительные меры… Волнения — результат того, что в последние годы… не было твердой позиции и не велась решительная борьба против идейного течения буржуазной либерализации». Он потребовал немедленно исключить всех троих диссидентов (Фана, Вана и Лю) из партии[103], однако главный удар направил против Ху Яобана. Нет, он не требовал отобрать у него партбилет, но по существу обвинил в «попустительстве» «буржуазной либерализации»[170]. Очевидец вспоминает: «Дэн фактически взвалил всю ответственность за студенческие демонстрации на [Ху] Яобана. Его эмоциональный взрыв обнажил глубочайший раскол между ним и Ху по вопросу о либерализации»[171]. Текст речи Дэна разослали всем членам партии[172].

Стоит ли говорить, что Ху Яобан был глубоко подавлен? На

второй день после Нового года он послал Дэну письмо с просьбой об отставке, в котором признал, что допустил много «ошибок». Ху сожалел, что не проявил достаточно твердости в отстаивании четырех кардинальных принципов и в борьбе с «буржуазной либерализацией», став невольным «покровителем» плохих людей. Получив письмо, Дэн решил больше не ждать XIII съезда компартии, а заменить генсека немедленно. Это, конечно, нарушало нормы партийной жизни (нужен был по крайней мере пленум ЦК), а потому Дэн позвонил Ли Сяньняню, находившемуся в Шанхае, — посоветоваться[104]. Ли, ненавидевший Ху Яобана, не раздумывал: «Вы там в Пекине сами решайте, [но] я всегда знал, что этот парень нехорош!»[173]

Четвертого января Дэн собрал у себя «старую гвардию» — Бо Ибо, Ван Чжэня (своих заместителей по Центральной комиссии советников), Ян Шанкуня, Чэнь Юня и Пэн Чжэня, а также пригласил «молодых» — Чжао Цзыяна и Вань Ли. Все, кроме Бо Ибо и Ван Чжэня, входили в состав Политбюро. Ни слова не говоря, он вручил им письмо Ху Яобана. После того как все с ним ознакомились, Дэн ледяным тоном сказал: «Отставку надо принять». Никто не возражал. Во главе Постоянного комитета Дэн поставил Чжао Цзыяна. Помогать ему должны были Бо Ибо с Ян Шанкунем, Вань Ли и Ху Цили. Дэн еще добавил, что с Ху Яобаном надо поступить мягко: вызвать на так называемое «внутрипартийное живое собрание», организуемое Центральной комиссией советников (своего рода партийный суд), но, покритиковав, оставить членом Постоянного комитета. Он просил также не придавать ошибкам Ху характер антипартийной линии, не обвинять беднягу во фракционности и не обсуждать его личные качества[174].

«Внутрипартийное живое собрание» проходило с 10 по 15 января. Дэн, Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь на него не пришли. А зачем? За них всё должны были сделать другие. Присутствовало более двадцати человек, в том числе члены Политбюро, Секретариата ЦК и Постоянного комитета Центральной комиссии советников. Председательствовал Бо Ибо. Ху Яобан сделал два самокритичных доклада — в первый и последний день заседаний. А в остальные дни кто только его не поносил! Бывшему генсеку компартии вменили в вину нарушение принципов коллективного руководства, несоблюдение дисциплины, непонимание экономики, зазнайство, либерализм и даже попытки свержения Дэн Сяопина. А кое-кто, увлекшись и забыв об указаниях Дэна, попытался приписать ему и фракционность, обвинив в создании некоей «молодежной фракции» внутри компартии из бывших работников ЦК комсомола[105]. Ху не выдержал и разрыдался.

Он вообще был слишком эмоционален, и его глаза легко увлажнялись при любых переживаниях. Маргарет Тэтчер, например, вспоминала, как он плакал, рассказывая ей о своих страданиях в годы «культурной революции»[175]. На «железную леди» это произвело сильное впечатление.

Однако «стальных коммунистов» его слезы не тронули. Самое обидное для Ху Яобана было то, что в его травле приняли участие близкие друзья: Ван Хэшоу, секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины, Юй Цюли, начальник Главпура, и даже его выдвиженец Ху Цили. Предавая друга, они, понятно, хотели спасти себя, чтобы никому и в голову не пришло объединить их с Ху Яобаном[176].

Только один человек пожалел несчастного: прямодушный Вань Ли. Когда-то именно из чувства сострадания он поддержал аньхойских крестьян, страдавших от голода и желавших перейти на подряд. И вот теперь, видя, как Ху горько плакал, не выдержал. Зная, что Ху Яобан очень любил собачье мясо, он вечером того же дня послал своего человека отнести ему жареную собачатину[177].

На следующий день, 16 января, расширенное заседание Политбюро под председательством Дэна поставило точку в «деле Ху Яобана». Чэнь Юнь тоже присутствовал и даже выступил, напомнив всем, как критиковал Ху еще в марте 1983-го. Не было только Ли Сяньняня. В конце заседания единогласно приняли резолюцию: «Удовлетворить просьбу товарища Ху Яобана об отставке с поста Генерального секретаря ЦК; назначить и. о. генсека товарища Чжао Цзыяна»[178].

Чжао, как и положено китайцу, заявил, что он «недостоин», но долго не сопротивлялся[179]. Надо было делать дела, вести реформы, готовить съезд. Причем в весьма тяжелой обстановке. Дело в том, что Дэн, поддержанный консерваторами, сразу после заседания Политбюро развернул новую массовую кампанию борьбы с «буржуазной либерализацией». Все леваки и противники рыночных реформ тут же подняли головы. И Чжао, конечно, стало неимоверно трудно, тем более что консерваторы контролировали центральные органы печати, прежде всего журнал «Хунци», газету «Гуанмин жибао» и агентство Синьхуа. А Дэн не мог успокоиться: он «предложил составить список либералов и наказывать их одного за другим»[180]. И вскоре консерваторы стали нападать на знакомых нам реформаторов, тех, кто, собственно, и помогал Чжао двигать реформы. Осуждению подверглись, например, Юй Гуанъюань и Су Шаочжи. Их, правда, оставили в партии, но раскритиковали. Су даже сняли с поста директора Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна.

В конце апреля Чжао не выдержал и попросил встречи с

Дэном. 28 апреля тот принял его, и новый генсек пожаловался, что «некоторые люди используют кампанию, чтобы противодействовать реформе». Он сомневался, сможет ли в такой ситуации стать успешным XIII съезд, на котором планировалось принять ряд мер, направленных на ускорение и углубление перестройки народного хозяйства[181].

К тому времени Дэн и сам понял, что зашел слишком далеко, и уже за два дня до встречи с Чжао в беседе с председателем правительства Чехословакии Любомиром Штроугалом обронил: «Делу социализма, делу четырех модернизаций мешают левацкие помехи». Он, правда, не отрицал и помех справа, но упор все же сделал на левацкой опасности[182]. Поэтому Чжао он поддержал, и с мая 1987-го китайская пресса вновь стала акцентировать внимание на продвижении вперед экономических реформ.

Стремясь нанести сокрушительный удар по консерваторам, Чжао в июле 1987 года добился от Дэна и согласия на снятие одного из крупнейших их идеологов, Дэн Лицюня, с заведования отделом пропаганды ЦК партии, а через месяц отправил в отставку главного редактора «Хунци» Сюн Фу. По словам Чжао, именно Сюн в свое время был подлинным автором концепции «двух абсолютов», однако при поддержке Дэн Лицюня выкрутился. Но на этот раз защитить его было некому[183].

После этого подготовка к XIII съезду пошла почти без проволочек. Чжао с помощью своей команды подготовил весьма прогрессивный доклад, который Дэн одобрил. Однако доклад, точнее его экономический раздел, не понравился Чэнь Юню. Дело в том, что Чжао развивал знакомые нам идеи органического соединения плана и рынка и, как и старый генсек, не хотел кривить душой в принципиальных вопросах, тем более в экономических, где считал себя экспертом. Он подчеркивал: «Развитие социалистического товарного хозяйства неотделимо от развития и совершенствования рынка… Новый рыночный механизм экономики, говоря в целом, должен быть механизмом „государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий“»[184]. Зная, что Дэн доклад утвердил, Чэнь Юнь не стал его критиковать, но и одобрения не выразил. А уже на съезде в самом начале выступления Чжао Цзыяна вдруг поднялся и вышел, не желая слушать «ересь». Чжао понял: в лице Чэнь Юня он приобрел врага[185].

Не легко развивались отношения Чжао и с некоторыми другими ветеранами, в том числе с Ли Сяньнянем и Ван Чжэнем. Последний в частной беседе даже просил Чжао отказаться на съезде от поста генсека. «У тебя и в Госсовете есть чем заняться, там без тебя нельзя обойтись, а в Секретариате дел не так уж и

много», — наставлял он его «по-дружески»[186]. Но Чжао не прислушался. Он исполнял только волю Дэна, а тот хотел видеть его главой партии, рассчитывая, что новый преемник оправдает доверие.

XIII Всекитайский съезд компартии проходил с 25 октября по 1 ноября 1987 года. На нем присутствовали 1936 делегатов с решающим голосом и 61 так называемый «специально приглашенный делегат» с совещательным. К тому времени Компартия Китая возросла уже до сорока шести миллионов человек. Как и во время предыдущего съезда, Дэн чувствовал себя хозяином, каковым, собственно, и являлся. Именно он открыл форум, ограничившись, правда, коротким вступительным словом. Просто объявил съезд открытым, и все тут же встали, запев «Интернационал». Дэн выглядел крепким и бодрым в отличие от Чэнь Юня, которого ввели в зал под руки. После пения и минуты молчания в память Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци, Чжу Дэ и других почивших революционеров старшего поколения Дэн предоставил слово Чжао, и тот громким голосом начал читать доклад.

Прежде всего, очертив общие достижения за последний период, он воздал хвалу Дэн Сяопину за «важнейший вклад» в формирование и развитие правильной, марксистской линии ЦК. Этот вклад, по словам Чжао, Дэн внес «смелостью своего марксистского теоретического мышления, своим реалистическим подходом к делу, богатым практическим опытом, умением глядеть глубоко вперед»[187]. Так еще Дэна никогда не хвалили с трибун партийных съездов. Еще больше восторженных слов Чжао сказал о Патриархе 2 ноября в своем докладе на 1-м пленуме ЦК тринадцатого созыва, подчеркнув, что и он сам, и все другие руководители по всем важнейшим вопросам советуются с Дэн Сяопином, так как именно он является главным вождем партии, имеющим право выносить окончательные решения. Пленум единогласно обязал Чжао и всех других слушаться Дэна и впредь, а самому Дэн Сяопину предоставил право по своему усмотрению созывать заседания руководства[188].

Все это было сделано потому, что еще в марте 1987-го Дэн в частной беседе с Чжао выразил наконец твердое намерение уйти в отставку с постов члена ЦК компартии, Политбюро, его Постоянного комитета и Председателя Центральной комиссии советников. Пост Председателя Военного совета он, по просьбе Чжао и других либералов, пока оставлял за собой: чтобы сдерживать консерваторов, сохраняя стабильность власти. Шутя, он называл это «полуотставкой». При этом, конечно, ему совершенно не хотелось лишаться власти, но он устал от

множества формальных обязанностей. Вот и выработали такое решение: Чжао хвалит Дэна, тот уходит, но по просьбе Чжао пленум ЦК оставляет его верховным вождем, или, иначе говоря, вменяет ему роль «свекрови» (так и назвали — «свекрови», в шутку, конечно, имея в виду неформальную главу семьи, в данном случае — Постоянного комитета Политбюро[106]).

В начале июля было решено, что и двое других ветеранов-«тяжеловесов», Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, наполовину уйдут в отставку: оба потеряют позиции в ЦК и Политбюро, но Чэнь Юнь вместо Дэна станет председателем Центральной комиссии советников, а Ли Сяньнянь — председателем Народного политического консультативного совета Китая. Вместо же Ли председателем КНР станет Ян Шанкунь, а еще один влиятельный ветеран, Пэн Чжэнь, уйдет на пенсию окончательно (его пост председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, который он занимал после отставки Е Цзяньина, с июня 1983 года, перейдет Вань Ли).

В общем, Чжао Цзыян уже в самом начале съезда воздал должное «свекрови»-Дэну, после чего представил и весь доклад, в котором содержалось немало инноваций. Например, определение современного этапа развития КНР как «начальной стадии социализма». Чжао объяснил, что имеет в виду не переходный период к социалистическому строю, через который, согласно марксизму-ленинизму, проходит любая страна до вступления в социализм, а именно первую фазу нового общества, начавшуюся в Китае с завершения социалистических преобразований в середине 1950-х и кончающуюся осуществлением социалистической модернизации. Эта фаза, по его словам, должна была продолжаться не менее ста лет[189]. Сам термин «начальная стадия социализма» применительно к современному этапу развития КНР не был чем-то абсолютно новым: он содержался и в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», и в Отчетном докладе Ху Яобана XII съезду, и в постановлении о строительстве социалистической духовной цивилизации. Но в этих документах термину не давалось теоретического объяснения[190].

Много лет спустя Чжао Цзыян признавал, что сделал упор на этом термине и всесторонне обосновал его для того, чтобы ублажить консерваторов. Сам он прекрасно понимал, что Китаю далеко до социализма, но сказать это — значило бы вызвать гнев ветеранов, поэтому «начальная стадия социализма» была наилучшей формулой: с одной стороны, не отвергались достижения в социалистическом строительстве, а с другой — Чжао и его либералы-реформаторы «могли полностью выйти за

рамки ортодоксальной социалистической идеологии». Чжао было на руку и то, что термин апробировался ранее: консерваторы восприняли его как нечто знакомое[191].

Такой трюк позволил Чжао Цзыяну протолкнуть и ряд других свежих идей: о коммерциализации производства, передаче имущественных прав на ряд мелких предприятий коллективам и отдельным лицам, об отделении права собственности от права хозяйствования на госпредприятиях, то есть о развитии подряда, лизинга и рынка акций, расширении рынка средств производства, услуг и финансов, найме хозяйственных руководителей «на бурных волнах рыночной конкуренции», переходе к рыночным ценам на большую часть товаров и услуг, усилении роли банков в системе макроэкономического регулирования и даже о поощрении развития частных хозяйств, основанных на наемном труде[192].

Как видно, Чэнь Юнь имел все основания выйти из зала во время доклада Чжао. Но тот не очень переживал и после съезда стал говорить, что через два-три года доля народного хозяйства, регулируемого планом, сократится с 60 до 30 процентов[193].

В конце съезда прошли выборы Центрального комитета, но Дэн, как и было условлено, не баллотировался. Тем не менее его вновь назначили Председателем Военного совета. Интересно, что либерала Ху Яобана оставили членом Политбюро, но вывели из Постоянного комитета, в который помимо Чжао Цзыяна избрали знакомых нам Яо Илиня, Ли Пэна, Ху Цили и Цяо Ши. В Политбюро же включили, в частности, шанхайского «героя» Цзян Цзэминя, успешно усмирившего студентов, и Ли Теина — сына бывшей жены Дэн Сяопина, «Золотца» Цзинь Вэйин от ее второго брака — ставшего вскоре председателем Государственного комитета по экономической реформе, а через год — Госкомитета по образованию[107]. Чжао был утвержден Генеральным секретарем ЦК, после чего, в середине ноября, на заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей снял с себя полномочия премьера. Вместо него исполняющим обязанности главы Госсовета стал Ли Пэн.

Дэн был в хорошем настроении: всё, как всегда, прошло по его сценарию. Ли Пэна он не очень любил, но за приемного сына Чжоу очень просили Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, и Дэн согласился дать ему должность, но потребовал, чтобы Ли Пэн сделал. публичное заявление о том, что он не любит советских гегемонистов. (Дело в том, что Дэн почему-то считал Ли Пэна просоветским; скорее всего потому, что Ли, как мы помним, долго учился в СССР.) Тот сделал заявление и стал премьером[194].

К началу 1988 года, таким образом, все основные задачи — и

политические, и организационные — были выполнены. И казалось, новый год сулил дальнейшие успехи на всех фронтах. Но ожидания не сбылись. 1988-й стал самым тяжелым за все годы экономических реформ. Новые попытки либерализации экономики привели к еще большему, чем в 1985 году, росту цен.

Всё началось в мае, когда распространились слухи, что по личному указанию Дэна, исходившего из решений XIII съезда, Чжао запланировал в ближайшее время отпустить цены на большинство товаров и услуг. Страшная весть уже сама по себе привела к тому, что за летние месяцы рост цен на рынке превысил среднегодовые показатели на 50 процентов; на алкоголь же и сигареты цены поднялись даже на 200 процентов! [108] Инфляция в начале июля составила 40 процентов[195].

Но самое ужасное произошло в августе, когда «Жэньминь жибао» опубликовала само решение Политбюро ЦК о реформе цен и заработной платы[196]. И хотя в нем говорилось, что цены будут отпускаться не сразу, а на протяжении пяти лет, люди в страшном волнении начали в массовом порядке снимать деньги со счетов в банках и сметать с торговых прилавков всё что можно: от мыла и риса до дорогущей электроники. При этом все выражали недовольство[197]. Дэн и Чжао вынуждены были дать обратный ход, объявив об отсрочке реформы цен на пять или более лет. Но люди не могли успокоиться.

На этом фоне вновь стало набирать силу так ненавидимое Дэном либеральное течение, и теперь уже не только «буржуазное». С конца 1987 года в Китае все сильнее ощущался ветер свободы и гласности из СССР. Творческая интеллигенция да и многие другие граждане жадно ловили новости из Москвы. Михаил Сергеевич Горбачев стал в одночасье самой популярной фигурой. Студенты университетов принялись учить русский язык, горожане при встрече с иностранцем тут же интересовались, не из России ли он, и если выяснялось, что да, поднимали вверх большой палец: *«Гээрбацяофу хэнхао!»* («Горбачев — хорошо!») Водители автобусов выставляли фотографии советского лидера на лобовых стеклах. Многие либерально настроенные жители надеялись, что отношения двух стран нормализуются очень скоро, после чего Дэн, возможно, пойдет по пути Горбачева[198].

Но китайские руководители, в том числе и сам Дэн, относились к реформам в Советском Союзе со смешанным чувством. Гласность они не принимали, а вот на изменения во внешней политике, вызванные горбачевским «новым мышлением», реагировали позитивно. Хотя, конечно, долгие годы вражды, у истоков которой стоял не только Мао, но и Дэн, не могли быстро забыться. Обвинения Компартии Советского Союза

в «ревизионизме», конечно, уже не работали: теперь Компартия Китая была куда «правее» хрущевско-брежневской партии, но Дэн не мог «потерять лицо». К тому же Горбачев держал пока на границе с КНР, в том числе в Монголии, миллионную армию, не выводил войска из Афганистана и поддерживал Социалистическую Республику Вьетнам, оккупировавшую Кампучию. Иными словами, с точки зрения Дэна, Советский Союз по-прежнему окружал Китайскую Народную Республику, угрожая ее безопасности. Дэн требовал, чтобы СССР устранил «три препятствия» на пути нормализации (то есть разрешил пограничный, афганский и вьетнамо-кампучийский вопросы самым благоприятным для КНР образом), и только в этом случае готов был открыть новую страницу в советско-китайских отношениях. Главным препятствием он считал вьетнамо-кампучийское. 9 октября 1985 года Дэн попросил румынского лидера Николае Чаушеску передать все это Горбачеву, заметив, что «хотя он [Дэн] уже и выполнил свою миссию по поездкам за рубеж и товарищи запрещают ему выезжать, но он бы нарушил этот запрет, если бы СССР смог достичь с… [КНР] взаимопонимания. Ради хорошего дела я хотел бы поехать»[199].

Что касается Горбачева, то он тоже мечтал восстановить добрососедские отношения с Китаем и 28 июля 1986 года заявил об этом открыто во Владивостоке, причем даже дал понять, что готов обсудить «препятствия»[200]. Дэн отреагировал, повторив то, что сказал Чаушеску, в интервью американскому журналисту Майку Уоллесу 2 сентября 1986 года[201]. После этого 26 февраля 1987 года на заседании Политбюро ЦК КПСС Михаил Сергеевич заявил, что «надо работать… на китайском направлении», добавив, что было бы хорошо «попробовать Дэн Сяопина завлечь в Москву»[202]. А 30 июля представил дополнительные соображения членам высшего органа партии:

— Есть у меня одна идея: пора бы подбросить дровишек в костер советско-китайских отношений. Пора их размораживать. Давайте издадим сочинения Дэн Сяопина у нас. Подошли мы к тому, чтобы начать серьезный диалог с китайцами? Созрели? Как вы считаете? Выбор ведь за нами.

Бывший посол в США Анатолий Федорович Добрынин заметил:

— Напугаем американцев окончательно.

Но Горбачев продолжал:

— Крупная будет акция. Тем более что затрагивает международные отношения. И для нашей общественности важно возродить интерес к Китаю. Согласны?

— Да, да, — послышалось с разных сторон. Тогда Горбачев

подытожил:

— Поручаем издать Дэна в Политиздате. А потом дать хорошую рецензию[203].

И уже в самом начале 1988 года сборник речей и бесед Дэн Сяопина появился в советских книжных магазинах. В него вошли выступления Дэна с сентября 1982-го по июнь 1987-го, включенные в книгу, опубликованную накануне в Китае в Издательстве литературы на иностранных языках[204]. Сразу же появилась и нужная рецензия — в «Правде».

В феврале 1987 года начались долгие переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел. Сначала они касались пограничного урегулирования, а затем и вьетнамо-кампучийского вопроса. В итоге советские дипломаты — под давлением Горбачева — уступили китайским ло всем пунктам и стороны достигли полного взаимопонимания. В декабре 1988-го министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь посетил Москву, где встретился с Горбачевым, а в феврале 1989-го советский министр Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе съездил в Пекин, где удостоился аудиенции у Дэна. 6 февраля было достигнуто соглашение о встрече в верхах. 84-летний Дэн, конечно, не поехал в Москву, любезно согласившись принять Горбачева. Визит был назначен на 15–17 мая 1989 года[205].

Но тут произошло событие, которое затмило и рост цен, и подготовку к визиту Горбачева. Началось все с того, что утром 8 апреля 1989 года на заседании Политбюро Ху Яобану неожиданно стало плохо. Он вдруг побледнел и, привстав с места, замахал Чжао Цзыяну:

— Товарищ Цзыян! Могу я выйти?..

Он недоговорил и рухнул на стул без сознания.

Все всполошились. Это было обычное заседание Политбюро, обсуждали проблемы образования, Ху сидел спокойно, правда, с самого начала выглядел не очень здоровым. Чжао в волнении закричал:

— Есть у кого-нибудь нитроглицерин?!

— У меня, — поспешно ответил Цзян Цзэминь. — Жена положила в карман, но я не знаю, как им пользоваться. У меня никогда не болело сердце.

Кто-то взял у него таблетки и сунул две под язык Ху. Позвонили в ближайший госпиталь № 305, находящийся через дорогу от Чжуннаньхая, но забыли предупредить охрану, а потому врачей не пускали внутрь целых десять минут. Наконец врачи появились и всё стало ясно: инфаркт.

В 16 часов 20 минут Ху перевезли в больницу. Несмотря на усилия врачей, через неделю, 15 апреля, в 7 часов 53 минуты утра

Ху Яобана не стало. Он умер на 74-м году жизни[206].

Весть о его кончине тут же облетела Пекин, а вскоре из правительственного сообщения об этом узнала и вся страна. В интеллигентских кругах Ху Яобана, естественно, очень любили, его отставку переживали, считая, что он незаслуженно пострадал, поддержав студентов в конце 1986-го. Многие плакали и, размазывая слезы, с гневом говорили: «Дэн должен публично реабилитировать товарища Ху. Товарищ Ху — честнейший коммунист. Он душа нации. Ему не стыдно встретиться с Марксом».

Вечером того же дня и на следующий день студенты собирались в кампусах и, обсуждая случившееся, говорили: «Тот, кто должен жить — умер, те, кто должны умереть — живы»[207]. Некоторые отправились на Тяньаньмэнь, чтобы там, на центральной площади, у Ворот небесного спокойствия, возложить к памятнику народным героям венки из белых цветов. Они прощались с Ху Яобаном с такой же болью, как 13 лет назад их родители — с Чжоу Эньлаем.

После этого стихийные волнения стали стремительно нарастать. Днем 18 апреля несколько сотен студентов передали в Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей список политических требований: «Дать народу свободу и демократию, прекратить борьбу с „духовным загрязнением“, соблюдать свободу прессы, отправлять чиновников в отставку за серьезные проступки, сделать прозрачной работу правительства, обнародовать декларации о доходах вождей и их детей, освободить политических заключенных»[208]. На следующий вечер двухтысячная толпа собралась перед центральными воротами Чжуннаньхая. Студенты кричали: «Ху Яобан не умрет! Ли Пэн, выходи!» — пытались прорваться внутрь, но когда у них ничего не вышло, сели на землю, не желая расходиться. Полицейские стали их избивать, заталкивая в автобусы, специально подогнанные. Кто-то из разгоряченных студентов крикнул: «Долой компартию!» Возникла потасовка, и только ценой немалых усилий к пяти утра порядок был восстановлен.

Однако, как оказалось, на очень короткое время. 20 и 21 апреля в центре города снова собирались возбужденные студенты, требовавшие усилить борьбу с коррупцией, положить конец бизнесу, основанному на *гуаньси* (связях), и даровать гражданам свободу. 22 апреля перед зданием Всекитайского собрания народных представителей на Тяньаньмэнь собрались уже десятки тысяч людей, которые, правда, на этот раз соблюдали порядок. В это время внутри здания проходила траурная церемония

прощания с Ху Яобаном, и все студенты в горьком молчании слушали трансляцию[209].

Смерть бывшего товарища Дэн воспринял спокойно. Тот давно перестал его интересовать, а с тех пор, как ему рассказали, что Ху рыдал на «внутрипартийном живом собрании», он ничего, кроме презрения, к нему не испытывал[109]. 20 апреля, знакомясь с проектом траурной речи Чжао Цзыяна, он вычеркнул выражение «великий марксист». «О заслугах и так много сказано, — поморщился он. — Поднимать вопрос об отставке мы не будем, [но] до „великих марксистов“ у нас никто недотягивает, в том числе и я. Когда умру, меня тоже так не называйте»[210]. Утром 22 апреля он, правда, следуя протоколу, принял участие в траурной церемонии в здании Всекитайского собрания народных представителей и даже выразил соболезнование вдове и детям покойного. Однако внешне выглядел невозмутимым и речей не произносил.

Но вот выступления студентов в центре столицы, в том числе прямо перед воротами у здания ЦК партии, и их «наглые» требования его взволновали. Он всегда, как мы знаем, склонялся к силовому решению такого рода конфликтов, однако Чжао, посетивший его еще 19 апреля, заверил, что все под контролем и ничего страшного не происходит. Дэн не успокоился, но решил подождать, а Чжао тем временем, 23 апреля, уехал с официальным визитом в Северную Корею, попросив Ли Пэна заменить его на посту главы Постоянного комитета и поручив своему доверенному секретарю Бао Туну отслеживать ситуацию[211].

Между тем волнения в студенческих городках и в центре столицы не утихали, студенты стали даже организовываться, у них появились вожди. Более того, студенческие волнения начались и в двадцати с лишним других городах. В страшной тревоге Ли Пэн с Ян Шанкунем попросились к Дэну на прием. Патриарх принял их рано утром 25 апреля, и те передали ему сообщение первого секретаря Пекинского горкома партии Ли Симиня и мэра Чэнь Ситуна, представивших студенческие волнения в антисоциалистическом духе. В их информации, помимо прочего, говорилось, что студенты нападают лично на Дэн Сяопина. Ли Пэн считал все это проявлением «буржуазного либерализма»[212].

Дэн страшно разозлился и обиделся на молодежь. В старости он стал ужасно ранимым и подозрительным, так что не только нападки, но и любую критику в свой адрес не выносил. Он с возмущением заявил: «Это не обычное студенческое движение, это бунт. Надо поднять чистое знамя, принять эффективные меры

и подавить эти беспорядки. Действовать следует быстро, чтобы выиграть время… Цель этих людей — свергнуть руководство компартии и лишить страну и народ будущего… Этот бунт — хорошо спланированный заговор… Мы должны сделать все возможное, чтобы избежать кровопролития, но должны понимать, что этого, вероятно, нельзя будет полностью избежать»[213].

Чжао, узнавший об этих словах, тут же выразил «полное согласие», о чем известил лично Дэна и других руководителей телеграммой из Пхеньяна[214]. А Ли Пэн после высочайшей аудиенции дал указание «Жэньминь жибао» опубликовать редакционную статью против студентов. В статье повторялись высказывания Дэна, правда, без указания авторства[215].

Ничего хуже Ли Пэн придумать не мог. Статья буквально взорвала большую часть студенчества. Ведь, выходя на улицы, юноши и девушки руководствовались не желанием разрушить партию и социалистическую систему, а патриотическими соображениями. Они хотели помочь КПК стать подлинной партией народа и выразить чувство горечи по поводу утраты единственного руководителя, который, как им казалось, их понимал. 27 апреля в одном Пекине в демонстрации протеста приняли участие не менее пятидесяти тысяч человек — даже несмотря на то что многие из них были уверены: правительство попытается их разогнать. Некоторые студенты оставляли завещания и прощальные письма. Они готовились умереть. Ян Шанкунь получил «добро» Дэна на переброску в Пекин пятисот солдат из столичного военного округа — в помощь полиции. Студенты шли плотными рядами по улицам города, крича: «Мама! Мы не сделали ничего плохого!» Горожане поддерживали их криками, а кое-кто к ним присоединялся. Даже полицейские во многих районах выражали сочувствие.

Ветераны были в панике. Ли Сяньнянь немедленно позвонил Дэну: «Мы должны принять решение и быть готовыми арестовать сотни тысяч людей!» С ним полностью солидаризовался Ван Чжэнь[216]. Но Дэн медлил: через две недели в Пекин прилетал Горбачев, и ему не хотелось обагрять столичные улицы кровью. В результате студенты почувствовали себя в безопасности. Они праздновали победу и выражали готовность вновь сразиться с перетрусившей, как им казалось, властью. Через пять недель они поймут, как жестоко ошиблись.

Между тем Дэн все больше нервничал. Он понимал, что отношение к нему в обществе сильно меняется: в глазах многих, и не только молодых людей, он быстро превращается из отца-благодетеля в тирана-душителя. Он страшно расстроился, когда узнал, что Ли Пэн, отдавая распоряжение главному редактору

«Жэньминь жибао» опубликовать пресловутую статью, сослался на него и даже перефразировал его выражения. Дэн предпочитал оставаться в тени и, отдавая жесткие указания, не желал тем не менее, чтобы его имя трепали в народе.

О реноме отца заботились и члены его семьи. Маомао, например, позвонила Бао Туну, секретарю Чжао Цзыяна, готовившему речь генсека на предстоявшем праздновании 70-й годовщины молодежного движения «4 мая», потребовав, чтобы он включил в речь абзац о том, как Дэн Сяопин всю жизнь заботился о молодом поколении. И Бао по согласию с Чжао Цзыяном, вернувшимся из Северной Кореи 30 апреля, это сделал[217].

Но, несмотря на это, речь генсека, произнесенная 3 мая, крайне обострила ситуацию внутри партийного руководства. Хоть Чжао и говорил на исторические темы, но параллель между двумя патриотическими движениями молодежи — 1919 и 1989 годов — напрашивалась сама собой. А главное — генсек, изо всех сил пытавшийся решить проблему мирно, дал по существу совершенно иную оценку студенческим волнениям, нежели та, что была изложена в «Жэньминь жибао». Он не только ничего не сказал о борьбе с «буржуазной либерализацией», хотя Ли Пэн с Ян Шанкунем просили его об этом, но и признал, что молодежь правильно делает, что стремится к демократии и осуждает коррупцию[218]. Масла в огонь подлило и выступление Чжао на совещании правления международного Азиатского банка развития на следующий день. Генсек подчеркнул, что «студенты не выступают против основ нашей системы, но требуют устранить ошибки, допущенные в нашей работе»[219].

Этого ему Дэн простить не мог. Ведь Чжао по существу дезавуировал его оценку движения. Возмущены были и другие ветераны, не говоря уже о Ли Пэне. 11 мая Дэн пригласил к себе в дом Ян Шанкуня и заявил, что, с его точки зрения, разговоры студентов о коррупции не более чем «дым. А их подлинная цель — свергнуть КПК и социалистическую систему». Он осудил Чжао.

Во время разговора речь зашла о шанхайском вожде Цзян Цзэмине, который за две недели до того закрыл одну местную газету за то, что она будоражила массы. Хотя это и вызвало бурный протест журналистов по всему Китаю (9 мая 1013 из них подписали петицию), Дэн передал Ян Шанкуню, что Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь от действий Цзяна в восторге. Чувствовалось, что и он сам высоко оценивает Цзян Цзэминя за верность четырем кардинальным принципам. Ян Шанкунь полностью поддержал эту оценку, добавив, что шанхайский босс не только знает, как сбивать волны протеста, но и поразительно хорошо разбирается в марксизме: «Он [даже как-то] цитировал Маркса на английском

языке!»[220] В конце беседы Дэн попросил Ян Шанкуня привести к нему Чжао.

И через два дня утром явно выходивший из повиновения генсек вместе с Ян Шанкунем появился у него в доме. Дэн прежде всего хотел понять: что произошло, почему Чжао вдруг «предал» его? Ведь не далее как 25 апреля он прислал из Кореи телеграмму, выразив «полное согласие» с дэновской точкой зрения. Чжао объяснил:

— Я заметил, что ни один из лозунгов студентов не противоречит Конституции; они выступают за демократию, против коррупции. Эти требования в целом соответствуют линии партии и правительства, поэтому мы не можем просто так их отрицать. Число демонстрантов и сочувствующих огромно, это люди из разных слоев общества. Поэтому я считаю, что мы должны следить за тем, как ведет себя большинство, и выражать одобрение их взглядам, если мы хотим, чтобы всё успокоилось.

Дэн поморщился:

— Мы не можем допустить, чтобы нас водили за нос. Это движение длится уже очень долго, почти месяц. Старшие товарищи волнуются… Мы должны быть решительными. Я много раз говорил, что нам нужна стабильность, если мы хотим развиваться. Эти люди хотят свергнуть партию и государство[221].

На этом, собственно, разговор и закончился. Каждый, и Дэн и Чжао, остался при своем мнении. Только Чжао не учел одного: в тоталитарном Китае даже спустя 13 лет после смерти Мао лишь одно мнение могло быть правильным — то, которое выражал вождь. И хотя Дэн сам же боролся против «двух абсолютов», свою точку зрения считал непререкаемой. Тем более что он был уже очень стар и, как многие пожилые люди, искренне и упрямо верил в свою непогрешимость.

С того дня Дэн перестал доверять Чжао Цзыяну. А ведь совсем недавно, в «черном августе» 1988 года, когда рыночная реформа цен провалилась, он не дал никому его тронуть. Много было тогда желающих пнуть либерального генсека: от Ли Пэна до Ли Сяньняня. Но Дэн всем твердо заявил: «Чжао будет Генеральным секретарем еще два срока». И даже в частном разговоре предложил Чжао Цзыяну помимо ЦК партии возглавить и Военный совет — вместо самого Дэна. Но Чжао упросил его подождать еще год[222].

Как же быстро всё изменилось! Теперь Чжао предстояло стать новой жертвой той самой системы власти, которая уже раздавила Ху Яобана. Но ведь оба они, и Ху и Чжао, сами вместе с другими китайскими коммунистами сознательно создавали эту систему. Чего же после этого они хотели? Следовали бы принятым

правилам, не имели бы проблем! Но их в какой-то момент начала мучить совесть, и конфликт с системой стал неизбежным.

Только два человека в руководстве разделяли взгляды Чжао: хорошо знакомые нам Вань Ли и Ху Цили. Но Вань 12 мая уехал с официальным визитом в Канаду и США, так что помочь генсеку не мог. Находясь за океаном, он лишь по мере сил расхваливал китайских студентов за патриотизм и стремление к демократии[223].

Между тем приближалось время визита Горбачева, но многие студенты не желали успокаиваться, даже несмотря на столь лестное для них выступление Чжао. Движение то затихало, то вновь набирало силу. Демонстрации шли в пятидесяти одном городе. 11 мая часть студентов Пекина решила устроить массовую голодовку протеста против статьи в «Жэньминь жибао» на площади Тяньаньмэнь для того, чтобы привлечь внимание Горбачева, которого, как мы понимаем, все они уважали. Студенты надеялись, что «сердобольный» Михаил Сергеевич, увидев голодающих, заступится за них перед Дэном.

Тринадцатого мая в два часа дня около тысячи человек оккупировали Тяньаньмэнь и, разбив палаточный лагерь, начали голодовку. «Родина-мать! Посмотри на своих детей, — написали они в *дацзыбао,* развешанным в ряде кампусов. — Неужели ты не дрогнешь, видя, как мы умираем?»[224] Теперь они требовали от правительства в основном одного: признать статью в «Жэньминь жибао» ошибочной. Но именно этого-то Дэн и не мог: это бы означало, что он «потерял лицо»[225].

Пятнадцатого мая, в день приезда Горбачева, на Тяньаньмэнь уже голодали две тысячи студентов, на следующий день — три тысячи, а более чем десятитысячная толпа окружала их и выражала сочувствие. Многие громко ругали Дэна, требуя его отставки. А ведь ему надо было встречаться с советским генсеком в здании Всекитайского собрания народных представителей, как раз у палаточного лагеря голодавших!

Да, для 84-летнего обидчивого старика это было серьезное испытание. Но 16 мая утром во время встречи в верхах Дэн выглядел веселым и даже вел беседу «в свободной и непринужденной манере» в течение двух с половиной часов. Он сразу предложил Горбачеву «поставить точку на прошлом и открыть двери в будущее». Тот согласился. Тем самым отношения были нормализованы. Дэн признал, что сам играл «совсем немаловажную роль» в «ожесточенной полемике» двух компартий, сказав, что «обе стороны отдали немалую дань пустословию». При этом, правда, не удержался, чтобы не напомнить гостю, сколько жутких несправедливостей Китаю пришлось вытерпеть от России,

в том числе Советской, в прошлом. Горбачев на все это ответил: мы не можем переписать историю, но свои ошибки, допущенные в недавнем прошлом, признаем[226].

Во время визита студенты с замиранием сердца ждали, не выйдет ли к ним на встречу их дорогой *Гээрбацяофу*. Они собирали подписи под обращением к нему, прося выступить перед ними. Толпа молодежи собралась перед посольством СССР и скандировала: «Горбачев! Выходи!» Но он, конечно, не вышел, тем более что находился не в посольстве, а в роскошной резиденции Дяоюйтай на другом конце города. Да к тому же вообще не желал осложнять поездку и даже был весьма удивлен, когда вечером 16 мая Чжао вдруг завел с ним разговор о студенческих волнениях. А Чжао, во-первых, заметил, что у китайской компартии и молодежи сейчас отсутствует взаимопонимание; во-вторых, что в будущем может возникнуть вопрос о введении в Китае многопартийной системы; а в-третьих, дал гостю понять, что за всё в стране отвечает Дэн: именно он стоит во главе партии и страны со времени 3-го пленума ЦК партии[227]. Иными словами, свалил ответственность за все, что могло произойти в Китае в ближайшее время, на Дэна!

И Дэн, и его семья были вне себя. Ну никак у Патриарха не получалось оставаться за кулисами и, ведя, по сути, дело к кровавому конфликту, сохранять имидж «друга детей»[228].

А Чжао как будто и дела было мало. Сразу после беседы с Горбачевым он собрал заседание руководства, на котором потребовал опубликовать заявление в поддержку студентов и дезавуировать статью, опубликованную в «Жэньминь жибао». Ли Пэн просто подскочил: «Да ведь основные положения… статьи взяты из речи товарища Сяопина… Их нельзя изменить!» Его поддержал Ян Шанкунь: «Исправление статьи нанесет ущерб репутации Дэн Сяопина»[229].

После заседания конфликтующие стороны тут же поспешили позвонить Дэну. И тот потребовал всех к себе на следующее утро, 17 мая.

Это было решающее собрание. Чжао Цзыяна поддержал только Ху Цили. Раздраженный Дэн повторил по поводу студентов все, что уже неоднократно высказывал, добавив, что их цель — «установить буржуазную республику западного образца», но «если миллиард людей прыгнет в многопартийные выборы, мы погрузимся в хаос типа „всеобщей гражданской войны“, которую наблюдали во время культурной революции». «Если все это будет продолжаться, то мы окажемся под домашним арестом, — резюмировал он, после чего вынес решение: — Долго и мучительно размышляя об этом, я пришел к выводу, что нам

следует ввести [в город] Народно-освободительную армию, объявив в Пекине, точнее в его городских районах [помимо пяти городских в большом Пекине имеется еще пять сельских районов], военное положение. Цель военного положения — раз и навсегда подавить беспорядки и быстро вернуться к нормальной жизни»[230].

Ли Пэн, Ян Шанкунь и Цяо Ши по его поручению составили триумвират, который должен был вводить военное положение. Чжао же отказался принимать участие в подавлении студенческих волнений и в тот же вечер направил в ЦК партии свое прошение об отставке. (На следующий день он, правда, отозвал его, но это ничего не меняло: Дэн к тому времени уже отстранил его от власти[231].)

Слухи о готовящемся введении военного положения распространились по городу уже через несколько часов. Во второй половине дня 17 мая на улицы вышли около 1 миллиона 200 тысяч человек — студенты, преподаватели, служащие и рабочие. Все выражали сочувствие голодавшим на площади и осуждали Дэна. Демонстранты несли плакаты: «Ты стар, Сяопин! Когда человеку переваливает за 80, он глупеет! Престарелое правительство — в отставку! Долой культ личности!»[232]

Понимая, что его карьера закончена, Чжао Цзыян открыто выступил на стороне студентов. Рано утром 19 мая на микроавтобусе он приехал на Тяньаньмэнь, чтобы встретиться с голодавшими. Ли Пэн старался удержать его, но когда понял, что этого не получится, присоединился к нему. Их сопровождали Вэнь Цзябао, кандидат в члены Секретариата ЦК и будущий премьер КНР, и Ло Гэнь, секретарь Госсовета. Ли Пэн скоро ретировался, а Чжао через небольшой мегафон обратился к студентам. Выглядел он усталым, и в его голосе звучало сострадание: «Мы пришли слишком поздно, простите, простите. Вы имели право критиковать нас». Он умолял студентов закончить голодовку, обещая решить все проблемы — возможно, не сразу, но постепенно[233]. Увы, он знал, что не в силах этого сделать.

Многие в толпе расплакались и в конце речи даже зааплодировали. Дэн, который видел всё по телевизору (встреча Чжао транслировалась), просто не мог совладать со своим раздражением. Вызвав Ян Шанкуня, он спросил его: «Ты слышал, что он говорил? У него по лицу текли слезы (на самом деле Чжао не плакал, и почему Дэн так сказал, неизвестно. — *А. П.*). Он изо всех сил пытался изобразить из себя жертву… С ним покончено». Старый друг ему поддакивал, а потом предложил Дэну и его семье в целях безопасности перебраться в Чжуннаньхай. Но Дэн отказался[234].

Двадцатого мая в десять часов утра в городских районах Пекина было введено военное положение. Его объявил Ли Пэн. К 26 мая к городу было переброшено 400 тысяч солдат из всех военных округов страны[235].

Студенты и сочувствующие им люди, как могли, выражали возмущение. Везде слышались крики: «Долой марионетку Ли Пэна! Дэн Сяопин — уходи!»[236] На площади Тяньаньмэнь собралось не менее трехсот тысяч человек. А в разных районах горожане стали возводить баррикады, чтобы не дать возможности армейским частям войти в Пекин. События неумолимо понеслись к кровавой развязке.

Между тем глубокой ночью 27 мая Дэн собрал у себя в доме семерых ветеранов: Ян Шанкуня, Чэнь Юня, Ли Сяньняня, Пэн Чжэня, Дэн Инчао, Ван Чжэня и Бо Ибо — главных столпов партии, чтобы обсудить, кого сделать новым генсеком. Все, конечно, поинтересовались сначала его мнением. И он сказал: «Долго и тщательно сравнивая [кандидатуры], я пришел к выводу, что секретарь Шанхайского горкома Цзян Цзэминь — лучший выбор»[237]. На том и порешили. Через несколько дней, 31 мая, Дэн сообщил об этом Ли Пэну и Яо Илиню. При этом заявил, что сам «полон решимости уйти в отставку» и как только новое руководство завоюет авторитет, он не будет вмешиваться в его дела[238]. За несколько дней до того из США возвратился Вань Ли, который, быстро сориенти-.. ровавшись, поддержал Дэна и других ветеранов во всем: и в том, что касалось смены руководства, и во введении в Пекине военного положения.

А студенты тем временем продолжали готовиться к последней схватке. Один из их вождей, Ван Дань, хрупкий юноша в больших очках, еще 24 мая призвал всех оборонять площадь против «сил тьмы». Молодые люди стали вооружаться, кто чем мог, а студенты и преподаватели Центрального института искусств Пекина для поднятия их боевого духа соорудили на Тяньаньмэнь гипсовую статую Богини демократии, напоминавшую американскую Статую Свободы. Но постепенно число протестующих сокращалось, и к концу мая их осталось от семи до десяти тысяч[239]. Именно они и оказались один на один с армией в ночь на 4 июня.

Войска все-таки ворвались в город, невзирая на баррикады. На подступах к Тяньаньмэнь во второй половине дня 3 июня произошли кровавые столкновения. Танки прокладывали дорогу солдатам, врезаясь в толпы людей, военнослужащие стреляли на поражение. В ответ разъяренные люди забрасывали боевые машины бутылками с горючей смесью и линчевали отдельных солдат и офицеров, если те отставали от колонн. Улицы и

проспекты, ведущие к площади, окрасились кровью, везде лежали тела погибших, стонали раненые, дымились подожженные грузовики и бронетранспортеры. Но защитникам площади пришлось отступить. К половине второго ночи 4 июня войска прорвались к Тяньаньмэнь и окружили ее. В течение трех с лишним часов через громкоговорители студентам монотонно повторяли приказ: немедленно очистить площадь. Большинство ее покинуло к пяти часам утра. Но несколько сотен осталось. Они тесно прижались друг к другу в центре площади у памятника героям революции и стали петь «Интернационал», однако через 40 минут и их вынудили уйти, выдавив танками. Размазывая по щекам слезы, студенты что есть силы кричали солдатам: «Фашисты! Долой фашизм! Бандиты! Бандиты!» Но солдаты их не тронули, только разрушили палаточный городок и снесли статую Богини демократии, после чего заняли всю площадь. А в это время другие военнослужащие прочесывали кампусы и улицы, разгоняли горожан и арестовывали активистов. В разных районах города в течение трех дней еще слышалась стрельба. Солдаты без предупреждения открывали огонь по любому скоплению людей[240].

Дэн мог праздновать очередную победу. На этот раз — над молодежью собственной страны. По разным подсчетам, 3–6 июня в Пекине погибло от 220 до 2600 человек. Среди жертв случайно оказался и девятилетний ребенок.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПЕНСИОНЕР

Весь день 4 июня в Пекине моросил мелкий дождь. Но 5-го вновь выглянуло солнце и стало душно. На центральном проспекте Чанъаньцзе и окрестных улицах чернели остовы сгоревших машин, валялись куски арматуры, камни, велосипеды и мусорные тумбы, использовавшиеся при строительстве баррикад. В лучах солнца блестели бутылочные осколки. Тел погибших нигде уже не было видно, но пятна крови на сером асфальте еще чернели: небольшой дождь, шедший накануне, не смог их полностью смыть.

Большинство пекинцев сидели по домам, но те, кто осмеливался появляться на улицах, выглядели подавленными. Многие плакали и, глотая слезы, шептали: «Мы тебе этого не простим! Дэн Сяопин, ты убил детей!»[241]

Днем 5 июня по радио и телевидению было зачитано сообщение ЦК и Госсовета о подавлении в столице «контрреволюционного мятежа». О событиях в других городах ничего не говорилось, хотя демонстрации молодежи шли тогда в 181 городе. Волнения затихнут только к 10-му числу[242].

Дэн тоже ни 4-го, ни 5 июня не выходил из дома и никого не принимал. Только после «наведения порядка», 6 июня, он встретился у себя в особняке с несколькими ветеранами, а также с Ли Пэном, Яо Илинем и Цяо Ши. Он был очень возбужден и то и дело заверял всех, что если даже иностранцы применят санкции, «китайский народ» не свернет с избранного пути. Его волновало, чтобы прошедшие события не затормозили экономические реформы, темп которых и так ослабел после «черного августа» 1988 года[243]. Уже тогда, в 1988-м, пришлось забыть о сокращении сферы планирования с 60 до 30 процентов и Ли Пэн, поддержанный многими ветеранами, принял даже ряд мер, направленных на ограничение рынка. Никто уже не вспоминал об органическом соединении планового и рыночного регулирования, обоснованном Чжао на XIII съезде, и экономика по-прежнему двигалась по двум колеям, из которых плановая все еще считалась основной, а рыночная — дополнительной; взаимопроникновение плана и рынка оставалось в основном фрагментарным. В сентябре 1988-го Ли Пэн, Яо Илинь и другие руководители Госсовета разработали программу нового урегулирования, которую тогда же принял 3-й пленум ЦК партии тринадцатого созыва[244].

И вот теперь «кровавый июнь» грозил отбросить его реформы еще дальше назад. Дэн понимал, что многие в партии, и в первую

очередь ветераны, именно в рыночных реформах видят причину всех бед. Мол, открыли Китай «прогнившему Западу», вот «буржуазная либерализация» и «загрязнила» мозги молодежи. И он вновь и вновь мучительно размышлял: как же соблюсти разумный баланс между реформированием экономики и четырьмя кардинальными принципами? Но ответа на этот вопрос не находил.

Девятого июня Дэн выступил перед высшим командным составом воинских частей, участвовавших в подавлении студенческих волнений. Он заявил, что признателен военнослужащим за их старания, и выразил соболезнования в связи с гибелью солдат и офицеров, павших «смертью храбрых» в «борьбе с контрреволюцией». По его предложению все присутствовавшие встали, чтобы почтить память погибших бойцов и командиров. Он повторил свою оценку того, что имело место в апреле — начале июня, но подчеркнул: возврата к прежней, левацкой, политике не будет, курс реформ останется неизменным, надо только последовательно проводить воспитательную работу среди населения[245]. Командиры дружно зааплодировали, но согласны ли они были углублять рыночные реформы, осталось непонятным.

Через неделю Дэн встретился с высшими руководителями партии и страны. Присутствовали Цзян Цзэминь, Ли Пэн, Ян Шанкунь, Вань Ли и некоторые другие. Дэн повторил то, что уже сказал 31 мая Ли Пэну с Яо Илинем: Цзян Цзэминь будет новым Генеральным секретарем компартии, а он, Дэн, скоро уйдет на пенсию. «Разумеется, я не смогу отказать, если ко мне обратятся за помощью, но это будет выглядеть не так, как в прошлом… Вы сможете действовать на свое усмотрение», — добавил он, после чего вновь заговорил о развитии экономики. «Экономический спад недопустим», — заявил он, призвав младших товарищей «предпринять решительные шаги», с тем чтобы развитие страны «могло быть непрерывным», а внешние экономические связи — максимально широкими[246].

После этого 19–21 июня состоялось расширенное заседание Политбюро, на котором рассматривалось дело Чжао Цзыяна. Как и Ху Яобана два с половиной года назад, все дружно подвергли бывшего товарища яростной критике, но Чжао, в отличие от эмоционального Ху, не только не признал никакой вины, но и упорно защищал свою позицию. В нарушение устава партии Дэн предоставил всем, вне зависимости от членства в Политбюро, право голоса, и большинство, понятно, подняло руки за отставку «ренегата» с поста Генерального секретаря и выведение его из составов ЦК, Политбюро и Постоянного комитета. Против

проголосовал только один человек — сам Чжао, который заявил: «Я не оспариваю решения о снятии меня с постов, но не согласен с… обвинениями»[247]. Ни Дэн, ни Ли Пэн, ведший заседание, да и никто другой ничего ему не ответили.

А вскоре, 23–24 июня, был проведен 4-й пленум ЦК партии тринадцатого созыва, подтвердивший решение расширенного заседания Политбюро в отношении Чжао. Основной доклад о Чжао Цзыяне сделал Ли Пэн, представивший бывшего генсека в самом неприглядном виде. Среди участников пленума были также распространены материалы общего отдела ЦК, в которых Чжао изображался «заговорщиком и представителем контрреволюционных сил в стране и за рубежом, ставивших себе целью свержение КПК и Дэна»[248]. После пленума Чжао посадили под домашний арест и в отношении него начали расследование, продолжавшееся больше трех лет, до октября 1992 года. Но вердикт так и не был обнародован: по-видимому, вожди не хотели публично ворошить прошлое. Самого Чжао, правда, с ним ознакомили — это был длинный документ из тридцати обвинений, но никаких дополнительных мер по отношению к пленнику не предприняли[249]. Чжао оставался под домашним арестом до конца жизни. Он умер 17 января 2005 года[110].

На место Чжао, как и было решено ветеранами, пленум избрал Цзян Цзэминя. Конечно, единогласно. А из Секретариата, Политбюро и Постоянного комитета вывели Ху Цили, который, как мы помним, поддерживал Чжао во время тяньаньмэньских событий[250]. В отношении же Вань Ли никаких санкций принято не было: ведь в решающий момент он встал на сторону Дэна.

Казалось, всё для Дэна закончилось хорошо, но волнение его не покидало. Все лето и осень он продолжал твердить о необходимости всеми силами продолжать реформы, но его призывы повисали в воздухе. Не только старая, но и новая гвардия (Цзян Цзэминь, Ли Пэн и другие) оставалась пассивной. События на Тяньаньмэнь, похоже, подорвали авторитет Дэна не только в народе, но и в руководстве партии. Уже на расширенном заседании Политбюро 19–21 июня некоторые видные члены Компартии Китая под видом критики Чжао Цзыяна, по„существу, осуждали реформы Дэна[251]. В общем, несмотря на призывы Патриарха, реформы застопорились. Дэну, слабо разбиравшемуся в экономике, уже не на кого было опереться: Цзян Цзэминь и Ли Пэн ориентировались на Чэнь Юня и Ли Сяньняня, влияние которых возросло. В стране вновь развернулась активная борьба с «буржуазной либерализацией», а вот темпы роста экономики стали снижаться.

В середине августа 1989 года, накануне своего 85-летия, Дэн

твердо решил: всё, ухожу на пенсию. 17 августа он сообщил об этом Ян Шанкуню и Ван Чжэню (все трое отдыхали на Желтом море, в Бэйдайхэ)[252]. Он рассчитывал, что Ли Сяньнянь и Чэнь Юнь тоже уйдут: оставлять обоих консерваторов у власти было опасно для реформ. Но те решительно отказались, упорно держась за престижные должности. (Они так и скончаются на своих постах: Ли — в 1992 году, а Чэнь Юнь — в 1995-м.) Пришлось Дэну уходить одному. 4 сентября он поставил в известность о своем намерении Цзян Цзэминя, Ли Пэна и других руководителей нового поколения. И напоследок сказал: «Руководство Китая должно обязательно продемонстрировать миру свою приверженность делу реформы и расширения внешних связей. Прошу вас обратить особое внимание на этот момент. Отказ от политики реформ и открытости недопустим»[253]. Прошение об отставке с поста Председателя Военного совета ЦК он передал в Политбюро[254].

В самом начале ноября 5-й пленум ЦК партии тринадцатого созыва удовлетворил его просьбу, подчеркнув, что полная отставка «выдающегося вождя китайского народа» отнюдь не вызвана ухудшением его здоровья, а лишь свидетельствует о «широте мысли великого пролетарского революционера»[255]. Председателем Военного совета ЦК вместо Дэна был избран Цзян Цзэминь. Ему вместе с Ли Пэном Дэн передал все бразды правления.

С тех пор все дни Дэн Сяопин проводил в кругу семьи. По-прежнему много гулял во дворе, обычно с Чжо Линь, тоже, как и он, постаревшей. Они шли под руку, делая несколько кругов по дорожке, окружающей парк. Оба опирались на палки и молчали. Шли и думали о чем-то своем. Обслуживающий персонал шутил: «Именно на этой узкой тропинке Дед решает судьбы Китая». Его все так звали: «Дед» — не только внуки, но и Чжо Линь, дети и прислуга[256]. Он, правда, мало что уже решал, но для домочадцев все равно оставался главным человеком. Во время прогулок он любил подходить к небольшому прудику в центре парка, обрамленному каменной кладкой в виде цветка. И подолгу глядел на резвящихся в воде золотых рыбок. Крошил хлеб, и они жадно ловили кусочки.

Всё шло своим чередом. Каждый вечер семья собиралась за круглым столом в столовой. Дэн, как мы помним, любил хорошо поесть, но сам уже не готовил. У него, как и у других заслуженных работников партии, имелся повар, который знал вкусы хозяина. Дэн и в старости предпочитал очень острую и жирную пищу: мясо с красным перцем и жареную грудинку. Остатки еды не позволял выбрасывать. «Тот, кто выкидывает

остатки, — дурак, — смеясь, говорил он. — Их же можно потушить и съесть на следующий день»[257].

Страсть к бриджу не покидала его, и он продолжать играть даже чаще, чем прежде. Любил он, как мы помним, и бильярд, но с тех пор, как в 1959 году сломал ногу, подскользнувшись во время игры, больше не брал в руки кий. Он очень возгордился, когда в июле 1988 года его избрали почетным президентом Всекитайской ассоциации игроков в бридж. Но еще больше «зазнался», когда через пять лет, в 1993 году, получил грамоту от главы Всемирной федерации бриджа «за развитие и пропаганду» этой игры в мире.

Еще одной его страстью был футбол. Сам он в него не играл, но обожал смотреть и по телевизору, и на стадионе. И если по каким-то обстоятельствам пропускал телевизионную трансляцию, всегда просил охранника Чжан Баочжуна записать ее для него на видеомагнитофон[258].

В летние месяцы Дэн с семьей выезжал на море: либо в Бэйдайхэ, либо в Циндао. И там останавливался в резиденциях ЦК партии вблизи побережья. Он любил плавать. Но не в крытых бассейнах, а на просторе, чтобы ощущать свободу[259]. В свои восемьдесят с лишним лет плавал по часу в день. Вместе с детьми и охранниками.

Конечно, совсем отойти от дел Дэн не мог. Каждый день ему по-прежнему приходили партийные и государственные документы, он знакомился с ними, делал пометки и отдавал секретарю. Как всегда, читал много газет. Так что оставался в курсе событий. Его кабинет находился в идеальном порядке, он обожал чистоту и следил за тем, чтобы всё было на своих местах. На большом письменном столе около лампы стояли детские фарфоровые игрушки, подаренные внуками, — мышка, тигренок, овечка и бычок. Каждый представлял одного из четырех внуков: мышка — внучка «Соня», тигренок — внук «Росточек», овечка — внучка с тем же именем и бычок — внук «Маленький наследник». За ними находилась небольшая плетеная корзинка с высокой ручкой, в которой стояли две симпатичные толстые хрюшки в очках. На голове у одной красовалась маленькая мужская шляпа с полями, а у другой — бантик. Это были Дэн Сяопин и Чжо Линь. Там же, в корзинке, имелись еще пять свинюшек, поменьше: дети Дэна и Чжо — Дэн Линь, Пуфан, Дэн Нань, Дэн Жун и Чжифан. Так внуки придумали[260].

Дэн очень любил этих зверюшек, но больше всего, конечно, тех, что напоминали внуков и внучек, с которыми он проводил теперь гораздо больше времени: зимой лепил во дворе снежную бабу, летом выезжал на природу. В шутку он говорил: «У нас в

стране есть четыре кардинальных принципа, и в семье тоже четыре. Наши семейные кардинальные принципы — это мои четыре внука и внучки»[261]. Под столом в кабинете у него всегда имелось несколько цветных коробок, куда он складывал игрушки для внуков.

Выйдя на пенсию, он даже во время работы не хотел оставаться один и, уходя после завтрака в кабинет, обычно брал с собой маленького Сяоди. Тот тут же залезал под дедов стол, после чего каждый занимался своим делом. Чжо Линь тоже перебиралась в кабинет мужа, чтобы приглядывать за Сяоди, который мог расшуметься, хотя Дэну внук совсем не мешал. Дэн садился в мягкое кресло, вытягивал ноги на низком пуфике и погружался в чтение. Иногда переходил на кушетку, стоявшую у стены, и лежа читал под абажуром. Старея, он терял зрение, вблизи уже плохо видел, а потому читал в больших и толстых очках[262]. Он очень любил листать словари, особенно большой словарь китайского языка «Цыхай» («Море слов»), и, находя незнакомый иероглиф, с удовольствием выяснял, что он значит[111]. Он часто перечитывал знаменитые «Исторические записки» Сыма Цяня, жившего в эпоху Хань, во II–I веках до н. э., а также труд сунского историка Сыма Гуана (XI век) «Всеотражающее зерцало, управлению помогающее». Из художественной литературы выше всех ценил Пу Сунлина (Ляо Чжая) — гениального писателя, автора сборника сказочных историй «Лисьи чары», жившего в период маньчжурского завоевания Поднебесной (1640–1715). Часто вместе с Чжо Линь слушал пластинки пекинских опер[263].

Время от времени он принимал иностранных гостей, выражавших желание с ним встретиться. За границей его по-прежнему считали харизматическим лидером КНР, поэтому не удивительно, что многим политическим деятелям хотелось с ним побеседовать, хотя все помнили, что именно он потопил в крови волнения молодежи. Но, как говорится, бизнес есть бизнес. В октябре 1989-го Дэн встретился с бывшим американским президентом Никсоном, которому посетовал на то, что американцы после 4 июня «без конца ругают Китай». А зря, добавил он, ведь «Китай не сделал ничего плохого США», а «недавние беспорядки и контрреволюционный мятеж в Пекине были спровоцированы прежде всего международными антикоммунистическими и антисоциалистическими течениями». Он просил Никсона передать президенту Джорджу Бушу, которого знал с 1974 года, когда еще Буш возглавлял американское Бюро связи в Пекине, что надо «покончить с прошлым»[264].

Об этом он беседовал и с советником Буша по национальной

безопасности Брентом Скаукрофтом в декабре того же года. «Передайте, пожалуйста, президенту Бушу, что на Востоке в Китае есть один пожилой пенсионер, который заботится об улучшении и развитии китайско-американских отношений», — с улыбкой сказал он. Его дочь, Маомао, исполнявшая роль переводчика, тоже заулыбалась[265].

Иногда он встречался и с Цзян Цзэминем, и с Ли Пэном, и с другими партийными руководителями. Как правило, у себя дома. Что-то советовал, что-то одобрял, но в повседневные дела партии по-крупному не вмешивался. В общем, наслаждался пенсионной свободой.

Только раз, в самом конце 1990 года, он позволил себе прочитать Цзян Цзэминю и Ли Пэну лекцию о рыночной экономике. Чувствовалось, что консервативные взгляды нового руководства его все более не устраивают. «Нам необходимо в теоретическом плане уяснить себе, что различие между капитализмом и социализмом не сводится к проблеме плана и рынка, — вновь объяснил он. — При социализме существует рыночная экономика, а при капитализме — плановое регулирование… Не думайте, что ведение рыночного хозяйства — это капиталистический путь. Ничего подобного. Нужны как план, так и рынок… Не надо бояться идти на риск»[266]. На встрече присутствовал Ян Шанкунь, который во всем поддерживал Дэна.

Пенсионная жизнь хотя и имела свои преимущества, но Дэн по-прежнему оставался политиком. И его, как и раньше, волновали проблемы страны. В начале января 1991 года, в период подготовки и празднования Нового года по лунному календарю, он съездил в Шанхай — не только отдохнуть, но и с инспекционными целями. На встрече с руководителями города он, в частности, посоветовал «без колебаний» взяться за освоение полузаброшенного района Пудун, находящегося на другом берегу реки Хуанпу, прямо напротив набережной Банд. Он предложил привлечь для этого иностранных инвесторов. Сама идея принадлежала не ему. Впервые ее высказал один из < богатых американских *хуацяо* в разговоре с Чжао Цзыяном то ли в конце 1986-го, то ли в начале 1987 года. Чжао тогда доложил о ней Дэну, и тот загорелся. Но Чэнь Юнь и другие консерваторы выступили против, и проект пришлось отложить[267]. Теперь же Дэн выложил его вроде как от себя, без ссылки на Чжао. И объяснил, что если «довести это дело до конца… зарубежные капиталы в первую очередь начнут поступать [именно] в Шанхай… Так и следует участвовать в конкурентной борьбе». Руководителям города он тоже напомнил, что плановая экономика не означает социализм, а рыночная — капитализм, и пожелал всем

шанхайцам быть «еще более раскрепощенными, смелыми и скорыми в своей поступи»[268].

Через полгода он вновь поднял вопрос о темпах роста в разговоре с Цзян Цзэминем, Ли Пэном и министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем, которых и на этот раз сопровождал Ян Шанкунь. «Делать акцент на умеренность вполне можно, — внушал Дэн, — но он не должен быть чрезмерным, иначе можно упустить момент… Недопустимо… чтобы всё сводилось только к умеренности»[269]. Однако к нему, похоже, не очень прислушивались.

И тогда Дэн всерьез стал опасаться, что цель, поставленная им много лет назад, — увеличить валовый объем производства в четыре раза к концу столетия, — при новых руководителях, занятых в основном борьбой с духовным загрязнением, может и не быть, достигнута. Цифры роста ВВП внушали тревогу. Если в 1986–1988 годах ВВП вырос более чем на 35 процентов, то в 1989–1991 годах — всего на 18. Радовало Дэна только то, что не сокращался рост экспорта, да и импорт продолжал расти, а особенно быстро увеличивались прямые иностранные инвестиции: если в 1985–1988 годах зарубежные бизнесмены вложили в китайскую экономику около девяти миллиардов долларов США, то в 1989–1991 годах — более 11 миллиардов[270]. Мировое сообщество, конечно, выражало глубокое возмущение жесточайшим подавлением в Китае студенческих волнений[271], но экономические выгоды от стабилизации ситуации в Поднебесной перевешивали все моральные соображения.

Дэн почувствовал: надо вмешаться, чтобы дать новый толчок делу реформ, благо международная обстановка способствовала этому. Тяньаньмэньская трагедия давно отошла в прошлое, и теперь можно было сбавить обороты антилиберальной кампании, переключив всю страну на экономическое строительство в духе решений XIII съезда КПК.

Семнадцатого января 1992 года, за три недели до Нового года по лунному календарю, вместе с Ян Шанкунем, женой, четырьмя детьми (всеми, кроме Чжифана), внуками и верным Ван Жуйлинем 87-летний Патриарх отправился с Пекинского вокзала на юг — через Учан и Чаншу — в особые экономические районы Шэньчжэнь и Чжухай. Он также планировал посетить Шанхай. Цель поездки, длившейся более месяца, заключалась в том, чтобы там, на местах, ставших символами его реформ, еще раз попытаться вдохнуть новые силы в компартию, направив все-таки ее руководство по пути ускорения рыночных преобразований. Расчет был точным: Дэн повторил маневр, неоднократно использовавшийся «великим кормчим», — он обратился на этот

раз прямо к массам через головы пекинских вождей и так же, как Мао, достиг успеха.

Ганьбу и простые граждане выразили ему полную поддержку в деле реформ, и Цзян Цзэминь с Ли Пэном уже не могли игнорировать его речи, тем более что Дэн везде, где только мог, заявлял: «Всякий, кто попытается нарушить линию, курс и установки, разработанные со времени 3-го пленума [ЦК] партии [одиннадцатого созыва], будет свергнут». Он встречался с местными начальниками, инженерами, техниками, другими специалистами и открыто говорил о необходимости всеми силами двигать вперед перестройку, ускорять темпы роста, расширять сферу рыночного регулирования. Впервые со дня выхода на пенсию он проявил такую бурную публичную активность.

«В процессе реформы и открытости надо действовать смелее и не бояться экспериментировать, — то и дело твердил он. — … Нельзя уподобляться женщине с забинтованными ножками». Он призывал создавать как можно больше совместных предприятий, да и вообще «заимствовать и изучать все достижения цивилизации человеческого общества, все передовые методы хозяйствования и управления зарубежных стран, в том числе и развитых капиталистических». А тех, кто опасался развивать рыночную экономику и выдавал «реформу и открытость за заимствование и развитие капитализма», откровенно высмеивал, говоря, что у них «нет даже самых элементарных знаний».

Дэн до того разошелся, что объявил: в Китае в настоящий момент глубже всего укоренились именно «левые» взгляды и именно с ними-то всем и надо бороться. Ведь «левизна в истории нашей партии — страшная вещь. Она моментально губила хорошее». Вместе с тем он по-прежнему настаивал на необходимости твердо придерживаться четырех кардинальных принципов, подчеркивая, что все преобразования направлены в конечном счете на построение развитого социализма[272].

Да, после таких слов, к тому же сказанных публично, пекинским вождям надо было срочно перестраиваться. Все-таки Дэн, хотя и утратив некоторое влияние, оставался «главой семьи».

Короче говоря, южная поездка Патриарха оказала колоссальное влияние на настроения в партии. В самом конце февраля 1992 года ЦК довел содержание бесед и выступлений Дэна во время его путешествия до всех членов компартии. А 9–10 марта Цзян Цзэминь провел заседание Политбюро, постановившее, по сути, вновь перенести центр тяжести в работе партии на экономическое строительство, следуя политике реформ. Партийное руководство признало необходимым

положить последние речи Дэна в основу документов, готовившихся к предстоявшему XIV съезду Компартии Китая[273].

Да, все так и произошло, как задумал Дэн. И этот его последний выход в народ стал по существу прощанием Патриарха с нацией. Дэн Сяопин уходил, завещая партии и народу продолжать реформы, раскрепощать сознание, смело идти вперед по пути открытости внешнему миру.

XIV Всекитайский съезд компартии проходил с 12 по 18 октября 1992 года. Дэн на нем присутствовал уже в качестве «особо приглашенного» делегата. К таковым относились 46 человек — все они вступили в партию до 1927 года. Официальных же делегатов насчитывалось 1989. Они представляли огромную армию коммунистов: более пятидесяти одного миллиона. Дэн выслушал весь отчетный доклад Цзян Цзэминя, после чего в кулуарах поделился впечатлением: «Сказано неплохо, я полностью поддерживаю этот доклад»[274]. И он не кривил душой: доклад не только отражал суть его бесед и выступлений на юге страны, но и соответствовал духу решений XIII съезда. В нем была поставлена задача построения в Китае так называемой «социалистической рыночной экономики», основанной на все той же концепции органического соединения плана и рынка. Следуя фактически за Чжао Цзыяном, — новый генсек в докладе его, конечно, не вспоминал, — Цзян также подчеркнул, что Китай находится «все еще на первоначальной стадии социализма», после чего призвал сориентировать экономику на экспорт, шире открыть Китай внешнему миру, осуществить модернизацию и «ускорить поступь реформы»[275].

После съезда рыночные преобразования обрели второе дыхание. В городах стало быстро увеличиваться число владельцев частных предприятий: к 2000 году оно составит 39,5 миллиона человек. Высокими темпами начал расти и ВВП. С 1991 по 1995 год прирост составил 78,3 процента, то есть в среднем в год ВВП возрастал на 12,2 процента[276]. Китай вновь демонстрировал преимущества «социализма с китайской спецификой».

Дэн Сяопин в очередной раз мог торжествовать и уже не сомневался: в концу XX столетия Китай увеличит объем производства в четыре раза по сравнению с 1980 годом. (Забегая вперед скажем, что он не ошибся и всё, что задумал, оказалось выполненным.) Теперь Дэн мог успокоиться. В конце 1992 года он стал все больше отходить от дел и с Цзян Цзэминем встречался уже очень редко. На зимние месяцы он теперь уезжал из Пекина, но уже не с инспекциями, а на отдых: холодный северный климат начал его утомлять. Конец декабря 1992-го — начало января 1993-го они с Чжо Линь провели в Ханчжоу, на берегу

поразительно красивого озера Силиху, так любимого Мао Цзэдуном. Январь же и часть февраля — в Шанхае. Через год они вновь почти на два месяца переехали в Шанхай.

Один за другим уходили его старые товарищи: Дэн Инчао, Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь. Сильно болел Чэнь Юнь, тоже проводивший зимы в Шанхае. Но Дэн все еще бодрился, хотя болезнь Паркинсона неумолимо брала свое. У Дэна сильно тряслись руки и голова, он шаркал ногами, не в силах оторвать их от пола. 22 августа 1994 года он отметил в кругу семьи свое девяностолетие. Вновь был большой торт, все желали Деду здоровья и долгих лет жизни, шумели и веселились.

Однако в конце 1994-го Дэн почувствовал себя очень плохо. У него вдруг обнаружилась тяжелая легочная инфекция, и 22 декабря его госпитализировали — в очень хорошую армейскую клинику. Там он пролежал более полутора месяцев, до 7 февраля. Накануне Нового года по лунному календарю, в самом конце января, его в больничной палате навестил Цзян Цзэминь. Дэн пожал ему руку, попросив передать всем народам Китая свои теплые поздравления с праздником[277].

Десятого апреля 1995 года он узнал о кончине Чэнь Юня. Один из последних ветеранов, с которым Дэна так много связывало, ушел навсегда. Оставались еще Пэн Чжэнь, Бо Ибо и старый друг Ян Шанкунь. Все уже были сильно постаревшими, но пока крепко держались за жизнь. (Они скончаются после смерти Дэна: в апреле 1997-го — Пэн Чжэнь, через год с небольшим — Ян Шанкунь, а в 2007-м — Бо Ибо.)

В 1996 году у Дэна обострилась болезнь Паркинсона, и 12 декабря его вновь увезли в ту же клинику. Болезнь осложнилась новой и на этот раз особенно тяжелой легочной инфекцией. Так что 1997 год он опять встретил на больничной койке, страшно исхудавший и ослабевший. Но все-таки 1 января с интересом посмотрел первую серию только что вышедшего телевизионного фильма о себе, который ему вроде бы понравился, хотя он совсем плохо слышал и медсестрам приходилось пересказывать ему закадровый текст. В течение одиннадцати дней он просмотрел все серии[278].

В начале февраля его опять посетил Цзян Цзэминь, чтобы поздравить с очередным Новым годом. Дэн, в свою очередь, вновь просил передать поздравления всем народам страны, выразив на этот раз надежду, что в этом году ЦК партии во главе с Цзяном успешно выполнит две исторические задачи: распространит суверенитет КНР на Гонконг и проведет XV Всекитайский съезд Компартии Китая. (Официальная церемония передачи Гонконга Китайской Народной Республике была назначена на 1 июля 1997

года, а XV съезд собирался через два месяца после этого, в сентябре.)

Дэн очень хотел дожить до объединения КНР с Гонконгом и даже мечтал посетить этот город. Но судьба распорядилась иначе. К середине февраля ему стало совсем плохо, он стал терять способность дышать, и Чжо Линь с детьми поняли: это конец. Врачи уже ничем не могли ему помочь. 15 февраля Чжо и дети написали письмо Цзян Цзэминю и ЦК партии относительно будущих похорон. Дэн в свое время просил руководителей партии после его кончины устроить ему самые простые похоронные церемонии[279], и родные высказали просьбу не проводить пышных похорон и не выставлять его тело для прощания. Траурный ритуал должен был пройти перед урной с прахом покойного[112], выставленной под его портретом. После окончания церемонии прах Дэна надлежало развеять над волнами Желтого моря[280]. Таково было его завещание.

Великий революционер и реформатор скончался 19 февраля 1997 года в 21 час 8 минут на 93-м году жизни.

***

Похороны Дэн Сяопина были организованы в точном соответствии с его желанием. 24 февраля руководители партии и государства простились с ним в клинике, где он умер. После этого тело перевезли в крематорий кладбища революционных героев. Десятки тысяч людей вышли на проспект Чанъаньцзе проводить его в последний путь. Что вывело их на улицу: сострадание, любопытство, любовь, кто знает? Большинство пекинцев остались дома. На следующий день в здании Всекитайского собрания народных представителей прошло траурное собрание. С речью, как и положено, выступил Цзян Цзэминь. Более десяти тысяч присутствовавших в зале встали, чтобы почтить память Дэна молчанием.

А через шесть дней, 2 марта, Чжо Линь в сопровождении члена Постоянного комитета Политбюро ЦК Ху Цзиньтао, будущего вождя компартии и КНР из четвертого поколения, развеяла прах мужа над просторами Желтого моря[281].

ЭПИЛОГ

Каждый раз, приезжая в Китай, я не узнаю его. Пекин, Шанхай, Чунцин, Сиань меняются с фантастической быстротой. Повсеместно идет строительство. Отели, жилые дома, офисы — всё рвется ввысь, «мерседесы» и БМВ несутся по новым проспектам, старые районы перестраиваются, люди одеваются все лучше. Жизнь бурлит, магазины ломятся от товаров, влюбленные парочки целуются на улицах. Никто уже с любопытством не ходит за иностранцами, как случалось совсем недавно, лет двадцать назад. С «заморскими волосатыми дьяволами» китайцы сейчас ведут бизнес, иностранцы теперь — партнеры, а не экспонаты в музеях истории колониализма. Даже в глубинке, в деревнях северо- и юго-запада, чувствуются изменения, хотя и не такие большие, как в городах. Но ведь Дэн никогда и не обещал, что зажиточным и цивилизованным станет сразу всё население Китая.

Особенно поражает Шанхай. Этот суперсовременный город, яркий, деловой, энергичный, бурлит с утра до глубокой ночи. Дорогие магазины всех зарубежных фирм, от Версаче до Мэйсис, выстроившиеся вдоль главных торговых артерий, Наньцзин лу и Хуайхай лу, полны народа. Старые френчи Мао и Дэна давно вышли из моды, все хотят одеваться красиво, по-западному. Женщины покупают дорогую косметику, яркие платья, изящные шляпки. А на другом берегу Хуанпу, в деловом квартале Пудун, тысячи бизнесменов «делают деньги». Здесь расположены филиалы крупнейших иностранных компаний, штаб-квартира «Сони» и множество китайских фирм. С понедельника по пятницу Пудун — китайская Уолл-стрит, зато в выходные он вымирает. Опустевшие небоскребы безмолвно жмутся друг к другу, и только туристы иногда нарушают тишину квартала.

Из окна моего гостиничного номера на двадцатом этаже весь Шанхай как на ладони. За водной гладью Хуанпу — притихшая громада Пудуна, а здесь, в даунтауне, жизнь, похоже, начинает пульсировать все быстрее. В европейском квартале поблизости от Хуайхай лу иностранные кафе и ресторанчики заполнены молодежью. Юноши и девушки пьют кофе, едят мороженое, они рады жизни. К шести вечера небо темнеет и город заливает многоцветье рекламы. «Макдоналдс» и «Кока-Кола», «Вольво» и «Панасоник». Разноцветные огни манят выйти на улицу.

Я брожу по ярким проспектам, смотрю на счастливую молодежь и невольно вспоминаю Гонконг. Такой же живой и яркий, как Шанхай. С не менее красивыми и влюбленными в жизнь молодыми людьми. И думаю о том, как четыре года назад,

4 июня 2009-го, гонконгская молодежь вышла на улицы почтить память павших защитников площади Тяньаньмэнь. Десятки тысяч людей заполнили улицы и площади, выражая свою скорбь и гнев. Ни в одном другом городе Китайской Народной Республики ничего подобного не произошло.

И дело тут не столько в страхе перед всесильным авторитарным режимом. В Китае действительно мало кто помнит о тяньаньмэньской трагедии. Дэн дал людям «хлеба и зрелищ», а также реальный шанс разбогатеть. И победил. Нынешние Шанхай, Пудун и Пекин, наполненные счастливыми молодыми людьми, — лучшие памятники этому человеку. «Социализм с китайской спецификой» оказался жизнеспособным.

Так, может быть, и нам надо было идти по такому пути, а гласность, воля и права человека в России — всего лишь мираж? Возможно, и так. Тем более что Дэн, например, до конца жизни называл Горбачева одним словом: «Глупец»[1].

Но всё, увы, не так просто. Россия — не Китай, мы другие, а потому и пойти могли только своим путем. Да, было бы хорошо, начав, как и Дэн, перестройку с раскрепощения сознания, тут же перейти к разделу земли, как в Китае. Но ведь русские крестьяне сами этого не желали. От голода в колхозах они не умирали, на подсобных участках выращивали всё, что хотели, — и для себя, и на рынок, дома держали птицу и домашний скот, к тому же из колхоза тащили, кто сколько мог. В КНР же все было по-другому. Там, как мы видели, аграрная реформа началась снизу, и Дэн поддержал ее только через полтора года.

А могли ли мы создать особые экономические районы, даже при желании руководства? Проблематично. Ведь в китайские ОЭР деньги вкладывали в первую очередь *хуацяо,* то есть китайцы, живущие за границей. Их отношение к социалистической родине — совершенно иное, нежели у русских эмигрантов любой волны. Сознание китайцев — клановое, для них родина — не только объект патриотических чувств, но и конкретное воплощение семьи. Поэтому инвестировать в экономику КНР — значит для *хуацяо* помогать и стране, и своей патронимии. Вот на их-то деньги и выросли Шэньчжэнь, Чжухай и другие ОЭР.

А готовы мы были работать в начале перестройки, как простые китайцы в начале реформ, за гроши? Ведь в основе «китайского чуда» — исключительная дешевизна рабочей силы. Даже ко времени смерти Дэна средняя заработная плата китайского рабочего составляла всего 1/48 зарплаты в США или 1/20 на Тайване[2].

А разве не должны мы были расквитаться с прошлым? Причем до конца. Это китайцы могли оценить Мао по принципу

70 процентов хорошего к 30 процентам ошибочного, ведь у них, как, впрочем, и у японцев, вьетнамцев и многих других восточных народов, нет понятия «покаяние». Это для нас оно — великое христианское таинство, без которого нет прощения и очищения. А для жителей Поднебесной главное — не «потерять лицо».

Да, Дэну было гораздо легче, чем Горбачеву. Даже кадровые работники в Китае отличались от советских. Тиран Мао до конца своих дней держал *ганьбу* в узде. «Культурная революция» при всем кошмаре имела ведь и позитивную сторону: китайская номенклатура не была при Мао коррумпирована в такой же степени, как советская под занавес эпохи Брежнева. Именно разложившаяся советская номенклатура и развалила великую страну.

Нельзя недооценивать и фактор холодной войны. В начале перестройки, в 1985 году, мы тратили на оборону порядка 40 процентов бюджета, в то время как китайцы в 1978 году — 15 процентов[3]. И в то время как СССР оставался для США врагом номер один, Дэн ловко играл на противоречиях двух сверхдержав, используя американцев для развития экономики Китайской Народной Республики.

В общем, русская реальность диктовала свои реформы. И упрекать Михаила Горбачева в том, что он не стал нашим Дэн Сяопином, вряд ли имеет смысл. К тому же свобода для многих людей в России важнее любых материальных благ. Возможно, и многим китайцам когда-нибудь станет близка эта максима.

А пока большинство населения КНР разделяет официальную оценку Дэн Сяопина, данную ему Цзян Цзэминем: «Если бы не товарищ Дэн Сяопин, то не было бы у китайского народа нынешней новой жизни, не было бы у Китая сегодняшней новой обстановки реформ и открытости, прекрасных перспектив социалистической модернизации. Товарищ Дэн Сяопин — признанный всей нашей партией, армией и народами нашей страны выдающийся руководитель с высочайшим авторитетом, великий марксист, великий пролетарский революционер, политический и военный деятель, дипломат, закаленный борец за дело коммунизма, главный архитектор социалистических реформ, открытости и модернизации, создатель теории построения социализма с китайской спецификой»[4].

***

За несколько лет до смерти Дэн как-то сказал, что никогда бы не согласился на издание своей биографии. Ведь «при написании

биографии необходимо будет сказать не только о том, что сделано хорошего, но и о том, что сделано плохого и даже неправильного», — заметил он. А неправильного, по его собственным словам, он сделал немало, даже больше, чем Мао Цзэдун. Положительное и отрицательное в своей жизни Дэн сам сопоставил как 50 к 50[5]. Поэтому, наверное, и просил, хотя и тщетно, будущих вождей не называть его «великим марксистом».

Что ж, должно быть, он знал себя лучше, чем кто бы то ни было. И нам, по-видимому, стоит принять его самооценку. А то, что говорят между собой о Дэн Сяопине Маркс и Мао Цзэдун, они нам никогда не расскажут.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЭН СЯОПИНА

1904, 22 августа — в деревне Яопин (Пайфан) волости Ванси (ныне — Сесин) административного округа Гуанъань провинции Сычуань в семье богатого землевладельца Дэн Вэньмина и его жены, урожденной Дань, родился сын Сяньшэн, в будущем Дэн Сяопин.

1919, сентябрь — поступает в чунцинскую подготовительную школу для желающих поехать на учебу и работу во Францию.

1920, 19 октября — прибывает во Францию, где в течение четырех с половиной лет учится, работает и занимается общественной деятельностью.

1921, 23–31 июля — в Шанхае и Цзясине проходит I съезд Коммунистической партии Китая (КПК).

1923, июнь — вступает в Европейское отделение Социалистического союза молодежи Китая и вскоре порывает с родителями.

1925, апрель — вступает в Европейское отделение Коммунистической партии Китая.

Июнь — избирается кандидатом в члены Исполкома Европейского отделения КПК.

1926, 7 января — уезжает из Парижа в Москву, где 17 января поступает на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

29 января — переходит в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК). Мать Дэна умирает от туберкулеза.

1927, 12 января — не окончив курс, уезжает из Москвы на родину для политической работы в войсках Националистической армии маршала Фэн Юйсяна, союзника коммунистов по антиимпериалистическому фронту.

Конец марта — Фэн Юйсян назначает Дэна начальником политотдела Сианьского военного училища им. Сунь Ятсена.

Конец июня — Фэн Юйсян порывает с коммунистами и просит их покинуть его армию.

Начало июля — Дэн прибывает в Ухань, где становится техническим секретарем ЦК КПК. Изменяет имя на Дэн Сяопин.

7 августа — принимает участие в чрезвычайном совещании ЦК КПК в Ханькоу. Впервые встречается с Мао Цзэдуном.

Конец сентября или начало октября — вместе с ЦК переезжает в Шанхай и в декабре становится заведующим Секретариатом ЦК КПК.

1928, весна — женится на Чжан Сиюань (род. 28 октября 1907 года).

1929, август — получает назначение в провинцию Гуанси представителем ЦК для организации антигоминьдановского восстания.

11 декабря — в городе Босэ происходит коммунистическое восстание, в результате которого формируется 7-й корпус Красной армии.

1930, январь — рождение первого ребенка, дочери. Чжан Сиюань и дочь умирают. Вскоре ЦК назначает Дэна политкомиссаром 7-го корпуса.

1 февраля — в городе Лунчжоу происходит коммунистическое восстание, в результате которого формируется 8-й корпус Красной армии. ЦК назначает Дэна политкомиссаром и этого корпуса.

Апрель — май — занимается строительством Советского района в Дунлане, на северо-западе Гуанси.

1931, 8 февраля — 7-й корпус выходит в провинцию Цзянси, после чего Дэн уезжает с отчетом в Шанхай.

Начало августа — по поручению ЦК КПК прибывает на работу в Центральный советский район. Женится на «Золотце» Цзинь Вэйин (род. осенью 1904 года).

1931, середина августа — 1933, начало мая — работает последовательно секретарем КПК уезда Жуйцзинь, уездов Хойчан, Сюньу и Аньюань и заведующим отделом пропаганды Цзянсийского парткома.

1933, февраль — май — подвергается целенаправленной критике партийных вождей как «маоист», то есть сторонник чисто партизанской оборонительной тактики Мао Цзэдуна. От Дэна уходит жена.

Июль — назначается главным редактором печатного органа Центрального реввоенсовета журнала «Хунсин» («Красная звезда»).

1934, октябрь — вместе с войсками Красной армии уходит в Великий поход.

Декабрь — вновь назначается заведующим Секретариатом ЦК КПК.

1935, 15–17 января — присутствует на расширенном совещании Политбюро в Цзуньи.

1935, конец июня — 1938, начало января — последовательно занимает ряд командных военно-политических должностей в Красной армии (с августа 1937 года — 8-я полевая армия).

1936 — погибает отец Дэна.

1937, 7 июля — Япония начинает широкомасштабную войну

против Китая.

1938, 5 января — назначается политкомиссаром и начальником политотдела 129-й дивизии 8-й полевой армии.

1939, конец августа — женится на Чжо Линь (род. 6 апреля 1916 года).

1941, 11 сентября — рождение дочери Дэн Линь.

1942–1944 — в пограничном районе Шэньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань в тылу японских войск руководит широкомасштабной «чисткой» партии *(чжэнфэн),* инициированной Мао Цзэдуном.

1944, апрель — рождение сына Пуфана.

1945, 23 апреля —11 июня — на VII съезде КПК в Яньани избирается членом ЦК компартии.

14 (15) августа — Япония капитулирует.

Сентябрь — октябрь — проводит успешную операцию против гоминьдановских войск, провоцируя новую гражданскую войну. *Октябрь* — рождение дочери Дэн Нань.

1946, июнь — начало широкомасштабного наступления армии Гоминьдана на позиции войск КПК.

1947, 15 мая — Мао Цзэдун назначает Дэна секретарем Бюро ЦК компартии по Центральной равнине.

Июнь — войска Дэна переправляются через Хуанхэ и начинают новый этап гражданской войны — контрнаступления армии КПК.

Август — войска Дэна совершают марш-бросок в тыл Чан Кайши, после чего создают в горах на Центральной равнине «освобожденный район».

1948, ноябрь — 1949, январь — Дэн вместе с Лю Бочэном командует войсками КПК в Хуайхайской битве.

1949, 20 апреля — войска Дэна форсируют Янцзы и 23 апреля занимают Нанкин, а 27 мая — Шанхай.

1 августа — Мао Цзэдун назначает Дэна первым секретарем вновь образованного Юго-Западного бюро ЦК КПК.

30 сентября — избирается членом Центрального народного правительства.

1 октября — Мао Цзэдун провозглашает Китайскую Народную Республику.

Начало декабря — назначается мэром Чунцина.

10 декабря — Чан Кайши бежит из сычуаньской столицы Чэнду на Тайвань.

27 декабря — войска Дэна входят в Чэнду.

1950, 25 января — рождение дочери Дэн Жун.

1950, октябрь — 1951, октябрь — армия Дэна вместе с войсками Хэ Луна «освобождает» Тибет.

1950–1952 — подавляет «контрреволюционные элементы» и проводит радикальную аграрную реформу на Юго-Западе Китая.

1951, август — рождение сына Чжифана.

1952, июль — Мао Цзэдун переводит Дэна в Пекин заместителем премьера Государственного административного совета.

1953, лето — назначается первым заместителем председателя Финансово-экономического комитета и министром финансов КНР.

1953, декабрь — 1954, февраль — по поручению Мао Цзэдуна занимается «делом Гао Гана — Жао Шуши».

1954, апрель — назначается заведующим Секретариатом и орготделом ЦК КПК.

Сентябрь — на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) утверждается заместителем премьера Госсовета.

1955, апрель — избирается членом Политбюро ЦК КПК.

1956, 11 февраля — 1 марта — посещает Советский Союз, где в качестве заместителя главы делегации КПК присутствует на XX съезде КПСС.

15–27 сентября — на VIII съезде КПК делает доклад об изменениях в уставе партии. Избирается членом ЦК, а на 1-м после съезда пленуме ЦК — членом Политбюро, Постоянного комитета Политбюро и Генеральным секретарем ЦК КПК.

23–31 октября — в связи с событиями в Польше и Венгрии в составе делегации КПК посещает Москву, где ведет переговоры с делегацией КПСС во главе с Н. С. Хрущевым.

1957, февраль — сентябрь — по поручению Мао Цзэдуна проводит «чистку партии» и общекитайскую кампанию «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», после чего возглавляет репрессивную кампанию против интеллигенции.

2–21 ноября — сопровождает Мао Цзэдуна в Советский Союз на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции. Принимает участие в совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий и руководителей компартий социалистических стран.

1958, 18 февраля — участвует в расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, которое объявляет курс «больше, быстрее, лучше, экономнее» новой генеральной линией компартии в социалистическом строительстве. Через три месяца 2-я сессия VTII съезда КПК утверждает этот курс. Начинается «большой скачок», который Дэн горячо поддерживает.

31 июля — 3 августа — принимает участие в переговорах Мао Цзэдуна с Н. С. Хрущевым в Пекине. Нарастание

напряженности в китайско-советских отношениях.

Зима — начало массового голода, вызванного «большим скачком». *1960, апрель* — начало публичной полемики между КПК и КПСС.

Сентябрь — начало декабря — участвует в переговорах с делегацией КПСС в Москве, после чего принимает участие в работе редакционной комиссии нового совещания представителей коммунистических и рабочих партий и в самом совещании.

1961, май — поддерживает Лю Шаоци, выступающего с критикой «большого скачка».

Лето — одобряет практику закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами — так называемый семейный подряд. *Декабрь* — по поручению Мао Цзэдуна делает доклад о борьбе против советского «ревизионизма» на рабочем совещании ЦК КПК.

1962, январь — февраль — участвует в расширенном совещании ЦК КПК с участием семи тысяч кадровых работников в Пекине, на котором Мао Цзэдун выступает с самокритикой.

Конец июня — начало июля — характеризует развитие семейного подряда в деревне фразой: «Неважно, черная кошка или желтая, если она может ловить мышей, это хорошая кошка».

Июль — Мао Цзэдун разворачивает в партии борьбу с «умеренными», в том числе с Дэном.

1963, 5–20 июля — руководит делегацией КПК на переговорах с представителями КПСС в Москве. Отношения двух партий фактически прерываются.

1965, 10 ноября — шанхайская газета «Вэньхуэй бао» («Литературные доклады») публикует критическую статью Яо Вэньюаня о пьесе заместителя мэра Пекина У Ханя «Разжалование Хай Жуя».

1966, 16 мая — по инициативе Мао Цзэдуна расширенное заседание Политбюро от имени ЦК принимает текст специального сообщения всем парторганизациям страны, в котором призывает всю компартию «высоко держать знамя великое пролетарской культурной революции».

Август — ликвидируется пост Генерального секретаря ЦК КПК, который занимал Дэн.

23 октября — выступает с самокритикой на рабочем заседании ЦК КПК.

25 декабря — студенты и преподаватели университета Цинхуа организуют в Пекине демонстрацию, впервые открыто атакуя Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

1967, 1 апреля — «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная

газета») и «Хунци» («Красное знамя») публикуют статью, в которой Дэн впервые в открытой печати назван «вторым [после Лю Шаоци] самым крупным лицом в партии, находящимся у власти и идущим по капиталистическому пути».

29 июля — цзаофани Чжуннаньхая вытаскивают Дэна и Чжо Линь на митинг «критики и борьбы», во время которого всячески их унижают и даже бьют, после чего заключают под домашний арест.

1968, 5 июля — Дэн предоставляет «группе по особому делу Дэн Сяопина» свою «исповедь».

1969, апрель — на IX съезде КПК Мао Цзэдун заявляет, что «между Дэн Сяопином и Лю Шаоци надо проводить различие».

22 октября — Дэна с женой и мачехой перевозят из Пекина в Наньчан и помещают под домашний арест в бывшем Наньчанском пехотном училище Фучжоуского военного округа, превращенном в так называемую «школу 7 мая». Дэн проводит здесь три с половиной года.

1973, 22 февраля — Дэн по решению Мао Цзэдуна возвращается с семьей в Пекин.

9 марта — Мао Цзэдун вновь назначает Дэна заместителем премьера Госсовета.

Декабрь — Дэн по предложению Мао Цзэдуна вводится в состав Политбюро ЦК КПК.

1974, 10 апреля — выступает на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке с изложением теории Мао Цзэдуна о «трех мирах», после чего ведет переговоры с Г. Киссинджером.

Октябрь — Мао назначает Дэна заместителем Председателя Военного совета ЦК КПК и начальником Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

1975, январь — по предложению Мао Цзэдуна пленум ЦК КПК избирает Дэн Сяопина одним из заместителей Председателя ЦК КПК и членом Постоянного комитета Политбюро. После этого сессия ВСНП утверждает Дэна первым заместителем премьера. Дэн начинает заниматься упорядочением народного хозяйства.

1976, 19 марта — 5 апреля — массовые демонстрации на площади Тяньаньмэнь в связи с кончиной Чжоу Эньлая. Мао Цзэдун по навету Цзян Цин и ее сторонников возлагает вину за «контрреволюционный мятеж» на Дэна.

7 апреля — Мао Цзэдун снимает Дэна со всех постов и назначает Хуа Гофэна первым заместителем Председателя ЦК КПК и премьером Госсовета. Дэна вновь заключают под домашний арест.

9 сентября — умирает Мао Цзэдун.

6 октября — Хуа Гофэн, Е Цзяньин и Ван Дунсин

арестовывают Цзян Цин и других членов «группы четырех». На следующий день Хуа Гофэн становится Председателем ЦК и Военного совета ЦК КПК.

10 октября — Дэн пишет письмо Хуа Гофэну, в котором выражает радость по поводу ареста «группы четырех».

1977, 7 февраля — Хуа Гофэн излагает концепцию «двух абсолютов». Дэн выступает против нее.

Февраль — генерал Сюй Шию пишет письмо Хуа Гофэну, требуя реабилитации Дэна.

Март — на рабочем совещании ЦК КПК реабилитации Дэна требуют Чэнь Юнь, Ван Чжэнь и некоторые другие ветераны.

17 июля — пленум ЦК КПК восстанавливает Дэна в должностях члена ЦК, Политбюро и Постоянного комитета, заместителя Председателя ЦК и Военного совета, заместителя премьера Госсовета и начальника Генерального штаба НОАК. Дэн призывает коммунистов «искать истину в фактах».

1978, 10 мая — журнал «Лилунь дунтай» («Развитие теории») публикует статью «Практика — единственный критерий истины». Дэн использует статью в борьбе против Хуа Гофэна.

Ноябрь — декабрь — на рабочем совещании ЦК КПК сторонники Дэна одерживают победу над группой Хуа Гофэна.

18–22 декабря — 3-й пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва переносит центр тяжести в деятельности партии с классовой борьбы на экономическое строительство.

Конец декабря — крестьяне деревни Сяоган аньхойского уезда Фэнъян переходят на полный семейный подряд.

1978, конец — 1979, начало — в Китае развивается молодежное демократическое движение.

1979, январь — Дэн выдвигает план воссоединения материковой части Китая с Тайванем, Гонконгом и Макао на основе принципа «одна страна — две системы».

28 января — 6 февраля — посещает США, ведет переговоры с Дж. Картером.

17 февраля — 16 марта — КНР ведет войну с Социалистической Республикой Вьетнам.

30 марта — выступает с речью о четырех кардинальных принципах, после чего подавляет демократическое движение. *Середина июля* — восходит на гору Хуаншань.

26 августа — открываются первые четыре особых экономических района.

6 декабря — обосновывает концепцию *сяокан.*

1980, февраль — на пленуме ЦК КПК Дэн снимает главных сторонников Хуа Гофэна и вводит в Постоянный комитет Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Пленум принимает решение

реабилитировать Лю Шаоци.

Май — Дэн вновь выступает в поддержку семейного подряда.

Сентябрь — снимает с себя обязанности заместителя премьера и вынуждает Хуа Гофэна уступить пост премьера Чжао Цзыяну.

1981, июнь — пленум ЦК принимает «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». Хуа Гофэна снимают с высших партийных постов. Дэна избирают Председателем Военного совета ЦК КПК.

1982, сентябрь — Дэна избирают председателем вновь образованной Центральной комиссии советников.

1983, ноябрь — 1984, февраль — проводит кампанию борьбы с «духовным загрязнением».

1984, 4 мая — по инициативе Дэна принимается решение открыть 14 районов экономического и технического развития.

Октябрь — при поддержке Дэна пленум ЦК КПК принимает решение «О реформе экономической системы».

1985, январь — начинает кампанию борьбы с «буржуазной либерализацией».

1986, декабрь — 1987, январь — развитие нового молодежного демократического движения.

30 декабря — Дэн взваливает ответственность за студенческие волнения на Ху Яобана.

1987, 16 января — по предложению Дэна расширенное заседание Политбюро избирает генсеком ЦК КПК Чжао Цзыяна.

25 октября — 1 ноября — на XIII съезде КПК Дэн уходит с постов члена ЦК КПК, Политбюро, его Постоянного комитета и председателя Центральной комиссии советников.

1989, 15 апреля — 4 июня — развитие нового молодежного демократического движения в Пекине и других городах.

16 мая — встречается с М. С. Горбачевым в здании ВСНП. Нормализует советско-китайские отношения.

17 мая — принимает решение ввести в городских районах Пекина военное положение.

27 мая — на совещании с ветеранами принимает решение назначить генсеком ЦК КПК Цзян Цзэминя.

4 июня — подавление студенческого демократического движения в Пекине.

4 сентября — Дэн подает прошение в Политбюро ЦК КПК об отставке с поста Председателя Военного совета.

1992, январь — февраль — совершает поездку в Учан, Чаншу, Шэньчжэнь, Чжухай и Шанхай, агитируя за углубление рыночных реформ.

1994, 22 декабря — 1995, 7 февраля — проходит лечение в

госпитале НОАК по поводу болезни Паркинсона, отягощенной легочной инфекцией.

1996, 12 декабря — вновь госпитализирован с тем же диагнозом.

1997, 19 февраля — Дэн Сяопин умирает.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

[1] См.: Дао дэ цзин. Ростов н/Д., 2003. С. 289.

[2] Там же. С. 283.

[3] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». М., 1998. С. 310, 396, 449.

ЧАСТЬ I
«Обогнавший мудреца»

[1] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М, 1995. С. 31; Личные впечатления автора от посещения бывшей деревни Пайфан. 24 июня 2010 г.

[2] См.: Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова) // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. Л. 2, 4, 5.

[3] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 56; Дэн Кэнь тань Дэн Сяопин (Дэн Кэнь рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин (Рассказы о Дэн Сяопине). Пекин, 2004. С. 3.

[4] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печатью Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. М., 1968. С. 4.

[5] См.: *Yang Benjamin.* Deng. A Political Biography. Armonk, NY and London, 1998. P. 10, 11.

[6] См.: Шицзи сианьгэ, байнянь чуаньсян. Сычуань да сюэсяо шичжань (1896–2006) (Струнная песня столетия находит отзвук на протяжении 100 лет. История высших учебных заведений Сычуани). Чэнду, 2007. С. 51.

[7] См.: Дэн Сяопин юй сяньдай Чжунго (Дэн Сяопин и современный Китай). Пекин, 1997. С. 3; Дэн Сяопин. 1904–1997. Чэнду, 2009. С. 17–18; *Ramsey S. Robert.* The Languages of China. Princeton, NJ, 1987. P. 33.

[8] См.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М., 2007. С. 32–33.

[9] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 62.

[10] *Попов П. С.* Китайский философ Мэнцзы. М., 1998. С. 104.

[11] См.: Дэн Сяопин цзышу (Автобиографические заметки Дэн Сяопина). Пекин, 2004. С. 3–4.

[12] Гэгэ вэй гэмин бу хуэйцзя (Старший брат не вернулся домой, чтобы делать революцию) // Чжунго жибао (Ежедневная газета «Китай»). 2008. 28 сентября.

[13] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 2.

[14] См.: *Мао Цзэдун.* Автобиография. Стихи. М., 2008. С. 20–21.

[15] См.: Дэн Сяопин цзыщу. С. 3.

[14] См.: *Uli Franz.* Deng Xiaoping. Boston, etc., 1988. P. 10; *Evans Richard.* Deng Xiaoping and the Making of Modern Chins. Revised ed. London, 1997. P. 4.

[17] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 30.

[18] См.: *Geil William Edgar.* A Yankee on the Yangtse. New York,

1904. P. 106.

[19] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 301.

[20] См.: *Цзинь Сяомин и др.* «Дэн цзя лао юаньцзы» дэ лао гуши (Старые истории «Старого подворья семейства Дэнов») // Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 2004. 22 августа; Дэн Сяопин и цзядэ гуши (Рассказы семьи Дэн Сяопина) // Синьлан (Новая волна). 2006. 7 сентября; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 62.

[21] Интервью с профессором Института новой истории АОН КНР Ли Юйчжэнь в г. Пекине 27 июня 2004 г.

[22] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 62; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1904–1974). Т. 1. Пекин, 2010. С. 3. По другим данным — через два года (см.: *Цзинь Сяомин и др.* «Дэн цзя лао юаньцзы» дэ лао гуши; Дэн Сяопин и цзядэ гуши).

[23] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 3; Личные впечатления автора от посещения поселка Сесин, 24 июня 2010 г.

[24] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 17, 23–24.

[25] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 300.

[26] *Попов П. С.* Китайский философ Мэнцзы. С. 136. Два других вида: попустительство недостойному поведению родителей и отказ от заботы о них в старости.

[27] РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 5. Л. 175; Дэн Сяопин цзышу. С. 3.

[28] Подробнее см.: Сычуань цзиньдай ши (Новая история Сычуани). Чэнду, 1985. С. 425–509.

[29] Не Жунчжэнь хуэйилу (Воспоминания Не Жунчжэня). Т. 1. Пекин, 1984. С. 3–4.

[30] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 56.

[31] Подробнее см.: *Kapp Robert A.* Szechwan and the Chinese Republic. Provincial Militarism and Central Power, 1911–1938. New Haven and London, 1973. P. 8–10.

[32] Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И — последнего императора Китая. М., 1968. С. 61.

[33] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 2; Дэн Кэнь тань Дэн Сяопин. С. 3–4; Гэгэ вэй гэмин бу хуэйцзя.

[34] См.: *Цзинь Сяомин и др.* «Дэн цзя лао юаньцзы» дэ лао гуши; Дэн Сяопин и цзядэ гуши.

[35] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 25, 32, 34.

[36] *Юэ Фэй.* Мань цзян хун (Вся река окрашена в красный цвет) // *Юэ Фэй.* Цзинчжун Юэ Фэй цюаньцзи (Полное собрание сочинений исключительно преданного Юэ Фэя). Тайбэй, 1976. С. 155.

[37] Цит. по: *Uli Franz.* Deng Xiaoping. P. 22.

[38] Подробнее см.: *Спичак Д. А.* Китайцы во Франции (рукопись). С. 9–12.

[39] См.: Там же. С. 23–24.

[40] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 7; *Цзян Цзэминь.* Лю Фа, Би циньгун цзяньсюэдэ хуэйи (Воспоминания о прилежной работе и экономной учебе во Франции и Бельгии) // Фу Фа циньгун цзяньсюэ юньдун шиляо (Материалы по истории движения за прилежную работу и экономную учебу во Франции). Т. 3. Пекин, 1981. С. 448–449.

[41] *Цзян Цзэминь.* Лю Фа, Би циньгун цзяньсюэдэ хуэйи. С. 448.

[42] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 70.

[43] *Geil William Edgar.* A Yankee on the Yangtse. P. 104.

[44] *Davidson Robert J. and Mason Isaac.* Life in Wfest China Described by Two Residents in the Province of Sz-Chwan. London, 1905. P. 41–42.

[45] Подробнее о положении в Сычуани после смерти Юань Шикая см.: *Kapp Robert A.* Szechwan and the Chinese Republic. P. 8, 14, 17–23.

[46] См.: Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969. С. 41.

[47] Подробнее о движении «4 мая» в Чунцине см.: Усы юньдун цзай Сычуань (Движение 4 мая в Сычуани). Чэнду, 1989. С. 103–118, 235–263, 288—322, 355–371; *Вэнь Сяньмэй, Дэн Шоумин.* Усы юньдун юй Сычуань цзяньдан (Движение 4 мая и строительство партии в Сычуани). Чэнду, 1985. С. 10–29.

[48] См.: *Цзян Цзэминь.* Лю Фа, Би циньгун цзяньсюэдэ хуэйи. С. 448.

[49] См.: *Цзинь Сяомин и др.* «Дэн цзя лао юаньцзы» дэ лао гуши.

[50] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 3; Гэгэ вэй гэмин бу хуэйцзя; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 81.

[51] Гэгэ вэй гэмин бу хуэйцзя.

[52] Дэн Сяопин и цзядэ гуши.

[53] См.: Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун (Ранняя революционная деятельность Дэн Сяопина). Шэньян, 1992. С. 54.

[54] *Geil William Edgar.* A Yankee on the Yangtse. P. 73.

[55] См.: Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун. С. 56.

[56] *Davidson Robert J. and Mason Isaac.* Life in West China Described by Two Residents in the Province of Sz-Chwan. P. 14.

[57] Цит. по: *Yang Benjamin.* Deng. P. 29.

[58] См.: *Цзян Цзэминь.* Лю Фа, Би циньгун цзяньсюэдэ хуэйи. С, 449–451; Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун. С. 63–64.

[59] См.: *Ли Хуан.* Сюэдунь ши хуэйилу (Воспоминания, написанные необразованным ученым в своем кабинете). Тайбэй, 1973. С. 105–106.

[60] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 78.

[61] См.: *Цзы Хуэй.* Лю Фа цзяньсюэ цяньгун лян нянь лайчжи цзинго цзи сяньчжуан (Двухлетняя история и современное развитие [движения] за прилежную работу и экономную учебу во Франции) // Фу Фа циньгун цзяньсюэ юньдун шиляо (Материалы по истории движения за прилежную работу и экономную учебу во Франции). Т. 1. Пекин, 1981. С. 85–94; *Хуан Цзиньпин, Чжан Ли.* Дэн Сяопин цзай Шанхай (Дэн Сяопин в Шанхае). Шанхай, 2004. С. 17, 18.

[62] *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин (Мой отец Дэн Сяопин). Т. 1. Пекин, 1997. С. 81; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 10.

[63] Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 8.

[64] *Чэнь И.* Во лян нянь лай лю Фа циньгун цзяньсюэдэ шигань (Мои впечатления от [движения] за прилежную работу и экономную учебу во Франции за два года) // Фу Фа циньгун цзяньсюэ юньдун шиляо. Т. 3. С. 47, 53.

[65] *Чэнь И.* Во лян нянь лю Фадэ тунку (Мои страдания от двухлетнего пребывания во Франции // Там же. С. 57.

[66] Дэн Сяопин цзышу. С. 9—10.

[67] См.: *Чэнь И.* Во лян нянь лю Фадэ тунку. С. 56.

[68] Чжэн Чаолинь хуэйилу (Воспоминания Чжэн Чаолиня). [Сянган], б. г. С. 17.

[69] См.: *Ли Хуан.* Сюэдунь ши хуэйилу. С. 69.

[70] См.: *Levine Marilyn A. and Chen Sanching.* The Guomindang in Europe. A Sourcebook of Documents. Berkley, Cal., 2000. P. 11.

[71] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 16.

[72] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 81.

[73] См.: *Ли Хуан.* Сюэдунь ши хуэйилу. С. 70.

[74] См.: *Bailey Paul J.* The Chinese Work-Study Movement in France // The China Quarterly. 1988. № 115. P. 458; *Levine Marilyn A.* The Found Generation. Chinese Communists in Europe during the Twenties. Seattle, 1993. P. 126.

[75] См.: *Маомао'Шок* отец Дэн Сяопин. С. 89.

[76] Подробнее см.: *Levine Marilyn A.* The Found Generation. P. 121–131; *Wang Nora.* Émigration et Politique. Les Étudiants-Ouvriers Chinois en France (1919–1925). Paris, 2002. P. 213–228, 238–240; Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 23–24.

[77] Подробнее см.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 30–32; Чжэн Чаолинь тань Дэн Сяопин (Чжэн Чаолинь рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 10.

[78] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 93.

[79] Чжэн Чаолинь тань Дэн Сяопин. СП.

[80] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь)

(Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1898–1949. Исправленное издание). Пекин, 1998. С. 45, 48; Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. Цзэндинбэнь. Цзунлу. Жэньу (Большой словарь КПК. Расширенное издание. Общий раздел. Персоналии). Пекин, 2001. С. 198.

[81] См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 27; Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. Чуанли шици фэньци (Большой словарь КПК. Раздел «Период становления»). Пекин, 1989. С. 205.

[82] Цит. по: Усы шицидэ шэтуань (Общества периода 4 мая). Т. 1. Пекин, 1979. С. 28–29. См. также: *Ло Шаочжи и др.* Цай Хэсэнь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 6. Сиань, 1982. С 12–19.

[83] См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 30; *Сунь Цимин.* Чэнь Яньнянь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 12. Сиань, 1983. С. 7.

[84] См.: *Спичак Д. А.* Китайский авангард Кремля: Революционеры Китая «московских школах Коминтерна (1921–1939). М., 2012. С. 91–92.

[85] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь). С. 56; Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 32–35; *Пэн Чэнфу.* Чжао Шиянь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 7. Сиань, 1983. С. 13–14.

[86] См.: Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. Чуанли шици фэньци. С. 205.

[87] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 93.

[88] См.: *Snow Edgar.* Random Notes on Red China (1936–1945). Cambrige, Mass., 1957. P. 137.

[89] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 93.

[90] Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 4, 5.

[91] Дэн Сяопин цзышу. С. 13.

[92] Там же. С. 10; Личное дело Дэн Сяопина (Дозорова). Л. 4, 5.

[93] См.: Не Жунчжэньхуэйилу. Т. 1. С 27.

[94] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 101, 102. См. также: Дэн Сяопин цзышу. С. 16; Письмо Сяо Цзин Вана, внука Ван Цзэкая, автору книги от 2 декабря 2012 г.

[95] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 4; Дэн Кэнь тань Дэн Сяопин. С. 6–7.

[96] Дэн Сяопин цзышу. С. 4.

[97] См.: Дэн Кэнь тань Дэн Сяопин. С. 7; Гэгэ вэй гэмин бу хуэйцзя.

[98] См.: Личное дело Чжоу Эньлая // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2. Т. 3. Л. 59–60.

[99] *Цай Чан.* Тань фу Фа циньгун цзяньсюэ хэ шэхуэйчжуи цинняньтуань люй Оу чжибу (О прилежной работе и экономной

учебе во Франции и Европейском отделении Социалистического союза молодежи) // Гунчаньчжуи сяоцзу (Коммунистические кружки). Т. 2. Пекин, 1987. С. 947.

[100] Цит по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 109. См. также: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982) (Избранные произведения Дэн Сяопина [1975–1982]). Пекин, 1983. С. 307.

[101] *Ли Хуан.* Сюэдунь ши хуэйилу. С. 89.

[102] Цит. по: *Pantsov Alexander and Benton Gregor.* Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang 'From the First'? // Republican China. 1994. Vol. XIX. No. 2 (April). P. 61–63.

[103] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь). С. 62.

[104] См.: Личное дело Дэн Сисяня(Дозорова). Л. 2об., 4, 5, Юоб., 12об.; Личное дело Дэн Сисяня. Л. 3; Дэн Сяопин цзышу. С. 1, 31.

[105] Дэн Сяопин цзышу. С. 14.

[106] См.: Личное дело Дэн Сисяня. Л. 3.

[107] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 24.

[108] Подробнее см.: *Wang Nora.* Deng Xiaoping: The Years in France // China Quarterly. 1982. No. 92. P. 701–705; *same.* Emigration et Politique. P. 280–283; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 113–118.

[109] См.: Личное дело Майкова (Ян Пиньсуня) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1994.

[110] Цит. по: *Wang Nora.* Émigration et Politique. P. 281; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 118.

[111] См.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 237.

[112] См.: Личное дело Дивакова (Фу Чжуна) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225.Д. 1251; Личное дело Данилина (Дэн Шаошэна)//Там же. Д. 1637.

[113] Подробнее см.: *СпичакД. А.* Китайский авангард Кремля. С. 43–44.

[114] См.: Там же. С. 43, 45.

[115] См.: Личное дело Дэн Сисяня. Л. 1–4.

[116] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 58–60, 66–67.

[117] *Жэнь Чжосюань.* Лю Э цзи гуйго хоудэ хуэйи (Воспоминания о жизни в России и о том, что случилось после возвращения на родину) // Люши нянь лай чжунго лю Э сюэшэнчжи фэнсян дяоку (Воспоминания китайских студентов об [их] пребывании в России 60 лет назад). Тайбэй, 1988. С. 74.

[118] Дэн Сяопин цзышу. С. 28.

[119] *СпичакД. А.* Китайский авангард Кремля. С. 77.

[130] См.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских

отношений. С. 237; Дэн Сяопин. С. 31; *Sheng Yueh.* Sun Yatsen University in Moscow and the Chinese Revolution. A Personal Account. Lawrence, KS, 1971. P. 88.

[121] См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; *Долин С. А.* Китайские мемуары. 1921–1927. М., 1975. С. 176.

[122] См.: В Университете трудящихся им. Сун-Ят-Сена // Правда. 1926. 11 марта. Со второй половины 1926 года — по восемь часов (с понедельника по среду) и по шесть (с четверга по субботу) (см.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1.Д. 17. Л. 53).

[123] РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 5. Л. 175, 681–680; Дэн Сяопин цзышу. С. 25–26; Дэн Сяопин шоуцзи сюань (Избранные рукописи Дэн Сяопина). Т. 3. Пекин, 2004. С. 37–38, 143–144; Фэнбэй — Дэн Сяопин гуцзюй чэньлегуань (Памятник — Музей на месте рождения Дэн Сяопина). Чэнду, 2005. С. 29.

[124] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 127.

[125] *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009. С. 102, 103.

[126] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 128.

[127] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 19.

[128] *Ленин В. И.* О продовольственном налоге // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1963. С. 222.

[129] *Сталин И. В.* XIV съезд ВКП(б). 18–31 декабря 1925 г. Заключительное слово по Политическому отчету Центрального комитета // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 364.

[130] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 137.

[131] См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. Л. без №; *Шэн Юэ.* Университет Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. С. 86; Дэн Сяопин хуачжуань (Иллюстрированная биография Дэн Сяопина). Т. 1. Чэнду, 2004. С. 26.

[132] Цит. по: *Yu Miinling L.* Sun Yatsen University in Moscow, 1925–1930. Ph.D. Dissertation. New York, NY, 1995. P. 179.

[133] См.: Ibid.

[134] См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 33. Л. 28–30.

[135] См.: Там же. Л. 31–32.

[136] См.: Там же. Оп. 1. Д. 42. Л. без №; *Сунь Ефан.* Гуаньюй Чжунгун люй Мо чжибу (О Московском отделении КПК) // Чжунгун данши цзыляо (Материалы по истории КПК). 1982. № 1. С. 180–183; *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. С. 79.

[137] См.: *Yu Miinling L.* Sun Yatsen University in Moscow, 1925–1930. P. 172–173.

[138] Ibid. P. 175.

[139] РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 15. Л. 42 об.

[140] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 129; *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. С. 149.

[141] Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 18.

[142] Там же. Л. 9.

[143] См.: Личное дело Догадовой // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1669; Дэн Сяопин хуачжуань. С. 41.

[144] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 125–146.

[145] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 216–222.

[146] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 55; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. М., 1996. С. 202.

[147] О Фэне см.: *Davis George T. B.* China's Christian Army. A Story of Marshal Feng and His Soldiers. New York, 1925; *Broomhall Marshall.* General Feng. 'A Good Soldier of Christ Jesus'. London etc., 1923; *Ch'êng Marcus.* Marshal Feng — The Man and His Work. Shanghai, 1926; *Фэн Лида.* Водэ фуцинь Фэн Юйсян цзянцзюнь (Мой отец генерал Фэн Юйсян). Чэнду, 1984.

[148] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. С. 228, 281.

[149] См.: Фэн Юйсян жицзи (Дневник Фэн Юйсяна). Т. 2. Нанкин, 1992. С. 177–215; *Фэн Юйсян.* Водэ шэнхо (Моя жизнь). Харбин, 1984. С. 461–482; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. С. 241, 242; *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена и китайская революция. С. 151–161; *Цинь Яньши и др.* Лю Боцзянь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 4. Сиань, 1982. С. 267–268.

[150] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). Т. 1. Пекин, 2002. С. 169–172; *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968. С. 416; *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае, 1925–1927. Воспоминания. М., 1965. С. 273–302; *Chang Kuot'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. \blume One of Autobiography of Chang Kuot'ao. Lawrence, KS, 1972. P. 532–572.

[151] См.: *Sheridan James E.* Chinese Warlord. The Career of Feng Yühsiang. Stanford, Calif., 1966. P. 203–209.

[152] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. С. 449.

[153] Фотокопию документа см.: Дэн Сяопин цзышу. С. 28; Дэн Сяопин хуачжуань. С. 29.

[154] См.: Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 9.

[155] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 135. См. также: Дэн Сяопин цзышу. С. 27; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 32.

[156] См.: *Примаков В. М.* Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1967. С. 36–37.

[157] См.: Гао Кэлинь тань Дэн Сяопин (Гао Кэлинь рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 19.

[158] См.: *Чжан Цзюньхуа, Ван Шаоминь.* Ши Кэсюань // Чжунгундан шижэньучжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 26. Сиань, 1985. С. 104, 111–115.

[159] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 135. См. также: Сиань. Пекин, 1986. С. 186.

[160] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 115; Гао Кэлинь тань Дэн Сяопин. С. 19; *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. С. 157.

[161] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 135; Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун. С. 130; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 33.

[162] См.: Гао Кэлинь тань Дэн Сяопин. С. 20.

[163] См.: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. С. 157.

[164] *Geil William Edgar.* Eighteen Capitals of China. Philadelphia and London, 1911. P. 329.

[165] *Nichols Francis H.* Through Hidden Shensi. London, 1902. P. 160.

[166] $f_e i_c / j_{man}$ *Eric.* Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge, 1921. P. 7–8.

[167] РГАСПИ. Ф. 17. On. 162. Д. 4. Л. 71–72. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. С. 632–633.

[168] *Chang Kuot'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 606.

[169] См.: *Фэн Юйсян.* Водэ шэнхо. С. 535.

[170] См.: *Чжан Цзюньхуа, Ван Шаоминь.* Ши Кэсюань. С. 117.

[171] Цит. по: *Sheridan James E.* Chinese Warlord. P. 227.

[172] См.: Ibid. P. 225–226, 232.

[173] Цит. по: Ibid. P. 228.

[174] Цит. по: *Фэн Юйсян.* Водэ шэнхо. С. 563.

[175] См.: Там же; Фэн Юйсян жицзи. С. 337; Дэн Сяопин. С. 35; *Цинъ Яньши и др.* Лю Боцзянь. С. 275; Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун. С. 132; *Мэн Синжэнь, Цао Шушэн.* Фэн Юйсян чжуань (Биография Фэн Юйсяна). Хэфэй, 1998. С. 144–145.

[176] Цит по: *Yang Benjamin.* Deng. P. 55.

[177] См.: *Чжан Цзюньхуа, Ван Шаоминь.* Ши Кэсюань. С. 119.

[178] См.: Дэн Сяопин. С. 35–36; Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун. С. 132; Гао Кэлинь тань Дэн Сяопин. С. 20.

[179] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 144–145, 148.

[180] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 141.

[181] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. С. 814, 823.

[182] Там же. С. 843.

[183] Цит. по: *Chang Kuot'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol'. l.P. 715.

[184] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 147.

[185] См.: *Stranahan Patricia.* Underground. The Shanghai Communist Party and the Politics of Survival, 1927–1937. Lanham etc., 1998. P. 23.

[186] *Chang Kuot'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. \fol. 1. P. 669–670.

[187] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. С. 843.

[188] Баци хуэйи_ (Совещание 7 августа). Пекин, 1986. С. 57, 58; Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 3. Armonk, NY and London, 1995. P. 30–31.

[189] Там же. С. 73; Ibid. P. 33.

[190] Цит. по: *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань (Дэн Сяопин на юге Цзянси). Пекин, 1995. С. 85.

[191] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С, 270–276.

[192] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 151. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. М., 1999. С. 126–127, 149.

[193] Подробнее см.: *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М., 1976. С. 37–46.

[194] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 283–287, 296–297.

[195] См.: *Wakeman, Jr. Frederic.* Policing Shanghai 1927–1937, Berkeley, Calif., etc., 1995. P. 58, 133.

[196] См.: *Stranahan Patricia.* Underground. P. 17.

[197] См.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 290.

[198] Цит. по: *Wilson Dick.* Zhou Enlai: A Biography. New York, 1984. P. 112.

[199] См.: Дэн Сяопин. С. 37.

[200] *Chang Kuot'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party 1928–1938. Volume Two of Autobiographi of Chang Kuot'ao Lawrence, KS, 1972. P. 39.

[201] См.: Дэн Сяопин. С. 37; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 39.

[202] См.: Дэн Сяопин хуачжуань. Т. 1. С. 49.

[203] См.: Хуан Цзежань тань Дэн Сяопин (Хуан Цзежань рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 21.

[204] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу (Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав). Пекин, 1983. С. 71.

[205] Подробнее см.: *Спичак Д. А.* Китайский авангард Кремля. С. 50, 60–64.

[206] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 149.

[207] См.: Там же. С. 150–152; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т.

1. С. 43. См. также воспоминания Хуан Вэньжуна (другое имя — Хуан Цзежань), опубликованные в книге «Хуашо Дэн Сяопин» («Рассказы о Дэн Сяопине»). С. 21–23.

[208] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 158.

[209] См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 203.

[210] См.: Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун. С. 134.

[211] См.: Информационный бюллетень. С. 4, 84; *Uli Franz.* Deng Xiaoping. *P.* 13.

[212] Личные впечатления автора от посещения поселка Сесин. 24 июня 2010 г.

[213] *Uli Franz.* Deng Xiaoping. P. 13–14.

[214] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 164–165.

[215] См.: Жэнь Биши няньпу. 1904–1950 (Хронологическая биография Жэнь Биши. 1904–1950). Пекин, 2004. С. 95.

[216] *Ли Вэйхань.* Хуэйи юй яньцзю (Воспоминания и исследования). Т. 1. Пекин, 1986. С. 243.

[217] Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг.: В 4 т. Т. I. М., 1981. С. 180–181; Т. II. М., 1981. С. 26, 30.

[218] Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934. С. 236–244.

[219] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. С. 603.

[220] О Гун Иньбине подробнее см.: *Гун Юйчжи.* Гун Иньбин // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 34. Сиань, 1987. С. 261–270.

[221] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 191.

[222] Дэн Сяопин хуачжуань. Т. 1. С. 50.

ЧАСТЬ II
Поражения и победы

[1] Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 103. О Чжу Сиане см.: Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. Цзэндинбэнь. Цзунлу. Жэньу. С. 177.

[2] См.: Наньнин пинхуа цыдянь (Словарь наньнинского пинхуа). Нанкин, 1997. С. 3.

[3] См.: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 103–104; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 50–51; *Гун Чу.* Во юй хунцзюнь (Я и Красная армия). Гонконг, 1954. С. 165–167.

[4] *Гун Чу.* Во юй хунцзюнь. С. 167.

[5] См.: *Lary Diana.* Region and Nation. The Kwansi Clique in China Politics, 1925–1937. London & New York, [1974]. P. 103.

[6] См.: Ibid. С 183–200; *Гун Чу.* Во юй хунцзюнь. С. 173; Данши яньцзю цзыляо (Материалы по изучению истории партии). Вып. 5. Чэнду, 1985. С. 496–497.

[7] *Чэнь Синьдэ.* Вэй Бацюнь // Чжунгундан ши жэньу чжуань. Т. 12. С. 183–200. По другим данным, Вэй Бацюнь стал членом КПК в конце 1928 года (см.: Чжуанцзу цзяньши (Краткая история чжуанов). Наньнин, 1908. С. 149; Чжуанцзу тунши (Полная история чжуанов). Наньнин, 1988. С. 788).

[8] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. С. 732.

[9] Цит. по: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. С. 206.

[10] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 174. „ См.: Там же. С. 177.

[12] См.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди (Революционные опорные базы в районах Цзоцзяна и Юцзяна). Т. 1. Пекин, 1989. С. 79. О том, что доклад на съезде сделал именно Хэ Чан, см.: Чжан Юньи дацзян хуачжуань (Иллюстрированная биография генерала армии Чжан Юньи). Чэнду, 2009. С. 66.

[13] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. С. 732. Резолюцию съезда см.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 51–63.

[14] О Л эй Цзинтяне см.: *Ван Линьпао.* Л эй Цзиньтянь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т 20. Сиань, 1984. С. 346–360.

[15] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 40.

[16] См.: Дэн Сяопин хуачжуань. Т. 1. С. 52; Дэн Сяопин няньпу.] 904— 1974. Т. 1.С. 50.

[17] См.: *Гун Чу.* Во юй хунцзюнь. С. 168–169.

[18] См.: Там же. С. 171–172; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1.С.51; Чжан Юньи дацзян хуачжуань. С. 66.

[19] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 175.

[20] The China Year Book. 1931. Nendeln/Liechtenstein, 1969. P. 595.

[21] *Гун Чу.* Во юй хунцзюнь. С. 173–174.

[12] The China Year Book. 1931. P. 595. Об опиумной торговле в этом районе см. также: *Franck Harry Alverson.* China. A Geographical Reader. Dansville, NY, [1927]. P. 212–213.

[23] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 179; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1.С. 51; *Чжан Юньи.* Босэ ции юй хун ци цзюньдэ цзяньли (Восстание в Босзи создание 7-го корпуса Красной армии) // Гуанси гэмин хуэйилу (Воспоминания о революции в Гуанси). Наньнин, 1959. С. 6.

[24] См.: *[Дэн Сяопин].* Баогао (Доклад) [январь 1930 года] // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 175. По другим данным, этот доклад был произнесен Гун Иньбином (см.: *Yang Benjamin.* Deng. P. 62).

[25] См.: *Franck Harry Alverson.* Roving Through Southern China. New York & London, 1925. P. 356, 357.

[26] Это письмо см.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 76–92.

[27] См.: *Чжан Юньи.* Босэ ции юй хун ци цзюньдэ цзяньли. С. 9—10; *ЧэнъДаоминь [Чэнь Хаожэнь].* Ци цзюнь цяньвэй баогао (1930 нянь 1 юэ) (Доклад фронтового комитета 7-го корпуса. Январь 1930 года) // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1.С. 158.

[28] *[Дэн Сяопин].* Баогао. С. 176–177; *Чэнь Хаожэнь.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао (1931 нянь 3 юэ 9 жи) (Общий доклад о работе в 7-м корпусе. 9 марта 1931 года) // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 361; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 183.

[29] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 53; Хуан Жун тань Дэн Сяопин (Хуан Жун рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 24; *Чэнь Хаожэнь.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао. С. 360.

[30] *Lary Diana.* Region and Nation. P. 102. См. также: *Каир Katherine Palmer.* Creating the Zhuang. Ethnic Politics in China. Boulder, CO &London, 2000. P. 94–100; *Лань Ханьдун, Лань Цисюань.* Вэй Бацюнь. Пекин, 1986. С. 93; *Uli Franz-* Deng Xiaoping. P. 77–78.

[31] См.: *Erbaugh Mary S.* The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise // China off Center: Mapping the Migrants of the Middle Kingdom. Honolulu, HI, 2002. P. 187, 189; *Levich Eugene William.* The Kwangsi Way in Kuomintang China, 1831–1939. Armonk, NY, London, 1993. P. 179.

[32] См.: *Каир Katherine Palmer.* Creating the Zhuang. P. 95, 96; Советская власть в Лунчжоу (провинция Гуанси) // Советы в

Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934. С. 196.

[33] См.: *Lary Diana.* Region and Nation. P. 103.

[34] См.: *[Дэн Сяопин].* Баогао. С. 178.

[35] См.: *Kaup Katherine Palmer.* Creating the Zhuang. P. 96–99, 104.

[36] См.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 97, 99; Дэн Сяопин цзышу. С. 41; Дэ«*Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу) (Мои автобиографические записки. [Выдержки]) [20 июня — 5 июля 1968 года] // http://blog.smthome. net/article-htm-tid—993.html; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. SS-SS; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 184.

[37] См.: *[Дэн Сяопин].* Баогао. С. 175.

[38] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 184.

[39] *Чэнь Хаожэнь.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао. С. 360.

[40] Там же.

[41] См.: *[Дэн Сяопин].* Баогао. С. 178.

[42] Там же.

[45] См.: Там же. С. 175–176, 179, 363.

[44] *Чэнь Хаожэнь.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао. С. 360.

[45] См.: Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао» (Написанный Дэн Сяопином «Доклад о работе в 7-м корпусе») // Дэн Сяопин цзышу. С. 50–51.

[46] См.: *Чэнь Хаожэнь.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао. С. 360.

[47] См.: Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 67–69.

[48] См.: Хун ци цзюнь хун ба цзюнь цзун чжихуэй — Ли Минжуй (Главнокомандующий 7-м и 8-м корпусами — Ли Минжуй). Наньнин, 2008. С. 123–126.

[49] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 56–57.

[50] См.: *ЧэнъДаоминь [Чэнь Хаожэнь].* Ци цзюнь цяньвэй баогао (1930 нянь 1 юэ). С. 159–160; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 55–58; *[Дэн Сяопин].* Бучун баогао (Дополнительный доклад) // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1.С. 180.

[51] См.: *[Дэн Сяопин].* Баогао. С. 178; Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 65; *Чэнь Хаожэнъ.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао. С. 375.

[52] См.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 105–106; *ЧэньДаоминь [Чэнь Хаожэнъ].* Ци цзюнь цяньвэй баогао (1930 нянь 1 юэ). С. 161.

[53] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. С. 607. См. также: *ПанцовА. В.* Мао Цзэдун. С. 317.

[54] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. С. 621, 734.

[55] Правда. 1929. 29 декабря.

[56] Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1.С. 180–198, 233.

[57] Там же. С. 179–180, 187–188.

[58] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 190; Хун ци цзюнь хун ба цзюнь цзун чжихуэй — Ли Минжуй. С. 251.

[59] См.: *[Дэн Сяопин].* Бучун баогао. С. 180; Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1.С. 105.

[60] См.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 198, 218–248.

[61] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 38; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 60. К сожалению, документальные свидетельства этого назначения отсутствуют.

[62] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 61.

[63] См.: Там же. С. 203–204; *ИвинА.* Советский Китай. М., 1931. С. 151; Советская власть в Лунчжоу (провинция Гуанси). С. 198; Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 46–47.

[64] *Franck Harry Alverson.* Roving Through Southern China. P. 351.

[65] Отрывки из ноты см.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 206.

[66] См.: *[Ли] Лисань.* Чисэдэ Лунчжоу (Красный Лунчжоу) // Там же. С. 251; Советская власть в Лунчжоу (провинция Гуанси). С. 194.

[67] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 187.

[68] См.: *Ивин А.* Советский Китай. С. 151; Советская власть в Лунчжоу (провинция Гуанси). С. 194–199; *Snow Edgar.* Random Notes on Red China (1936–1945). P 138.

[69] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 62–63.

[70] *Yang Benjamin.* Deng. P. 63.

[71] Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 48.

[72] Дэн Сяопин цзышу. С. 40.

[73] См.: Там же. С. 43.

[74] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 199.

[75] См.: *Лань Ханьдун, Лань Цисюань.* Вэй Бацюнь. С. 139–140; *Чэнь Синьдэ.* Вэй Бацюнь. С. 201.

[76] См.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 265–266; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 64–65.

[77] Советская власть в Лунчжоу (провинция Гуанси). С. 198.

[78] См.: Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 65–66. См. также: Хуан Жун тань Дэн Сяопин. С. 26; *Чэнь Синьдэ.* Вэй Бацюнь. С. 206–207.

[79] Цит. по: *ИвинА.* Советский Китай. С. 149.

[80] См.: China Year Book. 1931. P. 595.

[81] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 203. См. также: Дэн Сяопин цзышу. С. 41.

[82] См.: Личное дело Дэн Гана // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2956.

[83] Цит. по: *Ван Цзяньминъ.* Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки

истории Компартии Китая). Т. 2. Тайбэй, 1965. С. 77.

[84] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 69–70.

[85] См.: Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 54.

[86] См.: *Чэнь Цзиньюань.* Вэй Бацюнь тоугу чуту цзиши (Правдивая история эксгумации черепа Вэй Бацюня) // Вэнь ши чуньцю (Литературно-историческая хроника). 2004. № 5. С. 5—25; *Лань Ханьдун, Лань Цисюань.* Вэй Бацюнь. С. 215–218; *Чэнь Синьдэ.* Вэй Бацюнь. С. 225–226; *Levich Eugene William.* The Kwangsi Way in Kuomintang China, 1831–1939. P. 58.

[87] См.: Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 57–58; Дэн Сяопин няныгу. 1904–1974. Т. 1. С. 75.

[88] Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. С. 283–290.

[89] См.: Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 513–514.

[90] Подробнее см.: Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 61–63; *Мо Вэньхуа.* Хуэйи хун ци цзюнь (Воспоминания о 7-м корпусе). 3-е изд., испр. Наньнин, 1979. С. 85—106; Хуан Жун тань Дэн Сяопин. С. 26.

[91] *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[92] Цит. по: *Yang Benjamin.* Deng. P. 65–66. См. также: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 81; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 221, 222; *Uli Franz.* Deng Xiaoping. P. 87–88.

[93] См. два первых издания воспоминаний генерала Мо о 7-м корпусе: *Мо Вэньхуа.* Хуэйи хун ци цзюнь (Воспоминания о 7-м корпусе). Наньнин, 1961,1962. Только в 3-м, исправленном, варианте 1979 года, вскоре после прихода Дэн Сяопина к власти, в мемуарах Мо Вэньхуа появилось указание на «решение партии» в марте 1931 года отправить Дэна в Шанхай (см.: *Мо Вэньхуа.* Хуэйи хун ци цзюнь. 3-е изд., испр. Наньнин, 1979. С. 106).

[94] Информационный бюллетень. С. 7.

[95] *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу); Дэн Сяопин гэй Мао чжусидэ синь (1972 нянь 8 юэ 3 жи) (Письмо Дэн Сяопина Председателю Мао. [3 августа 1972 года]) // http://www.sinovision.net/blog/index/php?act=details&id=12850&bcode=xinwu

[96] Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 72.

[97] *Чэнь Хаожэнь.* Ци цзюнь гунцзо цзун баогао. С. 378.

[98] Янь Хэн тунчжи гуаньюй ди цидэ баогао (1931 нянь 4 юэ 4 жи) (Доклад товарища Янь Хэна о 7-м корпусе [4 апреля 1931 г.]) // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1.С. 382–384.

[99] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. С. 1357.

[100] Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 72.

[101] См.: Чжунгун чжунъян гэй ци цзюнь цяньвэй синь (1931 нянь 5 юэ 14 жи) (Письмо ЦК КПК во фронтовой комитет 7-го

корпуса [14 мая 1931 года]) // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди. Т. 1. С. 412.

[102] *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. С. 288.

[103] Шиши синьбао (Новая газета фактов). 1931. 2 мая.

[104] См.: Дэн Кэнь тань Дэн Сяопин. С. 3, 7–9.

[105] См.: Личное дело Цзинь Вэйин (Лизы) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 428. Л. 28–31; *Сюй Чжуцинь.* Цзинь Вэйин чжуань (Биография Цзинь Вэйин). Пекин, 2004. С. 6–86, 330–333.

[106] Цит. по: *Сюй Чжуцинь.* Цзинь Вэйин чжуань. С. 95.

[107] См.: *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 31–32, 35.

[108] См.: Там же. С. 30.

[109] Подробнее см.: *Averill Stephen C.* The Origins of the Futian Incident // New Perspectives on the Chinese Communist Revolution. Armonk, NY and London, 1995. P. 79—115; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 341–351.

[110] Дэн Сяопин цицаодэ «Ци цзюнь гунцзо баогао». С. 71.

[111] *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу). См. также: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 84–85; *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 32–37; *Фэн Ду.* Суцюй «цзингуань» Дэн Сяопин (Дэн Сяопин — «глава столицы» Советского района) // http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64172/ 64915/46 70788.html

[112] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 86; *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 38–42.

[113] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 256, 257, 504.

[114] См.: *Hsiao Tso-liang.* Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. \fal. II. Seattle and London, 1967. P. 382–389.

[115] См.: Беседа [Г. И.] Мордвинова с т. Чжоу Зньлаем 4 марта 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 32; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 360–362.

[116] Цит. по: *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 41–42.
[1,7] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 155–156.

[118] ВКП(б), Коминтерн и КПК. Документы. Т. IV М., 2003. С. 194, 225, 227.

[119] См.: *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 85.

[120] См.: *Бо Гу.* Моя предварительная исповедь // РГАСПИ. Ф. 495…-Оп. 225. Д. 2847. Л. 48.

[121] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу. С. 188; Чжан Вэньтянь няньпу (Хронологическая биография Чжан Вэньтяня). Т. 1. Пекин, 2000. С. 190.

[122] См.: *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 76.

[133] См. подробнее: Ло Мин хуэйилу (Воспоминания Ло Мина). Фучжоу, 1991.

[124] См.: Лю да илай. Даннэй мими вэньсянь (После VI съезда. Секретные внутрипартийные документы). Т. 1. Пекин, 1989. С. 330–348; Бо Гу, 39 суйдэ хуэйхуан юй бэйчжуан (Бо Гу, блестящий взлет и трагический конец в 39 лет). Шанхай, 2005. С. 15–24; *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 77.

[125] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 94; *Лэн Буцзи.* Дэн Сяопин цзай Ганьнань. С. 80.

[126] См.: Лю да илай. Т. 1. С. 349–350.

[127] Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 2. Пекин, 1993. С. 373.

[128] *Бо Гу.* Моя предварительная исповедь. Л. 67.

[129] Основные положения его доклада см.: Лю да илай. Т. 1. 362–368. О неблаговидной роли Ли Вэйханя в фабрикации дела «Дэна, Мао, Се и Гу» см. записку брата Мао Цзэдуна и Мао Цзэтаня, Мао Цзэминя, в ИККИ от 26 августа 1939 г. (ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. IV. С. 1136–1138) и «Предварительную исповедь» Бо Гу (Л. 68–69).

[130] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 96.

[131] См.: *Mao Zedong.* Report from Xunwu. Stanford, Calif., 1990. P. 28.

[132] См.: *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[133] Цит. по: *У Лэнси.* И Мао чжуси. Во циньшэнь цзинлидэ жогань чжунда лиши шицзянь пяньдуань (Вспоминая Председателя Мао. Некоторые важные события из моей жизни). Пекин, 1995. С. 157–158.

[134] *Дэн Инчаот* Гуаньюй Цзинь Вэйиндэ цинкуан (Ли Теин тунчжидэ муцинь) (О том, что произошло с Цзинь Вэйин, матерью товарища Ли Теина) // *Сюй Чжуцинь.* Цзинь Вэйин чжуань. С. 319–320.

[135] См.: Личное дело Цзинь Вэйин (Лизы). Л. 30–32; Информационный бюллетень. С. 10.

[136] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 13. Пекин, 1998. С. 308.

[137] Дэн Сяопин цзышу. С. 76.

[138] *Бо Гу.* Моя предварительная исповедь. Л. 56. [135] Там же. Л. 58, 65.

[140] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 99–111; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 264.

[141] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. IV. С. 602, 613.

[142] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 285.

[143] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 111–113.

[144] Личные впечатления автора от посещения г. Цзуньи. 21 июня 2010 г.

[145] См.: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). М., 1974.

С. 134–141; Цзуньи хуэйи вэньсянь (Документы совещания в Цзуньи). Пекин, 1985. С. 116–117; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949) (Биография Мао Цзэдуна [1893–1949]). Пекин, 2004. С. 353–354; Ян Шанкунь хуэйилу (Мемуары Ян Шанкуня). Пекин, 2001. С. 117–121.

[146] См.: Чжан Вэньтянь сюаньцзи (Избранные произведения Чжан Вэньтяня). Пекин, 1985. С. 37–59.

[147] Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 42–43, 132–136.

[148] См.: Личное дело Чжу Жуя // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1285.

[149] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 291.

[150] Цит. по: Там же. С. 288, 289.

[151] *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 154.

[152] Подробнее см.: *ПанцовА. В.* Мао Цзэдун. С. 401–405,408—410, 464.

[153] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 296.

[154] Там же. С. 310.

[155] См.: *Uli Franz.* Deng Xiaoping. P. 15–17; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. l.С. 140. О Дай Ване см.: The Chinese Fairy Book. New York, 1921. P. 131–137.

[156] См.: Советы в Китае. С. 454–456; Mao's Road to Power. Revolutionary Writings. 1912–1949. Vol. 4. Armonk, NY and London, 1999. P. 209–214.

[157] См.: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969 (Хронологическая биография Лю Шаоци. 1898–1969). Т. 1. Пекин, 1998. С. 145.

[158] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь). С. 366–367; *Chang Kuot'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 517–520.

[159] См.: *Chang Kuot'ao.* Introduction // Collected Works of Liu Shaoch'i Before 1944. Hong Kong, 1969. P. 1.

[160] См. воспоминания о нем американского журналиста Сиднея Риттенберга: *Rittenberg Sidney and Bennett Amanda.* The Man Who Stayed Behind. New York, etc., 1993. P. 313.

[161] См.: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 1. С. 178–184; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 672–680.

[162] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 144–145; Ян Шанкунь няньпу. 1907–1998 (Хронологическая биография Ян Шанкуня. 1907–1998). Т. 1. Пекин, 2008. С. 265.

[163] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 315.

[164] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 150–151; *Владимиров П. П.* Особый район Китая. 1942–1945. М., 1975. С. 239–240.

[165] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 150, 153.

[166] См.: *Лю Бочэн.* Вомэнь цзай Тайханшаньшан (Мы в горах

Тайхан) // Лю Бочэн хуэйилу (Воспоминания о Лю Бочэне). [Т. 1]. Шанхай, 1981. С. 16; Не Жунчжэнь хуэйилу (Воспоминания Не Жунчжэня). Т. 2. Пекин, 1984. С. 343; Чжунго гунчаньдан лиши цзяньбянь (Краткая история КПК). Шанхай, 1959. С. 178–179; Чжан Вэньтянь няньпу. Т. 1. С. 488–490; Mao's Road to Power. Revolutionary Writings. 1912–1949. Vol. 6. Armonk, NY and London, 1999. P. 11, 12, 14.

167 Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 2. С. 8—10.

168 См.: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 2. С. 310–324; *Панцов А. В.* Образование опорных баз 8-й Национально-революционной армии в тылу японских войск в Северном Китае //Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 39, 41–42.

169 *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1953. С. 96; Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 144, 146, 149.

170 *Си.: Лю Шаоци.* Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1984. С. 117–120; Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 1. С. 187–198.

171 Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 167.

172 См.: Чжан Хао цзинянь цзи (Сборник памяти Чжан Хао). Пекин, 1986. С. 256–265.

173 Цит. по: *Beiden Jack.* China Shakes the World. New York, 1949. P. 48.

174 Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 325.

175 *Дэн Сяопин.* Дяо Лю Бочэн (Памяти Лю Бочэна) // Лю Бочэн хуэйилу (Воспоминания о Лю Бочэне). Т. 3. Шанхай, 1987. С. 5.

176 Там же. С. 8–9.

177 Там же. С. 5. См. также: Личное дело Лю Бочэна // РТАСПИ. Ф. 495. Оп. 225.Д. 171.

178 См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 168–230.

179 *Carlson Evans Fordyce.* Twin Stars of China. A Behind-the-Scenes Story of China's Valiant Straggle for Existence by a U.S. Marine who Lived and Moved with the People. New York, 1940. P. 252.

180 Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965) (Избранные произведения Дэн Сяопина. 1938–1965). Пекин, 1994. С. 3.

181 Там же. С. 34, 36.

182 См.: Чжан Вэньтянь сюаньцзи. С. 66–70; Чжан Вэньтянь няньпу (Хронологическая биография Чжан Вэньтяня). Т. 1. Пекин, 2000. С. 278–279, 286–287; Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 1. Пекин, 1993. С. 374–375.

183 См.: The People of Taihang. White Planes, NY, 1976. P. xiv.

184 См.: *Панцов А. В.* Образование опорных баз 8-й Национально-революционной армии в тылу японских войск в Северном Китае. С. 43.

185 См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 206–207; Mao's

Road to Power. Vol. 6. P. 267–268.

[186] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу. С. 330; Чжунгун чжунъян цзучжи жэньши цзяньмин тупу (Краткие хронологические таблицы организационного состава ЦК КПК). Пекин, 2003. С. 17.

[187] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 463–468.

[188] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 279–280; Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 539.

[189] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 230.

[190] См.: Там же. С. 233.

[191] Цит. по: Там же. С. 231.

[192] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 355–356.

[193] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). Т. 2. Пекин, 2002. С. 134.

[194] Об инициативной роли Сталина в этом деле подробно см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 449–450, 459.

[195] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 367–456; Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 7. Armonk, NY and London, 2005. P. 279–306, 330–369, 526.

[196] См.: Дэн Сяопин няньгту. 1904–1974. Т. 1. С. 449.

[197] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 35С, 357, 359. См. также телеграфный доклад Дэн Сяопина Мао Цзэдуну от 24 августа 1944 года, опубликованный в кн.: *Сун Юйси, Мо Цяолинь.* Дэн Сяопин юй канжи чжаньчжэн (Дэн Сяопин и антияпонская война). Пекин, 2005. С. 318–320.

[198] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 80, 82, 85. [т] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 391.

[200] Цит. по: Там же. С. 338.

[201] Чжо Линь тань Дэн Сяопин (Чжо Линь рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 387–388; Юнъюаньдэ Сяопин. Чжо Линь дэнжэнь фантаньлу (Незабываемый Сяопин. Интервью с Чжо Линь и другими). Чэнду, 2004. С. 22–23; *У Шихун,* Дэн Сяопин юй Чжо Линь (Дэн Сяопин и Чжо Линь). Пекин, 2006. С. 32; Дэн Сяопин цзышу. С. 101–102.

[202] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 357.

[203] Юнъюаньдэ Сяопин. С. 25; Дэн Сяопин цзышу. С. 103; *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 37.

[204] *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 65.

[205] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 424. См. также: *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 48.

[206] Подробнее см.: *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 48–51.

[207] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 411.

[208] См.: Чжунгун чжунъян цзучжи жэньши цзяньмин тупу. С.

20.

[209] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Д. 71. Т. 3. Л. 186–189; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 314.

[210] См.: *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 51.

[211] Об обношении Дэна к Мао в то время см.: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 86–93.

[212] См.: *Liu Shaochi.* On the Party. Peking, 1950. С 157. О выдвижении Лю Шаоци см.: Чжэньшидэ Мао Цзэдун. Мао Цзэдун шэньбянь гунцзо жэньюаньдэ хуэйи (Подлинный Мао Цзэдун. Воспоминания людей, работавших рядом с Мао Цзэдуном). Пекин, 2004. С. 2; Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу. С. 424–426.

[213] О том, что именно Мао формировал состав Центрального комитета КПК на VII съезде, см.: *Владимиров П. П.* Особый район Китая. 1942–1945. С. 607–608.

[214] См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 114; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 562–563; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 406–407.

[215] См.: *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950. The Arduous Road to the Alliance. Armonk, NY and London, 2004. P. 51–125.

[216] См.: *ПанцовА. В.* Мао Цзэдун. С.497–499; *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).* Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет). М., 2009. С. 163; Переговоры Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1.С. 118.

[217] Цит. по: Чжу Дэ няньпу (Хронологическая биография Чжу Дэ). Пекин, 1986. С. 274.

[218] *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).* Советская Россия в Китае. С. 156. Чан допускает некоторые неточности в изложении хронологии событий.

[219] См.: *Pepper Suzanne.* Civil War in China. The Political Straggle 1945–1949. 2nd ed. Lanham etc., 1999. P. xi.

[220] Цит. по: Чжу Дэ няньпу. С. 276.

[221] См.: *Pepper Suzanne.* Civil War in China. P. xi.

[222] Цит. по: Дэн Сяопин цзышу. С. 111.

[223] Подробнее см.: *Lew Christopher R.* The Third Chinese Revolutionary Civil War, 1945–1949. An Analysis of Communist Strategy and Leadership. London and New York, 2009. P. 23–24.

[224] Дэн Сяопин цзышу. С. 113.

[225] Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 107.

[226] Цит. по: *Fenby Jonathan.* Chiang Kaishek. Chiana's Generalissimo and the Nation He Lost. New York, 2004. P. 454.

[227] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. IV. Пекин, 1964.

С. 58.

[228] См.: *Acheson Dean.* Letter of Transmittal // United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. New York, 1968. P. ix-x; *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950. P. 79–82, 86–97; Пэн Чжэнь няньпу (Хронологическая биография Пэн Чжэня. 1902–1997). Т. 1. Пекин, 2002. С. 281–307.

[229] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 577.

[230] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 414, 416. Л

[231] Письмо И. В. Сталина В. М. Молотову, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову и А. И. Микояну от 10 ноября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 81.

[232] См.: *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).* Советская Россия в Китае. С. 200–202.

[233] См.: *Westad Odd Ame.* Cold War and Revolution: Soviet-American Rivalry and the Origins of the Chinese Civil War, 1944–1946. New York, 1993. P. 152.

[234] См.: *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950. P. 98–101; *Westad Odd Arne.* Cold War and Revolution. P. 161.

[235] См.: *Levine Steven I.* Anvil of Victory. The Communist Revolutiuon in Manchuria, 1945–1948. New York, 1987. P. 78–79.

[236] Цит. по: *Westad Odd Arne.* Decisive Encounters. The Chinese Civil War, 1946–1950. Stanfrod, Calf., 2003. P. 35.

[237] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). Т. 3. Пекин, 2002. С. 92–93.

[238] *Acheson Dean.* Letter of Transmittal. P. xv.

[239] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 437.

[240] *Acheson Dean.* Letter of Transmittal. P. vi.

[241] Цит. по: *McDonald Douglas J.* Adventures in Chaos. American Intervention for Reform in the Third World. Cambridge, Mass., 1992. P. 107–108.

[242] Цит. по: Ibid. P. 110. О том, что многие солдаты армии КПК были вооружены современным американским оружием (автоматами Томпсона), захваченным у гоминьдановцев, рассказывает и очевидец (см.: *Barber Noel.* The Fall of Shanghai. New York, 1979. P. 146).

[243] *Acheson Dean.* Letter of Transmittal. P. xv.

[244] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 520.

[245] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001. С. 159, 208, 209; *Salisbury Harrison E.* The Long March. The Untold Story. New York, 1985. P. 137.

[246] См.: Тайхай гэмин гэньцзюйди шигао 1937–1949 (Очерк

истории Тайханской революционной базы). Тайюань, 1987. С. 298–304; *Hinton William.* Fanshen. A Documentary of Revolution in a Chinese Village. New York, 2008. P. 131–138.

247 Цит. по: *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 39.

248 Цит. по: Там же. С. 52–53.

249 Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С: 456.

230 См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 614–615.

251 См.: Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 4. Пекин, 2001. С. 241.

252 См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1904–1974). Т. 2. Пекин, 2010. С. 666–667.

253 *Westad Odd Arne.* Decisive Encounters. P. 168.

254 Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 449. См. также: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 670–671.

235 См.: Дэн Сяопин цзышу. С. 118.

256 См.: Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 4. С. 274–275.

257 Вторая книга Моисея. Исход. 14:21–22, 26–27.

258 Дэн Сяопин цзышу. С. 119.

259 Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 94.

260 Там же.

261 Важнейшие документы об освободительной войне китайского народа за последнее время. Харбин, 1948. С. 3–4.

262 *Меликсетов А. В.* Победа китайской революции: 1945–1949. М., 1989. С. 112.

263 Подробнее см.: Там же. С. 110–120.

264 См.: Лю Шаоци чжуань. 1898–1969 (Биография Лю Шаоци. 1898–1969). Т. 1. Пекин, 2008. С. 538–545.

265 Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 5. Пекин, 2001. С. 17.

266 Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 712.

267 Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 5. С. 18.

268 Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 716.

269 Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 3. С. 282.

270 Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 96–107.

271 Там же. С. 108–123.

272 Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 108, 117.

273 *Acheson Dean.* Letter of Transmittal. P. vii, xi.

274 См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao: The Memoirs of Mao's Personal Physician. New York, 1994. P. 37.

275 См.: История Китая. М., 1998. С. 582–588; *Spence Jonathan D.* The Search for Modem China. 2°“ éd. New York, 1999. P. 473–480.

276 *Acheson Dean.* Letter of Transmittal. P. xiv.

277 См.: Мао Цзэдун гуанхуэй личэн дитуцзи (Атлас славного

исторического пути Мао Цзэдуна). Пекин, 2003. С. 81.

[278] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 3. С. 343–344.

[279] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 780.

[280] Цит по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 525.

[281] См.: Там же. С. 499, 503.

[282] См.: Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. М., 1976. С. 181.

[283] Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 5. С. 140–141, 145.

[284] *Лю Шаоци.* Гуаньюй синьминьчжучжуидэ цзяньшэ вэньти (К вопросу о строительстве новой демократии) // Гунхэго цзоугодэ лу — Цзяньго илай чжунъяо вэньсянь чжуаньти сюаньцзи (1949–1952) (Путь, пройденный республикой — Тематический сборник избранных важных документов со времени образования КНР). Пекин, 1991. С. 24. См. также: *Ян Куйсун.* Мао Цзэдун вейшэмма фанци синьминьчжучжуи. — Гуаньюй Эго мошидэ инеян вэньти (Почему Мао Цзэдун отказался от новодемократизма. — К вопросу о влиянии русской модели) // Цзиньдайши яньцзю (Изучение новой истории). 1997. № 4. С. 177.

[285] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 101–102, 114–115.

[286] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 3. С. 437.

[287] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 512.

[288] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 135–136.

[289] *Мао Цзэдун.* Облака в снегу. Стихотворения в переводах Александра Панцова. М., 2010. С. 58.

[290] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 516.

[291] См.: *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 60–61.

[292] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 134.

[293] Там же. С. 138.

[294] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 522.

[295] См.: Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950. С. 64–66.

[296] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976) (Биография Мао Цзэдуна [1949–1976]). Т. 1. Пекин, 2003. С. 3.

ЧАСТЬ III
В тисках утопии

[1] The Communist Movement in China. An Essay Written in 1924 by Ch'en Kungpo. New York, 1960. P. 126.

[2] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 831, 832, 845–846.

[3] Юнъюаньдэ Сяопин. С. 28. Там же.

[5] *Laird Thomas.* The Story of Tibet. Conversations with the Dalai Lama. New York, 2006. P. 295, 298.

[6] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 1. Пекин, 1997. С. 226, 209.

[7] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 860.

[8] Подробнее см.: *Goldstein Melvyn C.* A History of Modern Tibet. 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkely, Calif., etc., 1989. P. 638–687; Чжунго лиши даши няньбяо. Сяньдайши цзюань (Хронология событий китайской истории. Том новейшей истории). Шанхай, 1997. С. 668–669.

[9] *Laird Thomas.* The Story of Tibet. P. 305. О том же вспоминал Роберт Форд: «Коммунисты были умны… Они скоро добились того, что монахи стали благодарить Богов за свое освобождение… Никогда прежде китайские войска в Тибете не вели себя так хорошо» *(Ford Robert.* Captured in Tibet. Hong Kong, etc., 1990. P. 139).

[10] The Question of Tibet and the Rule of Law. Geneva, 1959. P. 140.

[11] См.: *Laird Thomas.* The Story of Tibet. P. 312.

[12] Ibid. P. 305–306.

[13] См.: *Goldstein Melvyn C* The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet, and the Dalai Lama. Berkely, Calif., etc., 1997. P. 51–52; *Goldstein Melvyn C* A History of Modern Tibet. 1913–1951. P. 698–813; Legal Materials on Tibet. San Francisco, 1919.

[14] См.: Дэн Сяопин Синань гунцзо вэньцзи (Сочинения Дэн Сяопина о работе на Юго-Западе). Пекин, 2006. С. 340.

[15] См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго дашицзи (1949–2004) (Хроника основных событий Китайской Народной Республики. 1949–2004). Пекин, 2004. С. 9; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. Пекин, 1977. С. 40.

[16] Образование Китайской Народной Республики. С. 35.

[17] Цит. по: История Китая. С. 619.

[18] Материалы VTII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 90.

[19] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т V С. 82, 84.

[20] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 161, 370; *Solinger Dorothy J.* Regional Government and Political Integration in Southwest China, 1949–1954. A Case Study. Berkeley etc., 1977. P. 180.

[21] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 761.

[11] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 27.

[23] См.: *Shi Ch'engchih.* People's Resistance in Mainland China. Hong Kong, 1956. P. 1.

[24] См.: *Ян Куйсун.* Синь Чжунго «чжэнья фаньгэмин» юньдун яньцзю (Исследование движения по «подавлению контрреволюции» в новом Китае) // http://www.chinese-thought.org/shgc/007682.htm

[25] Дэн Сяопин цзышу. С. 130.

[26] Цит. по: Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 271.

[27] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 154.

[28] Подробнее см.: *Solinger Dorothy J'.* Regional Government and Political Integration in Southwest China, 1949–1954. P. 177–178.

[29] См.: *Ян Куйсун.* Синь Чжунго «чжэнья фаньгэмин» юньдун яньцзю.

[30] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 2. Пекин, 1988. С. 267.

[31] Там же.

[32] См.: *Ян Куйсун.* Синь Чжунго «чжэнья фаньгэмин» юньдун яньцзю.

[33] См.: *Courtois Stéphane et al.* The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Trans. Jonathon Murphy and Mark Kramer. Cambridge, Mass., 1999. P. 481; *Meisner Maurice.* Mao's China и After. P. 72.

[34] См.: Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 271–272.

[35] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 33.

[36] Там же. С. 22.

[37] См.: *Мугрузин А. С.* Аграрные отношения в Китае в 20—40-х годах XX века. М., 1970. С. 18, 197.

[38] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 189–192. См. также: Дэн Сяопин Синань гунцзо вэньцзи. С. 371, 407.

[39] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 33.

[40] Цит. по: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 189–191.

[41] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. Cambridge, Mass., 2011. P. 42.

[42] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V С. 35. См. также: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 164.

[43] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 169. Подробнее об аграрной реформе в национальных районах см.: *Solinger Dorothy J'.* Regional Government and Political Integration in Southwest China, 1949–1954. P. 180–192.

[44] Дэн Сяопин Синань гунцзо вэньцзи. С. 544.

[45] Там же. С. 407, 447, 508, 544.

[46] Подробнее см.: *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. IV—6.

[47] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V С. 87.

[48] См.: Дэн Сяопин Синань гунцзо вэньцзи. С. 466–470, 481–493, 504–511, 514–517, 520–521, 524–540, 542–545. Подробнее см.: *Ван Шоуцзюнь, Чжан Фусин.* Фаньфу фэнбао — Кайго сутань ди и чжань (Ураган, направленный против разложения. — Первая после образования КНР битва за ликвидацию коррупции). Пекин, 2009; Саньфань уфань юньдун вэньцзянь хуэйбянь (Сборник документов движений против трех и пяти злоупотреблений). Пекин, 1953.

[49] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу (Воспоминания о некоторых важных политических решениях и их реализации). Т. 1. Пекин, 1991. С. 167.

[50] См.: *Ян Куйсун.* Мао Цзэдун вейшэмма фанци синьминьчжучжуи. С. 182–183; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 236.

[51] См.: *Evans Richard.* Deng Xiaoping and the Making of Modern China. P. 112.

[52] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 152.

[53] Там же. С. 157.

[54] Информационный бюллетень. С. 22.

[55] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 522. См. также: Фэнбэй — Дэн Сяопин гуцзюй чэньлегуань. С. 95.

[56] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 537.

[57] См.: Юныоаньдэ Сяопин. С. 78.

[58] Информационный бюллетень. С. 22.

[59] См.: *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court: Gao Gang and Party Factionalism. Armonk, NY, 1990. P. 100.

[60] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 534. См. также: *Она же.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 163, 207.

[61] *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 318.

[62] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 396.

[63] Подробнее см.: *ПанцовА. В.* Мао Цзэдун. С. 507, 511–514, 523.

[64] См.: Лю Шаоци чжуань. 1898–1969 (Биография Лю Шаоци). Т. 2. Пекин, 2008. С. 671.

[65] См.: *ПанцовА. В.* Мао Цзэдун. С. 552.

[66] См.: *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. IV—4.

[67] Цит. по: Лю Шаоци чжуань. 1898–1969. Т. 2. С. 678.

[68] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. Пекин, 1977. С. 80; Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 1: «Хунвэйбиновская» печать о Лю Шаоци. М., 1968. С. 73–74.

[69] *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. ГУ—14.

[70] См.: *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 32.

[71] См.: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 587.

[72] Цит. по: *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 85–86.

[73] Цит. по: Лю Шаоци чжуань. 1898–1969. Т. 2. С. 664; Дневник советского посла в Китае В. В. Кузнецова. Запись беседы с Лю Шаоци. 9 ноября 1953 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (здесь и далее — АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 46. Порт. 12. П. 362. Л. 185.

[74] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 442.

[75] См.: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 240; Чжоу Эньлай чжуань (Биография Чжоу Эньлая). Т. 2. Пекин, 2009. С. 987–988.

[76] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1078–1079.

[77] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 3. Пекин, 1998. С. 27.

[78] *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 234–235. См. также: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 120.

[79] См.: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 242; Чжоу Эньлай чжуань. Т. 2. С. 989.

[80] См.: *Гао Тан.* Избранное. М., 1989. С. 226–231.

[81] Лю Шаоци чжуань. 1898–1969. Т. 2. С. 680; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 218.

[82] *Ледовский А. М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. М., 1990. С. 99.

[83] См.: Мао Цзэдун чжуань (1898–1976). Т. 1. С. 252.

[84] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 105, 106.

[85] Подробнее см.: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй

шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1.С. 245–262.

[86] *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955 // Cold War International History Project (здесь и далее — CWIHP) Working Paper No. 36 (April 2002). P. 40; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 241, 311; *Ternes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 242.

[87] См.: *Teiwes Frederick C* Politics at Mao's Court. P. 163.

[88] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 247.

[89] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 105–107, 115–127; *Чжоу Эньлай.* Речь на Всекитайском финансово-экономическом совещании. Л. 8—19; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 247–248; *Ледовский А. М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. С. 99.

[90] *Чжоу Эньлай.* Речь на Всекитайском финансово-экономическом совещании//АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 46. Порт. 374. П. 121. Л. 18.

[91] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 251.

[92] Цит. по: Там же. С. 252.

[93] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 118, 123, 125, 126.

[94] См.: *Ternes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 6–7, 93–96, 101–111,221-227.

[95] Дэн Сяопин вэньеюань (1975–1982). С. 293.

[96] См.: *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 94.

[97] Дэн Сяопин вэньеюань (1975–1982). С. 293.

[98] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1129–1135.

[99] Подробнее см.: *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 44–47.

[100] Цит. по: Ibid. P. 85.

[101] См.: *Teiwes Frederick C* Politics at Mao's Court. P. 308–309. Цитату Конфуция см.: *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 327.

[102] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 408.

[103] Цит. по: *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 229.

[104] См.: Ibid. P. 117.

[105] Лю Шаоци сюаньцзи (Избранные произведения Лю Шаоци). Т. 2. Пекин, 1985. С. 125–131.

[106] См.: Дэн Сяопин вэньеюань (1938–1965). С. 201–208.

[107] Comrade Zhou Enlai's Speech Outline at the Discussion Meetring on the Gao Gang Question (February 1954) // *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 240–245.

[108] См.: Записка И. В. Ковалева от 24 декабря 1949 г. // Новая

и новейшая история. 2004. № 1. С. 132–139; *Ковалев И. В.* Диалог Сталина с Мао Цзэдуном//Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 89, 91; *Он же.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 19 ноября 1997 г.; *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания: В 4 кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 33–35; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 1. С. 40–41; Е Цзылун хуэйилу (Воспоминания Е Цзылуна). Пекин, 2000. С. 201; *Чэнь Айфэй, Цао Чживэй.* Цзоучу гомэньдэ Мао Цзэдун (Мао Цзэдун за границей). Шицзячжуан, 2001. С. 88–91; *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China. 1945–1950. P. 157, 158, 285–286, 296–297.

[109] Report of Deng Xiaoping, Chen Yi, and Tan Zhenlin Concerning the Discussion Meeting on the Rao Shushi Question (March 1, 1954) // *Teiwes Frederick C* Politics at Mao's Court. P. 245–252.

[110] Подробнее см.: *Чжао Цзялян, Чжан Сяоцзи.* Баньцзе мубэй сядэ ванши: Гао Ган цзай Бэйцзин (История, извлеченная из-под наполовину разрушенного могильного памятника: Гао Ган в Пекине). Сянган, 2008. С. 203–216, 238–245.

[111] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 442, 444, 737.

[112] Comrade Zhou Enlai's Speech Outline at the Discussion Meeting on the Gao Gang Question (February 1954). P. 241.

[113] См.: *Kuan Ming.* Deng Xiaoping. Chronicle of an Empire. Boulder, CO, 1992. P. 55.

[114] Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955. С. 31.

[115] См.: *Deng Xiaoping.* Report on the Gao Gang, Rao Shushi Anti-Party Alliance (March 21, 1955) // *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 254–276.

[116] См.: Ян Шанкуньжицзи (Дневник Ян Шанкуня). Т. 1. Пекин, 2001. С. 180, 181, 184.

[117] Цит. по: *Teiwes Frederick C.* Politics at Mao's Court. P. 26.

[118] См.: Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford. Calif, 1998. P. 16, 39; *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 40–47; *ШепиловД. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 18–31; № 10. С. 3—30; *Коваль К. И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 113–118; *Ши Чжэ.* Фэн юй гу — Ши Чжэ хуэйилу (Вершина и пропасть — Воспоминания Ши Чжэ). Пекин, 1992. С. 106–115.

[119] *Witke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. Boston, Toronto, 1977. P. 272. См. также: Дэн Сяопин няныгу. 1904–1974. Т. l.С. 1198–1199; *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М.,

1997. С. 336, 356–357; *ШепиловД. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 28–29.

[120] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 1272.

[121] Стенографический отчетXX съезда КПСС. Т. 1. М., 1956. С. 230.

[122] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 1273.

[123] Там же. С. 1274.

[124] Цит. по: *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь (Рядом с историческими титанами). Пекин, 1995. С. 595.

[125] См.: О культе личности и его последствиях (текст доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128–170.

[126] Цит. по: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань — 1956–1966 чжун су гуаньси хуэйилу (Десятилетняя полемика — Воспоминания о советско-китайских отношениях в 1956–1966 годах). Т. 1. Пекин, 1999. С. 4–5.

[127] Цит. по: *Ша Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь. С. 596; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 5.

[128] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 495.

[129] См.: Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 103; *Капица М. С.* Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 357, 364; Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960) (Развитие советско-китайских отношений после войны [1945–1960]). Пекин, 1997. С. 78.

[130] См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 24, 37, 252–253. См. также: *Vidali Vittorio.* Diary of the Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Vèstport, CT, London, 1974. P. 26–27.

[131] См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 106–107; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 1. С. 1275; *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь. С. 597.

[132] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 115.

[133] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 496. По другим данным, это было расширенное заседание Секретариата ЦК, и проходило оно 17 марта (см.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 6–7; Лю Шаоци няньпу. 1898–1969 (Хронологическая биография Лю Шаоци. 1898–1969). Т. 2. Пекин, 1998. С. 363).

[134] Мао Цзэдун чжуань (1949–1976) (Биография Мао Цзэдуна [1949–1976]). Т. 2. Пекин, 2003. С. 496–497.

[135] Цит. по: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 8.

[136] Цит. по: Там же.

[137] Цит. по: Там же. С. 11.

[138] Цит. по: Там же. С. 14–15.

[139] Цит. по: Там же. С. 15.

[140] Подробнее см.: *ПанцовА. В.* Мао Цзэдун. С. 564–576.

[141] См.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 16–19.

[142] Исправления и дополнения, сделанные Мао в тексте статьи, см.: Там же. С. 59–67. См. также: *УЛэнси.* И Мао чжуси. С. 2–7. Русский перевод статьи см.: Об историческом опыте диктатуры пролетариата (Редакционная статья газеты «Жэньминьжибао»). М., 1956.

[143] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. М., 1975. С. 93.

[144] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 339–340, 363, 364, 365, 366. См. также: Chairman Mao Talks to the People: Talks and Letters: 1956–1971. New York, 1974. P. 81–82; Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. С. 66–86.

[145] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 122; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 181, 183, 192.

[146] См.: *Yang Benjamin.* Deng. P. 134.

[147] The Case of Peng Dehuai. 1959–1968. Hong Kong, 1968. P. 445.

[148] *См.: Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[149] См.: *Шэнь Чжихуа.* Чжунгун бада вэйшэмма бу ти «Мао Цзэдун сысян» (Почему VIII съезд не выдвинул «идеи Мао Цзэдуна») // Лиши цзяосюэ (Преподавание истории). 2005. № 5. С. 6. См. также: Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 6. Пекин, 1999. С. 387.

[150] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 63.

[151] *Liu Shaochi.* On the Party. P. 157; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 508.

[152] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 98.

[153] См.: *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[154] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 97–98.

[155] Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 7. Пекин, 1999. С. 111–112. См. также: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 6. Пекин, 1992. С. 165; *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 36.

[156] Цит. по: Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 7. С. 111–112.

[157] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция:

годы испытаний. С. 12.

[158] См.: Там же. С. 47, 55, 59–62; *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 71.

[159] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 173.

[160] Подробнее см.: *Zinner Paul E.* National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. A Selection of Documents on Events in Poland and Hungary. New York, 1956. P. 9—262; *Kramer Mark.* New Evidence on the Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crisis // CWIHP Bulletin. 1996/1997. No. 8–9. P. 360–361.

[161] См.: *Zubok Vladislav M.* «Look What Chaos in the Beautiful Camp!» Deng Xiaoping and the Sino-Soviet Split, 1956–1963 // CWIHP Bulletin. 1998. No. 10. P. 153.

[162] Цит. по: *Улэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 35.

[163] Там же. С. 39–40.

[164] См.: Исторический архив. 1996. № 4–5. С. 184–185; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 174–175; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958. М., 2006. С. 471–472.

[165] Возникновение и развитие разногласий между руководством КПССинами. По поводу открытого письма ЦК КПСС. Пекин, 1963. С. 12. См. также: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 42–45; Records of Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5—20, 1963 // Brothers in Arms. P. 378.

[166] *Пётефи Ш.* Национальная песня // *Пётефи Ш.* Любовь и свобода. М., 1969. С. 47. Перевод с венгерского Л. Н. Мартынова.

[167] Подробнее см.: *Zinner Paul E.* National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. P. 398–434; *Kramer Mark.* New Evidence on the Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crisis. P. 362–369.

[168] См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 178–179, 187–188; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1322; Ван Цзясян няньпу. 1906–1974 (Хронологическая биография Ван Цзясяна. 1906–1974). Пекин, 2001. С. 439–440.

[169] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 602–603; *Ши Чжэ, Ли Хайвэнь.* Чжунсу гуаньси цзяньчжэн лу (Записки свидетеля о советско-китайских отношениях). Пекин, 2005. С. 225; Возникновение и развитие разногласий между руководством КПСС и нами. По поводу открытого письма ЦК КПСС. С. 12; Records of Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5—20, 1963. P. 378; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. l.С. 45.

[170] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 178. См. также: *Ши Чжэ, Ши Цюлан.* Водэ ишэн — Ши Чжэ цзышу (Моя жизнь — Воспоминания Ши Чжэ). Пекин, 2002. С. 470–471.

[171] *Хрущев Н.* СТ Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 50, 104.

[172] См.: *Таубман У.* Хрущев. М., 2005. С. 327.

[173] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 188; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 52.

[174] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 188.

[175] Цит. по: *Ши Чжэ, ЛиХайвэнь.* Чжунсу гуаньси цзяньчжэн лу. С. 233; *Zubok Vladislav M.* «Look What Chaos in the Beautiftfl Camp!» P. 153.

[176] Цит. по: *Ши Чжэ, Ли Хайвэнь.* Чжунсу гуаньси цзяньчжэн лу. С. 234.

[177] Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М., 1959. С. 319. См. также: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 475.

[178] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 191.

[179]*Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 255. См. также изложение выступления Лю Шаоци по этому поводу на 2-м пленуме ЦК КПК восьмого созыва 10 ноября 1956 года, опубликованное в кн.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 603–605.

[180] См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 397; *Clodfelter Michael.* Warfare and Armed Conflict: A Statistical Encyclopedia of Casualty and Other Figures, 1494–2007. 3rd ed. Jefferson, NC, 2008. P. 576–577.

[181] Цит. по: *СяоДэнлинь.* Уши нянь гоши цзияо. Вайцзяо цзюань (Очерк истории государственных дел за 50 лет. Том о внешней политике). Чанша, 1999. С. 194–195.

[182] *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 59.

[183] Русский перевод статьи см.: Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата (Редакционная статья газеты «Жэньминьжибао»). М., 1956.

[184] Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1323.

[185] Подробнее см.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 6. С. 120–121; *MacFarquhar Roderick.* The Hundred Flowers Campaign and the Chinese Intellectuals. New York, 1960. P. 6–9; Communist China. 1955–1959: Policy Documents with Analysis. Cambridge, Mass., 1962. P. 5–7.

[186] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1321; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1949–1976). Т. 1. Пекин, 1997. С. 628.

[187] Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1327.

[188] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне

и Хэ Луне. С. 33; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 423.

189 См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 492–499.

190 Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы/ Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 35. См. также: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 261–262.

191 Жэньминьжибао (Народная ежедневная газета). 1957. 8 июня.

192 CWIHP Bulletin. 2001. No. 10. P. 165.

195 Цит. по: *Бережков В. М.* Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 443–444.

194 См.: *Yang Benjamin.* Deng. P. 141.

195 О масштабах арестов см.: История Китая. С. 649.

196 *Deng Xiaoping.* Report on the Rectification Campaign // Communist China. 1955–1959. Policy Documents with Analysis. P. 341–363.

197 Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 241, 258, 266.

198 Цит. по: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 58, 105; *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ (Лидеры нового Китая на дипломатической арене). Пекин, 1994. С. 143.

199 Цит. по: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 143.

200 Цит по: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 58; *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 143–144.

201 См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 224, 274, 991, 1017; Т. 2. С. 540, 1003; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1904–1974). Т. 3. Пекин, 2010. С. 1401. Мао, правда, позже утверждал, что созвать совещание и принять «Декларацию» предложил Хрущев (см.: Mao Zedong on Diplomacy. Beijing, 1998. P. 251). Но его утверждение противоречит документальным материалам.

202 См.: *Хрущев Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, 14 февраля 1956 года. М., 1956. С. 34–44.

203 См. изложение выступления Мао по этому поводу на расширенном заседании Политбюро 12 марта 1956 года, опубликованное в кн.: *УЛэнси.* И Мао чжуси. С. 4–5, а также его речь на 2-м пленуме ЦК КПК восьмого созыва в середине ноября того же года *(Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 409, 410).

[204] См.: Mao Zedong on Diplomacy. P. 252; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1401.

[205] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1402–1406; *УЛэнси.* ,~ Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 96–98; Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 286–295.

[206] См.: Тезисы мнений по вопросу о мирном переходе (10 ноября 1957 года) // Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин, 1965. С. 112–115.

[207] Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года. М., 1957. С. 18–22. См. также: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 98, 127–141; Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 285–296; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1402–1407; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 279–281; Т. 2. С. 720–731, 1004; Янь Минфу тань Дэн Сяопин (Янь Минфу рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 164–165.

[208] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1408; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 153–155.

[209] Цит. по: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 100. См. также: Mao Zedong on Diplomacy. P. 251.

[210] См.: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 130–147.

[211] Цит. по: Там же. С. 137.

[212] См.: Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 285, 291.

[213] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 94. О том же, по существу, Мао говорил и на встрече с министром иностранных дел СССР Громыко 19 ноября (см.: *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 2. М., 1988. С. 131).

[214] См.: Правда. 1957. 7 ноября.

[215] См.: *Chen and Yang,* Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. P. 265.

[216] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 260.

[217] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 112, *123;ЛиПин.* КайгоцзунлиЧжоуЭньлай. С. 359.

[218] Цит. по: *Ли“ Пин.* Кайго цзунли Чжоу Эньлай. С. 361.

[219] См.: Там же. С. 362–363.

[220] См.: Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 134–155.

[221] *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[222] См.: *Chen Yungfa.* Jung Chang and Jon Halliday. «Mao: The Unknown Story». London: Jonathan Cape, 2005, 832 p. // Twentieth

Centuray China. 2007. Vol. 33. No. l.P. 111.

223 *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 277.

224 Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1405.

225 Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 156, 158.

226 Подробнее см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 607–620.

227 Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1421.

228 CWIHP Virtual Archive, document no. 5034F3B4-96B6-175C-9F020E9A96367A12.

229 См.: Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1958. С. 70–81; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1426.

230 Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 68.

231 См.: Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 264, 275, 281; *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. The Great Leap Forward, 1958–1960. New York, 1983. P. 85, 90.

232 См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 2. С. 1318–1319.

233 См.: Mao Zedong on Diplomacy, 247; *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999. С. 119–120; *Zhang Shu Guang.* Sino-Soviet Economic Cooperation // Brothers in Arms. P. 207; *Zhang Shu Guang and Chen Jian.* The Emerging Disputes Between Beijing and Moscow: Ten Newly Available Chinese Documents, 1956–1958 // CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 154–159, 162–163.

234 Mao Zedong on Diplomacy, 250–258; *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 128.

235 *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 73.

236 Там же. С. 75.

237 Цит. по: Янь Минфу тань Дэн Сяопин. С. 165–166. См. также интервью Янь Минфу американскому журналисту Гаррисону Солсбери от 29 апреля 1988 г., изложенное в кн: *Salisbury Harrison E.* The New Emperors. China in the Era of Mao and Deng. Boston etc., 1992. P. 155–158.

238 См.: Переговоры Н. С Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. С. 111–126.

239 Из стенограмм четырех бесед на высшем уровне, имевших место в Пекине с 31 июля по 3 августа 1958 года, известны только две — первая и последняя, так что мы достоверно не знаем, кто выступал во второй и третий день. Возможно, и Дэн. (Краткое изложение всех бесед см.: *УЛэн-си.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 162–174.) УЛэнси, правда, о выступлении Дэна ничего не говорит.

240 Цит. по: *Salisbury Harrison E.* The New Emperors. P. 156.

[241] Цит. по: Янь Минфу тань Дэн Сяопин. С. 166.

[242] Цит. по: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 261.

[243] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1448.

[244] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 311.

[245] *Дэн Сяопин.* Великое сплочение китайского народа и великое сплочение народов мира // Правда. 1959. 1 октября.

[246] См.: Письмо товарища Пэн Дэхуая Председателю Мао (14 июля 1959 года) // *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. М., 1988. С. 378.

[247] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1453–1468; *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. P. 85, 121.

[248] *Платонов А. П.* Ювенильное море. Котлован. Чевенгур. М., 1989. С. 379.

[249] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. P. 127.

[250] Интервью с одной из жительниц Пекина. 28 октября 2004 г.

[251] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1462, 1467.

[252] См.: *Юй Гуанжэнь.* Дэн Сяопиндэ цюши юй фаньсы цзиншэнь (Дух Дэн Сяопина «Искать истину и отражать ее») // Яньхуан чуньцю (История Китая). 2002. № 4. С. 10.

[253] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 305.

[254] Чжуанцзы: Даосские каноны. М., 2002. С. 67.

[255] См.: Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 348–407; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1468–1469, 1471.

[256] См.: Материалы 6-го пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва. Пекин, 1959. С. 13–54.

[257] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т 3. С. 1472–1473.

[258] Материалы 6-го пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва. С. 55.

[259] Цит. по: *Dikötter Frank.* Mao's Great Famine. The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. New York, 2010. P. 80.

[260] См.: Ibid. P. 89; *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. China's Secret Famine. London, 1996. P. 85.

ЧАСТЬ IV
Против течения

[1] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 8. Пекин, 1993. С. 42.

[2] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 305.

[3] Цит. по: *Dikötter Frank.* Mao's Great Famine. P. 80.

[4] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1490.

[5] Цит. по: Там же. С. 1478, 1486, 1502, 1517.

[6] См.: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 295.

[7] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 419, 420: Вып. 3. М., 1976. С. 67.

[8] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1478–1487.

[9] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. P. 162–163, 169–170.

[10] Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 7. С. 117; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1490.

[11] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1501. См. также: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 8. С. 196.

[12] Письмо товарища Пэн Дэхуая Председателю Мао (14 июля 1959 года). С. 375–381.

[13] См.: *DikötterTrank.* Mao's Great Famine. P. 92.

[14] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 45.

[15] См.: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 314–315.

[16] Подробнее см.: *Ли Жуй.* Лушань хуэйи шилу.(Правдивые записки о Лушаньском совещании). Пекин, 1989; The Casé of Peng Dehuai 1959–1968. P. 1–121,405–446.

[17] Вэйдадэ шицзянь, гуанхуэйдэ сысян — Дэн Сяопин гэмин ходун дашицзи (Великая практика, славная идеология — Хроника основных событий революционной деятельности Дэн Сяопина). Пекин, 1990. С. 117.

[18] *Дэн Сяопин.* Великое сплочение китайского народа и великое сплочение народов мира.

[19] См.: *УШихун.* Дэн Сяопин юйЧжо Линь. С. 153–154, 157.

[20] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 337.

[21] См.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. С. 191.

[22] См.: Стенографический отчет XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. М., 1959. С. 93—110.

[23] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 69.

[24] См.: Records *of* Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5—20, 1963. P. 379; *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. P. 225–226; *Zhang Shu Guang.* Between «Paper» and «Real Tigers»: Mao's View of Nuclear Weapons // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy Since 1945. New York, 1999. P. 208.

[25] *Хрущев Н.* С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 97.

[26] Цит. по: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. E 226–227.

[27] См.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. С. 208.

[28] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1518.

[29] Переговоры Н. С Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. С. 101–105. См. также: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 161–164; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. С. 226–227.

[30] Цит. по: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 164.

[31] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 390.

[32] Цит. по: *У Лэнси.* Шинянь луньчжань. С. 227, 231–234; Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 8. С. 599–602. См. также: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1520.

[33] См.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. С. 251.

[34] Цит. по: Там же. С. 251–252.

[35] Цит. по: Там же. С. 254–255; Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 268.

[36] См.: Хунци (Красное знамя). 1960. № 8; Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1960. 22 апреля; Правда. 1960. 23 апреля.

[37] См.: Foreign Relations of the United States, 1958–1960. *Vol.* XIX: China. Washigton, DC, 1996. P. 710.

[38] См.: *Zubok Vladislav M.* «Look what Chaos in the Beautiful Socialst Camp!» P. 156–157.

[39] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 443.

[40] Московский комсомолец. 2002. 6 февраля.

[41] Цит. по: *Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton, NJ, 2008. P. 173.

[42] Brothers in Arms. P. 361–362.

[43] См.: *Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split. P. 183–184; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1571–1573; Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 536–537.

[44] Цит. по: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 167.

[45] Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 541.

[46] *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 167. См. также: Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 546.

[47] Цит. по: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 172–174. См. также: The Short Version of the Negotiations Between CPSU and CCP Delegations (September 1960) // CWIHP Bulletin. 1998. No. 10. P. 172–173.

[48] Цит. по: Ли Юэжань тань Дэн Сяопин (Ли Юэжань рассказывает о Дэн Сяопине) // Хуашо Дэн Сяопин. С. 176. См. также: Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 546.

[49] Цит. по: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 168.

[50] Цит. по: Там же. С. 169–172.

[51] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1579.

[52] См.: Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 551–577; *Цуй Ци.* Во со циньлидэ чжунсу да луньчжань (Большая полемика между СССР и КНР как часть моей личной истории). Пекин, 2009. С. 88–89.

[53] Цит. по: *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 175–176; *Лю Сяо.* Чуши Сулянь банянь (Восемь лет на посту посла в СССР). Пекин, 1998. С. 121.

[54] См.: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 496–499; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1592–1603; Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 580–629.

[55] Цит. по: Brothers in Arms. P. 366.

[56] См.: *Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split. P. 159.

[57] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. The Coming of the Cataclysm. 1961–1966. New York, 1997. P. 323.

[58] Цит. по: Brothers in Armes. P. 371.

[59] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 407.

[60] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 324; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 2. С. 366.

[61] См.: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events»: New Russian and Chinese Evidence on the Sino-Soviet Alliance and Split, 1948–1959 // CWIHP Working Paper No. 30 (August 2000). P. 63–64; *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 202.

[62] *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 339, 340.

[63] См.: *Ян Цзишэн.* Мубэй. Чжунго люши нянь дай да цзихуан цзиши (Могильный камень. Незабываемые факты о великом голоде 1960-х гг.). Т. 2. Сянган, 2008. С. 875; *Lüthi Lorenz M'.* The Sino-Soviet Split. P. 158.

[64] См.: *Dikötter Frank.* Mao's Great Famine. P. x, 325. Другие исследователи дают более «скромные» цифры: от 20 до 36

миллионов.

[65] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 268, 272.

[66] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1621–1623, 1628; *Dikötter Frank.* Mao's Great Famine. P. 118–119.

[67] Цит. по: *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 73.

[68] Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1636–1637.

[69] Цит. по: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая [1949–1976]). Т. 2. Пекин, 1997. С. 409. См. также: Чжу Дэ няньпу. С. 478.

[70] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования „КНР). Т. 9. Пекин, 1996. С. 467–470.

[71] Лю Шаоци сюаньцзи. Т. 2. С. 337.

[72] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1642.

[73] Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 8. Пекин, 1999. С. 273.

[74] Цит. по: *LiZhisui.* The Private Life of Chairmaa Mao. P. 380.

[75] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 305.

[76] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 217.

[77] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шипзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1080.

[78] Цит. по: Там же. С. 1026–1027.

[79] Цит. по: Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 184.

[80] Лю Шаоци сюаньцзи. Т. 2. С. 419, 420–421. См. также: *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.). Ч. 1. М., 1998. С. 78; *Хуан Линцзюнъ.* Лю Шаоци юй даюэцзинь (Лю Шаоци и большой скачок) // Чжунго сяньдайши (Новейшая история Китая). 2003. № 7. С. 110.

[81] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. М., 1976. С. 12, 19, 20, 29.

[82] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 279–299. См. также: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1028.

[83] Цит. по: *Gao Wenqian.* Zhou Enlai: The Last Perfect Revolutionary. A Biography. New York, 2007. P. 96.

[84] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 386.

[85] См.: Ibid. P. 386–387.

[86] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 114.

[87] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1207–1208, 1218; Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995 (Хронологическая биография

Чэнь Юня. 1905–1995). Т. 3. Пекин, 2000. С. 107–110; *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 156.

[88] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 305; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1078.

[89] См.: *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 16.

[90] Цит. по: Чжунго гунчаньдан чжичжэн сыши нянь (1949–1989) (Сороклет руководства КПК [1949–1989]). Пекин, 1991. С. 217.

[91] Цит. по: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 390–391.

[92] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1084.

[93] Цит. по: Там же.

[94] Цит. по: Чжунго гунчаньдан чжичжэн сыши нянь (1949–1989). С. 217.

[95] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1084.

[96] См.: Чжунго гунчаньдан чжичжэн сыши нянь (1949–1989). С. 217.

[97] Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965). С. 305.

[98] Там же. С. 306.

[99] Цит. по: *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. P. 98.

[100] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1086.

[101] Цит. по: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 392.

[102] См.: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 3. С. 120.

[103] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1232–1233.

[104] См.: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1086–1087.

[105] Там же. С. 1086.

[106] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 268.

[107] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1087; Ян Шанкунь жицзи (Дневник Ян Шанкуня). Т. 2, Пекин, 2001. С. 196.

[108] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1234.

[109] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 38–40.

[110] Цит. по: *Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split. P. 189.

[111] Цит. по: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 116–117.

[112] См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 498, 1088.

[113] Цит. по: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 460.

[114] Цит. по: *Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split. P. 208.

[115] Цит. по: *Кулик Б. Т.* Советско-китайский раскол. Причины и последствия. М., 2000. С. 317.

[116] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 3. М., 1962. С. 362.

[117] Цит. по: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 1. С. 480.

[118] См.: *Чжу Жуйчжэнь.* Чжунсу фэньледэ гэньюань (Причины китайско-советского раскола) //Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960). С. 99–100; *Niu Jun.* 1962: The Eve of the Left Turn in China's Foreign Policy// CWIHP Working Paper No. 48 (October 2005), 28–29; *Lüthi LorenzM.* The Sino-Soviet Split. P. 212–213.

[119] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 38, 39.

[120] Там же. С. 47.

[121] *Мао Цзэдун.* Облака в снегу. С. 85.

[122] См.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 2. С. 537–538; *Бо Ибо.* Жоганьчжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1146.

[123] *Арбатов Г. А.* Жизнь, события, люди. Автобиография на фоне исторических перемен. М., 2008. С. 99.

[124] *Арбатов Г. А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991. С. 93.

[125] См.: *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 2. С. 602.

[126] Стенограмма встречи делегаций Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Китая 5—20 июля 1963 г., г. Москва. Ч. 1 // Бывший архив ЦК Социалистической единой партии Германии. Л. 93. (Копия документа любезно предоставлена В. М. Зубоком.)

[127] Там же. Ч. 2. С. 294. См. также: Ян Шанкунь жицзи. Т. 2. С. 294–301; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 2. С. 601–623; *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 206–211.

[128] Стенограмма встречи делегаций Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Китая 5—20 июля 1963 г., г. Москва. Ч. 2. С. 317.

[129] Там же. С. 317, 318.

[130] Там же. С. 329. Коммюнике о переговорах см. в кн: За сплоченность международного коммунистического движения. Документы и материалы. М., 1964. С. 66.

[131] См.: Янь Минфу тань Дэн Сяопин. С. 170; Ян Шанкунь жицзи. Т. 2. С. 301; Дэн Сяопий няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1763–1766.

[132] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 170.

[133] См.: Ян Шанкунь жицзи. Т. 2. С. 294–301; Янь Минфу тань Дэн Сяопин. С. 170–171; *УЛэнси.* Шинянь луньчжань. Т. 2. С. 623.

[134] См.: Открытое письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза. М., 1963.

[135] Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. С. 61–111, 125–148, 199–235,239-319,321–379,381-504.

[136] *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шан дэ синь Чжунго линсюэ. С. 211. См. также: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1766–1967.

[137] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 696.

[138] См.: *Baum Richard and Teiwes Frederick C.* Ssu-Ch'ing: The Socialist Education Movement of 1962–1966. Bereley, Calf., 1968. P. 58–71.

[139] *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[140] Цит. по: *Baum Richard and Teiwes Frederick C.* Ssu-Ch'ing. P. 77.

[141] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 344–348, 426, 606.

[142] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. М., 1976. С. 198.

[143] Цит. по: Там же. Вып. 4. С. 183–184.

[144] Там же. Вып. 5. С. 133.

[145] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо (Хроника важнейших событий в истории КПК). Пекин, 1987. С. 334.

[146] См.: *УЛэнси.* И Мао чжуси. С. 148.

[147] См.: *Baum Richard and Teiwes Frederick C.* Ssu-Ch'ing. P. 102–117.

[148] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 183–200.

[149] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1131; *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 423; Лю Шаоци чжуань. Т. 2. С. 890.

[150] Miscellany of Mao Tse-tung Thought (1949–1968). Part II. Springfield, VA, 1974. P. 427; Ян Шанкунь жицзи. Т. 1. С. 476.

[151] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 206–207; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 416–417; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. Т. 2. С. 1131; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1266–1375; *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 424–425.

[152] Цит. по: *Baum Richard and Teiwes Frederick C.* Ssu-Ch'ing. P. 120.

[153] *Snow Edgar.* The Long Revolution. New York, 1972. P. 17, 67, 169, 170.

[154] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 62; *Witke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. Boston, Toronto, 1977. P. 310, 332.

[155] См.: Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 68; *Uli Franz.* Deng Xiaoping. P. 180.

[156] См.: *MacFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 252–256, 443–447.

[157] Цит. по: *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.). Ч. 2. М., 1998. С. 186.

[158] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 153; *Snow Edgar.* The Long Revolution. P. 17, 67, 169, 170.

[159] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 154, 194–195.

[160] См.: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. Cambridge, Mass and London, 2006. P. 17.

[161] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкунс и Хэ Луне. С. 68. См. также: Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1970. С. 99.

[162] Цит. по: *Wedeman Andrew Ball.* The East Wind Subsides. Chinese Foreign Policy and the Origins of the Cultural Revolution. Washington, D.C., 1988. P. 176.

[163] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1394, 1395.

[164] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 11; *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ (Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний). Пекин, 2000. С. 5.

[165] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1399.

[166] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 154.

[167] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 11.

[168] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. *2. С.* 1399.

[169] Цит. по: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 18.

[170] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2:

«Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 65–66.

[171] См.: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 18; *Wedeman Andrew Hall.* The East Wind Subsides. P. 223–224.

[172] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 68.

[173] Цит. по: *MacFarguhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 28.

[174] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 195.

[175] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй личэн дитуцзи. С. 122, 125. По другим данным, Мао прибыл в Учан 5 января 1966 года. См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1402.

[176] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае / Пер. с кит. Вып. 12: Документы. Т. 1. Сборник, февраль 1966 — февраль 1967 гг. М., 1972. С. 5, 7. Текст тезисов см. также в кн.: Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 157–163.

[177] Цит. по: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 448; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 344.

[178] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1402.

[179] См.: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P 31.

[180] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 62–63, 66, 68.

[181] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1405.

[182] *УЛэнси.* И Мао чжуси. С. 152.

[183] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1404. См. также: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 32, 491.

[184] См.: *MacFarquhar Roderick and Schoenhah. Michael.* Mao's Last Revolution. P. 32.

[185] См.: *Чэнь Цинцюань, Сун Гуанвэй.* Лу Динъи чжуань (Биография Лу Динъи). Пекин, 1999. С. 496–508; 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina // CWIHP Working Paper № 22 (May 1998). P. 131.

[186] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 77; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 348; Чэнь Бода цзуйхоу коушу хуэйи (Последние устные воспоминания Чэнь

Бода). Гонконг, 2005. С. 305; Чэнь Бода игао. Юйчжун цзышу цзи цита (Рукописи Чэнь Бода. Тюремные автобиографические записки и другие [материалы]). Гонконг, 1998. С. 87–88.

[187] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 105, 115, 116.

[188] Там же. С. 115–116.

[189] 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 132.

[190] Цит. по: *MacFarquhar Roderick and Schoenhah Michael.* Mao's Last Revolution. P. 48.

[191] Цит. по: Ibid.

[192] 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 130–131.

[193] *Не Юаньцзы и др.* Сун Шо, Лу Пин, Пэн Пэйюань цзай вэньхуа гэминчжун цзюцзин гань шэмма? (Что же в конце концов проводят в культурной революции Сун Шо, Лу Пин и Пэн Пэйюань?) // Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1966. 2 июня.

[194] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 12, 16.

[195] Цит. по: Там же. С. 16.

[196] Там же. С. 15, 23.

[197] Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 73.

[198] См.: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 640; *MacFarquhar Roderick and Schoenhah Michael.* Mao's Last Revolution. P. 65, 66.

[199] Цит. по: *Bamouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. The Chinese Cultural Revolution. London and New York, 1993. P. 75; *Dittmer Lowell.* Liu Shaoch'i and the Chinese Revolution. The Politics of Mass Criticism. Berkeley, Calif, etc., 1974. P. 81. См. также: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 641.

[200] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1415.

[201] См.: Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 7: Выступления Чжоу Эньлая в период «культурной революции» (1966 г.). М., 1971. С. 6.

[202] Цит. пол: *MacFarquhar Roderick and Schoenhah Michael.* Mao's Last Revolution. P. 77.

[203] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 25. См. также: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 645.

[204] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 84.

[205] Там же. С. 84, 85.

[206] Там же. С. 129, 130. См. также: *MacFarquhar Roderick and Schoenhah Michael.* Mao's Last Revolution. P. 84.

[207] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 25.

[208] *Sidney Rittenberg and Amanda Bennett.* The Man Who Stayed Behind. P. 313.

[209] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1926.

[210] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 118.

[211] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1428–1429; Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3215; Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 649.

[212] 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 133.

[213] См.: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 94.

[214] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 104–105; Мао Цзэдун байкэ цюаньшу (Энциклопедия Мао Цзэдуна). Т. 6. Пекин, 2003. С. 3215; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 352; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1429.

[215] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 30.

[216] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1930.

[217] Цит. по: Там же. С. 1932; Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3219; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 354.

[218] Цит. по: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 138.

[219] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 37.

[220] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1448–1449.

[221] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 126.

[222] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1934; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 35.

[223] См.: Письмо Эзры Ф. Вогеля автору книги от 17 марта 2011 года.

[224] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1935.

[225] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 368.

[226] Цит. по: *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 103.

[227] Цит. по: Там же.

[228] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 38.

[229] См.: Там же. С. 50, 92.

[230] Цит. по: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 125. См. также: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1438.

[231] Цит. по: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 110.

[232] См.: Ibid. P. 126.

[233] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 134.

[234] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 356.

[235] См.: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 165.

[236] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 12. Пекин, 1997. С. 186–187; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1466.

[237] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1936; *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 40.

[238] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин, культурная революция: годы испытаний. С. 46.

[239] См.: Там же. С. 46–47; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1937.

[240] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 47; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1937.

[241] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 52–54.

[242] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1938.

[243] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 54–55.

[244] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1490.

[245] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая). Т. 3. Пекин, 1997. С. 173.

[246] См.: *Wang Shaoguang.* Failure of Charisma. The Cultural Revolution in Wuhan. Hong Kong etc., 1995. P. 159–160; *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 213–214.

[247] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 49.

[248] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1938–1942, 1944, 1946–1947.

[249] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 56.

[250] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1939.

[251] См.: *Uli Franz-* Deng Xiaoping. P. 201.

[252] См.: *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 111; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 67, 160.

[251] Цит. по: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 61.

[254] Цит. по: Там же. С. 62. См. также: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 602.

[255] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1944.

[256] *Дэн Сяопин.* Водэ цзышу. (Чжайлу).

[257] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1946.

[258] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 167.

[259] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1946.

[260] Цит. по: Там же. С. 1947.

[261] Цит. по: Там же. С. 1948; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 116.

[262] Цит. по: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 118.

[263] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 93.

[264] Подробнее см.: Там же. С. 97–106, 117–119.

[265] Юнъюаньдэ Сяопин. С. 46.

[266] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1948; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 119–120, 162.

[267] См.: Герои острова Даманский. М., 1969; *Ostermann Christian F.* East German Documents on the Border Conflict, 1969 // CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 188–190; Гриф секретности снят. С. 398; *Clodfelter Michael.* Warfare and Armed Conflict. P. 676; *Рябушкин Д. С.* Мифы Даманского. М., 2004. С. 73–75, 78–81.

[268] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 266.

[269] См.: *Bamouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. *P.* 91.

[270] См.: Лю Шаоци цзышу (Автобиографические заметки Лю Шаоци). Пекин, 2002. С. 179–254; *Ван Гуанмэй, Лю Юань.* Ни со бу чжидаодэ Лю Шаоци (Лю Шаоци, которого ты не знаешь). Чжэнчжоу, 2000; Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 661; *Yen Chiachi and Kao Kao.* The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. Taipei, 1988. P. 168.

[271] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 124–126.

[272] Там же. С. 123.

[273] См.: Там же. С. 127–148, 185; *УШихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 107–111; Юнъюаньдэ Сяопин. С. 40–52; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1949–1954; Дэн Сяопин юй сяньдай Чжунго. С. 94–99; *Сюн Минь, Мэй Бяо.* Хуэйи Дэн Сяопин цзай Цзянси Синьцзяньдэ идуань жицзы — Фанвэнь Ло Пэн таньхуалу (Вспоминая дни, проведенные Дэн Сяопином в [уезде] Синьцзянь [провинции] Цзянси. Запись беседы с Ло Пэном) // Дэн Сяопин цзай Цзянсидэ жицзы (Дни, проведенные Дэн Сяопином в Цзянси). Пекин, 1997. С. 134–138.

[274] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 146.

[275] См.: Там же. С. 146, 161–162, 174–175, 180–181, 202–204; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1950, 1953–1955, 1958–1959.

[276] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 186.

[277] О падении Чэнь Бода подробно см.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 701–703.

[278] Подробнее см.: Там же. С. 694–711.

[279] Цит. по: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 207.

[280] Цит. по: Там же. С. 190–193.

[281] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 37, 80, 190.

[282] Цит. по: Там же. С. 197.

[283] Цит. по: Там же. С. 205.

[284] Дэн Сяопин гэй Мао чжусидэ синь (1972 нянь 8 юэ 3 жи).

[285] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 308.

[286] См.: *Witke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 363, 362.

[287] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 242; *Сюн Минь, Мэй Бяо.* Хуэйи Дэн Сяопин цзай Цзянси Синьцзяньдэ идуань жицзы — Фанвэнь Ло Пэн таньхуалу. С. 138.

[288] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 230.

ЧАСТЬ V
«Мягкий, как хлопок, острый, как игла»

[1] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 244.

[2] Цит. по: Там же. С. 225, 262.

[3] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 347–348; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1972.

[4] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1973.

[5] Цит. по: *Kissinger Henry A.* White House Years. Boston, Toronto, 1979. P. 1492.

[6] См.: *Uli Franz.* Deng Xiaoping. P. 225–226; *Yang Benjamin.* Deng. P. 174.

[7] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 249–250.

[8] См.: *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. P. 235–236, 260–262; *Чжан Юйфэн.* Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая // *Галенович Ю. М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. С. 81.

[9] Подробнее см.: *Wang Ting.* Chairman Hua: Leader of the Chinese Communits. Montreal, 1980; *Weatherley Robert.* Mao's Forgotten Successor: The Political Career of Hua Guofeng. New York, 2010.

[10] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 356–357.

[11] См.: *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. P. 239.

[12] Цит. по: Чжушундан ши даши няньбяо. С. 385.

[13] См.: Чжунго гунчаньдан ди ши цы цюаньго дайбяодахуэй вэньцзянь хуэйбянь (Сборник документов X съезда Коммунистической партии Китая). Пекин, 1973; Личное дело Мао Цзэдуна// РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 6. Л. 257–260.

[14] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1978.

[15] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 256.

[16] См.: The Kissinger Transcripts. The Top Secret Talks with Beijing and Moscow. New York, 1998. P. 166–216; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 3. С. 632–634; *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. P. 239–242.

[17] The Kissinger Transcripts. P. 205.

[18] Цит. по: *Gao Wenqian. Zhou* Enlai. P. 241.

[19] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1990; *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. P. 246.

[20] Цит. по: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ.

С. 289.

[21] *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. P. 244.

[22] Цит. по: Ibid.

[23] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 307.

[24] См.: Личное дело Чжоу Эньлая // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2. Т. 3. Л. 4–5; Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1978. 15 октября; Biographical Dictionary of Chinese Women. The Twentieth Century 1912–2000. Hong Kong, 2003. P. 500; *Чжоу Биндэ.* Мой дядя Чжоу Эньлай. Пекин, 2008. С. 242.

[25] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 3. С. 634–635.

[26] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1991–1992; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 264.

[27] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 283; Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 1993.

[28] Выписка из материала посольства СССР в КНР, вх. № 05220 от 11 февраля 1975 г. (Запись беседы с послом ДРВ в КНР Нгуен Чан Винем и советником-посланником посольства ДРВ Нгуен Тьеном 30. V1975 г.) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2. Т. 3. Л. 12; Выписка из материала посольства СССР в США вх. № 16203 от 26. IV. 1974 г. (Запись беседы с научным сотрудником «Рэнд корпорэйшн» У. Уитсоном 16.IV. 1974 г.) // Там же. Л. 28. См. также: *Gao Wenqian.* Zhou Enlai. R 245.

[29] См.: Личное дело Чжоу Эньлая // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2. Т. 3. Л. 17.

[30] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2004.

[31] Выписка из сообщения совпосла в Пекине (вх. № 010324 от 5 апреля 1974 г.) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2. Т. 3. Л. 31.

[32] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 373.

[33] Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 8. С. 441–442; Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 379–382.

[34] Интервью с научным сотрудником Университета Монтаны Стивеном И. Левином в г. Колумбусе, Огайо, США. 25 января 2012 г.

[35] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 386.

[36] Speech by Chairman of Delegation of the People's Republic of China, Teng Hsiaoping, at the Special Session of the U.N. General Assembly. Peking, 1974. P. 2.

[37] Цит. по: The Kissinger Transcripts. P. 273.

[38] Ibid. P. 270, 287, 317.

[39] *Kissinger Henry A.* Years of Renewal. New York, 1999. P. 164.

[40] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 85–86.

[41] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2015; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 276; *Salisbury Harrison E.* The Long March. P. 137.

[42] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 3. С. 671.

[43] См.: *LiZhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 581–582.

[44] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 394, 395, 396; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 278.

[45] Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2058; Дэн Сяопин цзышу. С. 167; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 284.

[46] A Great Trial in Chinese History. The Trial of the Lin Biao and Jiang Qing Counter-Revolutionary Cliques, Nov. 1980 — Jan. 1981. Oxford, etc., 1981. P. 47, 159.

[47] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1704.

[48] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2066; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 289.

[49] См.: *Bamouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 276–277; *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2008. Курс лекций. В 2 ч. М., 2010. С. 90, 94–97.

[50] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2053–2054, 2061, 2064.

[51] Цит. по: Там же. С. 2060.

[52] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 402.

[53] Там же. С. 410.

[54] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2066; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 289.

[55] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974. Т. 3. С. 2076; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 295.

[56] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 413–141; Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 288.

[57] См.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 85–86.

[58] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 291. См. также: *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3 (1982–1992). Пекин, 1997. С. 480.

[59] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 1–3.

[60] Там же. С. 4.

[61] Там же. С. 9. -

[62] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1975–1997). Т. 1. Пекин, 2004. С. 50.

[63] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). С. 1739; Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 63–64; *Юй Гуанъюань.* Во и Дэн Сяопин (Я вспоминаю Дэн Сяопина). Гонконг, 2005. С. 2–9; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 334.

[64] См.: Кайчжань дуй «шуйху» дэ пинлунь (Развивать критику [романа] «Речные заводи»). Сиань, 1975.

[65] См.: Личное дело Чжоу Эньлая // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. Т. 3. Л. 47.

[66] См.: *Юй Гуанъюань.* Во и Дэн Сяопин. С. 5.

[67] См.: *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 274; *Чжан Юйфэн.* Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая. С. 95.

[68] Цит. по: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 193; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 314–315.

[69] Цит. по: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 192.

[70] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 125; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 367.

[71] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 486.

[72] Там же.

[73] См.: Там же. С. 488.

[74] Цит. по: *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 427.

[75] См.: *ТаоЮаньлшн.* Лирика/Пер. Л. З. Эйдлина. М., 1964. С. 133–138.

[76] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 488.

[77] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 369–389.

[78] См.: Там же. С. 279, 437.

[79] Там же. С. 374, 375.

[80] Цит. по: Там же. С. 361, 389.

[81] Цит. по: *Чжоу Биндэ.* Мой дядя Чжоу Эньлай. С. 285; *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 437.

[82] См.: *Palmer James.* Heaven Cracks, Earth Shakes. The Tangshan Eathquake and the Death of Mao's China. New York, 2012. P. 8.

[83] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 143.

[84] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 398.

[85] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 145–147.

[86] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). С. 1767.

[87] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 147.

[88] Там же. С. 147–148; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). С. 1771–1772; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 400.

[89] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 148; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 404.

[90] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 527.

[91] Rethinking the «Cultural Revolution». Beijing, 1987. P. 22–23; *Yen Chiachi and Kao Kao.* The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. P. 553; *Palmer James.* Heaven Cracks, Earth Shakes. P. 95; *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 420–430; *Witke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 15, 469.

[92] Цит. по: *Цин У, ФанЛэй.* Дэн Сяопин цзай 1976 (Дэн Сяопин в 1976 г.). Т. 1. Шэньян, 1993. С. 178, 180.

[93] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1776; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 419. Текст доклада Мао Юаньсиня см.: *Цин У, ФанЛэй.* Дэн Сяопин цзай 1976. Т. 1.С. 180–183.

[94] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1776–1777.

[95] Цит. по: Там же. С. 1777.

[96] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 13. С. 538.

[97] Там же. С. 530.

[98] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 150.

[99] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 420.

[100] Там же. С. 432.

[101] См.: *Chi Hsin.* The Case of Gang of Four. With First Translation of Teng Hsioping's «Three Poisonous Weeds». Hong Kong, 1977. P. 201–202.

[102] *Rittenberg Sidney and Bennett Amanda.* The Man Who Stayed Behind. P. 425–426.

[103] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 443.

[104] *Маомао.* Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ. С. 503–504.

[105] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 274.

[106] См.: Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1976.19 сентября. (,

[107] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 151.

[108] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 243, 265.

[109] *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 466–467.

[110] Chinese Politics. Documents and Analysis. Vol. 3. Columbia, SC, 1995. P. 174–175; *Цин У, ФанЛэй.* Дэн Сяопин цзай 1976. Т. 2. С. 378.

[111] Цит. по: Е Цзяньин няньпу (1897–1986) (Хронологическая биография Е Цзяньина. 1897–1986). Т. 2. Пекин, 2007. С. 1110–1113; *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 460.

[112] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 463.

[113] Цит. по: *MacFarquhar Roderick and Schoenhals Michael.* Mao's Last Revolution. P. 443; Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1111.

[114] Цит. по: Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1112–1113. [113] См.: Там же. С. 1114.

[116] Чжан Яоцы хуэйилу — Цзай Мао чжуси шэньбяньдэ жицзы (Воспоминания Чжан Яоцы — Дни рядом с Председателем Мао). Пекин, 2008. С. 271–272. См. также: *Фань Шо.* Е Цзяньин цзай гуаньцзянь шикэ (Е Цзяньин в критический период времени). Чанчунь, 2011. С. 294–306; *Цин У, Фан Лэй.* Дэн Сяопин цзай 1976. Т. 2. С. 282–331.

[117] Цит. по: Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1114–1115.

[118] См.: Там же. С. 1116.

[119] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 156. См. также: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 404.

[120] Цит. по: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 19–20.

[121] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 405.

[122] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 153.

[123] См.: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 20–21.

[124] Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1977. 7 февраля. [123] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 155; Дэн Сяопин цзышу. С. 177.

[125] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 35.

[127] См.: История Китая. С. 699–700.

[128] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985 (Избранные произведения Чэнь Юня. 1956–1985). Пекин, 1986. С. 207.

[129] Цит. по: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 21; *Чэи Чжунъюанъ, Ван Юйсян, Ли Чжэнхуа.* 1976–1981 няньдэ Чжунго (Китай в 1976–1981 гг.). Пекин, 2008. С. 43–45.

[130] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 156. См. также: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 21.

[131] Chinese Politics. Documents and Analysis. Vol. 3. P. 175–176; Дэн Сяопин шоуцзи сюань. Т. 3. С. 32, 143. См. также: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 36, 39; Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 157.

[132] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 35–36; *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 29–30.

[133] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 36.

[134] Дэн Сяопин цзышу. С. 174.

[135] Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1977. 1 мая,

[136] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 42, 43, 64, 121; *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 40.

[137] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 43.

[138] Дэн Сяопин цзышу. С. 171–172.

[139] *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 40.

[140] См.: The Eleventh National Congress of the Communist Party of China: Documents. Beijing, 1977. P. 197.

[141] Ibid. P. 8, 52, 83–89.

[142] Дэн Сяопин цзышу. С. 178, 180. Другие выступления Дэна по вопросам развития науки и просвещения см. в кн.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 45–68, 82–97, 100–107.

[143] Great Historic Victory. In Warm Celebration of Chairman Hua Kuofeng's Becoming Leader of the Communist Party of China, and of the Crushing oftheWang-Chang-Chiang-Yao Anti-Party Clique. Peking, 1976. P. 34, 41.

[144] См.: *Лу Кэн.* Ху Яобан фанвэнь цзи (Интервью с Ху Яобаном). Нью-Йорк, 1985. С. 8–9; *ХуДэпин.* Чжунго вэй шэмма яо гайгэ — Сы и фуцинь Ху Яобан (Почему Китай должен реформироваться? Размышления и воспоминания о моем отце — Ху Яобане). Пекин, 2011. С. 3—77; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь (Большой сборник материалов к хронологической биографии Ху Яобана). Т. 1. Гонконг, 2005. С. 1—286; *Yang Zhongmei.* HuYaobang: A Chinese Biography. Armonk, N. Y., 1988. P. 3—126; Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит. Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 24.

[145] См.: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 286.

[146] *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P.'24.

[147] См.: Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1977. 7 октября.

[148] Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 414.

[149] Цит. по: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 36.

[150] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 152, 197–198, 724, 726; *Teiwes Frederick C and Sun Warren.* The End of the Maoist Era. Chinese Politics During the Twilight of the Cultural Revolution, 1972–1976. Armonk, NY, 2007. P. 423–425.

[151] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 414.

[152] Documents of the First Session of the Fifth National People's Congress of the People's Republic of China. Peking, 1978. P. 166.

[153] Ibid. P. 191.

[154] Цит. по: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 316; *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 33.

[155] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 357, 401–402, 544; Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 175; Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1145, 1152; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 318; *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. An Eyewitness Account of China's Party Work Conference and the Third Plenum (November-December 1978). Norwalk, CT, 2004. P. 15–16.

[156] Цит. по: *yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. P. 18.

[157] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 109.

[158] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 417.

[159] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 2. Пекин, 1995. С. 169, 173.

[160] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 122–123; *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 2. С. 167.

[161] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 187, 189.

[162] См.: Documents of the First Session of the Fifth National People's Congress of the People's Republic of China. P. 35–66, 81; История Китая. С. 702.

[163] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 189–190.

[164] Цит. по: Ibid. P. 218, 223.

[165] Цит. по: Ли Сяньнянь чжуань. 1949–1992 (Биография Ли Сяньняня. 1949–1992). Т. 2. Пекин, 2009. С. 1048.

[166] См.: Там же. С. 1048–1071.

[167] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 2. С. 170.

[168] См.: *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. P. 23, 25; Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1155.

[169] См.: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 3. С. 226.

[170] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 130.

[171] См.: *ЕСюанъцзи.* Е шуай цзай шии цзе сань чжунцюаньхуэй цяньхоу — Ду Юй Гуанъюань чжу «1978: во циньлидэ нацы лиши да чжуаньчжэ» югань (Маршал Е до и после 3-го пленума 11-го созыва. — Впечатления от работы Юй Гуанъюаня «1978 г.: Великий исторический поворот, которому я был свидетелем») // Наньфан чжоумо (Уик-энд на юге). 2008. 30 октября.

[172] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 233.

[173] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 208–210.

[174] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of

China. P. 235.

[175] См.: Ibid. P. 240.

[176] См.: *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. P. 74–76; Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1157.

[177] См.: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 21–22.

[178] См.: *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. P. 80–83,90-92,97.

[179] *Novak Robert D.* The Prince of Darkness. 50 Years Reporting in Washington. New York, 2007. P. 324.

[180] Подробнее см.: *Garside Roger.* Coming Alive. China after Mao. New York, 1981. P. 212–239; Интервью с Вэй Цзиншэном в г. Вашингтоне. 21 октября 2012 г.

[181] *Wei Jingsheng.* The Courage to Stand Alone. Letters from Prison and Other Writings. New York, 1997. P. 208–209.

[182] Цит. по: *Ху Цзивэй.* Ху Яобан юй Сидань миньчжу цян (Ху Яобан и Сиданьская стена демократии) // Чжэнмин (Соперничество). 2004. № 4. С. 25; *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the Wbrld. P. 47.

[183] Цит. по: *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. P. 163–165.

[184] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 230, 246.

[185] Цит. по: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 7.

[186] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 130–143.

[187] Цит. по: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 13.

[188] *Novak Robert D.* The Prince of Darkness. P. 327.

[189] Chinese Politics. Documents and Analysis. Vol. 3. P. 361.

[190] См.: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 344; *Yu Guangyuan.* Deng Xiaoping Shakes the World. P. 207.

[191] *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 47. См. также: The Fifth Modernization: China's Human Rights Movement, 1978–1979. Stanfordville, 1980; The Chinese Human Rights Reader: Documents and Commentary 1900–2000. Armonk, NY, 2001. P. 253–272; *Meisner Maurice.* The Deng Xiaoping Era: An Inquiry into the Fate of Chinese Socialism, 1978–1994. New York, 1996. P. 110–114.

[192] *Novak Robert D.* The Prince of Darkness. P. 330–331.

[193] Ibid. P. 327, 328.

[194] См.: *Kissinger Henry.* Years of Renewal. P. 868–869.

[195] См.: *Huang Hua.* Memoirs. Beijing, 2008. P. 347–350; *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle: Memoirs of the National Security Advisor, 1977–1981. New York, 1985. P. 209–233; *Carter Jimmi.* Keeping Feith: Memoirs of a President. Fayetteville, AK, 1995. P 199–203; *Carter Jimmi.* White House Diary. New York, 2010. P. 85, 170, 265; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of

China. P. 317–333.

[196] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 333, 335; *Tyler Patrick.* A Great Wall: Six Presidents and China: An Investigative History. New York, 1999. P. 271.

[197] *Huang Hua.* Memoirs. P. 347–348; *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle. P. 215.

[198] Цит. по: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 329.

[199] См.: *Huang Hua.* Memoirs. P. 352; *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle. P. 405–406; *Ji Chaozhu.* The Man on Mao's Right. From Harvard Yard to Tiananmen Square. My Life Inside China's Foreign Ministry. New York, 2008. P. 298–299.

[200] *Carter Jimmi.* White House Diary. P. 283.

[201] См.: *Carter Jimmi.* Keeping Feith. P. 207; *Ji Chaozhu.* The Man on Mao's Right. P. 299–301.

[202] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 338; *Huang Hua.* Memoirs. P. 352; *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle. P. 405–406.

[203] Цит. по: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 339. См. также: *Carter Jimmi.* White House Diary. P. 284, 285; *Carter Jimmi.* Keeping Feith. P. 211, 213; *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle. P. 409–410; *Kissinger Henry.* On China. New York, 2011. P. 365–367.

[204] См.: *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle. P. 410; *Kissinger Henry.* On China. P. 367.

[205] См.: *Carter Jimmi.* Keeping Feith. P. 211–213.

[206] Цит. по: *Morris Stephen J.* The Soviet-Chinese-Vietnamese Triangle in the 1970's: The View from Moscow // CWIHP Working Paper No. 25 (April 1999). P. 20.

[207] 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 195.

[208] См.: Ibid. P. 189–191; *Ross Robert S.* The Indochina Tangle. China's Vietnam Policy 1975–1979. New York, 1988. P. 63.

[209] См.: *Zhai Qiang.* China and the Cambodian Conflict, 1970–1975 // Behind the Bamboo Curtain: China, Vietnam, and the World beyond Asia. Washington, D.C., Stanford, CA, 2006. P. 391–392.

[210] См.: The Last Testament of Ho Chi Minh // The Antioch Review.] 969— 1970. Vol. 29. No. 4. P. 497–499. См. также: *Kenny Henry J.* Vietnamese Perceptions of the 1979 War with China // Chinese Warfighting: The PLA Experience since 1949. Armonk, NY, 2003. P. 218; *Kissinger Henry.* On China. P. 364.

[211] См.: *Ross Robert S.* The Indochina Tangle. P. 176–189; *Hood Steven J.* Dragons Entangled: Indochina and the China-Vietnam War. Armonk, NY, 1992. P. 136–150.

[212] См.: *Ross Robert S.* The Indochina Tangle. P. 230–231; *Vogel Ezra F* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 349, 527, 528, 532.

[213] См.: *Weatherley Robert.* Mao's Forgotten Successor. P. 153–154; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 532.

[214] *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 528. См. также: *Yang Benjamin.* Deng. P. 207.

[215] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. R 529.

[216] Подробнее см.: *Morris Stephen J.* Why Vietnam Invaded Cambodia: Political Culture and the Causes of War. Stanford, CA, 1999; *Kringer Benjamin E.* ' The Third Indochina War: A Case Study on the Vietnamese Invasion of Campodia//To Oppose any Foe: The Legacy of U.S. Intervention in Vietnam. Durham, NC, 2006. P. 275–326; *Clodfelter Michael.* Warfare and Armed Conflict. P. 669.

[217] Цит. по: *Brzezinski Zbigniew.* Power and Principle. P. 409.

[218] См.: *Kissinger Henry.* On China. P. 365–366.

[219] См.: *Wishnik Elizabeth.* Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin. Seattle, WA, 2001. P. 63–64.

[220] См.: *Huang Hua.* Memoirs. P. 331–341; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 297–310, 529–530.

[221] См.: Chinese War Crimes in Vietnam. Hanoi, 1979.

[222] См.: *Zhang Xiaoming.* China's 1979 War with Vietnam: A Reassessment // China Quarterly. 2006. No. 184. P. 866; *Clodfelter Michael.* Warfare and Armed Conflict. P. 669.

[223] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 100.

[224] *СпичакД. А.* Китайский авангард Кремля. С. 134. Личное дело Чэнь Юня см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 157.

[225] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 213.

[226] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 427.

[227] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 466.

[228] См.: *Ажаева В. В.* Эволюция политики КНР в области сельского хозяйства. Научно-аналитический обзор. М., 1983. С. 5; *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 110.

[229] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 224–231.

[230] Там же. С. 221, 222.

[231] Там же. С. 222–223.

[232] См.: Там же. С. 232–234; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 428.

[233] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 497.

[234] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 147.

[235] См.: Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1145.

[236] Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 359.

[237] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 259.

[238] Цит. по: *ßaum Richard.* Burrying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping. Princeton, NJ, 1994. P. 80.

[239] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 493.

[240] Цит. по: Там же. С. 499.

[241] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 150–151.

[242] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 260, 783.

[243] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 152, 161.

[244] Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 387.

[245] Цит. по: *Wei Jingsheng.* The Courage to Stand Alone. P. 255.

[246] См.: *Hemen Ray.* China's Vietnam War. New Delhi, 1983. P. 111.

[247] Chinese Politics. Documents and Analysis. Vol. 3. P. 401–406; Democracy Wall Prisoners: Xu Wenli, Wei Jingsheng and Other Jailed Pioneers of the Chinese Pro-Democracy Movement. New York, 1993. P. 38–42.

[248] См.: *Ху Цзивэй.* Ху Яобан юй Сидань миньчжу цян. С. 27; *Wei Jingsheng.* The Courage to Stand Alone. P. xii; Интервью с бывшим старшим научным сотрудником АОН КНР Линь Ин в г. Колумбусе, Огайо, США. 30 апреля 2012 г.

[249] См.: *Wei Jingsheng.* The Courage to Stand Alone. P. 257; Интервью с Вэй Цзиншэном в г. Вашингтоне. 21 октября 2012 г.

[250] Цит. по: Ibid. P. 258.

[251] См.: Ibid. P. 256.

[252] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 159–161.

[253] *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 383.

[254] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 535. См. также: Дэн Сяопин юй сяньдай Чжунго. С. 145–146.

ЧАСТЬ VI
Социализм с китайской спецификой

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1953. С. 352; *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 324.

[2] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 175–178.

[3] См.: *УСян, Чжан Гуанъю, Хань Фан.* Вань Ли тань шии цзе чжунцюаньхуэй цяньхоудэ нунцунь гайгэ (Вань Ли рассказывает о реформе деревни до и после 3-го пленума 11-го созыва) // *Юй Гуанъюань и др.* Гайбянь Чжунго минъюньдэ 41 тянь — Чжунъян гунцзо хуэйи, шии цзе чжунцюаньхуэй цинь лицзи (41 день, который изменил судьбу Китая — Воспоминания о рабочем совещании ЦК и 3-м пленуме 11 — го созыва). Шэньчжэнь, 1998. С. 282–283; *Чэн Чжунъюань, Ван Юйсян, Ли Чжэнхуа.* 1976–1981 няньдэ Чжунго (Китай в 1976–1981 гг.). Пекин, 1998. С. 358.

[4] *УСян, Чжан Гуанъю, Хань Ган.* Вань Ли тань шии цзе чжунцюаньхуэй цяньхоудэ нунцунь гайгэ. С. 286–287.

[5] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 382; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 425–426.

[6] См.: *Wu Nanlan.* The Xianggang Village Story // http://www.china.org.cn/ china/features/contentl 1778487.htm; *Чэн Чжунъюань, Ван Юйсян, Ли Чжэнхуа.* 1976–1981 няньдэ Чжунго. С. 366; *Hinton William.* A Trip to Fengyang County, 1983 // Monthly Review. 1983. Vol. 35. No. 6. P. 1–28; *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 130–149; *Чжан Дэюань, Хэ Кайинь.* Бяньцянь: Аньхой нунцунь ганьгэ шулунь (Перемены: О реформе в аньхойской деревне). Хэфэй, 2006. С. 12–13.

[7] См.: *Wu Nanlan.* The Xianggang Village Story.

[8] История Китая. С. 708.

[9] См.: *Чэн Чжунъюань, Ван Юйсян, Ли Чжэнхуа.* 1976–1981 няньдэ Чжунго. С. 364–365.

[10] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 439. „ Цит. по: *Чэн Чжунъюань, Ван Юйсян, Ли Чжэнхуа.* 1976–1981 няньдэ Чжунго. С. 359.

[12] Цит. по: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 439.

[13] *УСян, Чжан Гуанъю, Хань Ган.* Вань Ли тань шии цзе чжунцюаньхуэй цяньхоудэ нунцунь гайгэ. С. 287.

[14] Сань чжун цюаньхуэй илай — чжунъян вэньсянь сюаньбянь (Со времени 3-го пленума — Сборник избранных важных документов). Т. 1. Пекин, 1982. С. 172. Полный текст документа в переводе на русский язык с некоторыми разночтениями см. в кн.:

Экономическая реформа в КНР: Преобразования в деревне. 1978–1988. Документы. М., 1993. С. 8—35.

[15] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 427; *Ажаева В. В.* Эволюция политики КНР в области сельского хозяйства. С. 9.

[16] См.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 128.

[17] См.: *Wu Nanlan.* The Xianggang Village Story. №*Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 481.

[15] См.: *Zhao Wei.* The Biography of Zhao Ziyang. Hong Kong, 1989. P. 219–230; *Shambaugh David L.* The Making of a Premier. Boulder, CO, 1984. P. 81, 99.

[20] См.: *Bachman David.* Differing Visions of China's Post-Mao Economy: The Ideas of Chen Yun, Deng Xiaoping, and Zhao Ziyang // Asian Survey. 1986. Vol. XXVI. No. 3. P. 311–321.

[21] Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина). Т. 2. Пекин, 1994. С. 194.

[22] Там же. С. 236.

[23] Подробнее см.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 447–449.

[24] Дэн Сяопин вэньсюань. Т. 2. С. 237, 257.

[25] Психологическая газета: Мы и мир. 2006. № 3. С. 1–3.

[26] Дэн Сяопин вэньсюань. Т. 2. С. 156–157, 198, 235.

[27] См.: Там же. Т. 2. С. 443; *Ван Шэ.* Тэши тэбань: Ху Яобан юй цзинцзи тэцюй (Особые дела делать по-особенному: Ху Яобан и особые экономические районы) //Яньхуан чуньцю (История Китая). 2008. № 4. С. 36; Хуэйи Дэн Сяопин (Вспоминая Дэн Сяопина). Т. 2. Пекин, 1998. С. 383.

[28] Личные впечатления автора от посещения особых районов Чжухай и Шэньчжэнь 2 декабря 1987 г. и 13 февраля 1988 г.

[29] Дэн Сяопин вэньсюань. Т. 2. С. 199.

[30] См., например: Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 236–237.

[31] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 1. С. 574.

[32] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу. С. 654.

[33] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 207.

[34] См.: Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1979. 30 сентября.

[35] *Хуан Чжэн.* Ван Гуанмэй фан тань лу (Записи бесед с Ван Гуанмэй). Пекин, 2006. С. 438.

[36] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 207–208.

[37] Там же. С. 221.

[38] Цит. по: *Chang Chenpang, Hsiang Naikuang, Yin Chingyao.* Mainland Situation Viewed from the Third Session of the Fifth

«National People's Congress». Taipei, 1980. P. 12.

[39] Цит. по: *Хуан Чжэн.* Ван Гуанмэй фан тань лу. С. 441.

[40] Лю Шаоци цзышу. С. 178.

[41] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 2. С. 393.

[42] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 275.

[43] См.: *William Hinton.* A Trip to Fengyang County, 1983. P. 2–3; *Ажае-ва В. В.* Эволюция политики КНР в области сельского хозяйства. С. 34; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 443.

[44] *Борох О. Н.* Концепции экономического развития Китая (1978–1982 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1985. С. 8.

[45] См.: *Su Shaozhi.* A Decade of Crisis at the Institute of Marxism-Leninism-Mao Zedong Thought, 1979-89 // China Quarterly. 1993. No. 134. P. 335–351.

[46] Автобиографию Линь Ин см.: *Син-Лин [Линь Ин].* Черное внутри белого, белое внутри черного. Малоизвестные страницы из истории репрессий китайских революционеров в сталинском ГУЛАГе (20—50-е годы XX века). [Монтеррей], 2010.

[47] См.: *Cohen Stephen F.* Bukharin and the Bolshevik Revoulution: A Political Biography: 1888–1838. New York, 1973; *Коэн С.* Бухарин и большевистская революция: Политическая биография: 1888–1938. Ann Arbor, 1980. В СССР книга Коэна была опубликована только в 1988 году. См.: *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография: 1888–1938. М., 1988.

[48] Интервью с бывшим старшим научным сотрудником АОН КНР Линь Ин в г. Колумбусе, Огайо, США. 27 мая 2012 г.

[49] См.: Гоцзи гунъюнь яньцзю цзыляо. Бухалинь чжуаньцзи (Материалы по изучению международного коммунистического движения. Специальный сборник о Бухарине). Пекин, 1981; Бухалинь вэньсюань (Избранные произведения Бухарина). В 3 т. Пекин, 1981.

[50] См.: *Yin Xuyi, Zheng Yifan.* Bukharin in the People's Republic of China // Bukharin in Retrospect. Armonk, NY, 1994. P. 58.

[51] См.: *Чжэн Ифань.* Югуань Буханьлиньдэ жоганъ вэньти (О некоторых вопросах, связанных с Бухариным) // Шицзе лиши (Мировая история). 1981. № 1.С. 58.

[52] *Tin Xuyi, Zheng Yifan.* Bukharin in the People's Republic of China. P. 59.

[53] Личное дело Сун Ипина см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2807.

[54] Интервью с бывшим старшим научным сотрудником АОН КНР Линь Ин в г. Колумбусе, Огайо, США. 27 мая 2012 г.

[55] *Su Shaozhi.* Democratization and Reform. Nottingham, 1988. P.

36–38.

[56] См.: *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 180.

[57] См., например: *Ленин В. И.* О продовольственном налоге. С. 201–204.

[58] *Коэн С.* Бухарин. С. 173; *Бухарин Н. И.* Ответ на записку В. И. Ленина //Ленинский сборник. Т. IV. М., 1925. С. 384.

[59] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 274. Эта мысль Ленина в оригинале звучит так: «Мелкое *производство рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» *(Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме *//Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981. С. 35).

[60] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 273–274; Дэн Сяопин вэньсюань. Т. 2. С. 441–442; Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981. С. 49–51. См. также выступление Ху Яобана с критикой Хуа на заседании Политбюро 19 ноября 1980 г. в кн.: Ху Яобан няныту цзыляо чанбянь. Т. 1. С. 504–505.

[61] См.: Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1196.

[62] См.: *VogelEzraF.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 372.

[63] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу. С. 654–655.

[64] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 255–274.

[65] См.: Там же. С. 312.

[66] Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. С. 58, 75.

[67] A Great Trial in Chinese History. P. 18–26,102,108–109, 111, 114, 115, 118, 119, 122–125, 127, 128,233.

[68] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 311–312.

[69] Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. С. 51.

[70] См.: Е Цзяньин няньпу (1897–1986). Т. 2. С. 1228.

[71] Цит. по: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 380.

[72] См.: Ibid. P. 378.

[73] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 193.

[74] Личные впечатления автора от посещения Музея Дэн Сяопина в бывшей деревне Пайфан. 24 июня 2010 г.

[75] См.: Юнъюаньдэ Сяопин. С. 3.

[76] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 275–277.

[77] Там же. С 276–277.

[78] Цит. по: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 3. С. 287.

[79] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 796.

[80] См.: *Ван Шэ.* Тэши тэбань. С. 37; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 648; Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 3. С. 287–288.

[81] Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 650; *Ван Шэ.* Тэши тэбань. С. 36–37.

[82] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 799; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 415.

[83] Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 653.

[84] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 280.

[85] См.: Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 237; Дэн Сяопин цзышу. С. 189, 259; *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 77, 85.

[86] См.: Гайгэ данъань (1976–1999) (Архив реформы [1976–1999]). Т. 1. Пекин, 2000. С. 429; Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 195, 259, 360.

[87] *Bachman David.* Differing Visions of China's Post-Mao Economy. P. 321.

[88] См.: Чжунго гунчаньдан синь шици лиши дашицзи (цзэндинбэнь) (1978.12—2008.3) ([Хроника истории КПК в новый период. Доп. изд.] [12. 1978—3.2008]). Пекин, 2009. С. 11, 45; Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1979. 19 июня; *Greenhalgh Susan.* Just One Child: Science and Policy in Deng's China. Berkeley, CA, 2008. P. 298–302; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 435.

[89] XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1982. С. 3–5.

[90] *Ford Gerald R.* A Time to Heal: The Autobigraphy of Gerald R. Ford. New York, 1979. P. 337.

[91] XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). С. 20, 30–33, 37, 40.

[92] Чжунго гунчаньдан ди шиэр цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь. С. 110.

[93] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 12, 14.

[94] См.: XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). С. 161–165.

[95] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. New York, 2009. P. 93, 122.

[96] Чэнь Юнь вэньсюань. 1956–1985. С. 287. См. также: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 3. С. 311–312.

[41] *Борох О. Н.* Развитие китайской экономической науки в период реформ. Ч. 1 // Информационный бюллетень № 10. М., 1997. С. 99—100. См. также статьи М. В. Карпова в журнале «Восток» (2011. № 3, 4).

[98] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 26.

[99] Там же. С. 34–35.

[100] См.: Fifth Session of the Fifth National Congress (Main Documents). Beijing, 1982. P. 12, 20–21; Documents of the First Session of the Fifth National People's Congress of the People's Republic of China. P. 155.

[101] Цит. по: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 569.

[102] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 92, 114.

[103] См.: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 29.

[104] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 116; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 778–779, 801–802.

[105] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 97.

[106] См.: Ibid. P. 179–180; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 799–802; Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 3. С. 322–323.

[107] *Su Shaozhi.* A Decade of Crisis at the Institute of Marxism-Leninism-Mao Zedong Thought, 1979—89. P. 343.

[108] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 54, 57–61.

[109] Там же. С. 57–58.

[110] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 163.

[111] См.: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 901.

[112] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 164.

[113] Ibid. P. 177; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 935.

[114] См.: *Борох О. Н.* Развитие китайской экономической науки в период реформ. Ч. 1. С. 99—101.

[115] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 454–464.

[116] См.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 115; Чжунхуа жэньминь гунхэго цзинцзи ши (История экономики КНР). Т. 2. Пекин, 1999. С. 58.

[117] См.: Экономическая реформа в КНР. С. 81–82, 128–130.

[118] Цит. по: *Vogel Ezra* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 449.

[119] Цит. по: *Ван Шэ.* Тэши тэбань. С. 37.

[120] Цит. по: Там же. С. 38.

[121] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 954.

[122] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 70.

[123] См.: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 901; *Ван Шэ.* Тэши тэбань. С. 38.

[124] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 70–72.

[125] Цит. по: *Ван Шэ.* Тэши тэбань. С. 39.

[126] См.: Шии цзе сань чжунцюаньхуэй илай чжунъяо вэньсянь сюаньду (Хрестоматия важных документов со времени 3-го пленума ЦК 11-го созыва). Т. 2. Пекин, 1987. С. 735–746.

[127] Подробнее см.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 125–126, 130–131, 137.

[128] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 465.

[129] Цит. по: *Zhao Wei.* The Biography of Zhao Ziyang. P. 241–242. См. также: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 121.

[130] *Ленин В. И.* Письмо Г. М. Кржижановскому 19 февраля 1921 г. //*Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 52. М., 1982. С. 76.

[131] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 119–120.

[132] См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго цзинцзи ши. Т. 2. С. 109, 127, 131, 141, 143; *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 122–123, 128, 138, 140; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 444–445.

[133] *Thatcher Margaret.* The Downing Street Years. New York, 1993. P. 260; *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 23.

[134] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 23; *Thatcher Margaret.* The Downing Street Years. P. 262.

[135] Цит. по: *Roberti Mark.* The Fall of Hong Kong: China's Triumph & Britain's Betrayal. New York, 1996. P. 192.

[136] Падение М. Тэтчер сохранилось на Youtube.

[137] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 109.

[138] *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 183; Юнъюаньдэ Сяопин. С. 121; *Yang Benjamin.* Deng. P. 226.

[139] См.: *Liu Binyan.* A Higher Kind of Loyalty. A Memoir by China's Foremost Journalist. New York, 1990. P. 247.

[140]См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 567; „ *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 142–143, 148.

[141] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 161–162.

[142] *Лу Кэн.* Ху Яобан фанвэнь цзи. С. 31–33, 37–42.

[143] Цит. по: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 164–169.

[144] Ibid. P. 165–166.

[145] См.: Ibid. P. 171; *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 573.

[146] См.: Юнъюаньдэ Сяопин. С. 158.

[147] См.: *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). М, 1997. С. 41.

[148] См.: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1044.

[149] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 187.

[150] Интервью с бывшим старшим научным сотрудником АОН КНР Линь Ин в г. Колумбусе, Огайо, США. 24 апреля 2012 г.

[151] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 569–570, 572.

[152] См.: *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 226.

[153] См.: *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 66.

[154] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 204.

[155] См.: Wild Lily, Prairie Fire: China's Road to Democracy: From Yan'an to Tian'anmen, 1942–1989. Princeton, NJ, 1995. P. 307–332; *Goldman Merle.* Sowing the Seeds of Democracy in China: Political Reform in the Deng Xiaoping Era. Cambridge, MA, 1994. P. 191–203.

[156] Цит. по: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 166, 168–169; *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 162–163.

[157] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 423.

[158] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 166.

[159] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 232, 233. Текст «Постановления» см. в кн.: Шии цзе сань чжунцюаньхуэй илай чжунъяо вэньсянь сюаньду. Т. 2. С. 1152–1169.

[160] Цит. по: *Ruan Ming.* Deng Xiaoping. P. 163.

[161] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 170.

[162] См.: *Goldman Merle.* Sowing the Seeds of Democracy in China. P. 200–201.

[163] См.: *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 29.

[164] См.: *Feison Seth.* Condolence Calls Put Rare Light on Deng's Family// New York Times. February 22, 1997; China's Former «First Family»: Deng Children Enjoy Priviledge, Jealous Attention // http://www.cnn.com/SPECIALS/1999/china.50/inside.china/profiles/deng.xiaoping/children/

[165] См.: *Лу Кэн.* Ху Яобан фанвэнь цзи. С. 35.

[166] См., например: *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 194–197.

[167] *Fang Lizhi.* Bringing Down the Great Wall. Writings on Science, Culture, and Democracy in China. New York, 1990. P. 158, 160.

[168] Цит. по: *Goldman Merle.* Sowing the Seeds of Democracy in China. P. 200; *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 80.

[169] См.: *Kuhn Robert Lawrence.* The Man Who Changed China. The Life and Legacy of Jiang Zemin. New York, 2004. P. 126–134; *Goldman Merle.* Sowing the Seeds of Democracy in China. P. 201–202;

Карпов М. В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 81–83.

[170] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 247–251.

[171] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 172.

[172] См.: Чжунго гунчаньдан синь шици лиши дашицзи (цзэндинбэнь) (1978.12-2008.3). С. 158.

[173] Цит. по: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 173; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1184.

[174] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 172–173; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1182.

[175] *Thatcher Margaret.* The Downing Street Years. P. 493.

[176] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 164, 174–175; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1182–1186.

[177] См.: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1186.

[178] См.: Там же. С. 1187.

[179] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 176.

[180] Ibid. P. 190.

[181] См.: Ibid. P. 194.

[182] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 288.

[183] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 188, 199.

[184] Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года). Пекин, 1988. С. 34.

[185] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 122–123.

[186] Цит. по: Ibid. P. 201.

[187] Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года). С. 7.

[188] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 46–47, 210.

[189] Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года). С. 9—18.

[190] См.: Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. С. 78; XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). С. 40; Шии цзе сань чжунцюаньхуэй илай чжунъяо вэньсянь сюаньду. Т. 2. С. 57.

[191] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 204–206.

[192] Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года). С. 18–44.

[193] См.: *Baum Richard.* Zhao Ziyang and China's «Soft Authoritarain» Alternative // Zhao Ziyang and China's Political Future. London, 2012. P. 111–112; Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 220.

[194] Cm.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 211.

[195] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 470; *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 105.

[196] См.: Чжунго гунчаньдан синь шици лиши дашицзи (цзэндинбэнь) (1978.12-2008.3). С. 182–183.

[197] См.: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 470; *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 106.

[198] Личные впечатления автора от пребывания в Китае в сентябре 1987 г. — июне 1988 г.

[199] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1086.

[200] Правда. 1986. 29 июля.

[201] См.: Дэ«*Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 215–218.

[202] В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 152.

[203] Там же. С. 216.

[204] См.: *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. М., 1988.

[205] Подробнее о процессе нормализации см.: *Huang Hua.* Memoirs. P. 493–518; *Qian Qichen.* Ten Episodes in China's Diplomacy. New York, 2005. P. 1—28; *Федотов В. П.* Полвека вместе с Китаем: Воспоминания, записи, размышления. М., 2005. С. 482–613; *Wishnik Elizabeth.* Mending Fences. P. 98–103, 107–115.

[206] The Tiananmen Papers. New York, 2002. P. 20–21; *Lo Ping.* The Last Eight Days of Hu Yaobang // Beijing Spring, 1989. Confrontation and Conflict. The Basic Documents. Armonk, NY, 1990. P. 195–203; *Pang Pang.* The Death of Hu Yaobang. Honolulu, HI, 1989. P. 9—49; Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1216–1217.

[207] Цит. по: *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 168.

[208] The Tiananmen Papers. P. 34.

[209] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 4; The Tiananmen Papers. P. 29–31; Beijing Spring. New York, 1989. P. 29–31,38—44.

[210] Цит. по: Ху Яобан няньпу цзыляо чанбянь. Т. 2. С. 1220.

[211] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang.

P. 5–6, 8–9, 50, 63–64.

[212] The Tiananmen Papers. P. 53–54, 57–60; Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 9—10; Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1272.

[213] Цит. по: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1272–1274; Beijing Spring, 1989. P. 203–206.

[214] The Tiananmen Papers. P. 74; Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 11.

[215] См.: Beijing Spring, 1989. P. 206–208.

[216] Цит. по: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 13.

[217] См.: Ibid. P. 16; *Zhao Ziyang.* Make Further Efforts to Carry Forward the May 4lh Spirit in the New Age of Construction and Reform // Beijing Spring, 1989. P. 249.

[218] См.: *Zhao Ziyang.* Make Further Efforts to Carry Forward the May *Aл* Spirit in the New Age of Construction and Reform. P. 248.

[219] The Tiananmen Papers. P. 115.

[220] Ibid. P. 141, 143.

[221] Ibid. P. 147–151.

[222] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P 235, 241–242.

[223] См.: Ibid. P. 19, 22.

[224] The Tiananmen Papers. P. 154. См. также: *Cunningham Philip J.* Tiananmen Moon: Inside the Chinese Student Uprising of 1989. Lanham, MD, 2009. P. 59–85.

[225] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 18, 27.

[226] *Gorbachev Michael.* Memoirs. New York, 1996. P. 488—*Ш; Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 366–371; *Qian Qichen.* Ten Episodes in China's Diplomacy. P. 29–30; *Федотов В. П.* Полвека вместе с Китаем. С. 616–618.

[227] См.: *Gorbachev Michael.* Memoirs. P. 490; Beijing Spring, 1989. P. 261.

[228] Подробнее см.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 45–49.

[229] The Tiananmen Papers. P. 177–181; Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 26–27.

[230] The Tiananmen Papers. P. 188–189. См. также: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. *P.* 27–29.

[231] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 29, 68–69.

[232] См.: *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 182; The Tiananmen Papers. P. 193–194.

[233] Beijing Spring, 1989. P. 288–290.

[234] The Tiananmen Papers. P. 217–219.

[235] См.: Beijing Spring, 1989. P. 309–316; *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 148.

[236] The Tiananmen Papers. P. 238–239.

[237] Ibid. P. 309.

[238] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 378.

[239] См.: *Карпов М. В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). С. 148.

[240] См.: The Tiananmen Papers. P. 377–385, 421–422, 436–437. См. также: *Firestein, David J.* Beijing Spring 1989. An Outsider's Inside Account. Austin, TX, 1990. P. 147–156.

[241] Интервью с одним из китайских граждан. 4 и 5 июня 1989 г.

[242] См.: Major Documents of the People's Republic of China: Selected Important Documents Since the Third Plenary Session of the Eleventh Contrai Committee of the Communist Party of China (December 1978 — November 1989). Beijing, 1991. P. 828–831; The Tiananmen Papers. P. 392–396, 398–416.

[243] См.: The Tiananmen Papers. P. 420–424.

[244] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 231–236.

[245] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 379–387.

[246] Там же. С. 390, 392. См. также: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1281–1282.

[247] Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 41.

[248] Ibid. P. 42; The Tiananmen Papers. P. 438–441.

[249] Текст вердикта см.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 63–70.

[250] Major Documents of the People's Republic of China. P. 840–843.

[251] См.: The Tiananmen Papers. P. 432–436.

[252] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1286. ™*Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 400.

[254] См.: Там же. С. 405–406.

[255] Major Documents of the People's Republic of China. P. 878.

[256] Цит. по: Юнъюаньдэ Сяопин. С. 15, 17.

[257] Там же. С. 39.

[258] См.: Там же. С. 146, 177; *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 153–155.

[259] См.: *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 407; *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 152.

[260] См.: *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 198; Юнъюаньдэ Сяопин. С. 12, 15, 159.

[261] Цит. по: *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 185.

[262] См.: Юнъюаньдэ Сяопин. С. 13, 18, 179.

[263] См.: Там же. С. 153; *У Шихун.* Дэн Сяопин юй Чжо Линь. С. 148–151.

[264] Там же. С. 417–418.

[265] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 441; *Bush George, Scowcrofl Brent.* A World Transformed. New York, 1998. P. 176.

[266] Дэн *Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 457.

[267] См.: Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang. P. 109–110. [ш]*Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 461–462.

[269] Там же. С. 463.

[270] См.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 161, 177–178, 187–189.

[271] О реакции в мире на события на площади Тяньаньмэнь см., например: The Tiananmen Papers. P. 416–418; *Gorbachev Michael.* Memoirs. P. 492–493; *Bush George, Scowcrofl Brent.* A World Transformed. P. 86–89, 97–99, 101, 106–111, 115, 128, 174.

[272] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 466–482.

[273] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1341, 1345–1346.

[274] Цит. по: Там же. С. 1355.

[275] См.: *Цзян Цзэминь.* Избранное. Т. 1. Пекин, 2010. С. 247, 252–275.

[276] См.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 206, 230.

[277] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1367–1371.

[278] См.: Юнъюаньдэ Сяопин. С. 159; Цзоуцзинь Дэн Сяопин (Рядом с Дэн Сяопином). Пекин, 2004. С. 197.

[279] См., например: Дэн *Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 399.

[280] См.: Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997. Т. 2. С. 1374–1375.

[281] Чжо Линь переживет Дэн Сяопина на 12 с половиной лет — почти на столько же, на сколько была его младше. Она скончается 27 июля 2009 года после продолжительной болезни.

Эпилог

[1] Цит. по: *Vogel Ezra F.* Deng Xiaoping and the Transformation of China. P. 423.

[2] См.: *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики. С. 288.

[3] См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 2. М., 1995. С. 334; *Naughton Barry.* Growing out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978–1993. Cambridge, UK, 1995. P. 261; 40 лет КНР. М., 1989. С. 531–532.

[4] *Цзян Цзэминь.* Избранное. Т. 1. С. 727.

[5] Дэн *Сяопин.* Избранное. Т. 3. С. 222; Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982). С. 312.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Избранные работы Дэн Сяопина

На русском языке

Дэн Сяопин. Великое сплочение китайского народа и великое сплочение народов мира// Правда. 1959. 1 октября.

Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988.

Дэн Сяопин. Избранное. В 3 т. Пекин, 1997.

Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997.

Личное дело Дэн Сисяня // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 2574.

Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629.

На китайском языке

[Дэн Сяопин]. Баогао (Доклад) [январь 1930 года] // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди (Революционные опорные базы в районах Цзоцзяна и Юцзяна). Т. 1. Пекин, 1989. С. 75–175.

[Дэн Сяопин]. Бучун баогао (Дополнительный доклад) // Цзо ю цзян гэмин гэньцзюйди (Революционные опорные базы в районах Цзоцзяна и Юцзяна). Т. 1. Пекин, 1989. С. 176–180.

Дэн Сяопин. Водэ цзышу. (Чжайлу) (Мои автобиографические записки. [Выдержки] [20 июня — 5 июля 1968 года] // http:// blog.smthome.net/article-htm-tid-993.html

Дэн Сяопин вэньсюань (1938–1965) (Избранные произведения Дэн Сяопина. 1938–1965). Пекин, 1994.

Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982) (Избранные произведения Дэн Сяопина [1975–1982]). Пекин, 1983.

Дэн Сяопин вэньсюань (1982–1992) (Избранные произведения Дэн Сяопина [1982–1992]). Пекин, 1983.

Дэн Сяопин вэньсюань. В 3 т. (Избранные произведения Дэн Сяопина). Пекин, 1994.

Дэн Сяопин Синань гунцзо вэньцзи (Сочинения Дэн Сяопина о работе на Юго-Западе). Пекин, 2006.

Дэн Сяопин гэй Мао чжусидэ синь (1972 нянь 8 юэ 3 жи) (Письмо Дэн Сяопина Председателю Мао. 3 августа 1972 года) // http://www.sino-vision.net/blog/index/php?
act = details&id = 12850&bcode = xinwu

Дэн Сяопин цзышу (Автобиографические заметки Дэн Сяопина). Пекин, 2004.

Дэн Сяопин. Цзяныпэ ю Чжунго тэсэдэ шэхуэйчжуи (цзэндинбэнь) (Строить социализм с китайской спецификой [Дополненное издание]). Пекин, 1987.

Дэн Сяопин шоуцзи сюань (Избранные рукописи Дэн Сяопина). В 4 т. Пекин, 2004.

На английском языке

Deng Xiaoping. Report on the Gao Gang, Rao Shushi Anti — Panty Alliance (March21, 1955)// *Teiwes Frederick C* Politics at Mao'sCourt: Gao Gang and Factionalism. Armonk, N.Y., 1990. P. 254–276.

Deng Xiaoping. Report on the Rectification Campaign // Communist China 1955–1959. Policy Documents with Analysis. Cambridge, Mass., 1962. P. 341–363.

Deng Xiaoping's Talks with the Soviet Ambassador and Leadership. 1957–1963 // Cold War International History Project Bulletin. March 1998. № 10. P. 165–182.

Speech by Chairman of Delelegation of the People's Republic of China, Teng Hsiaoping, at the Special Session of the U.N. General Assembly. Peking, 1974.

Избранные работы о Дэн Сяопине

На русском языке

Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995.

Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001.

Панцов А. В., Спичак Д. А. Дэн Сяопин в Москве (1926–1927): Идейное становление китайского реформатора // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 151–160.

Усов В. Н. Дэн Сяопин и его время. М., 2009.

На китайском языке

Вэйдадэ шицзянь, гуанхуэйдэ сысян — Дэн Сяопин гэмин ходун дашицзи (Великая практика, славная идеология — Хроника основных событий революционной деятельности Дэн Сяопина). Пекин, 1990.

Дэн Сяопин. 1904–1997. Чэнду, 2009.

Дэн Сяопин да цыдянь (Большой словарь Дэн Сяопина). Наньнин, 1998.

Дэн Сяопин и цзядэ гуши (Рассказы семьи Дэн Сяопина) // Синьлан (Новая волна). 2006. 7 сентября.

Дэн Сяопин няньпу. 1904–1974 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1904–1974). В 3 т. Пекин, 2010.

Дэн Сяопин няньпу. 1975–1997 (Хронологическая биография Дэн Сяопина. 1975–1997). В 2 т. Пекин, 2004.

Дэн Сяопин сысян няньпу (Хронология идей Дэн Сяопина). Пекин, 1998.

Дэн Сяопин тушу цыдянь (Словарь трудов о Дэн Сяопине). Пекин, 2004.

Дэн Сяопин хуачжуань (Иллюстрированная биография Дэн Сяопина). В 2 т. Чэнду, 2004.

Дэн Сяопин цзай Цзянсидэ жицзы (Дни, проведенные Дэн Сяопином в Цзянси). Пекин, 1997.

Дэн Сяопин цзаоци гэмин ходун (Ранняя революционная деятельность Дэн Сяопина). Шэньян, 1992.

Дэн Сяопин цыдянь (Словарь Дэн Сяопина). Пекин, 1999.

Дэн Сяопин цыдянь (Словарь Дэн Сяопина). Чэнду, 1999.

Дэн Сяопин юй сяньдай Чжунго (Дэн Сяопин и современный Китай). Пекин, 1997.

Ли Фанцин и др. Дэн Сяопин да цзюецэ (Главные стратегические планы Дэн Сяопина). Чанша, 2010.

Ли Юань. Мао Цзэдун юй Дэн Сяопин (Мао Цзэдун и Дэн Сяопин). Пекин, 2008.

Лэн Буцзи. Дэн Сяопин цзай Ганьнань (Дэн Сяопин на юге Цзянси). Пекин, 1995.

Маомао. Водэ фуцинь Дэн Сяопин (Мой отец Дэн Сяопин). Т. 1. Пекин, 1997.

Маомао. Водэ фуцинь Дэн Сяопин. «Вэньгэ» суйюэ (Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний). Пекин, 2000.

Сун Юйси, Мо Цяолинь. Дэн Сяопин юй канжи чжаньчжэн (Дэн Сяопин и антияпонская война). Пекин, 2005.

УШихун. Дэн Сяопин юй Чжо Линь (Дэн Сяопин и Чжо Линь). Пекин, 2006.

Фэн Ду. Суцюй «цзингуань» Дэн Сяопин (Дэн Сяопин — «глава столицы» Советского района) // http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64172/64915/4670788.html

Фэнбэй — Дэн Сяопин гуцзюй чэньлегуань (Памятник — Музей на месте рождения Дэн Сяопина). Чэнду, 2005.

Хуан Цзиныгин, Чжан Ли. Дэн Сяопин цзай Шанхай (Дэн Сяопин в Шанхае). Шанхай, 2004.

Хуашо Дэн Сяопин (Рассказы о Дэн Сяопине). Пекин, 2004.

Хуэйи Дэн Сяопин (Вспоминая Дэн Сяопина). В 3 т. Пекин, 1998.

Хуэйи цзюньшицзя Дэн Сяопин (Вспоминая военного деятеля

Дэн Сяопина). Пекин, 2004.

Цзинь Сяомин и др. «Дэн цзя лао юаньцзы» дэ лао гуши (Старые истории «Старого подворья семейства Дэнов») // Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 2004. 22 августа.

Цзоуцзинь Дэн Сяопин (Рядом с Дэн Сяопином). Пекин, 2004.

Нин У, Фан Лэй. Дэн Сяопин цзай 1976 (Дэн Сяопин в 1976 г.). В 2 т. Шэньян, 1993.

Юй Гуанжэнь. Дэн Сяопиндэ цюши юй фаньсы цзиншэнь (Дух Дэн Сяопина «Искать истину и отражать ее») // Яньхуан чуньцю (История Китая). 2002. № 4. С. 10.

Юй Гуанъюань. Во и Дэн Сяопин (Я вспоминаю Дэн Сяопина). Гонконг, 2005.

Юнъюаньдэ Сяопин. Чжо Линь дэнжэнь фантаньлу (Незабываемый Сяопин. Интервью с Чжо Линь и другими). Чэнду, 2004.

На английском языке

Bachman, David. Differing Visions of China's Post-Mao Economy: The Ideas of Chen Yun, Deng Xiaoping, and Zhao Ziyang // Asian Survey. 1986. Vol. XXVI. No. 3. P. 311–321.

Baum, Richard. Burrying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping. Princeton, NJ, 1994.

Evans, Richard. Deng Xiaoping and the Making of Modern Chins. Revised ed. London, 1997.

Goodman, David S. G Deng Xiaoping and the Chinese Revolution. A Political Biography. London, 1994.

Uli, Franz. Deng Xiaoping. Boston, etc., 1988.

Vogel, Ezra F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Cambridge, Mass., 2011.

Wang, Nora. Deng Xiaoping: The Years in France // China Quarterly. 1982. No. 92. P. 701–705.

Yang, Benjamin. Deng. A Political Biography. Armonk, NY and London, 1998.

Иллюстрации

Отец Дэн Сяопина Дэн Вэньмин.

Мать Дэн Сяопина, урожденная Дань.

Дом в деревне Яопин (Пайфан), где родился Дэн Сяопин.

Комната, в которой родился Дэн Сяопин.

Начальная школа «Бэйшань» волости Ванси, в которой учился Дэн Сяопин. Дэн сидел за второй партой справа.

Первая фотография Дэн Сяопина. *Баиё, 3 марта 1921 г.*

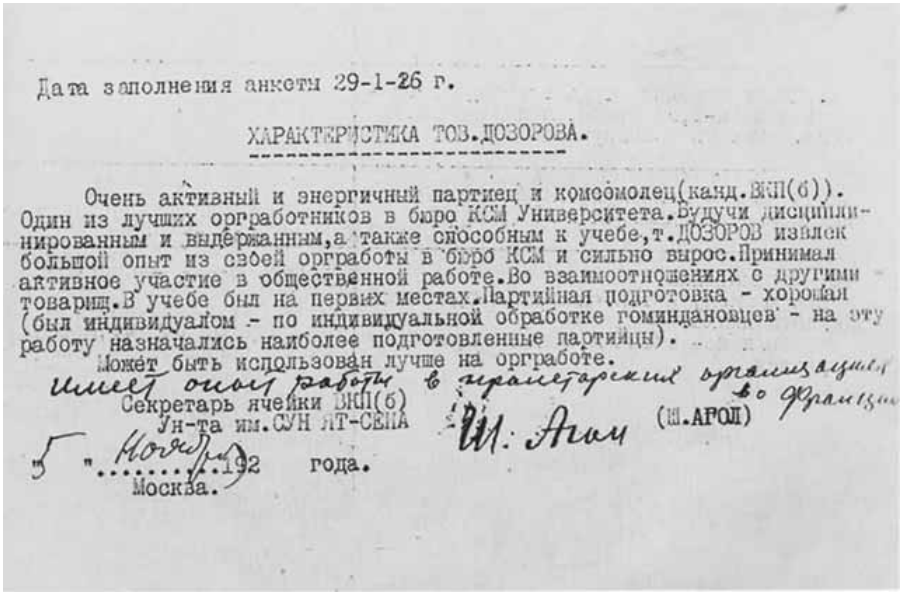

Дэн Сяопин *(третий справа в последнем ряду)* среди делегатов V съезда Европейского отделения китайского комсомола. *В первом ряду первый слева* — Не Жунчжэнь, *четвертый слева* — Чжоу Эньлай, *шестой слева* — Ли Фучунь. *Париж, 1 июля 1924 г.*

Здание Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в

Москве, где Дэн Сяопин учился в 1926–1927 годах.

Дата заполнения анкеты 29-1-26 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТОВ.ДОЗОРОВА.

Очень активный и энергичный партиец и комсомолец(канд.ВКП(б)). Один из лучших оргработников в бюро КСМ Университета.Будучи дисциплинированным и выдержанным,а также способным к учебе,т.ДОЗОРОВ извлек большой опыт из своей оргработы в бюро КСМ и сильно вырос.Принимал активное участие в общественной работе.Во взаимоотношениях с другими товарищ.В учебе был на первых местах.Партийная подготовка - хорошая (был индивидуалом - по индивидуальной обработке гоминдановцев - на эту работу назначались наиболее подготовленные партийцы).

Может быть использован лучше на оргработе.

Имеет опыт работы в нелегальных организациях во Франции

Секретарь ячейки ВКП(б)
Ун-та им.СУН ЯТ-СЕНА (Ш.АРОЛ)

5 "Ноября" 192 года.
Москва.

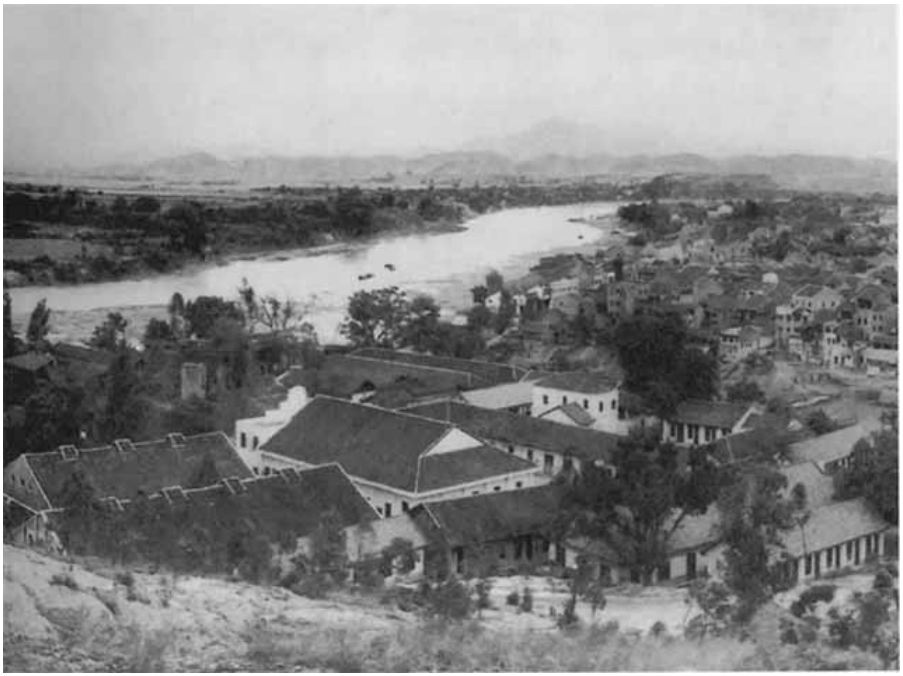
Характеристика Дэн Сяопина, данная секретарем ячейки ВКП(б) УТК Ш. Аголом 5 ноября 1926 года.

Дэн Сяопин в Гуанси. *Конец 1920-х гг.*

Командир 7-го корпуса Красной армии Чжан Юньи.

Город Босэ в провинции Гуанси, где Дэн Сяопин организовал Советский район.

Чжан Сиюань, первая жена Дэн Сяопина.

Цзинь Вэйин, вторая жена Дэн Сяопина.

Дэн Сяопин и его третья жена Чжо Линь.

Дэн Сяопин и ЧжоЛинь с детьми в Пекине. *Слева направо*: Дэн Нань, Дэн Линь, Чжо Линь, Дэн Жун, Дэн Сяопин, Дэн Пуфан, Дэн Чжифан. *Середина 1950-х гг.*

Дэн Сяопин и Чжо Линь с детьми в Пекине. *Слева направо:* Чжо Линь, Дэн Жун, Дэн Пуфан, Дэн Сяопин, Дэн Чжифан, Дэн Нань, Дэн Линь. *Начало 1960-х гг.*

В штаб-квартире 18-й армейской группы. *Слева направо:* Пэн Дэхуай, Чжу Дэ, Пэн Сюэфэн, Сяо Кэ, Дэн Сяопин. *Деревня Маму провинции Шаньси, начало 1938 г.*

Члены Генерального фронтового комитета во время Хуайхайской операции НОАК. *Слева направо:* Су Юй, Дэн Сяопин, Лю Бочэн, Чэнь И, Тань Чжэньлинь. *Ноябрь или декабрь 1948 г.*

Бойцы Народно-освободительной армии Китая штурмуют Нанкин. *23 апреля 1949 г.*

Дэн Сяопин *(второй слева во втором ряду)* на трибуне Тяньаньмэнь во время торжеств по случаю провозглашения Китайской Народной Республики. *Слева от него* — Лю Бочэн, *третий слева в первом* ряду — Чэнь И, *справа от него* — Хэ Лун. *Пекин, 1 октября 1949 г.*

Дэн Сяопин — 1-й секретарь Юго-Западного бюро ЦК КПК. *Начало 1950-х гг.*

Заместитель премьера Государственного административного совета КНР Дэн Сяопин *(первый слева)* с ХэЛуном *(второй слева)* и Чжу Дэ. *Пекин, август 1952 г.*

Дэн Сяопин делает доклад о «деле Гао Гана-Жао Шуши» на Всекитайской конференции КПК. Сзади справа— Мао Цзэдун. *Пекин, 21 марта 1955 г.*

Президиум 2-й сессии VIII Всекитайского съезда КПК. *В первом ряду слева направо:* Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай. *Пекин, май 1958 г.*

Дэн Сяопин с Мао Цзэдуном на собрании китайских студентов в МГУ. *Москва, 17 ноября 1957 г.*

Мао Цзэдун и Дэн Сяопин *(второй справа)* на переговорах с делегацией КПСС. *Первая справа* — Сун Цинлин. *Первый слева* — Н. А. Булганин. *Второй слева* — переводчик Н. Т. Федоренко. *Третий слева* — посол СССР в КНР П. Ф. Юдин. *Москва, ноябрь 1957 г.*

На приеме в Кремле по случаю 43-й годовщины Октябрьской революции. *Справа налево:* Пэн Чжэнь, заведующий отделом единого фронта ЦК КПК Ляо Чэнчжи, Дэн Сяопин, председатель ЦК китайских профсоюзов Лю Нинъи, Н. С. Хрущев, Ян Шанкунь,

Лю Шаоци, посол КНР в СССР Лю Сяо. *Москва, Кремль, 6 ноября 1960 г.*

Президиум 9-го пленума ЦК КПК восьмого созыва. *Слева направо:* Чэнь Юнь, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Дэн Сяопин. *Пекин, январь 1961 г.*

Дэн Сяопин инспектирует металлургический завод в период «большого скачка». *Ухань, декабрь 1958 г.*

Встреча Дэн Сяопина в Пекинском аэропорту после последних переговоров в Москве. *В первом ряду слева направо*: Чжу Дэ, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Мао Цзэдун, Пэн Чжэнь, заместитель председателя НПКСК. Чэнь Шутун, Чжоу Эньлай. Первый во втором ряду — Чэнь И. *21 шюля 1963 г.*

Дэн Сяопин — Генеральный секретарь ЦК КПК. *Пекин, 1956 г.*

Дэн Сяопин — Председатель Военного совета ЦК КПК. *Пекин, сентябрь 1981 г.*

Чжоу Эньлай, Мао Цзэдун и Линь Бяо приветствуют демонстрацию хунвэйбинов. *Пекин, 1966 г.*

Молодые хунвэйбины на марше.

«Особняк генерала» в уезде Синьцзянь провинции Цзянси, где Дэн находился в ссылке с конца 1969-го по начало 1973 года.

В ссылке. Дэн Сяопин с родными. *Слева направо:* сестра Дэна, Дэн Сяньцюнь, с сыном Диндином, Чжан Чжунжэнь, Ся Богэнь, Дэн Жун, Дэн Сяопин с внучкой Мяньмянь, Дэн Нань, Чжо Линь, Дэн Линь.

После возвращения из ссылки. Дэн Сяопин с Мао Цзэдуном. *Чанша, 12 ноября 1974 г.*

Дэн Сяопин на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН. *Нью-Йорк, 10 апреля 1974 г.*

Дэн Сяопин навещает Чжоу Эньлая в больнице. *Пекин, 19апреля 1975 г.*

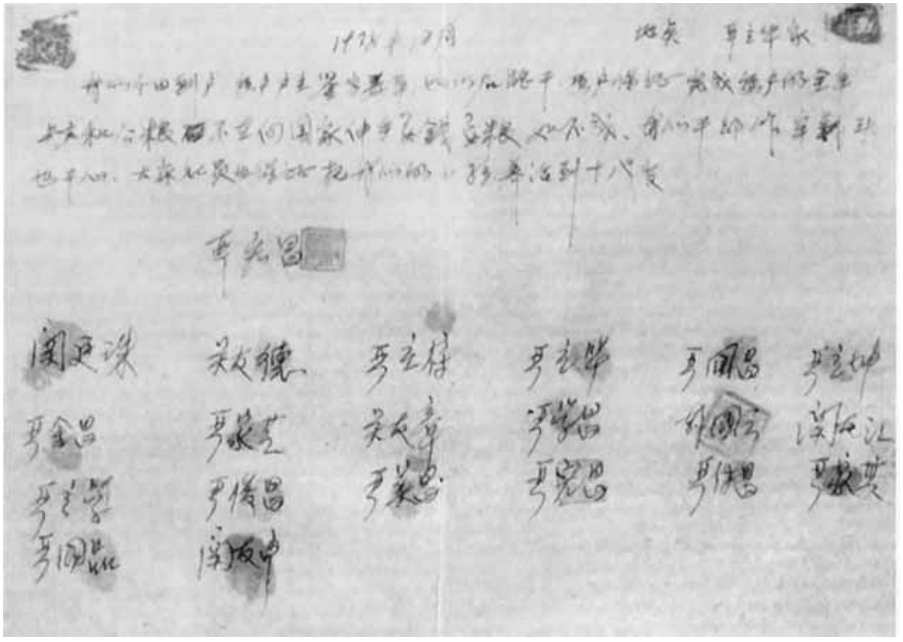
«Долой антипартийную группу четырех!» Демонстрация в Пекине. *Осень 1976 г.*

Хуа Гофэн и Е Цзяньин.

Чэнь Юнь и Дэн Сяопин на 3-м пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва. *Пекин, декабрь 1978 г.*

Договор о разделе земли, подписанный 21 крестьянином деревни Сяоган провинции Аньхой. *Декабрь 1978 г.*

Дэн Сяопин с 1-м секретарем Аньхойского провинциального комитета КПК ВаньЛи в горах Хуаншань. *Июль 1979 г.*

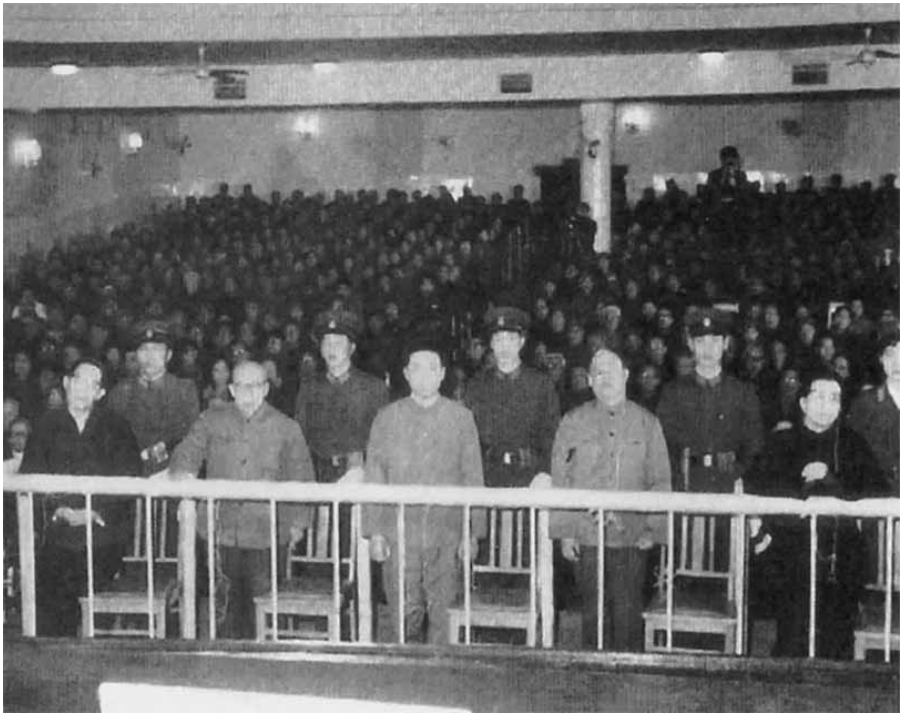
Дэн Сяопин с Дж. Картером. *Вашингтон, январь 1979 г.*

На вершине Хуаншань. *Июль 1979 г.*

Ветераны и новые руководители партии во время XII Всекитайского съезда КПК. *Слева направо:* Ху Яобан, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Чжао Цзыян, Дэн Инчао, Пэн Чжэнь. *Пекин, сентябрь 1982 г.*

На скамье подсудимых. *Справа налево:* Цзян Цин, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь, Чэнь Бода, Чжан Чуньцяо, *Пекин, 21*

января 1981 г.

Дэн Сяопин в Шэньчжэне. *Январь 1984 г.*

Члены Постоянного комитета Политбюро, избранного 1-м пленумом ПК КПК тринадцатого созыва. Справа налево: Ху Цили, Ли Пэн, Чжао Цзыян, Цяо Ши. Яо Илинь. *Пекин, ноябрь 1987 г.*

Дэн Сяопин с Маргарет Тэтчер. *Пекин, 24 сентября 1982 г.*

Дэн Сяопин с М. С. Горбачевым. *Пекин, 16 мая 1989 г.*

Демонстрация студентов на площади Тяньаньмэнь. *Пекин, май 1989 г.*

«Мы пришли слишком поздно, простите, простите». Чжао Цзыян со студентами на площади Тяньаньмэнь. *Пекин, 19 мая 1989 г.*

После подавления студенческих волнений. Дэн Сяопин с Цзян Цзэминем *(первый слева)*. Ли Пэном *(второй слева)* и Цяо Ши

(третий слева). Пекин, ноябрь 1989 г.

Инспекционная поездка Дэн Сяопина по югу Китая. Четвертая слева в первом ряду — Чжо Линь. *Шэньчжэнь, январь 1992 г.*

«С днем рождения!» Дэн Сяопин с детьми и внуками празднует свое восьмидесятилетие. *Пекин, 22 августа 1984 г.*

Прощание Патриарха. Дэн Сяопин на встрече с делегатами XIV съезда КПК. *Пекин, 19 октября 1992 г.*

Родственники Дэн Сяопина у его гроба.

Чжо Линь с детьми и будущим руководителем КНР Ху Цзиньтао развеивают прах Дэн Сяопина над Желтым морем. *2 марта 1997 г.*

notes

Примечания

1

Примечания, обозначенные цифрами, см. в конце книги.

2

Дичжу — буквально: хозяин земли; в русскоязычной литературе обычно переводится как помещик, что на самом деле неверно, так как сословно оформленного слоя помещиков в Китае никогда не существовало. Под категорию *дичжу* обычно попадали зажиточные землевладельцы, отличавшиеся от обычных крестьян (*нун* или *нунминь*) только уровнем материального достатка. Среди крестьян выделяли *пиннун* (бедняков), *чжуннун* (середняков) и *фунун* (богачей).

3

Ее муж Дэн Кэда (он же Дэн Кэюань), дед Дэн Сяопина, умер довольно молодым, в пятьдесят с небольшим лет.

4

По ее девичьей фамилии: в Китае женщина при замужестве не берет фамилию мужа.

5

Ли — китайская мера длины, равная 0,576 километра.

Здесь и далее переводы стихотворений с китайского принадлежат автору книги.

7

Цзинкан — эра правления сунского императора Циньцзуна, длившаяся один год (январь 1126-го — январь 1127-го), трагически завершилась пленением императора и всей его семьи захватчиками-чжурчжэнями, покорившими сунскую столицу Кайфэн.

8

Проход в горах Хэлань на северо-западе Китая.

9

Хулу и *сюнну* — названия одного и того же кочевого народа, населявшего степные земли к северу и северо-западу от Древнего Китая (на Западе известны как гунны). В данном случае — обобщенное название врагов китайского народа.

10

Цун — древнее племя, обитавшее в этих местах в середине I тысячелетия до н. э.

11

Этот товарищ — тезка Генерального секретаря ЦК КПК и Президента КНР Цзян Цзэминя, возглавлявшего Компартию Китая в 1989–2002 годах и Китайскую Народную Республику в 1993–2003 годах.

12

Сеттльмент и *концессия* — иностранные поселения, созданные по условиям неравноправных международных договоров.

13

Всего во Францию из Китая в 1919–1920 годах прибыло 20 студенческих групп (в целом 1449 человек); первая группа — 17 марта 1919 года, последняя — 15 декабря 1920-го.

14

«Отечеством свободы» Францию называл в своих стихах будущий премьер КНР Чжоу Эньлай.

15

Позже, в старости, Дэн будет говорить дочери, что вступил в ССМК летом 1922 года. Но это не соответствует действительности: в 1926 году в Москве в различных анкетах и автобиографии он неоднократно указывал, что стал комсомольцем в июне 1923-го.

16

Ли Чанъин (он же Ли Дачжан, 1900–1976), как и Дэн, был уроженцем Сычуани. Вскоре после прихода коммунистов к власти в Китае, в 1949 году, он станет одним из партийных руководителей этой провинции.

17

Утверждения дочери Дэн Сяопина, будто он стал членом компартии в 1924 году, явно надуманны; они основаны на предположении, что избрание ее отца членом Исполкома Европейского отделения ССМК автоматически означало его прием в партию.

18

Ян Пиньсунь приедет в Москву на учебу только осенью 1926 года; к тому времени, в июле 1926-го, он станет членом Компартии Китая.

19

Из трехсот членов Европейских отделений Компартии и Комсомола Китая в то время в Москве учились более двухсот.

20

«Мудрый должен говорить тихо — следует бояться расплескать чашу мудрости», — говорят в Китае.

21

До того город был известен под названиями Фэнхао, Чанъань, Дасин и др.

22

«Три народных принципа» Сунь Ятсена (национализм, народовластие и народное благосостояние), составлявшие программу Гоминьдана, были направлены на создание в Китае в перспективе демократического государства, основанного на сотрудничестве всех классов.

23

«Долина счастья» — американский эвфемизм слова «кладбище».

Этих людей китайские коммунисты соотносили с русскими «кулаками», что по сути неверно: ведь «кулак» в России представлял собой сельскую буржуазию, которой в докапиталистической китайской деревне не было.

Отвергая эти обвинения, ЦК Коммунистической партии Китая направил жалобу в Президиум Исполкома Коминтерна, в которой заявил, что критика Дальбюро «является целиком самой необоснованной клеветой».

26

Останки Чжан Сиюань под ее собственным именем перезахоронят только в 1969 году на кладбище революционных героев в Шанхае.

27

Ли Минжуй будет реабилитирован только в 1945 году.

28

Китайская Советская Республика (КСР) была провозглашена I съездом Советов, проходившим в Жуйцзине с 7 по 20 ноября 1931 года.

29

Четвертый карательный поход начался в конце февраля 1933 года и закончился через месяц новым поражением войск Гоминьдана.

30

Во время «культурной революции» хунвэйбины высказывали мысль, будто Ацзинь сошла с ума на почве навязчивой идеи: ей казалось, что в Москву ее сослал Ли Вэйхань, по каким-то причинам решивший от «нее отделаться».

31

Пекин (Северную столицу) переименовали в Бэйпин (Северное спокойствие) гоминьдановцы, которые, сделав главным городом Китая Нанкин (Южную столицу), последовали примеру основателя Минской династии Чжу Юаньчжана. Именно он, обосновавшись в свое время в Нанкине, переименовал прежнюю столицу в Бэйпин.

32

В китайском лунном календаре — 12 знаков зодиака, каждому соответствует определенное животное. Следовательно, тот или иной лунный год повторяется каждые 12 лет.

33

В то время именно быстрая переброска вооруженных сил Гоминьдана в районы Северного, Северо-Восточного и Восточного Китая, находившиеся под контролем японцев или коммунистов, и составляла основную заботу Чан Кайши. Авиация поддерживавших Чана американцев смогла помогать ему в переброске войск только с октября 1945 года.

34

Всего у Лю Бочэна с Ван Жунхуа будет семеро детей: три сына и четыре дочери.

35

В горах Дабе с 1928 по 1932 год находился Советский район, которым руководил Чжан Готао. Как мы помним, в 1937 году войска Лю Бочэна и Дэна формировались именно на базе чжановского 4-го фронта Красной армии. К 1947–1948 годам, однако, из старых бойцов 4-го фронта мало кто остался в живых.

36

Гора Чжуншань (Колокол-гора), расположенная к востоку от Нанкина, известна также под названием Лилово-золотой холм.

37

Чанцзян (Длинная река) — так в Центральном и Восточном Китае называют Янцзы.

38

В классической китайской литературе гору Чжуншань часто сравнивают со свернувшимся в клубок драконом, а город Нанкин — с затаившимся тигром.

39

В 210 году до н. э. победитель древней китайской династии Цинь Сян Юй (232–202 до н. э.), носивший титул бавана (князя-гегемона), отдал западную часть страны своему политическому противнику Лю Бану (247–195 до н. э.) с единственной целью: «купить себе доброе имя», то есть прослыть благородным. Его поступок стоил ему жизни, так как через несколько лет Лю Бан разгромил его, после чего основал новую династию — Хань. Здесь Мао имеет в виду, что компартия, уже, по существу, одержавшая победу над Гоминьданом, не станет делить Китай с Чан Кайши.

Полный состав Юго-Западного бюро будет сформирован позже — в конце ноября 1949 года.

41

В то время Совет Безопасности состоял из одиннадцати членов, включая пять постоянных, обладавших правом вето, — к последним относились СССР, США, чанкайшистская Китайская Республика, Великобритания и Франция.

42

Очевидец событий, английский радиоинженер Роберт Форд, бывший тогда единственным европейцем, работавшим на тибетское правительство, довольно смешно описывает реакцию слушателей на эти слова: «Среди тибетцев прошел гул. Они были совершенно сбиты с толку, поскольку никаких других заморских дьяволов, кроме меня, большинство из них никогда не видели. Они не могли понять, где находились все эти иностранцы, для свержения которых понадобилась такая большая армия».

43

Трудно не согласиться с известным китайским диссидентом Вэй Цзиншэном, который спустя много лет, в 1992 году, в письме Дэн Сяопину из тюрьмы подчеркивал: «[Это] соглашение было заключено под мощным военным нажимом, поэтому в соответствии с международным правом должно считаться неправомерным».

44

Новые власти КНР имели смутное представление о численности своего населения. Они полагали ее равной 475 миллионам, тогда как на самом деле она составляла 541,6 миллиона. Что же касается населения Юго-Запада, то Дэн в феврале 1951 года считал, что его численность составляет 70 миллионов, а в мае того же года давал цифру в 80 миллионов. По данным же его биографа Ричарда Эванса, в этом регионе в начале 1950-х годов на самом деле жили 150 миллионов человек.

Отправляя ее учиться, он пошутил: «А вам, мадам, надо сначала прочистить мозги, пройдя идейную перековку, узнать, как обезьяна превратилась в человека».

Восемь крошечных демократических партий, образующих с КПК единый фронт, существуют в КНР и сегодня. Никакой реальной оппозиции однопартийной коммунистической диктатуре они никогда не представляли, являясь своего рода псевдодемократическим прикрытием последней.

Несмотря на то что с середины 1930-х годов Дэн несколько охладел к «старшему брату Чжоу», тот старался этого не замечать, неизменно оказывая ему покровительство.

Так в разговорах со Сталиным Мао Цзэдуна называл Вячеслав Михайлович Молотов, наиболее близкий к Сталину человек.

49

Еще в 1943 году Мао говорил своим соратникам: «Нынешнее руководство КПК считает былые чистки в ВКП(б) [то есть уничтожение товарищей по партии] ошибочными. Необходимы „духовные чистки“».

50

Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, в сентябре 1928 года переименованный в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), был закрыт Сталиным в 1930 году, Страстной монастырь, где находился Комуниверситет трудящихся Востока, — разрушен в 1937-м, а Коминтерн — ликвидирован в 1943-м.

51

Проект, разумеется, был подготовлен заранее, еще в январе 1956 года (его автором был Ван Цзясян), но теперь руководители КПК захотели его подправить.

52

Ши Чжэ (1905–1998) — уроженец провинции Шэньси, член Компартии Китая с 1936 года, в 1920–1930-е годы учился и работал в СССР под псевдонимом Михаил Александрович Карский; был личным переводчиком Мао Цзэдуна и других высокопоставленных руководителей КПК и КНР.

53

Чжу Дэ вернулся в Китай только 2 апреля, когда первые страсти в Политбюро ЦК Компартии Китая уже улеглись. До возвращения он успел побывать во многих социалистических странах и в ряде городов Советского Союза. В Тбилиси 7–8 марта его визит крайне обострил и без того сложную обстановку, вызванную массовыми манифестациями грузинской молодежи, праздновавшей 77-летие Сталина (тот родился 5 марта 1879 года) и протестовавшей против решений XX съезда. 8 марта манифестанты потребовали встречи с Чжу Дэ, и пять тысяч человек даже двинулись к государственной даче, на которой он остановился. Путь им преградили два взвода МВД, в результате чего произошли столкновения. Вечером 8 марта Чжу Дэ улетел в Ростов-на-Дону.

54

О болезненном состоянии Мао Цзэдуна после встреч со Сталиным красноречиво свидетельствуют личные записи и отчеты его русского врача Л. Мельникова, хранящиеся в РГАСПИ.

55

Эти документы готовила группа лиц. Еще в мае 1955 года Дэн представил Мао списки двух комиссий: одну — по докладу Лю (Дэн был ее членом), другую — по уставу (Дэн ее возглавил). Существовала и комиссия по докладу Чжоу. Но работу всех комиссий курировал Мао.

56

Варшавский договор — военный союз восьми восточноевропейских социалистических государств (Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии), заключенный 14 мая 1955 года в противопоставление военному блоку НАТО, созданному 4 апреля 1949 года и объединившему ведущие западные державы.

57

Единственный, кто среди членов Президиума ЦК КПСС полагал, что «введем войска — испортим себе дело», был Микоян, который предлагал сначала «политические меры попробовать, а потом войска вводить».

58

Во время визита в Москву Мао не удержался и выразил Хрущеву недоумение по поводу «дела Молотова». На что Хрущев ответил, что Молотов — «бесполезный человек, который только и может, что мешать нашему делу».

«Мы, как пловцы, „подняли руки“ и сдались Мао, признав его первенство», — скажет Хрущев впоследствии.

60

По возвращении в Москву, выступая на заседании Президиума ЦК КПСС, Хрущев заверял, что «поездка [в КНР] была полезной… плодотворной была, хорошей». Но его воспоминания рисуют иную картину.

Никто, правда, не знал, сколько собрали в действительности, так как местные руководители, стремясь выслужиться перед начальством, слали наверх дутые цифры: по ним урожай получился 450–500 миллионов тонн; даже Мао не поверил, предложив опубликовать цифру в 375 миллионов.

62

Мао использовал китайскую идиому, восходящую к историческому событию. В Древнем Китае во времена Борющихся царств (475–221 годы до н. э.) вассал принца из царства Чжао по имени Мао Суй сам вызвался сопровождать своего сюзерена к правителю государства Чу, чтобы просить того о помощи в борьбе против царства Цинь, осадившего столицу Чжао. Именно благодаря Мао Сую миссия принца оказалась успешной.

63

О том, что Дэн Сяопин именно в то время, когда сломал бедро и вынужденно оказался не у дел, начал сомневаться в «большом скачке», рассказывала его дочь Маомао американскому ученому Эзре Ф. Вогелю.

64

Так Мао называл Никиту Сергеевича в разговорах с женой Цзян Цин.

65

В конце августа 1959 года индийские пограничники перешли так называемую линию Мак-Магона — формальную границу между Индией и Китаем, установленную в Гималайских горах англичанами в период их владычества в Индостане; в результате китайской контратаки один индийский военнослужащий погиб, а другой был ранен.

Каким-то чудом запись, однако, сохранилась.

То, что он сам довел советского лидера до эмоционального взрыва, Мао, конечно, признавать не хотел, хотя в глубине души, вероятно, сознавал.

68

КНР не являлась страной — участницей Варшавского договора, но присылала на заседания его комитета своих наблюдателей.

Тогда же Хрущев резко сократил экономическую помощь и албанцам за их пассивное поведение во время бухарестского обсуждения политики КПК, хотя в Албании в то время был голод не слабее, чем в Китае. Албанцы, конечно, обиделись, тем более что в отношении Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам, тоже не осудивших китайцев, Хрущев ничего подобного не предпринял.

70

Как мы помним, Лу был заведующим отделом пропаганды ЦК КПК.

71

Лю Шаоци был женат шесть раз. Мать Лю Юньбиня, Хэ Баочжэнь (1902–1934), — вторая его супруга.

72

Эверест (Джомолунгма) — высочайшая гора мира, расположенная в Гималаях, высота — 8844 метра. Тайшань — священная для китайцев гора на западе провинции Шаньдун, высота — более полутора тысяч метров.

73

Китай проведет успешное испытание ядерного оружия только 16 октября 1964 года.

74

Роман великого китайского писателя XIV века Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» начинается так: «Говорят, что великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются».

75

Президент Китайской Республики Юань Шикай действительно в конце декабря 1915 года, следуя предложению своего американского советника Фрэнка Гудноу, объявил о восстановлении монархии. Это возмутило общественность. Юньнань, Гуанси и Гуйчжоу, то есть три юго-западные провинции, объявили об отделении, после чего Юань вынужден был отменить свое решение.

76

Ма Ляньлян (1901–1966) — знаменитый певец пекинской оперы.

Так китайцы обычно называют этот вуз (сокращенное от Бэйцзин дасюэ — Пекинский унивеоситет».

78

Долгое время в Китае ходили слухи, что сын Дэна выпрыгнул из окна, пытаясь спастись от радиации: якобы хунвэйбины держали его под замком на физфаке в радиоактивной лаборатории. На самом деле это была попытка самоубийства в знак протеста против издевательств во время допроса.

79

Скарба было так много, что пилоты отказались взять половину: самолет не мог взлететь с таким грузом.

80

Седьмого мая 1966 года Мао послал Линь Бяо письмо о перестройке системы образования; отсюда это странное название лагерей.

81

Мнение Мао было ошибочным: врачи считали, что у премьера в 1972 году были хорошие шансы на выздоровление, но Мао никогда врачам не верил.

82

Свое неофициальное название эта болезнь получила после смерти известного американского бейсболиста Лу Герига (1903–1941), скончавшегося от нее в возрасте тридцати семи лет.

По другим оценкам, только погибших насчитывалось около 650 тысяч.

Из десяти маршалов КНР к тому времени, помимо Е Цзяньина, Сюй Сянцяня и Не Жунчжэня, был еще жив старый боевой друг Дэна Лю Бочэн, но он был недееспособен: с 1973 года страдал тяжелым душевным недугом; Лю скончается 7 октября 1986 года.

85

Решение навечно сохранить тело Мао было принято Политбюро ЦК вслед за кончиной «великого кормчего», но только 8 октября 1976 года Хуа внес предложение соорудить Дом памяти.

От Чэнь Юня и большинства других стариков самокритики добиться не удалось, но их заявления, как и речь Ван Чжэня, не включили в краткий отчет о работе совещания.

Авторами статьи, вышедшей без подписи, были молодой философ из Нанкинского университета и два сотрудника Высшей партшколы, но редактировал ее сам Ху Яобан.

88

Город Макао на юге Китая был колонией Португалии.

89

Это интервью Дэна было опубликовано в «Жэньминь жибао» 28 ноября 1978 года.

90

По некоторым данным, в период с июня 1965-го по август 1973 года во Вьетнаме находилось не менее 320 тысяч китайских «добровольцев».

91

Кхмеры — основное население Камбоджи.

92

Кампучия — так это государство называется на современном кхмерском языке. Камбоджей его назвали французские колонизаторы, по-своему транслитерировавшие услышанное ими название страны в средневековом кхмерском произношении.

Провожая Дэна из Вашингтона, Бжезинский даже открыто заявил ему, что «президент его поддерживает». Это, конечно, не могло не обрадовать высокого китайского гостя.

Китайцы, правда, заявляли, что Вьетнам потерял убитыми и ранеными 57 тысяч солдат и офицеров, но это не соответствует действительности.

В КНР тогда насчитывалось около миллиарда человек, то есть примерно 22 процента населения земного шара, которые кормились с 7 процентов общемировой пашни.

Вэй Цзиншэна выпустили из тюрьмы в сентябре 1993-го, за год до истечения срока, поскольку китайское руководство попыталось произвести благоприятное впечатление на Международный олимпийский комитет, рассчитывая, что он изберет КНР местом проведения летних Олимпийских игр 2000 года. Но после того, как МОК проголосовал за Сидней, его опять арестовали. Он был освобожден в ноябре 1997 года, через девять месяцев после смерти Дэна — по просьбе Билла Клинтона и выдворен в США, где в 2000 году получил американское гражданство.

Кстати, тогда же членом Политбюро был вновь избран старый друг Дэна и бывший мэр Пекина Пэн Чжэнь, незадолго до того реабилитированный.

Советские обществоведы, несмотря на полученные приглашения, не смогли принять участие в конференции в силу понятных политических причин. Старый знакомый Дэна, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев даже осудил всю акцию, устроенную ИКП, в частном письме генсеку этой партии Энрико Берлингуэру. До реабилитации Н. И. Бухарина в СССР оставалось еще семь лет.

До официальной реабилитации Бухарина в СССР Дэн открыто не признавал это, а потому соотносил нэп только с Лениным, который, кстати, в своих последних статьях (в частности, «О кооперации») во многом пересмотрел свои ранние идеи, сблизившись с Бухариным.

100

Хуа Гофэн будет входить в состав ЦК вплоть до XVI съезда партии (ноябрь 2002 года), сначала на правах полноправного члена, а с XV съезда (сентябрь 1997-го) — в качестве кандидата. Скончается он 20 августа 2008 года в возрасте восьмидесяти семи лет.

В феврале следующего, 1985 года это решение будет дополнено еще одним: о преобразовании в особые экономические районы дельт двух рек — Янцзы и Чжуцзян и части территории южной Фуцзяни, а в апреле 1988 года весь остров Хайнань, отделенный от Гуандуна и превращенный в отдельную провинцию, тоже станет особым экономическим районом.

102

Забегая вперед скажем, что Сяоюань родит через год и два месяца, в октябре 1985-го, правда, не в Китае, а в Америке, и малыша так и назовут: Сяоди — «Маленький наследник». Но Дэн будет ужасно переживать, что его главный внук родился в Штатах. Ведь по американским законам этот ребенок являлся гражданином США! «Ничего, — успокаивал себя Дэн, — вот вернутся домой, будет китайским гражданином». К сожалению для Дэна, его прямой наследник после смерти деда станет жить в США. Он поменяет фамилию и имя — на Дэвид Чжо, чтобы не привлекать внимания (Чжо, как мы знаем, — фамилия его бабушки) и утратит китайское гражданство (в КНР не признается двойное гражданство). В 2008 году он окончит Университет Дьюка в Северной Каролине и станет адвокатом на Уолл-стрит в Нью-Йорке с ежемесячным окладом в 125 тысяч долларов. Он купит квартиру в нижнем Манхэттене за три миллиона и будет ездить на дорогом «мерседесе». В общем, жизнь у него удастся. Правда, в сентябре 2011-го его арестуют по обвинению в сексуальных домогательствах к сотруднице его компании, но он выплатит этой женщине 200 тысяч долларов, и дело закроют. Вот такие бывают метаморфозы! Вряд ли Дэн Сяопин был бы счастлив узнать об этом.

103

Всех троих исключили из компартии в январе 1987 года, но в отличие от Вэй Цзиншэна не посадили в тюрьму. Весной 1988-го Лю Биньяню даже разрешили читать лекции в Соединенных Штатах. Фан Личжи и Ван Жован уедут в США после подавления новых студенческих волнений в июне 1989 года.

104

Чжао Цзыян вспоминает, что Дэн проинформировал Ли Сяньняня только спустя несколько дней — через Ян Шанкуня, приехавшего в Шанхай, но это не соответствует другим источникам.

Это обвинение базировалось на том, что Ху Яобан когда-то был вождем комсомола. В годы его пребывания у власти действительно в ЦК, Госсовете и местных партийных органах на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения успешную карьеру сделали 53 бывших видных комсомольских работника. Но это, конечно, ничего не значило: из кого же вождь партии должен был черпать новых партийных руководителей, как не из комсомола?

Роль Дэна можно было сравнить и с ролью императрицы Цыси, в свое время тоже властвовавшей из-за ширмы, но на это смелости ни у кого не хватало.

107

После избрания Ли Теина по стране тут же поползли слухи, что он незаконнорожденный сын Дэна. Люди уверяли, что во время Великого похода в 1935 году «Золотце» за спиной у нового мужа, Ли Вэйханя, якобы предалась как-то с Дэном воспоминаниям о прошлой любви. Эти сплетни, однако, вряд ли соответствовали действительности. Как мы знаем, Дэн не смог простить жене предательства до конца своих дней, но к Ли Теину действительно относился хорошо.

108

Цены на алкоголь и сигареты поднялись особенно высоко потому, что в июле государство на самом деле отпустило на них цены. Государственные же цены на другие товары не менялись, так что их рост на рынке объяснялся исключительно ажиотажем.

109

«Слабость вовсе не вызывает сочувствия окружающих, — считал Дэн, — напротив, она может вызывать лишь презрение».

110

За несколько лет до смерти Чжао Цзыян стал записывать свои воспоминания на магнитофон. Кассеты он хранил в пустых коробках среди игрушек внуков. После кончины бывшего генсека члены его семьи переправили кассеты в Гонконг. В 2009 году одновременное издание этих воспоминаний в Гонконге, Тайбэе и Нью-Йорке под названием «Государственный заключенный: Секретные записки Чжао Цзыяна» произвело сенсацию.

111

В китайском языке более пятидесяти четырех тысяч иероглифов, и понятно, что даже не все китайцы их знают.

112

По желанию Дэна кремации подлежало только его тело; роговицы глаз и внутренние органы следовало передать специалистам-медикам для исследований.